ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LXII.

1916.

МАРТЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1916.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ по народному образованію.

(См. на 3-й стр. обл.).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LXII.

1916.

МАРТЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1916.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (20-го января 1916 года). „Попечителю Петроградскаго учебнаго округа, заслуженному профессору, доктору медицины, тайному совѣтнику *Кульчицкому* Всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ“.

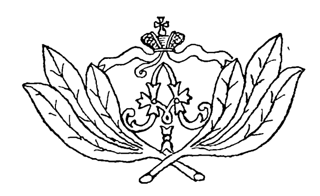
II. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

1. (28-го мая 1915 года). *Объ утвержденіи рисунка форменныхъ знаковъ на фуражки и поясныя пряжки для учениковъ Ярославской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею статсъ-секретаря Танѣева, 28-го мая 1915 года, Высочайше соизволилъ утвердить проектъ новыхъ форменныхъ знаковъ на фуражки и поясныя пряжки для учениковъ Ярославской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи. (Предложено 22-го декабря 1915 года).

На подлинныхъ написано: „*Высочайше утверждены*". Въ Царскомъ Селѣ, 28-го мая 1915 года.

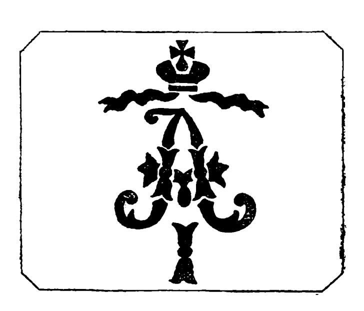
Подписалъ: статсъ-секретарь *А. Танѣевъ*.

Описаніе рисунка значка на фуражкѣ для учениковъ Ярославской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи.

Значокъ фуражки состоитъ изъ двухъ посеребренныхъ лавровой и дубовой вѣтвей, перекрещивающихся стеблями, посреди коихъ находятся иниціалы Императора Александра I, подъ Императорскою короною, укрѣпленною на посеребренной лентѣ.

Ширина знака $1^{5}/_{16}$ вершка, вышина $^{13}/_{16}$ вершка.

Описаніе рисунка пряжки на поясѣ для учениковъ Ярославской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи.

Въ серединѣ металлической посеребренной пряжки, подъ Императорскою короною, тотъ же иниціалъ Императора Александра I.

Ширина пряжки $1^{1}/_{2}$ вершка, вышина $1^{1}/_{4}$ вершка; вышина Высо-

чайшаго иниціала съ короною надъ нимъ и римскою цифрою I—$1^1/_8$ вершка.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 26-го января 1916 г., № 20, ст. 95).

III. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ.

1. (8-го января 1916 года). *Объ отсрочкѣ введенія въ дѣйствіе нѣкоторыхъ, воспослѣдовавшихъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, узаконеній, связанныхъ съ расходами изъ государственнаго казначейства.*

Государь Императоръ, въ 8-й день января 1916 года, по положенію совѣта министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, на основаніи статьи 87 основныхъ государственныхъ законовъ (св. зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.) постановить:

Приведеніе въ исполненіе Высочайше утвержденныхъ, 24-го декабря 1912 года и 12-го марта, 21-го, 22-го и 26-го іюня и 3-го іюля 1914 года законовъ: 1) объ установленіи уставовъ и штатовъ Николаевской главной физической обсерваторіи и подвѣдомственныхъ ей учрежденій (собр. узак. 1913 г., ст. 81),—въ частяхъ, касающихся отпуска двухъ тысячъ рублей на содержаніе одной должности физика отдѣленія ежедневнаго бюллетеня главной обсерваторіи, двухъ тысячъ пятисотъ рублей—на содержаніе двухъ должностей адъюнктовъ того же отдѣленія, пяти тысячъ рублей—на телеграфистовъ и депеши названной обсерваторіи, одной тысячи семисотъ пятидесяти рублей—на квартирныя деньги служащимъ метеорологической обсерваторіи во Владивостокѣ, одной тысячи двухсотъ рублей—на разъѣзды для магнитныхъ наблюденій по магнитной и аэрологической обсерваторіи въ Никольскѣ-Уссурійскомъ, всѣхъ расходовъ, показанныхъ къ производству въ 1916 году по Владивостокской и Никольскъ-Уссурійской обсерваторіямъ согласно приложенному къ отдѣлу III закона расписанію,—за исключеніемъ пятисотъ рублей на ученыя потребности магнитнаго отдѣленія Никольскъ-Уссурійской обсерваторіи,—и всѣхъ кредитовъ на содержаніе аэрологическихъ отдѣленій при Екатеринбургской, Иркутской и Тифлисской обсерваторіяхъ, за исключеніемъ отпуска каждому отдѣленію по одной тысячѣ восьмисотъ сорока рублей на ученыя и хозяйственныя ихъ потребности; 2) объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на снаряженіе геодезической экспедиціи для изслѣдованія пространства, затронутаго

землетрясеніемъ 1910 года вблизи озера Иссыкъ-Куль въ Семирѣченской области (собр. узак., ст. 901); 3) объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства средствъ на изданіе „Фауны Россіи и сопредѣльныхъ странъ“ (собр. узак., ст. 1765); 4) объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ въ пособіе Императорскому Одесскому обществу исторіи и древностей (собр. узак., ст. 1770); 5) объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства дополнительныхъ средствъ въ пособіе Уральскому обществу любителей естествознанія (собр. узак., ст. 1815),—въ части, касающейся отпуска названному обществу дополнительнаго, въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей въ годъ, пособія; 6) объ учрежденіи при пансіонѣ Ялтинской мужской гимназіи тридцати казенныхъ стипендій (собр. узак., ст. 1828),—въ части, касающейся учрежденія при означенномъ пансіонѣ двѣнадцати стипендій въ триста пятьдесятъ рублей каждая, и 7) объ учрежденіи педагогическаго музея Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича въ городѣ Кіевѣ (собр. узак., ст. 2088),—за исключеніемъ части его, касающейся отпуска шести тысячъ рублей на содержаніе дома и наемъ прислуги и девятисотъ рублей на содержаніе должности смотрителя зданій,—отлагается до 1-го января 1917 года.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 26-го января 1916 г., № 21, ст. 115).

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(20-го января 1916 года, № 5). Объявляется *Высочайшая благодарность,* 1-го января 1916 г., исправляющему должность ординарнаго профессора Императорскаго Петроградскаго университета, заслуженному профессору, дѣйствительному статскому совѣтнику Александру *Введенскому,* за особо-выдающіеся труды по реформѣ средняго образованія.

Награждается орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени 1-го января 1916 г.—помощникъ директора и профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, статскій совѣтникъ Иванъ *Красускій.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу ходатайства министра народнаго просвѣщенія о награжденіи почетнаго попечителя

педагогическаго музея Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича въ гор. Кіевѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена *Могилевцева*, Всемилостивѣйше соизволилъ на объявленіе названному лицу, къ 1-му января 1916 г., *Высочайшей Его Императорскаго Величества благодарности* за постоянныя заботы о преуспѣяніи помянутаго музея.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать на 1-е января 1916 года нижепоименованныхъ лицъ за отличное усердіе и особые труды по министерству народнаго просвѣщенія орденами: *св. Анны 2-й степени*: почетныхъ попечителей: Саратовской первой мужской гимназіи, потомственнаго почетнаго гражданина Семена *Аносова* и Писцовскаго высшаго начальнаго училища, изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, Николая *Павлова* и *св. Станислава третьей степени*: предсѣдателя попечительнаго совѣта Рижской Ломоносовской женской гимназіи, отставного коллежскаго регистратора Михаила *Иванова* и почетныхъ попечителей высшихъ начальныхъ училищъ: Кагульскаго, потомственнаго дворянина Алексѣя *Кара-Васили* и Воронежскаго перваго, инженера-агронома Сергѣя *Романихина*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на пожалованіе, къ 1-му января 1916 г., почетнаго попечителя Ставропольской св. Александры женской гимназіи, сына купца первой гильдіи Ивана *Месняпкина* за отлично-усердную и полезную его дѣятельность—званіемъ *личнаго почетнаго гражданина*.

Нижепоименованныя лица за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія Всемилостивѣйше пожалованы, на 1-е января 1916 года, *медалями, съ надписью „за усердіе", для ношенія на шеѣ*: *золотыми на лентахъ*: *Андреевской*—почетный попечитель Новгородскаго второго высшаго начальнаго училища личный почетный гражданинъ Иванъ *Дорреръ*, и *Александровской*—почетный членъ Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II, второй гильдіи купецъ Михаилъ *Тимоѳеевъ* и *серебряною, на Владимірской лентѣ*: почетные попечители высшихъ начальныхъ училищъ: Ржевскаго перваго, потомственный почетный гражданинъ Антонъ *Новоторцевъ* и

Павлоградскаго, личный почетный гражданинъ Степанъ *Педуновъ* и почетный членъ Императорскаго Московскаго археологическаго института Имени Императора Николая II, дантистъ, сынъ фельдфебеля Андрей *Венеціановъ*, и *для ношенія на груди*: *золотою, на Аннинской лентѣ*—почетный попечитель Семипалатинскаго Николаевскаго высшаго начальнаго училища и староста церкви Семипалатинской мужской гимназіи, второй гильдіи купецъ Федоръ *Васильевъ* и *серебряною, на Станиславской лентѣ*: почетные попечители: Семипалатинской учительской семинаріи Имени Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, второй гильдіи купецъ Иванъ *Ложкинъ*, и высшихъ начальныхъ училищъ: Невьянскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, купецъ Алексѣй *Дождевъ* и Дубоссарскаго, изъ мѣщанъ, Константинъ *Гермкесъ*.

V. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(22-го декабря 1915 года, № 91). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Добровольскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ гигіены и при ней: эпидеміологіи и медицинской полиціи, медицинской статистики, ученія объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарной полиціи; коллежскій совѣтникъ *Елисѣевъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Петроградскаго учительскаго института Императора Александра II, на три года, съ 7-го ноября; потомственный почетный гражданинъ *Богдановъ*—почетнымъ попечителемъ Теріокскаго реальнаго училища, на три года; штатный преподаватель института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I, приватъ-доцентъ Императорскаго Петроградскаго университета, магистръ чистой математики *Успенскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ чистой математики, съ оставленіемъ въ занимаемой должности штатнаго преподавателя названнаго института; купецъ *Шкаринъ*—почетнымъ попечителемъ Бобровской учительской семинаріи, на три года.

Утверждаются, согласно избранію: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Папковъ*, статскій совѣтникъ *Шафровъ* и потомственный почетный гражданинъ *Александровъ*—почетными попечителями: Папковъ—реальнаго училища Имени Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя

Алексѣя Николаевича, содержимаго единовѣрческимъ братствомъ при Никольской единовѣрческой церкви, въ Петроградѣ, съ 6-го октября, Шафровъ—Суздальской гимназіи, съ 29-го октября, и Александровъ—Богородскаго, Нижегородской губерніи, реальнаго училища, съ 19-го іюля, всѣ на три года.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, директоръ Ишимской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Курочкинъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Александровичъ-Дочевскій*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

По Московскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета *Протопоповъ*, онъ же Петровъ,—съ 22-го сентября 1909 г.

(28-го декабря 1915 года, № 93). *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, дѣлопроизводитель VII класса департамента общихъ дѣлъ *Старженецкій-Лаппа*, съ 24-го декабря 1914 года.

Утверждается въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*, помощникъ хранителя Императорскаго россійскаго историческаго музея Имени Императора Александра III въ Москвѣ *Малицкій*—съ 1-го октября 1912 г., по диплому первой степени Императорскаго университета.

По Петроградскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, ассистентъ клиники Петроградскаго женскаго медицинскаго института *Берлацкій* — съ 4-го іюня 1915 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, врачъ Петроградскаго Казанскаго высшаго начальнаго училища *Ляховскій*—съ 29-го января 1913 г.

Утверждается въ чинѣ, со старшинствомъ, *губернскаго секретаря*, учитель приготовительнаго класса Псковской Императора Александра I Благословеннаго гимназіи *Петровъ*—съ 15-го декабря 1910 г.

По Одесскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, въ *коллежскіе регистраторы*: помощники столоначальниковъ канцеляріи попечителя округа: *Ильинъ*—съ 1-го мая 1913 г. и *Евстратовъ*—съ 5-го сентября 1913 г.

По Кіевскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ,

со старшинствомъ, въ *коллежскіе регистраторы*, учитель-завѣдывающій Кіевскимъ городскимъ приходскимъ № 47 училищемъ *Соколовскій*—съ 1-го октября 1913 г.

Утверждается въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*, учитель Мотовиловскаго высшаго начальнаго училища *Слынько*—съ 1-го октября 1910 г.

По Казанскому учебному округу. *Утверждаются* въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*, прозекторъ Императорскаго Николаевскаго университета *Васильевъ*—съ 14-го іюня 1913 г.; *коллежскаго ассессора*, инспекторъ Мамадышскаго высшаго начальнаго училища *Цыкинъ*—съ 14-го августа 1910 г.; *губернскаго секретаря*, учитель приготовительнаго класса Самарской 1-й гимназіи *Третьяковъ*—съ 15-го ноября 1907 г.

По Оренбургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: канцеляріи попечителя округа: столоначальникъ, *Воробьевъ*—съ 12-го февраля 1915 г., журналистъ и архиваріусъ, *Заикинъ* — съ 17-го апрѣля 1915 г.

Утверждается въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*, учитель городского при Уфимскомъ учительскомъ институтѣ училища *Кильдюшевъ*—съ 1-го августа 1910 г.

По Западно-Сибирскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя округа *Жарковъ*—съ 16-го января 1915 г.

Утверждается въ чинѣ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*, помощникъ классныхъ наставниковъ Бійской гимназіи *Щербаковъ*—съ 1-го августа 1910 г.

По управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, въ *коллежскіе регистраторы*, учитель - завѣдывающій Красноярскимъ 10-мъ приходскимъ училищемъ *Петровъ*—съ 1-го сентября 1911 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, воспитатель пансіона Иркутской гимназіи *Шадринъ*—съ 1-го сентября 1911 г.; *коллежскаго секретаря*, бывшій учитель, нынѣ инспекторъ Ачинскаго городского училища *Ташкиновъ*—съ 1-го августа 1908 г.

Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ, инженеръ-технологъ *Поварнинъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора

Томскаго технологическаго института Императора Николая II, по химической технологіи.

Назначается наставникъ Гатчинской Имени Императора Александра II учительской семинаріи, магистръ богословія, статскій совѣтникъ *Вишневскій*—директоромъ Вытегорскаго реальнаго училища.

(5-го января 1916 года, № 2). *Назначаются*: помощникъ VII класса начальника архива министерства, преподаватель Петроградской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Николаевъ*—начальникомъ означеннаго архива, съ 18-го декабря 1915 г., съ оставленіемъ его преподавателемъ названной гимназіи; директоръ русской учительской семинаріи въ Финляндіи, статскій совѣтникъ *Лебедевъ* и преподаватель Канской женской гимназіи, коллежскій секретарь *Рудницкій*—директорами реальныхъ училищъ: Лебедевъ—Выборгскаго, а Рудницкій—Канскаго; потомственный почетный гражданинъ *Печатновъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Московской второй гимназіи, на три года, съ 1-го ноября 1915 г.

Утверждаются, согласно избранію: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Русиновъ*, инженеръ-механикъ, коллежскій совѣтникъ *Алянчиковъ* и коммерціи совѣтники: *Калашниковъ* и *Сироткинъ*—почетными попечителями: Русиновъ—вновь Лохвицкаго реальнаго училища, съ 24-го іюля 1915 г., Алянчиковъ—вновь Тверского общественнаго реальнаго училища, съ 29-го мая 1915 г., Калашниковъ—вновь Рыбинской гимназіи, со 2-го ноября 1914 г. и Сироткинъ—гимназіи общества для устройства и содержанія гимназіи въ гор. Нижнемъ-Новгородѣ, съ 7-го августа 1915 г., всѣ на три года.

Перемѣщается директоръ Петропавловскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Барсовъ*—директоромъ Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, директоръ Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II, статскій совѣтникъ *Галанинъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, инженеръ-технологъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ивачевъ*—съ 1-го октября 1915 г., съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(11-го января 1916 года, № 3). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, кандидатъ богословія *Кедровъ*—директоромъ гимназіи братства во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго въ Москвѣ, съ 14-го октября 1915 г.

Назначаются: почетный попечитель Демидовскаго юридическаго лицея, въ должности шталмейстера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демидовъ*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, сверхъ штата, съ оставленіемъ его почетнымъ попечителемъ означеннаго лицея и въ должности шталмейстера; директоръ Московской имени И. и А. Медвѣдниковыхъ гимназіи, титулярный совѣтникъ *Эверлингъ*—директоромъ Петропавловскаго, Акмолинской области, реальнаго училища, съ 7-го января; инспектора: четырехклассныхъ прогимназій: П. Н. Страхова въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Страховъ* и О. С. Бондаря въ Луганскѣ, статскій совѣтникъ *Бондарь* и Полтавской второй гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Левестамъ* и преподаватели: Новочеркасской имени атамана графа Платова гимназіи, статскій совѣтникъ *Горчуковъ* и прогимназіи В. П. Троицкаго въ гор. Нижнемъ-Новгородѣ, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Косткинъ*—директорами гимназій: Страховъ—П. Н. Страхова въ Москвѣ, съ 14-го октября 1915 г., Бондарь—Луганской второй, съ 1-го іюля 1915 г., Левестамъ—Зѣньковской, Горчуковъ—Урюпинской „Общества содѣйствія образованію въ Хоперскомъ округѣ", съ 27-го сентября 1915 г., и Косткинъ—„Общества для устройства и содержанія мужской гимназіи въ Нижнемъ-Новгородѣ", съ 17-го сентября 1915 г.

Перемѣщаются: директора частныхъ гимназій: Волковышской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Слащевскій* и Двинской А. И. Сахарова, статскій совѣтникъ *Сахаровъ*—директорами гимназій: первый—Виленской Ичаса, а второй—общества взаимнаго вспоможенія служащихъ Николаевской желѣзной дороги въ Петроградѣ, изъ нихъ Сахаровъ съ 31-го октября 1915 г.

(18-го января 1916 года, № 4). *Назначается* дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Татищевъ*—почетнымъ попечителемъ Московской четвертой гимназіи, на три года, съ 1-го декабря 1915 г.

Утверждается, согласно избранію, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Терещенко*—вновь почетнымъ попечителемъ Глуховской гимназіи, на три года, съ 11-го ноября 1915 г.

Умершій исключается изъ списковъ почетный попечитель Смѣлянской гимназіи, отставной штабсъ-ротмистръ графъ *Бобринскій*, съ 23-го марта 1915 г.

(25-го января 1916 года, № 7). *Опредѣляется* на службу, изъ

отставныхъ, докторъ русской исторіи, статскій совѣтникъ *Ѳирсовъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета, по каѳедрѣ русской исторіи.

Назначаются: доктора медицины, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго: статскій совѣтникъ *Болдыревъ* и коллежскій совѣтникъ *Боголюбовъ* и Харьковскаго, коллежскій совѣтникъ *Гиммель*—ординарными профессорами тѣхъ же университетовъ, по каѳедрамъ: Болдыревъ—фармакологіи съ рецептурою, токсикологіею и ученіемъ о минеральныхъ водахъ, Боголюбовъ—оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею и съ упражненіями въ операціяхъ на трупахъ и Гиммель—систематическаго и клиническаго ученія о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, изъ нихъ первые двое съ 1-го сентября 1915 г.; причисленный къ министерству, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Гадзяцкій*—директоромъ Одесскаго частнаго средняго электротехническаго училища приватъ-доцента В. П. Гадзяцкаго, со 2-го мая 1913 г.; въ должности егермейстера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Наумовъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Самарской Романовской гимназіи, на три года, съ 26-го ноября 1915 г., съ оставленіемъ въ должности егермейстера; купецъ *Курдюмовъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Новочеркасскаго учительскаго института, на три года, съ 1-го ноября 1915 г.

Утверждаются, согласно избранію: въ должности церемоніймейстера Высочайшаго Двора, штабсъ-ротмистръ запаса гвардіи *Балашовъ* и потомственный почетный гражданинъ *Малковъ*—почетными попечителями гимназій: Балашовъ—вновь С. А. Пономарева въ гор. Пензѣ, съ 1-го марта 1915 г., а Малковъ—общества для устройства и содержанія учебныхъ заведеній въ мѣстечкѣ Каховкѣ, Таврической губерніи, съ 1-го сентября 1915 г., оба на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ перваго въ должности церемоніймейстера.

Перемѣщается экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, по каѳедрѣ хирургической патологіи съ десмургіею и съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Вишневскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ хирургической госпитальной клиники.

Увольняются отъ службы: согласно прошенію, директоръ Петровско-Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта въ Москвѣ,

дѣйствительный статскій совѣтникъ *Будэко*, съ 1-го декабря 1915 г., съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ народныхъ училищъ Иркутской губерніи, статскій совѣтникъ *Тихомировъ*, съ 1-го декабря 1915 г.

Умершій исключается изъ списковъ—директоръ народныхъ училищъ Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ *Орловъ*, съ 29-го декабря 1915 г.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Ротгольцъ*—съ 17-го іюня 1915 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, правитель канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа *Скрипчинскій*—съ 10-го ноября 1915 г.

По Виленскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*, врачъ Мстиславской частной женской гимназіи баронессы М. В. Пиларъ-фонъ-Пильхау *Фрумкинъ*—съ 15-го сентября 1906 г.

Утверждается въ чинѣ, со старшинствомъ, *титулярнаго совѣтника*, врачъ Рѣжицкаго высшаго начальнаго училища *Вержейскій*—съ 20-го октября 1909 г., по степени лѣкаря.

VI. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (8-го декабря 1915 года, № 1036). *О лицахъ окончившихъ курсъ Императорскаго Педагогическаго института* [1]).

Увѣдомляю ваше превосходительство для свѣдѣнія и руководства, что министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ предоставить право получать отъ попечителя учебнаго округа свидѣтельство на званіе учительницы среднихъ учебныхъ заведеній всѣмъ окончившимъ полный 4-лѣтній курсъ Императорскаго Педагогическаго института и представившимъ удостовѣренія о практическихъ педагогическихъ занятіяхъ въ теченіе 9-го полугодія или выполнившимъ требованія педагогическаго стажа на общихъ основаніяхъ.

2. (23-го декабря 1915 года, № 124). *О срокѣ прекращенія занятій.*

Переживаемыя событія великой войны потребовали напряженія

[1]) Циркуляръ перепечатывается въ виду того, что въ февральской книгѣ онъ напечатанъ съ копіи, въ которую вкралась ошибка.

всѣхъ силъ нашего отечества и вызвали высокій подъемъ чувства любви къ родинѣ, который проявился и въ многочисленныхъ случаяхъ добровольнаго вступленія въ ряды арміи воспитанниковъ учебныхъ заведеній.

Имѣя въ виду содѣйствовать воспитанникамъ учебныхъ заведеній, которымъ можетъ предстоять исполненіе великаго долга передъ родиной, въ пріобрѣтеніи ими необходимой предварительной военной подготовки, при которой они, въ случаѣ вступленія въ ряды арміи, могли бы принести наибольшую пользу, соотвѣтственно полученному ими общему образованію, и во исполненіе Высочайше утвержденнаго 8-го декабря 1915 г. положенія о мобилизаціи спорта, прошу ваше превосходительство обратить особое вниманіе на скорѣйшее осуществленіе указанныхъ въ названномъ положеніи мѣропріятій.

Начальникамъ учебныхъ заведеній надлежитъ немедленно озаботиться устройствомъ на мѣстахъ военно-спортивныхъ комитетовъ, въ коихъ они должны принять непосредственное участіе, и приглашеніемъ преподавателей военнаго строя. Вмѣстѣ съ симъ министерство народнаго просвѣщенія входитъ въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ о командированіи лицъ военнаго званія для преподаванія военнаго строя въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, а также объ учрежденіи въ военномъ округѣ кратковременныхъ курсовъ для подготовки преподавателей военнаго строя, съ тѣмъ, чтобы окончившія эти курсы лица могли быть командированными въ качествѣ учителей военнаго строя въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія. Въ двухъ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній надлежитъ ввести теперь же преподаваніе военнаго строя по программѣ, утвержденной военнымъ министромъ, въ 3 недѣльныхъ часа, положенныхъ на гимнастику, разбивъ эти часы на два урока въ недѣлю (по 1½ часа) и отнеся ихъ на послѣдніе часы занятій, а также привлекать учащихся выпускныхъ классовъ въ воскресные дни для занятій военнымъ строемъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе двухъ часовъ. Въ теченіе зимы производить лишь такія занятія, которыя не требуютъ большого помѣщенія, отложивъ до весны, когда можно будетъ заниматься на воздухѣ, упражненія, требующія военныхъ построеній, назначивъ для таковыхъ болѣе продолжительное время. Эту мѣру примѣнить лишь къ выпускнымъ классамъ среднихъ учебныхъ заведеній (8-му классу гимназій и 7-му классу реальныхъ училищъ), освободивъ ихъ отъ выпускныхъ экзаменовъ. Означенные экзамены

въ этихъ классахъ замѣнить ежемѣсячными репетиціями въ теченіе остающагося полугодія и выдать этимъ ученикамъ аттестаты на основаніи годовыхъ отмѣтокъ. Учебныя занятія въ выпускныхъ классахъ должны быть закончены какъ обыкновенно въ концѣ апрѣля, а время, предназначавшееся для экзаменовъ, до 1-го іюня, употребить исключительно на занятія военнымъ строемъ, установивъ число часовъ занятій, необходимыхъ для выполненія прилагаемой при семъ программы. Занятія военнымъ строемъ въ 7-мъ классѣ гимназій и 6-мъ классѣ реальныхъ училищъ не должны нарушать обычнаго хода учебныхъ занятій во все время второго учебнаго полугодія, такъ какъ учащіеся въ этихъ классахъ будутъ имѣть достаточно времени выполнить программу въ теченіе будущаго учебнаго года.

Сообщая о семъ для надлежащихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу, министерство увѣрено въ томъ, что всѣ чины вѣдомства, а также и отзывчивая молодежь приложатъ все стараніе къ возможно лучшему выполненію возлагаемыхъ на нихъ нашей родиной задачъ.

3. (31-го декабря 1915 года, № 2177). *О ратникахъ ополченія 2-го разряда.*

Начальство одного изъ учебныхъ округовъ возбудило вопросъ о возможности назначенія на штатныя преподавательскія должности лицъ, состоящихъ ратниками ополченія 2-го разряда, въ виду того, что таковое назначеніе повлекло бы за собою освобожденіе цѣлаго ряда лицъ отъ призыва на дѣйствительную военную службу, что, по условіямъ переживаемаго нынѣ времени, представлялось бы безусловно нежелательнымъ.

Вслѣдствіе сего увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій и руководства въ подлежащихъ случаяхъ, что, признавая и съ своей стороны предоставленіе тѣмъ или инымъ лицамъ, обязаннымъ военной службой, возможности уклоненія отъ явки къ отбыванію воинской повинности явленіемъ совершенно недопустимымъ, министерство народнаго просвѣщенія, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что, при разсмотрѣніи вопроса о назначеніи даннаго лица на должность штатнаго преподавателя, учебно-окружному управленію надлежитъ руководствоваться соображеніями исключительно педагогическими, т. е. соотвѣтствуетъ ли представляемый начальствомъ учебнаго заведенія къ утвержденію въ должности кандидатъ своему назначенію, имѣетъ ли онъ установленный дѣйствующими законо-

положеніями образовательный цензъ, обладаетъ ли онъ достаточной подготовкой къ преподавательской дѣятельности и наконецъ заслуживаетъ ли онъ, по своимъ служебнымъ и нравственнымъ качествамъ, вообще предоставленія ему штатной преподавательской должности и связанныхъ съ нею правъ и преимуществъ.

По приведеннымъ основаніямъ, если въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ округа имѣются лица, удовлетворяющія вышеуказаннымъ требованіямъ, то при наличіи соотвѣтствующихъ вакансій, таковыя лица могутъ быть нынѣ же утверждены учебно-окружнымъ управленіемъ въ штатныхъ преподавательскихъ должностяхъ, при чемъ надлежитъ имѣть въ виду, что если кто либо изъ подлежащихъ утвержденію лицъ уже призванъ на дѣйствительную военную службу, то таковое утвержденіе никоимъ образомъ не можетъ послужить поводомъ къ освобожденію отъ исполненія обязанностей по дѣйствительной военной службѣ.

4. (31-го декабря 1915 года, № 2180). *О доставленіи циркулярныхъ распоряженій.*

Съ цѣлью возможно большей освѣдомленности и объединенія дѣятельности учебно-окружныхъ начальствъ съ центральнымъ управленіемъ министерства народнаго просвѣщенія, прошу ваше превосходительство, начиная съ 1-го января 1916 года, присылать въ департаментъ народнаго просвѣщенія по 2 экземпляра копій всѣхъ вашихъ циркулярныхъ распоряженій по учебнымъ заведеніямъ ввѣреннаго вамъ округа, а равно и копіи протоколовъ всѣхъ засѣданій состоящаго при васъ попечительскаго совѣта; копіи распоряженій одновременно съ разсылкою по учебнымъ заведеніямъ, а копіи протоколовъ—не позже какъ въ 7-дневный срокъ послѣ окончанія засѣданія.

5. (14-го января 1916 года, № 353). *Объ аттестатахъ для учениковъ-бѣженцевъ.*

Начальство одного изъ учебныхъ округовъ обратилось въ министерство народнаго просвѣщенія за указаніями, какъ поступать въ случаяхъ выдачи аттестатовъ зрѣлости тѣмъ ученикамъ-бѣженцамъ, документы которыхъ остались въ занятыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ.

Принимая во вниманіе, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ въ числѣ учащихся послѣднихъ классовъ имѣются такіе учащіеся, которымъ по указанной выше причинѣ не представляется возможнымъ

изготовить установленныхъ аттестатовъ зрѣлости и выпускныхъ и окончательныхъ свидѣтельствъ, министерство признало возможнымъ разрѣшить начальствамъ учебныхъ заведеній выдавать оканчивающимъ курсъ этихъ учебныхъ заведеній учащимся-бѣженцамъ, документы коихъ остались въ занятыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ или не могущимъ по какимъ либо независящимъ отъ нихъ причинамъ представить своихъ документовъ къ концу учебнаго года, временныя свидѣтельства о выдержаніи ими испытаній: зрѣлости, выпускныхъ или окончательныхъ, съ оговорками, а) что свидѣтельства эти, по представленіи владѣльцами ихъ въ учебныя заведенія надлежащихъ документовъ, будутъ замѣнены установленными свидѣтельствами или аттестатами и б) что эти временныя свидѣтельства имѣютъ силу настоящихъ документовъ, вмѣсто которыхъ выданы, въ смыслѣ правъ по образованію, въ теченіе одного года. Къ означеннымъ свидѣтельствамъ должны быть припечатаны фотографическія карточки владѣльцевъ ихъ.

Сообщая о семъ для соотвѣтствующихъ распоряженій по округу, прошу ваше превосходительство принять зависящія мѣры къ тому, чтобы учебныя заведенія ввѣреннаго вамъ учебнаго округа оказывали самое широкое содѣйствіе учащимся-бѣженцамъ въ подобныхъ случаяхъ, облегчая всячески полученіе ими отъ соотвѣтствующихъ мѣстъ и учрежденій необходимыхъ документовъ.

6. (13-го января 1916 года, № 208). *О замѣщеніи преподавательскихъ должностей отставными военно-морскими чинами.*

Въ состоящемъ подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества обществѣ военной, морской и сельской техники возникло предположеніе о желательности предоставленія военнымъ и морскимъ чинамъ, сдѣлавшимся вслѣдствіе ранъ неспособными нести службу въ строю, должностей преподавателей въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для всесторонняго обсужденія этого вопроса при министерствѣ народнаго просвѣщенія было образовано особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ товарища министра В. Т. Шевякова при участіи представителей военнаго и морского министерствъ и названнаго общества военной, морской и сельской техники.

Означенное совѣщаніе, обсудивъ настоящее дѣло и признавая весьма желательнымъ предоставить лицамъ, сдѣлавшимся вслѣдствіе ранъ неспособными нести строевую должность, возможность вполнѣ достаточнаго заработка, вмѣстѣ съ тѣмъ установило, что, по педа-

гогическимъ соображеніямъ, представляется возможнымъ замѣщать должности преподавателей означенными лицами лишь при условіи соотвѣтствія этихъ воинскихъ чиновъ требованіямъ, предъявляемымъ къ преподавателямъ, такъ какъ пониженіе въ школѣ уровня педагогическаго персонала представляется нежелательнымъ. Въ этомъ отношеніи должно быть обращено вниманіе не только на объемъ познаній такихъ лицъ, но и на ихъ здоровье не только физическое, но и психическое, которое въ силу перенесенныхъ тягостей боевой службы можетъ препятствовать надлежащему выполненію обязанностей.

Равнымъ образомъ особое совѣщаніе обратило вниманіе на то обстоятельство, что соотвѣтствующими лицами для педагогической дѣятельности являются лица, не только обладающія извѣстными познаніями, но и имѣющія еще спеціальные педагогическіе свѣдѣнія и навыки, дѣлающіе ихъ способными къ передачѣ учащимся преподаваемыхъ предметовъ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, должно вызвать необходимость организаціи для тѣхъ изъ военно-морскихъ чиновъ, которые пожелаютъ посвятить себя педагогической дѣятельности, особыхъ курсовъ, на которыхъ возможно было бы пріобрѣсти такіе спеціальные педагогическіе свѣдѣнія и навыки.

Въ соотвѣтствіи съ симъ особое совѣщаніе опредѣлило общія положенія поступленія военно-морскихъ чиновъ на должности по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія въ отношеніи къ нижеслѣдующимъ отдѣльнымъ группамъ и разрядамъ учебныхъ заведеній.

I. На преподавательскія должности въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ (гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ) могутъ быть назначены лица, окончившія курсъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній (академій) и прошедшія особые курсы, въ предѣлахъ испытаній на званіе преподавателя среднихъ учебныхъ заведеній, на каковыхъ курсахъ главнымъ предметомъ должна быть методика избираемаго къ преподаванію предмета. При этомъ лица, окончившія курсъ инженерной, артиллерійской, интендантской и морской академій, могутъ преподавать математику, физику, химію и космографію, окончившія курсъ академіи генеральнаго штаба—географію, а юридической академіи — исторію и законовѣдѣніе. Въ отношеніи предоставленія указанныхъ должностей лицамъ, окончившимъ курсъ спеціальныхъ военныхъ училищъ: артиллерійскихъ, инженерныхъ и топографическаго училищъ, морского кадетскаго корпуса и морского инженернаго училища, особое совѣщаніе полагало, что этимъ лицамъ

необходимо первоначально подвергнуться дополнительному испытанію для поступленія на отмѣченные выше особые курсы для подготовки къ занятію должностей преподавателей математики, физики и химіи.

II. Что касается среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, то при назначеніи въ эти учебныя заведенія на должности преподавателей общеобразовательныхъ предметовъ должны предъявляться тѣ же условія, какъ и при назначеніи на такія же должности въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, а при назначеніи преподавателями спеціальныхъ предметовъ — окончаніе курса высшихъ спеціальныхъ военныхъ и морскихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподавался соотвѣтствующій спеціальный предметъ.

III. По отношенію къ высшимъ начальнымъ училищамъ, особое совѣщаніе, имѣя въ виду порядокъ пріобрѣтенія званія учителя высшаго начальнаго училища, признало возможнымъ допускать къ замѣщенію этихъ должностей лицъ, окончившихъ курсъ военныхъ и бывшихъ юнкерскихъ, нынѣ трехклассныхъ военныхъ училищъ (по отношенію къ послѣднимъ по соглашенію съ военнымъ министерствомъ), при условіи прохожденія ими особыхъ курсовъ, подлежащихъ организаціи по соглашенію съ военнымъ министерствомъ, съ объемомъ преподаванія, соотвѣтствующимъ требованіямъ теоретическаго и практическаго испытанія для лицъ, окончившихъ курсъ въ правительственныхъ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ знаніи педагогики и методики русскаго языка, ариѳметики и того предмета, который избирается для преподаванія въ объемѣ программы учительскихъ институтовъ (отд. VIII Высочайше утвержденнаго 25-го іюня 1912 г. одобреннаго государственнымъ совѣтомъ и государственною думою закона о высшихъ начальныхъ училищахъ).

IV. Въ такомъ же порядкѣ означенныя лица могутъ получить и должности преподавателей общеобразовательныхъ предметовъ въ ремесленныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По отношенію же должностей преподавателей спеціальныхъ предметовъ, руководителей практическихъ работъ и начальниковъ въ ремесленныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то хотя для назначенія на эти должности и установленъ опредѣленный цензъ, но военные чины могутъ быть назначаемы на эти должности въ ремесленныя училища и школы ремесленныхъ учениковъ въ порядкѣ ст. 1836 примѣчанія св. зак., по прод. 1912 г., т. XI, ч. I уст. учебн. зав. и не получивъ требуемаго средняго техническаго образованія, если въ дѣйствительности имѣютъ надлежащія познанія въ соотвѣтственномъ ремеслѣ. При этомъ въ отдѣльности

было отмѣчено, что чины, окончившіе курсъ мореходныхъ училищъ министерства торговли и промышленности, могутъ быть допускаемы въ этомъ же порядкѣ къ преподаванію въ ремесленныхъ учебныхъ заведеніяхъ и къ руководительству въ мастерскихъ техническихъ училищъ.

V. Затѣмъ особое совѣщаніе признало желательнымъ назначеніе лицъ изъ офицерскихъ чиновъ на непреподавательскія должности въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ то: помощниковъ классныхъ наставниковъ, надзирателей, письмоводителей, за исключеніемъ надзирателей въ техническихъ училищахъ, въ коихъ по закону надзиратели должны удовлетворять цензу преподавателей.

VI. Что касается вопроса о замѣщеніи должностей въ учебныхъ заведеніяхъ нижними чинами, то по этому вопросу особое совѣщаніе признало, что нижніе чины, конечно, тѣ изъ нихъ, которые ранѣе не пріобрѣли соотвѣтствующаго ценза, не могутъ быть допускаемы къ замѣщенію преподавательскихъ должностей. Однако, тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ познанія и соотвѣтствующіе навыки въ ремеслахъ, могутъ быть назначаемы на должности мастеровъ въ промышленныя учебныя заведенія. При этомъ было отмѣчено, что ремесленныя учебныя заведенія могутъ быть полезны воинскимъ чинамъ, не могущимъ нести строевую службу, въ другомъ отношеніи, а именно, путемъ обученія ихъ соотвѣтствующему ремеслу, которое можетъ дать необходимый для существованія заработокъ, такъ какъ въ ремесленные классы и отдѣленія допускается пріемъ взрослыхъ, а въ самостоятельныя ремесленныя учебныя заведенія возможно поступленіе въ качествѣ практикантовъ.

Выработавъ вышеозначенныя общія положенія порядка предоставленія военнымъ и морскимъ чинамъ должностей въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, особое совѣщаніе признало нужнымъ указать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ несоотвѣтствія вырабатываемымъ положеніямъ возможны будутъ, при наличности особо уважительныхъ условій, исключенія въ установленномъ для сего порядкѣ.

Объ изложенномъ мнѣніи особаго совѣщанія, утвержденномъ министромъ народнаго просвѣщенія, отдѣлъ промышленныхъ училищъ имѣетъ честь увѣдомить ваше превосходительство для руководства и при этомъ дополнить, что вопросъ объ организаціи особыхъ курсовъ, указанныхъ въ настоящемъ отношеніи, подлежитъ дальнѣйшей разработкѣ, какъ со стороны учебной, такъ и финансовой, на основаніи

результатовъ опыта, предпринятаго въ этомъ направленіи состоящимъ подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества обществомъ военной, морской и сельской техники.

7. (19-го января 1916 года, № 690). *О выпускныхъ свидѣтельствахъ студентамъ.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія неоднократно поступали ходатайства о выдачѣ выпускныхъ свидѣтельствъ студентамъ, хотя и не пробывшимъ въ университетѣ полныхъ 4-хъ лѣтъ, но выполнившимъ всѣ требованія, установленныя для зачета 8 семестровъ.

Въ настоящее время въ связи съ п. 4 циркуляра 19-го ноября 1915 года тотъ же вопросъ возбужденъ и нѣкоторыми изъ предсѣдателей испытательныхъ комиссій.

Разсмотрѣвъ настоящій вопросъ, министерство находитъ, что разрѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ можетъ быть основано на сопоставленіи ст.ст. 466, 470 и 477 т. XI, ч. 1, св. зак., изд. 1893 г.

Согласно первой изъ сихъ статей на факультетахъ въ цѣломъ ихъ составѣ и на отдѣльныхъ преподавателяхъ лежитъ обязанность заботиться о полнотѣ, послѣдовательности, правильности преподаванія факультетскихъ предметовъ и научныхъ упражненій по нимъ студентовъ и принимать всѣ мѣры, чтобы въ каждыя 8 полугодій, а на медицинскихъ факультетахъ въ теченіе 10 полугодій, студентамъ предоставлена была возможность въ опредѣленномъ порядкѣ и полномъ объемѣ прослушать всѣ тѣ предметы, которые входятъ въ составъ предстоящаго каждому изъ нихъ по избранному ими разряду наукъ испытанія, по окончаніи полнаго университетскаго курса.

Засимъ, отступленія отъ избраннаго каждымъ студентомъ одного изъ дѣйствующихъ на факультетѣ плановъ преподаванія допускаются съ разрѣшенія декана (см. ст. 472). Наконецъ согласно ст. 477 и 478 т. XI, ч. 1, св. зак., изд. 1893 г., выпускное свидѣтельство лишь удостовѣряетъ наличность выполненія даннымъ лицомъ всѣхъ учебныхъ требованій для зачета учебныхъ полугодій, установленныхъ для полученія выпускного свидѣтельства.

Такимъ образомъ, ст. 466 обязываетъ факультеты такъ расположить учебный матеріалъ, чтобы онъ могъ быть пройденъ не долѣе, чѣмъ въ теченіе 8 или 10 семестровъ, при нормальномъ его прохожденіи, но не лишаетъ отдѣльныхъ студентовъ въ порядкѣ ст. 472 выполнять эти требованія и въ болѣе краткій срокъ.

По симъ соображеніямъ министерство не усматриваетъ препятствій къ предоставленію факультетамъ выдавать выпускныя свидѣтельства тѣмъ изъ студентовъ, которые, хотя и не пробыли въ университетахъ 8 полугодій, но выполнили всѣ требованія, установленныя для зачета таковыхъ.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство, для соотвѣтствующихъ распоряженій и руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

8. (19-го января 1916 года, № 691). *О зауряд-врачахъ.*

Въ министерство поступаютъ ходатайства отъ лицъ, прослушавшихъ 8 семестровъ медицинскаго факультета Императорскихъ университетовъ и призванныхъ по мобилизаціи на военно-санитарную службу въ качествѣ зауряд-врачей 2-го разряда, о предоставленіи имъ возможности закончить прерванное войною медицинское образованіе, при чемъ просители указываютъ на то обстоятельство, что оторванные на долгое время отъ научныхъ занятій, безъ законченной медицинской подготовки, они будутъ поставлены по окончаніи войны въ очень тяжелыя условія для пріобрѣтенія степени лѣкаря.

Признавая изложенное ходатайство заслуживающимъ вниманія, прошу ваше превосходительство предложить медицинскому факультету обсудить вопросъ о возможности и объ условіяхъ допущенія вышеупомянутыхъ лицъ къ лѣкарскимъ экзаменамъ въ порядкѣ циркуляра отъ 19-го ноября 1915 г., за № 919, и мнѣніе факультета сообщить министерству по возможности въ самомъ непродолжительномъ времени.

9. (19-го января 1916 года, № 497). *О педагогическихъ совѣтахъ.*

Министерство народнаго просвѣщенія циркуляромъ отъ 28-го сентября 1915 г. за № 45.248 предложило педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній приложить всѣ силы къ тому, чтобы создать въ школѣ такую внутреннюю атмосферу, при которой школьная жизнь протекала бы по возможности нормально, а переживанія нынѣшняго историческаго момента послужили бы на пользу нравственнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія. Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ министерства, въ учебные округа стали поступать донесенія начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній о тѣхъ мѣропріятіяхъ, какія педагогическіе совѣты находятъ полезнымъ ввести въ школу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и о тѣхъ, которыя уже введены въ практику учебнаго дѣла. Въ виду сего представляется не-

обходимымъ преподать гг. попечителямъ учебныхъ округовъ и педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія указанія.

Относясь съ должнымъ довѣріемъ къ педагогическимъ совѣтамъ и предоставляя имъ широкій починъ въ изысканіи мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію школьной жизни, министерство въ то же время считаетъ нужнымъ указать, что руководящая роль въ дѣлѣ обновленія школьной жизни принадлежитъ, прежде всего, гг. попечителямъ учебныхъ округовъ, являющимся первыми сотрудниками министерства и главнѣйшими проводниками его распоряженій на мѣстахъ. Въ силу этого всѣ начинанія и предположенія отдѣльныхъ педагогическихъ совѣтовъ по устроенію учебно-воспитательной части, до проведенія ихъ въ жизнь, должны быть заблаговременно сообщаемы совѣтами гг. попечителямъ, на обязанности коихъ лежитъ всестороннее обсужденіе предположенныхъ педагогическими совѣтами мѣропріятій, а также ихъ объединеніе и согласованіе. Для этой цѣли гг. попечителямъ нынѣ же слѣдуетъ разсмотрѣть въ попечительскихъ совѣтахъ и на директорскихъ собраніяхъ всѣ поступившіе къ нимъ до сего времени отъ педагогическихъ совѣтовъ матеріалы для того, чтобы съ одной стороны придать единообразіе и стройную систему всѣмъ педагогическимъ начинаніямъ, а съ другой стороны, чтобы опредѣлить, въ какихъ случаяхъ могутъ быть допущены отступленія отъ общей системы, вызываемыя чисто мѣстными условіями или индивидуальными особенностями отдѣльныхъ учебныхъ заведеній. Помимо того, гг. попечителямъ слѣдуетъ ежегодно созывать на Рождественскія или Пасхальныя каникулы съѣзды начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній для возможно полнаго обсужденія возникающихъ педагогическихъ вопросовъ, своевременно поставляя министерство въ извѣстность о результатахъ этихъ съѣздовъ, а также рекомендовать директорамъ въ тѣхъ крупныхъ центрахъ Имперіи, гдѣ имѣется по нѣскольку среднихъ учебныхъ заведеній, совмѣстно разсматривать выработанныя педагогическими совѣтами мѣропріятія учебно-воспитательнаго характера. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда такія мѣропріятія уже осуществляются въ школѣ, начальникамъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ незамедлительно поставить въ извѣстность учебно-окружныя начальства о результатахъ своихъ опытовъ.

Педагогическіе совѣты, отнюдь не упуская изъ своихъ рукъ ни почина, ни власти, по закону имъ принадлежащей, черезъ своихъ членовъ должны входить въ тѣснѣйшее общеніе съ учащимися и съ

ихъ родителями, принимая всѣ мѣры къ болѣе цѣлесообразному и плодотворному прохожденію учебныхъ курсовъ, а также къ постепенному усовершенствованію внутренняго строя учебно-воспитательнаго дѣла.

Въ цѣляхъ улучшенія преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, педагогическимъ совѣтамъ рекомендуется безотлагательно организовать, гдѣ этого еще не сдѣлано, предметныя комиссіи для обсужденія, между прочимъ, вопросовъ, какимъ способомъ облегчить для учащихся прохожденіе положенныхъ курсовъ, въ какихъ частяхъ и въ какой мѣрѣ допускать сокращеніе этихъ курсовъ, не нарушая при этомъ ни единства программы, ни главнѣйшихъ ея отдѣловъ и опуская только излишнія подробности, препятствующія ясному и прочному усвоенію существенныхъ частей курса. Въ то же время, дабы пойти на встрѣчу тѣмъ изъ учащихся, которые испытываютъ какія либо затрудненія при прохожденіи того или иного курса, представляется необходимымъ уяснять путемъ бесѣдъ съ самими учениками и съ ихъ родителями причины неуспѣшности отдѣльныхъ лицъ. Во всей своей работѣ члены педагогическихъ совѣтовъ—преподаватели должны умѣлой передачей учащимся своихъ знаній, спокойнымъ, твердымъ, справедливымъ и благожелательнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ, правильной оцѣнкой ихъ познаній и поведенія, въ соотвѣтствіи съ общими ихъ успѣхами и съ ихъ нравственнымъ обликомъ,—вызывать въ учащихся уваженіе, довѣріе и любовь къ своимъ наставникамъ и руководителямъ.

Поставленная въ нормальныя условія въ школѣ и въ семьѣ учебная жизнь, несомнѣнно, повыситъ среди учащихся интересъ къ занятіямъ и уровень ихъ познаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ благотворно повліяетъ и на ихъ дисциплину. *Предупредительный по преимуществу, а не исключительно карательный характеръ* дисциплинарныхъ воздѣйствій и мѣропріятій наилучшимъ образомъ отразится на поведеніи учащихся и на ихъ нравственномъ уровнѣ. Въ этомъ отношеніи весьма полезно организовать въ школѣ особыя воспитательскія комиссіи, въ составъ которыхъ должны входить: законоучители, классные наставники, воспитатели при пансіонахъ, врачи и, по возможности, представители родительскихъ комитетовъ. На обязанности этихъ комиссій должно лежать, между прочимъ, особенное попеченіе о наиболѣе слабыхъ въ нравственномъ отношеніи ученикахъ.

Осуществляя намѣченныя министерствомъ въ циркулярѣ отъ 28-го сентября 1915 года предположенія, педагогическіе совѣты

должны постоянно имѣть въ виду, что *имъ именно* принадлежитъ дѣло воспитанія и обученія дѣтей въ школѣ, и что *исключительно* въ рукахъ педагогическаго персонала должна быть сосредоточена вся сложная и трудная работа въ школѣ. О таковой отвѣтственной задачѣ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ слѣдуетъ постоянно напоминать педагогическимъ совѣтамъ, призывая ихъ къ дружной, совмѣстной работѣ.

10. (22-го января 1916 года, № 455). *Объ отмѣткахъ и испытаніяхъ на званіе домашнихъ учителя и учительницы.*

Согласно п.п. 15 и 16 утвержденныхъ министерствомъ 15-го мая 1870 года правилъ для спеціальныхъ испытаній на званіе домашнихъ учителя и учительницы, степень познаній испытуемыхъ лицъ опредѣляется по пятибалльной системѣ, при чемъ удостаиваются искомаго званія лишь тѣ, кои оказали по главному предмету отличныя (5) или хорошія (4) познанія, при удовлетворительныхъ познаніяхъ по прочимъ предметамъ испытанія.

Такая дробность оцѣнки познаній лицъ уже взрослыхъ, не имѣя значенія поощренія къ лучшему усвоенію предметовъ испытаній, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность экзаменаторамъ дѣлать оттѣнки, что нерѣдко лишаетъ права на искомое званіе даже хорошо подготовленныхъ лицъ только потому, что по главному предмету познанія ихъ оцѣнены удовлетворительнымъ балломъ.

Поэтому и принимая во вниманіе, что успѣхъ на экзаменѣ нерѣдко зависитъ отъ условій, не имѣющихъ прямого отношенія къ подготовкѣ испытуемыхъ, министерство признало соотвѣтственнымъ установить впредь лишь двѣ отмѣтки по всѣмъ предметамъ для испытуемыхъ на званіе домашняго учителя (учительницы) — *удовлетворительно* и *неудовлетворительно*.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій.

11. (22-го января 1916 года, № 910). *О выпускныхъ свидѣтельствахъ.*

При примѣненіи циркулярнаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 19-го ноября 1915 г., за № 903, въ части его, касающейся выдачи студентамъ университетовъ, имѣющимъ зачетъ 6 семестровъ, но прослушавшимъ курсъ 7 и 8 семестровъ, выпускныхъ свидѣтельствъ (п. 4 циркуляра), въ нѣкоторыхъ универ-

ситетахъ возникли сомнѣнія относительно того, какъ понимать предлагаемую циркуляромъ мѣру — въ смыслѣ ли принудительно-обязательной или факультативной, а также, что понимается подъ упоминаемымъ въ концѣ циркуляра предѣльнымъ срокомъ пребыванія, при наличности котораго означенная мѣра должна быть примѣняема.

Вслѣдствіе сего, министерство считаетъ необходимымъ пояснить, что установленный циркулярными распоряженіями отъ 29-го января и 21-го марта 1911 г., за №№ 3432 и 10969, максимальный срокъ пребыванія студентовъ въ университетѣ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а является лишь результатомъ примѣненія ст. 526 т. XI, ч. I св. зак., изд. 1893 г., по которой студентъ, коему не зачтено 3 полугодія сряду или 5 полугодій вообще, увольняется изъ университета. Такимъ образомъ, максимальное число незачтенныхъ полугодій, которое студентъ можетъ имѣть во время прохожденія курса, составитъ $2^1/_2$ года, а вмѣстѣ съ 4 годами нормальнаго курса— $6^1/_2$ лѣтъ, т. е. тотъ предѣльный срокъ, который установленъ въ приведенныхъ выше циркулярахъ. Установленіе этого срока отнюдь не освобождаетъ студентовъ отъ послѣдствій, указанныхъ въ ст. 526, при наличности 3-хъ незачтенныхъ семестровъ кряду, хотя бы общій срокъ пребыванія студента въ университетѣ и не превышалъ $6^1/_2$ лѣтъ.

Въ частности, примѣняя ст. 526-ю къ студентамъ, состоящимъ на 7 и 8 семестрахъ, надлежитъ имѣть въ виду, что подъ ся дѣйствіе подпадаютъ тѣ изъ студентовъ, которые послѣ полученія зачета 6 семестровъ не получатъ выпускныхъ свидѣтельствъ въ теченіе послѣдующихъ 4 семестровъ,—иначе говоря, всѣ пробывшіе на послѣднемъ курсѣ 2 года. Означеннымъ лицамъ, равно какъ и тѣмъ студентамъ, заканчивающимъ нынѣ слушаніе лекцій 7-го и 8-го семестровъ, которые имѣли бы право при нормальныхъ условіяхъ остаться на этихъ семестрахъ на 2-ой годъ, но которые достигли предѣльныхъ сроковъ для отсрочки по отбыванію воинской повинности,—надлежитъ выдавать выпускныя свидѣтельства въ порядкѣ ст. 4 циркуляра за № 903, независимо отъ ихъ желанія, при чемъ исключенія изъ сего могутъ быть допускаемы факультетами въ отношеніи отдѣльныхъ студентовъ лишь при особо уважительныхъ обстоятельствахъ, когда, по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, факультетъ убѣдится въ полезности съ педагогической точки зрѣнія дальнѣйшаго оставленія даннаго студента въ университетѣ, и притомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

Что же касается студентовъ, удовлетворяющихъ условіямъ, ука-

заннымъ въ п. 4 разсматриваемаго циркуляра, но не подпадающихъ подъ дѣйствіе ст. 526 и не встрѣчающихъ препятствій къ продолженію своего образованія со стороны воинской повинности, а также студентовъ, не пробывшихъ еще полныхъ 4-хъ лѣтъ въ университетѣ (циркуляръ 19-го января сего года, за № 690), то таковымъ студентамъ выпускныя свидѣтельства могутъ быть выдаваемы только по ихъ о томъ просьбамъ.

Настоящее разъясненіе прошу сообщить факультетамъ для руководства.

12. (22-го января 1916 года, № 911). *О спеціальныхъ курсахъ.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія поступаютъ представленія совѣтовъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній объ организаціи для слушательницъ сихъ учебныхъ заведеній спеціальныхъ курсовъ по дополнительнымъ, изъ курса мужской гимназіи, предметамъ, знаніе коихъ требуется согласно п. I ст. 2-й правилъ 19-го декабря 1911 г. объ испытаніяхъ лицъ женскаго пола въ знаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній (ст. 2 прил. къ прим. 6 ст. 2679, св. зак. т. XI, ч. I, по прод. 1912 года).

Циркуляромъ отъ 18-го марта 1915 года, за № 13530, министерствомъ уже предоставлено попечителямъ учебныхъ округовъ назначать для удобства слушательницъ особыя засѣданія испытательныхъ комитетовъ при курсахъ и въ сроки, установленные по соглашенію съ начальствомъ даннаго высшаго учебнаго заведенія.

Въ дополненіе къ сему считаю нужнымъ пояснить, что со стороны министерства не встрѣчается препятствій къ организаціи при высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ спеціальныхъ курсовъ для подготовки слушательницъ къ упомянутымъ дополнительнымъ испытаніямъ съ распространеніемъ на эти курсы дѣйствія примѣчанія 1-го къ ст. 29 правилъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, т. е. съ предоставленіемъ производить испытанія по этимъ дополнительнымъ предметамъ преподавателямъ сихъ курсовъ при участіи и подъ надзоромъ представителя отъ учебнаго округа и по правиламъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Объ изложенномъ прошу ваше превосходительство поставить въ извѣстность завѣдывающихъ частными высшими женскими курсами и предложить тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ воспользоваться настоящимъ предложеніемъ, руководствоваться прилагаемыми при семъ правилами.

13. (25-го января 1916 года, № 992). *Правила объ испытательныхъ комиссіяхъ.*

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 19-го ноября 1915 г., за № 903, упомянуто, что исправленныя и дополненныя согласно настоящему циркуляру общія для всѣхъ университетовъ правила объ испытательныхъ комиссіяхъ будутъ сообщены дополнительно. Имѣя въ виду, что означенныя правила, въ виду ихъ общаго пересмотра, въ ближайшемъ времени изданы быть не могутъ, я считаю необходимымъ въ дополненіе къ упомянутому циркуляру и въ замѣну разнаго рода распоряженій, изданныхъ въ развитіе дѣйствующихъ правилъ о производствѣ испытаній въ комиссіяхъ—преподать нижеслѣдующія указанія:

1) Дѣйствіе циркуляровъ отъ 21-го іюля 1912 г., за № 29108, 20-го января 1914 г., за № 2879, и 3-го апрѣля 1915 года, за № 15180, о сохраненіи предусмотрѣнной въ § 25-мъ правилъ объ испытаніяхъ временной льготы, заключающейся въ томъ, что студенты и слушательницы высшихъ курсовъ освобождались отъ испытанія въ комиссіи по тѣмъ предметамъ комиссіоннаго испытанія, по которымъ имѣютъ отмѣтки въ выпускномъ свидѣтельствѣ—*отмѣняются.* Всѣ испытуемые обязаны держать экзаменъ по всѣмъ предметамъ, указаннымъ въ правилахъ 1911 г., за исключеніемъ тѣхъ, которые отмѣнены или перенесены въ составъ полукурсовыхъ испытаній циркулярами 19-го ноября 1915 г. за 903 и 919.

2) Дѣйствіе циркуляра 22-го августа 1915 г., за № 37904, разрѣшавшаго нѣкоторымъ группамъ лицъ, поступившимъ въ университетъ въ 1910 г. и ранѣе и имѣющимъ выпускныя свидѣтельства, держать испытанія въ составѣ того учебнаго плана, при дѣйствіи котораго они поступили въ университетъ и всѣ требованія котораго выполнили—ограничивается исключительно кругомъ тѣхъ лицъ, которыя имѣли выпускное свидѣтельство ко времени приведеннаго циркуляра и новаго распространенія имѣть не можетъ.

3) Въ измѣненіе и дополненіе циркуляровъ 20-го марта 1912 г., за № 13463, 21-го марта, за № 13122, и 18-го марта 1915 г., за № 13649—о производствѣ испытаній лицамъ женскаго пола устанавливаются нижеслѣдующія правила.

1. Правомъ дѣленія испытанія на двѣ группы и сдачи ихъ въ два срока на точномъ основаніи ст. 8-й Высочайше утвержденныхъ, 19-го декабря 1911 г., правилъ объ испытаніяхъ лицъ женскаго пола

въ знаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній—могутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, которыя согласно ст. 7-й тѣхъ же правилъ подвергаются испытаніямъ *по всѣмъ предметамъ* соотвѣтственнаго факультета или отдѣленія.

Лица же, имѣющія отъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній выпускныя свидѣтельства, приравненныя министерствомъ народнаго просвѣщенія къ университетскимъ, подвергаются согласно прим. 1-му къ ст. 7-й тѣхъ же правилъ *испытаніямъ по общимъ для всѣхъ университетовъ правиламъ испытаній въ комиссіяхъ*, т. е. должны сдать испытанія *въ одинъ срокъ*, а именно въ 1916 г. съ 1-го февраля по 1-е декабря, хотя бы сверхъ предметовъ комиссіоннаго испытанія имъ и надлежало сдать экзамены по тѣмъ или инымъ предметамъ полукурсового испытанія, по которымъ у нихъ не имѣется отмѣтокъ въ выпускномъ свидѣтельствѣ.

Примѣчаніе. Порядокъ этотъ не распространяется на тѣхъ, кто на основаніи прежде дѣйствовавшихъ распоряженій уже раздѣлилъ испытаніе на два срока и выдержалъ по первой его группѣ. Эти лица имѣютъ право закончить испытанія на прежнихъ основаніяхъ съ соблюденіемъ установленнаго въ законѣ двухлѣтняго промежутка.

2. Лица женскаго пола, подвергающіяся испытанію по всѣмъ предметамъ соотвѣтствующаго факультета или отдѣленія, имѣютъ право раздѣлить испытаніе на двѣ группы по своему усмотрѣнію, но имъ рекомендуется придерживаться дѣленія, соотвѣтствующаго дѣленію предметовъ испытанія на полукурсовые и окончательные, при чемъ испытаніямъ въ знаніи первой группы предметовъ можно подвергаться еще въ бытность слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ или иного высшаго учебнаго заведенія, представляя въ послѣднемъ случаѣ свидѣтельства о прослушаніи круга наукъ лишь по той группѣ предметовъ, по коей имъ предстоитъ испытаніе.

3. Неудовлетворительная отмѣтка по одному или нѣсколькимъ предметамъ первой группы не препятствуетъ продолженію испытанія изъ этой группы предметовъ, но испытанія по предметамъ, по коимъ получены неудовлетворительныя отмѣтки, должны быть сданы вторично вмѣстѣ съ испытаніями по второй группѣ.

4. Лица, выдержавшія удовлетворительно испытанія по всѣмъ или по нѣкоторымъ предметамъ первой группы, получаютъ подписанное предсѣдателемъ и секретаремъ комиссіи удостовѣреніе, въ коемъ указывается перечень предметовъ полнаго испытанія и отмѣтки, по-

лученныя по выдержаннымъ предметамъ первой группы, при чемъ названіе предметовъ, по которымъ испытаніе не производилось или по которымъ получена неудовлетворительная отмѣтка, перечеркивается.

5. Лица женскаго пола, держащія испытанія во второй срокъ, въ случаѣ полученія неудовлетворительной отмѣтки по одному изъ предметовъ, перечисленныхъ въ общихъ правилахъ объ испытаніяхъ въ комиссіяхъ, прекращаютъ испытаніе на общемъ основаніи, при чемъ, если всѣ предметы университетскаго полукурсового испытанія какъ въ одинъ, такъ и въ оба срока сданы ими, по крайней мѣрѣ, удовлетворительно, то впослѣдствіи онѣ подвергаются испытанію наравнѣ съ имѣющими университетское выпускное свидѣтельство, т. е. лишь по предметамъ, поименованнымъ въ общихъ правилахъ объ испытаніяхъ въ комиссіяхъ.

4. При прошеніи о допущеніи къ экзаменамъ надлежитъ требовать слѣдующіе документы:

А. Отъ лицъ мужского пола.

1) Подлинное выпускное свидѣтельство о зачетѣ восьми полугодій, 2) подлинное свидѣтельство о выдержаніи установленнаго полукурсового испытанія, 3) двѣ фотографическихъ карточки (не на картонѣ) съ собственноручной подписью просителя на лицевой сторонѣ, 4) квитанція губернскаго или уѣзднаго казначейства во взносѣ 20-ти рублей за производство испытаній въ доходъ казны [1]), 5) сочиненіе по одному изъ предметовъ выполненнаго просителемъ факультетскаго учебнаго плана, обязательное лишь для присужденія диплома первой степени.

Примѣчаніе. Лица, допущенныя министерствомъ народнаго просвѣщенія къ испытаніямъ въ комиссіи въ качествѣ экстерновъ, должны приложить къ прошеніямъ: а) разрѣшеніе министерства на допущеніе къ испытаніямъ, б) документы о полученномъ образованіи (среднемъ и высшемъ), в) метрическое свидѣтельство о рожденіи, г) свидѣтельство о званіи и указанныя выше въ п. п. 3 и 4 приложенія.

В. Отъ лицъ женскаго пола.

1) Подлинные документы о среднемъ и высшемъ образованіи, а также въ подлежащихъ случаяхъ особое разрѣшеніе министерства

[1]) Съ лицъ, подвергающихся дополнительнымъ испытаніямъ на званіе учителя (учительницы) среднихъ учебныхъ заведеній, означеннаго взноса не производится.

народнаго просвѣщенія, 2) квитанцію во взносѣ 20 рублей въ губернское или уѣздное казначейство *въ депозитъ попечителя учебнаго округа* (лицами, держащими испытаніе въ двухъ комиссіяхъ, этотъ взносъ дѣлается какъ при первой, такъ и при второй комиссіи), 3) свидѣтельство о рожденіи (а для замужнихъ и о бракѣ), 4) свидѣтельство о званіи и прочія, указанныя въ отд. А приложенія. Лицами, подвергающимися испытанію во второй срокъ, должно быть приложено, сверхъ перечисленныхъ выше приложеній, и удостовѣреніе о сдачѣ первой группы предметовъ.

Примѣчаніе 1. Отъ представленія перечисленныхъ въ лит. А и Б документовъ испытуемыя могутъ быть освобождены окончательно или временно до полученія диплома только въ случаяхъ и въ порядкѣ, предусмотрѣнныхъ въ циркулярѣ 29-го іюля 1915 г., за № 33997.

Примѣчаніе 2. Ко времени изданія настоящихъ руководственныхъ указаній приравнены къ выпускнымъ университетскимъ свидѣтельствамъ удостовѣренія о прослушаніи круга наукъ слѣдующихъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній.

а) Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ (б. проф. Герье), б) Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ (Бестужевскихъ), в) Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ съ медицинскимъ при нихъ отдѣленіемъ, г) Казанскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, д) Императорскаго Петроградскаго женскаго педагогическаго института, е) Петроградскихъ историко-литературныхъ и юридическихъ высшихъ женскихъ курсовъ д. с. с. Раева, ж) Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, з) Варшавскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, и) высшихъ естественно-научныхъ курсовъ (г-жи Лохвицкой-Скалонъ) въ Петроградѣ.

Во всемъ остальномъ надлежитъ руководствоваться правилами 1911 г., по скольку они не отмѣнены или не дополнены циркулярами 19-го ноября 1915 г., за №№ 903 и 918, 9-го января 1916 г., за № 227, и настоящимъ циркуляромъ.

14. (11-го февраля 1916 года, № 1310). *О переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ въ текущемъ учебномъ году.*

Въ отмѣну существующихъ правилъ и распоряженій о переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній прошу ваше превосходительство принять къ свѣдѣнію и руководству на текущій учебный годъ слѣдующее:

1) Переводныя испытанія во всѣхъ среднихъ (мужскихъ и женскихъ) учебныхъ заведеніяхъ отмѣняются, и успѣвающіе учащіеся переводятся въ слѣдующіе классы на основаніи годовыхъ отмѣтокъ.

Примѣчаніе. Учащимся, признаннымъ педагогическими совѣтами не подготовленными для перехода въ слѣдующіе классы весною, должна быть предоставлена возможность подвергнуться провѣркѣ въ знаніи пройденнаго послѣ каникулъ, и вопросъ о ихъ переводѣ въ слѣдующіе классы рѣшается осенью.

2) Главнѣйшимъ способомъ оцѣнки знаній учащихся, при переводѣ ихъ изъ одного класса въ другой, нынѣ служатъ экзамены, кои не всегда, къ сожалѣнію, являются вѣрнымъ показателемъ дѣйствительныхъ познаній учащихся. Вслѣдствіе сего и подтверждая необходимость установленія и примѣненія иныхъ, болѣе цѣлесообразныхъ, способовъ оцѣнки, съ одной стороны, усвоенія учащимися преподанныхъ имъ курсовъ, а съ другой—постановки самого обученія, предлагаю въ замѣну обычно практикующихся экзаменовъ выработать незамедлительно такіе методы провѣрки знаній учащихся, при которыхъ годовая отмѣтка по каждому предмету явилась бы не только формальной и часто совершенно случайной оцѣнкой знаній, но дѣйствительнымъ показателемъ усвоенія учащимися даннаго предмета. При этомъ подъ названіемъ предмета надлежитъ понимать не механическое запоминаніе отдѣльныхъ частей курса, а такое ознакомленіе съ нимъ, при которомъ въ сознаніи ученика получается вполнѣ отчетливое представленіе о пройденномъ предметѣ въ его послѣдовательномъ развитіи.

Примѣчаніе. Такими способами могутъ быть, напримѣръ, репетиціи, періодическіе опросы, связанные съ окончаніемъ того или иного отдѣла курса, письменные отчеты о пройденномъ и другія мѣры, которыя педагогическими совѣтами будутъ признаны дающими наибольшую увѣренность въ томъ, что учащіеся, дѣйствительно, знаютъ положенный курсъ и что преподаваніе даннаго предмета поставлено цѣлесообразно въ педагогическомъ отношеніи.

3) Учебныя занятія во всѣхъ классахъ, кромѣ 8-го класса мужскихъ гимназій и 7-го класса реальныхъ училищъ, должны быть закончены не ранѣе 21-го и не позднѣе 28-го мая, причемъ время, отводившееся на переводныя испытанія, должно быть использовано: а) для завершенія курсовъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ вынуждены были начать свои заня-

тія съ опозданіемъ противъ обычнаго времени, и для углубленія пройденнаго въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и б) для совершенія различнаго рода экскурсій: историческаго, географическаго, естественно-историческаго, художественнаго характера, для чего нынѣ же долженъ быть выработанъ планъ педагогическимъ совѣтомъ каждаго учебнаго заведенія. Планъ этотъ въ цѣляхъ правильнаго теченія учебной жизни, долженъ обнимать въ себѣ: составъ экскурсій, порядокъ ихъ исполненія, выборъ мѣстъ и объектовъ экскурсій, опредѣленіе и изысканіе необходимыхъ средствъ для устройства экскурсій, назначеніе руководителей и проч.

Примѣчаніе. Экскурсіи могутъ производиться не только въ концѣ учебнаго года, но и въ теченіе всего весенняго полугодія, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ 28-му мая положенные по программамъ курсы были основательно усвоены.

4) Выпускныя испытанія во всѣхъ полноправныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, отмѣняются, а соотвѣтствующія свидѣтельства объ окончаніи курса выдаются на основаніи годовыхъ отмѣтокъ.

Примѣчаніе. Къ выпускнымъ классамъ относятся: 8-й классъ мужскихъ гимназій, 6-й и 7-й классы реальныхъ училищъ и 7-й и 8-й классы женскихъ гимназій.

5) Учебныя занятія въ 8-мъ классѣ мужскихъ гимназій и 7-мъ классѣ реальныхъ училищъ заканчиваются въ концѣ апрѣля.

6) Ученики 8-го класса мужскихъ гимназій и 7-го класса реальныхъ училищъ по окончаніи учебныхъ занятій обучаются исключительно военному строю (см. цирк. № 124).

7) Въ выпускныхъ классахъ женскихъ гимназій время, отводившееся на производство испытаній, можетъ быть использовано: 1) для завершенія и углубленія курса, 2) для совершенія экскурсій, 3) для ознакомленія съ постановкой учебнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ, 4) для прохожденія краткихъ курсовъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и помощи раненымъ, 5) для ознакомленія съ устройствомъ дѣтскихъ площадокъ, яслей и т. п.

Примѣчаніе. Относительно осуществленія этого пункта слѣдуетъ руководствоваться указаніями п. 3, б и примѣчаніями къ нему.

8) Въ учебныхъ заведеніяхъ съ правами для учащихся выпускныя испытанія, въ присутствіи депутата отъ учебнаго округа, а равно таковыя же испытанія въ знаніи курсовъ отдѣльныхъ клас-

совъ (по желанію учащихся) производятся на существующихъ основаніяхъ.

9) Для экстерновъ выпускныя испытанія и за тѣ классы, окончаніе которыхъ связано съ пріобрѣтеніемъ тѣхъ или другихъ правъ, должны быть организованы въ особыхъ испытательныхъ комиссіяхъ при правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ обычное время, съ распространеніемъ на нихъ въ полномъ объемѣ дѣйствій циркуляра отъ 18-го марта 1915 года, за № 13778.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Волкова, М. М.*, и *В. Д. Вольфсонъ*. Курсъ гигіены. Изданіе 12-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1913. Стр. IV+271. Цѣна 1 р.“

— „*Саводникъ, В.* Очерки по исторіи русской литературы XIX-го вѣка. Изданіе 10-е. М. 1916. Часть 1-я. Стр. 415+2. Цѣна 1 р. 35 коп.—Часть 2-я. Стр. 352. Цѣна 1 р. 25 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Броуновъ, П. И.* Тетрадь для самостоятельныхъ работъ по общей географіи. П. 1915. № 1. Разработка географическаго матеріала. Стр. 56. Цѣна 35 коп.—№ 2. Собираніе географическаго матеріала. Стр. 46+1 карта. Цѣна 35 коп.“ (для старшихъ классовъ, въ качествѣ необязательныхъ пособій).

— „*Додэ, Альфонсъ*. Малышъ. Сокращенный текстъ. Обработалъ *Б. Ѳ. Кленце*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 10-е. П. 1915. Стр. 116 (текста)+99 (приложеній). Цѣна съ приложеніями въ переплетѣ 60 коп.“

— „*Додэ, Альфонсъ*. «Письма съ мельницы» и «Понедѣльничные разсказы». Обработалъ *Б. Ѳ. Кленце*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе 10-е. П. 1915. Стр. 4+82 (текста)+114 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ переплетѣ.“

— „*Додэ, Альфонсъ*. Тартаренъ изъ Тараскона. Сокращенный текстъ. Обработалъ *П. С. Таккелля*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе 3-е. П. 1915. Стр. XXIV+94 (текста)+138 (приложеній). Цѣна съ приложеніями въ переплетѣ 60 коп.“

— „*Ильинскій, Н*. Хрестоматія къ курсу теоріи словесности. Изданіе 4-е, исправленное, Я. Башмакова и К°. П. 1915. Стр. XIV+494. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Коппэ, Франсуа*. Избранные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Обработала *Е. В. Игнатовичъ*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе 6-е. П. 1915. Стр. XIV+104 (текста)+162 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ переплетѣ.“

— „*Корнель*. «Сидъ». Объяснилъ *В. Баралевскій*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 5-ое, съ введеніемъ *О. М. Петерсонъ*. П. 1915. Стр. 110 (текста)+23 (словаря). Цѣна со словаремъ въ перепл. 50 коп.“

— „*Мало, Гекторъ*. Избранныя страницы изъ романа Безъ роду, безъ племени. Обработали *И. О. Фурреръ* и *С. А. Манштейнъ*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*. Серія II, для курсорнаго чтенія). Изданіе С. А. Манштейна, 3-е. П. 1916. Стр. 146. Цѣна въ папкѣ 50 коп.“

— „*де-Мопассанъ, Ги*. Избранные разсказы. Обработали подъ руководствомъ *В. К. Петровой* слушатели Петербургскаго народнаго университета. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна, 6-е. П. 1915. Стр. XXX+115 (текста)+143 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 80 коп. въ переплетѣ.“

— „*Нечаевъ, А. П*. Тетрадь для самостоятельныхъ работъ по географіи. П. 1915. Курсъ вступительный. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Стр. 64.—Курсъ внѣевропейскихъ странъ (Азія, Африка, Америка и Австралія). Изданіе 2-е, съ незначительными измѣненіями. Стр. 64.—Курсъ географіи Европы. Изданіе 2-е, съ не-

значительными измѣненіями. Стр. 63.—Курсъ географіи Россіи. Изданіе 2-е, дополненное картами Галиціи и южно-русскаго театра войны. Стр. 64. Цѣна каждой книжки 35 коп.“ (въ качествѣ необязательныхъ пособій, также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Новые французскіе писатели. Сборникъ разсказовъ *Абу, Арена, Кларети, Коппе, Додэ, Мопассана, Сарду, Терье, Золя.* Обработалъ *И. О. Фурреръ.* (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна).* Изданіе 11-е. П. 1915. Стр. XI+130 (текста)+113 (приложеній). Цѣна съ приложеніями въ переплетѣ 60 коп.“

— „*Педенонъ, Ф.* Учебникъ французскаго языка. Книга 1-я (для младшихъ классовъ). М. 1913. Стр. XII+133. Цѣна 70 коп.“

— „*Pédenon, F.* Cours de français. 2-me livre. Книгоизд-во «Школа». М. 1915. Стр. 176. Цѣна 90 коп.“

— „*Покровскій, Н.* Какъ росло и строилось Русское государство. Разсказы изъ русской исторіи. Изданіе М. Д. Наумова. М. 1916. Часть I. До воцаренія дома Романовыхъ. Изданіе 8-е. Стр. 170+2 карты.—Часть II. Царствованіе дома Романовыхъ. Изданіе 7-е, переработанное. Стр. 177+1 карта. Цѣна каждой части 65 коп., въ пер. 80 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Рейзенбукъ, М. Ю.* Тетрадь для грамматическихъ упражненій по французскому языку. Москва. Тетрадь III. Правильные глаголы II спряженія и правильные и неправильные глаголы III спряженія. Стр. 32. Цѣна 20 коп.—Тетрадь IV. Правильные глаголы четвертаго спряженія. Глаголы перваго спряженія на cer, ger, eler, eter, yer, ayer, eyer. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“ (въ качествѣ необязательныхъ пособій).

— „*Сипачевъ, П.,* и *Е. Бѣлоцвѣтова.* Легчайшій способъ научиться правильно писать. Новѣйшій зрительный систематическій диктантъ. Изданіе 103-е. Кіевъ. 1916. Стр. 240. Цѣна 65 коп.“ (для приготовительнаго и 1-го класса).

— „*Торнау, Н. Н.* Учебный атласъ по русской исторіи. 13-е изданіе, исправленное и дополненное. П. 1915. Стр. 6+IX таблицъ картъ. Цѣна въ папкѣ 75 коп.“ (также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Фелье, Октавъ.* Романъ молодого бѣдняка. Сокращенный текстъ. Обработалъ *И. О. Фурреръ.* (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе 6-е. П. 1915. Стр. 4+147 (текста)+142 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 80 коп. въ коленк. переплетѣ.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Горячевъ, Д. Н.* Основанія анализа безконечно малыхъ. 6-е изданіе «Т-ва В. В. Думновъ—наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1914. Стр. 4+116. Цѣна 80 коп.“ (для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга обязательно была исправлена согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

— „*Горячевъ, Д. Н.* Основанія аналитической геометріи на плоскости. 4-е изданіе «Т-ва В. В. Думновъ—наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1913. Стр. III+89. Цѣна 70 коп.“ (для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга обязательно была исправлена согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

— „*Львовъ, Л.* Элементарный курсъ теоріи словесности. Изданіе 2-е, исправленное, кн. маг. «Трудъ». Одесса. 1915. Стр. 187+III. Цѣна 90 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи книга была подвергнута тщательной переработкѣ согласно съ замѣчаніями ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Бочкаревъ, В. Н.* Россія и Германія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 21). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 67. Цѣна 15 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „Великая всемірная война. Серія сборниковъ подъ ред. *Б. И. Имшенецкаго*. П. 1914. Выпускъ 4-й. 500-верстный авангардный бой на австрійскомъ фронтѣ. Стр. 32.—Выпускъ 5-й. Австро-сербскій фронтъ войны. Стр. 31.—Выпускъ 6-й. Великая галицiйская битва. Стр. 32. — Выпускъ 7-й. На восточно-прусскомъ фронтѣ. Стр. 31. Цѣна каждаго выпуска 20 коп.“

— „Вторая Отечественная война по разсказамъ ея героевъ. Изданіе Скобелевскаго Комитета. Петроградъ. Выпускъ 1-й. Стр. 48. Цѣна 25 коп.—Выпускъ 2-й. Стр. (49 — 94). Цѣна 25 коп. — Выпускъ 3-й. Стр. (95—140). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 4-й. Стр. (141—186). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 5-й. Стр. (187—232). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 6-й. Стр. (233 — 280). Цѣна 25 коп. — Выпускъ № 9.

Стр. (375 — 418). Цѣна 30 коп. — Выпускъ № 10. Стр. (419—464). Цѣна 30 коп."

— „*Казимировъ, Н. Я.* Земство и всероссійскій земскій союзъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 25). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 39. Цѣна 12 коп."

— „*ф.-Лихтенбергъ, Р.* Доисторическая Грецiя. (Эгейская культура). Со вступительнымъ очеркомъ автора къ русскому изданію. Переводъ *Г. Г. Генкеля* подъ ред., съ примѣчаніями и съ предисловіемъ *В. В. Фармаковскаго.* Изданіе П. П. Сойкина. (Библіотека знанія). С.-Пб. 1913. Стр. XXXVIII+179. Цѣна 1 р." (для старшаго возраста).

— „*Нюбергъ, С. Н.* Англія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 7). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 36+1 карта. Цѣна 10 коп."

— „*Орловъ, А. С.* Кооперація въ Россіи наканунѣ и во время войны. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 41). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 71. Цѣна 20 коп."

— „*Пименова, Э. К.* Англія наканунѣ войны. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 8). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 35. Цѣна 12 коп."

— „*Робертсъ, Чарльзъ.* Собраніе сочиненій. Томъ II. Дѣти водъ и лѣсовъ. Переводъ *А. Г. Каррикъ.* Книгоизд-во Медвѣженокъ. П. 1915. Стр. 258. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 60 коп." (для младшаго возраста).

— „*Фальковичъ, Павелъ.* Политическая жизнь Германіи. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 27). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Фридманъ, В. Г.* Воздухоплаваніе и война. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 32). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 56. Цѣна 15 коп."

— „*Чаяновъ, А. В.* Война и крестьянское хозяйство. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 31). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 16. Цѣна 8 коп."

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Берзинъ, Р.* Другъ юношества. (Jugendgarten). 2-я часть. Изданіе К. Г. Зихмана. (Bibliothek moderner deutscher Auto-

ren. Band 7). Рига. 1911. Стр. 347. Цѣна 80 коп., въ перепл. 95 коп.“ — **изъять** изъ числа книгъ, допущенныхъ къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу „*Завьяловъ, Н. Н.* Педагогическая хрестоматія. Изданіе 3-е, книгоизд-ва «Школа». М. 1914. Стр. 536.“—**признать неподлежащей допущенію** къ классному употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Борисовъ, Ѳ. Д.* Родное въ народной школѣ. Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ для III—IV г.г. обученія. Изданіе 2-е, т-ва «В. В. Думновъ—насл. бр. Салаевыхъ». М. 1914. Стр. IV+392. Цѣна 70 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „Новая народная школа. Первая послѣ букваря книга для класснаго чтенія. Составлена кружкомъ учителей подъ ред. *Ѳ. Борисова* и *Н. Лаврова.* Изданіе 12-е, К. И. Тихомирова. М. 1914. Стр. 160. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ училищъ).

— „*Покровскій, Н.* Какъ росло и строилось Русское государство. Разсказы изъ русской исторіи. Изданіе М. Д. Наумова. М. 1916. Часть I. До воцаренія дома Романовыхъ. Изданіе 8-е. Стр. 170+2 карты. — Часть II. Царствованіе дома Романовыхъ. Изданіе 7-е, переработанное. Стр. 177+1 карта. Цѣна каждой части 65 коп., въ пер. 80 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Рейшитъ, т. е. Начало. Первоначальный учебникъ. Изданіе «Морія». Одесса. 1915. Стр. 70. Цѣна 30 коп.“ (для еврейскихъ начальныхъ училищъ).

— „*Сипачевъ, П.*, и *Е. Бѣлоцвѣтова.* Легчайшій способъ научиться правильно писать. Новѣйшій зрительный систематическій дик-

тантъ. Изданіе 103-е. Кіевъ. 1916. Стр. 240. Цѣна 65 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Флеровъ, Всеволодъ*. Новый русскій букварь для обученія чтенію и письму безъ сліянія звуковъ. 22-е изданіе (переработанное). М. 1916. Стр. 80. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Андерсенъ, Г*. Ель. Сказка. Изданіе 3-е М. В. Клюкина. М. 1916. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Андреевская, В. П*. Наваринскій бой. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разсказъ I. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Андреевская, В. П*. Петропавловскій бой и Камчатская эскадра адмирала Завойко. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разсказъ IV. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Андреевская, В. П*. Синопскій бой. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разсказъ II. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Андреевская, В. П*. Чесменскій бой. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разсказъ III. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Андреевская, В. П*., и *Д. С. Истоминъ*. Наваринскій, Синопскій, Чесменскій и Петропавловскій бои, Камчатская эскадра адмирала Завойко, бой при Чемульпо, геройская гибель моряковъ миноносца «Стерегущій». О подвигахъ русскихъ моряковъ. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32+32+32+32+32. Цѣна 50 коп.“

— „*Антоновъ, П*. Родники. Разсказы и очерки для дѣтей. Изданіе 2-е переработанное М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 101. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 75 коп.“

— „*Ассонова, Ольга*. Святая война. Повѣсть для юношества изъ временъ перваго Крестоваго похода. Изданіе 2-е. (Въ школѣ и дома. № 26). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 80. Цѣна 30 коп.“

— „*Бергъ, Л.* Фельдмаршалъ Мольтке. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 24). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 56. Цѣна 18 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Блиновъ, Н. Н.* На нивѣ народной. Разсказъ. Изданіе 4-е, книгоизд-ва «Проблески». М. 1916. Стр. 27. Цѣна 15 коп.“

— „*Богдановичъ, М.* Братья-чехи. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 28). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Богдановичъ, М.* Угорская Русь. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 24). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Васильевъ, М.* Нелюдимый. (Разсказъ - быль). Изданіе 4-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1916. Стр. 16. Цѣна 6 коп.“

— „*Ватель, В. М.* Рядовой Василій Рябовъ. Изд. 2-ое. М. 1916. Стр. 32. Цѣна 12 коп.“

— „Великая всемірная война. Серія сборниковъ подъ ред. *Б. И. Имшенецкаго.* П. 1914. Выпускъ 4-й. 500-верстный авангардный бой на австрійскомъ фронтѣ. Стр. 32. — Выпускъ 5-й. Австро-сербскій фронтъ войны. Стр. 31. — Выпускъ 6-й. Великая галиційская битва. Стр. 32. — Выпускъ 7-й. На восточно-прусскомъ фронтѣ. Стр. 31. Цѣна каждаго выпуска 20 коп.“

— „*Вомпнъ, В. П.* Англія и Германія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 15). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Вторая Отечественная война по разсказамъ ея героевъ. Изданіе Скобелевскаго комитета. Петроградъ. Выпускъ 1-й. Стр. 48. Цѣна 25 коп. — Выпускъ 2-й. Стр. (49 — 94). Цѣна 25 коп. — Выпускъ 3-й. Стр. (95—140). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 4-й. Стр. (141—186). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 5-й. Стр. (187—232). Цѣна 25 коп.— Выпускъ 6-й. Стр. (233 — 280). Цѣна 25 коп. — Выпускъ № 9. Стр. (375—418). Цѣна 30 коп.—Выпускъ № 10. Стр. (419—464). Цѣна 30 коп.“

— „*Давыдовъ, В. Д.* Славное казачество во вторую Отечественную войну. Выпускъ 2-ой. Новочеркасскъ. 1915. Стр. 68. Цѣна 25 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Дилевская, Н. А.* Румынія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 12). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

М. 1914. Стр. 38. Цѣна 12 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Дилевская, О. А.* Прибалтійскій край. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 20). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 41. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Добрынинъ, Б. Ѳ.* Имперія Франца Іосифа. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 16). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 35. Цѣна 10 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Елеонская, Е.* Соединенные Штаты. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 40). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 35. Цѣна 10 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Елеонская, Е.* Турція. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 46). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 40. Цѣна 12 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Ерлексовъ, С. А.* Руководство по сбору, сушкѣ и сбыту лѣкарственныхъ растеній, дикорастущихъ въ средней полосѣ Россіи. Книгоизд-во т/д. «К. И. Тихомирова н-ки». М. 1915. Стр. 24 + V таблицъ. Цѣна 25 коп.“

— „*Жаворонковъ, Б. Н.* Франція и Россія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 23). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Золя, Э.* Осада мельницы.—*А. Додэ.* Послѣдній урокъ. Изд. М. Н. Слѣпцовой. (Война и народы. № 2). Стр. 32. Цѣна 8 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Ильинъ, Ю. С.* Россія и Турція. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 4). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“

— „*Инфантьевъ, П.* Въ плѣну у хивинцевъ. Разсказъ. Изданіе 3-е М. В. Клюкина. М. 1916. Стр. 56. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.“

— „*Казиміровъ, Н. Я.* Земство и всероссійскій земскій союзъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 25). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 39. Цѣна 12 коп.“

— „*Кайскій, А.* Дѣти на войнѣ. П. 1915. Стр. 63. Цѣна 50 коп.“

— „*Катаевъ, И.* Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи.

Историческій очеркъ. Изданіе 3-е, книгоизд-ва «Школа». (Очерки по русской исторіи. Под. ред. *А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтера* и *М. В. Довнаръ-Запольскаго*). М. 1914. Стр. 96. Цѣна 15 коп.“

— „*Коваленская, А. Г.* Крутиковъ. Разсказъ. 10-е изданіе, книгоизд-ва «Школа». М. 1913. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Коваленская, А. Г.* Ѳомушка. Народный разсказъ. Изданіе 2-е. М. 1913. Стр. 29. Цѣна 10 коп.“

— „*Критскій, П.* Великая Галиційская битва. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 37). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Кунъ, Н. А.* Италія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 33). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 49. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Кунъ, Н. А.* Магометъ и магометанство. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 28). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Лейкова, Н. О.* Голландія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 6). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 37+1 карта. Цѣна 12 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Лукинъ, Н. М.* Борьба за колоніи. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 13). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 39+1 таблица+1 карта. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Маргериттъ.* Родная страна. Изд. М. Н. Слѣпцовой. (Война и народы. № 9). Стр. 60. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Маргулисъ, М. О.* Бельгія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 35). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 42. Цѣна 15 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Митропольскій, Ив. Ив.* Тяжелый годъ. Разсказы изъ 1812 года. Изданіе 4-е М. В. Клюкина. М. 1916. Стр. 64. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп.“

— „*Михайловъ, М.* Австрія и ея славянскіе народы. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 44). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Михайловъ, М.* Румынія. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова.

(Библіотека войны. № 43). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Наркирьеръ, С.* Египетъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 43). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 48+1 карта. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Герой. Разсказъ. 3-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 47. Цѣна 15 коп."

— „*Оглановскій, Н. П.* Отчего загорѣлась великая европейская война? 4-е изданіе, т-ва Задруга. (Война и трудъ. № 1). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 8 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Орловъ, А. С.* Кооперація въ Россіи наканунѣ и во время войны. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 41). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 71. Цѣна 20 коп."

— „*Пименова, Э. К.* Вильгельмъ II. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 29). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 46. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Пименова, Э. К.* Желѣзный канцлеръ Бисмаркъ—творецъ Германской имперіи. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 19). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 58. Цѣна 18 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Покровскій, Н.* Какъ росло и строилось Русское государство. Разсказы изъ русской исторіи. Изданіе М. Д. Наумова. М. 1916. Часть I. До воцаренія дома Романовыхъ. Изданіе 8-е. Стр. 170+2 карты.—Часть II. Царствованіе дома Романовыхъ. Изданіе 7-е, переработанное. Стр. 177+1 карта. Цѣна каждой части 65 коп., въ пер. 80 к."

— „*Поляновъ, П.* Какъ Восточная Пруссія стала нѣмецкой землей. Книгоизд-во А. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 41). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Радичъ, В.* На разсвѣтѣ. (Петръ царевичъ). Историческая повѣсть. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1916. Стр. 96. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп." (для высшихъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Рябининъ, С. И.* Польша. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 9). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М.

1914. Стр. 38. Цѣна 12 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*С., А.* Польша и зарубежная Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 15. Цѣна 5 коп."

— „*Сивковъ, К. В.* Великая европейская война 100 лѣтъ назадъ и теперь. Изданіе т-ва Задруга. (Война и трудъ. № 2). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 8 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ)

— „*Слѣпцова.* Черногорія. Изд. М. Н. Слѣпцовой. (Война и народы. № 10). Стр. 47. Цѣна 12 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Содомовъ, А. И.* Болгарія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 38). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 43. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Содомовъ, А. И.* Сербія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 36). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 52. Цѣна 18 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Содомовъ, А. И.* Черногорія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 37). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 27. Цѣна 10 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Содомовъ, А. И.* Чехія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 42). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 37. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Соколовъ, М.* Съ нами Богъ! Братьямъ-славянамъ. Сергіевъ Посадъ. 1916. Стр. 106+II. Цѣна 60 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Солдатскія военныя пѣсни великой Отечественной войны 1914—1915 гг. Собралъ *В. Крыловъ.* Харбинъ. 1915. Стр. 71. Цѣна 15 коп."

— „*Стриндбергъ.* Угрызенія совѣсти. Изъ Франко-прусской войны.— *Э. Золя.* Кровь. Изд. М. Н. Слѣпцовой. (Война и народы. № 7). Стр. 30. Цѣна 8 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Терешковичъ, В.* Поляки подъ германскимъ владычествомъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 10). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 42. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Улановъ, В. Я.* Галиція въ ея прошломъ и настоящемъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 11). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 48. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Фальковичъ, Павелъ*. Политическая жизнь Германіи. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 27). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Чаяновъ, А. В*. Война и крестьянское хозяйство. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 31). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 16. Цѣна 8 коп."

— „*Чичибабина, В. В*. Германія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 17). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 44. Цѣна 15 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Экъ, Екатерина*. Вѣрные друзья. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 38. Цѣна 15 коп."

— „*Энгельгардтъ, В*. Германскій флотъ. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 30). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Якушкинъ, В*. Балканскія войны и ихъ результаты. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 34). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 25. Цѣна 10 коп." (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Ѳедоровъ-Давыдовъ. А. А*. Дочь Черной горы. Повѣсть изъ прошлаго Черногоріи. Изданіе 2-е. (Въ школѣ и дома. № 27). Редакція и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 56. Цѣна 25 коп."

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Андреевская, В. П*. Наваринскій бой. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разсказъ I. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Андреевская, В. П*. Петропавловскій бой и Камчатская эскадра адмирала Завойко. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разсказъ IV. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Андреевская, В. П*. Синопскій бой. О подвигахъ русскихъ

моряковъ. Разсказъ II. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Андреевская, В. П.* Чесменскій бой. О подвигахъ русскихъ моряковъ. Разсказъ III. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Андреевская, В. П.*, и *Д. С. Истоминъ*. Наваринскій, Синопскій, Чесменскій и Петропавловскій бои, Камчатская эскадра адмирала Завойко, бой при Чемульпо, геройская гибель моряковъ миноносца «Стерегущій». О подвигахъ русскихъ моряковъ. Изданіе 5-е, Н. С. Аскарханова. (Наши герои моряки на Дальнемъ Востокѣ и въ Турціи). П. 1915. Стр. 32+32+32+32+32. Цѣна 50 коп.“

— „*Бергъ, Л.* Фельдмаршалъ Мольтке. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 24). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 56. Цѣна 18 коп.“

— „*Богдановичъ, М.* Братья-чехи. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 28). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Богдановичъ, М.* Угорская Русь. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 24). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Ватель, В. М.* Рядовой Василій Рябовъ. Изд. 2-ое. М. 1916. Стр. 32. Цѣна 12 коп.“

— „Великая всемірная война. Серія сборниковъ подъ ред. *Б. И. Имшенецкаго*. П. 1914. Выпускъ 4-й. 500-верстный авангардный бой на австрійскомъ фронтѣ. Стр. 32.—Выпускъ 5-й. Австро-сербскій фронтъ войны. Стр. 31.—Выпускъ 6-й. Великая галиційская битва. Стр. 32.—Выпускъ 7-й. На восточно-прусскомъ фронтѣ. Стр. 31. Цѣна каждаго выпуска 20 коп.“

— „*Волгинъ, В. П.* Англія и Германія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 15). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“

— „Вторая Отечественная война по разсказамъ ея героевъ. Изданіе Скобелевскаго комитета. Петроградъ. Выпускъ 1-й. Стр. 48. Цѣна 25 коп.—Выпускъ 2-й. Стр. (49—94). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 3-й. Стр. (95—140). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 4-й. Стр. (141—186). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 5-й. Стр. (187—232). Цѣна 25 коп.—Выпускъ 6-й. Стр. (233—280). Цѣна 25 коп.—Выпускъ № 9. Стр. (375—418). Цѣна 30 коп.—Выпускъ № 10. Стр. (419—464). Цѣна 30 коп.“

— „*Дилевская, Н. А.* Румынія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З.

Война и культура. 12). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 38. Цѣна 12 коп."

— „*Дилевская, О. А.* Прибалтійскій край. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 20). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 41. Цѣна 15 коп."

— „*Добрынинъ, Б. Ѳ.* Имперія Франца Іосифа. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 16). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 35. Цѣна 10 коп."

— „*Елеонская, Е.* Соединенные Штаты. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 40). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 35. Цѣна 10 коп."

— „*Елеонская, Е.* Турція. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 46). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 40. Цѣна 12 коп."

— „*Жаворонковъ, Б. Н.* Франція и Россія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 23). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 31. Цѣна 10 коп."

— „*Золя, Э.* Осада мельницы.—*А. Додэ.* Послѣдній урокъ. Изд. М. Н. Слѣпцовой. (Война и народы. № 2). Стр. 32. Цѣна 8 коп."

— „*Ильинъ, Ю. С.* Россія и Турція. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 4). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 44. Цѣна 15 коп."

— „*Казиміровъ, Н. Я.* Земство и всероссійскій земскій союзъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 25). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 39. Цѣна 12 коп."

— „*Катаевъ, И.* Богданъ Хмельницкій, гетманъ Малороссіи. Историческій очеркъ. Изданіе 3-е, книгоизд-ва «Школа». (Очерки по русской исторіи. Подъ ред. *А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтера* и *М. В. Довнаръ-Запольскаго*). М. 1914. Стр. 96. Цѣна 15 коп."

— „*Кизеветтеръ, А. А.* Петръ Великій за границей. 4-е изданіе, книгоизд-ва «Школа». М. 1913. Стр. 30. Цѣна 10 коп."

— „*Критскій, П.* Великая Галиційская битва. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 37). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Кунъ, Н. А.* Италія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 33). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 49. Цѣна 18 коп."

— „*Кунъ, Н. А.* Магометъ и магометанство. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 28). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 48. Цѣна 15 коп."

— „*Легкова, Н. Ѳ.* Голландія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 6). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 37 + 1 карта. Цѣна 12 коп."

— „*Лукинъ, Н. М.* Борьба за колоніи. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 13). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 39 + 1 таблица + 1 карта. Цѣна 15 коп."

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Конецъ войнѣ. Разсказъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 44. Цѣна 15 коп."

— „*Маргулисъ, М. О.* Бельгія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 35). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 42. Цѣна 15 коп."

— „*Михайловъ, М.* Австрія и ея славянскіе народы. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 44). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Михайловъ, М.* Румынія. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 43). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Наркирьеръ, С.* Египетъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 43). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 48 + 1 карта. Цѣна 15 коп."

— „*Нюбергъ, С. Н.* Англія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 7). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 36 + 1 карта. Цѣна 10 коп."

— „*Огановскій, Н. П.* Отчего загорѣлась великая европейская война? 4-е изданіе, т-ва Задруга. (Война и трудъ. № 1). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 8 коп."

— „*Орловъ, А. С.* Кооперація въ Россіи наканунѣ и во время войны. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 41). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 71. Цѣна 20 коп."

— „*Пименова, Э. К.* Англія наканунѣ войны. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 8). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 35. Цѣна 12 коп."

— „*Пименова, Э. К.* Вильгельмъ II. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 29). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 46. Цѣна 15 коп."

— „*Пименова, Э. К.* Желѣзный канцлеръ Бисмаркъ—творецъ Германской имперіи. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 19). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 58. Цѣна 18 коп."

— „*Поляновъ, П.* Какъ Восточная Пруссія стала нѣмецкой землей. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 41). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Рябининъ, С. И.* Польша. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 9). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 38. Цѣна 12 коп.“

— „*С., А.* Польша и зарубежная Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

— „*Сивковъ, К. В.* Великая европейская война 100 лѣтъ назадъ и теперь. Изданіе т-ва Задруга. (Война и трудъ. № 2). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 8 коп.“

— „*Слѣпцова.* Черногорія. Изд. М. Н. Слѣпцовой. (Война и народы. № 10). Стр. 47. Цѣна 12 коп.“

— „*Содомовъ, А. И.* Болгарія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 38). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 43. Цѣна 15 коп.“

— „*Содомовъ, А. И.* Сербія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 36). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 52. Цѣна 18 коп.“

— „*Содомовъ, А. И.* Черногорія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 37). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 27. Цѣна 10 коп.“

— „*Содомовъ, А. И.* Чехія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 42). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 37. Цѣна 15 коп.“

— „*Соколовъ, М.* Съ нами Богъ! Братьямъ-славянамъ. Сергіевъ Посадъ. 1916. Стр. 106 + II. Цѣна 60 коп.“

— „*Стриндбергъ.* Угрызенія совѣсти. Изъ Франко-прусской войны.—*Э. Золя.* Кровь. Изд. М. Н. Слѣпцовой. (Война и народы. № 7). Стр. 30. Цѣна 8 коп.“

— „*Терешковичъ, В.* Поляки подъ германскимъ владычествомъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 10). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 42. Цѣна 15 коп.“

— „*Улановъ, В. Я.* Галиція въ ея прошломъ и настоящемъ. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 11). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Фальковичъ, Павелъ.* Политическая жизнь Германіи. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 27). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Фридманъ, В. Г.* Воздухоплаваніе и война. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 32). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 56. Цѣна 15 коп.“

— „*Чаяновъ, А. В.* Война и крестьянское хозяйство. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 31). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 16. Цѣна 8 коп.“

— „*Чичибабина, В. В.* Германія. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 17). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“

— „*Энгельгардтъ, В.* Германскій флотъ. Книгоизд-во К. Ф. Некрасова. (Библіотека войны. № 30). М. 1914. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Якушкинъ, В.* Балканскія войны и ихъ результаты. (Историческая комиссія О. Р. Т. З. Война и культура. 34). Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1914. Стр. 25. Цѣна 10 коп.“

ОТЪ СПРАВОЧНАГО БЮРО ПРИ ВРЕМЕННОЙ КОМИССІИ ПО УЧЕБНЫМЪ ПОСОБІЯМЪ.

Совѣтъ русскаго физико-химическаго общества обратился къ его сіятельству г-ну министру народнаго просвѣщенія съ докладною запиской, въ которой было указано на необходимость обезпечить русскую школу учебными пособіями по физикѣ, химіи и космографіи, и достигнуть ея независимости отъ заграничнаго производства. По мнѣнію совѣта, для этой цѣли долженъ быть учрежденъ центральный органъ, который служилъ бы постояннымъ посредникомъ между русскою школою и русскими производителями учебныхъ пособій. При этомъ органѣ должны находиться: выставка учебныхъ пособій, лабораторіи для производства экспертизы этихъ пособій, механическая мастерская, библіотека, образцовые кабинеты по разнымъ спеціальностямъ и др. Въ докладной запискѣ совѣта русскаго физико-химическаго общества указаны и другія стороны дѣятельности центральнаго органа. Къ запискѣ приложена подробная смѣта единовременныхъ и ежегодныхъ расходовъ, связанныхъ съ устройствомъ и дѣятельностью этого органа. Аналогичныя предложенія поступали въ министерство и отъ другихъ учрежденій и частныхъ лицъ.

Письмами на имя проф. О. Д. Хвольсона и проф. С. И. Созонова, г-нъ министръ изволилъ поручить имъ организовать особую комиссію для всесторонняго обсужденія вопроса, что и было ими

исполнено. Въ этихъ письмахъ г. министръ народнаго просвѣщенія, признавая цѣлесообразнымъ устройство выставокъ приборовъ, указалъ, однако, что для освобожденія русскихъ учебныхъ заведеній отъ необходимости пріобрѣтенія заграничныхъ приборовъ и пособій, слѣдуетъ имѣть въ виду и другіе предметы, входящіе въ курсъ средней и низшей школы, какъ напр., естественныя науки, географію, исторію и др.

При комиссіи учреждено нынѣ особое справочное бюро для выясненія нуждъ школы въ настоящее трудное время и для посредничества между ею и производителями учебныхъ пособій, какъ первый шагъ къ устройству того центральнаго органа, о которомъ говорится въ запискѣ совѣта русскаго физико-химическаго общества.

Справочное бюро обращается настоящимъ циркуляромъ къ учебнымъ заведеніямъ, къ производителямъ учебныхъ пособій, къ ученымъ и педагогическимъ обществамъ и къ редакціямъ журналовъ съ просьбою, всѣми мѣрами содѣйствовать осуществленію важной задачи бюро, служить посредникомъ между русскою школою и русскимъ производствомъ учебныхъ пособій и дать нашей школѣ возможность освободиться отъ ига иноземной промышленности. При дружной поддержкѣ заинтересованныхъ сторонъ, справочное бюро можетъ надѣяться быстро разростись до намѣчаемыхъ комиссіей размѣровъ будущаго центральнаго органа и выполнить ту великую задачу, которую выдвинуло современное тяжелое положеніе нашей школы.

Въ частности, справочное бюро обращается со слѣдующими вопросами и просьбами къ учебнымъ заведеніямъ, къ производителямъ учебныхъ пособій, къ ученымъ и педагогическимъ обществамъ и къ редакціямъ журналовъ.

I. Къ учебнымъ заведеніямъ.

1. Въ какихъ учебныхъ пособіяхъ ощущается особенно острая нужда? Въ этотъ перечень войдутъ, конечно, и тѣ учебныя пособія, которыя до войны исключительно выписывались изъ-за границы и относительно производства которыхъ въ Россіи учебному заведенію ничего неизвѣстно.

2. Не пріобрѣтало ли учебное заведеніе какія либо учебныя пособія отъ мало извѣстныхъ русскихъ производителей? Весьма желательно при этомъ получить точныя свѣдѣнія о пригодности пріобрѣтенныхъ пособій, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ, а также о желательныхъ въ нихъ улучшеніяхъ. То же самое относится и къ

тѣмъ учебнымъ пособіямъ, которыя будутъ пріобрѣтены впослѣдствіи.

Существеннѣйшія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ отвѣтовъ учебныхъ заведеній по даннымъ вопросамъ, будутъ сообщены справочнымъ бюро циркулярами, какъ другимъ учебнымъ заведеніямъ, такъ и производителямъ соотвѣтствующихъ учебныхъ пособій.

II. Къ производителямъ учебныхъ пособій.

1. Какія учебныя пособія изготовляются? Здѣсь имѣются въ виду исключительно только такія учебныя пособія, которыя изготовляются въ Россіи; совершенно исключаются пособія заграничнаго производства. Желательно получить свѣдѣнія, которыя могутъ представить интересъ для учебныхъ заведеній; сюда относятся прейскуранты, каталоги, рисунки, указаніе учебныхъ заведеній, пріобрѣвшихъ данныя учебныя пособія и т. д.

2. Не считается ли желательной экспертиза того или другого учебнаго пособія? Такая экспертиза можетъ быть уже теперь производима по предварительному соглашенію со справочнымъ бюро.

3. Въ какихъ предметахъ и матеріалахъ, необходимыхъ при производствѣ учебныхъ пособій, чувствуется въ настоящее время недостатокъ? Желательны самыя подробныя указанія, напр., на тѣ мѣста, откуда эти предметы или матеріалы прежде получались; почему ихъ нынѣ въ Россіи достать нельзя, и даже простыя указанія, что мѣсто изготовленія ихъ въ Россіи производителю неизвѣстно.

Полученныя свѣдѣнія будутъ сообщены заинтересованнымъ учебнымъ заведеніямъ.

III. Къ ученымъ и педагогическимъ обществамъ и къ редакціямъ журналовъ.

Справочное бюро обращается со слѣдующими просьбами:

1. Напечатать цѣликомъ настоящій циркуляръ въ своихъ изданіяхъ.

2. Сообщать справочному бюро свѣдѣнія о производителяхъ учебныхъ пособій, въ особенности о мало извѣстныхъ, о кустарныхъ производителяхъ и т. под.

3. Содѣйствовать бюро всякаго рода совѣтами и указаніями, могущими принести пользу тому дѣлу, которымъ оно занимается, или, вообще, находящимися въ связи съ общимъ вопросомъ объ учебныхъ пособіяхъ.

Предсѣдателемъ выше упомянутой комиссіи объ учебныхъ пособіяхъ состоитъ проф. О. Д. Хвольсонъ (Петроградъ, университетъ, 37); товарищемъ предсѣдателя проф. С. И. Созоновъ (Петроградъ, Петроградская сторона, Большой проспектъ, 44).

Завѣдующимъ справочнымъ бюро состоитъ Владиміръ Михайловичъ Алтуховъ (Петроградъ, Петроградская сторона, Малый проспектъ, 7, кв. 3) и къ нему слѣдуетъ адресовать всю корреспонденцію.

ГЕТЕ И ЯКОБИ [1]).

Выше было установлено, что Гете долженъ былъ почувствовать себя задѣтымъ обличеніемъ молодыхъ геніевъ бури и натиска въ послѣднемъ письмѣ Луціи къ Альвилю. Тѣмъ не менѣе Якоби создалъ образъ Альвиля, черпая изъ собственныхъ глубокихъ душевныхъ переживаній. Подобно герою своего романа, Якоби восхваляетъ свободу самоопредѣленія и сознаніе собственныхъ силъ: это убѣжденіе заставляетъ его „довѣрять *собственному сердцу* и дѣлаетъ его свободнымъ“ [2]). Какъ Вортеръ до извѣстной степени можетъ быть отожествленъ съ Гете, такъ точно Якоби самъ переживалъ душевныя потрясенія Альвиля и чувствовалъ въ себѣ задатки его необузданнаго характера, не будучи, однако, точной копіей этой проблематической натуры, находившейся по ту сторону добра и зла. Въ этомъ смыслѣ Якоби самъ признается въ письмѣ къ нѣкоему D. R. [3]). Якоби защищается противъ обвиненія, что онъ создалъ образъ Альвиля слишкомъ привлекательнымъ, а обличеніе послѣдняго письма Луціи слишкомъ слабымъ, чтобы обезвредить дѣйствіе разлитаго въ романѣ яда: „То обстоятельство, что я вложилъ въ характеръ Альвиля столько блеска и снабдилъ его столь привлекательными чертами, безусловно не послужитъ въ ущербъ правому дѣлу. Чтобы навлечь на себя хоть нѣкоторое вниманіе со стороны этой странной породы мечтателей, нужно себя зарекомендовать какъ человѣка изъ ихъ среды, располагающаго всѣми тѣми качествами, которыя ими высоко цѣнятся, и не гнушающагося брать гадюкъ руками, а также цѣнить каждое явленіе природы и созерцать его въ его собственномъ бытіи“.

Въ теченіе 1777 и 1778 гг. отношенія между Гете и Якоби на-

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1916 годъ.

[2]) Въ письмѣ Виланду, 13-го ноября 1774 г., Auserles. Briefw., I, p. 194.

[3]) F. H. Jacobi's Werke, Bd. I, 1812, p. 352 sq.

ходились, такъ сказать, на точкѣ замерзанія, ограничиваясь одними поклонами, передаваемыми Іоганной Фальмеръ. Появленіе первой части „Вольдемара“ въ „Нѣмецкомъ Меркуріи“ подъ заглавіемъ „Freundschaft und Liebe“ не вызвало со стороны Гете никакого отзыва. Какъ разъ въ эти годы дневники его свидѣтельствуютъ объ отчужденности его отъ мелкихъ интересовъ окружающей среды, о его поискахъ самого себя въ часы уединеннаго раздумья. Прислушиваясь къ голосу своего сердца, почерпая вдохновеніе изъ неисчерпаемаго источника своего универсальнаго духа, онъ чаще сталъ нуждаться въ одиночествѣ и избѣгалъ постояннаго общенія съ людьми, мѣшавшими его сосредоточенности. 4-го окт. 1777 г. онъ записываетъ въ дневникъ: „Глубокое чувство одиночества...“ 8-го окт. 1777 г.: „Охотно возвращаюсь въ свое укромное гнѣздышко, которому скоро предстоитъ быть окутаннымъ бурями, занесеннымъ снѣгами. И дай мнѣ Богъ покоя отъ людей, съ которыми мнѣ все равно нечего дѣлить“. 12-го февр. 1778 г.: „Продолжающееся чистое отчужденіе отъ людей. Тишина и опредѣленность въ жизни и поступкахъ“. А въ поэзіи эти чувства нашли выраженіе въ прекрасной пѣснѣ „Къ лунѣ“:

Jeden Nachklang fühlt mein Herz
Froh'und trüber Zeit,
Wandle zwischen Freud und Schmerz
In der Einsamkeit.
. . . .
Selig, wer sich vor der Welt
Ohne Hass verschliesst.
. . . .

И многочисленныя поѣздки въ Вартбургъ, въ дремучіе лѣса Ильменау, наконецъ, зимнее путешествіе въ горы Гарца свидѣтельствуютъ о постоянномъ его желаніи уйти въ самого себя, избавиться отъ слишкомъ тѣснаго общенія съ людьми, „страдать и мечтать“ лицомъ къ лицу съ природой, когда передъ его проникновеннымъ взоромъ „открываются таинственныя глубокія чудеса собственной души“. Иногда онъ самъ недоумѣваетъ, до чего близкіе ему люди дѣлаются ему чуждыми: онъ превращается въ „желѣзнаго молчальника“, стараясь скрыть свой внутренній міръ отъ грубаго прикосновенія непризванныхъ рукъ. Краткое письмецо, написанное Гете Іоганнѣ Фальмеръ [1]) по поводу помолвки съ Шлоссеромъ, передаетъ

[1]) 16-го ноября 1777 г. См. „Goethe u. seine Freunde im Briefw.“, herausg. v. R. M. Meyer, 1909, I, столбецъ 278, 279.

особенно ярко это чувство уединенія и отчужденія, которое все более и более овладѣвало имъ: „Да благословитъ тебя Господь Богъ и даруетъ тебѣ долгую жизнь и всяческое благополучіе. Странное впечатлѣніе произвело на меня твое письмо: я радуюсь и все-таки не могу себѣ уяснить всего. Я очень измѣнился, что̀ особенно сильно чувствую, когда знакомый голосъ говоритъ со мною или я вижу знакомый почеркъ. Что ты можешь стать мнѣ сестрой, возобновляетъ чувство невознаградимой утраты, и потому прости мои слезы при извѣстіи о твоемъ счастьѣ. Пусть судьба охраняетъ тебя такъ же, какъ она бережетъ меня, и даруетъ тебѣ тѣ радости, въ которыхъ она отказывала моей бѣдной сестрѣ. Прощай, кланяйся Шлоссеру и скажи что-нибудь привѣтливое Фрицу; а у меня нѣтъ словъ“.

Тѣмъ временемъ въ журналѣ Виланда „Teutscher Merkur“ въ теченіе 1777 года [1]) стали появляться отдѣльныя части новаго романа Якоби, подъ заглавіемъ „Freundschaft und Liebe“. Въ 1779 г. этотъ романъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, получивъ курьезное заглавіе: „Woldemar. Eine Seltenheit aus der Naturgeschichte“. Позднѣйшія изданія романа сохраняютъ названія „Вольдемаръ“, но упоминая ужъ болѣе о „естественно-научной рѣдкости“. Романъ появился въ неоконченномъ видѣ, ибо обѣщанное Якоби окончаніе не было имъ написано. Краткая передача содержанія окажется врядъ ли излишней въ виду того забвенія, которому давно уже преданъ чувствительный романъ, навлекшій на себя недовольство и ѣдкія насмѣшки Гетевскаго кружка въ Веймарѣ.

Эбергардъ Горнихъ (Hornich), почтенный коммерсантъ въ Б., имѣлъ трехъ дочерей: Каролину, Генріэтту и Луизу. Каролина была замужемъ за компаньономъ отца, Доренбургомъ, Луиза—за другомъ послѣдняго, юристомъ Бидерталемъ, который по просьбѣ тестя отказывается отъ юриспруденціи и тоже принимаетъ участіе въ дѣлѣ Горниха. Обѣ четы живутъ весьма счастливо. Средняя сестра Генріэтта, отличающаяся болѣе умственными и душевными, нежели физическими достоинствами, пользуется любовью обѣихъ семей. Она рѣшительно отказывается отъ мысли вступить когда либо въ бракъ, проводя бо̀льшую часть времени со старикомъ-отцомъ и съ сиротой, опекаемой имъ—богатой и красивой Альвиной. Главное лицо романа, Вольдемаръ, является братомъ Бидерталя. Члены семейнаго кружка получаютъ отъ него письмо съ извѣщеніемъ о его скоромъ пріѣздѣ и съ

[1]) Май, іюнь, іюль, сентябрь и декабрь 1777 г.

горячимъ признаніемъ тоски по тѣсной дружбѣ и родству душъ, въ которыхъ нуждается его пламенная душа.

Эта тоска Вольдемара находитъ, однако, свое удовлетвореніе только въ отношеніи его къ Генріэттѣ, безстрастный и ровный характеръ которой исключаетъ возникновеніе эротическаго увлеченія; Вольдемаръ же, наконецъ, находитъ въ ней давно желанную родственную душу, съ которой онъ дѣлится въ нескончаемыхъ бесѣдахъ своимъ внутреннимъ міромъ. Они обнаруживаютъ и въ дѣйствіяхъ своихъ поразительную гармонію характеровъ, оказывая одновременно помощь бѣдному ребенку. На вопросъ Бидерталя о характерѣ отношеній къ Генріэттѣ Вольдемаръ смѣется и увѣряетъ всю семью въ ихъ полной безобидности. Генріэтта же страдаетъ отъ одного предположенія о возможности брака съ Вольдемаромъ, съ которымъ ее соединяютъ узы нѣжнѣйшей душевной дружбы, и по ея совѣту Вольдемаръ обручается съ прекрасной Альвиной.

Старикъ Горнихъ требуетъ на своемъ смертномъ одрѣ отъ Генріэтты, чтобы она поклялась ему никогда не выходить замужъ за Вольдемара. Генріэтта сначала отказывается участвовать въ „заговорѣ“ противъ своего друга, но подъ конецъ, уступая мольбамъ отца, даетъ роковую клятву. Послѣ смерти отца она возвращается къ Вольдемару и Альвинѣ, проводящимъ медовый мѣсяцъ въ деревнѣ.

Случайно Вольдемаръ узнаетъ о клятвѣ, и эта вѣсть причиняетъ ему огорченіе и нѣкоторое разочарованіе въ самоотверженной дружбѣ избранной подруги, а сплетни, сопровождающія отношенія мужа Альвины къ Генріэттѣ, наносятъ ущербъ довѣрчивости послѣдней: напряженность настроеній замѣняетъ собою прежнюю задушевную откровенность; Генріэтта старается отнынѣ держать своего друга на нѣкоторомъ разстояніи, а Вольдемаръ переживаетъ глубокое разочарованіе по поводу отчужденности Генріэтты.

Во время отсутствія Альвины Генріэтта поселяется по ея просьбѣ въ домѣ Вольдемара. Послѣдній убѣждается въ ея равнодушіи и уже перестаетъ видѣть въ ней ниспосланную ему небомъ подругу. Отъ этого разочарованія жестоко страдаетъ опять-таки Генріэтта, и когда онъ въ отчаяніи изливаетъ свои мрачныя мысли о дружбѣ и вѣрности въ письмѣ къ женѣ, въ его комнату вбѣгаетъ Генріэтта, привлекаемая его вздохами и проклятіями, прочитываетъ письмо, заливается слезами, и насилу ей удается убѣдить Вольдемара въ своей преданности и дружбѣ къ нему. „Тихое удовлетвореніе“ заглушаетъ

его скорбь, и онъ вновь начинаетъ цѣнить ея чистую душу и безкорыстную духовную дружбу.

На этомъ заканчивается отрывокъ романа, напечатанный въ декабрьскомъ выпускѣ „Нѣмецкаго Меркурія“ въ 1777 г. Вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ въ 1779 г. романъ мало чѣмъ отличается отъ помѣщенной въ „Меркуріи“ редакціи: только отношенія Вольдемара къ Генріэттѣ еще менѣе отзываются земной любовью, еще болѣе взвинчиваются на высокій пьедесталъ одухотворенной безплотной дружбы [1]). Едва ли, однако, можно отрицать присутствіе эротической подкладки въ отношеніяхъ мятежнаго Вольдемара и его эксцентричной подруги: только ни онъ, ни она не отдавали себѣ отчета въ истинной сущности своихъ чувствъ, признавая за ними одну моральную и интеллектуальную цѣнность. И потому чтеніе романа не оставляетъ чувства удовлетворенія въ душѣ читателя, несмотря на несомнѣнныя достоинства прекраснаго слога и отдѣльныхъ благородныхъ идей; читатель убѣждается въ томъ, что авторъ затрогиваетъ много психологическихъ проблемъ, не разрѣшая ихъ, а усложняя безконечными изліяніями и тирадами, которыя не служатъ иллюстраціями къ отдѣльнымъ перипетіямъ романа, подготовляя направленіе его къ ожидаемой развязкѣ, а наоборотъ имѣютъ самодовлѣющее значеніе и затемняютъ ходъ дѣйствія. Нескончаемыя разсужденія героя и героини объ обуревающихъ ихъ чувствахъ не способствуютъ поднятію сихъ чувствъ изъ міра безсознательныхъ душевныхъ явленій въ сферу сознательныхъ: чувствуется явная недоговоренность въ ихъ изощренномъ самоанализѣ. Любовь отрицается ими обоими, а между тѣмъ наличностью этого влеченія только и можно объяснить всѣ фазисы мучительнаго тяготѣнія Вольдемара и Генріэтты другъ къ другу и столь же мучительнаго отталкиванія другъ друга. Иначе дѣйствовали Вертеръ и Лотта, пришедшіе къ сознанію характера своихъ отношеній и тѣмъ самымъ положившіе предѣлъ терзавшимъ ихъ противоположнымъ чувствамъ долга и любви. Въ романѣ Якоби герои весьма интенсивно, можно сказать виртуозно, анализируютъ свои выспреннія чувства и очень мало дѣйствуютъ [2]).

Вольдемаръ и Генріэтта постоянно убѣждаютъ другъ друга въ томъ, что они—братъ и сестра: бракъ между ними кажется даже Вольдемару преступленіемъ, подобнымъ кровосмѣсительству. Онъ ви-

---

[1]) Cp. *M. Koch.* Gesch. der deutsch. Literatur. Lpz. 1897, p. 574.

[2]) *Eb. Zirngiebl*: F. H. J—s Leben, Dichten und Denken. Wien 1867, p. 22 sq.

дитъ въ ней равнаго себѣ человѣка, а не женщину, и всѣ душевные конфликты и осложненія являются слѣдствіемъ нарушенія этого „равенства“. Понемногу душевная гармонія уступаетъ мѣсто признанію отдѣльныхъ достоинствъ, отличающихъ Вольдемара какъ мужчину и Генріэтту какъ женщину: „Если онъ превосходилъ ее душевнымъ пыломъ, высокимъ полетомъ и глубиной своего духа, то она превосходила его истинной нѣжностью и благородствомъ сердца, чистотой, красотой и гармоничностью побужденій“ [1]). Фрида Давидъ пытается [2]) поднять завѣсу, скрывающую дальнѣйшую эволюцію взаимоотношеній героя и героини, и приходитъ къ выводу, что въ конечномъ итогѣ должна была произойти катастрофа на почвѣ уклоненія страсти Вольдемара въ сторону чувственныхъ вожделѣній; это уклоненіе давно уже давало себя чувствовать, но было сознано Вольдемаромъ только при извѣстіи о ея клятвѣ. Возможно также, что Генріэтта, убѣдившись въ рѣзкой перемѣнѣ отношенія къ ней Вольдемара, спасаясь отъ обуревающихъ ихъ обоихъ чувствъ, покидаетъ гостепріимный кровъ Альвины и отдаетъ свою руку появляющемуся ad hoc жениху, каковая развязка отнюдь не погрѣшала бы противъ повѣствовательныхъ пріемовъ Ф. Якоби. Нелишне отмѣтить, что въ 1776 году состоялась помолвка Іоганны Фальмеръ съ Шлоссеромъ, т. е. во время возникновенія и разработки первыхъ отрывковъ романа: самъ Якоби переживалъ горе Вольдемара, предчувствуя разлуку съ вѣрнымъ другомъ дѣтства, повѣренной его сердечныхъ думъ и пытливыхъ исканій ума.

Крайній индивидуализмъ, господствовавшій въ послѣднюю треть XVIII-го вѣка въ литературно-общественныхъ взглядахъ культурныхъ слоевъ Германіи, въ частности же въ разгоряченныхъ умахъ молодыхъ представителей Sturm и Drang'а, нашелъ свое полное отраженіе въ произведеніи Якоби, превращаясь въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Вольдемара въ абсолютный субъективизмъ, не стѣсняемый рамками общепринятой нравственности [3]).

Лучше всего выясняется отношеніе Вольдемара къ вопросамъ этики изъ противоположенія его взглядовъ міросозерцанію старика Горниха, отца Каролины, Генріэтты и Луизы. Послѣдній является

---

[1]) Teusch. Merk., 1777, IV, p. 266.

[2]) Ср. *Frida David*: F. H. J—s Woldemar, Probefahrten, herausg. v. A. Köster, № 23, 1913 Leipz., p. 34—36.

[3]) О морали Вольдемара см. изслѣдованіе F. Brüggemann'a: Die Ironie als entwickelungsgeschichtliches Moment, Jena 1909, p. 69—73.

представителемъ старшаго поколѣнія, преклоняясь передъ незыблемыми, обязательными для всѣхъ нормами раціоналистической морали, коимъ любая, даже самая одаренная личность должна подчиняться. Эта мораль руководствуется соображеніями утилитаристическаго характера и ставитъ себѣ цѣлью матеріалистическій эвдемонизмъ, каковой мы видимъ въ болѣе или менѣе неприкрашенномъ видѣ въ произведеніяхъ Клотца, Фр. Николая, Лихтенберга и др.

Вольдемаръ же отвергаетъ эти мотивы этики, стараясь сдѣлать ее самодовлѣющимъ началомъ, проистекающимъ исключительно изъ моральныхъ потребностей сердца, и творя добро ради добра же, независимо отъ предписаній любого кодекса морали. Подобные взгляды вызывали рѣзкое осужденіе со стороны Горниха [1]) и содѣйствуютъ его отрицательному отношенію къ Вольдемару. По мнѣнію же послѣдняго всякій писанный нравственный законъ отнимаетъ у человѣка личное достоинство и свободу нравственности; а безъ свободы не можетъ быть нравственности: „Влеченіе къ добру воспитывается превосходными образцами, какъ и влеченіе къ прекрасному; а высокіе оригиналы суть всегда творенія геніевъ. Посредствомъ генія природа даетъ искусству нормы и правила, какъ искусству добра, такъ и прекраснаго. Оба суть свободныя художества, не подчиняющіяся внѣшней регламентировкѣ, не унижающіяся до положенія ремесла". Вольдемаръ признаетъ высокую роль „героической морали", напоминающую провозглашенную Ницше „Herrenmoral". Въ одномъ мѣстѣ онъ даже увѣряетъ [2]): „Упадокъ и развращенность человѣчества могутъ достигнуть такой степени, что настанетъ необходимость въ коренномъ переворотѣ, который съ неуклонной закономѣрностью постигаетъ все существующее, сопровождаемый тяжелыми потрясеніями и дѣйствіями насилія. Когда въ такую пору всѣ пороки ведутъ другъ съ другомъ междоусобную войну, то смѣлый герой въ правѣ опредѣлить свой образъ дѣйствій тутъ же, на мѣстѣ, исходя изъ велѣній своего духа и прислушиваясь исключительно къ голосу собственной совѣсти... Сама мораль готова признать подобное временное пріостановленіе своихъ нормативныхъ законовъ, чтобы ея принципы были сохранены. Для такихъ исключеній, для такихъ *вольностей высокой поэзіи* грамматика добродѣтели не подыскала установленныхъ терминовъ и потому не упоминаетъ о нихъ".

---

[1]) Eine „windige, grillfängerische Tugendlehre".

[2]) Woldemar, изд. 1794 г., II, p. 214.

Очевидно, потрясеніе основъ нравственности во время войнъ и революцій неоднократно служило темой для разговоровъ въ кружкѣ Якоби: подобныя замѣчанія и разсужденія мы находимъ и въ письмахъ Гейнзе, подолгу гостившаго у Якоби и работавшаго вмѣстѣ съ братьями. Въ немъ вырабатывались тѣ взгляды [1]) на нравственность, которые нашли свое завершеніе во время итальянскаго путешествія Гейнзе, вылившись въ формы аморализма, свойственнаго представителямъ итальянскаго ренессанса.

Старикъ Горнихъ былъ въ свою очередь правъ, возражая на субъективно-относительныя положенія Вольдемара: „Я вижу, что по вашему ученію о добродѣтели время и обстоятельства измѣняютъ мораль, и что выдающійся человѣкъ не смѣетъ имѣть непоколебимыхъ принциповъ. Онъ себѣ предписываетъ свои обязанности по своему усмотрѣнію: сегодня однѣ, завтра противоположныя: если только онъ самъ доволенъ собой, то онъ сдѣлалъ все, что онъ долженъ сдѣлать“. Вольдемаръ же защищаетъ свою точку зрѣнія, утверждая, что „превосходный человѣкъ“ мѣняетъ не принципы свои, а свое отношеніе и свой образъ дѣйствій сообразно этимъ принципамъ, какъ того требуютъ отъ него „время и обстоятельства“ [2]).

Вольдемаръ стремится къ самосовершенствованію, къ цѣльной нераздѣльной дружбѣ, соотвѣтствовавшей преувеличенно-восторженнымъ понятіямъ о дружбѣ автора романа. Но онъ относится къ чувствамъ своимъ съ нескрываемымъ подозрѣніемъ: „Человѣкъ во всѣхъ своихъ поступкахъ такъ перемѣнчивъ и непостояненъ,—такое бѣдное ничтожное существо“ [3]). Разумъ же обязанъ направлять и умѣрять чувства: „Способности бываютъ всякаго рода; но каждый человѣкъ совершененъ въ предѣлахъ своей личности, если разумъ его обозрѣваетъ и подчиняетъ себѣ его ощущенія, вожделѣнія и страсти. Ибо ощущенія, вожделѣнія и страсти должны существовать одновременно съ человѣческимъ разумомъ. Гдѣ нѣтъ народа, тамъ нѣтъ начальства! Гдѣ нѣтъ начальства, тамъ нѣтъ народа! Чѣмъ многочисленнѣе и бодрѣе народъ, тѣмъ обширнѣе государство. А разумъ похожъ на высшую власть въ государствѣ, о которомъ я говорю“ [4]).

---

[1]) Напр. *W. Heinse*, Sämtl. Werke, herausg. v. C. Schüddekopf, Leipz. Insel, Bd. X, Briefe, 2-ter Tl., 1910, p. 234—235 и *W. Brecht*: Heinse und der ästhetische Immoralismus, Berl. Weidmann 1911, passim.

[2]) *Brüggemann*, lib. cit., p. 71.

[3]) Woldemar, изд. 1794 г., I, p. 25.

[4]) Woldemar, изд. 1794 г., I, p. 137.

Вольдемаръ не дѣйствуетъ, однако, по имъ же самимъ рекомендуемому рецепту: его неукротимая фантазія мѣшаетъ ему относиться ровно и критически къ обстоятельствамъ. Недаромъ Бидерталь пишетъ ему слѣдующую характеристику его міроотношенія: „Ни одинъ человѣкъ не сможетъ удовлетворить тебя; ни съ однимъ ты долго не уживаешься, Вольдемаръ, ни съ однимъ человѣкомъ! Грустно, что ты себя чувствуешь хорошо только въ заблужденіяхъ. Когда ты ближе познаёшь истину и реальность, то ты такъ долго анализируешь ихъ, пока онѣ не превращаются въ порожденія твоего воображенія“ [1]). Не примѣнимы ли эти слова mutatis mutandis и къ отношенію автора романа къ Гете, къ которому онъ относился сначала съ какой-то изступленной восторженностью, чтобы вскорѣ не только охладѣть къ нему, но и утратить правильное пониманіе его личности? Вѣдь онъ самъ признается въ письмѣ къ Г. Форстеру (13-го ноября 1779 г.), что онъ привыкъ ставить своихъ друзей на высокіе пьедесталы [2]).

Въ Генріэттѣ Вольдемаръ видитъ идеалъ дѣвственной души: ихъ отношенія выше любви и брака, вполнѣ соотвѣтствуя тому идеалу *дружбы*, о которомъ онъ доселѣ могъ только мечтать. „Небесная дѣвушка осуществила мой давнишній сонъ о дружбѣ, она претворила его въ бытіе. Я изрѣдка только думалъ объ этомъ снѣ и не иначе, какъ думаютъ о несбыточной химерѣ“ [3]). Въ опредѣленіи своего чувственно-сверхчувственнаго влеченія къ Генріэттѣ Вольдемаръ допускаетъ несомнѣнные софизмы: „Мы стали друзьями въ высшемъ значеніи этого понятія, друзьями, каковыми лица одинаковаго пола никогда не могутъ быть (!) и каковыми лица разнаго пола никогда до насъ не были (?)“ [4]). Молодой романтикъ Фридрихъ Шлегель прозрѣлъ эту недоговоренность въ отношеніяхъ Вольдемара и Генріэтты въ своей рецензіи „Вольдемара“ [5]): онъ сурово осуждаетъ неестественность положенія молодой женщины, всецѣло отдающейся нѣжному чувству беззавѣтной дружбы къ молодому пылкому человѣку, видящей рядомъ съ собою супружеское счастье этого самаго человѣка и отрекающейся отъ брака и материнства. Такое состояніе,

---

[1]) Woldemar, изд. 1794 г., II, p. 54 sq.

[2]) *F. Brüggemann*, lib. cit., p. 83.

[3]) Woldemar, изд. 1794 г., II, p. 36.

[4]) Woldemar, изд. 1794 г., II, p. 47.

[5]) Fr. Schlegel 1796—1802, Prosaische Jugendschriften, herausg. v. J. Minor, Wien Konegen, II², p. 72—91.

по мнѣнію Шлегеля, не можетъ долго продолжаться: „Любое мгновеніе можетъ заставить ее болѣзненно почувствовать всю тяжесть отреченія" [1]). Цитируя слова романа, Шлегель приходитъ къ слѣдующему выводу: „Женщина, любящая мужчину больше всего въ мірѣ, почерпающая изъ него одного жизнь и бытіе, не желающая жить безъ него, не могущая существовать безъ него,—такая женщина въ душѣ своей уже является его женой" [2]). Шлегель называетъ Генріэтту безо всякихъ обиняковъ „жертвой" Вольдемара, какъ Луція была жертвой очаровательнаго безсовѣстнаго Альвиля. „На невозможности вступить въ бракъ [3]) покоится вся завязка: на ней стоитъ, съ ней же и пало бы единственное въ своемъ родѣ соглашеніе или недоразумѣніе въ ихъ отношеніяхъ. Авторъ вынужденъ властно и категорически отказать намъ въ отвѣтахъ на вопросы, не могущіе найти съ его стороны удовлетворительное разрѣшеніе... Вѣдь никто же ему на слово не повѣритъ, если онъ увѣряетъ, что радости супруги и матери глубже переживаются въ сочувствіи, чѣмъ на собственномъ опытѣ" [4]). Съ подобными соображеніями Шлегеля нельзя не согласиться.

Намъ понятны нелестные отзывы Гете объ этомъ романѣ. Его Вертеръ былъ охваченъ страстью къ Лоттѣ, не отрицая и не превращая своего влеченія въ какую-то метафизическую потребность, между тѣмъ какъ въ Вольдемарѣ оно испаряется въ отвлеченный энтузіазмъ. Брюггеманъ отмѣчаетъ также ту разницу между Вертеромъ и Вольдемаромъ, что между тѣмъ какъ воображеніе перваго не порвало тѣсной связи съ внѣшнимъ міромъ, такъ что въ его мечтахъ ему постоянно является образъ любимой Лотты, напротивъ, воображеніе Вольдемара сдѣлалось гораздо независимѣе отъ реальнаго міра, „самостоятельнымъ существомъ съ собственной жизнью".

Пора, однако, вернуться къ взаимоотношеніямъ Гете и Якоби. Съ 1779 годомъ, годомъ выхода въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ романа Якоби, эти отношенія вступили въ новый фазисъ.

Лѣто 1779 года вообще образуетъ важную эпоху въ „веселой жизни" Веймарскаго общества. Дворъ „музъ и грацій" герцогини Анны Амаліи обогатился съ одной стороны графиней Бернсторфъ и

---

[1]) P. 77.
[2]) P. 78.
[3]) „Auf gegenseitiger Unheiratbarkeit".
[4]) P. 79.
[5]) *Brüggemann*, lib. cit., p. 129.

ея секретаремъ Боде, значительнѣйшимъ нѣмецкимъ переводчикомъ XVIII в., съ другой стороны I. Г. Меркомъ, чудаковатымъ ѣдкимъ критикомъ юношескихъ произведеній Гете, пріѣхавшимъ на шесть недѣль изъ Дармштадта. Въ прелестномъ охотничьемъ замкѣ Эттерсбургѣ близъ Веймара были представлены подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Гете различныя пьесы какъ серьезнаго, такъ и веселаго содержанія. Впервые были поставлены драмы Гете: „Прихоти влюбленнаго", „Прозерпина", а 12 іюня „Ифигенія", при участіи Гете, герцога Карла Августа и Короны Шретеръ. Охотно ставились и фарсы, не лишенные колкихъ насмѣшекъ не только надъ отсутствующими представителями литературы, но и надъ членами кружка Анны Амаліи и Карла Августа.

Подобныя насмѣшки и пародіи сами собой возникали въ кругу столь значительныхъ и крайне индивидуалистически настроенныхъ людей, находившихся въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ. И хотя Меркъ самъ участвовалъ во всѣхъ этихъ продѣлкахъ во время своего пребыванія въ Веймарѣ, Виландъ почему-то изливаетъ именно ему свои жалобы на „неопрятный духъ зубоскальства и шаржа, овладѣвшій передовыми людьми нашего общества, вытѣсняющій понемногу всякое чувство приличія, такта и стыда" [1]. Онъ настолько разочарованъ всѣмъ этимъ, что готовъ бѣжать изъ Веймара.

И Гете платилъ дань забавамъ просвѣщеннаго кружка веймарскихъ поклонниковъ и поклонницъ природы и поэзіи; но его творческій духъ не могъ удовлетворяться плодами такихъ минутныхъ настроеній и субъективной предвзятости. И кипучей увлекающейся натурѣ молодого герцога дальнѣйшее пребываніе въ атмосферѣ празднествъ и развлеченій не могло быть полезнымъ, по мнѣнію Гете. Въ августѣ 1779 г. они отправляются въ Швейцарію, чтобы стряхнуть съ себя на время обыденность однообразной жизни въ провинціальномъ городкѣ и лицомъ къ лицу съ величественной природой освѣжить умъ и сердце въ интимныхъ собесѣдованіяхъ.

До этого путешествія, въ іюнѣ или іюлѣ 1779 г., Гете успѣваетъ жестоко раскритиковать романъ своего бывшаго друга Якоби. Его ясному уму и стремившейся къ простотѣ и правдѣ природѣ былъ органически непріятенъ тотъ хаосъ безвыходныхъ анализовъ и

---

[1]) J. H. Mercks Schriften u. Briefw., herausg. v. K. Wolff, Insel Leipz. 1909 Bd. II, p. 144, 145.

бездѣйственныхъ изліяній всевозможныхъ чувствъ, которымъ отличается талантливое, но безформенное произведеніе Якоби. Творецъ „Ифигеніи“ успѣлъ сдѣлаться ожесточеннымъ врагомъ сентиментальнаго прекраснодушія, хотя его же „Вертеръ“ наиболѣе способствовалъ пышному расцвѣту эпохи нѣжной чувствительности. Особенно обезкураживало его то обстоятельство, что неестественныя отношенія между Генріэттой и Вольдемаромъ не выясняются самими героиней и героемъ, несмотря на нескончаемыя тирады и чувствительныя сцены, а ими же окончательно запутываются.

Уже тогда Гете стремился во всѣхъ положеніяхъ къ ясности, къ вѣрности самому себѣ, къ освобожденію своей личности отъ безплодныхъ, стѣсняющихъ его свободный могучій духъ отношеній. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ писалъ въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“: „Душевныя страданія, въ которыя мы попадаемъ по несчастію или благодаря нашимъ же ошибкамъ, разсудокъ не въ состояніи исцѣлять, разумъ лишь отчасти, время, быть можетъ, въ большей степени, и только рѣшительная дѣятельность способна исцѣлить ихъ совершенно“. И уже будучи семидесятитрехлѣтнимъ старцемъ онъ вычеканилъ афоризмъ, который могъ бы быть написанъ и тридцатилѣтнимъ поэтомъ, въ эпоху его распри съ Якоби: „Никому нельзя пожелать запутанныхъ обстоятельствъ личной жизни (unreine Lebensverhältnisse); однако для того, кого они случайно постигаютъ, они служатъ испытаніемъ характера и наивысшей степени его достиженій“ [1]).

Гете, собственно говоря, во всю свою жизнь проводилъ взгляды, изложенные имъ въ этихъ афоризмахъ; нерѣшительность Вольдемара и Генріэтты, обнаруживаемая ими въ осложненіяхъ ихъ личныхъ отношеній и усугубляемая милліономъ душевныхъ и нервныхъ терзаній, претила его свѣтлому уму и его принципу борьбы съ самимъ собой, „одолѣнія самого себя“; невыгодное впечатлѣніе увеличивалось еще благодаря тому обстоятельству, что Вольдемаръ и Генріэтта какъ бы кокетливо любуются самими собою и изліяніями своихъ чувствъ.

И чѣмъ могъ Гете удачнѣе заклеймить порожденіе нездоровой сверхчувствительности и претенціознаго самолюбія, какъ не пародіей на романъ, заключающейся въ томъ, что дьяволъ овладѣваетъ душой Вольдемара, причинившаго столько жестокихъ страданій бѣдной дѣвушкѣ? Творцу Фауста такой замыселъ былъ особенно близокъ. Въ

[1]) *Goethe*: Kunst und Altertum 1823.

разговорѣ съ Іоганной Шлоссеръ (рожд. Фальморъ) [1]) Гете самъ признается, что онъ „не избѣгнулъ соблазна написать пародію“ на конецъ романа, заключающуюся въ томъ, что дьяволъ овладѣваетъ Вольдемаромъ. „Слѣдуетъ лишь измѣнить нѣсколько строкъ“, утверждалъ Гете по сообщенію Іоганны Шлоссеръ, „и подобный конецъ сдѣлается совершенно неизбѣжнымъ“. Въ своей пародіи Гете примыкаетъ къ сценѣ составленія Вольдемаромъ письма Альвинѣ [2]), порожденнаго его отчаяніемъ и безсонницей и повергшаго, въ свою очередь, несчастную Генріэтту въ конвульсивные припадки горя и отчаянія.

Факсимиле пародіи издано нѣмецкимъ обществомъ библіофиловъ [3]), снабженное виньетками оригинала, изъ которыхъ первая изображаетъ дьявола, уносящаго голову Якоби, а вторая—въ концѣ текста—критика, высунувшаго языкъ [4]).

Пародія тѣмъ хороша, что Гете въ совершенствѣ сумѣлъ поддѣлаться подъ стиль Якоби: начало ея и даже образчикъ письма къ Альвинѣ цѣликомъ соотвѣтствуютъ оригиналу Якоби [5]). Здѣсь вышеупомянутое письмо къ Альвинѣ, въ которомъ Вольдемаръ излилъ мучившія его истерзанную душу чувства, оканчивается слѣдующими словами [6]): „Все мое знаніе досолѣ состояло изъ однихъ обрывковъ; нынѣ же я овладѣлъ имъ всецѣло; я до безумія преисполненъ истины и мудрости... я провидецъ, пророкъ и сподобилъ тебя моихъ откровеній, поучалъ тебя, прорицалъ тебѣ,... и теперь я долженъ идти дальше, чтобы возвѣстить о своихъ откровеніяхъ *подземнымъ духамъ*... Такъ оставь же меня, и да помилуетъ меня Господь Богъ“!

Далѣе опять слѣдуютъ слова романа Якоби, лишь отчасти перефразированныя благодаря появленію неожиданнаго гостя—дьявола [7])

---

[1]) Въ началѣ путешествія съ Карломъ Августомъ въ Швейцарію, ср. письмо Іоганны къ Ф. Якоби, 31 окт. 1779 г., въ Briefw. zw. G. n. F. H. J., herausg. v. Jacobi, 1846, p. 57.

[2]) Въ позднѣйшихъ редакціяхъ письмо адресуется самой Генріэттѣ.

[3]) Goethes Parodie auf F. Jacobis „Woldemar“, herausg. v. C. Schüddekopf, Weimar 1908, Gesellschaft der Bibliophilen.

[4]) Иначе толкуетъ смыслъ изобрѣтенія головы съ высунутымъ языкомъ Frida David въ цитированной книгѣ: F. H. J-s „Woldemar“, Leipz. 1913, p. 101, примѣчаніе.

[5]) Ср. напр. пародію (изд. C. Schüddekopf) стр. 4—12, съ другой стороны F. H. J-s Werke, Bd. V, стр. 454—456.

[6]) *Schüddekopf*, p. 13.

[7]) Стр. 13 и сл.

„Покамѣстъ Вольдемаръ писалъ это письмо, Генріэтта зашла случайно въ сосѣднюю комнату. Дверь его кабинета была заперта. Нѣсколько разъ она слышала, какъ онъ дѣлалъ какія-то конвульсивныя движенія и выкрикивалъ ужасныя проклятія [1]). Затѣмъ настала тишина. Но вотъ она услышала плачъ и рыданія... И опять эта гробовая тишина. Она попробовала за ручку, заперта ли дверь кабинета... дверь раскрылась.

„Онъ сидѣлъ, съ перевернутой шеей [2]), у стѣны, къ которой было придавлено его лицо [3]), какъ бы желавши впиться въ нее зубами, съ вытянутыми передъ собой руками и сложенными пальцами; ноги висѣли вдоль кресла, вздрагивая [4]), такъ что онѣ касались пола одними носками... Генріэтта подошла дрожа ближе. Она увидѣла написанное только что письмо, и ей бросились въ глаза послѣднія строки, имѣвшія очень большія и размашистыя буквы. Она думала, что письмо обращено къ ней и стала нетерпѣливо пробѣгать его глазами, начавъ съ послѣдней страницы; затѣмъ она начала читать его съ начала, думая все еще, что письмо относится къ ней, и недоумѣвая. Наконецъ она дошла до словъ: «Я не заговариваюсь въ бреду, Альвина»... Альвина? Она громко вскрикнула... Дьяволъ [5]) обернулся, вырвалъ изъ ея рукъ листъ письма и довольно грубо оттолкнулъ ее въ сторону. Она упала и ей казалось, будто съ ней вмѣстѣ провалилась вся земля. Но скоро она пришла вновь въ себя, вернулась, повисла на вывернутой шеѣ [6]) Вольдемара и, обливаясь слезами, осыпала его поцѣлуями. Нѣсколько разъ она пыталась говорить, но не могла, и все вновь должна была горько рыдать: отъ скорби она была близка къ обмороку, должна была перемѣнить положеніе и отыскать стулъ...

„Вольдемаръ глядѣлъ на нее... Онъ не могъ дольше выдержать! Грудь его вздымалась такъ, какъ будто весь міръ заколебался вмѣстѣ съ нимъ въ своихъ устояхъ [7]). «Ахъ, Генріэтта!» воскликнулъ онъ и въ послѣдній разъ [8]) упалъ передъ ней на колѣни. «Онъ по-

---

[1]) У Якоби: „звуки“.
[2]) У Якоби: „повернувъ голову“.
[3]) У Якоби: „онъ припалъ лицомъ“.
[4]) У Якоби: „согнутыя“.
[5]) У Якоби: „Вольдемаръ“.
[6]) У Якоби: „на шеѣ“.
[7]) „Als höbe die Welt sich aus ihren Angeln“ (die Angeln—петли).
[8]) У Якоби нѣтъ словъ: „въ послѣдній разъ“.

гибъ», закричалъ чортъ, «дай ему умереть на моихъ рукахъ!» [1]) Генріэтта была внѣ себя; она прижалась къ нему; рыдала, взирая къ небу. «Да», продолжала она [2]), «для меня теперь все кончено; но пока я еще живу, я должна любить тебя» и т. д. И въ такомъ духѣ продолжается діалогъ или скорѣе бесѣда Вольдемара, Генріэтты и дьявола, мучительная, патетическая и неестественная, вплоть до трагическаго финала.

Озаглавлена пародія слѣдующимъ образомъ: „Тайныя извѣстія о послѣднихъ часахъ *Вольдемара*, пресловутаго вольнодумца. О томъ, какъ Сатана задавилъ его и затѣмъ увлекъ его съ собою въ адъ, въ присутствіи и при жалобномъ воѣ его возлюбленной". Пародія представляетъ собою не тщательно продуманное литературное произведеніе, а порожденіе игриваго настроенія. Самъ Гете и не думалъ предать ее широкой гласности путемъ печати. Schüddekopf [3]) полагаетъ, что, быть можетъ, одинъ изъ членовъ Веймарскаго кружка, какая-нибудь Луиза фонъ-Гёхгаузенъ, неоднократно записывавшая и списывавшая плоды поэтической фантазіи Гете, внесла въ экземпляръ романа поправки его, основываясь какъ на своей памяти, такъ и на разспросахъ, которымъ она подвергала во время разговоровъ самого Гете.

Но сверхъ сочиненія вышеназванной пародіи Гете произвелъ надъ романомъ жестокую экзекуцію, названную имъ самимъ „Kreuzerhöhung". Влѣзши на старый дубъ Эттерсбургскаго парка, онъ пригвоздилъ обѣ крышки переплета къ стволу дерева и произнесъ надъ злополучнымъ дѣтищемъ своеобразной музы Якоби обличительную проповѣдь передъ столпившимися вокругъ дуба зрителями и зрительницами, вдоволь насмѣявшимися надъ безысходными душевными муками неврастеника Вольдемара и истеричной Генріэтты.

Слухъ объ этомъ публичномъ издѣвательствѣ, не затрогивавшемъ, однако, никоимъ образомъ чести или добраго имени Якоби, быстро проникъ за предѣлы веймарскаго герцогства и пошелъ гулять по кружкамъ и салонамъ нѣмецкихъ поэтовъ и поэтессъ. Уже 12-го сент. 1779 г. Софія Ларошъ запрашиваетъ у Виланда [4]), на чемъ осно-

[1]) У Якоби: „Я погибъ—дай мнѣ умереть въ твоихъ объятіяхъ!".

[2]) У Якоби: „онъ".

[3]) Goethes Parodie auf „Woldemar", Weimar, Gesellsch. der Bibliophilen 1908, p. 39, 40.

[4]) *K. Wagner*: Briefe an J. H. Merck, Darmstadt 1835, p. 180 и J. H. Mercks Schr. u. Briefw., herausg. von K. Wolff, Leipz. Insel 1909, II, p. 143 sq.

ваны слухи, дошедшіе до нея, о публичномъ глумленіи Гете надъ „Вольдемаромъ“, и Виландъ отвѣчаетъ ей 21-го сент. [1]): „Вы желаете знать истину о происшествіи съ письмами Вольдемара, а именно:

> что подъ дубомъ въ Эттерсбургѣ нѣкоторыя изъ нихъ были прочитаны, а затѣмъ Гете влѣзъ на дерево и произнесъ остроумную отповѣдь плохой книгѣ, и, наконецъ, онъ пригвоздилъ ее за оба конца переплета къ дубу, въ видѣ заслуженнаго наказанія и для острастки, вслѣдствіе чего публика громко ликовала и смѣялась.

На это я вамъ дамъ правдивѣйшій отвѣтъ, какой только могу дать:

> я не знаю, гдѣ здѣсь кроется правда, ибо я не былъ въ Эттерсбургѣ, я не присутствовалъ при совершеніи этой мальчишеской выходки.

Если бы я присутствовалъ, то готовъ биться объ закладъ, что дѣло не зашло бы такъ далеко... Люди [присутствовавшіе при экзекуціи] разсказали мнѣ все событіе съ выше перечисленными обстоятельствами... Нѣсколько дней спустя я вновь заѣхалъ въ Эттерсбургъ и мнѣ напомнили, когда я собрался погулять въ лѣсу, чтобъ я хорошенько оглядывался по сторонамъ. Наконецъ я увидѣлъ брошюру въ синей обложкѣ, пригвожденную къ дубу такимъ образомъ, какъ, напр., обычно пригвождаютъ хищныхъ птицъ къ большимъ воротамъ усадьбы. Что это за брошюра, никто не хотѣлъ сказать, а я не могъ видѣть, какая это книга. А впрочемъ вы и Якоби уже съ давнихъ поръ могли бы знать Гете и сообразить сами, на что онъ способенъ или нѣтъ“.

Въ тотъ же день Виландъ писалъ и Мерку [2]) о томъ же событіи: „Мнѣ жаль, что каждая шалость, совершающаяся въ Веймарѣ или Эттерсбургѣ, Богъ знаетъ по какимъ каналамъ выносится на свѣтъ Божій, какъ ты можешь усмотрѣть изъ прилагаемаго образчика, т. е. изъ подлиннаго письма г-жи Ларошъ“ [3]).

Тѣмъ временемъ и самъ Якоби провѣдалъ про „шалость“ Гете, хотя друзья и старались скрыть ее отъ него. Глубоко оскорбленный какъ въ личныхъ чувствахъ, такъ и въ своемъ авторскомъ само-

---

[1]) *R. Zöppritz*: Aus F. H. J—s Nachlass, Leipz. 1869, II, p. 175.

[2]) M-s Schr. u. Briefw., 1909, II, p. 144.

[3]) См. выше.

любіи, онъ обратился къ самому Гете съ письмомъ [1]), съ первыхъ же словъ приступая къ выясненію мучившаго его душу скорбнаго недоумѣнія: „Мнѣ передаютъ, что ты самымъ унизительнымъ образомъ поглумился надъ Вольдемаромъ и его авторомъ въ свѣтскомъ обществѣ, сдѣлалъ его посмѣшищемъ передъ всѣми и, въ концѣ концовъ, произвелъ позорную и возмутительную экзекуцію надъ прекрасно переплетеннымъ экземпляромъ книги.—Слухъ этотъ настолько распространенъ, что онъ дошелъ, наконецъ, и до моего свѣдѣнія...“ Затѣмъ Якоби приводитъ выдержку изъ письма Гете, написаннаго имъ въ апрѣлѣ 1775 г., дышащаго довѣріемъ къ другу и воскрешающаго блаженные дни въ Кельнѣ, когда Якоби изливалъ „священныя слезы“ на груди Гете, и продолжаетъ: „Если бы въ то время слухъ, подобный нынѣшнему, дошелъ до меня, то я въ глаза бы плюнулъ тому, кто ему повѣрилъ бы. Но съ тѣхъ поръ настали иные дни.

„Здѣсь не мѣсто для обсужденія твоего отношенія ко мнѣ. Ты знаешь, что̀ я могъ ожидать, долженъ былъ ожидать, и что̀ не случилось...

„Что касается непріязненнаго обвиненія, будто въ Вольдемарѣ я хотѣлъ обоготворить самого себя и выставить себя на публичное поклоненіе, то мнѣ было бы очень больно, еслибъ ты дѣйствительно произнесъ его, разъ ты унизился до сообщенія столь низменныхъ сплетенъ...“ Якоби съ негодованіемъ отвергаетъ обвиненіе въ самовосхваленіи и пишетъ дальше:

„Но письмо мое и безъ того вышло слишкомъ пространнымъ, и ты, вѣроятно, уже бросилъ его съ отвращеніемъ подъ столъ. Едва ли ты вознамѣришься отвѣчать мнѣ на него, и такимъ образомъ твое молчаніе послѣ истекшихъ трехъ недѣль будетъ мнѣ достаточнымъ отвѣтомъ“.

И Гете промолчалъ; письмо Якоби настигло его во Франкфуртѣ, въ началѣ путешествія въ Швейцарію. Въ Эммендингенѣ онъ по этому поводу долго бесѣдовалъ съ „Tantchen“, Іоганной Шлоссеръ, взявшей такимъ образомъ вторично на себя роль посредницы между Якоби и Гете, но на сей разъ безуспѣшно. Въ подробномъ письмѣ [2]) она сообщаетъ племяннику содержаніе этой бесѣды, сводившейся къ

[1]) 15-го сентября 1779 г. Briefw. zw. G. u. F. H. J., 1846, p. 53 или G. u. seine Freunde im Briefw., herausg. v. R. M. Meyer, 1909, I, p. 299 sq.

[2]) 31. X. 1779. Briefw. zw. G. u. F. H. J., 1846, p. 57 или R. M. Meyer: G. u. seine Freunde im Briefw., Berl. 1909, Bd. I, p. 572 sq.

совершенно объективной передачѣ событія въ томъ видѣ, въ какомъ его представилъ Іоганнѣ самъ виновникъ всего переполоха. Между прочимъ онъ заявилъ: „Сколько бы ни было прекрасныхъ деталей и великаго чуднаго смысла въ романѣ, но онъ, Гете, не въ состояніи вынести того, что можно бы назвать ароматомъ [1]) этой книги (иначе онъ не можетъ выразиться). И потому онъ не устоялъ противъ соблазна пародировать конецъ книги, а именно что чортъ уноситъ съ собою Вольдемара,—изъ минутной выдумки и прихоти... Онъ говорилъ обо всей этой исторіи совсѣмъ безобидными словами, и старался меня увѣрить, что всѣ эти прихоти не имѣютъ ничего общаго съ его прочими душевными качествами. Онъ клялся, что желалъ бы твоего присутствія при этомъ событіи... Быть можетъ, онъ напишетъ тебѣ, по возможности еще во время здѣшняго пребыванія. Я настаивала на томъ, что это—его долгъ, что онъ долженъ писать тебѣ,—но это не случилось. Тѣмъ не менѣе твое огорченіе причиняло ему искреннее сожалѣніе“...

Письмо не было написано Гете, Якоби же не стѣснялся болѣе въ жесткихъ выраженіяхъ суроваго осужденія поведенія своего бывшаго друга, напр. въ сношеніяхъ съ Г. Хр. Бойе, издателемъ Геттингенскаго Альманаха Музъ [2]), или въ перепискѣ съ Георгомъ Форстеромъ [3]), съ Глеймомъ; послѣдній побаивался сатирически настроеннаго Гете, котораго онъ считалъ способнымъ учинить надъ нимъ столь же безжалостный судъ, какъ надъ Лейксенрингомъ, Виландомъ, Якоби.

Письмо Глейма [4]), написанное 21-го ноября 1781 г., хорошо характеризуетъ этого поэта со стороны добродушной мягкости его незлобивой души и заслуживаетъ быть помѣщеннымъ здѣсь почти цѣликомъ: „Хорошо было бы, дражайшій, еслибъ вы не сдѣлали меня повѣреннымъ вашего происшествія съ Гете... Всѣ мои друзья по уши были влюблены въ этого ангела Гете. Но въ его писаніяхъ я

---

[1]) Ср. размышленія, занесенныя имъ въ дневникъ 14-го іюля 1779 г.: „Каждая работа любого человѣка имѣетъ какъ бы свой запахъ. Какъ въ грубомъ смыслѣ всадникъ пахнетъ конюшней, книжная лавка слегка пахнетъ гнилью, такъ оно бываетъ и въ отношеніи болѣе возвышенныхъ занятій“. Ср. Tagebücher, ausgew. v. H. G. Gräf, Insel Leipz. 1908, p. 18 или C. Schüddekopf: G-s Parodie auf F. J-s „Woldemar“, Weimar Gesellsch. der Biblioph., 1908, p. 47.

[2]) Ср. *K. Weinhold*: H. Chr. Boie, Halle 1868, p. 221—223.

[3]) Ср. *R. Zöppritz*: Aus F. H. J-s Nachlass, I, p. 21.

[4]) Goethe-Jahrbuch, *XXVIII*. Bd., 1907, p. 241, 242.

не находилъ ангела; Боги, Герои и Виландъ, твореніе Гете, доказывало мнѣ, что у него двѣ головы: голова ангела (ибо всѣ друзья твердили въ унисонъ съ Лафатеромъ о красотѣ Гете) и другая голова—голова злого духа... Въ теченіе получаса у принца Константина [1]) за столомъ онъ мнѣ казался хорошимъ человѣкомъ, и я уже сталъ опровергать себя и другихъ, дурно отзывавшихся о Гете; но ангелъ исчезъ въ тотъ же часъ,... и я увидѣлъ второго Гете съ его вторымъ лицомъ; глаза его, когда онъ смотрѣлъ на меня, были глазами—не могу я припомнить злого демона Мессіады, обладающаго глазами, подобными Гетевскимъ. Однимъ словомъ, любезный мой, слава Тебѣ Господи, что я не сдѣлался другомъ Гете, я съ нимъ поссорился бы хуже, чѣмъ со Спальдингомъ [2]) или Рамлеромъ" [3]).

Гейнзе вполнѣ раздѣлялъ со своими друзьями отрицательное отношеніе къ поступку Гете, но онъ не предалъ анаѳемѣ личности геніальнаго поэта, а съ гнѣвомъ обрушился на доносчиковъ и сплетницъ, услужливо передававшихъ и раздувавшихъ слухи о тѣхъ или иныхъ продѣлкахъ и слабостяхъ выдающихся писателей. Въ пространномъ посланіи [4]) изъ Венеціи, весьма содержательномъ въ смыслѣ историко-литературнаго матеріала, находящагося въ немъ, Гейнзе касается и „исторіи о распятіи Вольдемара" (Kreuzerhöhungsgeschichte), какъ называлъ Гете свою выходку: „Это—студенческая шалость, въ родѣ Алкивіадовыхъ продѣлокъ, къ которымъ аѳиняне относились довольно благодушно"... И дальше: „Не понимаю, почему вы вплоть до 1780-хъ годовъ портите себѣ настроеніе этими размышленіями о Гете. Такимъ обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ полагаетъ Лессингъ, онъ никогда не станетъ: внутренняго содержанія не измѣнитъ никакая чеканка.—Ахъ, еслибъ люди общались другъ съ другомъ, то многаго не случилось бы! Духъ этого человѣка справедливъ и добръ, но фантазія—дьявольская".

Лафатеръ былъ посвященъ во всѣ перипетіи этой исторіи самимъ Якоби, переславшимъ ему связку писемъ [5]), относящихся къ сему непріятному происшествію. Дружба Гете съ этимъ проповѣдникомъ

---

[1]) Младшаго брата герцога Карла Августа.

[2]) Писатель-богословъ.

[3]) Извѣстный прусскій поэтъ, славившій дѣянія Фридриха II, сочинитель напыщенныхъ одъ и посланій.

[4]) W. Heinses sämtliche Werke, herausg. v. C. Schüddekopf, Insel Leipz., Bd. X, Briefe, 1910, p. 75—90; наша цитата находится на 87-й стр.

[5]) Goethes Parodie auf „Wold"., herausg. v. Schüddekopf, 1908, p. 50.

и мистикомъ была въ то время на исходѣ, тѣмъ не менѣе Лафатеръ счелъ правильнымъ обратиться лично и безъ обиняковъ къ Гете [1]). Послѣдній отвѣчаетъ ему 7-го мая 1781 г. [2]): „Все это фактъ, но, собственно говоря, не болѣе, чѣмъ давнишняя устарѣвшая буффонада, которую тебѣ слѣдовало бы игнорировать... Такъ какъ ты меня хорошо знаешь, то ты могъ бы чутьемъ объяснить себѣ происшествіе. Легкомысленное опьяненіе яростью, задорная жестокость, съ которой я преслѣдую все половинчатое и двойственное, и бѣшенство, одолѣвающее меня, когда я чую этотъ привкусъ претенціозности, тебѣ вѣдь въ достаточной степени извѣстны".

Якоби тѣмъ болѣе считалъ себя обиженнымъ непонятнымъ, по его мнѣнію, отношеніемъ къ его любимому дѣтищу со стороны Гете, что другіе выдающіеся представители нѣмецкой литературы, за исключеніемъ веймарскаго кружка и нѣсколькихъ бурныхъ геніевъ, отнеслись къ нему довольно доброжелательно, напр. графъ Фр. Штольбергъ, упомянутый нами путешественникъ-писатель Г. Форстеръ. Правда, съ одной стороны Якоби былъ разочарованъ Мэзеромъ (Möser) [3]), помѣстившимъ его романъ въ опроверженіи критическаго трактата Фридриха Великаго „De la littérature allemande" рядомъ съ прочими чувствительными романами, тутъ же упоминая о „Klostergeschichte" Миллера. Недоволенъ Якоби и Лафатеромъ [4]), сопоставившимъ его съ Миллеромъ и Клаудіусомъ.

Но зато громадное удовлетвореніе должна была доставить Якоби похвала великаго Лессинга. Послѣдній пишетъ Якоби, пересылая ему экземпляръ своего „Натана" [5]): „Авторъ Натана охотно вознаградилъ бы автора Вольдемара за то наслажденіе и поученіе, которыя доставило ему чтеніе романа. Но чѣмъ? «Натаномъ»? Едва ли. «Натанъ»—дитя наступающей старости, порожденное полемикой его автора". Мы удивляемся вкусу, обнаруженному Лессингомъ въ данномъ случаѣ, совершенно неожиданному для насъ. Это пристрастіе Лессинга къ роману Якоби можно, пожалуй, отчасти объяснить философскимъ содержаніемъ романа. Понятенъ тотъ восторгъ, съ кото-

---

[1]) G. u. Lavater, Briefe u. Tagebücher, herausg. v. H. Funck, Schriften der Goethe-Ges., 16. Bd., 1901, p. 174, 175.

[2]) Ibid., p. 177.

[3]) Ausserles. Briefwechsel, I, p. 324, 325.

[4]) Ibid., p. 325.

[5]) Вольфенбюттель, 18-го мая 1779 г., ibid., p. 284, 285.

рымъ Якоби благодарилъ великаго критика за его лестныя строки [1]: „... И какъ это Вы могли упомянуть моего бѣднаго «Вольдемара», эту прихотливую вещицу, рядомъ съ «Натаномъ»?"... Здѣсь скромность весьма къ лицу Якоби.

Съ Гете же всякія отношенія прекратились, такъ какъ онъ не отвѣтилъ на письмо взволнованнаго Якоби, приведенное нами выше, а выраженія сожалѣнія, переданныя Гете въ частной бесѣдѣ Іоганнѣ Фальмеръ-Шлоссеръ, и примирительныя попытки послѣдней не оказали никакого вліянія на убѣжденіе Якоби въ глубокой виновности Гете.

Спустя три года Гете вспомнилъ о своемъ бывшемъ другѣ; его благородное сердце не могло примириться съ мыслью, что уважаемый имъ человѣкъ продолжалъ чувствовать себя оскорбленнымъ имъ, давно уже забывшимъ какъ причину своего раздраженія, такъ и выходку безудержнаго темперамента. Пусть, однако, самъ Гете говоритъ о стимулахъ, побудившихъ его написать прекрасное письмо 2-го октября 1782 г. [2]: „Дорогой Фрицъ! Дай мнѣ еще одинъ разъ назвать себя этимъ именемъ, и если ты пожелаешь, въ послѣдній разъ, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, разстались съ миромъ.... Когда самъ становишься старше, а міръ кажется все тѣснѣе, то вспоминаешь порою съ болью о тѣхъ временахъ, когда иногда изъ простого времяпрепровожденія отталкивалъ отъ себя друзей и въ легкомысленномъ задорѣ не былъ въ состояніи ни чувствовать наносимыхъ имъ ранъ, ни залѣчивать ихъ вновь"....

Такимъ образомъ гордый и независимый Гете, шагнувшій далеко впередъ въ совершенствованіи міросозерцанія и характера, неутомимо работавшій надъ самимъ собою, самъ протянулъ руку Фридриху Якоби, превозмогши себя и исполняя тѣмъ самымъ высокій девизъ одного изъ лучшихъ своихъ стихотвореній:

Von der Gewalt, die alle Wesen bindet,
Befreit der Mensch sich, der sich überwindet.

Съ радостнымъ волненіемъ Якоби отвѣчалъ на это письмо, послѣ чего Гете, увѣрившись въ сердечной симпатіи дюссельдорфскаго друга, въ новомъ письмѣ сдѣлалъ ему потрясающія признанія въ

---

[1]) 20-го августа 1779 г., ibid. 287. Ср. также Er. Schmidt: Lessing, Berlin, 1899, II (изд. 2-ое), p. 601, 602.

[2]) Goethe u. seine Freunde im Briefw., herausg. v. R. M. Meyer, Berlin Bondi 1909, I, p. 301.

овладѣвшемъ имъ чувствѣ одиночества и въ тяжелыхъ душевныхъ переживаніяхъ, выпавшихъ на долю и этого выдающагося баловня природы. Строки, посвященныя этимъ размышленіямъ, имѣютъ крупный автобіографическій интересъ. Посылая вмѣстѣ съ письмомъ свою драму „Ифигенію", онъ пишетъ, что она можетъ ему служить доказательствомъ „тихаго собесѣдованія съ существами высшаго порядка въ теченіе 4-хъ недѣль", и продолжаетъ [1]): „... Я покоряюсь своей судьбѣ и страдаю тамъ, гдѣ другіе наслаждаются, наслаждаюсь, гдѣ иные страдаютъ. Я несказанно страдалъ за это время, и сердечно радъ, что ты съ довѣріемъ взираешь на меня... Порой мнѣ кажется, что природа моя нуждалась въ ударахъ могучаго молота, чтобы быть очищенной отъ присущихъ ей шлаковъ, и чтобы сердце мое стало просвѣтленнымъ. И тѣмъ не менѣе: сколько въ немъ еще прячется всякихъ недостатковъ!.."

Здѣсь умѣстно будетъ привести цѣликомъ письмецо Якоби отъ 22-го ноября 1782 г. [2]), доказывающее, что въ отношеніи восторженнаго культа дружбы онъ былъ неисправимъ и на 40-мъ году жизни: такое письмо онъ могъ написать и въ 1774 г. „Я получилъ твою посылку, милый, и повисъ на твоей шеѣ. Но иначе, чѣмъ прежде. Братъ! Изъ нѣдръ души моей, безъ словъ, безъ образа, безъ понятія, я взываю къ тебѣ: братъ! Мнѣ хотѣлось бы выплакаться вволю, но не хочу избавиться отъ сладостныхъ слезъ, текущихъ изъ глазъ моихъ.—Писанье мѣшаетъ мнѣ. Пошли мнѣ свой портретъ. Прощай!"

Отнынѣ переписка обоихъ писателей уже не прекращается болѣе. Оба относятся другъ къ другу съ несомнѣннымъ уваженіемъ, но постоянно сознаютъ и различіе своихъ характеровъ и взглядовъ. Въ этомъ отношеніи показательны какъ письма Гете, въ которыхъ онъ излагаетъ [3]) свою точку зрѣнія на философію Спинозы и на полемику Якоби съ Мендельсономъ объ отношеніи Лессинга къ еврейскому философу, такъ, напр., и письмо Якоби къ Гете отъ 12-го апрѣля 1791 г. [4]), содержащее отзывъ о его драмѣ „Торквато Тассо". „Слишкомъ, пожалуй, онъ [Тассо] напомнилъ мнѣ Руссо, который всегда мнѣ былъ противенъ... Характеръ Антоніо изображенъ слишкомъ схематично, я его не могу себѣ представить въ видѣ индиви-

---

[1]) *R. M. Meyer*, ibid., p. 304.

[2]) *R. M. Meyer*, ibid., p. 304, 305.

[3]) *R. M. Meyer*, ibid., p. 306 — 310 (9-го іюня, 11-го сент. 1785 г., 5-го мая 1786 г.).

[4]) *R. M. Meyer*, ibid., p. 311.

дуума. Такимъ же недостаткомъ отличается, по моему мнѣнію, и графиня Санвиталэ. Это мнѣ мѣшало при чтеніи. А впрочемъ ты ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не казался мнѣ выше въ области чувства и умозрительной философіи“.

Съ этимъ письмомъ мы приблизились къ эпохѣ въ жизни Гете, когда кромѣ писемъ отдѣльныя событія въ его жизни иллюстрировались и другими свидѣтельствами, писанными его же рукой. Въ концѣ декабря онъ навѣщаетъ своего друга въ послѣдній разъ и вновь уноситъ съ собою впечатлѣніе о „прекрасномъ жилищѣ семейнаго блаженства“ (письмо отъ 10-го декабря 1792 г.). Въ слѣдующемъ году, весной 1793 г., Гете нехотя разстался съ Христиной и маленькимъ Августомъ, а также съ своими занятіями естественными науками и отправился въ походъ вслѣдъ за своимъ государемъ, Карломъ Августомъ. Мемуары его объ обоихъ походахъ, подъ названіемъ „Kampagne in Frankreich“ и „Belagerung von Mainz“ вышли значительно позднѣе (въ 1822 году). Первое его отсутствіе изъ Веймара продолжалось отъ 8-го августа до 17-го декабря 1792 г., второе — отъ 11-го мая до 22-го августа 1793 г. Насъ здѣсь интересуетъ первое его путешествіе, сопряженное съ продолжительнымъ пребываніемъ въ Пемпельфортѣ (отъ 7-го ноября по 4-е декабря 1792 г.).

Гете инымъ человѣкомъ навѣстилъ семейство Якоби, чѣмъ онъ былъ въ 1774 г. Тоска неудовлетвореннаго сердца, бурное исканіе природы и жажда кипучей дѣятельности смѣнились мужественнымъ реализмомъ и стойкостью стремленій зрѣлыхъ годовъ. Уже онъ не метался изъ стороны въ сторону, отъ одного интереса къ другому, впадая изъ изступленнаго экстаза, выраженнаго, напр., въ стихотвореніяхъ „Kenner und Enthusiast“ или „Mahomet“, въ глубокую меланхолію Вертера, или призывая небесный міръ въ измученную душу:

Süsser Friede, komm', ach komm' in meine Brust.

Неутомимо поработавшій надъ самимъ собой, „ведомый Господомъ Богомъ человѣкъ“ [1]) навѣщаетъ Пемпельфортъ, сіе гнѣздо застарѣлаго, чуждаго эволюціи сентиментализма.

Euch find ich noch, wie ich euch sah,—
Ein andrer bin ich wieder da

могъ сказать Гете, погружаясь вновь въ сферу интересовъ и чаяній мистически настроеннаго кружка Якоби: „я сдѣлался другимъ человѣкомъ и появился среди старыхъ друзей, ставъ для нихъ почти со-

[1]) „Der gottgeführte Mensch“.

всѣмъ чужимъ", признается онъ самъ во „Французской кампаніи" [1]). Умудренный жизненнымъ опытомъ, старикъ Гете [2]) подводитъ итоги своей богатой содержаніемъ жизни, говоря объ итальянскомъ путешествіи какъ о завершеніи своихъ тоскливыхъ мечтаній, о своихъ занятіяхъ искусствомъ и античными писателями, дающими человѣку внутреннюю поддержку и заполняющими душу его „великими представленіями и убѣжденіями" [3]). Извѣстно также, что послѣ поѣздки въ Италію процессъ постепеннаго отчужденія Гете отъ окружающихъ его людей совершался все въ большей степени, чему весьма способствовали усиленныя занятія естествознаніемъ. „Въ уединеніи лѣсовъ и садовъ, въ мракѣ лабораторій я бы подъ конецъ сталъ совсѣмъ одинокимъ, если бы счастливыя домашнія обстоятельства меня не услаждали самымъ милымъ образомъ [4]). «Римскія элегіи» и «Венеціанскія эпиграммы» относятся къ этому времени".

Въ Пемпельфортъ Гете прибылъ ночью, радостно привѣтствуемый всѣми членами семьи своего друга. Слѣдующіе дни протекли въ оживленныхъ бесѣдахъ. „Насъ развлекали моральныя и литературныя разсужденія, при чемъ проявившійся реализмъ мой имъ не особенно понравился" [5]). И понемногу какъ Гете, такъ и гостепріимные хозяева пришли къ убѣжденію, что ихъ вкусы, интересы и общественные взгляды значительно разошлись за восемь лѣтъ, и они стали осторожно избѣгать обсужденія вопросовъ, могшихъ вызвать недоумѣніе или ожесточенные споры. Такъ, Гете почувствовалъ, что послѣднія его произведенія, за исключеніемъ „Ифигеніи", не нашли въ этомъ кружкѣ никакого одобренія. Столь же мало ему посчастливилось съ естественнонаучными занятіями [6]): „серьезную страсть къ этимъ занятіямъ никто не хотѣлъ понять, никто не видѣлъ, какъ она возникала изъ самыхъ нѣдръ моего внутренняго міра; они считали это похвальное стремленіе капризомъ и заблужденіемъ; по ихъ мнѣнію, я могъ бы заняться лучшимъ, давъ своему таланту прежнее направленіе. Они себя тѣмъ болѣе чувствовали въ правѣ, что мой образъ мыслей совсѣмъ не примыкалъ къ ихъ міросозерцанію, а на-

[1]) Goethes sämmtl. Werke, Jubiläums-Ausgabe, Cotta, XXVIII, p. 148.

[2]) Въ 1822 году.

[3]) Ibid., p. 149.

[4]) Ibid. Гете говоритъ здѣсь о своемъ „Erotikon", о любовной связи съ Христиной.

[5]) Ibid., p. 151.

[6]) Ibid., p. 155.

противъ, приходилъ въ большинствѣ случаевъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Нельзя себѣ представить болѣе изолированнаго человѣка, чѣмъ я былъ въ тѣ времена". Да, лишь въ лицѣ Шиллера Гете обрѣлъ, наконецъ, въ 1794 году, достойнаго его друга, понимающаго его и все же самостоятельнаго, направленнаго въ своихъ стремленіяхъ къ познанію и проповѣди высшихъ идеаловъ неогуманизма.

Отъ 7-го до 10-го декабря Гете провелъ затѣмъ въ Мюнстерѣ, у набожной католички княгини Голицыной. Княгиня старалась воздѣйствовать на эллинскій духъ великаго язычника, но, конечно, тщетно: „я повторилъ мягко и спокойно свое обычное credo, а она осталась при своемъ. Каждый отправился своей дорогой; она напослѣдокъ пожелала встрѣтиться со мной если не здѣсь, то *тамъ*. Подобная формула прощанія благожелательныхъ и привѣтливыхъ людей не была мнѣ ни чуждой, ни непріятной, и я не понимаю, почему бы я могъ сердиться на человѣка, желающаго вовлечь меня въ свою сферу, гдѣ, по его убѣжденію, только и возможна спокойная жизнь и безмятежная смерть въ сознаніи вѣчнаго блаженства" [1]). Подобные взгляды, свидѣтельствующіе о полной терпимости и даже уваженіи Гете къ чуждымъ ему взглядамъ, если только они высказывались честными и искренними людьми, разбросаны тамъ и сямъ во „Французской кампаніи" и въ „Осадѣ Майнца", двухъ недостаточно оцѣненныхъ произведеніяхъ зрѣлаго писателя, требующихъ, конечно, нѣкоторой зрѣлости и со стороны читателей.

Менѣе терпимо Гете относился къ Лафатеру, слишкомъ назойливо пытавшемуся склонить Гете и иныхъ членовъ веймарскаго общества къ своему міросозерцанію. Изъ лагеря подъ Маріенборномъ Гете съ досадой пишетъ 7-го іюля 1793 г. Фрицу Якоби о путешествіи „пророка" на сѣверъ [2]): „Онъ знаетъ свое ремесло, и ему прекрасно извѣстно, съ кѣмъ ему слѣдуетъ заключать союзъ. Впрочемъ, какъ извѣстно, все дозволяется, лишь бы имя Господне было прославлено. Онъ и въ Веймарѣ что-то выслѣживалъ, но наше радикальное язычество, такъ же какъ и общее недовѣріе быстро изгнали его".

Гете не терпѣлъ прозелитизма, какъ онъ въ свою очередь, чѣмъ старше онъ становился, не стѣснялъ другихъ людей въ ихъ вѣрованіяхъ и взглядахъ. Въ своихъ „Анналахъ" за 1794 годъ онъ

---

[1]) Werke, Jubiläumsausg., Cotta, XXVIII, p. 193.
[2]) *R. M. Meyer*, op. cit., I, p. 315.

проводитъ параллель между нетерпимостью Лафатера и Якоби: „И какъ Лафатеръ требовалъ, чтобы мы по его примѣру пресуществлялись въ причастіи, такъ Якоби настаивалъ на томъ, чтобы мы переняли его индивидуальный, глубокій, трудно доступный образъ мышленія. Княгиня же нашла возможность въ католическомъ міропониманіи жить и дѣйствовать согласно своимъ благороднымъ цѣлямъ, подчиняясь всецѣло церковнымъ обрядамъ. Оба любили меня искренно и, хотя и предоставляли мнѣ жить по-своему, никогда не переставали лелѣять смиренную, плохо скрываемую надежду, пріобщить меня къ своему міросозерцанію...“ [1]). А Гете органически не переносилъ подобныхъ попытокъ и сторонился людей, производившихъ ихъ.

Тѣмъ временемъ появилось новое изданіе „Вольдемара“, посвященное Гете, тому самому, который такъ безбожно пародировалъ первое изданіе: „Я посвящаю тебѣ произведеніе, которое не было бы начато и врядъ ли было бы закончено безъ тебя; оно принадлежитъ тебѣ; я посвящаю его тебѣ, никому иному. Ты чувствуешь смыслъ этихъ словъ, мой старый другъ, и пожимаешь мою руку—тоже какъ никому иному...

„Любя, гнѣвно и грозно ты взывалъ ко мнѣ въ прежнія времена, что я долженъ отказаться отъ скромности, не довольствоваться творчествомъ другихъ людей, не глядѣть только на ихъ творенія, а посмотрѣть на собственныя руки, тоже преисполненныя Господомъ Богомъ способности творить искусство.

„Не могъ я противостоять твоей волѣ, могучій другъ... Я приступилъ къ созиданію «Вольдемара»“ [2]).

Далѣе Якоби говоритъ о причинахъ, побудившихъ его къ пересмотру и переработкѣ этого романа. Важную роль въ принятіи этого рѣшенія сыграло чтеніе „Торквато Тассо“ Гете, напомнившее ему во многихъ отношеніяхъ положеніе дѣйствующихъ лицъ романа. Не считавшаяся съ реальными условіями жизни страсть вдохновеннаго поэта къ сдержанной, живущей умственными интересами, принцессѣ Элеонорѣ живо напоминала Якоби мучительныя отношенія Вольдемара къ Генріэттѣ, и эта мысль вызвала въ немъ желаніе вновь заняться своимъ злополучнымъ романомъ, пользовавшимся въ читающей публикѣ несомнѣнной извѣстностью, на чтó указываетъ замѣчаніе Якоби, что онъ насилу могъ достать экземпляръ романа.

---

[1]) „Annalen“, 1794. Jubiläumsausgabe, Cotta, XXX, p. 30.

[2]) *Werke*, V, 1820, p. IX sq.

Многое въ этой книгѣ не понравилось самому автору, чистосердечно въ этомъ признающемуся въ своемъ посвященіи: „Особенно же возмутили меня послѣднія страницы, чтеніе которыхъ оставило такой нестерпимый привкусъ, что я охотно уничтожилъ бы какимъ нибудь волшебствомъ маленькое чудовище, если бы это было въ моей власти“ [1]). Отсюда родилась мысль подвергнуть все произведеніе коренной переработкѣ, что и было исполнено авторомъ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ. Эта редакція романа подверглась рѣзкой критикѣ [2]) со стороны молодого романтика Фридриха Шлегеля, о чемъ уже было упомянуто выше. Якоби весьма мало понравился высокомѣрный тонъ рецензіи, о чемъ онъ и жаловался въ письмѣ къ Гете. Отвѣтъ послѣдняго можетъ служить образчикомъ философскаго отношенія его къ критикамъ его собственныхъ произведеній [3]): „Я не желалъ дочитать задорную рецензію твоего Вольдемара. Если кто-нибудь, вмѣсто того, чтобы нарисовать какъ слѣдуетъ силуэтъ человѣка, ставитъ свѣчу такъ неудачно, что на стѣнѣ получается изображеніе рожи, и затѣмъ предлагаетъ эти произведенія публикѣ подъ девизомъ fiat justitia et pereat mundus, то иного ничего не остается сдѣлать, какъ остаться спокойнымъ и безучастнымъ. Мнѣ кажется, что ты еще недостаточно закаленъ для выходокъ двадцатилѣтняго автора“.

Въ это же время Гете тоже заканчивалъ переработку романа, первоначальная редакція котораго также относится еще къ 70-мъ годамъ (и къ 80-мъ). Произведеніе непосредственныхъ переживаній и смѣны веймарскихъ настроеній, „Wilhelm Meisters theatralische Sendung“, превратилось послѣ путешествія въ Италію и въ первомъ году тѣсной дружбы Гете съ Шиллеромъ въ романъ болѣе выдержаннаго стиля „Wilhelm Meisters Lehrjahre“. Какое-то внутреннее чутье долго удерживало Гете [4]) отъ посылки романа своему дюссельдорфскому другу; когда же онъ, наконецъ, сдѣлалъ это, то убѣдился, что предчувствія его не обманули. Моралистъ-писатель отнесся къ роману Гете, какъ и слѣдовало ожидать, морализирующе, о чемъ Гете не преминулъ сообщить Шиллеру, со стороны же Шиллера послѣдовала та рѣзкая отповѣдь неудачнымъ посягательствамъ Якоби, которая

---

[1]) Ibid., p. XII, XIII.
[2]) *J. Minor*: Fr. Schlegel 1794—1802, Wien 1906, II, p. 72—91.
[3]) *R. M. Meyer*, G. u. seine Freunde im Briefw., I, p. 323.
[4]) Ср. письмо отъ 2-го февр. 1795 г.: *R. M. Meyer*, op. cit., I, p. 321.

приведена выше какъ образчикъ могучаго роста эстетико-литературныхъ взглядовъ Шиллера къ началу его дружескихъ сношеній съ Гете.

Отношеніе Якоби къ „Вильгельму Мейстеру" послужило отчасти причиной, побудившей Гете не послѣдовать настойчивымъ приглашеніямъ друга, переселившагося тѣмъ временемъ въ Голштинію. Въ своихъ „Анналахъ" за 1796 годъ Гете слѣдующимъ образомъ объясняетъ свои колебанія [1]): „Особенно же меня удерживало сознаніе, что *тамъ* существовало намѣреніе ограничивать мою человѣческую и поэтическую свободу всякими стѣсненіями кодекса ходячей морали... Его [scil. Якоби] письма о Вильгельмѣ Мейстерѣ не были одобрительны: самому другу и его знатной средѣ [2]) реализмъ романа, посвященнаго къ тому же изображенію низкихъ слоевъ общества, не былъ пріятенъ; по части благопристойности дамы тоже не были довольны, и только одинъ членъ этого общества, графъ Бернсторфъ, сталъ на сторону злополучной книги. Тѣмъ менѣе, конечно, автора разбирала охота лично выслушивать подобныя лекціи и очутиться между любезнымъ педантизмомъ и доброжелательной критикой за чайнымъ столомъ".

Нужно признаться, что при чтеніи переписки Гете и Якоби послѣдующихъ лѣтъ приходишь къ заключенію о бо́льшей задушевности писемъ Якоби, нежели его великаго друга, находившаго въ дружескомъ союзѣ съ Шиллеромъ полное удовлетвореніе своей потребности въ конгеніальномъ сочувствіи своимъ стремленіямъ и въ пониманіи всѣхъ сторонъ своей многогранной личности. То влекло его къ Якоби сознаніе, что этимъ человѣкомъ при выработкѣ міросозерцанія руководили одни лишь чистыя побужденія, то отталкивало его непростительное, по его мнѣнію, отношеніе Якоби къ природѣ, руководительству которой Гете всегда довѣрялся съ почтительной нѣжностью, доходившей до набожнаго преклоненія передъ нею; Якоби же проводилъ мысль, что онъ всегда стремится стоять внѣ природы, *надъ* нею. Его метафизическія размышленія и разысканія мало удовлетворяли направленіе творческой мысли Гете, отвергавшаго какъ крайній матеріализмъ d'Holbach'а, такъ и метафизическія идеи и измышленія Якоби. Взоръ Гетевскихъ очей, „покоившійся столь без-

---

[1]) Jubiläumsausg., Cotta, XXX, p. 37.

[2]) Изгнанный изъ родныхъ мѣстъ революціонными войнами, Якоби послѣ долгихъ скитаній поселился въ Голштиніи, въ семействѣ графа Ревентлова.

мятежно и чисто" [1]) на окружающихъ его предметахъ, не затуманивался соображеніями сверхъестественнаго и метафизическаго характера: „Dem Tüchtigen ist diese Welt nicht stumm".

Въ письмѣ къ Якоби отъ 2-го января 1800 года [2]) Гете безо всякихъ оговорокъ высказывается противъ увлеченія метафизикой: „Моя рѣшительная ненависть противъ фанатизма, лицемѣрія и высокомѣрія часто дѣлала меня несправедливымъ въ отношеніи истинной идеальной сущности человѣка". Не только противъ метафизики возставалъ великій эллинъ, но и противъ той философіи, которая давала въ руки человѣка разрозненныя части цѣлаго, лишая его духовной связи [3]) этихъ частей. Въ этомъ смыслѣ весьма показательно письмо Гете отъ 23-го ноября 1801 г. [4]): „Какъ я отношусь къ философіи, ты легко можешь себѣ представить. Если она преимущественно стремится къ разъединенію, то мнѣ трудно съ ней мириться, и я даже могу признаться, что она мнѣ по временамъ вредила, нарушая естественный процессъ моего умственнаго развитія; если же она объединяетъ или скорѣе—если она укрѣпляетъ и превращаетъ въ глубокое спокойное созерцаніе наше первоначальное ощущеніе тѣснаго единенія съ природой, такъ что мы въ постоянной σύγκρισις и διάκρισις [5]) ощущаемъ божественную жизнь, тогда я радъ такой философіи, и ты можешь на основаніи изложеннаго измѣрить степень моего участія въ твоихъ работахъ".

Вскорѣ послѣ смерти Шиллера Якоби провелъ нѣсколько дней въ Веймарѣ. Въ „Анналахъ" [6]) Гете сравниваетъ личности покойнаго друга и навѣстившаго его соратника эпохи Вертера: „Съ Шиллеромъ, сущность личности и характеръ котораго были противоположны моимъ, я нѣсколько лѣтъ прожилъ почти не разставаясь, и наше взаимное вліяніе другъ на друга сказывалось въ такой степени, что мы понимали другъ друга и тамъ, гдѣ мы не могли прійти къ соглашенію. Каждый изъ насъ тогда придерживался требованій своей личности, пока мы не могли вновь соединиться для совмѣст-

---

[1]) Письмо Шиллера къ Гете, 23-го августа 1794 г.

[2]) *R. M. Meyer*, op. cit., I, p. 325.

[3]) Cp. Faust, Schülerszene:

Dann hat er die Teile in seiner Hand,
Fehlt leider nur das geistige Band.

[4]) *R. M. Meyer*, op. cit., I, p. 328.

[5]) Объединяющій обзоръ и расчлененіе.

[6]) Jubiläumsausg., Cotta, XXX, p. 402, 403.

ныхъ мыслей или трудовъ. Съ Якоби дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ. Мы не видѣлись много лѣтъ; все, что мы извѣдали, сотворили и перестрадали, каждый переработалъ въ себѣ самомъ. Когда мы вновь свидѣлись, между нами возстановилось безусловное дружеское довѣріе во всемъ его блескѣ и чистотѣ, одухотворенное вѣрой во взаимное участіе другъ въ другѣ, какъ со стороны помысловъ, такъ и въ отношеніи творчества. Но вскорѣ оказалось, что мы любили другъ друга безъ взаимнаго пониманія: я уже не постигалъ болѣе языка его философіи, а онъ не былъ удовлетворенъ міромъ моей поэзіи...

„У Якоби постоянно въ умѣ былъ «духъ», я же имѣлъ всегда въ виду «природу»: насъ раздѣляло то, что насъ должно было бы соединить. Основа нашихъ отношеній осталась непоколебленной; дружба, привязанность, довѣріе были все тѣми же, но живое участіе все болѣе утрачивалось и, наконецъ, совершенно исчезло. О нашихъ позднѣйшихъ работахъ мы ни разу не обмѣнялись ни однимъ ласковымъ словомъ... Еслибъ мы пришли тѣмъ или другимъ образомъ къ какому-нибудь соглашенію, то мы могли бы идти по жизненному пути рука объ руку, вмѣсто того чтобы, озираясь на пройденные пути, привѣтствовать другъ друга хотя и сердечно и ласково, но все же съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ".

Немалое огорченіе причинилъ Гете религіозно-философскій трактатъ Якоби: *„О божественныхъ дѣлахъ"*, особенно руководящая идея его, что природа скрываетъ отъ насъ Божество [1]). Гете подвергнулъ эту книгу суровой оцѣнкѣ въ письмѣ къ К. Л. Кнебелю [2]) (8 апр. 1812 г.) и откровенно признался въ своемъ несогласіи съ основными тенденціями ея въ письмѣ къ Якоби отъ 10-го мая 1812 г. [3]). Этой же книгѣ обязано своимъ возникновеніемъ стихотвореніе: „Gross ist die Diana der Epheser".

Но тѣмъ не менѣе, несмотря на это подчеркиванье со стороны Гете коренныхъ различій во взглядахъ на природу и на метафизику, Якоби съ трогательной привязанностью сохранялъ дружескія чувства къ нему и, будучи 70-тилѣтнимъ старикомъ, съ радостью узнаетъ отъ Гете, что онъ намѣренъ въ 3-ьей части своей автобіографіи „помянуть добрымъ словомъ" [4]) друга и его семью. И съ подкупаю-

---

[1]) Jubiläumsausg., Cotta, XXX, p. 265.

[2]) *R. M. Meyer*, op. cit., I, p. 411, 412.

[3]) *R. M. Meyer*, p. 335—337.

[4]) Ibid., p. 338, 339.

щей задушевностью онъ напоминаетъ Гете отдѣльные фазисы первыхъ встрѣчъ и зари ихъ дружбы въ безвозвратно прошедшіе годы молодыхъ исканій и мечтаній: „Позаботься о томъ, чтобы я дожилъ до появленія 3-ей части. Надѣюсь, что ты не забудешь упомянуть ни о Ябаховомъ домѣ, ни о замкѣ Бенсбергѣ, ни о бесѣдкѣ, въ которой ты говорилъ мнѣ незабываемыя слова о Спинозѣ, ни той залы въ гостинницѣ св. Духа, откуда мы смотрѣли на луну, восходившую надъ горами, и гдѣ ты, сидя на столѣ, декламировалъ намъ балладу: „Es war ein Buhle frech genug“—и другія.—Что это были за часы! Что за дни!—Въ полночь ты въ темнотѣ еще разъ зашелъ ко мнѣ.— Я какъ бы обрѣлъ новую душу. Съ того мгновенія я ужъ не могъ болѣе оставить тебя“ [1]).

Гете отвѣчаетъ дружески, не упуская, однако, случая повторить свою profession de foi: „Какъ поэтъ и художникъ я политеистъ, какъ естествоиспытатель же—пантеистъ; и то и другое—въ самомъ недвусмысленномъ и рѣшительномъ видѣ. Если я нуждаюсь въ Богѣ для своей нравственной личности, то и въ этомъ отношеніи я не останусь отвергнутымъ“ [2]).

Послѣ смерти Якоби въ 1819 году Гете часто еще вспоминаетъ о своемъ покойномъ другѣ. Такъ, въ разговорѣ съ канцлеромъ веймарскаго великаго герцогства Фридрихомъ Мюллеромъ [3]) онъ отзывается довольно отрицательно о сочиненіяхъ Якоби: „Писанія Якоби не созданы для меня; я бы могъ, пожалуй, вдуматься въ противоположныя системы, но не въ половинчатыя, темныя, туманныя“. И 25-го января 1825 года Гете указалъ Мюллеру на недостатокъ, бывшій въ его глазахъ, дѣйствительно, непростительнымъ: „Ему недоставало знаній въ области естествовѣдѣнія, а съ небольшой дозой этики нельзя же создать широкое міросозерцаніе“ [4]).

Выходъ въ свѣтъ избранной переписки Якоби въ 1825 и 1827 годахъ [5]) еще разъ вызвалъ со стороны Гете мудрыя слова, посвященныя памяти друга и характеристикѣ прекраснаго прошлаго. Не безъ волненія старецъ прочиталъ два увѣсистыхъ тома переписки, на

---

[1]) Ibid., p. 339.

[2]) 6-го января 1813 г., ibid., p. 340.

[3]) Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler F. v. Müller, herausg. v. Burkhardt, Cotta, p. 35.

[4]) Ibid., p. 125.

[5]) F. H. Jacobi's auserlesener Briefwechsel, in zwei Bänden, Leipzig, G. Fleischer, 1825, 1827.

страницахъ которой его имя мелькало весьма часто, упоминаемое то съ преданностью влюбленнаго человѣка, то съ запальчивостью оскорбленнаго самолюбія. Съ неизмѣнной наблюдательностью Гете отмѣчаетъ главную особенность минувшаго вѣка, въ частности эпохи „бури и натиска", породившей образы Альвиля и Вольдемара. Въ „бесѣдахъ" съ нимъ Эккермана [1]) записанъ интересный отзывъ Гете о перепискѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ писемъ, воскресившихъ въ немъ воспоминанія о давно умершихъ друзьяхъ юности и великихъ современникахъ: „Вы должны прочесть эти книги, не для того чтобы изъ нихъ чему-нибудь научиться, а чтобы ближе познать состояніе тогдашней культуры и литературы, о которомъ теперь не имѣютъ понятія. Вы ознакомитесь почти исключительно съ весьма значительными людьми, но не увидите и слѣда равныхъ направленій и общихъ интересовъ, ибо каждый представляетъ собою законченное цѣлое и идетъ своей собственной дорогой, не принимая ни малѣйшаго участія въ стремленіяхъ другихъ. Мнѣ эти люди показались подобными билліарднымъ шарамъ, слѣпо снующимъ на зеленомъ суквѣ, держащимся не иначе какъ особнякомъ и, при малѣйшемъ прикосновеніи другъ къ другу, быстро разбѣгающимся въ разныя стороны".

И съ тѣмъ же этическимъ спокойствіемъ великій старецъ подводитъ итоги этому увлеченію молодыхъ лѣтъ и характеристикѣ Якоби въ небольшой статьѣ, написанной имъ по поводу того же изданія переписки [2]): „Я теперь ясно вижу, почему я никогда не могъ прійти къ соглашенію со столькими выдающимися и хорошими людьми. Теперь, когда они толпятся на страницахъ двухъ томовъ, они мнѣ кажутся похожими на людей, говорящихъ на одномъ языкѣ, но на различныхъ его нарѣчіяхъ, при чемъ каждый убѣжденъ, что онъ изъясняется наиболѣе внятнымъ и наилучшимъ образомъ... Каждый движимъ вѣрой въ самого себя и потому онъ желаетъ другихъ приравнять къ своей личности, въ чемъ онъ видитъ главную цѣль человѣческихъ отношеній. Сначала они говорятъ другъ другу комплименты по поводу тѣхъ сторонъ, которыя не вызываютъ треній; подъ конецъ же, когда каждый изъ нихъ дѣлается откровеннымъ и выказываетъ свою индивидуальность, они отталкиваютъ другъ друга и разстаются... Якоби ничего не зналъ и не хотѣлъ знать о природѣ; онъ даже безо

[1]) *I. P. Eckermann:* Gespräche mit Goethe, herausg. v. L. Geiger, M. Hesse Leipzig, p. 190 (11 апр. 1827 года).

[2]) Jubiläumsausg, Cotta, XXXVIII p. 125.

всякихъ обиняковъ признавался, что природа *скрываетъ* отъ него Бога. Онъ торжествовалъ по поводу того, что онъ яко бы доказалъ мнѣ несуществованіе всякой натурфилософіи: какъ будто внѣшній міръ не являетъ зрячему человѣку ежедневно и еженощно самыхъ сокровенныхъ законовъ".

Въ отношеніи Гете къ Якоби на всемъ протяженіи пятидесяти лѣтъ сказывается удивительная способность художника жизни избѣгать препятствій, мѣшающихъ свободному развитію его личности. Какъ онъ всегда предоставлялъ свободу другимъ людямъ въ ихъ самоопредѣленіи, не навязывая имъ своихъ убѣжденій, такъ онъ требовалъ и по отношенію къ своему міросозерцанію терпимости и уваженія со стороны друзей. Его свѣтлый умъ искалъ и находилъ себѣ собственные пути въ жизни, бывавшіе часто весьма одинокими, и не терпѣлъ ни случайныхъ препятствій, ни чужой указки.

Личность Якоби одновременно и привлекала, и отталкивала Гете: съ одной стороны онъ цѣнилъ въ другѣ человѣка, искренно стремившагося къ добру и правдѣ, благожелательнаго и дружески къ нему расположеннаго, съ другой стороны онъ инстинктивно чуялъ въ отношеніи Якоби тѣ попытки прозелитизма, которыхъ не выносила свободная натура поэта-художника. Подобныя попытки наставленія Гете на путь истины и пріобщенія его къ своимъ вѣрованіямъ дѣлали и Сузанна фонъ-Клеттенбергъ, и Лафатеръ, и графиня Штольбергъ, и demoiselle Delf, и княгиня Голицына, но онѣ или совсѣмъ не удавались, или ненадолго. Могучій геній шелъ въ своемъ развитіи дальше, оставляя позади себя благожелательныхъ наставниковъ и благочестивыхъ проповѣдницъ, не терпя ни оковъ метафизики, ни стѣснительныхъ рамокъ опредѣленныхъ философскихъ системъ.

Ю. Форсманъ.

О ВЛ. С. СОЛОВЬЕВѢ ВЪ ЕГО МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Матеріалы къ біографіи.

IX. *)

Періодъ развитія возмужалости является вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ полового развитія. Человѣкъ входитъ „въ тѣ лѣта, когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ“, когда наступаетъ „пора надеждъ и грусти нѣжной“, когда въ душѣ слагается „бредъ чистоты съ предвкусіемъ грѣха“. И если даже въ жизни заурядныхъ людей эти „лѣта“ окружаются нѣкоторымъ особымъ свѣченіемъ, распространяющимъ свои лучи далеко впередъ и какъ-бы предопредѣляющимъ характерные для даннаго лица способы разрѣшенія „проблемы пола“, то для людей, возвышающихся надъ среднимъ уровнемъ, тутъ открывается еще болѣе полная возможность выразить въ особенностяхъ своего эмпирическаго образа дѣйствій самыя сокровенныя глубины своего умопостигаемаго характера. Не миновали подобныя переживанія и Соловьева въ тѣ годы, которые мы обозрѣвали въ послѣднихъ четырехъ главахъ: и для него приспѣла пора вселенія божественнаго Эроса въ человѣческое существо съ его тѣломъ и духомъ...

„Плачевный“ ребяческій романъ съ Юлинькой С., дѣтская любовь къ девятилѣтней дѣвочкѣ, мгновенно погашенная первымъ появленіемъ мистической „подруги вѣчной“, стыдливое увлеченіе барышней Л—вичъ въ гимназическіе годы, поцѣлуи, расточаемые кузинамъ и служившіе „лишь внѣшнимъ выраженіемъ внутреннихъ духовныхъ отношеній“ въ началѣ студенчества, мимолетное ухаживаніе „вдвоемъ“ съ товарищемъ-студентомъ за профессорской дочкою, [527]) — все это было, конечно, не болѣе какъ предваряющимъ намекомъ на то, что

*) *Продолженіе.* См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1916 г.

[527]) См. выше, главы вторую, четвертую и седьмую.—Ср. *П.*, III, 292.

ожидало Соловьева въ будущемъ,—намекомъ, не лишеннымъ, однакоже, опредѣленнаго смысла, который и раскрылся въ полной мѣрѣ въ годы болѣе зрѣлые. Соловьеву былъ внятенъ голосъ любви къ женщинѣ: крылья Эроса подхватывали и его, томленія и муки отвергнутаго чувства случалось и ему испытывать, и въ немъ загорался порою пламень страсти, одурманивающій своимъ чадомъ; но въ общемъ онъ все-таки является передъ нами скорѣе теоретикомъ, чѣмъ практикомъ въ дѣлѣ любви, и притомъ практика его такова, что обычная житейская терминологія въ-правѣ усвоить ему названіе „неудачника". Причина любовныхъ неудачъ Соловьева кроется въ немъ самомъ. Живя, какъ и всѣ, въ условіяхъ ограниченной земной дѣйствительности и будучи осужденъ, подобно всѣмъ намъ, довольствоваться, вмѣсто „звуковъ небесъ", лишь „скучными пѣснями земли", онъ, тѣмъ не менѣе, гораздо внимательнѣе приникалъ своимъ слухомъ къ зову „вѣчной подруги", чѣмъ къ скудному, хотя и обаятельному, лепету ея несовершенныхъ зѐмныхъ подобій, и тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ о своей весьма малой способности къ той полной, рѣшительной и безповоротной самоотдачѣ „здѣшнему" любовному паѳосу, безъ которой не бываетъ ни всепобѣждающей взаимности чувства между мужчиной и женщиной, ни всецѣлаго, благословляемаго самимъ христіанствомъ, сліянія двухъ раздѣльностей въ одно недѣлимое цѣлое.[528]) И не удивительно, если въ концѣ концовъ, при всей своей влюбчивости и при множествѣ дѣвушекъ и женщинъ, готовыхъ плѣниться имъ, Соловьевъ такъ и ушелъ отъ насъ одинокимъ скитальцемъ, много думавшимъ и писавшимъ о „смыслѣ любви", но не нашедшимъ случая, не сумѣвшимъ, или не рѣшившимся сказать—открыто, передъ людьми и передъ Богомъ, — ни одной дочери Евы: „ты моя".[529])

[528]) „По самому существу своего духовнаго склада, Соловьевъ не могъ надолго успокоиться въ какой-либо «пристани». И это обусловливается не слабостью его чувства, а какъ разъ наоборотъ—его бездонной глубиной и силой и тѣми повышенными сверхчеловѣческими требованіями, которыя сочетаются у него съ любовью. Въ стихахъ и въ прозѣ онъ твердитъ, что въ любви раскрывается высшій смыслъ жизни, что любовь для него — «все», что безъ нея «міръ потеряетъ всѣ краски». Въ ней одной правда; и внѣ ея—все только тѣнь. Но, съ другой стороны, въ самой любви у него таится недовѣріе къ ея предмету, стремленіе возвыситься надъ нимъ." Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 32.

[529]) Въ связи съ указанной выше весьма малой способностью къ полной самоотдачѣ находится, можетъ-быть, и то обстоятельство, что Соловьеву, въ теченіе большей части его жизни, не былъ внутренно близокъ подлинно трагическій аспектъ

Область тѣлесныхъ и душевныхъ переживаній, которой мы теперь касаемся, представляется сплошь и рядомъ чрезвычайно темной не только для постороннихъ лицъ, но и для самихъ носителей и носительницъ этихъ переживаній. Надлежитъ поэтому соблюдать большую осторожность какъ при изображеніи соотвѣтствующихъ біографическихъ фактовъ, такъ равно и при оцѣнкѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что фактическія свѣдѣнія оказываются здѣсь зачастую недостаточными и сбивчивыми.[530] Вотъ почему мы и предпочитаемъ въ нижеслѣдующемъ сопоставленіи біографическихъ матеріаловъ, воспроизводящемъ ходъ главнѣйшаго юношескаго романа Соловьева, придерживаться, по возможности, твердой почвы реально обоснованныхъ данныхъ и не пускаемся въ рискованные домыслы по части слишкомъ тонкихъ заключеній, ибо—гдѣ тонко, тамъ и рвется. Притомъ въ настоящей главѣ рѣчь идетъ лишь объ извѣстномъ періодѣ жизни нашего философа, а не обо всемъ его жизненномъ поприщѣ, между-тѣмъ давно уже не тайна, что у него были не одни только юношескіе романы.[531]

міра и человѣческихъ взаимоотношеній, исчезавшій передъ его вѣрою въ близкое торжество идеальныхъ началъ... Любовь, какъ наивысшее и исключительное чувство, имѣетъ, между прочимъ, тотъ великій смыслъ, что, выводя человѣка — больше, чѣмъ что-либо другое — за предѣлы его личной обособленности, она обнажаетъ, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, такія бездны горя и отчаянія, передъ которыми въ ужасѣ отступаетъ самый упорный оптимизмъ и которыхъ не вѣдаетъ не переступившая за свои грани индивидуальность, способная утѣшаться мыслью, что вся бѣда именно въ индивидуальной ограниченности.

[530]) „Люди вообще не искренни въ половыхъ вопросахъ. Они не обнаруживаютъ свободно своихъ сексуальныхъ переживаній, но закрываютъ ихъ толстымъ одѣяніемъ, сотканнымъ изъ лжи, какъ-будто въ мірѣ сексуальности всегда дурная погода. Это дѣйствительно такъ; солнце и вѣтеръ не благопріятствуютъ сексуальнымъ переживаніямъ въ нашемъ культурномъ мірѣ. Собственно никто изъ насъ не можетъ обнаружить свою эротику другимъ." S. Freud, *О психоанализѣ*; изд. 3, Москва, 1913 г. стр. 47. Приводя эти слова знаменитаго невропатолога, укажемъ мимоходомъ, что вообще „Freud'овская наука" установила за послѣдніе годы много важныхъ въ научно-медицинскомъ отношеніи данныхъ для оцѣнки сексуальности, еще мало использованныхъ за предѣлами медицины. Нѣкоторыя изъ относящихся сюда работъ опубликованы (въ переводахъ) въ составѣ *Психотерапевтической библіотеки*, подъ редакціей Н. Е. Осипова и О. Б. Фельцмана.

[531]) И въ печати, и въ частныхъ бесѣдахъ Соловьеву много доставалось за своеобразность его „сексуальнаго" поведенія. Чѣмъ меньше было достовѣрныхъ матеріаловъ для сужденія, тѣмъ смѣлѣе разыгрывалась фантазія судей. Для однихъ „дѣвственникъ" и чуть-ли не „скопецъ", для другихъ „охотникъ до непристойныхъ анекдотовъ" и чуть-ли не „эротоманъ", Соловьевъ являлся какой-то мнимой или дѣйствительной загадкою для всѣхъ тѣхъ, кто какъ-бы не могъ представить себѣ человѣка, сознательно стремящагося къ обузданію своихъ природныхъ влеченій, хотя-бы и не всегда

Имѣя въ виду собственно студенческіе годы Соловьева, мы должны остановиться почти исключительно на его отношеніяхъ къ его кузинѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ Романовой, о которой было уже сказано нѣсколько словъ въ главѣ первой. Сообщенныя тогда свѣдѣнія должны быть теперь пополнены дальнѣйшими подробностями какъ внѣшняго, такъ и внутренняго свойства. [532])

достигающаго этой цѣли. Какъ кажется, всего проще и ближе къ правдѣ обрисовываетъ положеніе дѣла въ этомъ случаѣ В. Л. Величко. „Когда уходитъ изъ жизни крупный человѣкъ....., обществу хочется поближе ознакомиться съ его личностью, причемъ особое вниманіе зачастую останавливается на томъ, кого и какъ любилъ этотъ человѣкъ, *какъ онъ смотрѣлъ на любовь*, и какую роль она играла въ его жизни.— Въ частности, одни говорили о Соловьевѣ, что онъ безусловный аскетъ въ данномъ отношеніи, какъ это можно усмотрѣть изъ его писаній и образа жизни, по крайней мѣрѣ, за послѣднія 10—15 лѣтъ; другіе настаивали на какихъ-то своеобразныхъ романахъ, подкладка которыхъ имъ, будто-бы, доподлинно извѣстна. Говоря совершенно искренно, на основаніи 10-лѣтнихъ наблюденій, я не позволю себѣ утверждать ни того, ни другого. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что Владиміръ Соловьевъ зналъ высокую и пламенную дружбу къ женщинамъ, весьма близкую къ понятію любви. Каковы были ея предѣлы и формы, — рѣшить трудно, даже ближайшимъ къ нему людямъ, если они не склонны злословить въ кредитъ. Отъ самого же Владиміра Соловьева, говорившаго совершенно откровенно о своей глубокой симпатіи къ тѣмъ или инымъ лицамъ, я никогда не слыхалъ даже отдаленнѣйшаго намека на *реальныя стороны* такой симпатіи: быть-можетъ, потому, что ихъ не было, или потому, что онъ былъ истинный рыцарь въ этихъ вопросахъ.“ В. Л. Величко (прим. 10), стр. 197, 198.—Изъ соображеній общаго характера мы, съ своей стороны, приведемъ здѣсь лишь нѣсколько замѣчаній относительно такъ назыв. „сублимаціи“ полового влеченія. Человѣкъ обладаетъ способностью замѣщать первоначальную цѣль сексуальнаго инстинкта другой несексуальной, но родственной психически, цѣлью, причемъ повышается духовная производительность въ совершенно другихъ областяхъ. „Первоначальная сила сексуальнаго инстинкта у различныхъ индивидуумовъ, вѣроятно, различна; несомнѣнно подвержена колебаніямъ и часть, способная къ сублимированію. Мы представляемъ себѣ, что прирожденной организаціей предрѣшено, какая часть сексуальнаго инстинкта у отдѣльныхъ индивидуумовъ способна къ сублимированію и замѣщенію. Кромѣ того, жизненнымъ вліяніямъ и интеллектуальному воздѣйствію душевнаго аппарата удается сублимировать дальнѣйшую часть..... Нужно сказать, что покорить такой могучій инстинктъ, какъ половой, не путемъ удовлетворенія—это такая задача, которая требуетъ отъ человѣка напряженія всѣхъ его силъ. Сублимировать его, отвлечь силы сексуальнаго инстинкта отъ его цѣли въ сторону высшей культурной цѣли возможно для ничтожнаго меньшинства, и то временно, меньше всего въ пору пламенной юности. Большинство же большею частью дѣлается неврастениками или вообще платятся здоровьемъ.“ З. Фрейдъ, *Психологическіе этюды;* Москва, 1912 г.; статья: *„Культурная“ сексуальная мораль и современная нервозность*; стр. 37, 43. Слова о вліяніи воздержанія на здоровье нуждаются, конечно, въ оговоркахъ, которыхъ мы здѣсь, впрочемъ, не перечисляемъ.

[532]) Отношенія Соловьева къ Е. В. Романовой были уже разсмотрѣны нами въ

Е. В. Романова родилась 19-го апрѣля 1855 г., въ Херсонской губерніи, въ имѣніи Снѣжково, когда Владиміру Соловьеву было 2 года и 3 мѣсяца съ 3 днями. Имѣніе это принадлежало тогда ея бабушкѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Романовой; потомъ оно перешло къ ея отцу Владиміру Владиміровичу, брату Поликсены Владиміровны Соловьевой, которая приходится, такимъ образомъ, Е. В. Романовой теткою. Родители Е. В. Романовой разошлись, когда ей было года четыре. Ея мать Александра Станиславовна, рожденная Вишневская (дочь католика и православной, а потому тоже православная), вскорѣ вышла вторично замужъ за Константина Константиновича Шевякова и скончалась въ возрастѣ около 37 лѣтъ, отъ крупознаго воспаленія легкихъ, когда Е. В. Романова приближалась къ своему 17-лѣтію. Ея отецъ В. В. Романовъ тоже вступилъ во второй бракъ, съ Зинаидой Николаевной Леонтьевой, и скончался отъ чахотки въ возрастѣ около 33 лѣтъ, когда Е. В. Романова не достигла еще 12 лѣтъ. Большой возрастной разницы между супругами В. В. и А. С. Романовыми не было, и оба оказались недолговѣчными, хотя А. С. Романова, впослѣдствіи Шевякова, все-таки пережила В. В. Романова. Мачиха Е. В. Романовой здравствуетъ доселѣ.

Владиміръ Владиміровичъ Романовъ, родившійся въ 1833 г., учился въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и служилъ въ дворянскомъ полку; потомъ, по выходѣ въ отставку, онъ проживалъ съ своими родителями въ Снѣжковѣ, помогая отцу въ занятіяхъ по хозяйству. Въ 1864 г., осенью, Е. Ѳ. Романова (бабушка), В. В. Романовъ (отецъ), его вторая жена (Зинаида Николаевна) и обѣ его дочери отъ перваго брака—Екатерина 9 лѣтъ и Поликсена 7 лѣтъ—переселились въ Москву. Собирался туда-же и Владиміръ Павловичъ Романовъ (дѣдъ), но онъ вскорѣ заболѣлъ и скончался; похороненъ онъ въ своемъ родовомъ имѣніи, въ предѣлахъ Харьковской губерніи. [533])

Въ Москвѣ новоприбывшіе устроились, хотя и не сразу, такъ: бабушка и обѣ ея внучки водворились въ семьѣ С. М. Соловьева,

очеркѣ: *Юношескій романъ* и т. д. (прим. 17). Посвящая этимъ-же отношеніямъ особую главу въ настоящемъ нашемъ трудѣ, мы имѣемъ въ виду не только требованія систематической связности изложенія, но и то, что въ названномъ выше очеркѣ весьма многія собственно біографическія подробности, касающіяся Соловьева и близкихъ къ нему лицъ, остались вовсе не затронутыми. Соотвѣтствующая фактическая канва намѣчается со всею возможною пока полнотою впервые здѣсь.

[533]) Основныя біографическія свѣдѣнія относительно В. П. Романова и его жены Е. Ѳ. Романовой, рожденной Бржеской, сопоставлены выше, въ главѣ первой.

второбрачная же чета поселилась отдѣльно, согласно желанію мачихи Екатерины и Поликсены. Когда Е. В. Романова оказалась членомъ семьи Соловьевыхъ, ея двоюродному брату Владиміру Соловьеву было неполныхъ 12 лѣтъ, и онъ только-что поступилъ въ гимназію. Сестры Екатерина и Поликсена учились дома вмѣстѣ съ дочерьми С. М. и П. В. Соловьевыхъ, окруженныя заботами и попеченіями бабушки и тетки. Отношенія Екатерины Романовой къ Владиміру Соловьеву были, конечно, совершенно дѣтскія. [534])

Вадимъ Владиміровичъ Романовъ, братъ Владиміра Владиміровича, моложе сего послѣдняго лѣтъ на 8, проживалъ временами тоже въ Снѣжковѣ; теперь и онъ оказался въ Москвѣ, пользуясь здѣсь гостепріимствомъ своего женатаго брата Владиміра. Собственной семьею онъ обзавелся позднѣе, вступивши въ бракъ съ баронессой Е. В. Меллеръ-Закомельской, въ половинѣ 70-ыхъ годовъ.

Къ первымъ мѣсяцамъ московскаго житья снѣжковцевъ относится смерть отъ скарлатины двоюроднаго брата Екатерины и Поликсены Романовыхъ Сергѣя Соловьева, мальчика, подававшаго такія большія надежды. Ради предотвращенія дальнѣйшихъ заболѣваній жившіе вмѣстѣ расселились; но на ближайшее слѣдующее лѣто 1865 г. всѣ снова соединились — на дачѣ въ Покровскомъ, подъ Москвой. На зиму 1865—1866 гг. бабушка Е. Θ. Романова съ обѣими внучками водворилась отдѣльно, на Поварской. Отсюда младшую дѣвочку Поликсену взяла къ себѣ ея родная мать. Къ зимѣ 1866—67 гг. Е. Θ.

---

[534]) Въ романѣ: *Навожденіе* Вс. С. Соловьевъ—можетъ-быть, не безъ участія автобіографическихъ воспоминаній—изображаетъ родительскій домъ героя романа такъ: „По воскресеньямъ, на Рождество и на Святую у насъ всегда набиралось столько разныхъ кузеновъ и кузинъ, что, не смотря на безчисленность нашихъ комнатъ, приходилось стлать постели даже въ гостиныхъ. Можно себѣ представить, какая поднималась возня и какія иной разъ выходили исторіи! Между нами разыгрывались водевили, комедіи и драмы; мы дружились, ссорились, враждовали, а по мѣрѣ того, какъ нѣкоторые изъ насъ выростали, являлась и нѣжность, и поцѣлуи въ уголкахъ, и планы будущихъ супружествъ. Конечно, все выходило на свѣжую воду, раздувалось, дополнялось всевозможными сплетнями нянекъ и тетенекъ. Начинались слѣдствія и сообразные съ обстоятельствами дѣла приговоры. Бѣдная мама иной разъ доходила до полнаго изнеможенія, надсаживала себѣ грудь въ роли верховнаго судьи и съ отчаянными фразами запиралась въ свою комнату.“ Вс. С. Соловьевъ (прим. 473), стр. 5. Въ такую-то обстановку попадаетъ дѣвочка „Зина“, дочь больного друга „мамы“. Зина — оригинальное существо, смѣсь добра и зла, высшихъ исканій и крайней неустойчивости, влекущая къ себѣ и отталкивающая. Съ лѣтами она дѣлается настоящей мучительницей всѣхъ тѣхъ, кто неосторожно плѣнялся ею, а подъ конецъ и вовсе сбивается съ истиннаго пути.

Романова съ старшей дѣвочкой Екатериной переѣхала на жительство къ своему старшему сыну Павлу Владимировичу Романову, женатому на Варварѣ Васильевнѣ Слѣпцовой и имѣвшему тогда пребываніе точно также въ Москвѣ. По образованію морякъ, П. В. Романовъ служилъ сначала во флотѣ, а потомъ въ сухопутныхъ войскахъ; 535) выйдя въ отставку, онъ занимался своими частными дѣлами. Отмѣтимъ кстати, что дѣти В. П. и Е. О. Романовыхъ появились на свѣтъ въ такомъ порядкѣ: Павелъ, Поликсена (жена С. М. Соловьева), Владиміръ и Вадимъ. Зимой 1866—1867 гг. Владиміръ Владиміровичъ Романовъ, отецъ Екатерины и Поликсены, уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Вадимомъ по дѣламъ въ Сибирь, гдѣ и скончался въ ту-же зиму. Вдова его З. П. Романова, мачиха Екатерины и Поликсены, отошла тогда отъ семьи совершенно въ сторону; впослѣдствіи она вышла замужъ вторично. Весною 1867 г. и Е. В. Романова, въ возрастѣ около 12 лѣтъ, покинула Москву, перейдя, подобно сестрѣ Поликсенѣ, на попеченія къ своей родной матери.

Скитальческая жизнь обѣихъ дѣвочекъ, Екатерины и Поликсены, продолжала и дальше складываться такъ-же своеобразно. Сначала онѣ проживали вмѣстѣ съ матерью и вотчимомъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ имѣніи ихъ матери Александровкѣ. Здѣсь онѣ оставались года три. Тѣмъ временемъ бабушка Е. О. Романова, порѣшившая тоже разстаться съ Москвою, переѣхала къ своей вдовой сестрѣ Елизаветѣ Ѳедоровнѣ, по мужу Петковичъ, въ имѣніе Ѳедоровку, Херсонской губерніи. Какъ и Снѣжково, Ѳедоровка въ Александрійскомъ уѣздѣ; оба имѣнія расположены по сосѣдству, въ разстояніи 12—15 верстъ. Примѣрно въ половинѣ 1870 г. перебралась въ Херсонскую губернію и А. С. Шевякова съ обѣими дочерьми, Екатериной и Поликсеной. На этотъ разъ онѣ водворились въ Елизаветполѣ, имѣніи К. К. Шевякова; но и здѣсь онѣ пробыли недолго — всего одну зиму. И второе супружество А. С. Вишневской, по первому мужу Романовой, а по второму — Шевяковой, налаживалось плохо. К. К. Шевяковъ, передъ переселеніемъ жены и падчерицъ въ Елизаветполь, уѣхалъ за-границу и къ семьѣ уже не вернулся. А тутъ стали еще обнаруживаться у Поликсены признаки легочнаго заболѣванія. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ А. С. Шевякова, забравши съ собою больную дѣвочку, уѣхала въ Кіевъ, а другую дочь, Екатерину, отправила къ бабушкѣ Е. О. Романовой въ Ѳедо-

535) *Общій Морской Списокъ* (прим. 24), ч. XI, стр. 386.

ровку, съ учителемъ для подготовки къ поступленію въ институтъ. Случилось это весною 1871 г., когда Е. В. Романовой было, значитъ, около 16 лѣтъ.

Ребяческія отношенія, завязавшіяся между Владиміромъ Соловьевымъ и Е. В. Романовой въ 1864 г. и прервавшіяся въ 1867 г., не подновлялись въ теченіе ближайшихъ послѣдующихъ лѣтъ, когда они жили врозь и даже далеко другъ отъ друга. Лѣтомъ 1871 г. намѣтился новый этапъ: прежнія ребяческія отношенія принимаютъ характеръ прямой дружбы. Произошло это совершенно просто. Владиміръ Соловьевъ, чувствуя себя несовсѣмъ здоровымъ, пожелалъ, послѣ двухлѣтнихъ занятій въ качествѣ студента Московскаго университета, хорошенько отдохнуть и отправился на каникулы въ Ѳедоровку, къ бабушкѣ Е. Ѳ. Романовой, на попеченіяхъ которой находилась и его молоденькая кузина Е. В. Романова. [536]) Въ эту пору ему шелъ 19-ый годъ, и онъ только-что разобрался въ своихъ внутреннихъ тревогахъ и сомнѣніяхъ. О душевномъ состояніи Е. В. Романовой мы можемъ судить, до нѣкоторой степени, на основаніи всего предъидущаго: не смотря на юный возрастъ, она, очевидно, была свидѣтельницей многихъ тяжелыхъ жизненныхъ явленій, и въ ея душѣ должно было зародиться немало всякихъ вопросовъ и запросовъ. Легко себѣ представить, съ какимъ интересомъ встрѣтила она въ своемъ деревенскомъ затишьѣ московскаго студента, явившагося передъ ней, 16-лѣтней дѣвушкой, въ обаяніи молодости и талантливости, съ простотою родственной близости, съ милыми воспоминаніями о совмѣстныхъ дѣтскихъ играхъ...

Соловьевъ прогостилъ въ Ѳедоровкѣ мѣсяца два и затѣмъ возвратился въ Москву. Бабушка Е. Ѳ. Романова усердно ухаживала за

[536]) Сколько извѣстно, какимъ-либо тяжелымъ болѣзнямъ Соловьевъ за время своего студенчества не подвергался; но онъ нерѣдко прихварывалъ, что называется, „по мелочамъ" и тѣмъ причинялъ много заботъ матери. Сестра его М. С. Безобразова пишетъ: „Я совсѣмъ не помню, чтобы братъ болѣлъ; иногда говорилъ, что голова болитъ, лихорадитъ, и онъ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы никуда не выходить. Голова у него, случалось, болѣла и отъ безсонницъ, которыми онъ часто страдалъ; но острой серьезной болѣзнью онъ на моей памяти заболѣлъ только разъ. Это случилось весной, если не ошибаюсь—въ апрѣлѣ, незадолго передъ тѣмъ, какъ Москва стала готовиться къ коронаціи Александра III-го." М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 161. Въ годъ поступленія Соловьева въ университетъ сестрѣ его Маріи было около 6 лѣтъ. Вѣроятно, воспоминанія ея охватываютъ и студенческіе годы ея брата. Какъ бы то ни было, даже при отсутствіи тяжелыхъ болѣзней, Соловьевъ и въ юношескіе годы крѣпкимъ здоровьемъ не отличался.

его здоровьемъ, пользуясь, по старинѣ, домашними средствами и въ особенности камфорой. Въ это-же лѣто случилось захворать и Е. В. Романовой чѣмъ-то въ родѣ перемежающейся лихорадки, вслѣдствіе чего она должна была провести нѣсколько дней въ постели. Соловьевъ подолгу просиживалъ около нея и, для развлеченія больной, читалъ ей вслухъ Гейне въ подлинникѣ. Онъ читалъ, она слушала, а потомъ разговаривали. Были, конечно, разговоры и въ другой обстановкѣ — безъ перемежающейся лихорадки и помимо Гейне. [537])

Осенью того-же 1871 г. Е. В. Романова уѣхала изъ Ѳедоровки въ Кіевъ, гдѣ проживала ея мать съ своей младшей дочерью Поликсеной, которая обучалась тамъ-же въ гимназіи. Рѣшено было подготовлять къ поступленію въ гимназію и старшую дочь. Однако, этотъ

---

[537]) О литературныхъ вкусахъ Вл. С. Соловьева С. М. Соловьевъ-младшій сообщаетъ такія свѣдѣнія: „Вл. С. говорилъ брату Михаилу, что вполнѣ искренно онъ любитъ только *чисто лирическую поэзію*, оставаясь равнодушенъ къ эпосу, драмѣ и искусствамъ изобразительнымъ и пластическимъ. Такимъ образомъ ему оставалась чужда бо̀льшая часть литературы греческой. Изъ грековъ онъ интимно любилъ только Платона и еще Аристофана, за остроуміе. Больше онъ зналъ и цѣнилъ поэзію римскую, какъ болѣе лирическую. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ Катуллъ, котораго Вл. С. зналъ наизусть.

Когда Катуллъ мнѣ наизусть
Твоими говорилъ устами—

обращается къ нему Фетъ при посвященіи переводовъ Катулла. Затѣмъ, кромѣ сатириковъ, Вл. С. хорошо зналъ, любилъ и переводилъ Вергилія.—Совершенно исключительна была его любовь къ Библіи и еврейской лирикѣ. — Изъ поэтовъ новаго времени онъ любилъ опять-таки тѣхъ, кто наиболѣе приближается къ типу чистыхъ лириковъ: Альфреда Мюссэ, Гейне, Пушкина, Жуковскаго, Фета, Алексѣя Толстого, Мицкевича.—.....—Любимымъ произведеніемъ Вл. С. въ міровой литературѣ была сказка Гофманна: *Золотой горшокъ*, переведенная имъ на русскій языкъ. Натурализма въ литературѣ онъ просто не выносилъ и потому отрицалъ Толстого не только какъ мыслителя, что̀ часто бываетъ, но, что̀ бываетъ весьма рѣдко, и какъ художника. По поводу *Войны и мира* онъ говорилъ: «Дѣйствующія лица тамъ говорятъ, какъ люди нынѣшняго времени.»—Достоевскаго онъ почиталъ болѣе какъ религіознаго мыслителя.....—Но болѣе всѣхъ русскихъ прозаиковъ любилъ онъ Гоголя, за его фантастичность и остроуміе, Гоголя, соединившаго въ себѣ черты обоихъ любимцевъ Вл. С. — Гофманна и Аристофана.“ Сергѣй Соловьевъ (прим. 468), стр. 52, 53.—Изъ произведеній Гейне Соловьевымъ переведено 5 піесъ — больше, чѣмъ изъ какого-либо другого европейскаго поэта. Переводы стихотвореній: *Ночное плаваніе* и *Коль обманулся ты въ любви...*, относящіеся къ 1874 и 1875 гг., принадлежатъ къ числу наиболѣе раннихъ стихотворныхъ опытовъ Соловьева и, по содержанію, находятся, повидимому, въ нѣкоторой связи съ его юношескимъ романомъ. Свѣдѣнія о датировкѣ стихотвореній Соловьева см. въ *Примѣчаніяхъ* къ 6-му изданію его *Стихотвореній* (прим. 468).

планъ точно такъ-же не осуществился, какъ не осуществилось раньше другое предположеніе — на-счетъ опредѣленія ея въ институтъ. А между-тѣмъ желаніе учиться у дѣвушки было, какъ это явствуетъ и изъ переписки ея съ Соловьевымъ...

Осложненное житейскими злоключеніями существованіе А. С. Вишневской, не нашедшей прочнаго семейнаго счастья ни въ первомъ, ни во второмъ бракѣ, разставшейся и съ В. В. Романовымъ, и съ К. К. Шевяковымъ въ условіяхъ ненормальныхъ, близилось къ концу. Она умерла вскорѣ послѣ переѣзда въ Кіевъ ея старшей дочери, не успѣвши пристроить ее къ правильнымъ гимназическимъ занятіямъ. Въ январѣ 1872 г. обѣ сиротки, Екатерина и Поликсена, попадаютъ на руки къ сестрѣ ихъ покойной матери, т. е. къ ихъ теткѣ Прасковьѣ Станиславовнѣ Колокольцевой, по первому мужу — Пассекъ. Тетка прислала за ними довѣренную особу, которая и перевезла ихъ въ Харьковъ, гдѣ проживала сама П. С. Колокольцева съ своимъ мужемъ, Григоріемъ Дмитріевичемъ Колокольцевымъ. Въ Харьковѣ Поликсену отдали снова въ гимназію, а Екатерина оставалась дома, пользуясь частными уроками. У нея былъ, впрочемъ, сверхсмѣтный образовательный рессурсъ—переписка съ Владиміромъ Соловьевымъ.

Уѣзжая изъ Ѳедоровки, Соловьевъ увезъ съ собою очень нѣжное дружеское чувство къ своей кузинѣ. На почвѣ этого чувства, принимающаго съ теченіемъ времени болѣе яркую окраску, возникаетъ между молодыми людьми переписка, представляющая немалую цѣнность для біографіи Соловьева. Письма Соловьева, опубликованныя впервые въ 1910 г., составляютъ все, что уцѣлѣло изъ этой переписки, и они воспроизведены въ печати безъ урѣзокъ, съ замѣною лишь нѣкоторыхъ полныхъ именъ и фамилій начальными ихъ буквами. Переписка открывается письмомъ Соловьева изъ Москвы отъ 12-го октября 1871 г. и заканчивается его письмами изъ Сергіева посада, относящимися къ концу 1873 г. Послѣдующія письма Соловьева, къ сожалѣнію, утрачены, вмѣстѣ съ пропажею сундука, гдѣ они были уложены, при переѣздѣ Е. В. Романовой изъ Парижа въ Швейцарію, во время одного изъ ея заграничныхъ путешествій. Впрочемъ, письма эти выходятъ уже за предѣлы студенческихъ лѣтъ Соловьева и, насколько можно судить по изустнымъ разсказамъ, не прибавляютъ чего-либо существеннаго къ наличнымъ матеріаламъ, а потому для настоящей главы особаго значенія и не имѣютъ. [538])

---

[538]) Какъ намъ передавала Е. В. Селевина (Романова), Соловьевъ былъ озабоченъ

Послѣ того, какъ личныя отношенія Соловьева къ его кузинѣ возобновились лѣтомъ 1871 г. въ Ѳедоровкѣ, ближайшее слѣдующее свиданіе ихъ состоялось въ маѣ 1872 г. въ Харьковѣ. За этотъ промежутокъ времени, соотвѣтствующій третьему году студенчества Соловьева, молодые люди успѣли обмѣняться нѣсколькими письмами. Обстоятельства мало благопріятствовали перепискѣ — отчасти вслѣдствіе переселенія Е. В. Романовой изъ Ѳедоровки въ Кіевъ и затѣмъ изъ Кіева въ Харьковъ, отчасти же вслѣдствіе такихъ условій, какъ болѣзнь и смерть А. С. Шевяковой и учебныя занятія Соловьева; были и другія помѣхи, болѣе личнаго свойства или интимнаго характера. Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны вкладываютъ въ свои заочныя сношенія много сердечности, и волна нѣжнаго чувства со стороны, по крайней мѣрѣ, Соловьева довольно явственно нарастаетъ. Первое письмо свое на имя кузины онъ подписываетъ просто: „Вл. Соловьевъ". Въ слѣдующихъ письмахъ появляются болѣе выразительныя подписи: „Твой другъ на-всегда.....", „съ истинной любовью твой.....", „Твой....." Наконецъ, послѣднее письмо этой серіи скрѣпляется подписью: „Твой всегда....." Замѣчаются и другіе признаки нарастающей нѣжности. Сначала Соловьевъ посылаетъ поцѣлуи какъ-бы сразу всѣмъ близкимъ: „Цѣлую тебя, тетю [т. е. А. С. Шевякову] и Поликсену [т. е. сестру Е. В. Романовой]". Затѣмъ онъ дѣлается болѣе исключительнымъ, а подъ конецъ у него вырывается уже такая фраза: „Пока обнимаю тебя воображеніемъ." Но вскорѣ начинаетъ обнаруживаться и какой-то диссонансъ...

Первое письмо отъ 12-го октября 1871 г. [539]) Соловьевъ направляетъ изъ Москвы въ Кіевъ окольнымъ путемъ черезъ Ѳедоровку, т. е. черезъ бабушку Е. Ѳ. Романову, такъ-какъ „другъ Катя", по разсѣянности, забыла сообщить свой кіевскій адресъ. Уже въ этомъ первомъ письмѣ Соловьевъ выражаетъ надежду на новое личное свиданіе: онъ собирается пріѣхать „весною" [1872 г.] въ Кіевъ, „если будетъ какая-нибудь возможность". Тутъ-же онъ даетъ извѣстные намъ совѣты читать великихъ поэтовъ и не очень налегать на занятія

судьбою своихъ писемъ къ ней. Ея письма къ нему онъ сжегъ; говорилъ, что слѣдовало бы сжечь и его письма къ ней; но потомъ онъ отказался отъ этой мысли и даже прямо разрѣшилъ ихъ современемъ опубликовать. И дѣйствительно, письма эти проникнуты въ общемъ такимъ возвышеннымъ и благороднымъ характеромъ, что скрывать ихъ незачѣмъ: было бы даже, по-истинѣ, жаль, еслибы они остались не опубликованными.

539) *П.*, III, 57.

естественными науками. Занимаетъ его судьба и нѣкоей „В.“, которой угрожаетъ недостойное поведеніе какого-то господина. Тема эта проходитъ и черезъ ближайшія слѣдующія письма, въ различныхъ варіантахъ. Въ концѣ концовъ эпизодическій интересъ къ „В.“ отступаетъ на задній планъ, но онъ все-таки заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

В. Л. Величко пишетъ: „Между 18-ымъ и 20-ымъ годами было у него [Вл. С. Соловьева] нѣсколько увлеченій, рыцарски-пылкихъ и возвышенныхъ, но, къ счастью для него, скоро-преходящихъ. Пріѣхавъ погостить въ Новороссію къ одной изъ своихъ тетокъ, княгинѣ Дадешкеліани, Владиміръ Соловьевъ влюбился въ простую крестьянскую дѣвушку и собирался на ней жениться, но былъ спасенъ необходимостью вернуться въ Москву къ обычнымъ занятіямъ съ наступленіемъ академическаго сезона; переписки съ деревенской красавицей быть не могло — и образъ ея мало-по-малу померкъ. Затѣмъ онъ плѣнился поочередно двумя юными родственницами съ материнской стороны, г-жами П. и Р.; завязалась цѣлая переписка,—но браку двадцатилѣтняго ученаго съ первой изъ нихъ благоразумно помѣшалъ встревоженный семейный совѣтъ, а во второй онъ самъ разочаровался, чтò весьма естественно, такъ-какъ трудно было бы найти подругу жизни, которая сколько-нибудь отвѣчала бы даже тогдашнему его уровню. Этимъ, насколько мнѣ извѣстно со словъ покойнаго, завершились юныя попытки Владиміра Соловьева свить гнѣздо. — Мирная жизнь въ гнѣздѣ и не отвѣчала, строго говоря, ни его духовному складу, ни высокому призванію, которому онъ остался вѣренъ всю жизнь.“ [540])

Поѣздка Соловьева въ Новороссію, про которую разсказываетъ В. Л. Величко, есть именно та поѣздка въ Ѳедоровку, о которой упоминалось выше. У двоюродной бабушки Соловьева, Елизаветы Ѳедоровны Петковичъ, было двѣ дочери. Старшая дочь, Елена Михайловна, была въ эту пору замужемъ за княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Дадешкеліани. Ее и разумѣетъ В. Л. Величко подъ именемъ тетки Соловьева, княгини Дадешкеліани. Кн. М. М. Дадешкеліани состоялъ на военной службѣ. Супруги Дадешкеліани, не имѣвшіе дѣтей, проживали частію въ Елисаветградѣ, уѣздномъ городѣ Херсонской губерніи, частію въ Ѳедоровкѣ. Княг. Е. М. Дадешкеліани, двоюродная сестра В. В. Романова и П. В. Соловьевой, приходилась кузинѣ Со-

---

[540]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 20.

ловьева, Е. В. Романовой, двоюродной теткою. Младшая дочь Елизаветы Өедоровны Петковичъ, Вѣра Михайловна, была по возрасту нѣсколько старше Соловьева. Впослѣдствіи она тоже вступила въ бракъ (съ С. К. Рощаковскимъ), а въ то время, когда Соловьевъ гостилъ въ Өедоровкѣ, она была еще въ дѣвушкахъ, подобно другой юной родственницѣ Соловьева съ материнской стороны, Е. В. Романовой, и своей прекрасной наружностью невольно привлекала къ себѣ сердца молодежи. Проживая въ Өедоровкѣ, Соловьевъ имѣлъ, конечно, возможность познакомиться и съ супругами Дадешкеліани, и съ этой своей родственницею, бывшей уже по своему возрасту въ положеніи „дѣвушки на-выданіи", „невѣсты". Обѣ молодыя особы, В. М. Петковичъ и Е. В. Романова, въ качествѣ ближайшихъ сверстницъ Соловьева, составляли здѣсь, по понятнымъ причинамъ, предметъ его особаго вниманія.

Указаніе В. Л. Величко на романическую исторію съ крестьянской дѣвушкой рѣшительно отвергается лицами, хорошо знавшими Соловьева въ тѣ годы, о которыхъ идетъ рѣчь. И хотя авторъ ссылается въ этомъ случаѣ на слова самого Соловьева, тѣмъ не менѣе приходится думать, что тутъ какое-то недоразумѣніе. Что касается двухъ другихъ романическихъ исторій, то фактическій матеріалъ для нихъ намѣчается безъ всякаго труда, не смотря на маскирующія буквы: „П." и „Р." Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ необходимы оговорки: о бракѣ Соловьева съ г-жей П., повидимому, серьезныхъ разговоровъ вовсе не было, хотя со стороны Соловьева и было нѣкоторое увлеченіе, бракъ же съ г-жей Р. (Е. В. Романовой), дѣйствительно, предполагался, но разстроилось это предположеніе по причинамъ болѣе сложнымъ, чѣмъ „разочарованіе". Обо всемъ этомъ довольно ясно свидѣтельствуютъ опять-таки письма Соловьева къ его кузинѣ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и возвращаемся.

Второе письмо Соловьева—отъ 21-го декабря 1871 г. [541]) Передъ этимъ имъ было получено письмо отъ Е. В. Романовой, и онъ горячо благодаритъ ее за „дорогое участіе". Признавая, что жизнь „милаго друга Кати" „въ тысячу разъ тяжелѣе" его жизни,—отчасти въ виду болѣзни ея матери (А. С. Шевяковой), отчасти въ виду „постоянной неволи внѣшней мелочной жизни",—онъ утѣшаетъ себя „твердою увѣренностью" въ томъ, что у его кузины есть „внутренняя жизнь, недоступная", по крайней мѣрѣ, „ни для какихъ внѣшнихъ

[541]) *П.*, III, 58, 59.

мелочей". Онъ думаетъ даже, что „радость и наслажденіе" во внѣшней жизни „опасны, потому-что призрачны". Гоняться за призракомъ счастья—ребячество. Ужъ лучше въ этой внѣшней жизни „несчастье и горе", которыя „часто являются единственнымъ спасеніемъ." Затѣмъ Соловьевъ увѣряетъ кузину въ своемъ „искреннемъ, сердечномъ участіи" и отстраняетъ ея предположеніе, будто-бы для этого участія нѣтъ въ его сердцѣ свободнаго мѣста. „Ты очень ошибаешься," пишетъ онъ, „если думаешь, что я весь погрузился въ свою *дурь*, какъ ты совершенно вѣрно называешь мой глупый романъ; мнѣ эта дурь уже давно ни въ чемъ не мѣшаетъ, а теперь она почти и совсѣмъ прошла,—развѣ только иногда въ безсонныя ночи возвращается воспоминаніе." Нельзя не догадаться, отъ какой „дури" открещивается здѣсь Соловьевъ, если принять въ соображеніе разсказъ В. Л. Величко про романическія обстоятельства, которыми сопровождалось пребываніе Соловьева въ Ѳедоровкѣ. Притомъ—изъ пѣсни слова не выкинешь: дошедшее и до насъ преданіе повѣствуетъ, что въ усадьбѣ бабушки Соловьевъ занимался не только чтеніемъ Гейне и бесѣдами съ своей теперешней корреспонденткой—неравнодушный и къ другимъ образамъ, въ особенности же къ одному изъ нихъ, онъ готовъ былъ принять участіе и въ легкихъ пирушкахъ, и въ разныхъ чудачествахъ, да не прочь былъ прибавить къ нимъ кое-что и отъ себя, въ смыслѣ выраженія молодыхъ порывовъ. „Романъ", который самъ Соловьевъ черезъ какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ чистосердечно называетъ „глупымъ", не могъ, само собою разумѣется, обойтись безъ эскападъ, свойственныхъ возрасту. И намъ кажется болѣе цѣннымъ для характеристики Соловьева это искреннее самоосужденіе, чѣмъ тотъ фактъ, что и на его долю выпала „дурь". [542]) Какъ бы то ни было, недавнее прошлое вытѣсняется настоящимъ, и конецъ своего второго письма Соловьевъ посвящаетъ уже не „В.", resp. „г-жѣ П.", а серьезной заботѣ о „миломъ другѣ Катѣ". Стараясь, между прочимъ, оградить ее отъ подчиненія книжнымъ

[542]) Не обходя молчаніемъ эту „дурь" и другіе подобные факты, біографы Соловьева оказываютъ ему даже нѣкоторую услугу. Очевидно, Соловьевъ не былъ, по самой природѣ своей, какимъ-то „духомъ хладнымъ скопцомъ" или—что̀ еще хуже—субъектомъ, нуждающимся въ оцѣнкѣ со стороны судебной психіатріи. Считаемъ это примѣчаніе нелишнимъ въ виду того, что еще недавно русскіе читатели имѣли передъ собой страницы, озаглавленныя авторомъ: *Прослойки содоміи у Влад. Соловьева*. Впрочемъ, тѣмъ-же авторомъ были обнаружены эти „прослойки" и у гр. Л. Н. Толстого. В. В. Розановъ, *Люди луннаго свѣта* (*метафизика христіанства*); изд. 2, С.-Петербургъ, 1913 г.: стр. 111—113; стр. 105—110.

авторитетамъ, онъ внушаетъ ей ту вѣрную, но часто забываемую мысль, что „въ серьезныхъ вопросахъ внутреннее бездоказательное и безсознательное убѣжденіе есть голосъ Божій.“ Любопытно, что въ этомъ-же первомъ письмѣ онъ впервые называетъ „Всеволода“, ревниво досадуя, что этотъ Всеволодъ считаетъ Е. В. Романову „совсѣмъ за маленькую дѣвочку“. Изъ всѣхъ близкихъ Соловьеву лицъ, достаточно извѣстныхъ и Е. В. Романовой, тутъ приходитъ, прежде всего, на мысль его старшій братъ Всеволодъ, который приближался въ это время къ своему 23-лѣтію...[543]) Письмо заканчивается, какъ и начинается, благодарностью: на этотъ разъ Соловьевъ благодаритъ „за карточку“, обѣщая прислать свою („какъ только снимусь“).

Третье письмо помѣчено 27-ымъ января 1872 г.[544]) Одобряя рѣшеніе кузины идти не обыкновенной, а нѣкоторой другой дорогой, Соловьевъ отвергаетъ „жизнь эгоизма, личныхъ интересовъ, съ глупымъ призракомъ счастья какъ послѣднею цѣлью“, и съ большимъ одушевленіемъ говоритъ о той „*истинной* жизни“, которая открыта человѣчеству „*истиннымъ* христіанствомъ“. Правда, путь истинной жизни—путь нелегкій, но вѣдь „вездѣ одно страданіе. Только по настоящей дорогѣ это страданіе искупляетъ и ведетъ къ истинѣ, а страданіе ложной жизни безплодно и безсмысленно.“ О высказанныхъ въ этомъ письмѣ мысляхъ мы, впрочемъ, имѣли уже случай упоминать раньше, а потому и удовольствуемся этимъ краткимъ напоминаніемъ. Личный романъ съ кузиной въ письмѣ прямо не затрогивается. 18-го января 1872 г. скончалась А. С. Шевякова, мать Е. В. Романовой. Возможно, что это событіе и послужило ближайшимъ поводомъ къ разсужденіямъ о жизненныхъ путяхъ, замѣнившимъ всякія другія разсужденія.

Четвертое письмо—отъ 7-го марта 1872 г.[545])—Соловьевъ начинаетъ съ выраженія догадки, что „дорогая Катя“ не получила его „послѣдняго письма“, адресованнаго, по-прежнему, въ Кіевъ, тогдакакъ она тѣмъ временемъ уже перебралась оттуда въ Харьковъ. Къ сожалѣнію, онъ не проставляетъ даты этого послѣдняго своего письма, а потому мы и не знаемъ, имѣется-ли тутъ пробѣлъ въ перепискѣ, или не имѣется. Во всякомъ случаѣ, онъ не отрицаетъ, что съ его стороны произошла, дѣйствительно, нѣкоторая задержка въ корреспонденціи.

---

[543]) При первомъ появленіи Е. В. Романовой въ семействѣ Соловьевыхъ, осенью 1864 г., Всеволоду Соловьеву было около 15½ лѣтъ.

[544]) *П.*, III, 60, 61.

[545]) *П.*, III, 62, 63.

„Послѣ того“, пишетъ онъ, „я нѣсколько разъ собирался писать, но днемъ мѣшали занятія, а по ночамъ—хандра, вслѣдствіе извѣстія о замужествѣ В. На меня сверхъ ожиданія это извѣстіе произвело довольно сильное дѣйствіе, впрочемъ, непродолжительное: теперь уже почти совсѣмъ прошло, и надо надѣяться — на-всегда.“ Нѣтъ основанія предполагать, чтобы подъ „В.“ здѣсь разумѣлось какое-либо другое лицо, помимо того, которое называлось уже раньше. Очевидно, Соловьевъ борется съ какимъ-то чувствомъ, небезразличнымъ и для его кузины, и ему хочется сбросить съ себя это чувство... Въ дальнѣйшемъ онъ выражаетъ радость за своего друга, что она, наконецъ, „свободна располагать собою.“ Смыслъ этихъ словъ, повидимому, въ томъ, что приближалось 17-лѣтіе Е. В. Романовой, вмѣстѣ съ чѣмъ расширялись и ея гражданскія права. А для чего нужна эта свобода? Да для того, чтобы легче было достигнуть истинной цѣли жизни. И Соловьевъ снова указываетъ на служебную роль науки, утверждая, что высшая или истинная цѣль жизни—нравственная или религіозная. Попутно онъ касается вопроса о „подчиненности“ женщинъ—модной тогда темы; но, во избѣжаніе неудобныхъ въ письменномъ общеніи споровъ, онъ откладываетъ всякія подробныя объясненія до личнаго свиданія. Встрѣчу съ кузиной онъ намѣчаетъ „до Святой, въ Харьковѣ“, откуда разсчитываетъ проѣхать „въ Ѳедоровку, дней на 10, подышать немного чистымъ воздухомъ.“ [546]) Упоминаніе о Ѳедоровкѣ, мотивируемое въ области яснаго сознанія „чистымъ воздухомъ“, оказывается, однако-же, отзвукомъ другой мотивировки, копошащейся гдѣ-то въ области подсознательной. И вотъ снова всплываетъ мысль о „В.“ Внѣ явной связи съ предъидущимъ Соловьевъ заканчиваетъ свое письмо такими строками: „Почему тебѣ жаль В.? Я, напротивъ, надѣюсь, что теперь изъ нея выйдетъ отличная женщина—«вѣрная супруга и добродѣтельная мать»; вѣдь, говорятъ, и Е. до замужества была такой-же вѣтряной и непостоянной, какъ она. У В. главный недостатокъ былъ — притворство, стремленіе казаться тѣмъ, чѣмъ она быть не могла; но теперь, когда ея положеніе совершенно опредѣлилось, ей притворяться незачѣмъ, и это стремленіе должно исчезнуть.“ Выходитъ, значитъ, что нѣтъ причинъ безпокоиться ни за „В.“ ни за „Е.“ Но не смутитъ-ли это повторное упоминаніе про „В.“ самое кузину? И какъ-бы въ предотвращеніе этого смущенія Соловьевъ дѣлаетъ приписку: „завтра пойду

[546]) Пасха въ 1872 г. приходилась на 16-ое апрѣля.

сниматься, не успѣлъ до сихъ поръ." Сборы къ фотографу продолжались до этого около двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Какъ кажется, они и теперь будутъ столь-же неудачными и нескоро увѣнчаются успѣхомъ.

Пятое письмо помѣчено 26-ымъ марта 1872 г. [547]) И на этотъ разъ Соловьевъ высказываетъ нѣсколько соображеній общаго характера — о стремленіи къ „наукѣ", объ изученіи внѣшнихъ природныхъ явленій, о жизни пустыми призраками. Теперь насъ занимаетъ, однако-же, другая сторона переписки, и потому на этихъ соображеніяхъ мы повторно останавливаться не будемъ. Что касается личнаго романа Соловьева, то по этой части обнаруживается какая-то заминка. Во-первыхъ, „дорогая Катя" довольно долго молчала, или не принимала надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы ея письма доходили исправно по назначенію; во-вторыхъ, ея двоюродный братъ и другъ подвергся какимъ-то „обвиненіямъ" и не зналъ, какъ она относится къ этой напраслинѣ; въ-третьихъ, она, повидимому, все еще сомнѣвается въ „постоянствѣ" его „дружбы", и это его раздражаетъ („не божиться-же, въ самомъ дѣлѣ!"); въ-четвертыхъ, она пишетъ „жалкія слова". Изливши свою досаду, Соловьевъ, впрочемъ, успокаивается и снова мечтаетъ о скоромъ свиданіи съ кузиной, когда можно будетъ поговорить о многомъ. Свиданіе онъ пріурочиваетъ теперь къ концу мая, т. е. къ тому времени, когда онъ раздѣлается съ экзаменами и будетъ „совсѣмъ вольной птицей". О Ѳедоровкѣ, о „В.", о преодолѣнной „дури" рѣчь уже не заводится. Письмо заканчивается даже съ особымъ приливомъ нѣжности, и намъ остается только ждать, что при предстоящемъ свиданіи назрѣвавшія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дружескія отношенія получатъ окончательную скрѣпу. Конечно, при этомъ слѣдовало бы предположить, что прозвучавшій диссонансъ, дѣйствительно, разрѣшился вполнѣ благополучно, и что обѣ стороны стали за эти мѣсяцы разлуки еще милѣе, еще дороже другъ другу...

Въ главѣ пятой, обозрѣвая внѣшнюю исторію студенческой жизни Соловьева, мы указывали, что съ формальной стороны не всѣ экзамены складывались для него удачно, и что продвинуться на четвертый курсъ весною 1872 г. ему такъ и не удалось. Тѣмъ не менѣе, въ маѣ этого года онъ все-таки могъ почувствовать себя „вольной птицей" и полетѣлъ въ Харьковъ. Прибылъ онъ сюда, вѣроятно,

---

[547]) *П.*, III, 64, 65.

въ половинѣ этого мѣсяца, но оставался на мѣстѣ недолго, ибо уже 21-го мая, въ письмѣ на имя И. О. Лапшина, 5*8) онъ назначаетъ свой отъѣздъ на „завтра", т. е. на 22-ое число. До Харькова онъ доѣхалъ „благополучно и даже весело", но тутъ счастье ему измѣнило.. Его одолѣваетъ „порядочная тоска" и даже „уныніе"; думать „о предстоящей еще длинной дорогѣ и двухмѣсячномъ пребываніи въ «котскомъ состояніи" ему крайне непріятно; онъ порывается возвратиться въ Москву, „или же ѣхать въ Херсонскую деревню" съ кузиной. „Сегодня" онъ принимаете, однако, рѣшеніе внять голосу „благоразумія", и „завтра" разсчитываетъ отправиться въ Саратовъ. Чтд-же такое случилось?

Точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ проводилъ Соловьевъ время въ Харьковѣ, мы не имѣемъ. Письмо къ И. О. Лапшину, на которое мы ссылались и раньше, заставляетъ насъ только думать, что душевное настроеніе Соловьева отъ пребыванія въ Харьковѣ, куда онъ прибылъ ради свиданія съ „милымъ другомъ Катей", потерпѣло какой-то ущербъ. Насколько можно судить по разсказамъ близкихъ людей, съ внѣшнөй стороны ничего выдающагося за эти дни съ Соловьевымъ не произошло. Приходится допустить, что народились или выяснились нѣкоторыя внутреннія обстоятельства, незамѣтныя или мало замѣтныя для окружающихъ, но очень замѣтныя для самого Соловьева. И, вѣроятно, не безъ достаточной причины отказался онъ отъ такой, казалось бы, пріятной для него вещи, какъ поѣздка съ кузиной въ Өедоровку, гдѣ онъ такъ хорошо могъ бы „подышать немного чистымъ воздухомъ". Саратовъ, невидимому, оказался тоже забракованнымъ, ибо уже 8-го іюля Соловьевъ пишетъ кузинѣ снова язъ Москвы. Значить, онъ такъ или иначе избѣгнулъ „двухмѣсячнаго пребыванія въ скотскомъ состояніи", срокъ которому долженъ былъ истечь только въ концѣ аюля мѣсяца. Поѣздка въ Саратовскій край, ради леченія кумысомъ, проектировалась въ интересахъ здоровья, но я эти интересы отошли на заднiй планъ. Если Соловьевъ и попалъ въ этотъ край, то лишь ненадолго.

Много лѣтъ спустя, а именно въ 1892 г., Соловьевъ возвратился мысленно къ своей поѣздвѣ въ Харьковъ въ 1872 г., и записалъ свои ъоспоминанія объ этой поѣздкѣ въ формѣ разсказа: *На зарѣ туманной юности...* б49) Мы не имѣемъ безусловно обоснованнаго права

ш) П., I, 157.
«>) Д., III, 283-298.

считать этотъ разсказъ полностью за отрывокъ изъ подлинной автобіографіи, но еще меньше у насъ права отрицать за содержащимися въ этомъ повѣствованіи данными всякую біографическую цѣнность. И намъ кажется, что названнымъ разсказомъ слѣдуетъ воспользоваться, между прочимъ, именно для того, чтобы попытаться объяснить себѣ, почему такою грустью проникнуто письмо Соловьева къ И. О. Лапшину отъ 21-го мая 1872 г.

Въ другомъ мѣстѣ мы излагаемъ болѣе подробно всѣ психологическія перипетіи юношескаго романа Соловьева съ его кузиной Е. В. Романовой, съ точки зрѣнія того двойного освѣщенія, которое получается при сопоставленіи соотвѣтствующей переписки Соловьева съ его-же разсказомъ: *На зарѣ туманной юности...* 55°) Чтобы не вдаваться въ повторенія, достаточно замѣтить, что свиданію съ кузиной предшествовалъ повидимому, передъ самымъ прибытіемъ Соловьева въ Харьковъ нѣкоторый случайный эпизодъ, показавшій 19-лѣтнему юношѣ, что не вездѣ-же „одно страданіе", и что при наличности не надуманнаго, а дѣйствительнаго любовнаго воодушевленія, вызываемаго близостью милаго женскаго существа, можно не только совершенно забыть про себя, но и всѣмъ существомъ своимъ понять нѣчто лучшее и высшее, чѣмъ пустопорожнее „самоотрицаніе воли". Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ силу новыхъ переживаній, совпавшихъ по времени съ поѣздкой въ Харьковъ, Соловьевъ „теперь понялъ, что есть Богъ въ человѣкѣ, что есть добро и истинная радость въ жизни, что ея цѣль не въ холодномъ, мертвомъ отрицаніи..." *ш)* Удареніе здѣсь не столько на содержаніи дополнительныхъ предложены, сколько на сказуемомъ главнаго предложенія: „понялъ". Многіе и даже всѣ элементы этой простой формулы были вѣдомы Соловьеву и раньше, за послѣдній годъ они стали даже совсѣмъ близкими ему терминами обычныхъ его разсужденій; но всѣ его теоретическія построенія возводились доселѣ, по-преимуществу, на основаніяхъ раціоналистическихъ и окрашивались еще въ тѣ мрачные цвѣта, которые были свойственны его „метафизическому радикализму", тутъ же онъ воспринялъ свое разсудочное вѣдѣніе какъ живое откровеніе, обращающееся не къ одному только разсудку. Впрочемъ, воспользуемся опять словами разсказа, хотя и въ другомъ контекстѣ, „это я узналъ потомъ", а пока, „очнувшись, я видѣлъ только яркіи

65°) С. М. Лукьяновъ (прим. 17).

а51) *П.*, III, 296 (слова изъ разсказа: *На зарѣ туманной юности...).*

солнечный свѣтъ, полосу синяго неба, и въ этомъ свѣтѣ и среди этого неба склонялся надо мною образъ прекрасной женщины, и она смотрѣла на меня чудными знакомыми глазами и шептала мнѣ что-то тихое и нѣжное...“ [552])

Прозаическая обстановка происшествія, поэтически изображеннаго въ разсказѣ: *На зарѣ туманной юности...*, остается еще недоступной для біографовъ Соловьева. [553]) Ограничимся поэтому только-что сдѣланными немногими намеками, на которые достаточно уполномочиваетъ насъ этотъ разсказъ, и посмотримъ, что̀ было дальше въ подлинной дѣйствительности. Допустимъ хотя-бы предположительно, что тоска и уныніе, испытанныя Соловьевымъ въ Харьковѣ, были результатомъ нѣкоторой новой переоцѣнки того чувства, которое привело его въ Харьковъ, плодомъ самокритики, убѣдившей его, что слова, которыя онъ намѣренъ былъ преподнести своей кузинѣ и въ самомъ дѣлѣ преподнесъ ей,—слова чужія и совершенно неинтересныя, чужія и совершенно неинтересныя для него самого, и признаемъ, что иныхъ словъ въ его распоряженіи въ эту пору не было... [554])

Послѣ отъѣзда Соловьева, Е. В. Романова оставалась еще нѣкоторое время у своей тетки въ Харьковѣ. Желаніе „учиться“ ея не покидало, и она стала подумывать о переселеніи въ Петербургъ. Тутъ встрѣтились, однако-же, различныя помѣхи, и дѣло кончилось тѣмъ, что осенью того-же 1872 г. она водворилась снова въ Ѳедоровкѣ,

---

[552]) *П.*, III, 295.

[553]) Полезно, во всякомъ случаѣ, еще разъ подчеркнуть, что было бы несправедливо признавать все содержаніе разсказа за безусловно точную автобіографическую запись. А засимъ необходимо различать въ самомъ повѣствованіи два момента: вспышку тѣлесной страстности, осуждаемую самимъ героемъ разсказа, и озареніе чистымъ любовнымъ чувствомъ, совершенно свободнымъ отъ уступки какому-либо низменному началу. Слова, приведенныя выше въ кавычкахъ, соотвѣтственно примѣчаніямъ 551-му и 552-му, и относятся именно ко второму моменту, а потому они и не могутъ подавать повода къ соблазнительному истолкованію, будто-бы тѣлесное увлеченіе, какъ таковое, оказалось источникомъ духовнаго просвѣтленія. — Отчасти пренебреженіемъ къ подобнымъ соображеніямъ и различеніямъ обусловливается, кстати сказать, суровое осужденіе разумѣемаго здѣсь эпизода со стороны архіепископа Антонія (Храповицкаго) въ его весьма рѣзкой статьѣ: *Ложный пророкъ*. Архіепископъ Антоній (Храповицкій), *Полное собраніе сочиненій*; т. III, С.-Петербургъ, 1911 г., изд. 2; стр. 184—189. Другихъ замѣчаній этого автора мы здѣсь не касаемся.

[554]) „Я говорилъ кратко и неубѣдительно. Я самъ чувствовалъ, что повторяю какой-то заученный урокъ; каждое слово раздавалось въ моихъ ушахъ какъ что-то чужое и совершенно неинтересное. Правду сказать, это были вполнѣ деревянныя слова.“ *П.*, III, 297.

гдѣ, по-прежнему, проживали обѣ ея бабушки—родная и двоюродная. Здѣсь она провела зиму 1872—1873 гг., наѣзжая по-временамъ въ Елисаветградъ, къ роднымъ, отчасти ради уроковъ, отчасти для того, чтобы побывать въ обществѣ. 19-го апрѣля 1872 г. Е. В. Романовой минуло 17 лѣтъ, и не удивительно, если ей хотѣлось иной разъ и потанцовать, и вообще повеселиться вмѣстѣ съ молодежью, не взирая на то, что она отказывалась отъ „обыкновенной дороги". Супруги Дадешкеліани принимали ее съ родственнымъ радушіемъ и могли, съ своей точки зрѣнія, только радоваться ея свѣтскимъ успѣхамъ. Въ эту пору къ ней сталъ свататься кн. Д. Дадіани, съ которымъ она познакомилась въ Одессѣ, гдѣ ей пришлось тоже побывать. Предложеніе кн. Д. Дадіани было ею, однако, отклонено, къ большому огорченію для бабушки Е. Ѳ. Романовой, желавшей видѣть свою внучку княгиней. Переписка съ Соловьевымъ продолжалась своимъ чередомъ. Такъ и прошла зима 1872—1873 гг. Весною 1873 г. начались сборы въ Петербургъ. Бабушка Е. Ѳ. Романова была несовсѣмъ здорова, и ѣхать на сѣверъ ей было тяжело, но она уступила все-таки настояніямъ Е. В. Романовой, продолжавшей мечтать о „курсахъ"; переселеніе совершилось къ лѣту того-же года. Въ Москвѣ путешественницы не останавливались, повидаться съ Соловьевыми имъ не удалось. Младшая сестра Е. В. Романовой, Поликсена, оставалась, по-прежнему, на попеченіяхъ П. С. Колокольцевой. Судьба этой дѣвушки сложилась очень печально. Въ возрастѣ около 20 лѣтъ, уже будучи объявленной невѣстой, она скончалась отъ чахотки, подобно своему отцу.

За годичный промежутокъ времени, съ лѣта 1872 г. до лѣта 1873 г., сохранилось шесть писемъ Соловьева на имя его кузины. Къ августу 1872 г. относится также его письмо на имя С. Д. Лапшиной, воспроизведенное нами въ главѣ восьмой. Другихъ письменныхъ документовъ за этотъ послѣдній годъ студенчества Соловьева не опубликовано.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 8-го іюля 1872 г., [556]) являющемся отвѣтомъ на письмо Е. В. Романовой, Соловьевъ, прежде всего, заявляетъ, что объ отказѣ его матери быть попечительницей его кузины ему ничего неизвѣстно. Далѣе, онъ поясняетъ, что общее мнѣніе всѣхъ родныхъ, кромѣ него, сводится къ тому, чтобы ей и впредь оставаться въ Харьковѣ, такъ-какъ ея желаніе учиться они считаютъ

[556]) *П.*, III, 66, 67.

„фантазіей“. П. В. Соловьева даже „пришла въ ужасъ“, когда узнала о намѣреніи своей племянницы переѣхать въ Петербургъ. Соловьевъ полагаетъ, впрочемъ, что когда его мать убѣдится въ окончательности рѣшенія Е. В. Романовой разстаться съ П. С. Колокольцевой и когда та пріѣдетъ въ Москву, то всѣ возраженія прекратятся, и П. В. Соловьева согласится быть попечительницей. „Мама боится только своимъ согласіемъ содѣйствовать исполненію твоихъ вредныхъ *для тебя*, по ея мнѣнію, плановъ; но когда она убѣдится, что и помимо ея согласія ты рѣшилась ихъ исполнить, то она не будетъ имѣть никакой причины для отказа и не откажетъ, могу тебя въ этомъ увѣрить.“ Въ виду всего этого Соловьевъ рекомендуетъ Е. В. Романовой пріѣхать въ половинѣ августа въ Москву и „остановиться пока у насъ въ Нескучномъ“. [556]) Въ заключеніе Соловьевъ отклоняетъ предложеніе проѣхаться на Кавказъ: время для него дорого, такъ-какъ предстоящей весною онъ „долженъ держать экзаменъ на кандидата, т. е. за всѣ четыре курса.“ Объ его здоровьѣ онъ проситъ не безпокоиться: „оно будетъ совершенно хорошо, когда я буду спокоенъ, т. е. когда устроится *твое* дѣло.“ Въ припискѣ—поцѣлуй Поликсенѣ и „бабушкамъ пишу особо.“ О своихъ личныхъ чувствахъ къ кузинѣ—ни слова. Впрочемъ, къ письму была приложена „карточка“, какъ это усматривается изъ дальнѣйшей переписки.

Слѣдующее письмо Соловьева помѣчено 6-ымъ августа 1872 г. [557]) Не получая „уже болѣе мѣсяца“ извѣстій отъ своей кузины, Соловьевъ томится неизвѣстностью объ ея намѣреніяхъ: „Не совѣстно-ли тебѣ меня такъ мучить?“ Возможно, впрочемъ, что она не получила его предыдущаго письма „съ карточкой“ отъ 8-го іюля. На этотъ случай онъ повторяетъ вкратцѣ его содержаніе и заключаетъ свои объясненія рѣшительнымъ приглашеніемъ переселиться въ Москву. „Итакъ, пріѣзжай въ Москву. Видитъ Богъ, что я этого желаю *только для тебя*. Ты хочешь сойти съ общей широкой дороги; добрыя попечительницы твои, которыя знаютъ только эту дорогу, увѣрены, что, сойдя съ нея, ты заблудишься и погибнешь, но я знаю другую дорогу и знаю, что ты найдешь ее, хотя теперь еще и *не знаешь* ея. Одно твое стремленіе сойти съ ложной дороги служитъ вѣрнымъ залогомъ того, что ты найдешь путь, истину и жизнь.—Для большинства это пустыя, безсмысленныя

---

[556]) Въ Нескучномъ въ распоряженіе С. М. Соловьева и его семейства была предоставлена казенная дача.

[557]) *П.*, III, 68, 69.

слова, какъ для слѣпыхъ свѣтъ есть пустое, безсмысленное слово. Но я пишу тебѣ и знаю, что ты не сочтешь меня за фантазёра.— Я видѣлъ въ тебѣ божественную искру и знаю, что она погаснуть не можетъ; но современемъ, разгорѣвшись, можетъ сдѣлаться благотворнымъ свѣтомъ для многихъ среди того непрогляднаго мрака, который господствуетъ въ настоящее время.—Можетъ показаться, что я дѣлаю изъ мухи слона; но я остаюсь при своемъ сравненіи: большой огонь происходитъ изъ малой искры.—Прощай, моя дорогая, да благословитъ тебя Богъ." Въ припискѣ Соловьевъ усердно проситъ писать („Пиши Христа ради") и не перепутывать адреса (а то послѣднее письмо было адресовано почему-то въ Газетный переулокъ вмѣсто Денежнаго). И въ этомъ письмѣ Соловьевъ выдвигаетъ на передній планъ интересы самой кузины и всячески старается убѣдить ее, что совѣты его продиктованы не личнымъ чувствомъ. При этомъ, говоря, какъ и прежде, о различныхъ путяхъ жизни, онъ на этотъ разъ уже прямо заявляетъ, что спасительнаго пути кузина теперь еще не знаетъ. Это незнаніе онъ даже подчеркиваетъ...

Послѣ этого письма переписка прерывается на три съ половиной мѣсяца слишкомъ. Правда, было еще сентябрское письмо, не дошедшее по назначенію; но и съ зачетомъ этого пропавшаго письма корреспонденція представляется все-таки нѣсколько вялой. Въ письмѣ отъ 25-го ноября 1872 г. [568]) рѣдкость своихъ писемъ Соловьевъ объясняетъ тѣмъ, что онъ самъ не получалъ отъ кузины никакихъ извѣстій и не зналъ даже, гдѣ она находится. „Вчера, наконецъ, получаю твою телеграмму, изъ которой могу заключить, что ты послѣднее время мнѣ писала, и что теперь ты въ Ѳедоровкѣ." Затѣмъ нѣсколько шуточныхъ замѣчаній о своемъ здоровьѣ („даю тебѣ честное слово, что ни въ какомъ случаѣ не умру прежде времени") и снова разсужденія о переселеніи „дорогой Кати" въ Москву—впрочемъ, разсужденія довольно краткія. „Если ты собираешься въ Москву, то бабушка тебѣ, конечно, сообщила условія того пансіона, о которомъ я тебѣ писалъ. Если же ты теперь въ Москву не ѣдешь (что̀ будетъ очень печально для мамы), то пиши мнѣ, по крайней мѣрѣ, подлиннѣе." Обращаютъ на себя вниманіе слова, заключенныя въ скобки. Казалось бы, непріѣздъ Е. В. Романовой въ Москву долженъ былъ бы очень опечалить не столько „маму", сколько самого автора письма. Да и шутки на счетъ здоровья представляются не вполнѣ умѣстными:

[568]) *П.*, III, 70.

вѣдь здоровьемъ Соловьевъ, дѣйствительно, похвалиться не могъ (слабость, безсонница...).

Черезъ три недѣли, 16-го декабря 1872 г., Соловьевъ пишетъ снова. [559]) Тонъ письма, оставшагося даже безъ подписи, прямо-таки раздражительный. Соловьевъ заявляетъ, что уже „пятое письмо" пишетъ „наугадъ, не зная, дойдетъ-ли"; жалуется на присылку неясной телеграммы, на неполученіе точнаго адреса („пиши сейчасъ-же, а куда—не извѣстно"), на ошибочное надписаніе конвертовъ („Живу въ Денежномъ переулкѣ, Денежномъ, Денежномъ, Денежномъ"). Заканчивается письмо своеобразной угрозой: „Если еще недѣлю не получу отъ тебя письма съ адресомъ, то я пріѣду въ Е." Подъ „Е." подразумѣвается, очевидно, Елисаветградъ. Угроза, впрочемъ, осуществленія не дождалась, хотя „черезъ недѣлю" адресъ и не былъ полученъ. [560])

„*Шестое* письмо въ этомъ мѣсяцѣ", т. е. въ декабрѣ 1872 г., Соловьевъ пишетъ 27-го числа. [561]) Отъ сердца у него отлегло, но онъ все еще „въ дурномъ духѣ". Адресъ Е. В. Романовой ему сообщила, наконецъ, ея сестра Поликсена. Теперь онъ можетъ писать съ надеждой, что письмо его не затеряется на почтѣ. „А то я уже серьезно собирался ѣхать въ Елисаветградъ: въ такое невыносимое положеніе поставило меня твое послѣднее письмо; вижу изъ него, что тебя сильно безпокоитъ мое невольное молчаніе, и ничего не могу сдѣлать изъ-за этого проклятаго адреса." Затѣмъ слѣдуютъ старые толки о переселеніи кузины въ Москву, съ нѣкоторымъ новымъ варіантомъ: „..... если я и полагалъ, что въ извѣстномъ отношеніи тебѣ всего лучше жить въ Москвѣ, то въ другихъ отношеніяхъ это было бы все-же неудобно, хотя я, впрочемъ, не знаю, на какія собственно причины ты намекаешь." Сомнѣнія и колебанія, житейская путаница и неразбериха... Тутъ-же Соловьевъ выражаетъ удовольствіе по случаю того, что „дорогая Катя" будетъ жить, во всякомъ случаѣ, не въ Харьковѣ, гдѣ, „какъ и въ другихъ университетскихъ провин-

---

559) *П.*, III, 71.

560) О раздражительности Соловьева въ молодости сообщаетъ нѣкоторыя данныя М. С. Безобразова. Раздражительность проявлялась, между прочимъ, тогда, когда у него убирали комнату и передвигали его бумаги, книги и т. д. Накричавши, онъ шелъ извиняться, цѣловалъ у матери руки. „Съ теченіемъ времени припадки дикаго бѣшенства изъ-за недостаточно уважительной причины становились все рѣже и рѣже: братъ усиленно надъ собой работалъ." М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 130, 132.

561) *П.*, III, 72.

ціальныхъ городахъ", сй могъ бы повредить „классъ пустыхъ головъ". „Общество елисаветградское, по всей вероятности, ничемъ инымъ не занимается, кроме делъ и увеселеній житейскихъ," но это, „по крайней мерс, совершенно безвредно." Въ заключеніо: „Всехъ цблую и поздравляю съ новымъ годомъ. Князю [М. М. Даденкеліани] собираюсь писать, очень поздравь отъ меня Веру." Усиленное поздравленіе по адресу „Веры" обусловливается, надо думать, некоторыми особливыми обстоятельствами воспоминаніями прошлаго. Личный романъ Соловьева съ Е. В. Романовой нисколько, между-тем^, впередъ не подвигается.

Мы приблизились къ концу интимной переписки Соловьева за последній годъ его студенчества, хотя до конца учебнаго года пока далеко. Передъ нами еще лишь одно письмо отъ 31-го декабря 1872 г., съ припискою отъ 1-го января 1873 г. Следующее письмо уже отъ 6-го іюня 1873 г. А мы знаемъ, что 7-го іюня этого года историко-филологическій факультетъ Московскаго университета входилъ въ совете университета съ представленіемъ объ утвержденіи Владиміра Соловьева въ степени кандидата. Значить, письмо отъ 6-го іюня было написано почти сейчасъ-же по окончаніи кандидатскихъ экзаменовъ.

Последнее собственно студенческое письмо Соловьева отъ 31-го декабря 1872 г. и 1-го января 1873 г. одно изъ самыхъ обширныхъ и интересныхъ писемъ. 6ва) Мы уже касались общей части этого письма въ главе четвертой, причемъ было приведено довольно объемистое извлечете изъ него; ссылались мы на это письмо и въ другихъ предшествующихъ главахъ. Теперь намъ остается позаимствовать изъ этого источника лишь то, что доселе еще не было затронуто, т. е. то, что относится до личнаго романа Соловьева. Переходя после общей части „къ деламъ житейскимъ", Соловьевъ обсуждаетъ прежде всего „отказъ" Е. В. Романовой въ ответъ на предложеніе кн. Д. Дадіани. Отказъ этотъ „очень опечалилъ" Соловьева: ему „сильно сдается", что было бы лучше, еслибы кузина предложеніе приняла. „Если онъ хорошій человекъ, то при богатстве и значеніи ты чрезъ него или вместе съ нимъ могла бы сделать много добраго, чего не можешь сделать одна. Во всякомъ случае, причины отказа, который ты пишешь, совсемъ плохи. «Я его не настолько люблю» сіс. Мне очень жаль, если ты веришь

0 *П.*, III, 73-77.

скверной баснѣ, выдуманной скверными писаками скверныхъ романовъ въ нашъ скверный вѣкъ — баснѣ о какой-то особенной, сверхъестественной любви, долженствующей соединять два сердца для обоюднаго блаженства, безъ чего будто-бы непозволительно и вступать въ законный бракъ, тогда-какъ, напротивъ, настоящій бракъ долженъ быть не средствомъ къ наслажденію, а подвигомъ и самопожертвованіемъ. [563]) А что тебѣ якобы не нравится семейная жизнь, — то развѣ нужно дѣлать только то, что тебѣ нравится или что ты любишь? — Итакъ, если дѣло еще не кончено совсѣмъ, то, ради Бога, подумай объ этомъ хорошенько.—Если у тебя нѣтъ никакихъ другихъ, болѣе уважительныхъ причинъ и если мой совѣтъ для тебя что-нибудь значитъ, то я тебѣ рѣшительно и настоятельно совѣтую: прими предложеніе кн. Дадіани. Если тебѣ этотъ совѣтъ не понравится, то, по крайней мѣрѣ, ты должна признать, что онъ совершенно безпристрастенъ.“ Затѣмъ, высказавши нѣсколько довольно-таки спорныхъ замѣчаній о значеніи „приличій“ и пояснявъ не безъ рѣзкости кузинѣ за ея „враждебный и чуть не свирѣпый тонъ“ въ отношеніи ея родныхъ, Соловьевъ снова возвращается къ кн. Д. Дадіани. „Если ты не выйдешь замужъ за Дадіани, что будетъ очень жаль, я, конечно, пріѣду лѣтомъ въ Θедоровку, — если позволено будетъ“... Подъ конецъ — упоминаніе о „Скляревичѣ“ и „Шафонскихъ“ — елисаветградскихъ знакомыхъ, не имѣющихъ, какъ кажется, значенія

[563]) Взглядъ на любовь, какъ на нравственный подвигъ, составляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ основныхъ пунктовъ въ ученіи Соловьева о смыслѣ любви. Этому взгляду онъ оставался вѣренъ до конца. За 6 лѣтъ до смерти онъ писалъ: „Только послѣдовательными актами сознательной вѣры входимъ мы въ дѣйствительное соотношеніе съ областью истинно-сущаго, а чрезъ это въ истинное соотношеніе съ нашимъ «другимъ»; только на этомъ основаніи можетъ быть удержана и укрѣплена въ сознаніи та безусловность для насъ другого лица (а слѣдовательно, и безусловность нашего соединенія съ нимъ), которая непосредственно и безотчетно открывается въ паѳосѣ любви, ибо этотъ любовный паѳосъ приходитъ и проходитъ, а вѣра любви остается.— Но, чтобы не оставаться мертвою вѣрой, ей нужно непрерывно себя отстаивать противъ той дѣйствительной среды, гдѣ безсмысленный случай созидаетъ свое господство на игрѣ животныхъ страстей и еще худшихъ страстей человѣческихъ. Противъ этихъ враждебныхъ силъ у вѣрующей любви есть только оборонительное оружіе—терпѣніе до конца. Чтобы заслужить свое блаженство, она должна взять крестъ свой. Въ нашей матеріальной средѣ нельзя сохранить истинную любовь, если не понять и не принять ее какъ нравственный подвигъ. Недаромъ православная церковь въ своемъ чинѣ *брака* напоминаетъ святыхъ *мучениковъ* и къ ихъ вѣнцамъ приравниваетъ вѣнцы супружескіе.“ *Соч.*, VI, 408; статья пятая о *Смыслѣ любви*.— Ср. выше, прим. 404-ое.

для біографіи Соловьева. Про „Скляревича" Соловьевъ выражается такъ: „Что касается до его атеизма, то это иногда случается съ хорошими людьми, или отъ того, что мало думали объ этомъ, или же отъ духа времени, или отъ другихъ внѣшнихъ причинъ. Ты при случаѣ пожми его на этомъ предметѣ, и увидишь, насколько глубоко его отрицаніе религіи." Подпись подъ письмомъ: „Прощай, твой всегда Вл. Соловьевъ." Въ припискѣ, сдѣланной 1-го января 1873 г., т. е. на другой-же день, мы читаемъ такія строки: „Если въ этомъ письмѣ, дорогая моя, тебя что-нибудь оскорбитъ, то ты простишь меня, потому-что знаешь, что я люблю тебя даже больше, чѣмъ нужно. Прошу тебя, пиши мнѣ поскорѣе, меня очень интересуетъ дѣло съ предложеніемъ, и помимо того ты должна знать, что каждая твоя строчка для меня въ сорокъ тысячъ разъ дороже всей писанной и печатной бумаги въ мірѣ." Въ общемъ получается впечатлѣніе сбивчивое: съ одной стороны, настойчивые совѣты принять предложеніе кн. Д. Дадіани даже при недостаточной любви къ нему, съ другой—„люблю тебя даже больше, чѣмъ нужно"; съ одной стороны, не вѣрь „баснѣ о какой-то особенной сверхъестественной любви", съ другой—„каждая твоя строчка для меня въ сорокъ тысячъ разъ дороже всей писанной и печатной бумаги въ мірѣ"; съ одной стороны, не позволяй себѣ сердиться на своихъ родныхъ, съ другой — а я самъ говорю оскорбительныя для тебя вещи. Сбивчивость эта окажется еще болѣе значительной, если всѣ эти „житейскія дѣла" сопоставить съ содержаніемъ нѣкоторыхъ другихъ писемъ, процитированныхъ раньше. Но едва-ли нужно вдаваться здѣсь въ дальнѣйшія подробности по этой части, такъ-какъ слабость позиціи, занятой Соловьевымъ, и безъ того очевидна. Простившись съ своей „дорогой Катей" въ Харьковѣ въ концѣ мая 1872 г., Соловьевъ за послѣдующіе семь мѣсяцевъ пребыванія въ разлукѣ съ кузиной словно не удосужился привести въ полную ясность свое чувство къ ней, свои виды на нее. Только подъ конецъ этого періода у него вырываются слова о любви, звучащія хоть сколько-нибудь опредѣленно, да и то въ какомъ-то странномъ контекстѣ; только подъ конецъ того-же періода появляются у него снова и цѣнныя общія разсужденія (о прохожденіи человѣкомъ относительно религіи трехъ возрастовъ), служащія какъ-бы продолженіемъ его общихъ замѣчаній въ письмахъ до поѣздки въ Харьковъ, но и тутъ хорошая теорія сильно страдаетъ отъ сосѣдства съ сомнительными сужденіями на темы изъ житейской практики. Соловьевъ держится, по-прежнему, въ области запросовъ

высшаго порядка; для него лично многое уже уяснилось въ смыслѣ его собственнаго міросозерцанія. И за всѣмъ тѣмъ онъ, нужно сказать правду, пассуетъ передъ живымъ конкретнымъ чувствомъ къ дѣвушкѣ, которая, безспорно, заинтересовала его весьма глубоко. Почувствовавши еще лѣтомъ 1872 г., что въ его отношеніяхъ къ кузинѣ имѣется какой-то изъянъ, онъ нѣсколько мѣсяцевъ возится съ вопросомъ о переселеніи ея въ Москву, не рѣшаясь сознаться самому себѣ, что онъ и самъ не знаетъ, чего собственно слѣдуетъ пожелать для себя и для нея. Когда же въ судьбѣ этой дѣвушки назрѣваетъ возможность крутого перелома, грозящая тѣмъ, что она, эта „дорогая Катя", будетъ потеряна для его любви, онъ сегодня усиленно навязываетъ ей бракъ съ недостаточно любимымъ человѣкомъ, а на другой день завѣряетъ, что самъ любитъ ее даже больше, чѣмъ нужно. И что-же дальше? А дальше снова слѣдуетъ перерывъ въ перепискѣ, длящійся пять слишкомъ мѣсяцевъ. Одно изъ двухъ: или это не любовь, а только проба любви, или же это любовь, ищущая для себя какого-то невѣдомаго большинству выраженія. Возможно, впрочемъ, что это и то, и другое...

Послѣдовалъ-ли какой-нибудь письменный отвѣтъ со стороны Е. В. Романовой на двойное письмо Соловьева отъ 31-го декабря 1872 г. и 1-го января 1873 г., мы не знаемъ; но отстаиваемый имъ проектъ брака съ кн. Д. Дадіани, во всякомъ случаѣ, не осуществился. Доводы двоюроднаго брата, любящаго свою кузину даже больше, чѣмъ нужно, пропали на этотъ разъ даромъ.

Дальнѣйшая судьба Е. В. Романовой, переселившейся съ юга на сѣверъ, была такова. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ водворенія въ Петербургѣ, бабушка Е. Ѳ. Романова, въ возрастѣ около 72 лѣтъ, скончалась отъ „старческой чахотки", и въ началѣ 1874 г. ея совсѣмъ осиротѣвшая внучка поселилась тутъ-же, въ Петербургѣ, у дяди Вадима Владиміровича Романова, принявшаго на себя заботы о ней вмѣсто бабушки и тогда еще не имѣвшаго своей собственной семьи. Незадолго до смерти бабушки, на долю Е. В. Романовой выпало и другое горе—подведеніе отрицательнаго итога къ ея нерадостному роману съ Соловьевымъ, при новомъ свиданіи съ нимъ въ ноябрѣ 1873 г. А такъ-какъ тутъ-же подошло и заболѣваніе ревматизмомъ, заставлявшее побаиваться за сердце, то весною 1874 г. Е. В. Романова рѣшила отправиться за-границу — отчасти для леченія, отчасти для душевнаго отдыха. За-границей она прожила года два съ половиной, и въ Россію возвратилась лишь передъ русско-турецкой вой-

ною. Еще въ раннемъ дѣтствѣ она съ увлеченіемъ слушала разсказы дѣда В. П. Романова про Крымскую войну и Севастополь и заявляла, что пойдетъ на войну. Вотъ и пошла — сестрой милосердія, когда представился подходящій къ тому случай. [564]) Въ Болгаріи она проработала 8 мѣсяцевъ. Вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, она устроилась здѣсь на жительство одна. Въ эту пору ее часто навѣщали и Вл. С. Соловьевъ, и кн. Д. Н. Цертелевъ. Опредѣленныхъ занятій у нея тогда не было; впрочемъ, она много рисовала, ходила въ рисовальную школу. Вступленіе Е. В. Романовой въ бракъ съ М. И. Селевинымъ относится уже къ началу 80-ыхъ годовъ...

Слѣдуетъ теперь нѣсколько ближе познакомиться и съ Вадимомъ Владиміровичемъ Романовымъ, имя котораго было только-что названо. [565]) Родился онъ 23-го апрѣля 1841 г., такъ-что въ 1873 г., когда его племянница Е. В. Романова водворилась въ Петербургѣ, ему было около 32 лѣтъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ англійскомъ пансіонѣ Мечина (Matchin) въ Петербургѣ, а затѣмъ обучался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ съ 1854 г. по 1859 г., когда былъ выпущенъ мичманомъ, послѣ 18-мѣсячнаго плаванія въ Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ. Ради пополненія пробѣловъ въ образованіи онъ состоялъ съ 1860 г. до 1862 г. вольнослушателемъ Петербургскаго университета. Затѣмъ онъ былъ кандидатомъ мирового посредника въ Херсонской губерніи, гдѣ служилъ мировымъ посредникомъ и его отецъ. Въ чинѣ лейтенанта Вад. Вл. Романовъ вышелъ въ отставку въ 1864 г. Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ (1865—1868 гг.) онъ много путешествовалъ по Европѣ и Азіи; полтора года изъ этого срока были проведены имъ въ енисейской тайгѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ поступилъ снова на службу, но уже гражданскую, а не военную. Онъ былъ зачисленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ почтовый департаментъ и занималъ должность секретаря до 1876 г. Позднѣе, въ 1878 г., его пригласили къ участію въ работахъ по созданію добровольнаго флота. Онъ напечаталъ воззваніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и былъ назначенъ завѣдывающимъ пріемомъ пожертвованій, приносимыхъ въ Аничковъ дворецъ на имя государя наслѣдника, и дѣлопроизводителемъ совѣта и хозяйственнаго

---

[564]) О встрѣчѣ Соловьева съ Е. В. Романовой, какъ сестрой милосердія, см. *П.*, II, 30. Ср. также С. М. Лукьянова (прим. 17), стр. 115.

[565]) Ср. некрологъ его въ *Историческомъ Вѣстникѣ* за 1890 г.; мартъ, „Смѣсь", стр. 732, 733;—*Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII, С.-Петербургъ, 1899 г.; стр. 47.

отдѣленія комитета добровольнаго флота. Черезъ два года, въ 1880 г., гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ призвалъ Вад. Вл. Романова въ верховную распорядительную комиссію и командировалъ за-границу. Съ 1885 г. онъ состоялъ гласнымъ петербургской городской думы. Литературная дѣятельность его началась еще въ 1860 г., причемъ сотрудничать ему приходилось въ изданіяхъ спеціальныхъ и общихъ, а именно въ *Морскомъ Сборникѣ*, *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Вѣстникѣ Европы*, *Наблюдателѣ*, *Новомъ Времени* и др. Отдѣльно изданы — собраніе повѣстей подъ заглавіемъ: *Были, безъ думъ* (С.-Петербургъ, 1870 г.), съ неполнымъ именемъ автора (—дима —ова), и разсказъ изъ воспоминаній о Сибири: *За Уралъ!* Разсказъ этотъ печатался первоначально, за полною подписью автора, въ четырехъ книжкахъ *Русскаго Вѣстника* за 1883 г. Умеръ Вад. Вл. Романовъ, подобно своему брату Владиміру, отъ чахотки,— 19-го января 1890 г., въ Ниццѣ. Авторъ его некролога въ *Историческомъ Вѣстникѣ* называетъ его „однимъ изъ скромныхъ, но полезныхъ общественныхъ дѣятелей".

Изъ этого краткаго очерка, въ связи съ біографическими данными, относящимися до Вс. С. Соловьева и приведенными нами раньше, усматривается, между прочимъ, что въ занимающіе насъ здѣсь годы (1873—1874) дядя (Вадимъ) и племянникъ (Всеволодъ), оба еще въ очень молодомъ возрастѣ, оба безъ слишкомъ сложной и отвѣтственной служебной дѣятельности, оба съ литературными вкусами и художественными стремленіями, оказались одновременно въ Петербургѣ подлѣ Е. В. Романовой наиболѣе близкими къ ней людьми, близкими и по родству, и по возрасту, и по воспоминаніямъ дѣтства, тогда-какъ Вл. С. Соловьевъ, близкій ей всего больше по чувству, долженъ былъ оставаться вдали отъ нея, въ Москвѣ. При этомъ дядя и старшій племянникъ располагали уже независимымъ положеніемъ въ жизни, а младшій племянникъ еще только готовился выступить на самостоятельное поприще и всѣми условіями своего существованія былъ привязанъ къ родительской семьѣ. Не забудемъ, далѣе, что, подобно дядѣ и своему младшему брату, Вс. С. Соловьевъ пребывалъ тогда на положеніи холостого человѣка, не нашедшаго пока своей тихой, какъ принято выражаться, семейной пристани. [666]) Оставляя въ сторонѣ дядю, какъ болѣе зрѣлаго по воз-

[666]) О своеобразности брачныхъ судебъ Вс. С. Соловьева была уже рѣчь въ главѣ первой. Напомнимъ, что онъ былъ женатъ дважды, и что жены его были въ очень близкомъ родствѣ между собою.

расту, невольно задаешься вопросомъ: если младшій братъ могъ проникнуться большимъ расположеніемъ къ своей родственницѣ-красавицѣ, то почему бы это было невозможно и для старшаго брата? Правда, сравнительно недавно „дорогая Катя“ представлялась „Всеволоду“ „совсѣмъ маленькой дѣвочкой“, но вѣдь теперь ей 18 лѣтъ, да и заочныя сужденія сплошь и рядомъ бываютъ ошибочными. Припомнимъ, наконецъ, что еще въ главѣ первой указывалось на ссору между Вад. Вл. Романовымъ и Вс. С. Соловьевымъ, безъ изъясненія подробностей. Мы и нынѣ воздержимся отъ разслѣдованія причинъ этой родственной вражды и не будемъ разбирать, кто тутъ правъ и кто виноватъ, ибо какъ дядя могъ ошибаться на счетъ намѣреній несимпатичнаго ему племянника, такъ и племянникъ могъ заблуждаться при оцѣнкѣ оппозиціи со стороны дяди; но сохранимъ все-таки въ памяти этотъ пунктъ, не лишенный значенія для біографіи Владиміра Соловьева, которому передъ завершеніемъ его юношескаго романа съ кузиной нужно было считаться не только съ своимъ личнымъ чувствомъ къ ней, но и съ нѣкоторыми недоразумѣніями въ родственной средѣ и даже соперничествомъ.

Письменный матеріалъ, обрисовывающій отношенія Соловьева къ Е. В. Романовой за вторую половину 1873 г., сводится къ 17 письмамъ, опубликованнымъ въ соотвѣтствующей серіи писемъ подъ №№ 12—28. Письма отъ 19-го іюня и 2-го августа 1873 г. были уже почти полностью использованы нами въ предыдущемъ изложеніи, такъ-какъ по своему общему содержанію они находятся внѣ прямыхъ рамокъ настоящей главы. Затѣмъ нѣкоторыя изъ свѣдѣній, содержащихся въ прочихъ письмахъ, будутъ воспроизведены нами впослѣдствіи, когда пойдетъ рѣчь о занятіяхъ Соловьева въ Московской духовной академіи. Выходитъ, такимъ образомъ, что, не смотря на несомнѣнное оживленіе переписки передъ разрывомъ, письменныя данныя, подлежащія нашему обозрѣнію въ этой части нашего труда, все-же не такъ обширны, какъ это кажется на первый взглядъ.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 6-го іюня 1873 г., [567]) направляемомъ „черезъ Вадима“ за неимѣніемъ собственнаго адреса Е. В. Романовой, Соловьевъ не безъ колкости, обусловливаемой, по всѣмъ вѣроятіямъ, продолжительнымъ молчаніемъ кузины, перебираетъ различныя ея замѣчанія и соображенія. Между прочимъ, въ отвѣтъ на ея просьбу: „Выведи меня изъ этого состоянія“ (состоянія, надо

[567]) *П.*, III, 78.

думать, весьма тягостнаго), онъ пишетъ: „мой милый другъ, чтобъ сказать тебѣ что-нибудь дѣльное, чтобы принести тебѣ хоть какую-нибудь пользу, я долженъ знать *опредѣленно*, въ чемъ ты нуждаешься, въ какомъ *именно* состояніи ты находишься, какіе *именно* вопросы тебя тревожатъ. А пока могу тебѣ дать только одинъ совѣтъ: когда твоей мысли представляется какой-нибудь вопросъ, какое-нибудь сомнѣніе, не бросай его, покуда не опредѣлится оно совершенно ясно и точно, такъ-чтобы ты и другимъ могла его сообщить въ формѣ опредѣленной. Теперь тороплюсь, кончу письмо въ другой разъ." Въ послѣднихъ строкахъ письма онъ сообщаетъ о предстоящей поѣздкѣ въ Смоленскую губернію, къ Н. И. Карѣеву, у котораго онъ собирается погостить до начала іюля.

Слѣдующее письмо—отъ 19-го іюня 1873 г., [568]) изъ деревни Окосово, гдѣ Соловьевъ пользовался гостепріимствомъ Н. И. Карѣева. Бо̀льшая часть письма посвящена извѣстнымъ уже намъ разсужденіямъ о выведеніи русскаго народа изъ одолѣвающей его „ужасной темноты", и только первыя строки имѣютъ ближайшее отношеніе къ личнымъ чувствамъ автора письма и его корреспондентки. „Очень радъ, дорогая Катя," пишетъ Соловьевъ, „что тебя удивилъ раздражительный тонъ моего послѣдняго письма: значитъ, ты не догадываешься о причинѣ этого раздраженія, и слѣдовательно, эта причина не основательна. Во всякомъ случаѣ, это пустяки, о которыхъ больше не стоитъ говорить." Въ чемъ тутъ дѣло, разобрать трудно; но кажется, что все сводится къ ревнивымъ подозрѣніямъ, питаемымъ продолжительнымъ молчаніемъ кузины и относящимся до одного изъ близкихъ къ кузинѣ лицъ. Въ припискѣ неожиданныя слова: „Въ Петербургѣ буду во второй половинѣ іюня." Возможно, конечно, что это простая описка, и что іюнь названъ здѣсь вмѣсто іюля. Но и при такомъ предположеніи приписка представляется все-таки неожиданной, ибо раньше о поѣздкѣ въ Петербургъ не упоминалось.

Ближайшее очередное письмо—отъ 6-го іюля 1873 г.—уже снова изъ Москвы. [569]) При всей своей краткости письмо это очень выразительно, а потому мы и приводимъ его цѣликомъ. „Къ сожалѣнію, моя дорогая Катя, письмо твое должно было прождать меня въ Москвѣ болѣе недѣли, такъ-какъ я вернулся изъ деревни позднѣе,

---

[568]) *П.*, III, 79, 80.
[569]) *П.*, III, 81.

чѣмъ предполагалъ.—Отвѣчаю тебѣ прямо: я люблю тебя, насколько способенъ любить; но я принадлежу не себѣ, а тому дѣлу, которому буду служить и которое не имѣетъ ничего общаго съ личными чувствами, съ интересами и цѣлями личной жизни. Я не могу отдать тебѣ себя всего, а предложить меньше считаю недостойнымъ.—Вотъ все, что могу тебѣ сказать. Желаю знать твое мнѣніе. Буду ждать письма.—Твой Вл. Соловьевъ.—Въ Петербургъ пріѣду, вѣроятно, въ началѣ августа и пробуду довольно долго, такъ-какъ имѣю занятія въ Публичной библіотекѣ.“ Вотъ первыя вполнѣ рѣшительныя слова: люблю тебя, насколько способенъ любить, но отдать тебѣ всего себя не могу;—слова, конечно, печальныя для кузины, тѣмъ болѣе, что и высказываются-то они по ея-же вызову, въ отвѣтъ на ея запросъ („Отвѣчаю тебѣ прямо“). И не оправдывается-ли наше предположеніе, что послѣ поѣздки въ Харьковъ, лѣтомъ 1872 г., въ чувствѣ Соловьева произошелъ какъ-бы нѣкоторый переломъ? Повидимому, онъ все еще надѣется, что „дорогая Катя“ можетъ стать объектомъ того чувства, которое онъ постепенно опозналъ въ себѣ, и что его разумѣніе любви сдѣлается также ея разумѣніемъ. Но стороннему наблюдателю положеніе дѣла представляется крайне сомнительнымъ...

11-го іюля 1873 г. Соловьевъ пишетъ снова. [570]) „Печально, моя дорогая Катя, что даже при одинаковой взаимной любви мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Въ этомъ, впрочемъ, виноватъ больше я самъ: какъ бы то ни было, постараюсь говорить яснѣе. Я думаю, ты не можешь сомнѣваться въ моей любви: я даже не умѣлъ хорошо скрывать ее до сихъ поръ; теперь же ты даешь мнѣ возможность говорить открыто: я люблю тебя, какъ только могу любить человѣческое существо, а можетъ-быть, и сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ долженъ.“ Послѣ такого начала естественно ожидать, что сейчасъ-же послѣдуетъ указаніе какого-нибудь совершенно опредѣленнаго способа для устраненія взаимнаго непониманія. Вмѣсто того, Соловьевъ только еще больше накопляетъ поводовъ къ недоразумѣніямъ—по крайней мѣрѣ, въ глазахъ кузины, которой еще труднѣе, чѣмъ самому Соловьеву, разобраться въ его исканіяхъ истинной любви. Когда онъ писалъ кузинѣ, что не можетъ отдать ей себя всего, онъ хотѣлъ лишь сказать, что передъ основной задачей его жизни вопросъ о семейномъ счастьѣ отступаетъ совершенно на второй планъ.

[570]) *П.*, III, 82, 83.

Онъ признаетъ, однако, что „участіе любящей женщины должно поддерживать и укрѣплять силы въ тѣхъ тяжелыхъ трудахъ и жизненной борьбѣ, съ которыми необходимо связано разрѣшеніе всякой серьезной задачи.“ Согласна-ли Е. В. Романова на такую постановку вопроса? Соловьевъ готовъ допустить, что она не возражаетъ. Но тутъ онъ выдвигаетъ новый аргументъ: родственныя отношенія, препятствующія тому соединенію, „которое освящается закономъ и церковью“. Аргументъ этотъ очень серьезный, ибо „ни о какихъ другихъ отношеніяхъ между нами не можетъ быть и рѣчи.“ А если это такъ, то къ чему-же всѣ предъидущія разсужденія? Но Соловьевъ и на этомъ аргументѣ не останавливается. Препятствія, создаваемыя закономъ и церковью, устранить все-таки возможно, хотя это и трудно. Онъ полагаетъ, что, „во всякомъ случаѣ, нужно употребить всѣ средства“ для достиженія намѣчаемой цѣли. Итакъ, выходъ найденъ? Нѣтъ,—необходимо, оказывается, еще нѣкоторое испытаніе. „Пока я предлагаю слѣдующее: мы подождемъ три года, въ теченіе которыхъ ты будешь заниматься своимъ внутреннимъ воспитаніемъ, а я буду работать надъ заложеніемъ первоначальнаго основанія для будущаго осуществленія моей главной задачи, а также постараюсь достигнуть опредѣленнаго общественнаго положенія, которое бы могъ тебѣ предложить. Если ты согласна, то объ этомъ еще поговоримъ при свиданіи.—Много бы хотѣлъ сказать тебѣ, но слова нѣмы и пошлы.—Прощай, моя дорогая, твой всегда Вл. Соловьевъ.“ Отсрочка на три года—рѣшеніе, конечно, благоразумное, но это не есть рѣшеніе по существу.

Отвѣтъ кузины на только-что процитированное письмо не извѣстенъ. Едва-ли, однако, онъ былъ безусловно отрицательнымъ, ибо переписка продолжается безъ перерыва въ прежнемъ духѣ.

Въ письмѣ отъ 25-го іюля 1873 г. [67¹]) Соловьевъ съ большимъ огорченіемъ сообщаетъ, что поѣздка его въ Петербургъ откладывается на цѣлыхъ четыре мѣсяца. „Пожалѣй меня, дорогая моя, жизнь моя Катя; еще четыре мѣсяца долженъ я дожидаться свиданія съ тобою.“ Домашніе полагаютъ, что „въ Петербургѣ *лѣтомъ* никакихъ дѣлъ сдѣлать нельзя“, и что даже въ Публичной библіотекѣ удобнѣе заниматься зимою. Сказать домашнимъ прямо правду, что поѣздка проектируется единственно для свиданія съ кузиной,—„было бы глупостью непоправимой“. Ничего поэтому не остается, какъ „принять предложеніе папа ѣхать въ Петербургъ съ нимъ вмѣстѣ 1-го

67¹) *П.*, III, 84, 85.

декабря, въ воскресенье, въ $8^1/_2$ часовъ вечера.“ Хорошо еще, что есть „внутренній міръ мысли, недоступный ни для какихъ житейскихъ случайностей, ни для какихъ душевныхъ невзгодъ — міръ мысли не отвлеченной, а живой, которая должна осуществиться въ дѣйствительности“... Выразивъ твердую увѣренность въ окончательномъ торжествѣ истины, Соловьевъ видитъ, впрочемъ, что жить однѣми надеждами на будущее не такъ-то легко. „Сердце беретъ свои права, и опять тяжелая тоска, тупое страданіе, и еще невыносимѣе становятся мелкія препятствія и столкновенія, всѣ эти пощечины обыденной жизни.—Радость моя, дорогая моя, въ эти минуты душевной усталости, слабости и отчаянія только твоя любовь можетъ поддерживать, ободрять меня: напоминай мнѣ о ней чаще, умоляю тебя, я еще не вѣрю вполнѣ, прости меня.“ Въ заключительныхъ словахъ письма есть нѣчто не договоренное. Чему Соловьевъ не вѣритъ вполнѣ: своей-ли любви, или любви кузины? Какъ кажется, самъ онъ имѣетъ въ виду любовь кузины; но со стороны невольно напрашивается другой отвѣтъ.

1-го августа 1873 г., еще до полученія отвѣта на письмо отъ 25-го іюля, Соловьевъ обращается къ своей кузинѣ снова. [572]) Опасаясь, что предыдущее его письмо пропало, онъ вкратцѣ объясняетъ, почему ему приходится „осудить себя на 4 мѣсяца тоски“. „Представленный мною предлогъ [дѣла, Публичная библіотека] оказался неосновательнымъ, а безъ всякаго предлога ѣхать значило бы компромиттировать тебя и возбуждать сплетни, которыя и безъ того жить мѣшаютъ.“ „Боюсь за тебя всего, и возможнаго, и невозможнаго. Всегда былъ мнителенъ, а теперь становлюсь еще суевѣрнѣй: предчувствія, сны и всякая дрянь.“ [573]) Изъ приписки усматри-

---

[572]) *П.*, III, 86.

[573]) Невольно приходитъ на мысль „херсонство“ П. В. Соловьевой (см. выше, прим. 49). — Въ виду нерѣдкихъ указаній на „сны“ Соловьева, при наличности въ его нравѣ извѣстной импульсивности, отмѣтимъ указаніе L. Waldstein'а: „Какого бы рода ни были сны, ихъ начало, ихъ локализація всегда находится въ подсознательномъ «я», и они содѣйствуютъ развитію этой части человѣческой души. Поэтому человѣкъ, обычно видящій сны, больше поддается и въ бодрствующемъ состояніи импульсамъ, эмоціямъ, настроеніямъ.“ Тотъ-же авторъ, говоря о значеніи предразсудковъ, выражается такъ: „забота — состояніе ожиданія дурныхъ происшествій. Суевѣріе—ея постоянный эквивалентъ.—Когда я занимался этимъ вопросомъ, я былъ крайне изумленъ, что нѣкоторые люди, извѣстные своею интеллигентностью, руководятся во многихъ своихъ поступкахъ всевозможными странными суевѣріями.“ L. Waldstein, *Подсознательное „я“*; Москва, 1913 г.; стр. 57, 88.

вается, что Соловьовъ писалъ и Е. Ѳ. Романовой, съ которой жила тогда Е. В. Романова. Онъ справляется, получила-ли бабушка его письмо.

Слѣдующее письмо—на другой-же день, 2-го августа 1873 г. [574]) Соловьевъ высказывается теперь такъ: „Только-что отправилъ жалобу на твое молчаніе, дорогой мой другъ Катя, какъ получилъ твое письмо, обрадовавшее меня безконечно. (Ты, однако, не думай, чтобы я высказывалъ свою радость: при полученіи твоихъ писемъ я изображаю собою олицетворенное равнодушіе. Вообще я становлюсь гораздо сдержаннѣе, даже начинаю лукавствовать, увѣряю тебя: хочу быть мудръ аки змій и незлобивъ аки голубь.) Что касается нашихъ отношеній, то, хочешь-ли ты или не хочешь, я далъ и еще даю тебѣ то слово, о которомъ говоришь. Способенъ-ли я обмануть, это окажется въ будущемъ, на дѣлѣ, говорить-же объ этомъ нечего." Затѣмъ онъ подробно отвѣчаетъ кузинѣ на вопросъ ея объ его „цѣли" и „занятіяхъ". Эта часть письма намъ уже извѣстна. Въ припискѣ нѣсколько словъ о портретѣ. „Позабылъ о портретѣ. Если сохранился негативъ въ фотографіи, то пришлю тотъ, про который говоришь. А то сниму другой." Придавая этому своему посланію особую цѣну, Соловьевъ отправилъ его заказнымъ.

Далѣе, подъ № 19, помѣщено письмо безъ даты. [575]) Пропускаемъ то, что относится до предположеннаго переселенія Соловьева въ Сергіевъ посадъ, и остановимся лишь на второй половинѣ письма. Здѣсь идетъ рѣчь о какихъ-то сплетняхъ—съ одной стороны, на-счетъ автора письма, а съ другой—на-счетъ его корреспондентки. Конечно, придавать значеніе „вздору" не слѣдуетъ. Попутно Соловьевъ проситъ кузину не очень-то вѣрить „подателю сего письма, если онъ будетъ говорить что-нибудь обо мнѣ". Странно, что такое лицо избирается для передачи письма; но, вѣроятно, это былъ человѣкъ близкій, пріѣзжавшій изъ Петербурга и снова возвращавшійся туда. Неисправность почты заставляла прибѣгать къ услугамъ и такихъ посредниковъ.

Въ письмѣ отъ 10-го августа 1873 г. [576]) мы находимъ свидѣтельство о новомъ успѣхѣ Е. В. Романовой, которой было сдѣлано предложеніе Василіемъ Вячеславовичемъ Пассекомъ. Это былъ сынъ

---

[574]) *П.*, III, 87—90.
[575]) *П.*, III, 91, 92.
[576]) *П.*, III, 93, 94.

Вячеслава Васильевича Пассека, съ роднымъ братомъ котораго, Леонидомъ Васильевичемъ, состояла въ супружествѣ, по первому браку, П. С. Вишневская, тетка Е. В. Романовой. Только-что было ликвидировано сватовство кн. Д. Дадіани, какъ является новый претендентъ, сородичъ одного изъ лицъ, прикосновенныхъ къ заговору декабристовъ. [677]) Впрочемъ, Е. В. Романова отклонила и это предложеніе. Тѣмъ не менѣе, Соловьевъ волнуется и сѣтуетъ. „Что ты пишешь мнѣ, дорогая Катя, о сдѣланномъ тебѣ предложеніи, было мнѣ очень непріятно, отчасти по той моей безсмысленной гадкой ревности, вслѣдствіе которой у меня скребетъ на сердцѣ каждый разъ, когда кто-нибудь другой даже только произнесетъ твое имя, не то что дѣлаетъ тебѣ предложеніе, но еще болѣе потому, что очень, очень тяжело шагать черезъ другихъ и, мечтая о спасеніи человѣчества, по какой-то злой ироніи жизни быть невольной причиной чужого несчастія. Напиши мнѣ, пожалуйста, какъ подѣйствовалъ на него твой отказъ (не Пассекомъ-ли его зовутъ?).“ Трогательное замѣчаніе о „злой ироніи жизни“, необычная забота о соперникѣ, безпомощное самообличеніе въ „безсмысленной гадкой ревности“, и надъ всѣмъ этимъ мечта „о спасеніи человѣчества“ — какъ тутъ много характерныхъ для Соловьева чертъ, не только мирящихъ съ его колебаніями, но и выясняющихъ общій механизмъ его любовныхъ неудачъ. Впрочемъ, какъ бы высоко ни оцѣнивали мы духовные рессурсы Соловьева, нельзя упускать изъ виду и того, что романъ съ кузиной переживается молодымъ человѣкомъ, едва достигшимъ 20-лѣтняго возраста, почти не соприкасавшимся доселѣ съ житейскою практикою, еще очень мало знающимъ женскую душу. А какъ могутъ иногда держать себя другіе молодые люди, менѣе щепетильные и болѣе равнодушные къ участи ближнихъ, видно изъ того-же письма (отъ 10-го августа 1873 г.). Соловьева очень огорчаетъ поведеніе одного изъ близкихъ къ Е. В. Романовой лицъ, хвастающагося своимъ вліяніемъ на родныхъ и якобы вылечившаго его „отъ страсти къ В.“ Легко догадаться, какъ дурно должны были вліять внушенія подобнаго лица на развитіе отношеній Соловьева къ его кузинѣ. Отношенія эти и безъ того были шаткими, а тутъ еще такая помѣха со стороны „прелестнаго мальчика.“ „Его можно жалѣть, пожалуй, любить по родству или en bon chrétien, но серьезно говорить съ нимъ нѣтъ никакой воз-

[677]) *Записки* И. Д. Якушкина; Москва, 1905 г. — О прикосновенности къ декабристамъ В. П. Романова, дѣда Е. В. Романовой, упоминалось въ главѣ первой.

можности"... Само собою разумѣется, что подъ „прелестнымъ мальчикомъ" подразумѣвается здѣсь не Вас. Вяч. Пассекъ. Не подходитъ подъ этотъ титулъ и „дядя" Вадимъ, принявшій на себя попечительство въ отношеніи племянницы...

Письмо отъ 25-го августа 1873 г. [578]) посвящено двумъ „петербургскимъ джентльменамъ", изъ которыхъ одинъ и былъ, повидимому, „подателемъ" письма безъ даты. Характеристика „джентльменовъ", разсказывающихъ другъ про друга „самыя возмутительныя мерзости", весьма отрицательная; но къ одному изъ нихъ Соловьевъ относится все-таки сочувственнѣе, чѣмъ къ другому, имѣющему насчетъ Е. В. Романовой намѣренія, которыя нельзя „назвать хорошими". Достойно вниманія, однако, что Соловьевъ постоянно какъ-бы поправляетъ и сдерживаетъ себя и дойти до прямой злобы себѣ не позволяетъ. „Ты повѣришь мнѣ, жизнь моя, что лишь съ величайшимъ отвращеніемъ, по крайней только необходимости, касаюсь этой грязи; не могу я быть равнодушнымъ, когда этой грязью *въ тебя* бросаютъ." Ревнивое чувство выступаетъ во всѣхъ этихъ сужденіяхъ Соловьева съ достаточною отчетливостью. Оно сквозитъ и во вступительномъ къ письму четверостишіи, и въ сопровождающемъ его поясненіи.—

„За днями дни обычной чередой
Идутъ—а я письма не получаю,
Другимъ же пишешь ты... что сдѣлалось съ тобой?
Я этого совсѣмъ, мой другъ, не понимаю!"

„По крайней мѣрѣ, спокоенъ, что ты здорова, ибо другимъ пишешь. Видишь, однако, до чего любовь можетъ доводить даже философскія натуры: еще немного, — и я буду писать настоящіе стихи, буду списывать ихъ въ тетрадь и угощать ими своихъ близкихъ, по примѣру извѣстнаго тебѣ джентльмена, о которомъ кстати будетъ и рѣчь." [579])

На другой день, т. е. 26-го августа 1873 г., Соловьевъ возвращается къ той-же печальной и досадной темѣ. [580]) Онъ приводитъ слова изъ письма кузины: „В. разъ мнѣ разсказывалъ, какое ты мнѣ-

---

[578]) *П.*, III, 95—96.

[579]) Судя по *Примѣчаніямъ* къ 6-му изданію *Стихотвореній* Соловьева (прим. 468), наиболѣе раннія поэтическія произведенія Владиміра Соловьева относятся къ 1874 г.—Всеволодъ Соловьевъ началъ писать стихи сравнительно раньше; онъ печатался еще въ бытность гимназистомъ (ср. выше, въ главѣ третьей). Стихотворное дарованіе его было весьма умѣренное.

[580]) *П.*, III, 97, 98.

ніе имѣешь...", и затѣмъ продолжаетъ: „я уже писалъ тебѣ, дорогая, чтобы ты относительно меня не вѣрила В., потому-что я не былъ съ нимъ искрененъ: я ему дѣйствительно говорилъ то, что онъ тебѣ передавалъ, но говорилъ нарочно, о чемъ тебя и предупреждалъ. Не знаю, почему тебѣ непріятно, что я живу отшельникомъ, т. е. избѣгаю безсмысленныхъ забавъ и не развратничаю.[581]) Вѣроятно, тебѣ что-нибудь наврали. Относительно твоихъ сомнѣній могу только замѣтить, что наша разлука достаточно долга, чтобы «минутное увлеченіе» успѣло пройти; минутныя увлеченія у меня бывали, и я знаю разницу." Далѣе, Соловьевъ излагаетъ нѣкоторыя общія соображенія относительно „способности женщины понимать высшую истину" и относительно роли народа въ предвидимомъ „переворотѣ въ сознаніи человѣчества". А заканчивается письмо такъ: „Прощай, мой дорогой другъ. Нельзя-ли намъ будетъ увидѣться раньше декабря, какъ ты думаешь? Мама говорила, что она была бы очень рада, еслибъ ты пріѣхала къ намъ погостить; я, понимаешь ты, буду жить у Троицы..."

---

[581]) Помимо мотивовъ нравственнаго свойства, Соловьева ограждалъ отъ половой распущенности и панический страхъ передъ „дурной болѣзнью". Курьезныя и въ то-же время трогательныя подробности по этой части приведены въ воспоминаніяхъ М. С. Безобразовой. Таковъ, напр., эпизодъ съ г. Д., который внушалъ подозрѣнія насчетъ состоянія своего здоровья. Вдругъ захочетъ христосоваться—какъ быть? Отказать—нельзя, а согласиться—страшно. Другой случай—христосованіе черезъ окно съ грязнымъ пьянымъ нищимъ, съ рискомъ подхватить всякую всячину. Когда мать стала выговаривать за это,—просьба перейти къ французской рѣчи, чтобы не обидѣть человѣка. М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 154.—Боязнь заразиться составляла у Соловьева нѣчто въ родѣ навязчивой идеи. Отсюда и неумѣренное пользованіе скипидаромъ. В. Л. Величко разсказываетъ: „Комната, гдѣ онъ [Соловьевъ] жилъ, обыкновенно пропитывалась запахомъ скипидара. Этой жидкости онъ придавалъ не то мистическое, не то цѣлебное значеніе. Онъ говорилъ, что скипидаръ предохраняетъ отъ всѣхъ болѣзней, обрызгивалъ имъ постель, одежду, бороду, волосы, полъ и стѣны комнаты, а когда собирался въ гости, то смазывалъ руки скипидаромъ пополамъ съ одеколономъ и называлъ это шутя «bouquet Solovieff».—Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ подкосилъ свой организмъ, съ одной стороны, неимовѣрнымъ трудомъ и значительными періодами поста, а кромѣ того, постепенно отравлялся скипидаромъ, разрушительно дѣйствующимъ на почки. Одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, недавно высказалъ ту-же мысль, о скипидарномъ отравленіи, въ воспоминаніяхъ своихъ о Соловьевѣ.—Неоднократно старались друзья предостерегать его относительно опасности злоупотребленія скипидаромъ, но онъ до самаго послѣдняго времени проявлялъ необычайное упрямство въ этомъ вопросѣ." В. Л. Величко (прим. 10), стр. 159.—Сообщеніе В. Д. Кузьмина-Караваева: *Изъ воспоминаній о Владимірѣ Сергѣевичѣ Соловьевѣ* помѣщено въ *Вѣстникѣ Европы* за 1900 г.; ноябрь, стр. 443—453.

Послѣ сказаннаго раньше о близости Владиміра Соловьева къ матери, послѣдняя ссылка на нее насъ, разумѣется, не удивляетъ. Вообще, насколько извѣстно, наиболѣе сильное противодѣйствіе брачные планы молодыхъ людей встрѣчали со стороны С. М. Соловьева, а не со стороны П. В. Соловьевой.

Коротенькое письмо отъ 6-го сентября 1873 г. содержитъ мало новаго. [582]) Соловьевъ, не получая двѣ недѣли извѣстій отъ „дорогой Кати", высказываетъ опасеніе, ужъ не оскорбилъ-ли ее „грубый тонъ" его послѣдняго письма. „Прошу прощенія, не оправдываясь." Относительно возможности увидаться раньше предположеннаго срока—„не рѣшаюсь ничего предлагать"; онъ передаетъ рѣшеніе этого вопроса на благоусмотрѣніе кузины. Затѣмъ слѣдуютъ сообщеніе новаго адреса по случаю назначаемаго на „послѣ-завтра" переселенія въ Сергіевъ посадъ и невеселый заключительный аккордъ:—„Если ты не пишешь по лѣни, то мнѣ довольно нѣсколькихъ словъ: «Здорова и на тебя не сержусь.»—Я въ эти дни почему-то страдаю нервнымъ разстройствомъ и потому, чтобы не наговорить какой-нибудь нервической чуши, прекращаю писать."

Первое письмо изъ Сергіева посада помѣчено 15-ымъ сентября 1873 г. [583]) Соловьевъ только-что получилъ письмо отъ кузины и даетъ полную волю своей радости. Окружающіе его нѣмецкіе философы и греческіе богословы, „въ трогательномъ союзѣ" наполняющіе его жилище, еще никогда не видѣли его „въ такомъ неприличномъ восторгѣ", а „одинъ толстый отецъ церкви даже свалился со стола отъ негодованія." Причина радости—возстановленіе переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрыхъ отношеній: „Я вѣдь уже былъ вполнѣ увѣренъ, что между нами все кончено, и только не могъ придумать, отъ чего и какъ это случилось. Пишу тебѣ это для того, чтобы ты знала, съ кѣмъ имѣешь дѣло." Соловьевъ собирается на короткое время въ Москву и обѣщаетъ прислать портретъ, „который долженъ быть уже готовъ." Въ заключеніе онъ проситъ передать поклонъ „графинѣ Елизаветѣ Ивановнѣ"; „бабушкѣ" (Е. Ѳ. Романовой) и „Вадиму" (дядѣ) онъ будетъ писать особо. Титулованная особа, о которой здѣсь упоминается, есть графиня Е. И. Гендрикова, ровесница Е. В. Романовой и ея подруга, проживавшая тогда въ Петербургѣ вмѣстѣ съ матерью, братьями и сестрами. Гендриковы состояли

[582]) *П.*, III, 99.
[583]) *П.*, III, 100.

въ свойствѣ съ Е. В. Романовой черезъ П. С. Колокольцеву, мужъ которой Г. Д. Колокольцевъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на граф. Гендриковой, и раньше имѣли пребываніе въ Харьковѣ. Когда Соловьевъ пріѣзжалъ сюда въ маѣ 1872 г., его кузина гостила именно у Гендриковыхъ, и онъ при этомъ случаѣ познакомился съ ними.

Въ слѣдующемъ письмѣ, изъ Москвы отъ 23-го сентября 1873 г., основной мотивъ опять чувство ревности. [584]) „Не быть мнительнымъ я не могу: это болѣзнь характера и, слѣдовательно, неизлечимая. Но, конечно, ее можно скрывать. Во всякомъ случаѣ, моя ревность остается при мнѣ: ты вѣдь не можешь пожаловаться, чтобы я тебя обвинялъ или упрекалъ въ чемъ-нибудь.“ [585]) Поводъ къ ревности въ одномъ изъ „джентльменовъ“, который предполагаетъ „заниматься исторіей“ съ Е. В. Романовой. „Мнѣ это кажется забавнымъ“, пишетъ Соловьевъ. Впрочемъ, распространяться объ этомъ новомъ претендентѣ на благосклонность кузины онъ отнюдь не желаетъ: „долженъ сказать, что, какъ это ни скверно съ моей стороны, я просто не люблю его. Какъ я ни старался себя принудить, какъ ни увѣрялъ себя, что долженъ его любить и что люблю, — не удается. Это какая-то инстинктивная антипатія. Конечно, ты не подумаешь, чтобы я былъ способенъ вредить ему. Напротивъ, я былъ бы очень радъ, еслибы представился случай оказать ему какую-нибудь важную услугу, чтобы, по крайней мѣрѣ, не быть неблагодарнымъ, какъ онъ меня въ этомъ упрекаетъ. Тѣмъ не менѣе, у меня къ нему (и странно — къ нему одному) очень нехорошее чувство. Впрочемъ, надѣюсь это современемъ пересилить, тѣмъ болѣе, что онъ ненависти и вражды ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ: онъ болѣе пустъ, чѣмъ

---

[584]) *П.*, III, 101, 102.

[585]) Каясь въ своей ревности, Соловьевъ не впадаетъ, однако, ни въ этомъ письмѣ, ни въ другихъ письмахъ въ тѣ довольно наивныя осужденія ревности по существу, которыя были у насъ въ такомъ ходу среди тогдашней молодежи, съ легкой руки 60-ыхъ годовъ. Ради иллюстраціи сужденій этой послѣдней эпохи сошлемся хотя-бы на П. А. Бибикова, у котораго встрѣчаются, между прочимъ, такія строки: „..... ревность..... есть дочь страха и тиранніи, оставшаяся намъ въ наслѣдство отъ безправаго и безсовѣстнаго взгляда на женщину. Съ освобожденіемъ, полнымъ и всестороннимъ, женщины ревность, осквернившая самую священную изъ нашихъ страстей—любовь, со стыдомъ и позоромъ изгнана будетъ изъ числа страстей, наполняющихъ благородную грудь человѣческую.“ П. А. Бибиковъ, *Критическіе этюды (1859—1865)*; С.-Петербургъ, 1865 г.; этюдъ четвертый: *Ревность животныхъ (по поводу неслыханнаго поступка Вѣры Павловны Лопуховой)*; стр. 153—189,—стр. 187, 188.

золъ.“ [586]) Тревоги, испытываемыя Соловьевымъ за кузину, заставляютъ его желать скорѣйшаго свиданія съ нею. Онъ строитъ теперь новые планы въ этомъ направленіи и надѣется быть въ Петербургѣ въ началѣ ноября. Пока „нужно хорошенько потрудиться“; „писать не буду часто—времени нѣтъ.“ „Ты же пиши мнѣ, жизнь моя.“ Предположеніе кузины заняться музыкой встрѣчаетъ онъ съ одобреніемъ; полезно „на всякій случай“ и экзаменъ выдержать. Лѣтомъ онъ мечтаетъ пріѣхать снова въ Ѳедоровку,—„хотя это будетъ и не очень остроумно.“ Карточка кузины, принимаемая съ большою благодарностью, удалась отлично, — „только зачѣмъ ты смотришь такъ сердито, милая моя!“ Кстати онъ справляется, получила-ли она его „портретъ и карточки, изъ коихъ одна для Е. И. Гендриковой.“ Собирается и еще сняться, если преодолѣетъ свою лѣнь.

Душевное настроеніе Соловьева какъ-будто налаживается. Улучшеніе оказывается, однако, непрочнымъ...

8-го октября 1873 г., изъ Сергіева посада, направляются въ Петербургъ такія строки:—„Я писалъ тебѣ, дорогой мой другъ Катя, о своей инстинктивной антипатіи къ провалившемуся джентльмену. Ты видишь, что мой инстинктъ меня не обманываетъ. Затѣмъ постараемся всю эту дрянь предать забвенію. — О знакомствѣ твоемъ съ Катериной Григорьевной говорить послѣ твоего рѣшительнаго запрещенія не осмѣливаюсь. Передай ей мое почтеніе.—Сегодня я только къ утру немного задремалъ и видѣлъ тебя почти какъ наяву. Ощущаю Katzenjammer. Если тебѣ сколько-нибудь дорого мое спокойствіе, если ты меня не на словахъ только любишь, пиши мнѣ хоть разъ въ недѣлю нѣсколько словъ. Прощай, мое сокровище, обнимаю тебя всей силой своего воображенія; придетъ-ли, наконецъ, время, когда обниму тебя въ дѣйствительности, радость моя, мученіе мое!—

---

[586]) Враждебныя отношенія къ людямъ всегда тяготили Соловьева, и онъ неизмѣнно стремился при всякой ссорѣ къ примиренію. Въ частности, и различныя недоразумѣнія, возникавшія у него съ братомъ Всеволодомъ, получали обыкновенно болѣе или менѣе благополучное разрѣшеніе. Не пренебрегалъ онъ случаями быть и прямо-таки ему полезнымъ.—„Гнѣвъ и вообще страсть, конечно, не были чужды Соловьеву, но они не владѣли его душой... Желаніе примиренія всегда оказывалось у него сильнѣе мимолетныхъ настроеній, благодаря высотѣ нравственнаго міросозерцанія, которое стало его принципомъ жизни..... личныхъ враговъ Соловьевъ не имѣлъ, а лишь идейныхъ противниковъ, и имъ онъ наносилъ часто безпощадные удары..... Но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что Соловьевъ старался идейный споръ отдѣлять отъ личныхъ отношеній.“ Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 38, 39.

Твой всегда всѣмъ сердцемъ Вл. Соловьевъ." [587])—Провалъ, о которомъ говорится въ началѣ письма, относится, надо думать, къ чему-либо болѣе важному, чѣмъ учебныя занятія исторіей. Между прочимъ, не исключена вѣдь возможность даже новаго „предложенія", еще болѣе тягостнаго для Соловьева, чѣмъ предложеніе Вас. Вяч. Пассека. Про „Катерину Григорьевну" точныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется. [588]) Всего интереснѣе, впрочемъ, заключительныя слова письма, представляющіяся наиболѣе яркимъ выраженіемъ того чувства, которое захватило Соловьева. Судя по всему, окончательная развязка романа—въ ту или въ другую сторону—не за горами...

Въ занимающей насъ серіи писемъ имѣются еще лишь два письма—одно изъ Сергіева посада отъ 25-го октября 1873 г., другое—повидимому, оттуда-же—безъ даты. Оба эти письма предшествовали, во всякомъ случаѣ, поѣздкѣ Соловьева въ Петербургъ въ половинѣ ноября того-же года.

Письмо безъ даты [589]) посвящено главнымъ образомъ „отчету" о занятіяхъ въ духовной академіи, и о немъ рѣчь впереди. На этотъ разъ мы приведемъ отсюда лишь нѣсколько строкъ. „Все это", говоритъ Соловьевъ, „только начальныя, подготовительныя занятія, настоящее дѣло еще впереди. Безъ этого дѣла, безъ этой великой задачи мнѣ незачѣмъ было бы и жить, безъ него я бы не смѣлъ и любить тебя. Я не имѣлъ бы никакого права на тебя, еслибъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что могу дать тебѣ то, чего другіе дать не могутъ. Ты видѣла и всегда можешь видѣть у ногъ своихъ множество людей, которые имѣютъ надо мною всѣ внѣшнія преимущества. Пока, въ настоящемъ я ничто..." Затѣмъ зачеркнуто 9 строкъ. „Въ зачеркнутыхъ строкахъ я написалъ то, чего писать не годится. Лучше не продолжать.—Прощай."

Письмо, или вѣрнѣе—записка, отъ 23-го октября 1873 г. имѣетъ задачей устранить сомнѣнія, возникшія у Е. В. Романовой, относительно пріѣзда Соловьева въ Петербургъ. [590]) Тонъ опять сухой и раздражительный. „Почему ты, мой другъ, вообразила, что я измѣнилъ свое намѣреніе? Пріѣду, какъ обѣщалъ, въ десятыхъ дняхъ ноября (а

[587]) *П.*, III, 103.

[588]) Рѣчь идетъ, во всякомъ случаѣ, о знакомствѣ, не представлявшемъ личнаго интереса для самого Соловьева. Онъ только опасался, какъ бы это знакомство не оказалось вреднымъ для Е. В. Романовой.

[589]) *П.*, III, 105, 106.

[590]) *П.*, III, 104.

именно располагаю выѣхать 11-го). Во всякомъ случаѣ, «причинять зло» ни себѣ самой, ни кому другому нѣтъ ни малѣйшаго основанія.—Эти двѣ недѣли, если ужъ тебѣ такъ не хочется, можешь совсѣмъ мнѣ не писать: сочтемся при свиданіи.—Твой Вл. Соловьевъ."

На этомъ мы заканчиваемъ обозрѣніе документальныхъ данныхъ, относящихся до романа нашего молодого философа съ его кузиной. Пріѣхавши въ ноябрѣ въ Петербургъ, Соловьевъ имѣлъ, конечно, личныя объясненія съ Е. В. Романовой, причемъ имъ обоимъ вскорѣ-же стало ясно, что брачнымъ планамъ ихъ не суждено сбыться. Переписка продолжалась послѣ этого еще нѣкоторое время, даже тогда, когда кузина уѣхала за-границу; но разрывъ оказался окончательнымъ. Такое рѣшеніе было подсказано не оскудѣніемъ чувства со стороны Е. В. Романовой, не наличностью какихъ-либо новыхъ соискателей ея руки и сердца, не разочарованіемъ по существу въ своемъ „миломъ другѣ" со стороны Соловьева, не новымъ, хотя-бы и „минутнымъ", увлеченіемъ его какой-либо другой особой, а всею совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, предопредѣлявшихъ отрицательную развязку этого романа чуть-ли не съ самаго начала, всего же болѣе неспособностью Соловьева „отдать себя всего" исключительному любовному чувству даже въ томъ случаѣ, когда онъ любитъ такъ, какъ только способенъ любить „человѣческое существо", когда онъ любитъ, „можетъ-быть, и сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ долженъ". Неспособности къ беззавѣтной самоотдачѣ, къ самоотдачѣ безъ „настолько" и безъ „насколько", соотвѣтствовала, разумѣется, неспособность и къ бурному, ни передъ чѣмъ не останавливающемуся захвату. Такимъ общимъ признакомъ были запечатлѣны, повидимому, и другіе романы Соловьева, какъ бы ни стремился онъ иной разъ пренебречь тою формулой, которая такъ отчетливо выражена имъ впервые въ письмѣ на имя Е. В. Романовой отъ 11-го іюля 1873 г.: „личныя и семейныя отношенія всегда будутъ занимать *второстепенное* мѣсто въ моемъ существованіи." [591]) Впрочемъ, заглядывать далеко впередъ не будемъ.

---

[591]) Ко времени пребыванія Соловьева въ Петербургѣ въ концѣ 1873 г. относится одинъ характерный эпизодъ, про который намъ разсказывала Е. В. Селевина (Романова). Соловьевъ и его кузина отправились къ нѣкоей гадальщицѣ Фильдъ. Соловьеву была предсказана смерть одного его товарища, а Е. В. Романовой—свадьба. Первое предсказаніе сбылось, а второе—заставило себя ждать... Любопытно, что у этой-же француженки былъ впослѣдствіи и Ѳ. М. Достоевскій съ Вс. С. Соловьевымъ, основываясь на указаніи Вл. С. Соловьева. Ѳ. М. Достоевскій, по словамъ Вс. С.

Трагическими послѣдствіями разрывъ, по счастью, не сопровождался. Онъ былъ, слѣдуетъ думать, болѣе мучительнымъ для Е. В. Романовой, перешедшей отъ первоначальной дружбы къ болѣе глубокому чувству какъ разъ послѣ переселенія въ Петербургъ, когда и переписка замѣтно оживилась, чѣмъ для Соловьева, у котораго любовный жаръ началъ остывать еще лѣтомъ 1872 г., а впослѣдствіи поддерживался не столько непосредственнымъ сердечнымъ влеченіемъ, сколько разсужденіями и борьбою съ разными препятствіями. Но и въ душѣ Соловьева пережитыя впечатлѣнія еще долго претворялись въ тоскливыя думы и горькія чувства, какъ это явствуетъ, между прочимъ, изъ нижеслѣдующаго его стихотворенія, обращеннаго къ Е. В. Романовой и снабженнаго датой: „Іюнь 1875—1877."—

Что рокомъ суждено, того не отражу я
Безсильной, дѣтской волею своей.
Покинутъ и одинъ въ чужой землѣ брожу я,
Съ тоской по небу родины моей.

Звѣзда моя вдали сіяетъ одиноко.
Въ волшебный край лучи ея манятъ...
Но неприступенъ этотъ край далекій,
Пути къ нему не радость мнѣ сулятъ.

Прости-жъ—и лишь одно послѣднее желанье,
Послѣдній вздохъ души моей больной:
О, еслибъ я за горькое страданье,
Что суждено мнѣ волей роковой,

Тебѣ могъ дать златые дни и годы,
Тебѣ могъ дать всѣ лучшіе цвѣты,

Соловьева, былъ очень заинтересованъ доставшимися ему предсказаніями, которыя отчасти и сбылись. Гадальщица Фильдъ жила тогда въ Басковомъ переулкѣ. Вл. С. Соловьевъ посѣщалъ эту госпожу, повидимому, неоднократно. И тутъ, какъ въ занятіяхъ спиритизмомъ, его влекла къ себѣ „стихія запредѣльная"... *Сочиненія* Вс. С. Соловьева (прим. 469), т. VI, стр. 75—78; статья: *Большой человѣкъ* (*изъ моихъ воспоминаній*).—Ср. выше, прим. 573-е.—Поучительный образчикъ непренебрежительнаго отношенія къ темной области разныхъ таинственныхъ предвидѣній находимъ мы, между прочимъ, у Н. И. Пирогова, который, казалось бы, долженъ былъ чувствовать себя застрахованнымъ отъ всякихъ суевѣрій. Въ письмѣ отъ 18-го марта 1850 г. на имя своей невѣсты А. А. Бистромъ Н. И. Пироговъ пишетъ: „Въ опасности, въ болѣзняхъ это состояніе духа [т. е. расположеніе къ предчувствіямъ] иногда доходитъ до настоящаго предвидѣнія. Я никогда не оперирую труднаго больного изъ простыхъ людей, когда онъ не скоро соглашается на операцію, говоря, что онъ умретъ; я почти всегда видѣлъ, что предвѣщанія ихъ сбывались." *Письма Н. И. Пирогова къ невѣстѣ*; сообщ. С. Штрайхъ; *Русская Старина*, 1915 г., май, стр. 264—290;—стр. 275.

Чтобъ въ новомъ мірѣ свѣта и свободы
Отъ злобной жизни отдохнула ты!

Чтобъ смутныхъ сновъ тяжелыя видѣнья
Бѣжали всѣ отъ солнечныхъ лучей,
Чтобъ на всемірный праздникъ возрожденья
Явилась ты всѣхъ чище и свѣтлѣй. [592])

Судя по датѣ, стихи написаны Соловьевымъ во время его первой заграничной поѣздки и обработаны окончательно послѣ возвращенія въ Россію. Очевидно, не смотря на обиліе новыхъ впечатлѣній, образъ „дорогой Кати" продолжаетъ привлекать къ себѣ сердечныя мечты Соловьева, сочетаясь съ представленіемъ о безсиліи „дѣтской воли" передъ „волей роковой". Онъ помнитъ, впрочемъ, и про „новый міръ свѣта и свободы", и про „всемірный праздникъ возрожденья"... [593])

С. М. Лукьяновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[592]) Владиміръ Соловьевъ, *Стихотворенія* (прим. 468), стр. 261, 347, 348.

[593]) Сверхъ источниковъ, названныхъ въ примѣчаніяхъ, мы пользовались при составленіи главы девятой частными сообщеніями Е. В. Селевиной (Романовой), П. С. Соловьевой, М. С. Безобразовой и С. В. Адамовичъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ ПОЭЗІИ ЛЕРМОНТОВА.

IV [1]).

А. Краковъ въ статьѣ „Лермонтовъ и античность" обстоятельно выяснилъ элементы античнаго вліянія въ творчествѣ Лермонтова. Но одинъ любопытный примѣръ этого вліянія онъ оставилъ безъ вниманія. Мы имѣемъ въ виду небольшое мѣсто въ юношеской поэмѣ Лермонтова „Литвинка" (1830 г.).

Авторъ изображаетъ мужественнаго Арсенія, стойко сражающагося противъ толпы литвиновъ. Вдругъ Арсеній замѣчаетъ, что во главѣ ихъ находится его бывшая возлюбленная, красавица Клара; она призываетъ окружающихъ ее юношей убить героя, обѣщая побѣдителю свою любовь.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услыхалъ свой приговоръ.
„И ты противъ меня!"—воскликнулъ онъ.
Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
Какъ будто сердца лучшая струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ,
И обернулся медленно плащомъ,
Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ.
И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть...
Какъ царь дубравы гордо онъ упалъ,—
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ [2]).

Несомнѣнно, что на Арсенія перенесены черты обычнаго описанія смерти Юлія Цезаря. Напр., у Светонія читаемъ слѣдующее.

---

[1]) См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1915 г., № 4.

[2]) Акад. изданіе соч. Лермонтова, т. I, стр. 216.

Послѣ того, какъ Каска напалъ на Цезаря, „Caesar Casci brachium arreptum graphio trajecit: conatusque prosilire, alio vulnere tardatus est. Utque animadvertit, undique se strictis pugionibus peti, toga caput obvolvit; simul sinistra manu sinum ad ima crura deduxit, quo honestius caderet, etiam inferiore corporis parte velata. Atque ita tribus et viginti plagis confossus est, uno modo ad primum ictum gemitu sine voce edito. Etsi tradiderunt quidam, M. Bruto irruenti dixisse: Καὶ σὺ τέκνον?“ [1]).

Горделивое спокойствіе героя, его предсмертныя слова къ нѣкогда близкому человѣку, нежеланіе сражаться, закутываніе себя плащемъ (тогой), смерть отъ нѣсколькихъ ранъ—все это черты, которыя дѣлаютъ яснымъ вопросъ объ источникѣ цитированнаго отрывка Лермонтовской поэмы. Но мы не хотимъ этимъ сказать, что именно Светоніемъ пользовался Лермонтовъ. Традиціонный разсказъ о смерти Цезаря онъ могъ прочесть и въ какой-нибудь хрестоматіи, и въ трагедіи Шиллера „Разбойники“ (вставочная пѣсня), могъ ознакомиться съ нимъ по трагедіи „Юлій Цезарь“ Шекспира (дѣйствіе III, явленіе I) или по учебнику исторіи [2]). Такимъ образомъ, одинъ изъ источниковъ „Литвинки“—римская исторія—очевиденъ; но какимъ образомъ онъ воспользовался этимъ источникомъ—неизвѣстно [3]).

V.

Обычно вліяніе Вальтера Скотта на Лермонтова считается не особенно яркимъ. Однако, рамки его могутъ быть нѣсколько расширены. Этого вопроса мы уже касались въ ст. „Испанцы“ Лермонтова и „Айвенго“ В. Скотта [4]). Въ настоящихъ замѣткахъ попытаемся дать еще нѣсколько данныхъ для выясненія даннаго вліянія.

Прежде всего мы намѣрены говорить объ исторической повѣсти Лермонтова „Вадимъ“. Невольно, принимая во вниманіе молодость автора [5]) и ту популярность, которой пользовался В. Скоттъ, какъ

[1]) Svetonii Vitae XII Imperatorum. Zürich, 1820. Гл. 82, стр. 96.

[2]) Плутархомъ онъ меньше всего могъ пользоваться, такъ какъ въ „Сравнительныхъ Жизнеописаніяхъ“ („Діонъ и Брутъ“, переводъ съ греч. В. Алексѣева, стр. 452) нѣтъ словъ Цезаря къ Бруту.

[3]) При написаніи этой замѣтки авторъ пользовался указаніями проф. А. И. Сонни, которому и приноситъ свою благодарность.

[4]) „Филологическія Записки“ 1915 г., вып. V—VI.

[5]) Повѣсть писалась въ 1832 г. (она не была закончена); слѣдовательно, Лермонтову было 18 лѣтъ.

историческій романистъ [1]), мы начинаемъ подозрѣвать при чтеніи лермонтовской повѣсти, нѣтъ ли въ ней вліянія этого англійскаго писателя. С. И. Родзевичъ, выясняя источники юношеской повѣсти Лермонтова, указывалъ на нѣкоторое вліяніе В. Скотта, какъ автора „Таинственнаго Карлы", въ созданіи типа героя произведенія, уродливаго Вадима [2]). Мы же усматриваемъ сходство между однимъ эпизодомъ повѣсти Лермонтова и частью романа В. Скотта „Тори и Виги" („Old Mortality") [3]). Справедливость нашей догадки станетъ ясной изъ слѣдующаго сравнительнаго анализа.

Вадимъ.	*Тори и Виги.*
Помѣщикъ Борисъ Петровичъ Палицынъ укрывается отъ взбунтовавшагося народа въ одной изъ пещеръ, находящейся въ нѣсколько ему знакомой мѣстности, въ „Чертовомъ Логовищѣ".	Мрачный энтузіастъ-революціонеръ, мечтающій о возстановленіи Ковенанта, Бурлей рѣшилъ скрыться отъ своихъ враговъ въ хорошо ему знакомой пещерѣ.
Его провожаетъ туда сынъ „бѣлой, здоровой, большой, русой, черноглазой, полногрудой, опрятной" солдатки, благосклонностью которой пользуется „старый прелюбодѣй" (Борисъ Петровичъ) [4]).	Связь съ внѣшнимъ міромъ онъ поддерживаетъ лишь чрезъ внучку благочестивой, смиренной старушки, ревностно ему преданной, вслѣдствіе близости ихъ политическихъ убѣжденій.
Правда, провожатый—„малый глупенекъ, да за то не болтливъ и ужъ противъ материнскаго слова не пойдетъ" [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ трусливъ, и дрожитъ, боясь	Дѣвочка отличается, на ряду со смѣлостью, позволяющей ей безбоязненно ходить по опаснымъ мѣстамъ, чрезвычайной покорностью бабушкѣ, и увѣренностью въ

[1]) Срв. *Замотинъ*, Романтизмъ 20-хъ гг. XIX ст. въ р. лит., т. II, изд. 2-ое, стр. 339 и сл.

[2]) Срв. *Родзевичъ*, Лермонтовъ какъ романистъ, стр. 14 и сл.

[3]) Old Mortality, 1816 г. Лермонтовъ упоминаетъ объ этомъ романѣ, называя его „Шотландскіе Пуритане", въ „Героѣ нашего времени" (т. IV, стр. 255); Печоринъ предъ дуэлью увлекается „волшебнымъ вымысломъ" его. Къ сожалѣнію, мы должны были пользоваться новымъ переводомъ и не знаемъ, существовалъ ли къ 1832 г. русскій переводъ романа. Но Лермонтовъ къ 1832 г. уже долженъ былъ знать англійскій языкъ, такъ какъ къ 1830 г. относится рядъ его переводовъ изъ Байрона. Въ изданіи 1875 г. романъ названъ „Пуритане".

[4]) Акад. изд. соч. Лермонтова, т. IV, стр. 59—60.

[5]) Тори и Виги, пер. М. А. Жебелевой, С.-Пб. 1896, стр. 348.

привидѣній, когда провожаетъ Бориса Петровича [2]).

Мѣсто, избранное Борисомъ Петровичемъ было очень удобно для того, чтобы въ немъ укрыться. Это была одна изъ пещеръ, „изрытыхъ нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ" [3]). Окружающая ее мѣстность была особо мрачна и непроходима [5]).

Сынъ Бориса Петровича, Юрій случайно приходитъ къ той же пещерѣ. Онъ входитъ въ нее, когда она изнутри „неровно освѣщена трескучимъ огонькомъ" костра: „пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя... Юрій остановился на минуту, чтобы хорошенько осмотрѣться, и... онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ,

непогрѣшимость ея словъ [1]).

Бурлей, удаляясь въ уединенную мѣстность, подражалъ примѣру преслѣдуемыхъ пресвитеріанцевъ, которые еще въ предыдущую эпоху „искали убѣжища въ лѣсныхъ чащахъ, пещерахъ и горныхъ ущельяхъ — вообще въ болѣе защищенныхъ и уединенныхъ мѣстахъ". Нельзя было бы „никогда представить себѣ болѣе ужасной и дикой мѣстности" [4]).

Мартонъ, бывшій соратникъ Бурлея, провожаемый внучкой благочестивой старушки, подходитъ на близкое разстояніе къ пещерѣ, желая повидаться съ скрывающимся отъ всѣхъ революціонеромъ. „Здѣсь онъ остановился: красноватый свѣтъ, выходившій изъ мрачной пещеры, далъ ему возможность увидѣть ея внутренность и разсмотрѣть наружность ея обитателя, который не могъ его различить, такъ какъ Мартонъ стоялъ за выступомъ скалы" [6]).

---

1) Стр. 77. Г. Родзевичъ (op. cit., стр. 23) полагаетъ, что прототипомъ для сына солдатки могъ послужить „дурачекъ Дэви" въ „Вэвэрлей" В. Скотта, но не поясняетъ, какія могутъ быть данныя для подобнаго, едва ли справедливаго, предположенія.

2) Стр. 348.

3) Наша параллель не исключаетъ возможности того, что здѣсь отразились воспоминанія Лермонтова, такъ какъ самъ авторъ говоритъ, что описанная имъ мѣстность находится на границѣ Пензенской губерніи, откуда онъ родомъ.

4) Стр. 71. Г. Родзевичъ (op. cit., стр. 23) видитъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ описанія этой мѣстности (не пещеръ) вліяніе „Юрія Милославскаго" Загоскина.

5) Стр. 349—50.

6) Стр. 95.

казалось не обращалъ на него вниманія“ [1]).

Юрій громко и недружелюбно окликнулъ его. Тогда „неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и, схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся, не отвѣчая ни слова... Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой, отскочилъ проворно назадъ; дубина упала въ огонь“ [2]).

„Остановись,—сказалъ Юрій,—или я тебя пронижу насквозь.

„Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно: — кто ты?

„Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ—отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ:—сынъ мой! сынъ мой!“ [5]).

Поэтому Мартонъ видѣлъ припадокъ Бурлея, во время котораго измученному вождю революціонеровъ казалось, что онъ окруженъ врагами и долженъ мечомъ обороняться отъ нихъ. Когда онъ успокоился, Мартонъ вошелъ въ пещеру. Но Бурлей, еще не совсѣмъ успокоившійся, принялъ его за одного изъ своихъ призрачныхъ враговъ:

— Какъ! Ты приходишь опять, когда твой часъ прошелъ? — воскликнулъ онъ, замахиваясь мечомъ, съ выраженіемъ ужаса и демонскаго гнѣва на лицѣ [3]).

„Я пришелъ... — сказалъ Мартонъ совершенно спокойнымъ голосомъ,—возобновить знакомство...

„Какъ только Бурлей узналъ, что передъ нимъ стоялъ самъ Мартонъ, а не призракъ,—онъ мгновенно одержалъ верхъ надъ своимъ разгоряченнымъ, восторженнымъ воображеніемъ... Онъ вложилъ спокойно мечъ въ ножны... Затѣмъ онъ обратился къ Мартону съ обычной холодной рѣчью“ [4]).

Сходство проанализированныхъ отрывковъ ясно и не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Именно, этимъ сходствомъ объясняется

[1]) Стр. 350.
[2]) Стр. 95—6.
[3]) Стр. 351.
[4]) Стр. 95—6.
[5]) Стр. 351.

появленіе въ „Вадимѣ“ указаннаго эпизода. Однако, замѣтно нѣкоторое различіе въ освѣщеніи этихъ эпизодовъ у обоихъ авторовъ. Разумѣется, похотливый и трусливый [1]) Борисъ Петровичъ мало походитъ на мрачнаго и мужественнаго Бурлея; глуповатый и тоже трусливый сынъ солдатки во многомъ противоположенъ умной и безбоязненной дѣвочкѣ, проводившей Мартона къ пещерѣ; отношенія Бориса Петровича къ солдаткѣ совсѣмъ иного характера, чѣмъ Бурлея къ старушкѣ. Всѣ эти измѣненія придаютъ отрывку изъ „Вадима“ такой оттѣнокъ, словно Лермонтовъ здѣсь пародировалъ В. Скотта, вставивъ, въ рамки заимствованнаго содержанія, комическіе персонажи, на мѣсто героевъ англійскаго романиста. Но, конечно, такое пародированіе было совершенно безсознательнымъ [2]).

VI.

Академикъ Дашкевичъ указалъ [3]) на вліяніе конца одной пѣсни [4]) поэмы Вальтеръ Скотта „Марміонъ“, замѣтное въ концѣ же поэмы Лермонтова 1830 г. „Исповѣдь“.

Однако, вліяніе этой пѣсни В. Скотта сказалось въ поэмѣ нѣсколько шире, такъ какъ герой юношескаго произведенія Лермонтова во многомъ напоминаетъ героиню „Марміона“. Въ виду того, что, какъ извѣстно, „Исповѣдь“ тѣсно связана съ „Бояриномъ Оршей“, то изъ этого слѣдуетъ зависимость послѣдней поэмы (1835 г.) отъ того же источника. Въ „Бояринѣ Оршѣ“ эта близость даже усилилась, такъ какъ тамъ мы находимъ аналогичную „Марміону“ сцену суда, отсутствующую въ „Исповѣди“.

Во всѣхъ трехъ произведеніяхъ предъ нами лицо монашескаго званія („Марміонъ“ и „Исповѣдь“) или воспитанное въ монастырѣ („Б. Орша“), которое, вслѣдствіе любви, совершаетъ преступленіе (въ „Марміонѣ“ и „Исповѣди“—бѣжитъ изъ монастыря [5]); въ „Боя-

---

[1]) Эта черта болѣе явствуетъ изъ предшествующихъ эпизодовъ романа, хотя замѣтна и въ чрезмѣрномъ испугѣ Б. П., когда въ пещерѣ появился его сынъ.

[2]) Сознательную пародію нужно видѣть въ „Югельскомъ баронѣ“. Срв. нашу ст. „Лермонтовъ и Жуковскій“, стр. 11 и сл.; тамъ выяснено, что Лермонтовъ въ этой „балладѣ“ зависѣлъ не отъ самого В. Скотта, а отъ переводчика его, Жуковскаго.

[3]) *Дашкевичъ*, Статьи по новой р. литературѣ, изд. Имп. Ак. Наукъ, стр. 484, примѣчаніе.

[4]) „Монастырь“.

[5]) Въ виду тѣсной связи „Мцыри“ съ „Исповѣдью“ нужно полагать, что по-

ринѣ Оршѣ"—иное). Вслѣдствіе этого преступникъ (у Лермонтова) или преступница (у В. Скотта) должны предстать предъ монастырскимъ судомъ. Въ „Марміонѣ" и „Бояринѣ Оршѣ" изображенъ этотъ судъ; въ „Исповѣди" находимъ лишь упоминаніе о немъ. Обстановка суда въ обѣихъ поэмахъ нѣсколько схожа. И у Вальтеръ Скотта и у Лермонтова участвуютъ три судьи [1]), при чемъ одинъ изъ нихъ слѣпъ [2]). Всѣ герои, однако, спокойно относятся къ будущему. Вальтеръ Скоттъ говоритъ о своей героинѣ:

> Ея важный видъ, спокойный взоръ обнаруживали ту твердость и то постоянство, съ каковыми она готова была подвергнуться всякаго рода пыткамъ [3]).

Таковъ и герой „Исповѣди":

> ... въ преступленьи обвиненъ,
> Онъ оправданья не искалъ;
> Онъ зналъ людей и зналъ законъ,—
> И ничего отъ нихъ не ждалъ [4]).

Таковъ и Арсеній въ страшный часъ предъ судомъ („Бояринъ Орша"):

> ... въ молодомъ лицѣ его
> Вы не нашли бъ ни одного
> Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
> Крутится, вьется надъ душой
> Въ часъ разставанія съ землей [5]).

Но нѣтъ раскаянія въ гордыхъ душахъ этихъ героевъ.

Бывшая монахиня говоритъ на судѣ:

> Но не думайте по чистосердечному моему признанію, чтобы угрызенія совѣсти заставили меня говорить [6]).

Арсеній не можетъ чувствовать раскаянія уже потому, что не считаетъ себя совершившимъ преступленіе. Онъ говоритъ на судѣ:

бѣгъ героя изъ монастыря и въ этой поэмѣ имѣетъ извѣстное отношеніе къ „Марміону", не въ зависимости отъ мотивовъ поступка мцыри.

[1]) У Лермонтова: игуменъ, Орша и допрашивающій Арсенія чернецъ.

[2]) „Когда слѣпой Аббатъ" (Марміонъ, или битва при Флодденъ-Филдѣ. Сочиненіе Сира Вальтера Скотта. Переводъ съ французскаго. Въ двухъ частяхъ. Москва 1828. Ч. I, стр. 87). „Слѣпецъ старикъ,—Отецъ-игуменъ" (Лермонтовъ, т. II, „Бояринъ Орша" стр. 119). Въ другой поэмѣ Лермонтова герой произноситъ исповѣдь предъ монахомъ, который „слѣпъ... сѣдъ" (Лерм., т. I, стр. 222).

[3]) Стр. 83—4.

[4]) Л., т. I, стр. 219.

[5]) Л., т. II, стр. 118.

[6]) Стр. 91.

... если бъ могъ я эту грудь
Предъ тобою развернуть,
Ты, вѣрно, не прочелъ бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой:
Онъ оправдалъ меня—одинъ
Онъ сердца полный властелинъ...
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ,
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился бъ также измѣнить [1]).

Въ послѣднихъ словахъ, которыя произноситъ и герой „Исповѣди" [2]), чувствуется пламенная страсть къ возлюбленной. То же чувство сквозитъ и въ словахъ бывшей монахини изъ „Марміона". Хотя она увѣряетъ, что

жизнь (вѣроломнаго обольстителя) уже для меня никакой цѣны не имѣетъ [3]),

но тутъ же добавляетъ:

я хочу умереть съ тою надеждою, что никогда другая женщина не будетъ раздѣлять брачное ложе съ Марміономъ [4]);

разумѣется, эти слова ясно показываютъ, что любовь ея не умерла.

Слѣдуетъ, однако, добавить, что еще Милюковъ [5]) высказалъ мысль о связи „Боярина Орши" съ „Судомъ въ подземельѣ" Жуковскаго. Въ самомъ дѣлѣ, зависѣлъ ли Лермонтовъ отъ перевода Жуковскаго или отъ произведенія самого В. Скотта?

Прежде всего, переводъ Жуковскаго былъ напечатанъ въ „Библіотекѣ для чтенія" лишь въ 1834 г. (т. III). Такъ какъ тѣсная зависимость „Боярина Орши" и „Исповѣди", въ интересующихъ насъ отношеніяхъ, ясна и такъ какъ „Исповѣдь" написана въ 1830 г., то вопросъ о вліяніи Жуковскаго, уже по одному тому, отпадаетъ. Это же слѣдуетъ изъ самого текста перевода Жуковскаго. Поэтъ, напр., такъ изображаетъ героиню предъ монастырскимъ судомъ:

---

[1]) Стр. 120—1.
[2]) Стр. 222.
[3]) Стр. 91.
[4]) Ibid.
[5]) Срв. стр. 1, прим. нашей ст. „Лермонтовъ и Жуковскій".

Передъ судилищемъ она
Стоитъ, почти умерщвлена
Терзаньемъ близкаго конца;
И блѣдность мертвая лица
Была виднѣй, была страшнѣй
Отъ черноты ея кудрей,
Двойною пышною волной
Облившихъ ликъ ея младой.
Оцѣпенѣвъ стоитъ она;
Глава на грудь наклонена;
И если бъ мутный лучъ въ глазахъ,
И содроганіе въ грудяхъ
Не измѣняли ей порой,
За ликъ бездушный восковой
Могла бъ быть принята она:
Такъ бездыханна, такъ блѣдна,
Съ такимъ безжизненнымъ лицомъ,
Такимъ безгласнымъ мертвецомъ
Она ждала судьбы своей
Отъ непрощающихъ судей [1]).

Разумѣется, эта испуганная, едва живая отъ страха, несчастная женщина мало походитъ на гордыхъ и спокойныхъ героевъ Вальтеръ Скоттовской и Лермонтовскихъ поэмъ. Можно было бы привести примѣры другихъ отступленій Жуковскаго отъ подлинника, но полагаемъ, что въ этомъ нѣтъ нужды.

Что же касается того, пользовался ли Лермонтовъ „Марміономъ" въ оригиналѣ или въ прозаическомъ русскомъ переводѣ 1828 г., который мы цитировали выше, то отвѣтить на этотъ вопросъ мы не можемъ, въ виду отсутствія какихъ либо текстуальныхъ совпаденій у Лермонтова съ Вальтеръ Скоттомъ [2]).

Б. Нейманъ

---

[1]) Полное собр. сочиненій Жуковскаго подъ ред. Архангельскаго, т. IV, стр. 8.

[2]) Не лишне будетъ отмѣтить, что героиня „Марміона", равно какъ героиня другой поэмы В. Скотта, „Владѣтеля Островов" (Москва, 1827 г.), скрывая свой полъ, слѣдуютъ, въ пажескомъ одѣяніи за человѣкомъ, котораго онѣ любятъ; при этомъ, герой „Владѣтеля островов" даже не знаетъ, кто скрывается подъ костюмомъ пажа и не отстаетъ отъ него даже въ разгарѣ битвы. Весьма вѣроятно, что эти поэмы, перекрещиваясь съ вліяніемъ „Лары" Байрона, могли создать Селима изъ „Измаила Бея" (срв. *Котляревскій*, Лермонтовъ, 3-ье изд., стр. 111—112; *Ал. Веселовскій*, Этюды и характеристики, стр. 549—50 и др.).

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЕ ДОГОВОРЫ [1]).

Ст. 5.

О нанесеніи ударовъ мечомъ или инымъ орудіемъ.

Аще ли оударить мечемь или бьеть кацѣмь любо съсудомъ, за то оударение или оубьение да вдасть литръ 5 сребра *по* закону рускому. Аще ли будеть неимовить тако створивый, да вдасть елико можеть и да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, в нихъ же ходять, а о прочѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываеть тяжа *от*толѣ невзискаема о семъ.

Ударить или бьеть. Ударить—несомнѣнно перфективная форма, тогда какъ *бьеть*—имперфективная. Эта смѣна видовъ объясняется тѣмъ, что *убьеть* значило бы *лишить жизни*, между тѣмъ требовалось только выразить посягательство на тѣлесную неприкосновенность, что̀ и достигнуто примѣненіемъ имперфективнаго вида. Но пріемъ этотъ не былъ выдержанъ до конца: какъ только нужно было назвать самое дѣйствіе отглагольнымъ существительнымъ, то вмѣсто *біенія* появилось уже *убіеніе*; переводчикъ—не безъ основанія—полагалъ, что, въ данной связи, каждый пойметъ, что подъ *убіеніемъ* разумѣется только начатое или законченное біеніе, а не *убійство*. Вотъ почему предположеніе Г. М. Бараца, что слѣдуетъ читать: аще ли ударить мечемъ или кацѣмъ либо сосудомъ *и ли* (т. е. *и если*, иначе *и*) убьетъ, не можетъ быть принято, особенно при наличности нѣсколько иной редакціи того же постановленія въ ст. 14 договора 945 г., не возбуждающей никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ только о нанесеніи ударовъ какимъ либо воинскимъ, рѣжущимъ или колющимъ, оружіемъ (мечъ, копье) или домашнимъ орудіемъ (ὄργανον, сосудъ).

Если понимать слова въ ихъ нынѣшнемъ значеніи, то можно по-

---

[1]) *Продолженіе.* См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1915 годъ.

думать, что въ ст. 5 договора Олега говорится какъ о воинскомъ оружіи (мечъ), такъ и домашнемъ *орудіи* (сосудъ), а въ ст. 14 Игорева договора—только о воинскомъ оружіи. Но для правильнаго пониманія обѣихъ статей, слѣдуетъ помнить, что въ римско-византійской юридической терминологіи ὅπλα и βέλα, arma и tela, означали все, чѣмъ только можно вредить, такъ что и палки и дубины также подходили подъ эти понятія (Базилики кн. 60, тит. 18, гл. 9 и 11, у Геймбаха V, 600). Замѣтимъ также, что и по-славянски *сосудъ* означаетъ иногда *оружіе*. Такъ, въ „Матеріалахъ“ И. И. Срезневскаго (т. III, ст. 771) находимъ такую цитату: престроити праща и иные сосуды и на взятье града.

Яко никакоже иному помощи ему. Грамматически текстъ не можетъ считаться поврежденнымъ [1]). Да и юридически получается особый интересный оттѣнокъ, что каждый обидчикъ нормально могъ разсчитывать на помощь своихъ родныхъ или близкихъ, членовъ своей семьи или товарищей по службѣ или профессіи. Дѣло только въ томъ, что въ соотвѣтствующей ст. договора Игоря (14) сказано, *яко не имѣя ничтоже*, и можно думать, что та же мысль передана только другими словами, безъ намѣренія измѣнить сущность прежняго постановленія. Въ такомъ случаѣ допустимо, что *иному* составляетъ переводъ греческаго ἄλλῃ (нарѣчіе, имѣющее форму дат. пад. ж. р., т. е. *другимъ способомъ*, или ἄλλῳ, дат., въ значеніи *другимъ*, твор.), или же что нужно читать: яко никакоже *ино по мощи* ему.

Да пребываетъ тяжа оттолѣ невзыскаема. Въ свободной передачѣ въ терминахъ древнерусскаго права это слѣдовало бы перевести: то ту конець, а по нынѣшней терминологіи — дѣло дальнѣйшимъ производствомъ должно быть прекращено. По-гречески тутъ, вѣроятно, стояло ἀνεκδίκητον или ἀτιμώρητον.

О семъ. Хотя *взискать о чемъ* не противорѣчитъ духу славянскаго языка и въ рукописи Ипатскаго сп. точка поставлена послѣ этихъ словъ, но такъ какъ предметъ, за который взыскивается, тутъ обозначенъ въ видѣ существительнаго *тяжа*, то *о семъ* должно быть относимо къ началу слѣдующей статьи, какъ переходная связующая частица или полузаглавіе. Въ сп. Радзивил. точка стоитъ и предъ *о*.

За то удареніе или убіеніе да вдасть литръ 5 сребра по закону

---

[1]) Однако, редактору Никоновской лѣтописи казалось уже необходимымъ вставить еще *и могутъ*. Въ Новгор. IV лѣт. (изд. 1915 г.): *помощи могутъ ему* явное стремленіе къ болѣе новому и полному выраженію мысли, но безъ измѣненія формы *иному*.

рускому. Въ Игоревомъ договорѣ сказано: *того дѣла грѣха* (ἁμάρτημα, delictum), т. е. употребленъ обобщающій терминъ вмѣсто конкретныхъ дѣйствій. Если заниматься критикою законодательной редакціи, то можно сказать, что это прибавленіе лишнее, но въ смыслѣ вѣрности текста, эти разныя по словамъ, но тожественныя по смыслу выраженія свидѣтельствуютъ, что они не позднѣйшаго происхожденія, а по существу выражаютъ только мысль съ полнотою, безъ которой можно было бы обойтись.

Пять литръ сребра соотвѣтствуютъ 12 гривнамъ Рус. Правды (см. *В. В. Святловскій*, „Примитивно-торговое государство, какъ форма быта", стр. 106, *Е. Н. Щепкинъ*, „Варяжская вира", Одесса, 1915, стр. 35—36). Если считать, что подъ *удареніемъ* разумѣется и возможный его результатъ — пораненіе мечемъ, вынутымъ изъ ноженъ, то оказывается, что взысканіе увеличено въ 4 раза противъ Русской Правды и — что еще важнѣе — не сдѣлано никакого различія между орудіями нанесенія оскорбленія.

По закону рускому. Съ точки зрѣнія отвлеченной, это указаніе лишено дѣлового значенія: разъ норма принята по взаимному соглашенію, она тѣмъ самымъ перестаетъ уже быть исключительно русскою или греческою; но это выраженіе характеризуетъ отношеніе сторонъ. По византійскому праву, обиды могли преслѣдоваться гражданскимъ или уголовнымъ порядкомъ (de omni iniuria licet agere civiliter, Базилики кн. 60, тит. 21, гл. 7, у Геймбаха V, 621; et dissimulatione, et pacto, et transactione et iureiurando extinguitur actio iniuriarum, тамъ же, гл. 11, у Геймбаха V, 622. Hermog. Iniuriarum actio extra ordinem instituitur. Et servi quidem flagellis caesi dominis restituuntur: liberi autem viles fustibus caeduntur: reliqui vel ad tempus relegantur, vel re aliqua interdicuntur (тамъ же, гл. 43, у Геймбаха V, 641). При цивильномъ искѣ денежное взысканіе опредѣлялось судьею (Базилики кн. 60, тит. 21, гл. 36, у Геймбаха V, 639: etiam actio iniuriarum ex lege Cornelia civiliter intenditur, et aestimatur arbitrio iudicis); здѣсь же цифра взысканія фиксирована и въ этомъ отношеніи наказаніе также могло считаться положеннымъ по закону русскому. Отмѣтимъ, однако, въ Базиликахъ постановленіе, въ которомъ установлено взысканіе въ 12 золотыхъ за выбитіе глаза на кораблѣ кормчимъ, купцомъ или матросомъ, кромѣ лѣчебнаго: это — кн. 53, тит. 8, ст. 7 legis Rhodiorum maritimae, у Геймбаха V, 122. Посмотримъ теперь, въ какомъ соотношеніи стоитъ разбираемая статья къ Русской Правдѣ и Базиликамъ.

Съ догматической стороны, мы могли бы ограничиться немногими замѣчаніями; но тексты Русской Правды въ ея древнѣйшей редакціи побуждаютъ насъ подробнѣе остановиться на анализѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ связи съ модификаціей, которой они подверглись въ позднѣйшей редакціи.

Ст. 2 Ак. сп. гласитъ: Или будеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человѣкоу тому; аще не боудеть на немь знаменіа никотораго же, тоу тому конець. Оже ли себѣ не можеть мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда.

Статья эта производитъ впечатлѣніе чего-то хаотическаго. Въ самомъ началѣ она обращена всецѣло въ сторону процесса, и именно доказательствъ. Смотря на дѣло съ этой стороны, мы можемъ не удивляться тому, что здѣсь уравнены кровоподтеки, а можетъ быть и раны и синяки, т. е. нарушенія поверхности кожи, которыя могутъ быть вызваны какъ воинскимъ оружіемъ, такъ и тупымъ домашнимъ орудіемъ. Но когда мы доходимъ до конца, гдѣ устанавливается одна пеня въ 3 гривны и вознагражденіе за лѣченіе за то или другое, то мы ощущаемъ какъ будто противорѣчіе съ слѣдующею за нею статьею и ст. 19 Кар. сп., гдѣ раны, наносимыя мечемъ, не извлеченнымъ изъ ноженъ, оплачиваются 12 гривнами продажи, въ отличіе отъ удара мечомъ, вынутымъ изъ ноженъ, который (ударъ) оплачивается тремя гривнами (ст. 25 Кар. сп., которая не имѣетъ себѣ аналогичной въ Ак. сп.). Впрочемъ, возможно, что разъ ударъ повлекъ за собою кровь или синякъ, онъ уже не считается столь унизительнымъ, какъ ударъ, не оставившій послѣ себя никакого слѣда.

Мало того: между первою и второю частями разбираемой статьи нѣтъ естественной и ясной логической связи. Недоумѣніе начинается со словъ: *аще ли не можетъ*. Непосредственно передъ тѣмъ говорилось о приходѣ видока; но *аще ли не можетъ* явно значитъ здѣсь не невозможность для свидѣтеля явиться въ судъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такой невозможности могла бы быть или отсрочка допроса, пока свидѣтель сможетъ явиться въ судъ, или допросъ его на дому (если онъ боленъ). На дѣлѣ никто изъ комментаторовъ не понимаетъ эти слова такимъ образомъ, и это совершенно правильно; но обыкновенный выходъ изъ затрудненія, состоящій въ томъ, что разумѣютъ невозможность для обиженнаго представить свидѣтеля, не соотвѣтствуетъ прямому грамматическому строю рѣчи. Объясняютъ такъ: если потерпѣвшій не можетъ *привести* свидѣтеля, то дѣлу ко-

нецъ, т. е. искъ оставляется безъ разсмотрѣнія или удовлетворенія. Согласимся на время съ этимъ толкованіемъ. Какъ же примирить переходъ отъ этого положенія къ тому, что жалобщикъ не можетъ мстить за себя? Такое предложеніе заставляетъ насъ искать въ предыдущемъ указанія на то, что потерпѣвшій при извѣстныхъ условіяхъ могъ мстить за себя, чего мы, однако, въ наличномъ текстѣ не находимъ. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что впереди какая-то порча текста, выражающаяся частью въ пропускѣ какихъ-нибудь словъ, частью въ извращеніи подлинныхъ.

Въ этомъ отношеніи намъ приходитъ на помощь еще одно наблюденіе отрицательнаго свойства. Ст. 3 Ак. сп. говоритъ объ ударахъ батогомъ и пр., ст. 4 — объ ударѣ мечомъ, не вынутымъ изъ ноженъ, ст. 8 объ угрозѣ мечомъ, вынутымъ изъ ноженъ и не пускаемымъ въ противника. Однимъ словомъ, въ краткой редакціи недостаетъ казуса, когда обидчикъ пускаетъ въ ходъ мечъ, вынутый изъ ноженъ, т. е. казусъ, предусмотрѣнный въ ст. 25 Кар. сп. Отсюда заключаемъ, что во второй половинѣ статьи первоначально говорилось приблизительно *оже ли ударитъ мечемъ*, т. е. *что здѣсь начинается статья матеріальнаго уголовнаго права, которая должна быть отдѣлена отъ начала, представляющаго собою норму процессуальную* (впрочемъ, въ первой содержится и карательная норма). Остается еще найти тутъ же указаніе на мщеніе со стороны потерпѣвшаго. Идея мщенія могла быть выражена словомъ *поможетъ*: по-гречески ἀμύνειν значитъ помогать, защищать и мстить (см. въ греческо-русскомъ словарѣ Вейсмана подъ словами ἄμυνα и ἀμύνειν). Отсюда далѣе слѣдуетъ, что предъ *поможетъ* должно было быть приблизительно: *а той*, т. е. вся фраза должна была гласить: оже кто тнетъ мечемъ, а той *поможетъ*. Само собою разумѣется, что если обиженный отомститъ за себя тотчасъ по нанесеніи ему удара мечемъ, то никакого дѣла больше быть не можетъ. Тутъ вполнѣ умѣстно *то ту конецъ*: обида покрыта обидою.

Послѣ этого предложеніе: *оже ли себѣ не можетъ мьстити* оказывается вполнѣ на своемъ мѣстѣ, а не варіантомъ предложенія: *аще не будетъ кто мьстя* (ст. 1 Ак. сп.), какъ предполагаетъ Г. М. Барацъ. Дѣйствительно, если обиженный не можетъ мстить, то нужно назначить денежное взысканіе съ обидчика въ видѣ платы *за обиду* и *лѣчебнаго*. При сравненіи со ст. 25 Кар. сп., замѣчаемъ, что сперва расходы на лѣченіе присуждались по дѣйствительной затратѣ, а потомъ въ фиксированной цифрѣ (гривна). Дальнѣйшее наблюденіе обна-

руживаетъ, что 2 ч. ст. 2 Ак. сп. устремлена не въ ту сторону, какъ ст. 25 Кар. сп. Въ послѣдней различаются послѣдствія раны (останется ли потерпѣвшій живымъ или нѣтъ), а въ первой—отомститъ ли потерпѣвшій или не сможетъ этого сдѣлать.

Еще одно текстуальное замѣчаніе: изъ ст. 9 Ак. сп. и 24 и 26 Кар. сп. видно, что видоковъ должно было быть два, между тѣмъ въ разсматриваемой статьѣ какъ будто требуется только одинъ видокъ. По нашему мнѣнію, вмѣсто *пріидетъ видокъ* надо читать *приведетъ видокъ*, что̀ есть множественное число. Что же касается выраженія *не искати видока*, то послѣднюю форму можно принять либо за винит. пад. двойственнаго числа; если же считать *видока* род. пад. ед., то это указываетъ, что не нужно ни одного.

Этою поправкою устраняется непонятное разнорѣчіе между древнѣйшею и позднѣйшею Правдою, такъ какъ мало вѣроятно, чтобы и при Ярославѣ довольствовались однимъ свидѣтелемъ.

Обращаясь къ ст. 3 Ак. сп., наталкиваемся опять на сомнительное чтеніе: аще сего *не постигнуть*, то платити ему (12 гривнѣ): то ту конець. Отсюда опять можно заключить, что въ первоначальномъ текстѣ сперва предусматривалась карательная санкція въ случаѣ поимки обидчика во время погони. Здравый смыслъ подсказываетъ, что въ этомъ случаѣ допускалась непосредственная расправа. Это обыкновенно и дополняется мысленно, приписывая неполноту выраженія мысли старому и энергическому языку Правды въ ея первой древнѣйшей части Ак. сп. Не отрицая этого качества языка Правды, мы безъ крайней необходимости не должны a priori по этой причинѣ обходить безъ точнѣйшаго изслѣдованія наиболѣе трудные тексты. Это не значитъ, что мы непремѣнно должны допустить, что на первомъ планѣ въ подлинномъ текстѣ стояло: *аще ли сего постигнуть, то мстити, или утяти мечемъ*. Статья могла начинаться опредѣленіемъ пени (12 гривенъ), но въ такомъ случаѣ за этимъ должна была слѣдовать вторая часть, предусматривавшая послѣдствія *постиженія* и *отвѣтной расправы* съ обидчикомъ со стороны самого ли обиженнаго или бывшихъ при томъ его близкихъ. Другими словами, при отвѣтномъ ударѣ мечомъ, платы за обиду не полагалось, и потому намъ кажется, что конецъ статьи долженъ читаться: аще сего *постигнуть*, то *не* платити ему, то ту конецъ.

Если оставить нынѣшній текстъ въ неприкосновенномъ видѣ, то получается впечатлѣніе, будто норма опасается, какъ бы и по полученіи 12 гривенъ обиженный не сталъ мстить. Между тѣмъ само собою

должно быть понятно, что послѣ уплаты пени никакой личной расправы не допускается. Изъ сказаннаго видно, что и при предлагаемомъ нами перемѣщеніи мысль оказывается выраженною неполно, развѣ если слово *постигнуть* можетъ значить *задѣнуть, взаимно ткнуть мечемъ.* На такое значеніе слова наводитъ вторая половина ст. 21 Кар. сп.: *не терпя ли противоу тому тнеть мечемъ*, то вины ему въ томъ нѣтъ. Не забудемъ, что ст. 21 есть именно новая редакція ст. 3 Ак. сп. и потому она должна служить намъ надежнымъ руководствомъ при толкованіи послѣдней и возстановленіи ея текста. М. С. Грушевскій въ своей Історіи Украіни-Руси допускаетъ безотвѣтственность мстящаго и за смерть, причиненную отвѣтнымъ ударомъ. Этотъ взглядъ можно, пожалуй, поддерживать ссылкою на Базилики (кн. 53, тит. 8, гл. 7, у Геймбаха V, 122, по конструкціи своей близко подходящую къ ст. 24 Кар. сп.).

Si quis ex magistris, aut mercatoribus, aut nautis, pugno quem percusserit et excaecaverit, aut calcem impegerit et hominem herniosum reddiderit, salaria medicorum solvat percussor, et pro oculos aureos duodecim, pro ramice decem aureos. Quodsi calce percussus decesserit, percussor mortis iudicio obnoxius est.

Приведенная византійская норма также отличается особенною энергіею, но словесный смыслъ 21 статьи Кар. сп. едва ли позволяетъ заходить такъ далеко въ правѣ на неограниченное возмездіе за обиду дѣйствіемъ. Ср. ст. 4 Кар. сп.

Переходимъ къ ст. 5 Ак. сп. Аще ли оутнеть роуку, и отпадеть роука, любо оусохнеть: то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла, или начнѣть хромати, тогда чада смирять. Выраженіе: *аще боудеть нога цѣла* вызываетъ предположеніе, что выше также говорилось о ногѣ поврежденной. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ начало ст. 22 Кар. сп.: аще ли оутнеть рукоу и отпадеть рука или оусохнеть, или *нога*...... Итакъ, и въ ст. 5 послѣ *оусохнеть* нужно вставить *или нога*, и первая часть статьи получаетъ опредѣленный ясный смыслъ. Но какъ связать послѣдующія слова: *аще боудеть нога цѣла?* Нужно ли ихъ считать началомъ новаго положенія, или уступительнымъ предложеніемъ, заканчивающимъ начальную норму, т. е. *хотя бы нога была цѣла*? Далѣе, не испорчены ли слова: *хромати, тогда чада смирять?* То обстоятельство, что предъ словами: *аще боудеть нога цѣла* стоитъ: *то 40 гривенъ*, скорѣе говоритъ въ пользу того, что послѣдующія выраженія образуютъ начало новаго положенія; но въ такомъ случаѣ мы въ правѣ были бы ожидать, что предъ *нога цѣла*

явится: *рука или*. Но подходитъ ли къ рукѣ *или начнетъ хромати?* Думаемъ, что если можно сказать *хромой глазъ,* то допустимо и выраженіе *хромая рука*. Впрочемъ, слово *рука* могло остаться не повтореннымъ и выводъ въ отношеніи ея могъ быть сдѣланъ при помощи элементарной аналогіи.

Засимъ, разъ мы читаемъ: *аще нога будетъ цѣла*, то слѣдующее слово *или* не можетъ имѣть значенія раздѣленія и вмѣстѣ уравненія, т. е. нельзя представить себѣ, что въ глазахъ закона или обычая безразлично, остается ли нога цѣлою, или начнетъ хромать. Это недоразумѣніе, впрочемъ, можно устранить двумя способами: 1) если читать: аще нога *не* будетъ цѣла, и тогда *или* естественно можетъ сохранить общеупотребительное значеніе; 2) признать *или* въ значеніи *и если, а*. Это значило бы, что отъ ноги ничего не отрѣзано и что она не потеряла способности двигаться, а только начала хромать. Это, конечно, меньшее зло по сравненію съ тѣмъ, что значится въ началѣ статьи.

Въ сп. Археографической Комиссіи вмѣсто *чада смирятъ* читается *чадъ* смирять. Это разночтеніе принимается за описку, но, быть можетъ, *чадъ* значитъ здѣсь *люди вообще,* стороннія лица, сосѣди, или близкія одной или обѣимъ сторонамъ, принимающія мѣры къ замиренію и прекращенію вражды. Вспомнимъ постановленіе Закона Суднаго *о оружіи,* гдѣ виновному въ поврежденіи копья, щита или топора предписывается заплатить предъ *чадью,* которой извѣстно, сколько потерпѣвшій далъ за испорченное.

Позволимъ себѣ еще высказать одну догадку на счетъ текста послѣдней части ст. 5, не настаивая на ней. Не нужно ли читать: аще нога не будетъ цѣла *и ли* начнетъ хромати, т. е. если нога не будетъ отнята совсѣмъ и не потеряетъ вполнѣ способности движенія, а только *не останется вполнѣ здоровою и начнетъ хромать.*

При сличеніи ст. 5 договора 911 г. съ древнѣйшей Р. Пр. бросается въ глаза, что въ первой нѣтъ и намека на случаи отнятія или отсѣченія и охромленія оконечностей, т. е. самые тяжкіе виды тѣлесныхъ поврежденій, да и изъ болѣе частыхъ фигурируютъ только удары и побои безъ яснаго даже указанія на раны. На это обстоятельство обратилъ уже вниманіе Г. М. Барацъ (стр. 106), однако его попытка образовать изъ разныхъ обломковъ особую статью о *враждѣ* слишкомъ оторвана отъ наличнаго текста, чтобы на нее можно было опираться. Съ своей стороны замѣтимъ, что международные договоры вообще никогда не представляютъ собою сколько-нибудь полныхъ си-

стематическихъ кодексовъ, въ которыхъ должны быть регулированы всѣ важнѣйшія правонарушенія. Наши договоры въ этомъ отношеніи сравнительно еще полнѣе другихъ позднѣйшихъ договоровъ Византіи съ итальянскими общинами, гдѣ говорится иногда глухо, что въ случаѣ какихъ либо ущербовъ должно послѣдовать исправленіе или возмѣщеніе (διόρθωσις) по закону. Къ этому надо добавить, что во всемъ, что не регулировалось трактатомъ, обѣ стороны естественно обращались къ своимъ мѣстнымъ законамъ и обычаямъ. При томъ, отнятіе руки или ноги хотя по внѣшнему виду и могло быть относимо къ injuriae atroces, однако только при томъ условіи, что у спорящихъ или у суда не было никакого сомнѣнія, что виновный хотѣлъ только ранить пострадавшаго, но не убить (см. въ концѣ объясненій на ст. 4 договора 911 г.). Въ противномъ случаѣ, такія преступленія должны были обсуждаться по закону de sicariis, и тотъ фактъ, что пострадавшій остался въ живыхъ, могъ служить только основаніемъ къ смягченію наказанія. Замѣчательно, что ни въ Институціяхъ, ни въ Эклогѣ и Прохиронѣ нѣтъ особаго отдѣла объ увѣчьяхъ: послѣднія то фигурируютъ подъ видомъ тяжкихъ реальныхъ обидъ, то подводятся подъ указанный законъ объ убійствѣ. Если бы Г. М. Барацъ обратилъ вниманіе на эту особенность римско-византійскаго уголовнаго права, то онъ не сталъ бы удивляться тому, что въ спеціальномъ международномъ трактатѣ не удѣлено особаго мѣста для такого отдѣла преступленій, который и въ туземномъ правѣ занималъ такое неустойчивое положеніе. О борьбѣ началъ частнаго и государственнаго въ процессахъ объ убійствахъ и реальныхъ обидахъ см. у Моммзена въ Römisches Strafrecht, изд. 1899, стр. 630, прим. 2.

Съ точки зрѣнія Русской Правды, увѣчья составляли безспорно преступленіе, стоящее ближе къ убійству, чѣмъ къ обидамъ дѣйствіями (ст. 5 Ак. сп.) и если принципіально договоръ 911 г. примѣнялся и на Руси, то понятно, что отнятіе или искалѣченіе какой либо части тѣла разрѣшалось на основаніи отечественнаго права, а не ст. 5 договора.

Съ другой стороны, не можемъ упускать изъ виду, что какъ по греческому, такъ и по русскому праву, въ понятіе обиды входитъ и толканіе (pulsatio) и простое замахиваніе мечомъ безъ нанесенія удара (ст. 8 и 9 Ак. сп., Базилики кн. 60, тит. 21, гл. 5 и 14). Очевидно, въ подобныхъ случаяхъ нельзя было не отступать отъ нормальной пени въ сторону пониженія. Однимъ словомъ, представляя себѣ примѣненіе договоровъ на практикѣ какъ въ Византіи, такъ

рѣже и въ Руси, мы должны имѣть постоянно въ виду, какъ дополнительные источники права, мѣстные законы и обычаи.

Не будетъ, поэтому, лишнимъ обратить вниманіе еще на слѣдующій фактъ: ни ст. 5 договора, ни какая либо статья древнѣйшей Правды не выставляетъ условіемъ наказуемости дѣяній наличность умысла (dolus), которому въ римско-византійскомъ правѣ отводится главное мѣсто (Базил. кн. 60, тит. 21, гл. 11; у Геймбаха V, 622: non solum qui percussit vel iniuriam fecit, sed et qui curavit hoc fieri, tenetur). Такое различіе въ формулированіи правовыхъ нормъ неизбѣжно должно было влечь за собою неодинаковое примѣненіе одного и того же источника-договора. Если, далѣе, мы станемъ на ту точку зрѣнія, что и при примѣненіи Русской Правды на практикѣ, князь или другой судья находили возможнымъ смягчать наказаніе при отсутствіи злого умысла, то трудно допустить, чтобы они не приравнивали къ злому умыслу и простое упущеніе или небрежность, тогда какъ въ судѣ византійскомъ отсутствіе умысла имѣло громадное значеніе.

По русскому праву, рана, нанесенная мечомъ, считалась менѣе тяжкою, чѣмъ обида, нанесенная посредствомъ палки или рукояти меча, тогда какъ по римско-византійскому праву побои считаются меньшимъ оскорбленіемъ, чѣмъ раны. Между тѣмъ по договору о ранахъ собственно не упоминается: біеніе и удареніе мечомъ или другимъ орудіемъ (verberare et percutere) само по себѣ можетъ и не повлечь за собою нанесеніе ранъ. Такимъ образомъ, если стать на точку зрѣнія буквы договора, то 5 литръ серебра или 12 гривенъ дѣйствительно установлены по закону русскому, т. е. Русской Правдѣ. Если же подъ удареніемъ и біеніемъ разумѣть не только удары, но и раны, тогда подъ закономъ русскимъ придется понимать народное обычное право, которое, вѣроятно, не считало побоевъ болѣе тяжкими, чѣмъ раны. Объ этомъ мы можемъ судить частью еще по современнымъ нашимъ понятіямъ, частью по договорамъ Новгорода съ нѣмцами 1195 г. (ст. 5) и смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г. (ст. 4 и 7). Отсюда естественное заключеніе, что въ Р. Правду проникло вліяніе варяговъ, у которыхъ, несомнѣнно, побои считались болѣе унизительными, чѣмъ раны (см. *Варяжская вира* Е. Н. Щепкина, стр. 124—125).

Но вслѣдъ за русскимъ закономъ, мы видимъ въ ст. 5 договора своеобразное сочетаніе русскаго и византійскаго элементовъ. Прин-

ципъ посильной отвѣтственности по обязательствамъ договорнымъ, выражающійся въ передачѣ должникомъ кредиторамъ всего своего имущества (см. новеллу Юстиніана 135) не простирается до снятія съ себя должникомъ послѣдней одежды, что предписывается разсматриваемою статьею. Съ другой стороны, въ Базиликахъ (кн. 60, тит. 51, гл. 1, у Геймбаха V, 853) читается: qui de publico vel privato crimine extra ordinem cognoscunt, eum, qui pecuniarem poenam persolvere non potest, extra ordinem exercent, т. е. подвергаютъ тѣлесному наказанію (см. тамъ же схолію 4). Можемъ ли мы утверждать, что и на Руси, въ случаѣ несостоятельности преступника къ уплатѣ пеней, онъ всегда отдавался потерпѣвшему въ рабство (не говоря о потокѣ и разграбленіи по тяжкимъ преступленіямъ), а не подвергался тѣлесному наказанію? Косвенное указаніе на положительное рѣшеніе содержится въ ст. 31 и 32 Ак. сп. Р. Пр.: или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны, но есть и прямыя историческія свѣдѣнія о мукахъ, причиняемыхъ ворамъ властью (Патерикъ Печерскій).

Въ ст. 5 договора нѣтъ указанія на то, что карается и покушеніе на оскорбленіе, но въ Базиликахъ (кн. 60, тит. 21, гл. 11, у Геймбаха V, 622) прямо постановлено: non solum qui percursit vel iniuriam fecit, sed qui curavit hoc fieri, tenetur. Византійскій судъ, понятно, примѣнялъ эту норму. Въ скрытомъ видѣ можно вычитать это положеніе и изъ ст. 8 Ак. сп., карающей за угрозу мечомъ безъ нанесенія удара [1]), и изъ ст. 20 и 38.

Далѣе, византійское право дѣлило обиды на простыя и тяжкія или жестокія, при чемъ къ числу послѣднихъ принадлежали раны или поврежденіе лица (кн. 60, тит. 41, гл. 7, у Геймбаха V, 621, въ частности схол. 12, тамъ же). Но относительно ранъ и увѣчій въ римско-византійской практикѣ существовалъ споръ, можно ли ихъ считать обидами или посягательствами на жизнь, подлежащими закону объ убійствѣ. Лабеонъ считалъ возможнымъ предъявленіе въ подобныхъ случаяхъ иска объ обидѣ, но схоліастъ съ этимъ не согласенъ

[1]) Противоположное мнѣніе Г. М. Бараца, опирающагося на Моммзена, отличается чрезмѣрною теоретическою тонкостью: кто относится къ явленіямъ правовымъ съ дѣловой житейской стороны, тотъ не можетъ отрицать, что римляне отлично отдавали себѣ отчетъ въ различныхъ степеняхъ осуществленія преступнаго умысла. Въ этомъ легко убѣдиться изъ цитатъ, приводимыхъ нами въ объясненіяхъ на предыдущую, настоящую и послѣдующія двѣ статьи. Въ Рус. Пр. можно найти только зародыши ученія о покушеніи, но и они не должны быть упускаемы изъ виду.

(Базилики кн. 60, тит. 21, гл. 7, схолія 2, у Геймбаха V, 619). Моммзенъ (Römisches Strafrecht, изд. 1899 г., стр. 630, прим. 2) приводитъ изъ Цицерона сообщеніе, что римскій всадникъ, которому отрублена была рука при необходимой оборонѣ противъ насилія, предъявилъ у претора искъ объ обидѣ. Обвиняемый возражалъ, что это недопустимо: extra quam in reum capitis praeiudicium fiat.

Не упоминаетъ договоръ и о безнаказанности взаимной обиды, но какъ по русскому, такъ и по византійскому праву отражать силу силою всегда дозволялось. Въ Базиликахъ (кн. 60, тит. 18, гл. 25) содержится такое постановленіе: si vis fiat, et caedem fieri contingat, sive ex iis, qui vim inferunt, sive ex iis, qui patiuntur, ille poenae subiiciatur, qui vim inferre tentavit: ipse enim causam caedi dedit. Ср. также Th. Mommsen. Römisches Strafrecht, изд. 1899, стр. 653, прим. 1, Базилик. кн. 60, тит. 3, гл. 45, у Геймбаха V, 315. Это начало, какъ мы видѣли, дѣйствовало и на Руси, такъ что отсутствіе въ договорѣ положительнаго разрѣшенія на отраженіе силы силою не вызывало на практикѣ никакихъ недоразумѣній. Выше мы уже выразили, однако, сомнѣніе, простиралась ли и на Руси безнаказанность на случай убіенія обидчика при встрѣчныхъ ударахъ мечомъ.

Прекращеніе производства по обвиненію въ оскорбленіяхъ послѣ принесенія присяги виновнымъ въ неимѣніи никакихъ другихъ средствъ, повидимому, также введено по настоянію руссовъ: не будь этого соглашенія, византійскіе суды стали бы примѣнять къ несостоятельнымъ русскимъ обидчикамъ тѣлесное наказаніе, съ чѣмъ руссы мириться не могли.

На этомъ мы могли бы кончить свои объясненія на 5 ст. договора 911 г., если бы въ интересной и содержательной книгѣ проф. Е. Н. Щепкина „Варяжская вира" не было намека на то, что 5 литръ серебра могли быть и взысканіемъ въ пользу князя (стр. 97, прим. 1). Авторъ указываетъ на то, что „торговля Руси съ Византіей была организована, какъ предпріятіе князя" («яко послахъ корабль... да не взищется смерть ихъ отъ князя вашего»). О томъ, что русскіе князья въ своихъ сношеніяхъ съ Византіей не оставляли безъ вниманія случаевъ произвольнаго ихъ убіенія, было упомянуто и нами выше при разсмотрѣніи вопроса о вирѣ; понятно также, что если бы гость, снаряженный въ Грецію съ товарами собственно княжескими, подвергся какому нибудь оскорбленію дѣйствіемъ, за которое не получилъ бы законнаго удовлетворенія,—князь также вступилъ бы въ

дипломатическую переписку съ византійскимъ правительствомъ. Но отсюда нельзя заключать, что вся торговля Руси съ Византіею сосредоточивалась въ рукахъ князей и что 5 литръ серебра, какъ пеня за обиду, шли не въ пользу самого пострадавшаго, а русскаго князя.

То же самое нужно сказать и о Рус. Правдѣ древнѣйшей редакціи. Правда, такія общія выраженія, какъ за голову (ст. 1 Ак. сп.) и за обиду (въ остальныхъ статьяхъ), сами по себѣ не говорятъ еще ни въ пользу частнаго, ни въ пользу общественнаго характера пеней. Подобно тому, какъ въ Кар. сп. ст. 19 говорится: 12 гривенъ *продажи за обиду*, такъ въ еще болѣе позднихъ памятникахъ встрѣчается выраженіе: вира за голову; но на этомъ основаніи нельзя объявлять княжескими взысканіями и пени за обиду въ древнѣйшей Правдѣ. Съ одной стороны, взяти ему (обиженному) за обиду 3 гривнѣ (ст. 3 Ак. сп.) уже буквально, безъ какой либо натяжки, говоритъ въ пользу частнаго взгляда на проступокъ. Съ другой стороны, слѣдя за различными редакціями Правды, мы замѣчаемъ, какъ сначала терминъ *продажа* безъ указанія того, кому она идетъ, является во второй половинѣ Ак. сп. въ примѣненіи къ кражѣ (ст. 34, 36, 40), при чемъ общее указаніе на присвоеніе продажи князю содержится лишь въ ст. 41 того же списка; а засимъ терминъ получаетъ дальнѣйшее распространеніе въ полной редакціи, и то не вполнѣ послѣдовательно (ср. ст. 29 Кар. сп.). Такимъ образомъ, мы присутствуемъ при процессѣ зарожденія *продажи* взамѣнъ *за обиду*, хотя не можемъ указать точной даты этой знаменательной реформы. Само по себѣ *продати* въ старину означало наказать кого-нибудь и въ интересахъ частнаго лица.

Помимо этихъ документальныхъ данныхъ, сфера личныхъ обидъ обыкновенно долѣе другихъ преступленій сохраняетъ характеръ частныхъ проступковъ, и можно скорѣе удивляться тому, что продажа стала взиматься за нихъ уже въ эпоху первой части полной Правды. Раннее проникновеніе княжеской власти въ эту область правонарушеній едва ли вытекало изъ горнила массоваго народнаго правовоззрѣнія, судя по тому, какъ ярко выступаетъ лично-частное начало въ Литвѣ даже въ кругу преступленій противъ жизни. Поэтому будемъ ли мы приписывать относительно раннее появленіе публичнаго элемента въ дѣлѣ пеней вліянію духовенства, или финансовымъ мотивамъ, отодвигать этотъ процессъ еще болѣе вглубь исторіи едва ли можно. Параллели съ славянскими и скандинавскими Правдами, извѣстными намъ въ довольно позднихъ законодательныхъ и частныхъ

памятникахъ права, не должны побуждать насъ, такъ сказать, къ ускоренію процесса образованія уголовно-правовыхъ понятій и на Руси. Ближайшимъ толчкомъ къ преобразованію пени *за обиду* въ *продажу*, повидимому, послужила общая тенденція законодательства ближайшихъ преемниковъ Ярослава Мудраго—оградить личную безопасность княжескихъ мужей и княжескихъ имѣній. По преобладающимъ во второй части древнѣйшей Правды лицамъ и видамъ имущества, эту часть можно бы назвать по преимуществу законоположеніемъ *о деревенскихъ обидахъ* (терминъ взятъ изъ Соборнаго Уложенія 1649 г.). Если нельзя отрицать, что иныя статьи этой редакціи относятся и не къ княжескому добру, то это дѣлается, такъ сказать, попутно, какъ бы по инерціи. И сравнивая въ общемъ и цѣломъ обѣ половины древнѣйшей редакціи, трудно сомнѣваться, что каждая изъ нихъ разсчитана на другой кругъ дѣйствія: древнѣйшая—на городскія, а послѣдующая—на сельскія мѣстности; первая нивеллируетъ элементы общественные и княжескіе, вторая, напротивъ, даетъ княжескому элементу перевѣсъ надъ общественнымъ, но не сразу. Первая—произведеніе цѣлостное, крѣпко спаянное, особенно если вдуматься въ психологическую связь между отдѣльными статьями, вторая — рядъ хронологическихъ наслоеній съ возвращеніемъ къ одному и тому же предмету (ст. о наказаніи вора, поиманнаго на мѣстѣ преступленія, или о соучастіи въ кражѣ многихъ лицъ). По процессу развитія продажи можно заключать и о ходѣ развитія пеней за убійство: князья начинаютъ взимать въ свою пользу пени за проступки и преступленія, совершенные противъ ихъ людей, а потомъ распространяютъ это и на преступленія и проступки противъ людей, не состоящихъ на княжеской службѣ.

Е. П. Щепкинъ на стр. 94 говоритъ: „если *продажи* и виры не дѣлились между князем и истцемъ, то нормы продажи за обиды *фактически* (курсивъ подлинника) могли превращаться въ предѣльные размѣры частнаго вознагражденія по мировымъ сдѣлкамъ безъ суда: отвѣтчику всегда выгоднѣе было бы по безспорному обвиненію дать пострадавшему за обиду выкупъ, доходящій до нормы продажи, нежели возиться съ судомъ и въ концѣ концовъ уплатить ту же продажу, а, можетъ быть, еще сверхъ того и урокъ“. Этотъ доводъ опровергается безспорными историческими фактами: въ Псковской Судной Грамотѣ (ст. 52 и 80, первая ст. касается татей и разбойниковъ, вторая—дракъ) прямо оговаривается, что если стороны помирятся между собою до суда, то и князю продажи нѣтъ. Однород-

ныя постановленія можно указать въ другихъ славянскихъ памятникахъ: хотя князь дѣйствовалъ по своему общественному призванію, но долго еще не исчезало представленіе о судьѣ, кто бы онъ ни былъ, какъ о такомъ посредникѣ, къ которому приходится обращаться только тогда, когда примиреніе не достигается домашними средствами. Къ тому же никто не оспариваетъ, что въ эпоху полной Правды продажа была взысканіемъ публичнымъ; но отсюда не слѣдуетъ, что тотъ же характеръ долженъ быть присвоенъ и пенямъ древнѣйшей Правды. Какъ мы старались показать при объясненіи ст. 4 договора 911 г., 40-гривенная пеня за голову по 1 ст. Ак. сп. можетъ быть присвоена князю тогда, когда убитый былъ безроднымъ и князь какъ бы замѣнялъ ему кровныхъ мстителей. Существованіе виры, какъ княжескаго взысканія, и при Владимірѣ Святомъ, нельзя отрицать, но отсюда вытекаетъ необходимость согласованія историческихъ явленій. Такъ, можно думать, что въ пользу князя виры первоначально шли только въ случаѣ неразысканія вервью *разбойниковъ* въ буквальномъ значеніи этого слова, а при наличности мстителя и обыкновеннаго убійцы прежде всего принимались мѣры къ примиренію безъ содѣйствія княжеской власти, а при безуспѣшности потерпѣвшіе обращались уже къ общественной власти. Кромѣ того, позволительно думать, что какъ *продажа*, такъ и *вира* первоначально были всецѣло частными взысканіями [1]) и только съ теченіемъ времени получили значеніе частью исключительно княжеской пени (продажа), частью смѣшанной (вира), совмѣщавшей въ себѣ оба элемента. Безспорно, что въ этомъ отношеніи въ нашихъ историческихъ и юридическихъ источникахъ существуетъ пробѣлъ, который приходится заполнять догадками. Вопросъ, несомнѣнно, требуетъ дальнѣйшихъ разысканій, при чемъ нельзя упускать изъ виду, что древнѣйшая часть Правды вводитъ насъ въ кругъ понятій, гораздо болѣе древній, чѣмъ остальные извѣстные намъ памятники западнаго какъ германскаго, такъ и славянскаго права. Взглядъ, развиваемый нѣкоторыми учеными,—что плата за голову по 1 ст. древнѣйшей Правды предназначалась также для князя, представляется непонятнымъ въ двухъ отношеніяхъ: если месть была внѣсудебною, то переходъ отъ нея къ чисто общественнымъ взысканіямъ слишкомъ крутъ; если же месть была только частною формою исполненія судебнаго приговора, то переходъ отъ нея къ денежнымъ взысканіямъ является шагомъ назадъ.

---

[1]) Ср. въ ст. 14 договора 945 г. *в толико же продань будеть* (обидчикъ).

Ст. 6.

О кражѣ съ поличнымъ, обнаруженной на мѣстѣ преступленія.

О семъ, аще оукраде(*т*)ь Русинъ что любо оу Крестьянина, или пакы Хр*и*стьяннинъ оу Русина, и ятъ будеть в томъ ча*с*(ѣ) тать, егда татьбу створи*т*(ь), о*т*(ъ) погубившаго что любо, аще приготовиться татьбу творяй и оубиенъ будеть, да не взыщется см(е)рть его ни о*т*(ъ) Хр(е)*с*тьянъ, ни о*т*(ъ) Руси, но паче оубо да възметь свое, иже будеть погубилъ. И аще вълдасть руцѣ оукрадый, да ятъ буде*т*(ь) тѣмь же, оу него же боудеть оукрадено, и связанъ будеть и о*т*дасть то, еже смѣ створи*т*(и) и створить трижды о семь.

При чтеніи этой статьи возникаетъ рядъ существенныхъ недоумѣній. Прежде всего бросается въ глаза попеременное употребленіе перфективныхъ и имперфективныхъ формъ въ глаголахъ *красть* (украдеть, татьбу створить, погубившаго; татьбу творяй), такъ что неизвѣстно, идетъ ли рѣчь о кражѣ совершенно оконченной или еще продолжающейся. Засимъ замѣчается извѣстное многословіе вообще и въ частности при обозначеніи вора (*тать, татьбу творяй*), а равно потерпѣвшаго (*отъ погубившаго что любо, у него же украдено*). Съ точки зрѣнія какъ грамматической, такъ и юридической, выпущеніе всѣхъ приведенныхъ словъ, кромѣ послѣднихъ, не только не производитъ никакого разстройства въ содержаніи статьи, но и устраняетъ затрудненіе, связанное съ наличностью словъ: отъ погубившаго что любо. Не говоримъ уже о сомнительномъ значеніи словъ *приготовиться* и *створить* въ предложеніи: *отдасть то, еже смѣ створити.*

Чтобы выяснить истинный смыслъ первой же фразы, повидимому столь ясной и безспорной (аще оукрадетъ Русинъ...), необходимо вспомнить, что предъ нами норма, выражающая общее предположеніе, которое по-гречески было передано въ формѣ conjunctiv'a, и что по этой причинѣ славянскій переводчикъ прибѣгъ къ praesens'у перфективнаго глагола *украсть*, выражающему будущее время, по существу же юридическаго содержанія этотъ protasis долженъ быть переданъ либо настоящимъ временемъ (*крадетъ*), либо составнымъ будущимъ (*начинаетъ, станетъ красть*). Итакъ, первая фраза, какъ общій возможный случай, должна быть переводима такъ: если Русинъ крадетъ (или станетъ красть) что-нибудь у Христьянина или, наоборотъ, также Христьянинъ у Русина.

И ятъ будетъ въ томъ часѣ тать, егда татьбу створитъ. Выше мы замѣтили, что здѣсь легко можно было бы обойтись и безъ слова

тать, ибо и по смыслу никто другой, кромѣ вора, задержанъ быть не можетъ; но если вспомнить, что въ первомъ предложеніи, въ качествѣ виновнаго, фигурируетъ то русинъ, то христіанинъ, — новое обозначеніе задерживаемаго субъекта устраняетъ всякое недоумѣніе, и потому нѣтъ основанія предполагать, что *тать* есть позднѣйшая вставка, вызванная невниманіемъ переписчика, который имѣлъ предъ глазами слишкомъ много словъ однокоренныхъ.

Въ томъ часъ. Въ иныхъ спискахъ имѣется чтеніе *въ тотъ часъ*. Послѣднее—явное подновленіе вмѣсто славянскаго оборота, представляющаго точный переводъ греческаго: ἐν ταύτῃ τῇ ὥρᾳ (часто встрѣчающагося въ Евангеліи), и потому отпадаетъ предположеніе о полонизмѣ, высказанное Г. М. Барацомъ и отвергнутое уже акад. Ягичемъ въ его рецензіи на книгу г. Бараца, помѣщенной въ Archiv für slawische Philologie. Припоминая сказанное выше объ *украдеть*, мы должны перевести второе предложеніе: *и воръ будетъ застигнутъ въ то время, когда совершаетъ кражу* или свободнѣе — *при самомъ совершеніи кражи* (ἐπ' αὐτοφόρῳ). Это мѣсто требуетъ особаго объясненія: ὥρα по-гречески означаетъ не только *часъ*, но и *время* вообще; посему, если бы мы принимали форму *татьбу створить* за дѣйствительно будущее время, то мы могли бы допустить, что здѣсь содержится правило не только на случай обнаруженія вора на мѣстѣ преступленія, прежде чѣмъ онъ успѣлъ унести вещь къ себѣ, но и на случай обнаруженія кражи и внѣ мѣста похищенія, только въ тотъ же день, до сокрытія поличнаго въ мѣсто, куда воръ таковое назначалъ. Въ такомъ случаѣ предъ нами была бы норма, опредѣляющая послѣдствія furti manifesti въ техническомъ значеніи этого понятія (Базилики кн. 60, тит. 12, гл. 2—5). Если же мы принимаемъ *часъ* въ нашемъ современномъ значеніи, то мы имѣемъ дѣло съ заставаніемъ вора in delicto flagrante, значитъ содержаніе нормы съуживается и болѣе приближается къ статьѣ 20 Акад. сп. Рус. Правды. Это сомнѣніе окончательно рѣшается въ пользу послѣдняго толкованія присутствіемъ въ дальнѣйшемъ словъ *татьбу творяй*. Это болѣе узкое пониманіе явнаго воровства оправдывается тогдашнимъ воззрѣніемъ практики, отразившимся въ Synopsis Minor (Jus Graeco-Romanum, изд. Zachariae v. Lingenthal, ч. 2, стр. 127). Здѣсь явная кража рисуется такими чертами: ночной воръ пойманъ за городомъ собственникомъ, у котораго онъ покушался на похищеніе. Это—то самое положеніе, за исключеніемъ ночного времени и загородной мѣстности, которое изображается въ разсматриваемой статьѣ.

Для лучшаго уразумѣнія статьи и ея колеблющейся терминологіи, нелишнее будетъ сказать, что, по римскимъ понятіямъ, кража считается совершенною не только тогда, когда воръ успѣлъ унести вещь изъ помѣщенія, гдѣ она находилась до похищенія, но и тогда, когда онъ только коснулся ея (attingere, contrectare. См. Römisches Strafrecht Th. Mommsen'a, изд. 1899 г., стр. 734, прим. 4). Поэтому бытовое жизненное пониманіе явленія и юридически-техническое не совпадали и вызвали поперемѣнное употребленіе въ статьѣ перфективныхъ формъ глагола. Въ Эклогѣ и Эпанагогѣ преобладаетъ выраженіе ὁ κλέπτων—ворующій.

Отъ погубившаго что любо. По римскому праву задержаніе могло быть произведено не только самимъ собственникомъ, у котораго воръ собирался отнять имущество, но и прохожимъ, или сосѣдомъ. Поэтому логически весьма законно сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли эти слова находились въ первоначальномъ славянскомъ текстѣ или они были вставлены позднѣйшими переписчиками; но приведенное выше указаніе свидѣтельствуетъ въ пользу подлинности этихъ словъ. Что же касается ихъ смысла, то, по существу ихъ, надо переводить: тѣмъ, у кого оно (имущество) чуть было не потеряно (потерпѣвшимъ)[1]. Для насъ особенно странно употребленіе здѣсь неопредѣленнаго мѣстоименія *что любо*, когда въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ уже о вещи опредѣленной, до которой добрался похититель; но такъ какъ здѣсь мѣстоименіе τί замѣняетъ собою существительное (имущество), то что любо не служитъ признакомъ искаженія текста. Въ такомъ же смыслѣ употреблено слово *кто* въ ст. 8 договора 911 г., гдѣ подъ *кто* разумѣется хозяинъ или кормчій ладьи, съ которой случилась бѣда. Можетъ быть, что въ томъ же значеніи употреблено слово *что* въ выраженіи ст. 9 того же договора: *что* можетъ продати вмѣсто *то* (рухло). Вообще, чѣмъ болѣе вчитываешься въ договоры и постигаешь особенности ихъ языка, тѣмъ больше убѣждаешься, что многія недоразумѣнія, съ перваго взгляда представляющіяся

---

[1]) Можно бы ставить слова *отъ погубившаго что любо* въ зависимость отъ предыдущихъ словъ *татьбу творить*, при чемъ отпадаетъ требованіе о задержаніи вора непремѣнно самимъ потерпѣвшимъ. Такое содержаніе словъ имѣетъ положительное и отрицательное значеніе: а) исчезаетъ требованіе о задержаніи вора самимъ потерпѣвшимъ; б) въ стилистическомъ отношеніи все-таки нескладно выходитъ: совершить кражу у потерпѣвшаго, притомъ по-гречески скорѣе былъ бы употребленъ дат. пад. (погубившему) послѣ *створить татьбу*.

основательными, впослѣдствіи устраняются и подозрительное становится правильнымъ.

Аще приготовится татьбу творяй. Уже въ введеніи къ настоящему труду мы коснулись слова *приготовится*. Когда сопоставляешь сочетаніе настоящей статьи съ соотвѣтствующими ей мѣстами изъ византійскихъ источниковъ, да соображаешь, какъ легко было замѣнить переписчику слово *противится* другимъ *приготовится*, то не удивляешься, что наши толкователи, въ томъ числѣ Г. М. Барацъ и А. А. Шахматовъ, принимаютъ чтеніе, этимологически болѣе близкое къ содержанію положенія; но уже Н. А. Лавровскій (О византійскомъ элементѣ, изд. 1904 г., стр. 98—99) замѣтилъ, что παρασκευάζειν значитъ не только *покушаться, собираться*, какъ переводитъ Шлецеръ, но и *снаряжаться въ путь, приготовляться къ походу* и пр. Съ своей стороны, добавимъ, что словомъ παρασκευάζειν и его производными передается понятіе не только о покушеніи и даже приготовленіи, но и объ устраненіи чего либо хитростью и о засадѣ. Въ 1-й схоліи къ гл. 16, тит. 39 кн. 60 Базиликъ приводится новелла Порфиророднаго о знатныхъ лицахъ, уличаемыхъ въ убійствахъ и характеризуемыхъ, какъ *dolum* et coniurationem vel *insidias* vel *apparatus* (κατασκευάς) detestendi huius criminis causa facientes. Ceterum, говорится далѣе, hoc ita dicimus, si *insidiae* (ἡ σκευή) ex meditatione et dolo et prava voluntate oriantur... Такимъ образомъ оказывается, что *приготовится* само по себѣ не должно вызывать сомнѣній. Вопросъ сводится только къ тому, какъ правильнѣе перевести слово. Если допустимъ, что въ данномъ случаѣ перевѣсъ остался за византійскимъ правовоззрѣніемъ, то естественнѣе всего истолковывать *приготовится* въ смыслѣ вооруженнаго выступленія противъ собственника вещи или, по крайней мѣрѣ, нахожденія при немъ оружія; если же стороны склонялись болѣе въ сторону русскаго правовоззрѣнія, то судя по ст. 20 и 38 Ак. сп., надо придти къ заключенію, что достаточно было задержать вора у клѣти или у коровы, чтобы его можно было убить безнаказанно, лишь бы до того, какъ успѣли связать его при людяхъ и обезвредить. Приведемъ конкретный случай, освѣщающій тему и заимствуемый изъ Базиликъ (кн. 60, тит. 3, гл. 52, у Геймбаха V, 320): Quidam noctu lucernam sustulit, et tabernarius eum persecutus est: is tabernarium verberavit, et pugna orta tabernarius ei oculum effodit. Innoxius est tabernarius. Sed si prior tabernarius non vapulavit, sed cum vellet lucernam eripere, pugnam concitavit, aquilia tenetur. Если же понимать подъ *приготовится*

вится нахожденіе оружія при ворѣ, то, по римско-византійскому праву, преступленіе подходитъ уже подъ законъ объ убійцахъ, такъ что преступника, пожалуй, можно было безнаказанно убивать и прежде оказанія имъ активнаго нападенія, т. е. въ этомъ случаѣ русское и византійское воззрѣніе еще болѣе сближаются.

Но паче убо да възметь свое, иже будеть поıубилъ. Г. М. Барацъ выражаетъ удивленіе, что въ договоръ спеціально включено было условіе о правѣ потерпѣвшаго отобрать у вора свою вещь. Но въ византійскомъ правѣ это не рѣдкость. Такъ, въ Зак. Град. гр. 39, гл. 56 назначается наказаніе за угонъ стада и прибавляется: явѣ же есть, яко и отогнанное ими стадо у своего господина паки да поставятъ. Въ Печ. Кормч. л. 57 обор. (изъ Новыхъ Заповѣдей Юстиніана Царя гл. 27) говорится: неявленный же тать да отдастъ сугубо, рекше въ двое того. Обѣми же *свѣне* (на полѣ—*кромѣ*) данія, особно дати краденную вещь, или цѣну ея. Кромѣ того, слова, о которыхъ идетъ рѣчь, могли имѣть еще особую цѣль—указать на то, что хозяинъ самъ, помимо полицейской или судебной власти, имѣетъ право отобрать свое, не подвергаясь отвѣтственности за самоуправство. Неясно только, означаетъ ли здѣсь *иже—который* или *что*, но въ юридическомъ отношеніи это безразлично. Въ нѣсколькихъ спискахъ вмѣсто *иже* читается *еже*. Въ цѣломъ же фраза должна быть связываема съ предшествующимъ ей содержаніемъ такимъ образомъ: если (притомъ) совершающій татьбу оказываетъ сопротивленіе (при чтеніи *противится* вмѣсто *приıотовится*) или приметъ хитрыя мѣры (къ довершенію кражи), то да не взыщется смерть его ни отъ христіанъ, ни отъ руссовъ, но да возьметъ еще свое потерпѣвшій. И здѣсь *будеть поıубилъ* означаетъ не окончательную потерю, а возможную (*потерялъ бы* или *чуть было не потерялъ*).

И аще въдасть руцѣ украдый. Казалось бы, что лучше было бы *ли аще*, но и настоящее чтеніе допустимо, такъ какъ и оно имѣетъ то же значеніе. А. А. Шахматовъ опускаетъ совсѣмъ *и*.

Да ять будеть тѣмъ же, у него же будеть украдено. Достойно вниманія, что здѣсь опять подчеркнуто право задержанія вора именно потерпѣвшимъ, но здѣсь *ять будеть* значитъ уже *захваченъ*, а не только *застиıнуть* или замѣченъ, какъ въ началѣ статьи. Удивительно, что нѣтъ предписанія о преданіи вора суду, но трудно допустить, чтобы взысканіе тройной пени производилось безъ участія, по крайней мѣрѣ, полицейской власти. Возможно, однако, что дѣла

о кражѣ, какъ маловажныя, рѣшались вообще упрощеннымъ порядкомъ (in plano), безъ формальнаго судоговоренія предъ коллегіальнымъ судомъ.

И отдасть то, еже смѣ створити, и створить трижды о семъ. Г. М. Барацъ находитъ невозможнымъ сочетаніе *отдать то, что сдѣлано.* Замѣчаніе само по себѣ правильное, дѣло только въ томъ, что *творить* употребляется также въ значеніи *платить*, ποιεῖν, πράττειν, facere, при чемъ говорится еще платить не *за что-нибудь*, а *что-нибудь*, напр. дать удовлетвореніе, κατάστασιν ποιεῖν, а также *пользоваться.* Вотъ примѣры: Коринѳ. 1, 9, 15: азъ же ни едино сотворихъ отъ сихъ, но я не пользовался ничѣмъ таковымъ; тамъ же 1, 9, 12: но не сотворихомъ (ἐχρησάμεθα) по области сей, однако мы не пользовались сею властью (Синод. пер.). Въ Синтагмѣ Матв. Властаря (прил. къ книгѣ проф. Флоринскаго „Памятники законодательной дѣятельности Душана", стр. 114): и се безуміе еже притварати (присвоивать) туждаа вьмѣсто своихъ погибшіихъ. Замѣтимъ еще значеніе ἀντιποιεῖσθαι τινός, присвоивать себѣ что-нибудь, стремиться.

А. А. Шахматовъ опускаетъ вторичное *створить.* Логически это, конечно, допустимо, но думаемъ, что слово можетъ быть оставлено на мѣстѣ, такъ какъ *створить*, какъ уже указано, можетъ имѣть значеніе лат. faciat, т. е. заплатитъ, воздастъ, возмѣститъ. Въ Никон. лѣтоп. конецъ статьи сокращенъ; опущено *еже смѣ створити, и створить трижды о семъ.* Вѣроятно, переписчикъ считалъ слова непонятными или несоотвѣтствующими цѣли. Въ Новгород. IV лѣтоп. (изд. 1915 г.) статья кончается словами: *и отдасть тои же*, а изъ всего остальнаго перенесено въ начало слѣдующей статьи одно слово *творить.*

Слова *о семъ* А. А. Шахматовъ переноситъ въ начало слѣдующей ст. Съ этимъ можно согласиться, такъ какъ выраженіе *створить трижды* само по себѣ значитъ то же. Замѣтимъ только, что створить о чемъ значитъ распорядиться чѣмъ или о чемъ. Въ рукописи точка стоитъ послѣ *о семъ*, но частое повтореніе о семъ, аще говоритъ въ пользу исправленія текста, каковое и сдѣлано А. А. Шахматовымъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Г. М. Барацъ, считая невозможнымъ, чтобы рядомъ одно и то же слово *створить* имѣло разное значеніе, принимаетъ слово *трижды* за описку, вмѣсто *вражды*, и на этомъ основаніи проектируетъ цѣлую особую статью о враждѣ и по-

свящаетъ этому институту особый этюдъ (стр. 106—117). Мы, напротивъ, считаемъ слово *трижды* подлиннымъ, такъ какъ за furtum manifestum по греко-римскому праву полагалась собственно четверная пеня, сверхъ возврата поличнаго. Значитъ въ данномъ случаѣ стороны нѣсколько отступили отъ началъ римско-византійскихъ.

Покончивъ съ вопросами текстуальными и лексическими, займемся опредѣленіемъ отношенія ст. 6 договора къ постановленіямъ Русской Правды, преимущественно краткой редакціи. Въ первой части Акад. сп. говорится объ опознаніи краденой вещи и о хожденіи на сводъ (ст. 12, 13 и 15). Между пропажей или кражей коня или холопа и ихъ опознаніемъ проходитъ не менѣе двухъ дней: если застигнутый и позванный не идетъ на сводъ, то онъ обязанъ дать поручительство. Можемъ ли мы сдѣлать отсюда выводъ, что если встрѣченный держатель пропавшей или украденной вещи не представляетъ поручителей, то онъ задерживается и представляется въ судъ немедленно для разбора дѣла? Логика побуждаетъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, точно такъ же, какъ слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ на вопросъ, допускается ли тутъ самоуправство въ смыслѣ безнаказаннаго убіенія предполагаемаго только вора.

Чтобы подыскать матеріалъ въ Русской Правдѣ древнѣйшей редакціи для сравненія со статьей 6 договора, нужно обратиться къ ст. 20 Акад. сп. Центръ тяжести послѣдней лежитъ именно въ дозволенности убіенія вора, пойманнаго на мѣстѣ, въ отличіе отъ наказуемыхъ убійствъ въ обиду (ст. 18) и въ разбой (ст. 19 — вѣроятно на дорогахъ, изъ засады, а можетъ быть скопомъ, ст. 5 Кар. сп.). Статья говоритъ объ огнищанинѣ, а не вообще о татѣ, но это не доказываетъ порчи текста, какъ думаетъ Г. М. Барацъ, хотя мы согласны съ нимъ въ томъ, что это не сепаратный указъ по конкретному случаю: огнищанинъ фигурируетъ здѣсь потому, что вся вторая часть Правды направлена къ огражденію какъ княжихъ людей и имуществъ отъ стороннихъ лицъ, такъ и послѣднихъ отъ преступленій княжихъ мужей и низшихъ служащихъ. Статья какъ бы хочетъ подчеркнуть идею равенства предъ закономъ за преступленія людей всякаго чина, отъ низшаго до высшаго. Здѣсь, стало быть, господствуетъ та же точка зрѣнія, что и въ договорѣ, но нѣтъ собственно кары за самую кражу. Не дѣлается также никакихъ указаній на то, производится ли кража изъ-за ограды или въ открытомъ, ничѣмъ не огражденномъ мѣстѣ. Вопросъ долженъ быть оставленъ открытымъ, но нельзя считать простымъ случайнымъ умолча-

ніемъ отсутствіе указанія на то, требуется ли для безнаказанности умерщвленія вора какое либо сопротивленіе съ его стороны. Объ этомъ ничего не говоритъ и ст. 38 Акад. сп., которая носитъ на себѣ явные слѣды измѣненія и дополненія ст. 20. Здѣсь дѣло разсматривается подъ угломъ зрѣнія ночной кражи во дворѣ,—обстоятельство, которое, быть можетъ, предполагалось и въ ст. 20 (редакція коей можетъ считаться неполною и несовершенною, но не искаженною, какъ готовъ думать Г. М. Барацъ). Далѣе, тутъ нѣтъ того энергическаго, грубо-выразительнаго пренебреженія къ жизни вора, пойманнаго на мѣстѣ, которое проглядываетъ въ ст. 20: то убити во пса мѣсто. Выраженіе кажется ярко туземно-русскимъ; однако, можно указать параллель къ нему и въ византійской юридической письменности или въ памятникѣ славянскаго законодательства, сильно окрашенномъ въ византійскій цвѣтъ. Въ Законѣ Судномъ людемъ читается: иже съ мужатою женою обрѣтается, носа обѣима урѣзати и да тепется, аще ли самъ мужъ заступитъ *я*, да побыетъ *я* оба *и ако пса узрѣсти* [1]). Въ ст. 38 употребленъ уже оборотъ болѣе блѣдный: *то той убитъ*, но въ ст. 37 Кар. сп. старый образный оборотъ возстановленъ. Выраженіе ст. 38 Ак. сп. напоминаетъ правило XII таблицъ: si nox furtum faxit, si im (=eum) occisit, iure caesus esto. Цитируемъ по Römisches Strafrecht Th. Mommsen'a, изд. 1899 г., стр. 620, примѣч. 6. Въ Базиликахъ (кн. 60, тит. 39, гл. 15) читаемъ: τὸ κατὰ πόδας. Si, ut allegas, latrocinantem peremisti, dubium non est, eum, qui inferendae caedis voluntate praecesserat, iure caesum videri. Ср. ст. 24 Кар. сп.: то то ему за платежъ, оже и били. Въ законахъ Ману (переводъ С. Д. Эльмановича, Спб., 1913, 186) говорится: убіеніе человѣка, рѣшившагося на убійство публично или тайно, никогда не дѣлаетъ виновнымъ въ убійствѣ, въ этомъ случаѣ *бѣшенство нападаетъ на бѣшенство.*

Статьи Русской Правды обѣихъ редакцій, касающіяся убіенія вора на мѣстѣ, наглядно рисуютъ намъ настроеніе общества, вызванное запрещеніемъ мести: законъ оставляетъ только въ силѣ право необходимой обороны имущества, но не требуетъ со стороны вора нападенія на людей; все вниманіе сосредоточивается на томъ, убили ли вора до того, какъ его связали при свидѣтеляхъ, или послѣ. Замѣчательно, что, по полной Правдѣ (ст. 37 Кар.), убіеніе вора, уже связаннаго, влечетъ за собой *не виру*, а только *продажу* въ 12 гри-

[1]) Въ нѣкот. сп. читается: *у мерзости.*

венъ. У насъ нѣтъ соотвѣтственной статьи относительно умерщвленія убійцы во время погони за нимъ по свѣжимъ слѣдамъ, но, при видѣ ст. 37 Кар. сп., мы едва ли можемъ съ полною увѣренностью утверждать, что осуществленіе права обороны непосредственно послѣ совершенія убійства и поимки преступника каралось такъ же, какъ и убійство въ обиду. Дозволеніе убить вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, норма, по своему происхожденію, общая многимъ народамъ и, какъ таковая, и ст. 20 и 38 Ак. сп. не заимствованы, но условія примѣненія необходимой обороны и ея законныя ограниченія развивались видимо подъ перекрестнымъ вліяніемъ библейскихъ и византійскихъ источниковъ. Трудно сомнѣваться, что отмѣна мести [1]) послѣдовала при участіи и съ совѣта духовенства. Послѣднее могло предпочитать казнь публичную частной расправѣ (сообщеніе лѣтописи о совѣщаніи Владиміра Св. съ боярами и градскими старцами), оно могло настаивать и на ограниченіи права необходимой обороны, но сила привычки и народное правовоззрѣніе оказывали сопротивленіе, иначе не приходилось бы, въ продолженіе краткаго періода дѣйствія 2-й части Правды, двукратно регулировать институтъ необходимой обороны, а при составленіи полной редакціи ограничивать отвѣтственность за убійство связаннаго уже вора 12 гривнами продажи. Все это свидѣтельствуетъ, что Русская Правда развивалась самостоятельно, подъ вліяніемъ мѣстной дѣйствительной жизни, но это не исключаетъ воздѣйствія на нее элементовъ, стоящихъ надъ народною массою и руководящихся то своими классовыми интересами, то высшими идейными стремленіями, вытекавшими изъ разныхъ источниковъ. Библія и византійскіе источники всегда были предъ глазами князей и не могли оставаться безъ соображенія при совершенствованіи ими права.

Сопоставленіе ст. 6 договора съ древнѣйшею Правдою даетъ намъ косвенное средство возстановить въ умѣ состояніе вопроса о необходимой оборонѣ на Руси времени Олега. Условія, поставленныя договоромъ, представляютъ сочетаніе элементовъ русскихъ и византійскихъ: съ одной стороны, въ договорѣ нѣтъ указанія на то, что

---

[1]) Въ послѣднее время довольно распространено мнѣніе, что сообщеніе краткой Правды объ отложеніи убіенія за голову означаетъ отмѣну смертной казни. Но въ большемъ содержится и меньшее. Да и по существу трудно допустить, чтобы въ эпоху Ярослава месть не была законною, а съ другой стороны, чтобы послѣ продолжительнаго примѣненія смертной казни по суду, хотя бы при посредствѣ родственниковъ убитаго, законодательство перешло на систему денежныхъ выкуповъ.

имѣется въ виду кража ночная и внѣгородская; съ другой стороны, слово *приготовится* само способно было вызывать недоразумѣнія при примѣненіи договора: грекъ могъ съ полнымъ убѣжденіемъ настаивать на томъ, что воръ не былъ вооруженъ или не устраивалъ никакой засады, а русинъ могъ оправдываться своею договорною грамотою, гдѣ слово *приготовится* въ его пониманіи означало простое покушеніе: нельзя отрицать, что приготовится соотвѣтствуетъ и латинскому curare, tentare.

Замѣчательно, что какъ ст. 20 Ак. сп., такъ и ст. 6 договора 911 г. составлены обѣ подъ угломъ зрѣнія необходимой обороны, а не кражи: первая представляетъ собой явный контрастъ предшествующимъ ей статьямъ о наказуемомъ убійствѣ и совсѣмъ не содержитъ въ себѣ кары за кражу, вторая—хотя и касается также этой стороны, но только подъ конецъ. Эта преобладающая точка зрѣнія въ Правдѣ ослаблена въ позднѣйшей редакціи, гдѣ ст. 37 Кар. стоитъ между статьями о кражѣ, а въ договорѣ она сказалась напряженнымъ и многословнымъ выраженіемъ мысли какъ о необходимой оборонѣ, такъ и о наказаніи вора, отдающаго себя въ руки потерпѣвшаго. По существу, слѣдуя тому, что въ жизни чаще бываетъ, статья 6-я могла бы быть формулирована такъ: если воръ будетъ пойманъ тотчасъ при совершеніи кражи и отдастся въ руки потерпѣвшаго, то онъ обязанъ отдать то, что намѣренъ былъ похитить, и сверхъ того уплатить тройную цѣну его; если же задержанный станетъ сопротивляться (или ухищряться) и будетъ убитъ, то потерпѣвшій за это не отвѣчаетъ. Причиною этой нескладности въ построеніи статьи, повидимому, было то, что первоначально редакторъ хотѣлъ ограничиться узаконеніемъ необходимой обороны, безъ установленія наказанія за кражу, а засимъ присоединилъ постановленіе и объ этомъ предметѣ, связавъ его съ добровольнымъ предоставленіемъ себя потерпѣвшему.

Еще одна черта бросается въ глаза при чтеніи договора 911 г.: какъ въ статьѣ о кражѣ, такъ и о грабежѣ, болѣе обычныя и менѣе опасныя проявленія злой воли (простая кража безъ поличнаго и простое открытое похищеніе безъ насилія или скопища) обходятся молчаніемъ. Это едва ли можно приписать индивидуальнымъ особенностямъ правосозерцанія редактора: это скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этихъ статьяхъ нашло себѣ яркое освѣщеніе правило договора 907 г., согласно которому великій князь русскій долженъ былъ на строго наказывать своимъ людямъ, чтобы они не безчин-

ствовали въ „селѣхъ, ни въ странѣ“ греческой [1]). Болѣе слабыя формы злой воли въ посягательствахъ на имущество нашли себѣ мѣсто лишь въ договорѣ 945 г. Кара за кражу съ поличнымъ, захваченнымъ на мѣстѣ преступленія, назначена нѣсколько меньшая, чѣмъ по греко-римскому праву, карающему такое преступленіе вчетверо сверхъ возвращенія краденаго.

Вотъ главныя постановленія о кражѣ въ Базиликахъ, кн. 60, тит. 12, гл. 6, у Геймбаха V, 452.

Гл. 2. Gai. Furti duo sunt genera, manifestum et nec manifestum.

Гл. 3. Ulp. Manifestus fur est, qui cum re furtiva a quacunque persona deprehenditur.

Гл. 4. Paul. Priusquam rem pertulerit, quo destinaverat.

Гл. 5. Ulp. Eo die, sive in publico, sive in privato loco. Sed si pertulerit, quo destinavit, tametsi postea deprehendatur cum re, non est fur manifestus.

Гл. 6. Paul. Quamvis enim saepe contrectando furtum fiat, tamen ab initio fur manifestus censetur.

Кн. 60, тит. XII, гл. 44 (V, 508).

Furem nocturnum extra civitatem licet occidere, etiamsi miles sit: in civitate autem non licet occidere, si aliter effugere periculum occisor potuit. Diurnum vero non licet occidere, nisi telum ferat. Teli appellatione significantur omnia, quae nocent. In utroque autem id oportet cum clamore testificari. Fures nocturni gravius coercentur usque ad damnationem in opus publicum ad tempus. Idem et in furibus balneariis. Sed si fures vel effractores, vel iis similes telo se defendant, etsi neminem percusserint, humiles in metallum damnantur, honestiores relegantur. Qui autem interdiu furtum facit, si manifestus fur est, in quadruplum tenetur: si nec manifestus, in duplum. Et impune occidit quis qualemcunque ferrum ferentem. Et qui furem occidit, dum timet sibi, non punitur, nisi cum posset eum retinere, occidit. Hic enim lege de sicariis tenetur.

Послѣдняя статья по своей структурѣ напоминаетъ нѣсколько ст. 5 договора 911 г. въ томъ отношеніи, что сперва говорится: si aliter effugere periculum occisor potuit, а въ концѣ та же идея выражена въ другомъ фактическомъ составѣ. Кромѣ того, остается неяснымъ, требовалось ли активное нападеніе и со стороны вора воору-

[1]) Ср. также ст. 2 договора 911 г. о недопущеніи никакого „соблазна или вины“.

женнаго. Неудовлетворительный способъ изложенія зависѣлъ отъ разновременныхъ источниковъ, которые надлежало соединить при кодификаціи.

Ст. 7.

О покушеніи на грабежъ и о насильственномъ похищеніи.

Аще ли кто, или Русинъ Хрѣстьяну или Хр(е)стьянъ Русину, мученія образомъ искусъ творити и насилье явѣ, или възмет(ь) что любо дружинне, да въспятить троичь.

Статья эта считается текстуально очень испорченною и по существу невразумительною (см. Г. М. Барацъ въ цитируемомъ трудѣ, стр. 118). Съ своей стороны, мы находимъ, что текстъ самъ по себѣ очень мало пострадалъ, а вся трудность объясненія статьи кроется въ многозначимости употребленныхъ въ ней словъ, что открываетъ просторъ для разнообразныхъ догадокъ. Подъ одни и тѣ же славянскія реченія *мученіе, образъ, искусъ* можно почти съ одинаковымъ основаніемъ подводить различныя греческія слова, соотвѣтственно чему измѣняется смыслъ предложенія въ разныхъ направленіяхъ. Поэтому для возможно правильнаго объясненія статьи, необходимо ближе держаться тѣхъ юридическихъ образовъ, которые, безъ сомнѣнія, носились передъ глазами редактора, и не упускать изъ виду основной мысли статьи и ея крайнихъ предѣловъ. Будемъ останавливаться поочередно на вопросахъ текстуальныхъ и словарныхъ, повѣряя ихъ соображеніями бытовыми, юридико-логическими и византійскими источниками права.

Въ Радзивилловскомъ сп. начало статьи читается такъ: *аще кто отъ Хрестьянъ или отъ Руси.* Чтеніе само по себѣ возможное и даже болѣе простое, нежели предстоящее Ип. сп., но именно потому наличное чтеніе древнѣйшаго списка должно быть предпочитаемо, и вообще разность чтеній здѣсь нисколько не мѣняетъ юридическаго смысла положенія. Какъ уже замѣчено было при разсмотрѣніи текста предыдущей статьи, въ Новгород. IѴ лѣт. настоящая статья начинается словами: *творить ли...*, но сохранено и дальнѣйшее *творити.* Вообще, можно сказать, что какъ въ другихъ мѣстахъ, и здѣсь параллельно дѣйствуютъ двѣ причины, затрудняющія пониманіе текста: невразумительность переписываемаго для писцовъ и стремленіе болѣе сознательныхъ читателей слегка приспособить текстъ къ языку даннаго времени и требованію смысла по ихъ крайнему разумѣнію.

Мученія образомъ искусъ творити и насилье явѣ. Здѣсь возникаютъ такіе вопросы: 1) что значитъ *мученія* и вѣрно ли это чтеніе? 2) что значитъ здѣсь *образомъ,—посредствомъ, способомъ* или *съ цѣлью, для?* 3) нужно ли соединять слова *творити искусъ образомъ мученія* или *творити* мученія образомъ искусъ (род. мн. чис.)? 4) нужно ли читать: *и* или *или насилье явѣ* или еще *насильемъ явѣ*, какъ значится въ нѣкоторыхъ спискахъ? 5) Значитъ ли *вспятить троичь*—воздать тройную цѣну вещи и возвратить ее самоё или включая уже похищенное?

Вмѣсто *мученія образомъ* въ Троицкомъ сп. читалось: *мечьтая образомъ*, что даетъ представленіе о чемъ-то мнимомъ или о какомъ-то притворномъ дѣйствіи въ видѣ обыска или сыска (искусъ), но и грамматически это сочетаніе не отличается безукоризненностью, а реально должно сомнѣваться, чтобы въ статьѣ, трактующей о явномъ насиліи и грабежѣ, была предусмотрѣна такая рѣдкая случайность, что грабители принимаютъ на себя личину сыщиковъ или производителей слѣдственныхъ дѣйствій. Этотъ варіантъ наводитъ на мысль, что въ подлинникѣ стояло слово, близкое къ *мученія*, внушавшее переписчику сомнѣніе въ подлинности или въ его значеніи.

Обыкновенный смыслъ словъ *посредствомъ мучительства, надругательства* или *истязанія* или *мучительски* на первый взглядъ болѣе удовлетворителенъ: рисуется картина нападенія грабителей, дѣйствующихъ при помощи пытокъ (tormenta).

Противъ этого чтенія говоритъ одно существенное соображеніе: когда наносится только имущественный вредъ съ цѣлью нанести потерпѣвшему и личную обиду, то и тогда назначается двойное наказаніе (Базилики кн. 60, тит. 3, гл. 5, схол. 4 и 5, у Геймбаха V, 265). И въ позднѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напр. въ Псковской Судной Грамотѣ, въ подобныхъ случаяхъ встрѣчаемъ терминъ *бой и грабежъ*.

А. А. Шахматовъ предлагаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли читать *мьщения* образомъ. На дѣлѣ такіе случаи, конечно, бывали. Въ „Книгахъ Законныхъ“ изд. А. С. Павлова стр. 56 находимъ постановленіе о бросаніи огня въ чужое гумно „мьщая вражбоу“. Но слово *мученіе* и само по себѣ употребляется въ значеніи наказанія и *мести* (ἄμυνα и ἀμύνειν).

Замѣна *мученія* словомъ *мечьтая*, конечно, могла произойти безсознательно, но допустимо, что вмѣсто *мученія* стояло другое похожее по начертанію слово, напр. *мущенія* (ταραχή, turba). Правда, такого

именно слова не находимъ въ словаряхъ, но *мущенъ* (отъ *мут*, мутить) есть въ „Матеріалахъ“ И. И. Срезневскаго, только съ неяснымъ значеніемъ въ приводимой цитатѣ изъ Шестоднева Іоанна Экзарха (т. II, столб. 178 и 197). Указывая на возможность описки, мы, однако, не настаиваемъ на этомъ предположеніи и считаемъ необходимымъ указать на возможное особое значеніе *мученія*.

М. С. Грушевскій въ своей *Історіи України—Руси* (т. III, изд. 1900 г., во Львовѣ, стр. 282 и прим. 2 къ ней, помѣщенное на стр. 601, и 283) сближаетъ глаголъ *умучить* въ ст. 31 и 32 Ак. сп., ст. 89 Кар. сп. Рус. Правды, съ § 4 договора Новгорода съ нѣмцами (оже мужа свяжуть безъ вины) и объясняетъ это слово чрезъ *самовольный ничѣмъ неоправдываемый арестъ и всякое насильство*. Близкое къ этому значеніе усматривалъ въ мученіи датскій переводчикъ Смитъ въ своемъ переводѣ Nestors *Russiske Kronik* (Копенгагенъ 1869 г., стр. 38 — *принудительно* [1]). Эти объясненія могутъ быть подкрѣпляемы параллелями изъ византійскихъ источниковъ права, гдѣ βία пополняется понятіями αὐτοβούλως (самовольно), δυναστεία, самоуправство, и *αὐθεντία*. Въ Synopsis Minor (Ius Graeco-Romanum, ч. 2, стр. 18) читаемъ: ὅταν δὲ πάλιν τὸ ἀλλότριον πρᾶγμα κακῇ πίστει νέμηταί τις, ἤγουν ἀφελόμενος βίᾳ ἢ δυναστείᾳ χρησάμενος, когда же опять кто-нибудь владѣетъ чужою вещью недобросовѣстно, пограбивъ силою или употребивъ самоуправство. Другой примѣръ беремъ изъ 40 тит., гл. 9 Эпанагоги: ὁ τὸν προσφεύγοντα... ἰδίᾳ χρώμενος αὐθεντίᾳ ἀποστάσας, кто бѣглеца исторгнетъ (изъ церкви), пользуясь самоволіемъ или самовластіемъ. Синонимомъ этихъ выраженій является ἀνάρχως, безчинно, не имѣя законной власти. Обратимъ еще вниманіе на *αἰκία* и αἴκισμα, означающія какъ *мученіе*, такъ и *побои* или вообще *оскорбленіе, особенно дѣйствіемъ*. Переводчикъ какъ будто взялъ первое значеніе словъ, тогда какъ по смыслу и для ясности выраженія слѣдовало употребить одно изъ послѣдующихъ значеній.

Образъ можетъ означать *орудіе* (ὄργανον), способъ (τρόπος), *причина и цѣль, предлогъ* (πρόφασις), даже право (τύπος), напр. образъ господскій. Разъ мы объяснили *мученіе* въ смыслѣ самовластія, беззаконія, побоевъ, то *образъ* само собою получаетъ значеніе способа дѣйствія, а засимъ юридически уже безразлично, будемъ ли мы ставить мученія въ зависимость отъ глагола *творить*, при чемъ *образомъ*

---

[1]) Переводомъ этой статьи и другихъ мѣстъ изъ названнаго труда мы обязаны А. В. Ганзенъ.

будетъ опредѣляться формою род. пад. мн. числа *искусъ* или, какъ общепринято, *образомъ*·будетъ опредѣляться родит. един. числа *мученія. Образомъ мученія* равносильно *мученіемъ* или *мучительски*, вѣрнѣе *посредствомъ побоевъ* или *оскорбленія дѣйствіемъ*.

Искусъ. При этомъ словѣ прежде всего приходитъ на умъ *искушеніе, испытаніе, страданіе* (см. это слово въ „Матеріалахъ" И. И. Срезневскаго). Въ ст. 12 договора 911 г. *искушеніе*, несомнѣнно, значитъ *обыскъ*. Отсюда недалекій переходъ и къ сыску (quaestio, κουεστίον), которое въ Базиликахъ (кн. 60, тит. 21, гл. 14, у Геймбаха V, 630) опредѣляется такъ: adhibere tormenta et dolorem ad eruendam veritatem. Тутъ мы опять встрѣчаемся съ самымъ обыденнымъ значеніемъ *мученія*, которое, однако, нами уже отвергнуто. Засимъ, обращаемся къ Евангелію, гдѣ *искушеніе* объясняется въ варіантахъ черезъ *напасть*, а *искусятъ—уничижатъ, похулятъ* (см. Евангеліе отъ Марка въ *Древнеславянскомъ Евангеліи*, трудѣ проф. Воскресенскаго, Сергіевъ Посадъ, 1894 г., стр. 252). Въ сокращенной Синтагмѣ Матвѣя Властаря (приложеніе къ книгѣ проф. Флоринскаго „Памятники законодательной дѣятельности Душана", стр. 100 и 101) находимъ выраженія: иже въ искусѣ неизъчьтенныих моукь пожьршіих, или по искусѣ моук одолѣти болѣзнемъ не взмогшіимъ. По общей идеѣ статьи, *напасть*, нападеніе легко допустимы.

Но всего вѣрнѣе кажется сближать глаголъ *искушать* съ греч. πειράζειν и δοκιμάζειν, что, между прочимъ, значитъ *пытаться, покушаться*.

Въ Эклогѣ (тит. 1, гл. 2, въ Collectio Zachariae, стр. 141): εἰ δὲ τὸ μέρος τῆς κόρης δοκιμάζει (хочетъ, пытается), и далѣе (тит. 17, гл. 5), (стр. 44): εἰ δέ τις δοκιμάσει χειρὶ ἀπὸ ἐκκλησίας πρόσφυγον ἐπάραι, если же кто покусится силою (рукою) исторгнуть бѣглеца изъ церкви. Сопоставимъ съ этимъ выраженіе ст. 5 Игорева договора: *покусится взяти что*, и тогда мы еще болѣе склонимся къ догадкѣ о греческомъ словѣ, которое передано славянскимъ переводчикомъ чрезъ *искусъ творити*. Впрочемъ, и πειράω употребляется въ значеніи *покушаться* или *осмѣливаться, дерзать*. Такъ, въ Эпанагогѣ (тит. 17, гл. 64, въ Collectio Цахаріэ—стр. 214) ὁ δύο γυναῖκας ἔχειν πειραθεῖς, что̀ буквально значитъ *покусится* имѣть двухъ женъ, а на дѣлѣ—кто *дерзнетъ* это сдѣлать (въ гл. 63 ὁ τοῦτο τολμῶν ποιεῖν).

Творити и насилье явѣ. А. А. Шахматовъ предлагаетъ читать *сътворить*—для согласованія съ слѣдующимъ *возметъ*; но дѣло, повидимому, въ томъ, что редакторъ въ началѣ статьи представляетъ себѣ дѣйствіе *совершающимся*, еще незаконченнымъ и могущимъ про-

должаться и потому написалъ *творить*, за которымъ слѣдуетъ союзъ *и*, а въ виду мягкаго окончанія глагола, союзъ слился съ окончаніемъ (творить) въ одно *творити* и засимъ дальнѣйшіе переписчики, принимая *творити* за форму неопредѣленнаго наклоненія, приставили еще разъ *и* въ качествѣ соединительной частицы. *И*, греческое καὶ, можетъ означать какъ соединеніе, такъ и раздѣленіе (или). Другими словами, имѣется ли тутъ въ виду совмѣстное совершеніе покушенія и явнаго насилія или совершеніе каждаго изъ нихъ порознь? Послѣднее, взятое отдѣльно отъ покушенія, даетъ особое преступленіе личнаго характера, о чемъ въ статьѣ нѣтъ рѣчи. Поэтому приходится смотрѣть на выраженіе *мученія образомъ искусъ творити и насилье явѣ*, какъ на изображеніе слитнаго дѣйствія, ведущаго къ одной цѣли. Такимъ образомъ мы принимаемъ *и* за союзъ соединительный.

Что касается того, не нужно ли читать вмѣсто *насилье явѣ*—*насильемъ явѣ*, то съ юридической стороны это безразлично. Въ обоихъ сочетаніяхъ чувствуется описательный характеръ, придающій понятію два признака для большей полноты. Въ самомъ дѣлѣ, скажемъ ли мы творить покушеніе самовластно и съ явнымъ насиліемъ, или посредствомъ самовластія или побоевъ творить покушеніе и явное насиліе, юридическій смыслъ получается одинъ и тотъ же. Припомнимъ соединенія βία и δυναστεία или αὐθεντία, и мы поймемъ, что предъ нами извѣстный техническій складъ рѣчи.

Насилье явѣ—βία φανερά, vis evidens, manifesta, а можетъ быть и manifeste. Одно время мы думали, что это переводъ βία δημοσία, vis publica, но по римско-византійскимъ понятіямъ, этотъ терминъ предполагаетъ покушеніе съ оружіемъ или орудіемъ, что здѣсь едва ли преслѣдовалось. Это преступленіе каралось вѣчною ссылкою въ рудники.

Вспятить троичь. Такія выраженія считались и у византійскихъ практиковъ неопредѣленными, и потому когда говорилось отдать что-нибудь вдвойнѣ, то нерѣдко прибавлялось τὸ αὐτὸ καὶ ἕτερον τοσοῦτον, то самое (истое) и еще столько же. Поэтому и мы можемъ колебаться: если считаться съ правомъ византійскимъ, то за грабежъ существовали въ разное время различныя взысканія, но когда грабежъ уравнивался въ наказаніи съ явною кражею, то въ четверное взысканіе входило и само похищенное имущество или цѣна его. Скорѣе надо принять послѣднее объясненіе.

Или возъметь что любо дружинне. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается: *и насильемъ явѣ возъметь что любо*, т. е. пропускается

или предъ *возьметъ* и получается одно еще болѣе сложное явленіе, именно: если кто самовластно сдѣлаетъ покушеніе и явнымъ насиліемъ возьметъ что-нибудь. Отрицать принципіально такое чтеніе нельзя, такъ какъ и въ византійскихъ источникахъ встрѣчается сопоставленіе βία и αὐθεντία или δυαστεία, какъ соединеніе способовъ совершенія грабежа, но сліяніе покушенія и совершенія не для уравненія ихъ по санкціи, а для простого ненужнаго нагроможденія словъ, мало вѣроятно и потому слѣдуетъ предпочитать наличное чтеніе Ипатскаго списка [1]).

Спрашивается: что значитъ *дружинне*? Въ другихъ спискахъ читается *дружне*. За первое чтеніе говоритъ большая древность Ип. списка и то, что по существу греко-римское право выдѣляетъ грабежъ, производимый при помощи другихъ созванныхъ людей или въ смутѣ (in turba), предполагающей стеченіе 10—15 человѣкъ. Въ словарномъ отношеніи можно было бы принять *дружинне* (нарѣчіе отъ *дружинный*) за замѣну греческаго дательнаго падежа ἑταιρίᾳ (Н. А. Лавровскій). Кромѣ того, *дружне* въ значеніи *чужое* здѣсь какъ будто излишне: вѣдь уже прежде говорится о покушеніи противъ кого-нибудь, значитъ исключается возможность явнаго похищенія собственнаго имущества (напр. состоящаго въ залогѣ). Противъ *дружинне* говорятъ такія соображенія: разъ сначала говорится о покушеніи путемъ насилія, то странно къ нему прибавить окончательное похищеніе не тѣмъ же способомъ, а уже другимъ (скопищемъ). Далѣе, если бы рѣчь шла о многихъ участникахъ, то и наказаніе было бы, вѣроятно, опредѣлено многократное, т. е. для каждаго изъ бывшихъ въ скопищѣ. Поэтому, послѣ долгихъ колебаній мы остановились на чтеніи *дружне* или *дружие*.

И. И. Срезневскій, а еще ранѣе мы сами [2]) объясняли *дружинне* въ смыслѣ *принадлежащаго дружинникамъ*; но теперь мы отказываемся отъ этого объясненія, такъ какъ оно предполагало бы, что похищеніе не у дружинника не привлекало на себя вниманія договаривающихся, для чего нѣтъ достаточнаго основанія.

---

[1]) Смитъ въ своемъ датскомъ переводѣ располагаетъ слова такъ: или силою открыто возьметъ. Отвлеченно разсуждая, такая мысль можетъ быть принята и въ литературномъ отношеніи выходитъ глаже; но, принимая во вниманіе относительную древность Ип. сп. и юридическую допустимость наличнаго сочетанія словъ, остаемся при чтеніи этого списка.

[2]) Въ статьѣ нашей „Система преступленій и наказаній“, помѣщенной въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* за 1875 г.

Въ итогѣ всѣхъ этихъ дробныхъ разысканій и соображеній статья получаетъ такой наиболѣе вѣроятный смыслъ: если кто, будь-то Русинъ у Грека или Грекъ у Русина, самовластно (или *посредствомъ побоевъ*) сдѣлаетъ покушеніе (на грабежъ) и явное насиліе или возьметъ что нибудь чужое, да заплатитъ втройнѣ. Каждое изъ прочихъ мнѣній, высказывавшихся разновременно, имѣетъ также за себя то или иное основаніе, но совокупное обсужденіе данныхъ лингвистическихъ, логическихъ и византійско-правовыхъ побуждаетъ насъ остановиться на предложенномъ объясненіи. Во всякомъ случаѣ, послѣ сказаннаго врядъ ли кто признаетъ разсматриваемую статью лишенною здраваго смысла и донельзя испорченною переписчикомъ: всѣ текстуальныя затрудненія не препятствовали бы установленію истиннаго юридическаго смысла статьи, если бы только редакторъ перевода употребилъ болѣе точныя выраженія, не допускающія различнаго пониманія.

Обращаемся къ сравненію нашей нормы съ древнѣйшею Русскою Правдою. Здѣсь мы находимъ знаменитую 11 статью Ак. сп. (= 28 Кар. сп.), которой одни приписывали варяжское, другіе—византійское происхожденіе. Точнаго первообраза въ туземно-византійскомъ общенародномъ законодательствѣ мы не находимъ. Считать это постановленіе продуктомъ обычнаго народнаго воззрѣнія также трудно: какъ-то не вѣрится, чтобы самовольное пользованіе конемъ для одной поѣздки на всемъ протяженіи Кіевской Руси разсматривалось, какъ *тайное* окончательное или *явное* грабительское похищеніе чужого имущества. Во многихъ мѣстностяхъ это нарушеніе чужого права скорѣе всего оцѣнивалось, какъ самостоятельное, и влекло за собою иное наказаніе, напримѣръ, личную расправу съ самовольцемъ, какъ за дерзость. Поэтому мы должны настоять на томъ, что эта норма княжескаго, законодательнаго, а не обычно-народнаго происхожденія, а по внѣшнему выраженію она находитъ себѣ аналогичныя въ германскихъ памятникахъ. Подтвердимъ нашу мысль косвеннымъ соображеніемъ, заимствуемымъ изъ Закона Земледѣльческаго (ст. 34 по изданію А. С. Павлова, въ „Книгахъ Законныхъ“, стр. 50): аще кто вола, или осла, или какоую иноую животиноу, по невѣданью осподаря его, възметь кто, и поидеть в'торгов'лю или на иное кое дѣло, да подасть в'двое мьздоу его; аще ли же оумреть на поути, дастъ двое мѣсто единаго, еже аще боудеть. Смыслъ статьи, по нашему убѣжденію, таковъ: за самовольное пользованіе животнымъ, безъ согласія хозяина, при томъ для корыстныхъ

или иныхъ личныхъ цѣлей, виновный уплачиваетъ двойную наемную плату, а въ случаѣ гибели животнаго возвращаются два животныхъ того же вида. Если это постановленіе представляетъ собою примѣненіе началъ греко-римскихъ къ мѣстнымъ условіямъ, вѣроятно, славянскихъ обывателей Византіи, то мы тѣмъ болѣе имѣемъ основаніе сомнѣваться въ чисто славянскомъ происхожденіи ст. 11 Ак. сп., не упоминающей даже о какой либо хозяйственной цѣли поѣздки на чужомъ конѣ.

Но законодательное значеніе нормы явно сближаетъ случай съ открытымъ самовольнымъ пользованіемъ и даже окончательнымъ похищеніемъ коня, потому что нѣтъ основанія полагать, что грабежъ карался строже кражи. И такъ, по положительному праву, разсматриваемый казусъ бросаетъ свѣтъ на пониманіе грабежа. Русская Правда смотритъ на дѣло, какъ на обиду, а Литовскій Статутъ какъ на *рану*.

Кн. 60 тит. 17 Базиликъ озаглавленъ: de bonis vi raptis, et de turba, et de vi armata, а гл. 2 этого титула гласитъ: Si cuius dolo hominibus coactis *damnum* vel rapina fiat, actio datur in eum, qui fecerit (у Геймбаха V, 561). Итакъ, умышленный вредъ ставится рядомъ съ грабежомъ. Эта точка зрѣнія также не далеко отстоитъ отъ характеристики послѣдующихъ постановленій русскаго права о находѣ и наѣздѣ, встрѣчающихся въ Лит. Статутѣ и Соборномъ Уложеніи. Если обратимся къ Русской Правдѣ древнѣйшей редакціи, то во второй ея части (ст. 30, 33 Ак. сп.; 83 и 84 Кар. сп.) найдемъ также статьи о порчѣ имущества, преимущественно въ связи съ намѣреніемъ присвоить земельный участокъ, напр., нарушеніе знаменъ на дубѣ межномъ, или борти. Это обстоятельство само по себѣ не оправдываетъ, конечно, разсмотрѣнія положеній древнѣйшей Правды въ связи съ статьею 7 нашего договора, но мы хотимъ воспользоваться случаемъ высказать свой взглядъ на текстъ, содержаніе и происхожденіе ст. 17 Ак. сп., трактующей о поврежденіи движимаго имущества съ вообще несвойственной Правдѣ гражданско-правовой точки зрѣнія.

Статья читается такъ: А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его держати оу себе, то пріати скота у него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ боудеть на немъ. Профессоръ Гётцъ понимаетъ эту статью въ томъ смыслѣ, что право оставить вещь поврежденную у собственника или уплатить за нее деньги по ея прежней стоимости въ неповрежденномъ состояніи предоставляется лицу,

причинившему вредъ. Съ внѣшней словесной точки зрѣнія, такое пониманіе можетъ быть оправдываемо, но съ юридической и общелогической оно рѣшительно недопустимо. Это значило бы перенести право распоряженія имуществомъ съ собственника на правонарушителя, т. е. установить нѣчто, глубоко противорѣчащее какъ грекоримскому, такъ и древне-русскому и нашему современному правовому чувству. Съ современной точки зрѣнія, собственникъ въ правѣ требовать отъ вредителя вознагражденія за вредъ, а если вещь не можетъ уже удовлетворять своему назначенію, то первый можетъ отказаться отъ нея, какъ если бы она была истреблена или совсѣмъ уничтожена. Съ римско-византійской точки зрѣнія, повредившій вещь долженъ вознаградить собственника, насколько вещь потерпѣла въ своей высшей стоимости (Базил. кн. 60, тит. 3, гл. 27, у Геймбаха V, 290) за тридцать дней до порчи, при чемъ вознагражденіе является единичнымъ, если отвѣтчикъ не оспариваетъ иска, и двойнымъ въ случаѣ отрицанія. Разумѣется, если бы вещь пришла въ негодность, то собственникъ въ правѣ требовать полнаго высшаго вознагражденія.

Обратимся теперь къ тексту разбираемой статьи. Прежде всего бросается въ глаза, что статья распадается на двѣ части, изъ коихъ вторая должна быть начата со словъ *аще ли*, а не *а иже будетъ изломилъ*. Съ одной стороны, это было бы простымъ повтореніемъ начала статьи; съ другой, если и допустить, что редакторъ повторилъ въ началѣ второй части то же предположеніе, то никоимъ образомъ онъ не употребилъ бы въ добавочномъ новомъ условіи (прикидываніе вещи, отказъ отъ нея) такой противительной частицы, какъ *аще ли*. Остановившись же на этомъ соображеніи, мы сразу чувствуемъ, какому измѣненію подвергся первоначальный текстъ статьи подъ перомъ переписчика. Въ первой части возмѣщается деньгами разность въ цѣнѣ между цѣлою и поврежденною вещью. Такъ необходимо понимать *пріяти скота*, иначе между 1-ю и 2-ю половиною нѣтъ никакой юридической разницы. Посему вмѣсто *а иже* надо читать *за то*, *иже* или еще проще: выпустить *а* и оставить одно *иже* и пр. Засимъ вторая часть получаетъ такой видъ: если же (собственникъ) станетъ прикидывать вещь отвѣтчику, то послѣдній обязанъ возвратить ему ту цѣну, которую тотъ уплатилъ при покупкѣ ея, т. е. какъ за новую, хотя бы она была уже подержанною, а не такъ, какъ понимаетъ проф. Гётцъ, что отвѣтчикъ долженъ уплатить столько, сколько она стоила до поломки. Логика и незначительная порча текста, намъ кажется, говорятъ сами за нашу конъектуру. То об-

стоятельство, что въ предложеніяхъ, слѣдующихъ за означеніемъ поломки, нѣтъ ясно выраженнаго подлежащаго, не должно вводить опытнаго читателя въ заблужденіе, по внутреннему смыслу. Въ греческомъ и славянскомъ построеніи предложеній нерѣдки такіе обороты, при которыхъ мы желали бы видѣть болѣе ясное обозначеніе подлежащаго, но древніе читатели привыкли къ такой недоговоренности и считались съ требованіями логики.

За то мы вполнѣ согласны съ проф. Гётцомъ въ томъ, что вся структура и концепція ст. 17 Ак. сп. не можетъ принадлежать редактору древнѣйшей Правды: она слишкомъ сложна и развита, чтобы считать ее произведеніемъ того же лица, которымъ составлены первыя 16 статей. Проф. Гётцъ, вслѣдъ за другими, сближаетъ нашу статью съ соотвѣтствующимъ постановленіемъ Закона Суднаго, также текстуально поврежденнымъ. Проф. Гётцъ приводитъ текстъ, помѣщенный въ VI томѣ Полнаго Собранія Рус. Лѣтописей. *О оружіи.* Иже изломитъ другу копье, или щитъ, или *топоръ* (проф. Гётцъ предлагаетъ замѣнить *топоръ—портомъ*, руководствуясь нашею статьею, но при заглавіи *объ оружіи топоръ* болѣе подходитъ, тѣмъ болѣе, что по греко-римскому праву понятіе *оружія* охватывало все, чѣмъ можно вредить, не исключая жердей, сосудовъ, палокъ), да аще у себе начнетъ хотѣти держати, то пріяти *ино что* у него; аще ли инѣмъ чимъ ему заплатить предъ чадью, иже начнеть вѣдати, колко будеть далъ на немъ (Das Russische Recht, т. I, стр. 249). Здѣсь текстъ болѣе оправдываетъ предоставленіе отвѣтчику права удержать вещь у себя, другая часть альтернативы (приметать вещь хозяину) здѣсь совсѣмъ не взята во вниманіе; но и здѣсь прежде всего текстъ самъ собою, по связи мыслей, напрашивается на измѣненіе, а засимъ содержаніе положенія, съ точки зрѣнія цивильно-политической, далеко ниже статьи Русской Правды. Сущность положенія Зак. Суднаго заключается въ томъ, что повредившій чужое оружіе или орудіе долженъ дать вмѣсто него что нибудь другое (понятно равноцѣнное); если же ему *нечѣмъ будетъ замѣнить,* то долженъ *заплатить* (очевидно деньгами) при людяхъ, которые знаютъ, сколько собственникъ далъ за вещь (при покупкѣ). Уловивъ общій смыслъ статьи, намъ уже не трудно будетъ исправить и знаки препинанія и внести въ текстъ небольшое дополненіе, вытекающее изъ взаимной зависимости частей. Предлагаемъ такое чтеніе второй части: аще ли инѣмъ чимъ ему (*вѣдати не мощи* или *не будеть, то*) заплатить предъ чадью, иже начнеть вѣдати...

Любопытно, что въ Мусино-Пушкинскомъ спискѣ Русской Правды (по изданію текста В. И. Сергѣевича, принятому въ руководство и проф. Гётцомъ, т. I, стр. 62, ст. 156) казусъ упрощенъ: сохранена только первая часть альтернативы: да аще у себе начнеть держати, то пріяти скота у него. Спрашивается: что же будетъ, если онъ (по предположенію г. Гётца *отвѣтчикъ*) не захочетъ держать вещь у себя? Очевидно, что и тогда нужно вознаградить потерпѣвшаго, только, разумѣется, въ меньшемъ размѣрѣ; но позднѣйшій редакторъ не считалъ вовсе нужнымъ задаться такимъ вопросомъ.

Возникаетъ вопросъ: откуда взяты статьи какъ Зак. Суднаго *о оружіи*, такъ и ст. 17 Ак. сп.? Указать на какой-нибудь прямой византійскій источникъ этихъ правоположеній нельзя, и проф. Гётцъ правъ, отрицая прямое вліяніе византійскихъ кодексовъ на древнѣйшую Русскую Правду; но въ общемъ онъ склоненъ допустить, что редакторы разсматриваемыхъ статей пользовались византійскими источниками, какъ пособіемъ. Съ своей стороны, мы допускаемъ только, что у редактора древнѣйшей Правды былъ подъ рукою Законъ Судный, но онъ отнесся къ вопросу самостоятельно и разрѣшилъ его несравненно удачнѣе. Онъ совсѣмъ исключилъ возможность замѣны одной вещи другою, которая, при практическомъ осуществленіи, возбуждаетъ гораздо больше сомнѣній въ равноцѣнности, чѣмъ при денежномъ удовлетвореніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, редакторъ далъ прямой отвѣтъ на вопросъ, какую сумму долженъ уплатить отвѣтчикъ за всю вещь. Вмѣсто византійскаго начала, повелѣвавшаго возмѣстить интересъ по высшей стоимости вещи за послѣдній мѣсяцъ или годъ до поврежденія, онъ возвращаетъ тяжущихся къ моменту ея покупки (а не къ рыночной стоимости ея предъ самымъ поврежденіемъ, какъ предполагаетъ проф. Гётцъ, см. стр. 11, гдѣ послѣдняя часть ст. 25 по списку Археографической Комиссіи переводится: so muss er mit Geld so viel bezahlen, als er für es gegeben haben würde). Правильность нашего толкованія подкрѣпляется особенно статьею Закона Суднаго, повелѣвающаго, чтобы виновный заплатилъ потерпѣвшему передъ людьми (чадью), которые знали, сколько послѣдній далъ за нее. Очевидно, никто не можетъ свидѣтельствовать о томъ, сколько далъ бы за подержанную вещь ея собственникъ, если бы ему предстояло пріобрѣсти ее въ такомъ подержанномъ видѣ. Иное дѣло, если бы приглашали людей не въ качествѣ свидѣтелей, а свѣдущихъ лицъ [1]).

---

[1]) Для подкрѣпленія нашего толкованія ст. 17 Ак. сп. обращаемся опять къ

Однимъ словомъ, русскій юристъ, разрѣшившій вопросъ въ такомъ видѣ, обнаружилъ высшій уровень развитія, чѣмъ редакторъ Закона Суднаго. Что же касается того, что онъ удовольствовался однимъ возмѣщеніемъ убытка безъ прибавленія какихъ либо пеней, то это можетъ быть объясняемо тѣмъ, что виновный предполагается признавшимся и что поврежденіе было результатомъ не злого умысла (пакости или злобы, въ обиду), а недосмотра или случайности. Если это наше объясненіе вѣрно и если при томъ допустить, что этотъ казусъ восходилъ на разрѣшеніе Ярослава Мудраго или другого судьи послѣ того, какъ первыя 16 статей Правды были уже въ силѣ, то это служитъ хорошимъ свидѣтельствомъ того, что и тогда уже отчетливо различали простое упущеніе отъ злого умысла. Буквальный смыслъ ничего не говоритъ о договорныхъ отношеніяхъ между собственникомъ и повредившимъ вещь, но возможно, что фактически разрѣшался споръ между собственникомъ и пользователемъ, получившимъ вещь изъ рукъ перваго по соглашенію возмездному или безвозмездному. При такомъ представленіи была бы еще понятнѣе чисто цивильная трактовка случая.

Съ догматической точки зрѣнія, отношеніе 7 статьи договора къ современному ей византійскому праву опредѣляется очень просто. Стоитъ только привести правило Зак. Град. (Прохиронъ тит. 39, гл. 49): аще кто до судьина осуждения отъиметъ вещь какову любо,

---

косвенному освѣщенію вопроса при посредствѣ Закона Земледѣльческаго. Ст. 46 (стр. 53 „Книгъ Законныхъ") гласитъ: аще кто обрящеть вола, пакость творяща, и не предасть его осподарю его, яко пакости своея хотя искати на нем, но оуши оурѣжеть емоу или ослепить, или хвостъ оурѣжеть, *не пріиметъ его осподаръ его*, но инъ въмѣсто того. Или вотъ ст. 20 (тамъ же, стр. 46): аще земледѣлець храмы поставит или виноградъ, или садъ насадит на пустои чюжеи земли и по лѣтѣ пріде*т* осподарь земли, да не имѣеть области храмы рушати или виноградъ и садъ раскопати, но пріиметь мѣсто противъ мѣста, *яковоже въсхочетъ*; аще ли же не въсхочеть иже на чужой земли сѣдый дати мѣсто противъ мѣста, да имѣеть область осподарь мѣста того виноградь и садъ раскопати и храмы рушати. Здѣсь истцу принадлежитъ право выбрать себѣ какое мѣсто захочетъ взамѣнъ занятаго постройкою, а въ случаѣ нежеланія того дать такой участокъ земли, собственникъ можетъ уничтожить постройки и посадку. Норма старается согласить хозяйственные интересы съ требованіями права: во имя первыхъ (застройка или воздѣлываніе участка) предоставляется фактическому владѣльцу право сохранить за собою плоды его труда, затраченнаго на пустовавшій (лежавшій втунѣ) участокъ; во имя же права, настоящій собственникъ можетъ требовать себѣ лучшій участокъ, какой только есть у нарушителя его права. Если же послѣдній уклоняется отъ этого, то первый получаетъ право уничтожить постройки и посаженный садъ.

или товаръ (въ греческомъ текстѣ нѣтъ словъ, соотвѣтствующихъ подчеркнутымъ), аще оубо свое ему есть, да отпадетъ господство его, аще ли же чюже, да вдастѣ господину его то истое и цѣну его. Но это, такъ сказать, сухой остовъ, лишенный бытовыхъ жизненныхъ чертъ. Фактическій составъ преступленія въ чертахъ, близкихъ къ нашей статьѣ, описанъ въ Эклогѣ (XVII, 5), гдѣ онъ характеризуется словами *αὐτοβούλως* (самвольно) и *κατὰ δυναστείαν χειρὶ ἐπιβαίνων καὶ ἐπαίρων* (беззаконно и съ насиліемъ [собственно рукою] нападающій и отбирающій). Въ Базиликахъ (кн. 60, тит. 17, гл. 2, у Геймбаха V, 565) читаемъ: vocatur haec actio (четверное взысканіе въ теченіе года, а по истеченіи года ординарное) vi bonorum raptorum actio.

Dolum vero haec actio exigit. Ideo si quis rem suam rapuerit, ea non tenetur, sed aliter coërcetur, т. е. лишается своего имущества, какъ указано было выше.

Послѣдній искъ цивильный. Независимо отъ него, потерпѣвшему давались средства уголовныя по закону Юлія de vi publica et de vi privata. Первое производство имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный дѣйствовалъ съ помощью оружія или орудій (тит. 18, гл. 11, у Геймбаха V, 600), второе—безъ оружія. Наказаніе за первое—in metallum perpetua relegatio (тамъ же, гл. 10), за второе—конфискація третьей части имущества и лишеніе правъ на почетныя должности (тамъ же, гл. 12, у Геймбаха V, 601).

Итакъ, въ ст. 7 договора 911 г. опредѣляется наказаніе за насиліе, но только по типу vi bonorum raptorum. Отсюда нельзя заключать, что на дѣлѣ никакихъ другихъ взысканій не налагалось, при особенно отягчающихъ обстоятельствахъ, но такія взысканія обусловливались уже стеченіемъ двухъ преступленій или болѣе. Грабежъ дорожный приравнивался къ разбою и подводился подъ категорію преступленій, угрожающихъ жизни (кн. 60, тит. 39, гл. 14—16). См. Th. Mommsen. Römisches Strafrecht, стр. 629, прим. 4. Сравненіе ст. 7 нашего договора съ туземно-византійскимъ правомъ, съ одной стороны, и древнерусскимъ — съ другой показываетъ, что договаривающіяся стороны избрали средній путь, но различія наказанія по времени предъявленія иска не сдѣлано.

Д. Мейчикъ.

УНІАТСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ РУТСКІЙ.

I.

Люблинскій актъ 1569 года, соединившій граждански, „парламентарно“ Литву съ Польшей въ Рѣчь Посполитую, въ одно царство и одинъ народъ—unum regnum et unum populum,—оживилъ и ускорилъ объединеніе религіозное православныхъ „западно-руссцевъ“ съ римско-католическою церковью. Давно лелѣемый поляками-католиками планъ: „дабы славная и тріединая держава Русь, Польша и Литва восхвалила Тріединаго Бога единымъ сердцемъ“ [1]) осуществился въ 1596 году въ формѣ Брестской церковной уніи. Введенная „скрыте и потаемне, безъ поразумѣнья народу хрестьянскаго“ „какими-то самозванными“ владыками, „новоявленная“ церковь сразу же оказалась въ крайне фальшивомъ, неопредѣленномъ и двусмысленномъ положеніи. Западно-русскій православный народъ со своими лучшими духовными вождями рѣшительно отказался примкнуть къ ней. Вѣрный и преданный своей „старожитней религіи“, онъ не могъ поступиться въ пользу латинства ни ученіемъ, ни обрядомъ своей родной вѣры. Всякая попытка замѣнить церкви костелами, священниковъ—плебанами, православныхъ христіанъ—папежниками казалась ему измѣной русскому имени и посягательствомъ на его душу и жизнь [2]). Съ другой стороны и приверженцы папизма и полонизма были не совсѣмъ довольны „измышленной“ уніей. Они мечтали объ иной формѣ уніи, объ уніи съ „чистымъ, свѣтлымъ латинствомъ“, проявляемымъ ad majorem Dei gloriam. При ихъ взглядѣ на латинство, какъ на един-

---

[1]) *Голубевъ, С. Т.* Петръ Могила и его сподвижники, т. I, стр. 182, Кіевъ, 1883 г.

[2]) *Павловичъ, С. К.* Опытъ исторіи Замойскаго уніатскаго провинціальнаго собора, стр. 12, Гродна, 1904 г.

ственную силу, которой все можно завоевать и держать въ покорности, при взглядѣ ихъ на латинскій обрядъ, какъ на „утвержденіе противъ всѣхъ опасностей", Брестская унія съ ея греческимъ церковнымъ строемъ и обрядомъ, съ ея „скверными и языческими формами схизмы" представлялась еще болѣе несовершенной, чѣмъ само православіе, сама „проклятая и ненавистная схизма". Судьба, такимъ образомъ, готовила „новоявленной" церкви одну борьбу, одни испытанія и страданія. Отстоять среди такихъ жизненныхъ условій самостоятельность и независимость уніатской церкви было, очевидно, невозможно. Ни одна изъ противныхъ сторонъ—ни православіе, ни латинство—не желала поступиться въ пользу ея ни своими историческими преданіями, ни правами, ни своимъ религіознымъ достояніемъ.

Первая задача, какая выпала на долю главнѣйшихъ дѣятелей и поборниковъ уніи, это—задача распространить унію, какъ можно шире, въ западно-русской церкви. Оказавшись съ момента своего рожденія „безъ опредѣленной схемы вѣры и жизни церковной, безъ прочной внутренней организаціи, не имѣя ни ревностныхъ слугъ, ни самоотверженныхъ и безкорыстныхъ апологетовъ, раздираемая домашней борьбой, охуждаемая и ненавидимая почти всѣми" [1]), унія для своего поступательнаго движенія, особенно на „первыхъ порахъ", нуждалась во внѣшней поддержкѣ, внѣшней опорѣ. И, дѣйствительно, такой внѣшней опорой для нея и для ея ревнителей явился польскій король—„фанатикъ" Сигизмундъ III (1587—1632)—этотъ „наивысшій подавца и обронца церквей Божоей",—этотъ „защитникъ и спаситель уніи". Его правительство и католическое духовенство, видя въ уніи всего лишь „переходную мѣру", „мостъ", временное „чистилище" для полнаго и совершеннаго ополяченія и окатоличенія русскихъ, всемѣрно поддерживало унію, всячески помогало ей. И вотъ унія подъ коронной защитой, подъ покровительствомъ римскаго престола и „всѣхъ чиновъ" Рѣчи Посполитой широко „разливается" по Литвѣ и Бѣлоруссіи, увлекая въ своемъ теченіи слабыхъ и колеблющихся православныхъ, захватывая ихъ каѳедры, монастыри, церковныя имущества и т. п. Безправный и угнетенный западно-русскій народъ не въ силахъ противостоять этому напору католицизма!

Однако однимъ внѣшнимъ распространеніемъ уніи не ограничиваются задачи дѣятелей и поборниковъ ея. Уніи, какъ совершенно новому и отдѣльному исповѣданію, надлежало создать и развить въ себѣ

[1]) Ibidem, стр. 19—20.

внутреннюю прочную организацію, слѣдовало собрать и крѣпко сплотить свои молодыя силы и упорно бороться за свое самоопредѣленіе и религіозное самосознаніе. И такая именно работа шла въ уніатской церкви на протяженіи всей ея исторіи.

Въ какомъ же направленіи совершалась эта работа, чѣмъ она одухотворялась, какія начала развивались въ уніи? Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ быть разсмотрѣніе жизни и дѣятельности третьяго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго.

Чтò же это была за личность, откуда она, какого происхожденія, гдѣ и въ какой средѣ она выросла и воспиталась, чѣмъ жила она, къ чему стремилась, какими принципами руководствовалась въ своей жизни и дѣятельности, чтò сдѣлала она для уніи, каково ея, вообще, значеніе въ исторіи уніатской западно-русской церкви? Вотъ рядъ вопросовъ, на которые попытается, по возможности, отвѣтить авторъ данной статьи.

II.

Вопросъ о происхожденіи уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго—вопросъ крайне сложный и трудный, вѣрнѣе, запутанный. Въ русской церковно-исторической литературѣ твердо держится мнѣніе, что „этотъ въ своемъ родѣ знаменитый уніатскій митрополитъ родомъ великоруссъ", при чемъ одни историки [1]) считаютъ его сыномъ взятаго въ плѣнъ при Улѣ (1568 г. 20-го сент.) во время ливонской войны воеводы Вельяминова, другіе же [2]) только родомъ изъ русскихъ дворянъ, переселившихся изъ Москвы въ Литву въ неизвѣстное время. Правда, проф. П. Н. Жуковичъ въ своей небольшой статьѣ „Жизнеописаніе митр. Іосифа Вельямина Рутскаго, составленное митр. Рафаиломъ Корсакомъ, и сочиненіе Рутскаго объ улучшеніи внутренняго строя уніатской церкви" [3]), касаясь кратко этого вопроса, склоняется нѣсколько къ иному мнѣнію, именно къ тому, что „великорусское происхожденіе Іосифа Вельямина Рутскаго едва ли не слѣдуетъ признать простымъ книжнымъ домысломъ базиліанскихъ писателей, не

---

[1]) *Макарій митр.* Исторія русской церкви, т. X, стр. 362. *Чистовичъ, И.* Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви, ч. II, стр. 19, С.-Пб. 1882 г. и др.

[2]) *Евгеній митр.* Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской епархіи, стр. 153, Кіевъ, 1825 г. *Жуковичъ, П. Н.* Сеймовая борьба правосл. зап.-рус. дворянства съ церк. уніей, вып. II, стр. 4. *Кояловичъ, М.* Литовская церковная унія, т. II, примѣч., стр. 302, С.-Пб. 1861 г. и др.

[3]) Журналъ „Христіанское Чтеніе", 1909 г., августъ—сентябрь, стр. 1089—1108.

имѣющимъ подъ собой реальной почвы" [1]). Въ своихъ „предварительныхъ замѣчаніяхъ", выясняя причины происхожденія отмѣченнаго выше общаго убѣжденія историковъ по интересующему насъ вопросу, проф. Жуковичъ указываетъ, что впервые высказалъ такое убѣжденіе еще въ XVIII в. базиліанскій писатель Игнатій Стебельскій въ одномъ изъ своихъ примѣчаній [2]). „Онъ былъ сынъ, записалъ Стебельскій, одного изъ тѣхъ двухъ Вельяминовъ, которые мужественно защищали принадлежавшую Московскому царю Ивану Васильевичу IV крѣпость Улу, но по взятіи ея славной памяти воителемъ кн. Романомъ Сангушко (20-го сент. 1568 г.), взяты были въ плѣнъ, перешли на сторону польскаго короля Сигизмунда Августа и осѣли въ Литвѣ, будучи отъ него пожалованы извѣстными имѣніями" [3]). Въ подтвержденіе же своего мнѣнія Стебельскій сослался на литовско-польскихъ хроникеровъ-лѣтописцевъ XVI в. М. Стрыйковскаго и А. Гваниньи, которыхъ проф. Жуковичъ и цитируетъ.

Матвѣй Стрыйковскій (1547—1580), которому по отзыву К. Н. Бестужева-Рюмина „тамъ, гдѣ мы не имѣемъ предъ глазами его источниковъ, вѣрить не можемъ", который даже описывалъ, что „собственными глазами видѣлъ щитъ Олега на вратахъ Цареграда" [4]), такъ записалъ въ своей хроникѣ о пораженіи 25.000 москвитянъ на Улѣ: „1568 года 20-го сентября польный гетманъ Романъ Сангушко взялъ и сжегъ весьма укрѣпленный замокъ Московскій Улу, гдѣ его рота захватила двухъ воеводъ Вельяминовъ и 300 знатныхъ плѣнни-

---

[1]) Ibidem, стр. 1093. Ср. *Жуковичъ*. Сеймовая борьба, вып. II, стр. 4. Здѣсь нелишне указать, что и въ иностранной церк.-исторической литературѣ по данному вопросу существуютъ точно такія же мнѣнія, какъ и въ русской. Ср. *Guépin*. Un Apôtre de l'Union de l'église au XVII siècle Saint Josaphat, Paris, 1897 г., стр. 158, т. I. *Bartoszewicz*. Szkic dziejów kościoła Ruskiego w Polsce, Краковъ, 1880 г., стр. 194. *Likowski Edw*. Unia Brzeska, Poznań, 1896 г., стр. 292. Relacye nuncjuszów apostolskich i innych osób w Polsce 1548—1690 г., стр. 151. *Pelesz*. Geschichte der Union der Ruthenischen Kirche mit Rom..., т. II, стр. 124, Würzburg, 1881 г.

[2]) Еще раньше Стебельскаго о. Іосифъ Петкевичъ—секретарь іезуитскаго ордена въ своей „Relacya o żywocie s. pamięci oyca Josepha Welamina Rutskiego, od Rafala Korsaka napisana" (Bythen, 2 mai 1885 г.), отмѣчая фактъ исчезновенія тѣла І. В. Рутскаго изъ Виленскаго Св.-Троицкаго монастыря, которое онъ самъ видѣлъ въ немъ въ 1651 году, такъ записалъ: „bo Welamin przodek metropolity z Moskwy wyszedł, y Rutę pod Nowogrodkiem maiętnosc sobie kupiwszy od niey Rutskim nazwałsię. Wspomina Welaminow.. dwoch woiewodow"... (Академ. рукоп. Сборникъ подъ заглавіемъ „Acta ordinis S. Basilii" M., t. 4, стр. 28).

[3]) Христіанское Чтеніе, 1909 г., августъ—сентябрь, стр. 1091.

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.* Русская Исторія, стр. 185.

ковъ" [1]). Буквально то же самое [2]) записалъ въ своей хроникѣ и Александръ Гваниньи (1538—1614), который самъ охранялъ со своею пѣхотою пушки и былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ москвитянами [3]). О происхожденіи І. В. Рутскаго отъ одного изъ этихъ взятыхъ при Улѣ въ плѣнъ воеводъ Вельяминовыхъ, конечно, какъ тотъ, такъ и другой хроникеръ XVI в. ничего не говорятъ [4]).

Поэтому, дѣйствительно, „тѣнь сомнѣнія надъ сообщеніемъ Стебельскаго" сгущается. Взглядъ его на происхожденіе Іосифа Вельямина Рутскаго „отъ одного изъ тѣхъ двухъ Вельяминовъ", взятыхъ при Улѣ въ 1568 г. въ плѣнъ кн. Романомъ Сангушко, eo ipso и взглядъ всѣхъ историковъ первой категоріи, какъ совершенно произвольный и не выдерживающій критики, долженъ очень и очень пошатнуться, если не совсѣмъ пасть.

Сыномъ одного изъ воеводъ Вельяминовыхъ, плѣненныхъ при Улѣ и получившихъ въ Литвѣ отъ Сигизмунда II Августа „majętność" (имѣніе) и „indygenat polski" (права шляхетства), если бы даже сообщеніе польско-литовскихъ хроникеровъ XVI в. и было безспорнымъ фактомъ (что очень сомнительно), признать Іосифа Вельямина Рутскаго очень трудно и по многимъ соображеніямъ такого рода. Какъ извѣстно, отца Іосифа звали Феликсомъ, а мать Богумилой [5]) и оба

---

[1]) *Сапуновъ, А.* Витебская Старина, т. IV, стр. 192. Въ этомъ IV-мъ томѣ „Витебской Старины" Сапуновымъ собраны русскіе и польскіе историческіе матеріалы, относящіеся къ войнѣ изъ-за Ливоніи въ XVI в. Ими пользовался и проф. Жуковичъ.

[2]) „Въ плѣнъ взяты два воеводы Вельяминовы и триста знатныхъ плѣнниковъ" (ibidem, стр. 237).

[3]) Къ сожалѣнію, уважаемый проф. П. Н. Жуковичъ не обратилъ вниманія на сообщеніе Гваниньи о плѣненіи двухъ воеводъ Вельяминовыхъ на стр. 237 (т. IV, Витебск. Стар.). Онъ, процитировавъ мѣсто со стр. 235, гдѣ говорится о взятіи въ плѣнъ кн. Палецкаго въ 1567 г., сдѣлалъ поспѣшно заключеніе, что Гваниньи о плѣненіи двухъ воеводъ Вельяминовыхъ „совсѣмъ не упоминаетъ", и этимъ „набросилъ тѣнь сомнѣнія на сообщеніе Стебельскаго о происхожденіи Іосифа Вельямина Рутскаго отъ одного изъ московскихъ плѣнниковъ Вельяминовыхъ" (Христ. Чтеніе, 1909 г., августъ—сентябрь, стр. 1092).

[4]) Въ Московскихъ историческихъ хроникахъ даже о плѣненіи двухъ воеводъ Вельяминовыхъ при пораженіи подъ Улой (1568), насколько пришлось съ ними ознакомиться по IV тому „Витебской Старины" Сапунова, ничего не говорится. Имена же нѣсколькихъ Вельяминовыхъ начинаютъ встрѣчаться въ „разрядныхъ книгахъ Полоцкаго похода царя Іоанна Васильевича" только съ 7083 (1575) года („Вит. Стар.", т. IV, стр. 70—78).

[5]) Имена скорѣе римско-католическаго или протестантскаго крестного календаря, а не восточно-православнаго.

они были протестанты. Трудно, конечно, психологически допустить, чтобы любой изъ плѣненныхъ воеводъ Вельяминовыхъ такъ легко и быстро (плѣненіе въ 1568 г., а рожденіе Іосифа въ 1574 г.) могъ измѣнить своему родному русскому имени и своей родной отцовской православной вѣрѣ. Затѣмъ, отецъ Іосифа, по свидѣтельству біографа послѣдняго митр. Рафаила Корсака, Феликсъ Вельяминъ Рутскій [1]) былъ въ тѣсныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ различными знатными лицами царства польскаго и былъ даже женатъ на Богумилѣ Корсакъ—протестанткѣ и, вѣроятно, бѣлорусскѣ, не менѣе знатнаго рода, чѣмъ онъ самъ [2]). Фактъ этотъ будетъ прямо непонятнымъ, если считать Феликса Вельямина Рутскаго однимъ изъ плѣненныхъ русскихъ воеводъ Вельяминовыхъ при Улѣ въ 1568 г. Несомнѣнно, плѣннику-москалю въ короткое время занять во вражеской странѣ такое положеніе, завязать дружественныя и даже родственныя связи съ шляхтою польско-литовскаго государства было нелегко. Далѣе, и молчаніе біографа Іосифа—современника и, повидимому, родственника его (по матери) — о московскомъ происхожденіи Іосифа Вельямина Рутскаго, въ частности, отъ одного изъ двухъ воеводъ Вельяминовыхъ, плѣненныхъ при Улѣ, очень показательно. Наконецъ, о московскомъ, именно отъ одного изъ воеводъ Вельяминовыхъ происхожденіи Іосифа не упоминаетъ, кажется, ни одинъ изъ современныхъ ему документовъ. Слѣдовательно, выводъ изъ всего сказаннаго можно сдѣлать тотъ, что убѣжденіе Стебельскаго, eo ipso и мнѣніе историковъ о происхожденіи Іосифа Вельямина Рутскаго отъ одного изъ двухъ плѣненныхъ при Улѣ воеводъ Вельяминовыхъ, какъ не выдерживающія критики, должны быть оставлены.

Что же касается мнѣнія второй категоріи историковъ, именно мнѣнія, что Іосифъ Вельяминъ Рутскій „родомъ изъ русскихъ дво-

[1]) Самая форма названія „Felix Velamin à Ruta", повидимому, латинскаго образца: Felix—praenomen, Velamin—nomen, à Ruta—cognomen.

[2]) Erat Felici Velamin maxima necessitudo cum diversis in Regno Poloniae insignibus viris, quam contraxerat in Curia Regali... („Vita Josephi conscripta Latine ab eius Successore Raphaele Korsak Metropolita Russiae, eiusdemque verbis hic transcripta ex M-o, quod haberi potuit, alicubi mutilo, nec absoluto" въ рукописномъ сборникѣ рукописнаго отд. библіотеки Императ. Академіи Наукъ, посвященномъ жизни и дѣятельности уніатскаго митр. Іосифа Вельямина Рутскаго [поступилъ въ Акад. Наукъ послѣ смерти въ 1902 г. преосвящ. Павла Доброхотова, еп. Олонецкаго], стр. 209 обор.). Здѣсь укажемъ, что во всемъ послѣдующемъ изложеніи обозначаемъ эту рукопись такъ: vita J., гл., стр.

рянъ", то его не такъ легко поколебать. За отсутствіемъ опредѣленныхъ и ясныхъ фактическихъ данныхъ приходится оставить это послѣднее мнѣніе во всей его силѣ. Вопросъ можетъ быть поставленъ только такого рода: происходилъ ли Іосифъ Вельяминъ Рутскій дѣйствительно изъ рода русскихъ дворянъ, именно изъ московскаго рода Вельяминовыхъ, вышедшихъ въ Литву въ неизвѣстное намъ время, или же онъ родомъ изъ коренныхъ русскихъ (аборигеновъ) Литовскаго княжества. Рѣшить и этотъ вопросъ опредѣленно и утвердительно въ какую либо одну сторону представляется дѣломъ очень труднымъ, почти невозможнымъ. Нѣтъ и для него ясныхъ фактическихъ данныхъ. Несомнѣнно только одно, что Іосифъ Вельяминъ Рутскій былъ родомъ русскій, Rhutenus natione. Въ пользу этого говоритъ многое. Прежде всего общее мнѣніе всѣхъ рѣшительно историковъ русскихъ и иностранныхъ, касавшихся даннаго вопроса, именно вопроса о русскомъ происхожденіи Іосифа Вельямина Рутскаго [1]). Затѣмъ, имѣются нѣкоторыя указанія въ „Vita J..." Напримѣръ, прокураторъ польской іезуитской провинціи о. Бокса, посовѣтовавшій поступить Рутскому въ греческую коллегію въ Римѣ, явившись къ папѣ, говоритъ (aperit) о немъ: „русскій родомъ" (esse quendam Nobilem iuvenem *Rhutenum natione*, collegii Graecorum de Urbe Alumnum) [2]). Далѣе, составитель (collector) рукописнаго Академическаго Сборника, посвященнаго исключительно Іосифу Вельямину Рутскому, жившій въ концѣ XVII в. [3]), помѣчаетъ „Разсужденіе нѣкоего русскаго объ исправленіи строя греческаго обряда (уніатской церкви), написанное въ Вильнѣ въ январѣ 1605 года" словами: „Discursus Josephi de instaurando Ritu Graeco, cum ad huc in saeculo ageret, tacito nomine proprio, Polonice conscriptus atque

[1]) За русское происхожденіе Іосифа Вельямина Рутскаго, въ частности, за происхожденіе его изъ рода дворянъ Вельяминовыхъ, говоритъ и родовое имя—nomen Velamin. Показательно и то, что такого имени Velamin въ рим.-католическомъ крестномъ календарѣ совсѣмъ нѣтъ. Оно, вѣроятно, образовано изъ Веньяминъ (евр.) и по правиламъ русскаго яз.: чередованіе „н" и „л", кажется, возможно только въ нашемъ языкѣ, а не въ польскомъ или литовскомъ.

[2]) Vita J., гл. X, стр. 217. Въ Жизнеописаніи І. В. Рутскаго, составленномъ митр. Раф. Корсакомъ и извѣстномъ по рукописи іером. Іеронима Стржелецкаго—перваго русскаго проповѣдника въ Вѣнѣ при ц. св. Варвары (1784—1884), даже такъ сказано... hunc Magnorum Moscoviae Ducum Sanguine Velamino clarum... ordo Basiliensis suscepit (Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ. Составилъ А. С. Петрушевичъ, Львовъ, 1874, стр. 76).

[3]) Vita J., стр. 253 обор. Авторъ называетъ папу Иннокентія XI (1676—1689) современнымъ (hodiernus).

ex Manuscripto ejus Authographo Latine redditus ut sequitur" [1]), признавая eo ipso I. B. Рутскаго и авторомъ Discursus'а [2]) и русскимъ. Въ пользу же русскаго происхожденія Іосифа Вельямина Рутскаго можно привести и еще много соображеній, подтвердивъ ихъ довольно вѣскими фактами изъ жизни и дѣятельности Іосифа. Но, думается, достаточно и того, что уже сказано объ этомъ, чтобы придти окончательно къ такому убѣжденію: Іосифъ Вельяминъ Рутскій, несомнѣнно, изъ русскаго рода литовскихъ шляхтичей. Очень возможно, что онъ даже изъ рода русскихъ московскихъ дворянъ Вельяминовыхъ, переселившихся въ Литву въ неизвѣстное намъ время.

Такъ, стало быть, можно рѣшить запутанный вопросъ о происхожденіи третьяго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго и перейти къ изложенію жизни и дѣятельности Іосифа Вельямина Рутскаго.

III.

Іосифъ Вельяминъ Рутскій, въ мірѣ Іоаннъ, родился въ 1574 году въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ родовомъ имѣніи Рутѣ, лежащемъ отъ Новогородка (Новогрудокъ, Минской губ.) въ двухъ миляхъ [3]). Отцомъ Іосифа былъ, какъ уже упоминалось, Феликсъ Вельяминъ Рутскій — мужъ очень знатнаго рода (patre Felice Velamin à Ruta Nobilissimo quidem viro), а матерью—Богумила Корсакъ, женщина не менѣе знатнаго рода (Matre vero Bohumilla Korsakowa, non ignobilioris conditionis faemina). Родители его были протестанты (haeresi Calviniana polluti). Однако будущаго уніатскаго митрополита крестилъ мѣстный православный священникъ (sacerdos parochus Polonensis Ritus Graeci...).

Первоначальное образованіе въ протестантскомъ духѣ Іосифъ Вельяминъ Рутскій получилъ въ своемъ родномъ воеводствѣ, у трехъ вождей мѣстнаго анабаптизма (Licinio, Moyci et Timotheo) [4]). Для дальнѣйшаго образованія, послѣ того какъ въ немъ обнаружились спо-

---

[1]) Discursus J., стр. 255. Такъ кратко будемъ обозначать статью и въ послѣдующемъ изложеніи.

[2]) Фактъ анонимнаго или псевдонимнаго писательства Рутскаго общеизвѣстенъ (Vita J., гл. XXXII, стр. 246 обор. Josephus itaque sub titulo alterius, libro in defensionem S. Unionis edito, ita confudit Meletium...).

[3]) Josephus Metropolita Russiae in saeculo Ioannes vocatus natus est Anno 1574 in Magno Ducatu Lithuaniae... in Palatinatu Novogrodensi... in bonis paternis Ruta dictis (Vita J., гл. I, стр. 205).

[4]) Vita J., гл. II, стр. 206 обор.

собности къ болѣе высшимъ наукамъ, Іосифъ былъ отправленъ въ Вильну и отданъ тамъ въ школу кальвинистовъ (Vilnam adductus est et ibi in scholis calvinistarum, nihilo melius imbuendus traditus).

И вотъ здѣсь, въ Вильнѣ, по словамъ восторженнаго біографа Іосифа, митр. Рафаила Корсакъ, Господь Богъ уже показываетъ, кѣмъ и какимъ будетъ Іосифъ (quis et quantus futurus esset Josephus). „Стало въ немъ обнаруживаться",—поясняетъ жизнеописатель Іосифа,—„предощущеніе нѣкоей будущей святости, такъ какъ онъ съ дѣтства безъ всякаго посторонняго наставника, но только водимый внутреннимъ учителемъ Богомъ и Іовомъ, заключилъ со своими глазами такой завѣтъ, что никогда не видѣлъ красоты какой либо женщины, такъ что сверстники говорили о немъ, какъ бы о второмъ Бернардѣ" [1]). Въ такую душу легко, конечно, входилъ Духъ Премудрости, и благодаря ему Іосифъ оказываетъ въ словесныхъ наукахъ такіе успѣхи, какъ никто изъ его сотоварищей [2]). „Богатыя способности, неослабное рвеніе и счастливѣйшая память" раскрываются въ юношѣ во всю широту и глубину. Постепенно, почти что незамѣтно, подъ вліяніемъ іезуитскихъ проповѣдей пробуждается въ Іосифѣ расположеніе къ римско-католической вѣрѣ (dispositio in Josepho ad Fidem Catholicam, гл. V). Онъ удивительнымъ образомъ, по словамъ біографа, посѣщаетъ собранія отцовъ іезуитовъ, ихъ диспуты и „все слышанное слагаетъ въ своемъ сердцѣ, занося почти отъ слова до слова въ свою книжечку" [3]). Особенно сильно „привязывается" Іосифъ къ католической вѣрѣ послѣ диспута іезуитовъ съ православнымъ богословомъ Василіемъ изъ Острога. Онъ, присутствуя лично, съ удивленіемъ и съ захватывающимъ интересомъ слѣдитъ за ихъ тонкимъ, искуснымъ словеснымъ состязаніемъ. Домой вернулся Іосифъ, замѣчаетъ біографъ, уже другимъ (iam alter), если не совсѣмъ католикомъ, то, по крайней мѣрѣ, таковымъ въ будущемъ [4]),

Послѣ смерти въ 1590 году отца, который не хотѣлъ и всячески препятствовалъ переходу сына изъ вѣры родителей—кальвинизма въ вѣру католическую, Іосифъ еще съ бо́льшимъ рвеніемъ, съ большей любовью предается изученію наукъ и сильнѣе, крѣпче привязывается къ католичеству. Несмотря на протесты матери и опекуновъ своихъ, онъ рѣшаетъ отправиться за границу, въ чужія страны, чтобы тамъ

[1]) Ibidem, гл. II, стр. 207.
[2]) Ibidem, гл. III, стр. 207 обор.
[3]) Ib., гл., IV, стр. 208 обор. и 209.
[4]) Ib., гл. V, стр. 210.

завершить свое образованіе и окончательно укрѣпиться въ вѣрѣ католической. И вотъ въ Прагѣ, куда Рутскій прибылъ съ намѣреніемъ поступить въ славный каролинскій университетъ, онъ окончательно принимаетъ католичество (Pragae convertitur ex haeresi ad Fidem Catholicam) [1]. Послѣ краткаго пребыванія въ іезуитской коллегіи [2]), Іосифъ стремится изъ Праги въ болѣе далекія части Германіи—Вюрцбургъ (Atque ita Herbipolem vel Viriburgum se contulit, celeberrimam ibi sciens illo tempore universitatem). Въ Вюрцбургскомъ университетѣ онъ продолжаетъ свое образованіе, часто выступаетъ на публичныхъ диспутахъ, защищаетъ успѣшно (вплоть до лавроваго вѣнка) предлагаемые профессорами тезисы и съ большимъ успѣхомъ оканчиваетъ въ три года весь курсъ университетскихъ наукъ [3]).

Между тѣмъ матери и опекунамъ Іосифа становится извѣстнымъ, что онъ покинулъ протестантскую вѣру и перешелъ въ ненавистный имъ католицизмъ. Они, волнуясь и негодуя, настойчиво зовутъ его домой, на родину, часто пишутъ ему письма, грозя карами и лишеніями... Но Іосифъ молчитъ. Онъ не слышитъ ихъ зова и угрозъ. Оказавшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ все-таки продолжаетъ свой путь по западной Европѣ. По совѣту прокуратора польской іезуитской провинціи о. Боксы, бывшаго проѣздомъ въ это время въ Вюрцбургѣ, Рутскій пѣшкомъ, съ котомкой за спиной и съ посохомъ въ рукахъ, отправляется въ Римъ и поступаетъ тамъ въ греческую коллегію на казенный счетъ для изученія богословскихъ наукъ [4]). Въ Римъ пришелъ Іосифъ, поясняетъ біографъ его, около 1600 года, когда римскую каѳедру занималъ блаженной памяти папа Климентъ VIII [5]). Въ Римѣ при поступленіи въ греческую коллегію Рутскому пришлось, согласно обычаю, читать правила коллегіи (regulae collegii). И вотъ онъ, читая, впервые узнаетъ, что воспитанники коллегіи должны давать обѣтъ всегда оставаться въ греческомъ обрядѣ [6]). Смутился Іосифъ. Греческій обрядъ и все русское было ему чуждо, даже ненавистно [7]). Онъ подъ вліяніемъ іезуитскаго вос-

---

[1]) Ib., гл. VI и VII, стр. 211—212.

[2]) Ib., гл. VII, стр. 212.

[3]) Ibidem, гл. VIII, стр. 213.

[4]) Ib., гл. VIII, стр. 213 и обор.

[5]) Romam venit Josephus ante annum 1600 felicis memoriae Clemente VIII ad gubernacula Ecclesiae tum Sedente (ib., гл. IX, стр. 215).

[6]) Ib., гл. IX, стр. 215.

[7]) Ib., гл. IX, стр. 215.

питанія и образованія уже всей душой полюбилъ католическую вѣру и ея обрядъ. Одними ими теперь онъ живетъ и дышитъ, только въ римскомъ обрядѣ хочетъ онъ служить Богу. Со страхомъ и трепетомъ Іосифъ идетъ къ конфессарію коллегіи и излагаетъ ему всю трудность своего положенія. Конфессарій—опытный іезуитъ, ободряетъ Іосифа, обнадеживаетъ, убѣждаетъ его, и Іосифъ поступаетъ въ греческую коллегію, гдѣ съ большимъ успѣхомъ изучаетъ курсъ богословія (corrobotat iuvenem tantum ut non resistens totum Theologiae cursum absolveret). Между тѣмъ въ Римъ пріѣзжаетъ вышеупомянутый прокураторъ, о. Бокса. Іосифъ, попавшій въ греческую коллегію исключительно по его совѣту и рекомендаціи, идетъ къ нему и жалуется, что его заставляютъ принять греческій обрядъ. Бокса успокаиваетъ юношу, хвалитъ его рвеніе къ наукамъ, даетъ ему духовныя наставленія и отпускаетъ, а самъ сейчасъ же отправляется къ папѣ, излагаетъ ему, что съ помощью Рутскаго, знатнаго юноши русскаго происхожденія, очень удобно будетъ обратить русскую церковь въ католичество, и проситъ, посему, воздѣйствовать на него [1]). Папа, всецѣло раздѣляя мысль о. Боксы, призываетъ къ себѣ Іосифа и говоритъ ему: „Іоаннъ, мы желаемъ, чтобы ты былъ въ греческомъ обрядѣ... чтобы ты поклялся быть вѣрнымъ ему навсегда“ [2]). Когда же Рутскій продолжалъ и передъ папой упорствовать, ссылаясь на свое обращеніе и любовь къ римско-католической вѣрѣ, несмотря на то, что и рожденъ онъ и воспитанъ еретиками, то Summus Pontifex рѣшительно сказалъ: „Іоаннъ! послушаніе — святая добродѣтель, мы желаемъ, чтобы ты перемѣнилъ римскій обрядъ на греческій“ [3]). Молча, со слезами на глазахъ, въ сознаніи своего полнаго безсилія ушелъ отъ папы Іосифъ, понявъ всю ложь и коварство іезуита Боксы. Volens-nolens онъ долженъ былъ произнести обѣтъ въ соблюденіи чуждаго ему греческаго обряда, и онъ его произноситъ [4]). И вотъ съ этого времени начинается новый періодъ жизни Іосифа Вельямина Рутскаго, періодъ сомнѣній и колебаній между уніей (греческимъ обрядомъ) и католичествомъ.

Изъ Рима, въ одеждѣ клерика (togatus more clericorum), съ полнымъ „багажомъ“ „богословскаго товара“ Іосифъ Вельяминъ Рут-

---

[1]) Ibidem, гл. X, стр. 217.

[2]) Ib., гл. X, стр. 218.

[3]) Ioannes in virtute sancta obedientia volumus, ut mutes Ritum Latinum in Graecum (ib., гл. X, стр. 218).

[4]) Ib., гл. X, стр. 218 обор.

скій возвращается прямо на родину, въ Вильну (Vilnam se contulit). Въ это время въ Вильнѣ уніатскую митрополичью каѳедру занималъ извѣстный поборникъ и ревнитель уніи Ипатій Потѣй (1599—1613) [1]. Холодно и непривѣтливо (ne illum in suam familiaritatem ambiret) встрѣтилъ онъ Рутскаго, будущаго своего любимца и главнаго помощника—коадъютора митрополіи. Для него у Ипатія Потѣя не оказалось даже никакого дѣла, и онъ совѣтовалъ Іосифу отправиться съ сыновьями виленскаго воеводы кн. Радивилла за границу [2]. Но, замѣчаетъ біографъ, Промыселъ Божій звалъ его къ иному. И вотъ Рутскій ближе сходится съ знакомыми уже ему виленскими іезуитами, часто посѣщаетъ ихъ, находитъ у нихъ для себя утѣшеніе, удовлетворяетъ при помощи ихъ всѣ свои религіозные запросы и потребности [3].

Между тѣмъ мать Іосифа, узнавъ о возвращеніи сына въ Вильну, усиленно зоветъ его къ себѣ, въ родное имѣніе. На этотъ разъ не устоялъ Іосифъ противъ ласкъ, любви и доброты матери и, не будучи связанъ никакимъ дѣломъ, уѣхалъ въ свой родной, милый уголокъ, въ свою любимую Руту. Однако, недолго онъ „гостилъ“ у матери. Сильное желаніе послѣдней женить Іосифа (ut Ioannes uxorem duceret) заставило его покинуть родительскій домъ скорѣе, чѣмъ онъ самъ предполагалъ [4].

Въ Вильнѣ же какъ разъ въ это время умеръ завѣдывающій уніатской семинаріей [5], Петръ Ѳеодоровичъ [6], и Іосифъ Вельяминъ Рутскій, по настоянію виленскаго римско-католическаго епископа Бенедикта Войны, назначается митр. Ипатіемъ Потѣемъ на его мѣсто [7].

Время завѣдыванія Рутскимъ уніатской семинаріей—время очень важное для всей его послѣдующей жизни и дѣятельности. Здѣсь

---

[1]) *Кояловичъ М.* Литовская церк. унія, т. II, стр. 54, С.-Пб., 1861 г.

[2]) Vita I., гл. XI, стр. 219 обор.

[3]) Ibidem, гл. XI, стр. 219 обор.

[4]) Ib., гл. XI, стр. 220 и обор.

[5]) Учреждена въ 1601 году митр. Ипатіемъ Потѣемъ при Св.-Троицкомъ монастырѣ для „цвиченя людей молодыхъ такъ законныхъ, яко и светскихъ въ побожности и наукахъ, съ которыхъ бы выходили на попахъ люди годные до услугованя церкве Божое“ (Архивъ западнорусскихъ уніатскихъ митр. при Свят. Синодѣ № 249 и *Харлампоичъ, К. В.*, Западнорусскія правосл. школы XVI и нач. XVII вв., Казань, 1898 г., стр. 469).

[6]) *Харлампоичъ, К. В.*, датируетъ годъ смерти Ѳеодоровича 1602 (Ibidem, стр. 514).

[7]) Vita I., гл. XI, стр. 221.

впервые у него въ головѣ прояснилась мысль о томъ великомъ жизненномъ его дѣлѣ, которымъ онъ „прежде всего и болѣе всего извѣстенъ“ въ исторіи западно-русской уніатской церкви, именно мысль о внутреннемъ преобразованіи уніатской церкви чрезъ преобразованіе уніатскаго монашества, черезъ созданіе изъ него базиліанскаго ордена. Упомянутый выше Discursus Рутскаго „объ исправленіи строя греческаго обряда“ написанъ имъ какъ разъ въ бытность завѣдующимъ уніатской семинаріей, въ январѣ 1605 года. Такъ какъ этотъ Discursus Рутскаго даетъ очень много интереснаго и характернаго для пониманія „процесса выработки Іосифомъ основныхъ началъ преобразованія уніатскаго монашества“, то остановимся на немъ немного подолѣе.

Картина внутренней жизни западно-русской церкви и монашества, нарисованная Рутскимъ въ Discursus'ѣ, очень мрачна и печальна. Въ Вильнѣ, въ извѣстномъ Св.-Троицкомъ монастырѣ [1]) нѣтъ ни одного монаха. Одинъ только архимандритъ живетъ въ немъ. Нѣтъ въ западно-русской церкви и настоящаго, хорошаго бѣлаго духовенства. Произволъ и недостатокъ христіанской дисциплины и науки царятъ во всей церкви. Какъ слѣдствіе ихъ: много въ ней лжепастырей и лжеучителей, много ересей и расколовъ, иногда очень сумасбродныхъ и невѣжественныхъ. Вѣрующіе христіане, не защищаемые отъ волковъ своими пастырями, гибнутъ. Истинной заботы о своей паствѣ не проявляютъ даже и епископы (nullus eos curet, Minores pendent ex maioribus, Majores nihil pensi habent...). Такое зло въ западно-русской церкви, по глубокому убѣжденію автора Discursus'а, происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ недостатка науки у пастырей, а во-вторыхъ, отъ несовершенной и недостаточно святой жизни ихъ [2]).

Когда-то, вспоминаетъ авторъ Discursus'а, въ греческой церкви процвѣтали и науки и святость жизни, и она сама широко, съ великой для себя честью и славой распространялась по всему міру. Даже римская церковь когда-то, говоритъ онъ, признавала писанія ея святыхъ отцовъ правилами вѣры (scripta diversa Patrum Sanctorum ecclesia Romana... habet pro Canone fidei). Изъ нея же вышла и совершеннѣйшая монашеская жизнь (ibi perfecta vita Monastica initium). Теперь, съ грустью замѣчаетъ авторъ, ничего этого, какъ въ греческой, такъ

---

[1]) См. *Щербицкій, О. В.* Виленскій Св.-Троицкій монастырь. Вильна, 1886 года.

[2]) Discursus I., стр. 256.

и въ русской церкви нѣтъ. Нѣтъ въ ней ни науки, ни учителей, ни святости жизни, ни созерцанія [1])... Правда, внѣшній образъ святости, нѣкій видъ ея есть. „Продолжительные и частые посты, долгое и многотрудное совершеніе церковныхъ службъ, столько правилъ, столько колѣнопреклоненій, какъ въ храмѣ, такъ и въ келіи, власяницы, спанье на рогожахъ, легкій сонъ, разныя желѣзныя орудія для усмиренія плоти“ и т. п.,—все это, конечно, не сама святость (non tamen ipsa sanctitas). Истинная, настоящая святость гнѣздится въ духѣ (vera germanaque seu ut vocant essentialis Sanctitas in animo nidum suum habet). Къ ней, къ истинной святости, — продолжаетъ разсуждать авторъ Discursus'а,—ведетъ только монашескій образъ жизни, который состоитъ въ соблюденіи трехъ обѣтовъ: нищеты, цѣломудрія и послушанія (paupertatis, castitatis, obedientiae) [2]).

Такъ какъ старыхъ епископовъ и пастырей трудно передѣлать, исправить, трудно привить имъ настоящій монашескій духъ жизни, то, по словамъ Рутскаго, нужно приняться за болѣе лучшее образованіе и воспитаніе тѣхъ, изъ кого они выходятъ (мысль, получившая впослѣдствіи свое конкретное осуществленіе). Согласно же греческимъ канонамъ всѣ высшія церковныя должности должны занимать монахи ордена св. Василія [3]). Поэтому, правильно заключаетъ Рутскій, „если хотимъ имѣть хорошихъ епископовъ, позаботимся объ образованіи и воспитаніи хорошихъ монаховъ“ [4]).

Но науки, наставниковъ и святости жизни въ самой западно-русской церкви нѣтъ. Она своими собственными силами возродиться не можетъ.

Откуда же ихъ, спрашивается, взять? Куда обратиться за ними?

Безъ колебаній и сомнѣній отвѣчаетъ Рутскій — іезуитскій „выученикъ“ — на эти вопросы. Необходимо обратиться за помощью къ римско-католической церкви, у которой и вся наука и истинная святость жизни [5]).

---

[1]) Doctrina, Doctores, Sanctitas vitae, contemplacio... non sunt, nedum hic in Russia, verum in ipsa media Graecia (ibidem, стр. 257).

[2]) Ibidem, стр. 258—259.

[3]) Discursus I., стр. 257.

[4]) Quare si bonos velimus habere Episcopos, creemus bonos Religiosos, hoc est curemus, ut Religiosi nostri sint docti, inque bene ordinata ac perfecta vita interna Religiosa bene fundati (Ibidem, стр. 257).

[5]) Refugiendum itaque restat ad Fratres nostros, cum quibus ex eadem Matre prognati sumus, eodemque lacte in prima aetate nutriti, hoc est ad Latinos sive Romanos. Apud illos et Doctrinam solidam et veram vitae Sanctitatem (ib., стр. 260).

Итакъ, мы должны, по мысли Рутскаго, стать учениками латинскихъ наставниковъ, славныхъ своею наукой и истинною святостью жизни. Это первое основное положеніе разсужденій Рутскаго. Всѣ возможныя возраженія, которыя могли бы сдѣлать противъ такого положенія, авторъ Discursus'а самъ предусматриваетъ и опровергаетъ. Для уніатовъ не можетъ быть никакого вреда отъ общенія съ римско-католическою церковью, утверждаетъ онъ, такъ какъ обряды греческой церкви признаны священными и утверждены Флорентійскимъ вселенскимъ соборомъ (1439), а также и папою Климентомъ VIII при возобновленіи уніи. Послѣднимъ присоединены къ нимъ даже „угрозы отлученія всѣмъ тѣмъ, кто будетъ ихъ уничтожать" [1]).

Далѣе, авторъ Discursus'а ставитъ вопросъ о томъ, какіе лучше наставники: свѣтскіе или духовные. Для отвѣта на него Рутскій въ своемъ „Разсужденіи" дѣлаетъ небольшой экскурсъ въ исторію русскаго просвѣщенія. Оказывается, русскіе князья поддерживали и пропагандировали до сихъ поръ только чистую науку. Они не жалѣли средствъ на приглашеніе къ себѣ ученыхъ изъ Греціи, Германіи и другихъ странъ, нисколько не думая и не заботясь о наставникахъ благочестія и всякихъ другихъ добродѣтелей. Поэтому, заключаетъ Рутскій, изъ ихъ школъ и не вышло никакой помощи русской церкви (idcirco ex scholis illis nullum Ecclesiae nostrae retulit adiumentum) [2]). Отсюда, конечно, слѣдовалъ выводъ, что необходимы школы иного рода, школы духовныя, воспитывающія въ благочестіи и добродѣтеляхъ. И Рутскій на основаніи личнаго воспитанія и многихъ своихъ наблюденій останавливается на школахъ іезуитовъ, которыя, по его глубокому убѣжденію, превосходятъ всѣ другія школы (scholae patrum societatis praestant...). Въ нихъ въ три года можно больше выучиться философіи, утверждаетъ онъ, чѣмъ у свѣтскихъ учителей въ десять лѣтъ (...plus sciet qui per triennium apud illos vocavit Philosophiae, quam qui apud seculares Doctores annis decem). Въ этихъ школахъ учатъ съ усердіемъ, любовью, не какъ наемники, и наукамъ и благочестію, ревнуя и о славѣ Божіей и общемъ благѣ. А изъ этого, конечно, слѣдовало, что іезуитское, монашеское воспитаніе и образованіе лучше свѣтскаго и что монахи лучше свѣтскихъ учителей. Рутскій такъ логично и заключаетъ [3]).

---

[1]) Ibidem, стр. 261 обор.

[2]) Ibid., стр. 262 обор.

[3]) Idcirco Deus ipsis benedicit, ut scholae eorum per omnes Regiones, ubicunque degunt, floreant, quod apud seculares Doctores nusquam videre est, etiamsi

Итакъ, второе основное положеніе Discursus'а Рутскаго состоитъ въ томъ, что наставники юношей должны быть изъ духовныхъ и, слѣдовательно, школы тоже духовныя.

Что же касается вопроса о томъ, лучше ли учиться въ своихъ школахъ или чужихъ, то Рутскій рѣшаетъ его въ пользу своихъ школъ. И это потому, что онъ боится, какъ бы юноши греческаго обряда подъ вліяніемъ превосходства римско-католическихъ школъ и церковной жизни не перешли совсѣмъ въ латинство (obiecto Ritu Graeco ad Latinos migrant). По своему личному опыту онъ хорошо зналъ, какъ трудно удержаться въ греческомъ обрядѣ и какъ привлекательно и властно латинство. Даже папа Климентъ VIII понялъ эту опасность для уніи и издалъ постановленіе, чтобы каждый питомецъ греческой коллегіи въ Римѣ еще въ ней давалъ клятву, что онъ не оставитъ греческаго обряда и по мѣрѣ силъ своихъ будетъ стараться о его „приращеніи“ [1]). Зналъ Рутскій по личному опыту и то, что эти питомцы, при своемъ возвращеніи на родину, подвергаются разнаго рода непріятностямъ, что на нихъ смотрятъ, какъ на латинянъ, какъ на своихъ враговъ.

Въ общемъ, выводъ Іосифа Вельямина Рутскаго изъ всѣхъ его разсужденій и историческихъ справокъ таковъ: необходимо, чтобы какой либо орденъ римско-католической церкви, хорошо испытанный въ святости и строгости жизни и особенно близкій къ ордену св. Василія, прислалъ къ русскимъ уніатамъ своихъ монаховъ, которые обязательно приняли бы греческій обрядъ и уставъ св. Василія и обучили бы русскихъ достойныхъ интерновъ, сначала въ монастырѣ, а затѣмъ и въ школахъ монастырскихъ, необходимымъ знаніямъ, особенно же привели бы ихъ къ духовному совершенству [2]).

---

quam diligentissime docere velint. Et haec est causa ob quam primus ille modus nobis non suscessit (ib., стр. 263).

[1]) Cui occurrendo inventus fuit sapiens modus quidam a Clemente VIII qui statuit, ut quicunque ad collegium Graecum Romae studiorum causa veniat, antequam inde discedat, iuramentum praestet, quo promittat, et se in Ritu Graeco perseveraturum et pro viribus suis eius incrementum curaturum (ib., стр. 264. Ср. *прот. Диковскій Ник.* Базиліанскій орденъ и его значеніе въ западно-русской уніатской церкви; Гродненскія Епарх. Вѣд., 1904 г., № 20, стр. 57).

[2]) Sententia igitur mea est... ut Religio quaepiam Ritus Romani, tam in sanctitate quam in asperitate vitae bene exercitata, nostraeque Religioni Sancti Basilii quam simillima eam curam suscipiat, ut promovendae gloriae optimi Dei, bonoque animarum Christianarum, quarum tot millia millium exerrant, mittat nobis tot Religiosos, quot requirentura nobis vitae sanctitate, doctrinaque praestantes, qui absolute amplectantur Ritum Graecum, et institum Sancti Basilii, ita ut in omnibus ge-

Въ заключеніи Discursus'а Рутскій перечисляетъ будущіе плоды отъ преобразованія монашеской жизни: 1) монахи будутъ сіять наукой и совершенной жизнью; 2) будутъ хорошіе духовники и проповѣдники; 3) откроются хорошо устроенныя школы, изъ которыхъ будутъ выходить хорошіе пастыри церкви и достойные государственные мужи; 4) на епископскихъ каѳедрахъ будутъ люди, знающіе долгъ своей службы и умѣющіе выполнить его; 5) откроется широкій путь для благодѣяній людямъ греческаго обряда... Чрезъ все это, заканчиваетъ Рутскій свой Discursus, прославится нами имя Божіе и разукрасится его святая церковь [1]).

Итакъ, Discursus Рутскаго ясно показываетъ, чѣмъ жилъ, къ чему тяготѣлъ, о чемъ мечталъ его авторъ. Рутскій въ своихъ взглядахъ и разсужденіяхъ о западно-русской церкви явно „римско-католикъ до мозга костей“. Въ этомъ направленіи, въ направленіи бóльшаго единства и бóльшей однородности уніатской церкви съ римско-католической онъ началъ свою работу, когда вышелъ на ниву церковно-общественнаго строительства. Свои основныя мысли, такъ ярко выраженныя въ Discursus'ѣ, Рутскій осуществилъ почти вполнѣ при практическомъ преобразованіи уніатскаго монашества въ базиліанскій орденъ.

Но не сразу послѣ написанія Discursus'а (1605 г.) Рутскій принялся за церковно-общественную дѣятельность, не сразу онъ сталъ всецѣло на сторону римско-католической церкви. Нѣсколько годовъ „метаній души“ и странствованій „лежатъ на переходной грани“ его жизни.

Глубоко пессимистическій, безотрадный взглядъ на западно-русскую церковь, невѣріе въ возможность ея собственнаго внутренняго возрожденія и полное сознаніе невозможности осуществленія сейчасъ же своихъ широкихъ преобразовательныхъ плановъ были, вѣроятно, причиной того, что Рутскій оставляетъ должность завѣдующаго уніатской духовной семинаріей и отправляется съ босымъ кармелитомъ о. Павломъ à S. Simone въ Москву, чтобы оттуда отпра-

nuini Graeci audiant. His facile procurabimus Monasterium aliquod, addemusque eis tot nostros, quot internos idoneos habuerimus, ut nostri eos Linguam Rhutenicam, ceremoniasque nostras, ipsi vero nos, scientias nobis magis necessarias doceant, et quod maximum est, ad Religiosam Perfectionem de qua diximus forment. Unde post aliquot annos, etiam scholae pro saecularibus penes Monasteria nostra erigi possunt, ut eos monachi tam scientias quam imo magis pietatem doceant. Ex quibus deinde scholis ita bene institutis Monasteria nostra viris doctis implebuntur sanctitasque apud nos ac cum ea omne bonum efflorescet (Discursus J., стр. 264 обор. и 265).

[1]) Discursus J., стр. 265 обор. и 266.

виться вмѣстѣ съ нимъ въ Персію для распространенія тамъ свѣта Христова ученія [1]).

Въ эту зиму, когда они предприняли совмѣстное путешествіе, въ Москвѣ на царскомъ престолѣ сидѣлъ Лжедимитрій I. Рутскій, пользуясь своимъ пребываніемъ (весь великій постъ 1606 г.) въ русской столицѣ, неоднократно, по замѣчанію біографа его, посѣщалъ Димитрія и убѣждалъ его отправлять московскихъ юношей для образованія въ Литву [2]).

Но вотъ въ самую пасхальную ночь, по свидѣтельству жизнеописателя, кармелитъ о. Павелъ и Рутскій тайно покидаютъ Москву и продолжаютъ свой путь въ Персію. Всю эту бурную и ненастную ночь и весь первый день Воскресенія Христова они ѣдутъ... Въ слѣдующую ночь совершенно неожиданно для себя они какимъ-то чудомъ оказываются снова въ Москвѣ. „Хотя возницы ихъ и были изъ Москвы",—добавляетъ біографъ Іосифа. Кармелитъ, зная объ обѣтѣ Рутскаго, который онъ далъ въ Римѣ въ греческой коллегіи, увидѣлъ въ этомъ событіи настоящее чудо, указаніе свыше; онъ называетъ Іосифа „вторымъ Іоной, задержаннымъ въ пути", убѣждаетъ его возвратиться на родину и послужить Богу въ греческомъ обрядѣ, а самъ одинъ продолжаетъ намѣченный путь. Со слезами, молча, съ полной покорностью волѣ Божіей, замѣчаетъ біографъ, простился съ о. Павломъ Рутскій и возвратился въ Вильну [3]).

Такъ кончилось „бѣгство" Іосифа Вельямина Рутскаго отъ греческаго обряда, отъ уніатской церкви.

Въ Вильнѣ, когда вернулся Рутскій изъ Москвы, въ извѣстномъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, кромѣ архимандрита, уже монашествовалъ Іосафатъ Кунцевичъ, будущій уніатскій полоцкій архіепископъ и „мученикъ" († 1623) [4]). Съ нимъ теперь сближается Іосифъ... Главный вопросъ для Рутскаго, именно вопросъ о преобразованіи и усовершенствованіи монашеской жизни въ уніатской церкви становится предметомъ ихъ частыхъ и долгихъ бесѣдъ [5]).

---

[1]) Vita J., гл. XII, стр. 222 и обор.

[2]) Tempus illud licet breve suae mansionis Moschoviae gratis nolens consum... Magno Duce ut iuvenes Moschos educandos mitteret in Lithuaniam et cer... nisi mors praematura Magni Ducis Demetrii sequeretur (ib., стр. 223).

[3]) Ibidem, гл. III, стр. 223 и обор.

[4]) Постриженъ въ монахи въ 1604 году (См. *Кояловичъ М.*, Литовская церк. унія, т. II, стр. 122 и др. и примѣчаніе 168, стр. 362).

[5]) Vita J., гл. XIV, стр. 224.

Тѣмъ не менѣе обѣтъ, данный въ Римѣ Рутскимъ, продолжалъ безпокоить и тяготить его. Не будучи въ силахъ мириться съ нимъ, онъ рѣшается отправиться въ Римъ и просить папу снять съ него данный обѣтъ [1]). Съ большимъ трудомъ, послѣ цѣлаго ряда усилій и хлопотъ удается, наконецъ, Рутскому достигнуть завѣтной цѣли [2]). Онъ свободенъ...

Съ радостью возвращается Іосифъ изъ Рима въ Вильну.

Однако, противъ него и его „поступка" возстаютъ его друзья, виленскіе отцы іезуиты, особенно славный тогда „витія"—богословъ и философъ о. Валентинъ Фабрицій, будущій „помощникъ спасительныхъ дѣяній Рутскаго" и виленскій епископъ Бенедиктъ Война [3]). Благодаря ихъ вліянію и усиліямъ Рутскому совершенно не удается служить Богу въ римскомъ обрядѣ. Напротивъ, подъ ихъ сильнымъ воздѣйствіемъ онъ поступаетъ въ Троицкій монастырь и принимаетъ въ немъ монашество по греческому обряду [4]). Правда, при торжественномъ произнесеніи монашескихъ обѣтовъ (цѣломудрія, послушанія и нестяжательства) этотъ „выученикъ" іезуитовъ дѣлаетъ характерную оговорку, что онъ будетъ повиноваться архимандриту монастыря только въ томъ случаѣ, если архимандритъ будетъ солидаренъ съ митр. Ипатіемъ Потѣемъ и іезуитомъ Фабриціемъ [5]).

IV.

Съ поступленіемъ въ монахи Свято-Троицкаго монастыря оканчивается для Рутскаго цѣлый періодъ его жизни, періодъ, полный „метаній" души и скитаній, колебаній и противорѣчивыхъ рѣшеній. Его „мятущійся духъ" успокаивается. Іосифъ начинаетъ новую жизнь, жизнь болѣе или менѣе спокойную, опредѣленную, трезвую. Мечты

---

[1]) Venit ergo in Urbem circa annum 1606 apud quem obtenta audientia exponit vocationem suam, statum Rhussiae, intentum suum, et supplicat Vicario Christi, ut conscientiam illius exonerare dignaretur... (ibidem, гл. XV, стр. 224 обор.).

[2]) Tandem evincit, ut illud iuramentum sublatum esset et facultas data ingrediendi unam ex duabus Religionibus supradictis (ib., гл. XV, стр. 225).

[3]) Ibid., гл. XVI, стр. 225 обор. и 226.

[4]) 6-го сентября 1607 года въ день св. Михаила Архангела Рутскій вмѣстѣ съ новыми молодыми монахами принялъ „habitum Religiosum" изъ рукъ архимандрита этого монастыря Самуила Сенчилло, а 1-го января 1608 г. чинъ монашества съ именемъ Іосифа (Vita J., гл. XVI, стр. 227).

[5]) Ita nimirum ut si R. P. A. unum idemque cogitat cum R-mo Hypatio Metropolita nostro et Patre Fabricio S. J. qui me ad hanc induxit Religionem, iurabo advitaliciam tibi reddendum obedientiam, alias non (ib., гл. XVI, стр. 227 обор.).

и порывы „юности младой“ теперь смѣняются разсудительной работой, тонкимъ расчетомъ, хитрымъ служеніемъ латинству подъ личиной уніи, словомъ, теорія смѣняется практикой. Рутскій начинаетъ теперь осторожно подходить къ осуществленію своихъ преобразовательныхъ плановъ, къ проведенію въ жизнь своихъ мыслей, выраженныхъ въ Discursus'ѣ. Съ митр. Ипатіемъ Потѣемъ, который такъ холодно принялъ Рутскаго послѣ его перваго возвращенія изъ Рима, теперь онъ въ самыхъ хорошихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Очень скоро, поэтому, митрополитъ посвящаетъ Рутскаго въ санъ діакона (іеродіакона), а потомъ и пресвитера (іеромонаха) [1].

Первые годы монашеской жизни Рутскаго въ Свято-Троицкомъ монастырѣ—это, несомнѣнно, „преддверіе широко потомъ развернувшейся жизни его знаменитаго дѣтища—базиліанскаго ордена“. Прежде всего Іосифъ, по словамъ его біографа Рафаила Корсака, вводитъ въ этомъ монастырѣ обычай болѣе частаго причащенія Св. Таинъ Христовыхъ (frequentiore Panis Angelici refectione...), особенно необходимый для молодыхъ новыхъ монаховъ [2]. Затѣмъ на средства благотворителей и благодѣтелей сооружаетъ большое, новое хорошо приспособленное къ монашеской жизни зданіе. Самую монашескую жизнь устраиваетъ по „инструкціи“ о.о. іезуитовъ, съ которыми, правду сказать, онъ никогда не прерывалъ сношеній. По совѣту и съ помощью ихъ, особенно извѣстнаго іезуита Фабриція Ковальскаго, „основателя и распространителя рождающейся уніи“, и Григорія Гружевскаго, „свѣтила ордена“, Рутскій, такъ какъ жатвы было много, а дѣлателей мало, заводитъ знакомства съ учащимися іезуитскихъ школъ и приглашаетъ ихъ къ себѣ въ монастырь. Въ короткое время онъ „то силою благочестиваго слова, то примѣромъ своихъ добродѣтелей, собираетъ около себя значительный отрядъ знатныхъ юношей“ (insignis Nobilium iuvenum manus) и „перетягиваетъ“ ихъ въ монашеское званіе (habitum Monasticum pertraxit...). Самъ Іосифъ становится и наставникомъ-учителемъ ихъ [3]. Зная педагогическій принципъ, что путь ученія длиненъ чрезъ правила, а кратокъ чрезъ примѣры (longum iter esse per praecepta, breve per exempla), Рутскій болѣе всего учитъ своихъ но-

---

[1]) Ibidem, гл. XVII, стр. 228.

[2]) Ib., гл. XVII, стр. 228 обор.

[3]) Hic iam Josephus, a Deo ipso brevi tempore edoctus, Magistrum Novitiorum agere caepit, lectiones pro captu singulorum praelegere idque tam latino idiomate, quam sclavonico (ib., гл., XIX, стр. 230 обор. Ср. *Диковскій*, *Н.*, Базиліанскій орденъ... Гродн. Епар. Вѣд., 1904, № 19).

виціевъ примѣромъ своей собственной подвижнической жизни (exemplo optimo Domesticis praelucebat). Троицкій монастырь, благодаря непрестаннымъ заботамъ и благочестію его, становится скоро образцомъ (specimen) монашеской жизни и мѣстомъ частыхъ посѣщеній вѣрующими. Въ результатѣ, хотя Іосифъ не былъ архимандритомъ, однако всѣ монахи въ монастырѣ называли его „pater noster“ [1]). Конечно, настоящему архимандриту Самуилу Сенчилло это не могло нравиться. Онъ почувствовалъ, что управленіе монастыремъ ускользаетъ изъ его рукъ. И вотъ онъ рѣшаетъ удалить Рутскаго вмѣстѣ съ его новиціями и монахами изъ монастыря. Между ними завязывается извѣстная борьба, перешедшая затѣмъ въ открытую борьбу уніатовъ съ православными [2]).

Вкратцѣ ходъ борьбы таковъ. Митрополитъ Ипатій Потѣй, стремясь сблизить унію съ латинствомъ, подчинить уніатовъ іезуитамъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ (21) 1608 года неожиданно для православныхъ назначилъ своимъ „головнымъ намѣстникомъ митрополіи“ іеромонаха виленскаго Свято-Троицкаго монастыря Іосифа Вельямина Рутскаго. Подъ его „послушенство и реиментъ“, подъ его „зуполную моць“ онъ отдаетъ все духовенство—черное и бѣлое. Это назначеніе Рутскаго—„ксендза римскаго“, друга Кунцевича и іезуитовъ, конечно, вызываетъ среди православныхъ сильную тревогу. Архимандритъ Самуилъ Сенчилло и виленскій протопопъ Варѳоломей Жашковскій, законный намѣстникъ митрополичій, лично задѣтые, оскорбленные и униженные, первые поднимаютъ знамя протеста и возстанія. Они обращаются съ жалобами (13-го августа 1608 г.) въ собраніе бурмистровъ и радцевъ русской лавицы гор. Вильно и съ протестомъ къ митр. Ипатію Потѣю (1-го сентября 1608 г.), заявляя: „бо маемо право кроловъ, пановъ и славной памети продковъ в. м. митрополитовъ, жесьмы неповинни, только самыхъ пастыровъ митрополитовъ слухати, а намѣстниковъ неповинни“ [3]). Когда же 20-го октября 1608 г. послѣдовалъ

[1]) Vita J., гл. XIX, стр. 231.

[2]) Борьба митр. Потѣя и Іосифа Вельямина Рутскаго съ архим. Сенчилло и виленскимъ городскимъ духовенствомъ и православнымъ мѣщанствомъ изслѣдована очень подробно [см. 1) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и издан. Археогр. Ком., т. IV. 2) Археографическій сборникъ документовъ, относ. къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемый при управленіи Вил. учебн. окр., т. VI. 3) *Васильевскій, В. Г.* Очеркъ исторіи гор. Вильны въ „Памятникахъ русской старины“, П. Н. Батюшкова, вып. V и VI, 1872 г. 4) *Кояловичъ, М.* Литовская церковная унія, т. II, С.-Пб., 1861 г. и др.].

[3]) Акты Южной и Западной Россіи, т. II, № 27, стр. 46.

приговоръ уніатскаго митрополичьяго суда (Владимірской капитулы), „коимъ извергался и проклинался Самуилъ Сенчилло по жалобѣ Рутскаго“, виленское духовенство, возмущаясь и негодуя, почти все записывается въ православное братство церкви Св. Духа и, собравшись въ домѣ одного мѣщанина ночью съ 29-го по 30-е ноября, рѣшаетъ торжественно отречься отъ повиновенія митр. Ипатію Потѣю и отобрать виленскія церкви. „Его милости отца Ипатія за пастыра мѣть не хочемъ“, заявляетъ оно городскому виленскому суду (30-го ноября 1608 г.), „а ксендза Велямина Рутскаго за намѣстника его не знаемъ и знати не будемъ“ [1]).

Св. Троицкій монастырь и виленскія церкви отнять отъ уніатовъ было, однако, не такъ легко, какъ отречься отъ митрополита и его намѣстника. Планы и замыслы Самуила Сенчилло и виленскаго духовенства занять Троицкій монастырь и удалить изъ него „исказителя русской вѣры“ не осуществились, благодаря вѣрности и преданности Рутскому Іосафата Кунцевича и молодыхъ монаховъ. При содѣйствіи очень близкихъ (familiarissimos) виленскихъ отцовъ іезуитовъ Кунцевичу удалось во-время предупредить больного лихорадкой Рутскаго о заговорѣ противъ него, и послѣдній своевременно „прилетѣлъ изъ монастырскаго имѣнія и пропѣлъ: Te Deum laudamus“ [2]).

Между тѣмъ въ началѣ 1609 г. въ Варшавѣ открывается генеральный сеймъ, и на его рѣшеніе переносится споръ уніатовъ съ православными. Митр. Потѣй и Рутскій лично являются на этотъ сеймъ, равно ѣдетъ на сеймъ и архим. Самуилъ Сенчилло. Происходятъ бурныя засѣданія... Когда же дѣло начало было клониться въ сторону православныхъ, въ сторону права и справедливости, Сигизмундъ III, этотъ „защитникъ и спаситель уніи“, даетъ, по просьбѣ Потѣя, Рутскому привилей на архимандритство въ Св.-Троицкомъ монастырѣ и двѣ грамоты (отъ 20-го февр.) къ виленскому магистрату и мѣщанамъ русской вѣры, въ которыхъ приказываетъ отобрать у „взбунтовавшихся“ православныхъ виленскія церкви и „оказывать честь“ новому архимандриту [3]). Ввести Рутскаго въ Св.-Троицкій монастырь Сигизмундъ поручилъ своему дворянину Яну Буйвилу, который и вводитъ его 25-го февраля 1609 г. въ управленіе мона-

[1]) Ibidem, стр. 48—49.

[2]) Vita J., гл. XX—XXV, стр. 231 обор. и др. Самъ Рутскій обо всемъ этомъ разсказываетъ подробно въ собственноручномъ письмѣ митр. Ипатію Потѣю отъ 14-го декабря 1608 г. (Археограф. Сборникъ, т. VI, стр. 199—203).

[3]) Археографическій Сборникъ, т. VI, №№ 65 и 66, стр. 132 и 133.

стыремъ въ присутствіи виленскаго повѣтоваго возмаго и четырехъ шляхтичей-понятыхъ. Это, естественно, вызываетъ у православныхъ новый взрывъ негодованія. И мѣщане русской вѣры и возвратившійся изъ Варшавы Сенчилло протестуютъ, обращаются снова съ жалобами въ различнаго рода суды. Раздраженіе противъ „ксендза римскаго" доходитъ до того, что нѣкто Максимъ Шембель даже выражаетъ „похвалку" на его жизнь. Рутскій съ своей стороны жалуется устно и письменно на православныхъ, обвиняя ихъ въ „замыслахъ произвести какіе-то бунты и замѣшательства". Завязываются новыя судебныя тяжбы Сенчилло съ Рутскимъ, въ результатѣ которыхъ Сенчилло „проклятъ" и „выволанъ" изъ Троицкаго монастыря, а Рутскій окончательно „вступилъ въ права и привилеи" его. Бывшій тогда въ Вильнѣ король Сигизмундъ вполнѣ утвердилъ такое рѣшеніе духовнаго кола главнаго литовскаго трибунальнаго суда [1]).

Такъ окончилась борьба архим. Самуила Сенчилло съ Рутскимъ. Съ торжествомъ и побѣдой послѣдняго, несомнѣнно, торжествовала и унія надъ православіемъ. Она счастливо пережила „опасное и критическое для нея положеніе" [2]).

Послѣ всѣхъ этихъ событій 1608—1609 гг., послѣ отъѣзда Сигизмунда изъ Вильны мрачно и тяжело было въ этомъ городѣ. Среди православныхъ, оскорбленныхъ въ религіозномъ своемъ чувствѣ, царило уныніе и недовольство, страхъ и опасенія — среди другого населенія. Большой пожаръ 1610 года, истребившій почти „половину города", еще болѣе сгустилъ, отравилъ удушливую атмосферу Вильны. Правительство ждало новаго „смятенія", новыхъ бунтовъ...

Вотъ среди такой нездоровой, тяжелой атмосферы Іосифу Вельямину Рутскому приходится продолжать свою работу по преобразованію монашеской жизни. Онъ, не встрѣчая уже болѣе со стороны никакихъ препятствій, развиваетъ свою дѣятельность шире и глубже, съ успѣхомъ идетъ къ осуществленію своей главной жизненной мысли. Будучи не въ состояніи по причинѣ другихъ церковныхъ дѣлъ самъ лично вести далѣе дѣло обученія своихъ новиціевъ, онъ даетъ ему новый ходъ. При помощи и содѣйствіи римско-католическихъ епископовъ и магнатовъ, а также и друзей своихъ отцовъ іезуитовъ ему

---

[1]) *Васильевскій*, Очеркъ исторіи г. Вильно въ „Памятникахъ русской Старины" Батюшкова, вып. V, стр. 68—69. Сеймовая борьба... вып. I, стр. 4 и 9.

[2]) Польскій рокошъ 1606—1609 гг. Зебржидовскаго противъ королевской іезуитской партіи и рѣшенія сеймовъ 1607 и 1609 гг. въ пользу православныхъ чуть было совсѣмъ не похоронилъ унію.

удается разослать своихъ питомцевъ по Польшѣ и Литвѣ и помѣстить ихъ на средства благотворителей въ Калишскую, Пултусскую и Несвижскую іезуитскія коллегіи [1]). Успѣхъ на этомъ поприщѣ окрыляетъ Іосифа. Онъ стремится насадить, привить и вырастить новое уніатское монашество и по всей Литвѣ и Бѣлоруссіи. Іосафатъ Кунцевичъ, его вѣрнѣйшій спутникъ (fidissimus comes) въ этомъ дѣлѣ, „аскетъ и подвижникъ", отправляется по порученію Рутскаго въ Слонимскій уѣздъ (нынѣ Гродн. губ.) и здѣсь насаждаетъ новую уніатскую монашескую жизнь. Благодаря ихъ совмѣстнымъ усиліямъ и ревностнымъ заботамъ скоро появляются новые уніатскіе монастыри въ Бытенѣ и Жировицахъ (нынѣ мѣстечки Слоним. у., Гродн. губ.). Богатый и знатный панъ Григорій Тризна, ревностный католикъ, дочь котораго желала принять монашество, не устоялъ противъ „душехвата-витіи" Кунцевича и выстроилъ въ своемъ имѣніи, въ Бытенѣ, вмѣсто женскаго монастыря мужской, который съ этого же времени и сталъ новымъ разсадникомъ (новиціатомъ) уніатскаго монашества [2]). Въ то же самое время Іосафату удается, по свидѣтельству біографа Рутскаго, обратить въ унію и православнаго пана Яна Мелешко, смоленскаго каштеляна, сосѣда Тризны, и убѣдить его основать мужской монастырь въ своемъ имѣніи Жировицы [3]). Съ другой стороны Рутскій посылаетъ своихъ виленскихъ монаховъ въ Новогродекъ и Минскъ для основанія и въ нихъ новыхъ монастырей и устроенія новой монашеской жизни [4]).

Такъ постепенно возникали „колоніи" виленскаго Св.-Троицкаго монастыря по всей Литвѣ и Бѣлоруссіи.

Самъ же Рутскій, оставаясь въ Вильнѣ, поддерживаетъ монаховъ своимъ примѣромъ высокой религіозно-нравственной жизни (Josephus miraculose sustentat suos Religiosos). Онъ неустанно и ревностно заботится о поднятіи и возвышеніи монашеской жизни среди братіи Св.-Троицкаго монастыря. А чтобы его труды не пропали даромъ и дѣло благоустройства монашеской жизни съ его смертью не прекратилось, Іосифъ рѣшаетъ „претворить" свои мысли въ дѣло и при-

---

[1]) Vita J., гл. XXVI, стр. 240 обор. и 241.

[2]) Ibidem, гл. XXVII, стр. 241 обор. и 242.

[3]) Ib., стр. 242. Вопросъ о времени основанія Жировицкаго монастыря въ церковно-исторической литературѣ спорenъ (см. „Христ. Чтеніе", 1909 г., авг.—сент., стр. 1098—99).

[4]) Vita J., гл. XXVII, стр. 242 обор. (Ср. *Петровъ, Н. И.* Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена... „Труды Кіевской Дух. Академіи", 1870 г., май, стр. 428 и др.).

ступаетъ къ составленію подробнѣйшаго устава базиліанскаго ордена. Онъ, какъ пчела, по свидѣтельству біографа, усердно собираетъ медъ съ разнообразныхъ „луговъ“ св. отцовъ и сохраняетъ его въ „чревѣ“ своего сердца [1]).

Между тѣмъ митр. Ипатій Потѣй, „будучи въ летехъ дозрелыхъ и здоровья неспособнаго“, посвящаетъ архимандрита Св.-Троицкаго монастыря Іосифа Вельямина Рутскаго, „человѣка добраго живота, побожного въ наукахъ, именовите въ писме святомъ беглого“, въ санъ епископа Галицкаго и дѣлаетъ его „владыкой надворнымъ“, своимъ викаріемъ, коадъюторомъ, своимъ будущимъ замѣстителемъ (pro coadiutore suo cum futura successione...). Грамотой короля Сигизмунда III (отъ 16-го ноября 1611 г.), данной по просьбѣ Ипатія Потѣя, ему предоставляются права: „духовныя дѣла справовати, поповъ судити, діаконовъ светити и всякія повинности тому враду принадлежачія, перестерегати во всемъ“ при условіи признанія „старшенства велебного въ бозѣ отца митрополита“ и „послушенства“ ему [2]), а на „выхованье“ свое онъ получаетъ отъ самого Потѣя „Лаврышевскій монастырь, въ повѣтѣ Новгородскомъ лежачій, со всимъ на все, што до того монастыра належитъ“ [3]). Въ офиціальномъ присяжномъ листѣ, который Рутскій даетъ „велебному его милости“ отцу Ипатію Потѣю при своемъ посвященіи въ санъ епископа, онъ „прыймаетъ“ этотъ „поважный врядъ“, „облицуется“ до „живота“ своего „всякую учтивость и послушенство и ярко зверхнему пастыреви своему подданство выражати“... произноситъ обычный уніатскій символъ вѣры (безъ filioque), „прыймаетъ ксему вси святыя вселенскія соборы“ и т. д. [4]).

И это назначеніе Рутскаго, какъ и назначеніе его въ 1608 году, вызвало сильный протестъ православныхъ [5]).

Когда же митр. Ипатій Потѣй умеръ, Іосифъ, какъ коадъюторъ

---

[1]) Vita J., гл. XXVIII, стр. 243 и XXXIII, стр. 248.

[2]) Архивъ западно-рус. уніатскихъ митр. при Свят. Сѵнодѣ, № 327.

[3]) Акты Западной Россіи, т. IV, № 185, стр. 430.

[4]) Архивъ уніатскихъ митрополитовъ, № 336. Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 430—31. Присяжный листъ Рутскаго свидѣтельствуетъ, что исповѣданіе вѣры, богослуженіе, обряды и обычаи зап.-рус. церкви офиціально оставались неприкосновенными, кромѣ только подчиненія ея римскому папѣ вмѣсто константинопольскаго патріарха. Этимъ, несомнѣнно, тонкимъ пріемомъ уніатскіе епископы, преданные душою и тѣломъ папству, увлекали въ унію православныхъ.

[5]) *Макарій митр.* Исторія русской церкви, т. X, стр. 413 и др.

его, занимаетъ митрополичью каѳедру [1]). Отъ Сигизмунда III онъ получаетъ 8-го авг. 1613 г. грамоту на митрополію Кіевскую и всѣ митрополитскія имѣнія съ подтвержденіемъ „стародавнихъ правъ" митрополита и съ обязательствомъ „послушенства" папѣ Павлу V [2]). Получивъ же 18-го іюля 1614 года утвержденіе въ своей новой должности и отъ самого папы Павла V, Рутскій въ присутствіи папскаго нунція Лелія и нотарія Я. А. Пуція произноситъ на латинскомъ яз. свое credo и даетъ присягу „всегда быть вѣрнымъ и послушнымъ римской апостольской церкви, всегда защищать регаліи св. Петра, почитать папскаго нунція и легата, исполнять правила святыхъ отцовъ, заботиться о ввѣряемой ему церкви и о покорности ея папскому престолу, давать во всемъ отчетъ папамъ, пользоваться всѣмъ имуществомъ Кіевской митрополіи и сохранять оное въ цѣлости, подъ угрозой законныхъ наказаній" [3]).

И вотъ, ставши преемникомъ Потѣя на митрополитской каѳедрѣ и продолжая его дѣло (борьбу съ православными и заботы о распространеніи и утвержденіи между ними уніи), Іосифъ Вельяминъ Рутскій все свое вниманіе сосредоточиваетъ главнымъ образомъ на осуществленіи своихъ преобразовательныхъ плановъ, на внутреннемъ устроеніи уніатской церкви. Желая создать такой же монашескій орденъ въ этой церкви, какимъ держалось тогда католичество, и понимая, что нужно дѣйствовать очень и очень осторожно и дипломатично, дабы не оттолкнуть совсѣмъ отъ уніи людей греческой вѣры, онъ особенно тщательно собираетъ правила для монаховъ св. Василія Великаго [4]). Къ нимъ онъ присоединяетъ и нѣкоторыя другія правила о монашеской жизни, главнымъ образомъ правила изъ латинскихъ орденовъ, въ частности, изъ іезуитскаго ордена [5]). И вотъ

[1]) Hypatius Metropolita... moritur Vlodimiriae anno 1613 iulii 18. Josephus cum iam suo parentasset ibidem Coadiutor Serenissimum convenit, et ab eodem statim declaratus est Metropolita (Vita J., гл. XXXV, стр. 249 обор.).

[2]) Архивъ уніатскихъ митр., № 352.

[3]) Ibidem, № 366.

[4]) Adverterat ille ex ipsa experientia ex continua SS. Patrum lectione dedicerat Regulos S. Patris, Basilii sui ordinis Monachis servientes, non modo, Regulis eiusdem fusius breviusve disputatis contineri, sed in diversis quoque sermonibus spargi in unum volumen, summo labore et gratissima methodo redegit, ut omnia quaecunque sparsim in Sancto Patre reperirentur de Obedientia, Paupertate et Castitate itemque de Vita communi, officio, Abbatis, prioris Oeconomi Sacerdotis etc... omnia suis distinctim capitibus ordinaret (Vita J., гл. XXXIII, стр. 247 обор.).

[5]) a) Vita J., гл. XXXIII, стр. 248. b) *Демьяновичъ, А.* Іезуиты въ Западной Россіи, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1871 г., сент.-окт.

изъ всѣхъ этихъ правилъ Рутскій, въ концѣ концовъ, составляетъ одинъ „органическій статутъ“ базиліанскаго ордена. Когда въ 1617 г. собрались, по его зову, въ Новогродовичи (Минск. губ.) представители монастырей, соединенныхъ имъ въ одну общую конгрегацію, то онъ предлагаетъ этотъ статутъ на ихъ обсужденіе и утвержденіе. Въ рѣчи, произнесенной передъ открытіемъ засѣданій (20-го іюля) капитулы, Рутскій вкратцѣ знакомитъ членовъ ея съ основными своими мыслями, излагаетъ имъ свою „новую схему церковныхъ отношеній“ и внутренняго строя уніатскихъ монастырей и всего монашества [1]). Въ результатѣ десяти засѣданій этой первой базиліанской конгрегаціи базиліанскій орденъ принялъ такой видъ [2]).

Все уніатское монашество освобождается изъ-подъ власти епархіальныхъ архіереевъ и составляетъ одно самостоятельное общество. Оно избираетъ своимъ патрономъ св. Василія Великаго, почему и называется братствомъ или орденомъ базиліанскимъ. Во главѣ его стоитъ протоархимандритъ или генералъ съ четырьмя помощниками: мониторомъ (primus adjutor ejus) и консульторами (alterium auxilium). Всѣ они избираются изъ среды самого ордена на общемъ съѣздѣ или конгрегаціи представителей ордена во главѣ съ митрополитомъ, который имѣетъ два голоса. Между орденомъ и митрополитомъ устанавливается тѣснѣйшая связь, „ибо нашему ордену, говорилось на конгрегаціи, весьма полезно, чтобы мы были въ тѣсномъ союзѣ съ митрополитомъ и чтобы онъ заботился о распространеніи нашего ордена“ [3]). Всѣ уніатскіе епископы избираются изъ членовъ базиліанскаго же ордена, и самъ митрополитъ назначаетъ себѣ викарія, какъ будущаго преемника своего, только съ согласія генерала ордена и его помощниковъ. Въ связи съ этимъ вводится четвертый обѣтъ (кромѣ трехъ монашескихъ: цѣломудрія, послушанія и нестяжательности) для монаховъ о недомогательствѣ высшихъ церковныхъ іерархическихъ должностей (прелатуръ). Къ каждому епископу назна-

[1]) *Диковскій, Н.* Базиліанскій орденъ, Гродн. Епарх. Вѣд., 1904 г., № 19, стр. 539.

[2]) См. a) Вышеупомянутые рукописные сборники рукоп. отд. Академіи Наукъ. b) Археографическій Сборникъ, издаваемый при Виленск. учебн. окр., т. XII. c) *Петровъ*, проф. Очеркъ исторіи базил. орд.... въ Трудахъ Кіев. Д. Ак., 1870 г., май и др. d) Журналъ „Христіанское Чтеніе“, 1864 г., январь и др. Исторія базиліанскаго ордена. e) *Диковскій Н.* Базиліанскій орденъ... въ Гродн. Еп. Вѣд. за 1904 и 1906 гг. f) *Макарій митр.* Исторія русской церкви, т. X, стр. 417 и др.

[3]) *Петровъ*, Очеркъ исторіи базил. ордена... Труды К. Д. А., 1870 г., май, стр. 453.

чается орденомъ одинъ изъ базиліанъ—мониторъ („шпіонъ"). Въ Римѣ постоянно живетъ прокураторъ (procurator in Urbe), представляющій орденъ предъ апостольскимъ престоломъ и испрашивающій у папы помощь и покровительство ордену. Всѣ важнѣйшія дѣла рѣшаются на генеральныхъ конгрегаціяхъ или капитулахъ ордена, которыя бываютъ двухъ родовъ: обыкновенныя (congregatia ordinaria) и избирательныя (congregatia electiva). Вся жизнь и дѣятельность ордена, въ общемъ, строго нормируется правилами и уставомъ св. Василія Великаго и др. орденовъ. Лица, желающія вступить въ орденъ, должны предварительно пройти искусъ-новиціатъ. Ибо самъ орденъ, по мысли его основателя, не можетъ иначе преобразоваться, какъ только если дано будетъ имъ (т. е. новиціямъ) воспитаніе и просвѣщеніе монашеское [1]). Самую низшую братію въ орденѣ составляютъ лаики или бѣльцы, занимающіеся ремесломъ. Главной цѣлью всей жизни и дѣятельности ордена служитъ распространеніе уніи и умноженіе числа членовъ ея и ея укрѣпленіе. Для сего базиліанскій орденъ получаетъ еще въ свои руки все уніатское образованіе и воспитаніе, всѣ уніатскія церковныя и народныя школы. Для большаго успѣха во всѣхъ этихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ онъ избираетъ себѣ и помощниковъ-руководителей въ лицѣ іезуитовъ.

Ко времени третьей базиліанской конгрегаціи (Рутской) 1623 года, бывшей также подъ предсѣдательствомъ самого митр. Іосифа [2]), устройство базиліанскаго ордена вполнѣ и окончательно завершилось. Оно было стройно, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей ордена, опредѣленно, осмысленно и приспособлено къ потребностямъ уніатской церкви—интересамъ уніи вообще. Генеральныя и ординарныя конгрегаціи въ своей идеѣ, продолжаетъ онъ, должны были оживить уніатскую церковь, содѣйствовать взаимообщенію всѣхъ наличныхъ силъ уніи; монашество являлось сплоченнымъ цѣлымъ, въ которомъ должна была царить полная субординація въ интересахъ церковнаго блага; іерархіи во главѣ съ митрополитомъ отводилось подобающее мѣсто и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивался ея произволъ извѣстными обязательствами; выдвинута на первый планъ просвѣтительная миссія монашества, какъ необходимое оправданіе его существованія; выработаны условія самоуправленія уніатской церкви, условія ограниченія вмѣ-

---

[1]) Ibidem, стр. 459.

[2]) Всего подъ предсѣдательствомъ самого Рутскаго въ его митрополитствованіе было шесть базиліанскихъ конгрегацій (см. *Петровъ*, Очеркъ исторіи баз. орд. Тр. К. Д. А., 1870 г., май, стр. 490).

шательства свѣтской власти въ назначенія на іерархическія мѣста и низшія прелатуры; выдвинутъ вопросъ о правѣ ордена, такъ сказать, на коллективный патронатъ надъ епископіями и монастырями; завязаны болѣе тѣсныя сообщенія съ Римомъ и, въ частности, съ конгрегаціей распространенія вѣры—все это результаты разсматриваемаго періода (1617—1623), которые при дальнѣйшемъ своемъ развитіи обѣщали великія блага уніатской церкви“ [1]).

Таково главное дѣло Рутскаго.

Изъ другихъ менѣе важныхъ дѣяній Іосифа Вельямина Рутскаго для уніи въ санѣ митрополита слѣдуетъ отмѣтить его заботы и попытки поднять умственный и нравственный уровень уніатскаго бѣлаго духовенства и народа и его защиту уніи какъ отъ неосторожнаго совращенія уніатовъ въ латинство, такъ и отъ „паскоковъ“ на нее православныхъ.

Съ возвышеніемъ базиліанскаго монашества, съ устроеніемъ его жизни бѣлое духовенство западно-русской церкви, естественно, все слабѣло и слабѣло. Первое средство борьбы съ нимъ: подрывъ матеріальнаго благосостоянія, примѣнявшееся такъ успѣшно еще митр. Ипатіемъ Потѣемъ, дѣйствуетъ особенно смѣло и безцеремонно въ рукахъ его преемника митр. Рутскаго. Тонкій способъ замѣны богатыхъ капитульныхъ имѣній на митрополичьи практикуется послѣднимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ [2]). Нерѣдко Рутскій и прямо, открыто отнимаетъ у бѣлаго духовенства его имѣнія и цѣлые приходы и отдаетъ въ распоряженіе базиліанъ. Послѣ того какъ послѣдніе стали занимать высшія іерархическія мѣста въ уніатской церкви, бѣлое духовенство лишается совершенно и правительственныхъ церковныхъ должностей. Бѣдное и забитое оно, конечно, не можетъ получать хоть какое-нибудь образованіе. „Ваши попы невѣжды и влекутъ народъ въ пагубу“, писалъ въ 1622 году литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга Іосафату Кунцевичу, „общій то вашъ есть порокъ, что нѣтъ у васъ священниковъ порядочныхъ, а болѣе слѣпыхъ“ [3]). Съ такого рода просвѣщеніемъ служителей уніатской церкви митр. Іосифъ, естественно, не могъ мириться. Ему хотѣлось всѣхъ объединить для служенія уніи, всѣхъ собрать во-едино и вмѣстѣ идти къ намѣчен-

[1]) *Диковскій, Н.* Базиліанскій орден... Гродн. Епарх. Вѣд., 1904 г., № 23, стр. 673.

[2]) Ibid., № 28, стр. 775.

[3]) *Бантышъ-Каменскій*, Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи. Вильна, 1866, стр. 76.

ной цѣли. И вотъ онъ, какъ опытный наставникъ-педагогъ, беретъ въ свои руки просвѣщенiе всой унiатской церкви, скудной „школами порадными (порядъ) для цвиченя людей молодыхъ“ [1]).

Еще будучи Галицкимъ епископомъ-коадъюторомъ митрополiи, Рутскiй выхлопоталъ у короля Сигизмунда III привилей, которымъ всѣмъ монахамъ Троицкаго монастыря, успѣвшимъ зарекомендовать себя „побожностью и въ наукахъ вызволенныхъ цвиченьемъ“, позволялось основывать школы и завѣдывать всѣмъ образованiемъ унiатской церкви [2]). Этотъ привилей короля на образованiе юношей унiатскими монахами „въ добрыхъ искусствахъ и христiанскомъ ученiи“ былъ послѣ подтвержденъ, по просьбѣ Рутскаго, и папой Павломъ V, который даже сравнялъ въ правахъ всѣ унiатскiя школы съ iезуитскими [3]). На Новогродовичской конгрегацiи, какъ извѣстно, митр. Рутскiй все церковное и народное образованiе ввѣрилъ базилiанскому ордену, хорошо понимая, что это единственное вѣрное средство распространенiя унiи. „Систематическiя заботы Рутскаго объ образованiи членовъ унiатскаго ордена и о передачѣ въ его вѣдѣнiе всего унiатскаго просвѣщенiя позволили ему“, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей западно-русскихъ школъ, „уже въ 1624 году похвалиться въ своемъ донесенiи въ Римъ, что базилiане содержатъ школы, занимаясь обученiемъ юношества и своими публичными спорами назидаютъ свѣтскихъ унiатовъ“ [4]). Среди такого пышнаго расцвѣта новицiатовъ и всего базилiанскаго просвѣщенiя, естественно, унiатская духовная семинарiя, основанная еще митр. Потѣемъ въ 1601 году, захирѣла.

И вотъ митр. Iосифъ Вельяминъ Рутскiй въ двадцатыхъ годахъ поднимаетъ вопросъ объ основанiи и устроенiи новой духовной семинарiи для бѣлаго духовенства. 15-го iюня 1620 года онъ доноситъ въ Римъ конгрегацiи распространенiя вѣры, что собрано на „сей предметъ“ нѣсколько тысячъ, и проситъ ассигновать еще 1.000 талеровъ [5]). Нѣкоторое время спустя, онъ представляетъ въ Римъ и

---

[1]) *Харламповичъ*, *К. В.*, Западно-рус. прав. школы..., стр. 500.

[2]) Самъ лично Рутскiй открылъ на своемъ дворѣ въ Новогрудкѣ школу для шляхетскихъ и городскихъ дѣтей, а также и въ Минскѣ (ibid., стр. 501).

[3]) *Парвовъ*, *II.*, Папскiя буллы по греко-унiатскому вопросу, С.-Пб., 1888 г., стр. 28.

[4]) *Харламповичъ*, *К.*, Западно-русскiя прав. школы, стр. 505.

[5]) *Петровъ*, *Н.*, Очеркъ исторiи базил. орд.... Труды К. Д. Ак., 1870 г., май, стр. 474.

проектъ новой семинаріи, который заслуживаетъ лестный отзывъ самого папы. Въ немъ, между прочимъ, Рутскій писалъ: „изъ предполагаемой семинаріи будутъ выходить семинаристы, свѣтскіе клирики-холостяки. Правда, въ нашемъ исповѣданіи это дѣло неслыханное... Образованные, безженные, они будутъ помѣщаться нами во всѣхъ епископскихъ епархіяхъ, по городамъ, при церковныхъ каѳедрахъ, коллегіяхъ... Изъ нихъ будутъ поступать на должности визитаторовъ деревенскихъ церквей и даже на мѣста священниковъ... Въ разныя мѣста Руси они будутъ посылаться наставниками школъ для обученія юношества, для украшенія благочинія, вѣры... Изъ воспитанниковъ такой семинаріи монастыри будутъ пополняться хорошими иноками и много можетъ разлиться добра по всѣмъ частямъ Руси изъ того учрежденія. Смѣло можемъ обѣщать себѣ, что въ короткое время этимъ средствомъ во всемъ королевствѣ подавленъ будетъ расколъ“ [1]). Затѣмъ на Лавришевской базиліанской конгрегаціи (10-го авг. 1626 г.), на Кобринскомъ соборѣ (26-го авг. 1626 г.) и Новогородскомъ соборикѣ бѣлаго духовенства (5-го окт. 1626 г.) Рутскій проводитъ цѣлый рядъ постановленій о взносѣ денегъ на проектируемую имъ семинарію [2]). Самъ онъ, по свидѣтельству одного уніатскаго писателя, собираетъ на семинарію 50 тысячъ злотыхъ, какъ отъ короля Сигизмунда III, такъ и нѣкоторыхъ бискуповъ и владыкъ [3]). Всѣхъ „горячей“ относясь къ дѣлу, сильно заботясь, „жебы складанка на семинарыумъ чрезъ смерть (его) не разрывалась“, Рутскій добивается въ 1626 году (6-го дек.) окончательнаго утвержденія со стороны папы постановленій Кобринскаго собора объ учрежденіи въ какомъ-нибудь мѣстѣ Кіевской митрополіи seminarium или φροντιστήριον для всѣхъ свободныхъ сословій греческаго обряда и получаетъ отъ престола св. Петра высокую похвалу своимъ заслугамъ въ этомъ дѣлѣ [4]). Но Іосифу, къ великому его сожалѣнію, не суждено было увидѣть при жизни свою „мечту“ осуществленной [5]). Инертность базиліанъ и

---

[1]) *Крачковскій, Ю.,* Очеркъ уніатской церкви. Чтенія общ. истор. и древн. рос., 1871 г., кн. I, отд. I, стр. 123—24.

[2]) *Харламповичъ, К.*, Зап.-рус. прав. школы..., стр. 510—11.

[3]) Ibid., стр. 514.

[4]) *Стрѣльбицкій, І., свящ.* Уніатскіе церковные соборы съ конца XVIII в. Одесса, 1891 г., стр. 80.

[5]) Семинарія по плану Рутскаго открылась въ Минскѣ только въ 1652 году (*Диковскій, Н.*, Базиліанскій орденъ. Гродн. Епарх. Вѣд., 1906 г., № 29—30, стр. 811).

уніатскаго духовенства къ дѣлу его и захватъ въ 1630 году казаками собранныхъ на seminarium денегъ не дали проекту Рутскаго осуществиться [1]).

Такъ печально кончились всѣ заботы и хлопоты митр. І. В. Рутскаго поднять умственный и нравственный уровень уніатскаго бѣлаго духовенства.

Немногимъ лучшіе результаты пришлось увидѣть митр. Рутскому на закатѣ своей жизни и въ дѣлѣ защиты имъ уніи, какъ отъ не по разуму ревностныхъ латинянъ, такъ и отъ „наскоковъ“ на нее православныхъ. Когда онъ въ 1613 году занялъ уніатскую митрополичью каѳедру при открытомъ ропотѣ и судебныхъ протестахъ, при „великомъ гукѣ и стрѣляньи съ пугалковъ“ православныхъ, то ему volens-nolens пришлось занять по отношенію къ нимъ враждебную позицію. Съ православными гор. Вильны и другихъ мѣстъ Рутскій, поэтому, въ теченіе многихъ лѣтъ ведетъ упорную борьбу какъ за свое положеніе, такъ и за унію, за ея распространеніе и сближеніе съ римско-католической церковью. Лично къ нему и къ его помощникамъ: Іосафату Кунцевичу, архіепископу Полоцкому, Креузѣ, архимандриту Троицкаго монастыря и др., православные относятся съ нескрываемой ненавистью. Особенно жители Кіева, которыхъ Рутскій хотѣлъ и пытался присоединить къ уніи [2]), даютъ ему сильный отпоръ. Въ борьбу его съ архимандритомъ Кіево-Печерскаго монастыря Елисеемъ Плетенецкимъ вмѣшиваются даже и „украинскіе казаки, люди своевольные“ [3]). Возмущеніе кіевлянъ противъ митр. Рутскаго доходитъ до того, что они даже убиваютъ (1618 г. 23-го февр.) официала его — игумена Выдубицкаго монастыря Антонія Грековича [4]). Это „дѣяніе“ кіевлянъ, ихъ, вообще, отношеніе къ уніи и митрополиту уніатскому крайне огорчаетъ и раздражаетъ Рутскаго. И вотъ онъ налагаетъ на нихъ интердиктъ, обращается съ жалобами на нихъ къ королю, польскому духовенству и сенаторамъ, вноситъ на нихъ цѣлый рядъ жалобъ въ судебныя книги разныхъ повѣтовъ [5]). Король и католическое духовенство, конечно, спѣшатъ къ Рутскому на помощь. 16-го іюля 1618 года король предписываетъ кіевлянамъ строго

---

[1]) Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г., 1630 г.

[2]) Вѣстникъ Юго-Зап. и Зап. Россіи, 1864 г., окт., стр. 68—69.

[3]) Архивъ западно-рус. уніатск. митр., № 362. *Жуковичъ, П. Н.* Сеймовая борьба, вып. I, стр. 141.

[4]) Архивъ западно-рус. ун. митр., №№ 412 и 428.

[5]) Ibid., №№ 412, 428 и др.

соблюдать наложенный на нихъ „интердиктъ митр. Кіевскаго, Галицкаго и всея Руси“ и посылаетъ къ нимъ для производства слѣдствія своихъ комиссаровъ. Однако, все это остается безъ исполненія. Война Рѣчи Посполитой съ Россіей и участіе въ ней казачества разстраиваютъ всѣ дѣла [1]).

Между тѣмъ на польско-литовскихъ сеймахъ, собираемыхъ по требованію военныхъ обстоятельствъ, происходитъ „по старому очень много возгласовъ и шуму по дѣлу объ успокоеніи стародавней греческой религіи“. Привычный путь для уніатскихъ іерарховъ, именно „путь судебно-административнаго приневоливанія православныхъ къ уніи“ вызываетъ рѣзкое осужденіе со стороны этихъ сеймовъ. Изъ рѣчей и инструкцій депутатовъ становится вполнѣ опредѣленнымъ и извѣстнымъ, въ какомъ состояніи и положеніи находились православные, уніаты и католики. Яркая, горячая рѣчь волынскаго земскаго посла Лаврентія Древинскаго передъ трономъ короля Сигизмунда III на Варшавскомъ сеймѣ 1620 года, вырвавшаяся изъ наболѣвшей, изстрадавшейся души православнаго человѣка, поражаетъ своимъ сплошнымъ воплемъ и стономъ [2]). Раздается на этомъ сеймѣ рѣчь и въ защиту уніи, сказанная главнымъ ея поборникомъ митр. Рутскимъ. Послѣдній, возмущенный возстановленіемъ патріархомъ іерусалимскимъ Ѳеофаномъ высшей западно-русской православной іерархіи (1620 г.) и наложенной имъ на него „клятвой“ [3]), обвиняетъ патріарха Ѳеофана, какъ „смутьяна“ и нарушителя спокойствія, указываетъ на него, какъ на причину „разнузданности дизунитовъ“ (православныхъ), даетъ яркую картину религіозно-церковной настроенности уніатовъ, отмѣчаетъ значеніе самой уніи, которой „извѣчные раздоры русскихъ и поляковъ укрощаются“ и успѣхи ея. „Всѣ епископы, за исключеніемъ Львовскаго, говоритъ онъ, пребываютъ въ единеніи съ апостольскимъ престоломъ; базиліанскій орденъ усиливается и количествомъ и святостью пребывающихъ въ единеніи съ церковью членовъ, при посредствѣ которыхъ расширяется унія“ [4]). Напомнивши, что „семьдесятъ разбойниковъ“, назначенныхъ на то Ѳеофаномъ, готовы покуситься на жизнь его и его суфрагановъ (викаріевъ) и что въ католической странѣ подъ скипетромъ католическаго короля они угрожаютъ имъ за то только, что они католики, Рутскій заканчиваетъ свою рѣчь: „призы-

---

[1]) *Жуковичъ*, Сеймовая борьба, вып. II, стр. 108.

[2]) См. рѣчь у Бантышъ-Каменскаго. Историч. извѣстіе о... уніи, стр. 64—68.

[3]) Сборникъ лѣтописей южной и зап. Руси, Кіевъ, 1888 г., стр. 86.

[4]) *Жуковичъ*, *П. Н.* Сеймовая борьба, вып. III, стр. 78.

ваю Бога въ свидѣтели, скорѣе у насъ отнимутъ жизнь, чѣмъ каѳедры“ [1]).

Когда же Іосифъ вмѣстѣ съ Кунцевичемъ вернулся изъ Варшавы въ Вильну и нашелъ „замѣшательства со стороны схизматиковъ“ и „обманщиковъ на духовныхъ начальственныхъ должностяхъ“, сейчасъ же онъ доноситъ обо всемъ этомъ королю [2]). На помощь Рутскому спѣшитъ іезуитская польская партія, которая повсюду разглашаетъ и доказываетъ, что патріархъ Ѳеофанъ „обманщикъ, самозванецъ, Московскій шпегъ, турецкій шпіонъ“ и что посвященные имъ архіереи—его агенты [3]). Король Сигизмундъ издаетъ универсалы съ повелѣніемъ переловить и предать суду всѣхъ ставленниковъ Ѳеофана, особенно извѣстныхъ Іова Борецкаго и Мелетія Смотрицкаго и проситъ въ особой грамотѣ Рутскаго стараться, чтобы „это зло и опасность дальше среди людей не ширились“ [4]). Митр. Рутскій спѣшитъ привлечь къ своему суду Мелетія и, когда тотъ не является, объявляетъ „клятвенный вопросъ“ объ отлученіи его отъ церкви [5]). Православные возмущаются и негодуютъ. На Варшавскомъ генеральномъ сеймѣ 1623 года, куда явился и Рутскій съ какими-то документами для защиты уніи, они требуютъ полнаго уничтоженія уніи, умоляютъ „отбросить далеко эту кость раздора, эту лживую унію, ведущую къ раздѣленію“ [6]). Унія „шатается“, ей грозитъ гибель...

Тяжелое положеніе уніи этого времени и ея неуспѣхи лучше всего изображены самимъ митр. Рутскимъ въ донесеніи уніатскихъ владыкъ въ Римъ въ коллегіумъ de propaganda fide. „У насъ нѣтъ людей“, говорится въ немъ, „которые заботились бы о распространеніи уніи среди русскихъ; мы покинуты латинянами; наши знатные и богатые юноши—цвѣтъ и надежда наша—улавливаются въ школахъ въ латинскій обрядъ“ [7]). Совращеніе въ латинство и богатыхъ русскихъ вельможъ и мѣщанъ, которые щедро надѣляли „земными“ имѣніями латинскія парохіи и кляшторы, вызываетъ въ Рутскомъ горькое признаніе, что при греческомъ обрядѣ остались tylko chłopi

[1]) Ibid., стр. 89.
[2]) Архивъ зап.-рус. уніатск. митр., № 458.
[3]) *Васильевскій, В. Г.* Очеркъ исторіи г. Вильно, вып. VI, стр. 27.
[4]) Археографическій сборникъ докум. сѣв.-зап. Руси, т. II, № 29, стр. 80—31.
[5]) *Жуковичъ, П. Н.* Сеймовая борьба... вып. III, стр. 105.
[6]) *Васильевскій, В. Г.*, вып. VI, стр. 36.
[7]) Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ, стр. 463.

i popi [1]). Горько жалуется митр. Рутскій въ донесеніи и на нерадивость и равнодушіе католическаго дворянства и духовенства къ самой уніи и къ ея представителямъ. „Католики римскаго обряда", писалъ онъ, „свѣтскіе почти всѣ, а изъ духовныхъ большая часть, не только не помогаютъ намъ въ распространеніи уніи, но одни явно, другіе тайно благопріятствуютъ схизматикамъ. На сеймахъ мы едва можемъ найти одного—двухъ патроновъ, которые захотѣли бы съ усердіемъ заняться нашимъ дѣломъ, а когда появляемся въ публику, на насъ набрасываются, будто мы притѣсняемъ схизматиковъ, нарушаемъ спокойствіе республики, и изъ-за насъ не могутъ мирно происходить сеймы. Жалобамъ схизматиковъ, самымъ ложнымъ, вѣрятъ, а нашихъ защитительныхъ рѣчей или не слушаютъ или слушаютъ неохотно" [2]). Съ другой стороны и схизматики, которые создали себѣ во всѣхъ городахъ братства—„разсадники всякихъ смутъ", не меньше препятствуютъ успѣхамъ уніи. „Видя, какъ наше достояніе расхищается", писалъ Рутскій въ томъ же донесеніи, „они теперь торжествуютъ и нагло насмѣхаются надъ нами къ великому соблазну глупаго холопства. Они высказываютъ намъ свои притворныя сожалѣнія... они раздираютъ нашу душу, когда говорятъ, что правосудіе Божіе наказываетъ насъ за измѣну своимъ и отпаденіе отъ Восточной церкви именно чрезъ посредство нашихъ новыхъ друзей. До сихъ поръ мы молчали о нашихъ бѣдствіяхъ ради мира и братской любви и въ надеждѣ, что время, этотъ лучшій наставникъ, все исправитъ. Но теперь лишившись вслѣдствіе перехода въ латинство лучшихъ своихъ чадъ и лучшаго своего украшенія,—мы начинаемъ замѣчать, что всякая человѣческая помощь насъ оставляетъ и что зло возрастаетъ съ каждымъ днемъ" [3]).

Дѣйствительно, жестокость „душехвата-изувѣра" Іосафата Кунцевича, Полоцкаго архіепископа, который считалъ „вольнымъ уніятовъ топить, головы имъ рубить, церкви отдавать на поруганіе", заставляла бѣжать однихъ изъ уніи въ латинство, другихъ поднимать бунтъ и смятеніе.

Но вотъ 2-го ноября 1623 года „разыгрывается витебская трагедія". Православные убиваютъ фанатика Іосафата Кунцевича и сами

---

[1]) На эти жалобы Рутскаго и др. уніатскихъ владыкъ папы отвѣчали декретами, запрещавшими мірскимъ и духовнымъ лицамъ „русской вѣры" переходить въ латинскій обрядъ (см. *Парвовъ*, Папскія буллы... стр. 29, 32 и др.).

[2]) *Макарій, митр.*, Исторія русской церкви, т. X, стр. 491—492.

[3]) *Васильевскій, В.*, вып. VI, стр. 33.

выводятъ унію изъ критическаго положенія, сами ее спасаютъ. Своимъ „дѣяніемъ" они навлекаютъ на себя страшныя гоненія и преслѣдованія. Витебляне подвергаются особенно жестокому наказанію, наказанію, „въ высшей степени любезному святому отцу"—папѣ. Послѣдній потребовалъ отъ короля мщенія и крови православныхъ.—„Да проклятъ будетъ тотъ, пишетъ онъ королю, кто удержитъ мечъ свой отъ крови; ты, державный король, не долженъ удержаться отъ меча и огня" [1]). Православные изнемогаютъ въ неравной борьбѣ... Мелетій Смотрицкій, потрясенный кровавымъ призракомъ Кунцевича и смущенный обвиненіями въ убійствѣ его, измѣняетъ имъ, бѣжитъ отъ нихъ и находитъ спасеніе въ уніи, увлекая за собой и многихъ православныхъ [2]).

Между тѣмъ для успокоенія разгорѣвшихся религіозныхъ страстей митр. Іосифъ Вельяминъ Рутскій рѣшаетъ пойти на примиреніе съ православными. Онъ считаетъ моментъ удобнымъ для заключенія церковнаго союза съ ослабленнымъ врагомъ. Быстро составивъ своеобразный проектъ этого союза, Рутскій отправляетъ пословъ въ Кіевъ къ духовнымъ православнымъ властямъ для переговоровъ, предлагая имъ, „яко зъ сынами и братіею въ единомъ народѣ россійскомъ рожоною", „скутечнѣ" съѣхаться „часу певного, на мѣстце певное" и общимъ совѣтомъ избрать себѣ патріарха, „яко и въ Москвѣ" [3]). Вопросъ этотъ занимаетъ и другихъ духовныхъ лицъ. Мелетій Смотрицкій особенно горячо работаетъ въ направленіи такого церковнаго союза уніатовъ съ православными. Общими усиліями ему и Рутскому удается, въ концѣ концовъ, получить отъ Сигизмунда универсалъ на созывъ собора во Львовѣ (1629 г. 28-го окт.). Самъ митр. Рутскій со своими семью уніатскими епископами, архимандритами и многочисленнымъ клиромъ является на этотъ соборъ. Кое-кто и изъ православныхъ пріѣзжаетъ. Однако, соборъ, послѣ горячихъ долгихъ споровъ, толковъ и шуму, закрылся безъ результатовъ: православные и уніаты не пришли ни къ какому соглашенію [4]).

Такъ печально окончилась попытка митр. Рутскаго примириться съ православными.

---

[1]) *Папковъ, А. А.* Братства. Очеркъ исторіи зап.-рус. правосл. братствъ, 1900 г., Св.-Троицк. Сергіева лавра, стр. 121.

[2]) *Васильевскій, В.*, вып. VI, стр. 40.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 224, стр. 514.

[4]) *Стрѣльбицкій, І.*, свящ. Уніатскіе церк. соборы съ конца XVI в., стр. 91 и прим. 159 стр.

Послѣ Львовскаго собора и до конца правленія митрополіей „въ летехъ дозрѣлыхъ", разбитый параличемъ, страдающій подагрой и мучимый каменной болѣзнью [1]) Іосифъ Вельяминъ Рутскій уже не можетъ предпринять ничего особеннаго въ пользу уніи. Онъ даже не въ силахъ успѣшно защищать унію, когда сѣвшій послѣ смерти Сигизмунда III († 1632 г.) на польскомъ престолѣ новый король Владиславъ (1632—1648 г.) удовлетворилъ справедливыя требованія православныхъ. Рутскому, несмотря на всю имъ обнаруженную „ревность Иліи", приходится даже собственной рукой подписать уступки православнымъ [2]). Послѣдній его властный жестъ въ пользу уніи произошелъ, когда онъ въ митрополичьемъ облаченіи съ уніатскимъ монашествомъ и священниками вышелъ на встрѣчу Христофору Радивиллу и стражѣ, шедшимъ отнимать отъ базиліанъ православныя церкви и торжественно, величаво произнесъ: „мы скорѣе позволимъ себя убить, чѣмъ допустить схизматиковъ владѣть священными мѣстами" [3]).

V.

Каковы же въ общемъ результаты упорной и долгой борьбы митр. Рутскаго съ православными?

Самъ митр. Рутскій въ упомянутомъ выше донесеніи [4]) въ Римъ говоритъ: „мы имѣемъ уже семь епископовъ, которые занимаютъ каѳедры почти всѣхъ русскихъ епархій, тогда какъ у схизматиковъ остался только одинъ епископъ львовскій. Почти тридцать городовъ приняли унію: Вильна, Новогрудокъ, Луцкъ, Владиміръ и др. Въ числѣ принявшихъ ее есть и дворяне, даже изъ знатныхъ, и между ними три сенатора, одинъ воевода (разумѣется, вѣроятно, Скуминъ-Тышкевичъ) и два каштеляна, тогда какъ изъ схизматиковъ нѣтъ теперь ни одного сенатора. У насъ уже до двадцати монастырей и болѣе, которые занимаютъ наши монахи базиліане. Эти монахи содержатъ школы для воспитанія юношества, и изъ Виленской нашей школы или семинаріи начали выходить богословы, искусные въ гре-

[1]) Vita L., гл. XXXIV, стр. 243 обор.

[2]) *Васильевскій, В.*, вып. VI, стр. 40—43.

[3]) Ibidem, стр. 43. Старческія домоганія митр. Рутскаго у Петра Могилы митрополіи Кіевской и попытки подчинить себѣ православныхъ епархіи, отошедшей послѣ войны 1633 г. отъ Россіи къ Польшѣ, успѣха рѣшительно никакого не имѣли (см. *Стрѣльбицкій*, Уніатскіе церк. соб., стр. 91).

[4]) Все очень обширное донесеніе Рутскаго и прочихъ уніатскихъ владыкъ римской конгрегаціи распространенія вѣры напечатано у Гарашевича «Annales Ecclesiae Ruthenae», Leopoli, 1862, p. 254—293.

ческомъ и латинскомъ языкахъ, чего при нашихъ отцахъ на Руси не бывало. По примѣру иноковъ и мірскіе пастыри въ своей простотѣ повинуются своимъ епископамъ, принимаютъ отъ нихъ посвященіе, получаютъ св. мvро, собираются къ нимъ на сvноды, бывающіе ежегодно"... [1]). Всѣ эти успѣхи уніи, быть можетъ, нѣсколько преувеличенные,—конечно, успѣхи самого митр. Рутскаго, который, по свидѣтельству одного уніатскаго писателя, лично самъ присоединилъ къ уніи до трехъ милліоновъ православныхъ [2]). Своей энергіей, своей „Ильиной ревностью", своимъ организаторскимъ талантомъ митр. Рутскій безспорно, обезпечилъ уніи долгое существованіе. Несомнѣнно, онъ оживилъ, одухотворилъ унію, давши ей такую интеллектуально-моральную силу, какой сталъ базиліанскій орденъ. Послѣдній, будучи „младшимъ братомъ и товарищемъ" іезуитскаго ордена, явился для уніи подлинно „матерью, рождающей дѣтей", ея „главнымъ рычагомъ", „первымъ двигателемъ". Какъ организаторъ и устроитель внутренней жизни уніатской церкви, какъ реформаторъ уніатскаго монашества и распространитель его, митр. Іосифъ Вельяминъ Рутскій всегда будетъ жить и занимать опредѣленное мѣсто въ исторіи уніи. „Рагоза возобновилъ унію, Поцѣй ее удержалъ, но укрѣпилъ, расширилъ, распространилъ, церковью ее сдѣлалъ только Рутскій" [3]). Его значеніе въ исторіи уніатской церкви тѣмъ именно и велико, что онъ съ удивительной іезуитской послѣдовательностью и единствомъ очень искусно среди бушующихъ волнъ православія и католицизма велъ унію къ намѣченной цѣли, къ ея сліянію съ латинствомъ. Будучи самъ уніатомъ только по виду, по разсудку, вопреки своей совѣсти и пользуясь неизмѣннымъ покровительствомъ и помощью польскаго короля Сигизмунда III и папъ Павла V и Урбана VIII, митр. Рутскій осторожно и незамѣтно для другихъ, съ поразительнымъ искусствомъ іезуита внесъ въ унію столько католицизма и папизма, что удостоился отъ самого папы получить наименованія: Athlas'а уніи, Columm'ы церкви, Athanasius'а русскаго [4]). Іезуитская мысль, что унія—„мостъ", „переходная мѣра", „временное чистилище" для полнаго ополяченія и окатоличенія русскихъ,

---

[1]) *Макарій митр.*, Исторія рус. церкви, т. X, стр. 495.

[2]) Ibidem, т. XI, стр. 620. Въ сводной Галицко-русской лѣтописи сказано:... supra vicies centena schismaticorum millia ecclesiae Catholicae aggregavit (стр. 77).

[3]) Encyklopedyia Powszechna, t. XXII, Warszawa, 1866 г., стр. 562.

[4]) Рукописный сборникъ Ак. Наукъ, посвященный митр. І. В. Рутскому, стр. 204 обор.

имъ была очень хорошо усвоена и очень тонко, хитро и осторожно проводима въ жизнь. „Римско-католикъ до мозга костей" на зарѣ своей жизни, митр. Рутскій остался имъ же и на закатѣ дней своихъ. Онъ и въ могилу сошелъ [1]) со словами на устахъ: „свидѣтельствуюсь предъ всѣми, что я вѣрую во все, что предложила св. католическая церковь и что безъ этой вѣры и, въ частности, помимо общенія съ римскою церковью никто не можетъ быть спасенъ, во имя чего я всегда готовъ былъ умереть, особенно тогда, когда представлялись смертные случаи. Повинуясь папѣ римскому, я былъ викаріемъ его въ этомъ царствѣ и теперь въ этомъ повиновеніи умираю"... [2])

Ѳ. Турукъ.

---

[1]) Умеръ 5-го февраля 1637 года и погребенъ въ Вильнѣ въ Св.-Троицкомъ монастырѣ подлѣ патріарха Игнатія (Vita J., гл. XXX, стр. 244 обор. и Acta ordinis S. Bas. M., t. 4, стр. 28 об.).

[2]) Testamentum Josephi... въ рукоп. сборн. Акад. Наукъ, посвященномъ митр. Рутскому, стр. 266 обор. и др.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Суáресъ де Фигероа. 1) Suarez de Figueroa, El Pasagero. Advertencias utilíssimas a la vida humana. Edicion preparada por Francisco Rodríguez Marín, Madrid, 1913 (Biblioteca Renacimiento). 2) Suarez de Figueroa, El Passagero. Advertencias utilissimas a la vida humana. Ed. de R. Selden Rose (California), Madrid, 1914 (Sociedad de Bibliófilos Españoles).

„El Passagero“, что значитъ „Путникъ“, былъ впервые напечатанъ въ 1617 году въ Мадридѣ [1]) и съ тѣхъ поръ его только разъ переиздали (Barcelona, 1618). Отъ обоихъ изданій сохранилось очень ограниченное число экземпляровъ, отчего ихъ имѣютъ далеко не всѣ, даже крупнѣйшія, книгохранилища Европы. Такъ напр. въ Парижской Національной Библіотекѣ „El Passagero“ не имѣется. Поэтому перепечатаніе текста, чтобы сдѣлать его доступнымъ всѣмъ занимающимся исторіей испанской литературы, стало насущной потребностью, которая теперь удовлетворена въ двухъ выше указанныхъ изданіяхъ. Изъ нихъ первое принадлежитъ выходящей подъ редакціей Martínez Sierra „Biblioteca Renacimiento“, оно общедоступно по цѣнѣ и обращено къ широкой публикѣ. Второе изданіе составляетъ 38-ой томъ извѣстной коллекціи „Sociedad de Bibliófilos Españoles“, оно вышло въ числѣ 300 нумерованныхъ экземпляровъ и предназначено спеціалистамъ и любителямъ. Предварительно, до оцѣнки этихъ двухъ изданій, существенно другъ отъ друга отличающихся, я хочу сказать нѣсколько словъ объ авторѣ опубликованнаго памятника.

Долгое время Суаресъ де Фигероа упоминался только какъ критикъ

---

[1]) El || Passagero || Advertencias || Vtilissimas A La || Vida Humana || Por el Doctor Chris- || toual Suarez de Figueroa || A la Excelentissima || Republica de Luca || (Grabado: proa de nave) || Con Privilegio, || En Madrid, Por Luys Sanchez, Año 1617. || Vendese en la torre de Santa Cruz.

національной испанской комедіи [1]). Его біографія оставалась совсѣмъ неизученной. Кое-что о жизни писателя сообщилъ Донъ Луисъ Фернáндесъ-Герра [2]), послѣ котораго только въ 1892 году издалъ нѣсколько документовъ Реннертъ [3]). Но Суаресъ де Фигероа въ концѣ концовъ дождался своего біографа въ лицѣ одного изъ многочисленныхъ теперь въ Новомъ Свѣтѣ изслѣдователей старо-испанской литературы—J. P. Wickersham Crawford [4]), монографію котораго перевелъ на испанскій языкъ Narciso Alonso Cortés, прибавившій къ своему изданію интересныя примѣчанія [5]). Пользуясь данными, добытыми названными учеными, я разскажу въ нѣсколькихъ словахъ жизнь Суареса де Фигероа. Родился онъ около 1571 года въ городѣ Вальядолидѣ. Его отецъ происходилъ изъ Коруньи и занимался адвокатурой. Wickersham Crawford думалъ, что Суаресъ де Фигероа до отъѣзда въ Италію учился лишь подъ руководствомъ своего отца, но Alonso Cortés правильно замѣтилъ, что въ самомъ „El Passagero" есть указаніе на занятія въ университетѣ родного города. Однако, не закончивъ своихъ занятій, юноша покинулъ отцовскій домъ, видимо, недовольный своими родителями, которые оказывали предпочтеніе его младшему брату. Фигероа отправился въ Барселону, гдѣ сѣлъ на корабль, который перевезъ его въ Генную. Ему было въ это время 17 лѣтъ. Въ Италіи молодой испанецъ ревностно принялся за ученіе, вѣроятно, въ университетахъ Болоньи и Павіи. Черезъ годъ онъ былъ уже докторомъ правъ, каноническаго и гражданскаго, и получилъ мѣсто судьи въ испанскихъ войскахъ, служившихъ въ Піэмонтѣ противъ Франціи. Перемѣнивъ нѣсколько мѣстъ по судебной части и побывавъ въ неаполитанскомъ королевствѣ, Фигероа вернулся въ 1604 году въ Вальядолидъ. Вскорѣ, не добившись никакой должности, онъ отправился, одѣвшись паломникомъ, въ Сантьяго де Компостела. Однако, этому путешествію было суждено прерваться въ самомъ началѣ, такъ какъ поссорившійся съ путникомъ погонщикъ муловъ до-

[1]) D. Marcelino Menéndez y Pelayo, Historia de las ideas estéticas en España. seg. ed., t. III, Madrid, 1896, стр. 419—421. — A. F. v. Schack, Geschichte der dramatischen Literatur und Kunst in Spanien, II B., Berlin, 1845, стр. 514 и сл.

[2]) D. Luis Fernandez-Guerra y Orbe, D. Juan Ruiz de Alarcon y Mendoza, Madrid, 1871, стр. 247—248.

[3]) *H. A. Rennert*, Some documents in the life of Christoval Suarez de Figueroa. Modern Language Notes, томъ VII.

[4]) The Life and works of Christóbal Suárez de Figueroa, Philadelphia, 1907.

[5]) Vida y obras de Cristobal Suarez de Figueroa por J. P. Wickersham Crowford, traduccion del inglés con notas por Narciso Alonso Cortés, Valladolid, 1911.

несъ на него коррехидору въ Куэльаръ, обвинивъ въ убійствѣ. Коррехидоръ, довѣрившись доносчику, немедленно арестовалъ паломника. Только благодаря вмѣшательству герцога де Альбуркерке Фигероа былъ освобожденъ, послѣ чего онъ рѣшилъ вернуться въ Вальядолидъ. Но и здѣсь ему не пришлось остаться долго. Однажды, въ пылу спора Фигероа ударилъ своего противника кинжаломъ въ бокъ и, думая, что тотъ умретъ, онъ бѣжалъ въ Андалусію. Посѣтивъ Кордобу и Севилью, Фигероа направился въ Мадридъ, гдѣ прожилъ до 1623 года, когда онъ получилъ должность судьи въ Lecce, маленькомъ городкѣ, лежащемъ близь Неаполя. Населеніе было здѣсь чрезвычайно развращено и преступленія очень многочисленны, а Фигероа былъ очень строгимъ судьей: за шесть мѣсяцевъ онъ присудилъ 100 человѣкъ къ галерамъ и пять къ повѣшенію. Изъ-за интригъ враговъ Фигероа былъ отрѣшенъ отъ должности, но вскорѣ его назначили судьей въ Калабріи. При отправленіи своихъ обязанностей нашему герою какъ-то пришлось столкнуться съ церковными властями, изъ рукъ которыхъ онъ вырвалъ арестованнаго ими человѣка, сломавъ двери тюрьмы. Тогда Инквизиція возбудила противъ него дѣло, но благодаря защитѣ неаполитанскаго вице-короля все было въ концѣ концовъ предано забвенію. Фигероа продолжалъ служить судьей. О послѣднихъ годахъ его жизни мы знаемъ очень мало. Умеръ онъ около 1644 года.

Свободное время Фигероа отдавалъ литературной работѣ. Онъ перевелъ „Pastor Fido“ Guarini, написалъ пастушескій романъ „La Constante Amarilis“ и нѣсколько дидактическихъ произведеній, среди которыхъ должно отмѣтить переведенную съ итальянскаго, но значительно дополненную, энциклопедію: *Plaza Universal de todas ciencias y artes, parte traduzida de toscano, y parte compuesta por el Doctor Christoval Suarez de Figueroa, Madrid, Luis Sanches, 1615.* Эта книга преимущественно извѣстна по имѣющемуся въ ней отрывку, который касается испанскаго театра [1]). Авторъ имѣлъ въ виду дать свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ современнаго ему знанія, начиная съ философіи и кончая сапожнымъ мастерствомъ. Особенно интересны вставленныя въ энциклопедію бытовыя картинки. Для примѣра я остановлюсь на одной изъ такихъ вставокъ, въ которой описываются студенты. Оказывается, что среди этихъ молодыхъ людей „тотъ,

---

[1]) См. Cotarelo y Morí, Bibliografía de las controversias sobre la liutud del teatro en España, Madrid, 1904, стр. 557—558.

который не имѣетъ совѣсть растяжимой, считается ничтожнымъ, какъ будто пользованіе чужимъ подъ названіемъ дерзости или безразсудства не есть грѣхъ". Студенты только и занимаются драками, ночными выходами со шпагой и щитомъ, посѣщеніемъ женщинъ, да возмущеніемъ околотковъ противодѣйствіемъ полиціи. „Едва достигнувъ пониманія одной строчки самой легкой латыни", они исполняются невыразимой гордости и презрѣнія ко всѣмъ знаменитымъ ученымъ, „сколько было и есть на различныхъ факультетахъ". Они воображаютъ, что „заключаютъ въ себѣ всю науку Платона и доказательства всѣхъ другихъ философовъ, тогда какъ въ дѣйствительности они заключаютъ все невѣжество и безуміе міра" [1]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ обрушивается на занимающихся торговлей дворянъ [2]) и т. д.

Plaza Universal Суареса де Фигероа представляетъ большой интересъ для историка испанской культуры, отчего переизданіе этой теперь рѣдкой книги было бы очень желательно.

Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ нашего писателя является безспорно *El Passagero*, по содержанію и по формѣ примыкающій къ серіи сатирическихъ діалоговъ, среди которыхъ имѣютъ мѣсто „Diálogo de Mercurio y Caron" Хуана Вальдеса, „El Crotalón" Вильялона, „Colloquios satíricos" Антоніо де Торкемада и, наконецъ, „El coloquio de los perros" Сервантеса [3]). Въ діалогѣ *El Passagero* принимаютъ участіе четыре путника, идущіе изъ Мадрида въ Барселону. Въ лицѣ одного изъ говорящихъ авторъ изобразилъ самого себя. Суаресъ де Фигероа обнаружилъ въ этомъ произведеніи большое знаніе испанскаго языка и выдающееся стилистическое мастерство. Кромѣ того *El Passagero* имѣетъ громадное значеніе, какъ источникъ для изученія испанскаго общества царствованія Филиппа III. Можно смѣло сказать, что послѣ *Sueños* Кеведо среди прочихъ памятниковъ *El Passagero* имѣетъ наибольшій культурно-историческій интересъ. Здѣсь предъ нами проходятъ представители всѣхъ слоевъ испанскаго обще-

---

[1]) Plaza Universal, Discurso XC.

[2]) Ibid., Disc. LXII.

[3]) См. *Juan Valdés*, Dial. de Merc. y Car., Romanische Studien, Heft XIX (1881); Cristóbal Villalón, El Cratolón, d'Antonio de Torquemada, Colloquios satíricos, apud Menéndez y Pelayo, Origenes de la novela, II; новелла Сервантеса имѣется въ прекрасномъ изданіи съ очень интересными примѣчаніями Amezua y Mayo, Madrid, 1912. О посл. см. рецензію *E. Mérimée*, Bul. hist., t. XVI, n° 1. (Janvier—Mars), стр. 117 и сл.

ства, какъ министры, судьи, литераторы, идальго, купцы, студенты, плуты и мошенники. Фигероа умѣетъ сказать о каждомъ мѣткое и злое слово. Особенно досталось современнымъ писателямъ. Фигероа никого не щадилъ: онъ не побоялся даже „извѣстнаго хромого въ очкахъ", т. е. Кеведо, и не посовѣстился смѣяться надъ умершимъ Сервантесомъ.

Авторъ „Путника" былъ несомнѣнно очень умнымъ и проницательнымъ человѣкомъ. Одинъ изъ немногихъ онъ отлично понималъ, что испанская монархія его времени поддерживалась не внутренней мощью, а только силой былой славы, хотя и склонялся объяснять печальное положеніе своего отечества неизбѣжностью паденія всякаго государства при достиженіи вершины величія [1]). Въ большой степени Фигероа считалъ виновными въ паденіи и разореніи Испаніи невѣжественныхъ, надменныхъ и тщеславныхъ дворянъ, которые только и думали о своемъ удовольствіи. Не имѣя средствъ, эти дворяне жили на взятыя въ долгъ деньги, которыхъ они никогда не выплачивали. „Многіе хвастаются, пишетъ Фигероа, что имѣютъ большіе долги, такъ какъ имъ кажется, что они дѣлаются болѣе важными этимъ путемъ, ибо предполагается, что они были очень расточительны и жили роскошно... Я видѣлъ болѣе, чѣмъ одного сеньора, скрывающагося отъ портного, золотыхъ дѣлъ мастера, золотошвея и другихъ, которые ожидали его выхода изъ передней" [2]). Особенно досталось дворянамъ за ихъ изнѣженность, благодаря которой они стали совершенно нетрудоспособны. „Эти новыя птицы рыцарства при первой неудачѣ опускаютъ крылья и теряютъ силы, сдаваясь передъ самымъ ничтожнымъ бѣдствіемъ" [3]). „Говорятъ о многихъ, что они имѣютъ въ своихъ домахъ бо̀льшее количество туалетныхъ чашъ и стклянокъ, чѣмъ кокетки наиболѣе изысканныя и благородныя. Они примѣняютъ къ лицу и рукамъ превосходныя румяна и ухищренія, гордясь имѣть лицо очень блестящимъ, а руки крайне бѣлыми и мягкими" [4]). Иногда сатира Суареса де Фигероа прерывается взрывами негодованія въ родѣ слѣдующаго обращенія къ дворянину: „... Недостойный жизни, которой наслаждаешься, чего ты домогаешься, помѣстившись въ каретѣ, скрытый занавѣсками, на бархатныхъ подушкахъ, ничтожное убѣжище превосходныхъ кушаній, среди шелка, среди парчи, тканей

[1]) El Passagero, Biblióf. Esp., стр. 353; Bibl. Renac., стр. 235.

[2]) El Passagero, Biblióf. Esp., стр. 474; Bibl. Renac., стр. 317.

[3]) El Passagero, Biblióf. Esp., стр. 479—480; Bibl. Renac., стр. 321.

[4]) El Passagero, Biblióf. Esp., стр. 458; Bibl. Renac., стр. 307.

и благоуханій? Идолъ слугъ и подчиненныхъ, которыхъ ты прижимаешь, съ которыхъ сдираешь кожу, сколь пріятнѣе тебѣ нѣжность голландскаго полотна шероховатости брони, мягкость постели жесткости пола, сладость варенья горечи цикорія? Чтобы ты вооружился лѣтомъ?! Чтобы ты находился въ полѣ зимою?! Боже сохрани! Вѣдь это значитъ умереть! Тебѣ вредитъ всякая малость сырости, всякій легкій жаръ, и, несмотря на это, ты настаиваешь въ меморіалахъ и просьбахъ, чтобы тебя чѣмъ-нибудь наградили" [1]).

Долгое пребываніе въ Италіи не прошло безслѣдно для Суареса де Фигероа, который полюбилъ и восприняль культуру этой страны, ставъ въ Испаніи своего рода проводникомъ идей итальянскаго Возрожденія. Таково напр. требованіе внутренней красоты въ женщинѣ, скрѣпленное цитатой изъ Петрарки [2]). Сюда же относится прославленіе дружбы, которое, однако, авторъ спѣшитъ оговорить замѣчаніемъ, что „сентенціи о дружбѣ являются избитымъ общимъ мѣстомъ ненавистнымъ умнымъ людямъ, ибо въ дѣйствительности друзей уже давно нѣтъ" [3]). Хорошо знакомый съ итальянской литературой эпохи Возрожденія Фигероа, вѣроятно, имѣлъ въ виду созданный ею подъ вліяніемъ Цицерона культъ дружбы [4]). Наконецъ, вліяніе гуманизма сказалось въ защитѣ благородства духа и отрицаніи наслѣдственнаго благородства [5]).

Выяснивъ литературное и культурно-историческое значеніе перепечатаннаго памятника, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о самомъ его изданіи. Я уже сказалъ выше, что Bibliotеca Renacimiento имѣетъ въ виду широкую публику, a Sociedad de Bibliófilos Españoles — спеціалистовъ и небольшой кружокъ любителей-библіофиловъ. Благодаря этому орѳографія текста въ первомъ изданіи цѣликомъ модернизирована. Такъ какъ изданіе Bibliotеca Renaciemto совершенно не претендуетъ на научность, то я не буду опять говорить о томъ, какъ должно издавать тексты, о чемъ уже достаточно говорили Morel-Fatio, Mérimée и Bonilla y San Martin [6]).

---

[1]) El Passagero, Bibliόf. Esp., стр. 286—287; Bibl. Renac., стр. 189.

[2]) El Passagero, Bibliόf. Esp., стр. 399—400; Bibl. Renac., стр. 266 и 178.

[3]) El Passagero, Bibliόf. Esp., стр. 201 и сл.; Bibl. Renac., стр. 129—132.

[4]) См. *Th. Zielinski*, Cicero im Wandel der Jahrhunderte, Leipzig, 1908, стр. 101 и 249.

[5]) El Passagero, Bibl. Renac., стр. 28, 36, 37, 324 и мн. др.

[6]) См. *A. Morel-Fatio*, Cervantes et le troisième centenaire du „Don Quichotte", Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen, Brunswich,

Изданіе Sociedad de Bibliófilos Españoles воспроизводитъ въ точности текстъ мадридскаго изданія 1617 года, допустивъ лишь слѣдующія измѣненія: 1) сокращенія раскрыты; 2) по ошибкѣ наборщика 1-го изданія разъединенныя слова соединены, а по ошибкѣ соединенныя разъединены; 3) нѣсколько измѣнено раздѣленіе на параграфы; 4) очевидныя ошибки исправлены, на что даются указанія въ примѣчаніяхъ; 5) длинное „s" замѣнено короткимъ; 6) модернизированы знаки препинанія и вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ случаяхъ прописныя буквы замѣнены строчными и обратно. Принявшій на себя редактированіе текста американецъ Selden Rose прекрасно справился со своей задачей. Остается только пожалѣть, что такой интересный въ историческомъ и филологическомъ отношеніи памятникъ, какъ El Passagero, вышелъ безъ комментарія, которымъ могли бы украсить изданіе такіе знатоки дѣла, какъ Франсиско Родригесъ Маринъ Амесуа-и-Майо или Бонилья-и-Санъ Мартинъ.

С. Боткинъ.

Проф. А. Билимовичъ. Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Ч. I Кіевъ. 1914. Стр. 301.

Сочиненіе проф. Билимовича представляетъ собою то, что обыкновенно именуется въ политической экономіи теоріей цѣнности; это психологическая теорія цѣнности, та теорія, которая создана психологическимъ направленіемъ экономистовъ или школой предѣльной полезности.

Сущность этого направленія заключается въ томъ, что оно отказывается отъ объективныхъ моментовъ при опредѣленіи цѣнности и рыночной цѣны (издержекъ производства, трудовыхъ затратъ и т. д.), пытаясь построить теорію цѣнности исключительно исходя изъ субъективной точки зрѣнія, изъ индивидуальной психологіи потребителя. Потребности человѣка, вытекающая изъ нихъ полезность и предѣльная полезность хозяйственныхъ благъ или предметовъ есть то основаніе, на которомъ базируется и которымъ опредѣляется субъективная цѣнность и далѣе объективная мѣновая цѣнность и рыночная цѣна товаровъ.

Теорія эта, если не считать болѣе раннихъ зачатковъ ея, была впервые высказана Госсеномъ, а затѣмъ почти одновременно въ

1906, стр. 14, 23, 24.—*E. Mérimée*, Bul. hist., томъ XVI, nº 1, стр. 120—121.—A. Bonilla y San Martin, Anales de la Literatura Española, Madrid, 1904, стр. 225.

началѣ 1870-хъ годовъ развита Джевонсомъ, Менгеромъ и Вальра. Въ 1880-хъ годахъ ее подробно разработали австрійскіе экономисты (Визеръ, Бемъ-Баверкъ, Цукеркандль, Заксъ, Ауспицъ, Либенъ и др.), почему психологическое направленіе получило названіе австрійской школы, хотя и писатели другихъ національностей, въ особенности американцы (Паттенъ, Кларкъ), много занимались ученіемъ о цѣнности съ психологической точки зрѣнія. Но съ половины 1890-хъ годовъ изслѣдованія австрійцевъ въ этой области прекращаются и ученіемъ предѣльной полезности занимаются почти исключительно немногіе американскіе писатели (Карверъ, Феттеръ, Зелигманъ), да изслѣдователи, заимствовавшіе отъ Госсена, Джевонса и Вальра математическія формулы, въ которыхъ они стараются выразить скалу потребностей, предѣльную полезность и т. д., наконецъ спеціалисты-психологи, изучающіе цѣнность не какъ чисто-экономическое явленіе, а въ качествѣ обще-философскаго понятія, какъ одну изъ категорій воли (Эренфельсъ, Мюнстербергъ, Мейнонгъ). При этомъ надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что не только австрійская школа за послѣднія 20 лѣтъ не дала ничего новаго въ области теоріи цѣнности, но и экономисты-американцы психологическаго направленія перенесли центръ тяжести своихъ работъ въ область ученія о распредѣленіи и о капиталѣ, отводя проблемамъ цѣнности сравнительно немного мѣста. Напротивъ, новѣйшіе изслѣдователи въ области ученія о цѣнности, въ особенности нѣмецкіе (Аммонъ, Шумпетеръ, Лифманъ, Цвидинекъ и др., а также Лексисъ, Дицель) стараются примирить теорію психологическую съ объективнымъ направленіемъ въ ученіи о цѣнности, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ пытаются опредѣлить вліяніе и такихъ факторовъ, которые, не относясь къ области индивидуальной психологіи, игнорировались психологическимъ направленіемъ, но которые имѣютъ не меньше значенія при расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ, чѣмъ индивидуальная психика потребителя.

Въ противоположность этимъ примирительнымъ попыткамъ, проф. Билимовичъ въ своемъ сочиненіи придерживается почти исключительно, если не считать отдѣльныхъ отступленій, въ особенности въ послѣдней части книги, психологическаго направленія, включая въ послѣднее и школу экономистовъ-математиковъ (хотя въ предисловіи онъ указываетъ на то, что намѣренъ—очевидно, во второй части, которая еще не вышла—учитывать и объективный моментъ). Слѣдуя основателямъ теоріи предѣльной полезности, онъ беретъ въ качествѣ исходной точки потребности, затѣмъ старается, какъ они это дѣ-

лаютъ, выяснить скалу потребностей, подробно останавливаясь на законахъ Госсена (и дополненіяхъ Кларка). Далѣе авторъ анализируетъ вопросъ о сравнимости и измѣримости потребностей, составляющій объектъ обстоятельнаго изученія австрійскихъ и американскихъ экономистовъ, при чемъ отказывается отъ примѣненія математическаго метода. Во второй главѣ авторъ, опять-таки по примѣру экономистовъ австрійской школы, опредѣляетъ понятіе цѣнности и выясняетъ сущность субъективной цѣнности, различая при этомъ скалу полезности и скалу субъективной цѣнности, наконецъ онъ устанавливаетъ предѣльную полезность. Въ послѣдней главѣ о цѣнѣ и объективной мѣновой цѣнности онъ отступаетъ отъ обычнаго пониманія послѣдней, въ особенности у экономистовъ психологическаго направленія; но въ дальнѣйшемъ ставитъ себѣ цѣлью выясненіе цѣны по тому плану, какъ это установлено Менгеромъ, Визеромъ, Бемъ-Баверкомъ, т. е. прежде всего опредѣлить цѣну при обмѣнѣ между двумя хозяйствами (двусторонней монополіи), затѣмъ при односторонней монополіи и наконецъ, при двусторонней конкуренціи. Одинъ изъ случаевъ послѣдней есть тотъ, когда продавецъ сбываетъ товары, въ которыхъ онъ не нуждается—только этотъ подвидъ третьяго случая имѣетъ для насъ значеніе, касается дѣйствительной жизни, ибо всѣ прочіе случаи составляютъ рѣдкія исключенія.

Стоя такимъ образомъ всецѣло на почвѣ теоріи предѣльной полезности, авторъ все же не ограничивается повтореніемъ того, что уже сказано другими. Теорія цѣнности психологическаго направленія разработана весьма многими авторами, далеко не всегда согласными между собою, и содержитъ много разнообразныхъ контроверзъ, являющихся и до сихъ поръ предметомъ оживленныхъ споровъ среди экономистовъ этого лагеря, какъ и тѣхъ изслѣдователей, которые стараются примирить эту субъективную теорію съ объективной. Проф. Билимовичъ подробно останавливается на каждомъ такомъ спорномъ вопросѣ, разбираетъ существующіе взгляды, какъ и возраженія противниковъ психологическаго направленія, и высказываетъ свое мнѣніе, обстоятельно мотивируя свою точку зрѣнія и внося различныя поправки и дополненія въ существовавшую до сихъ поръ теорію цѣнности или формулируя выводы и опредѣленія иначе, чѣмъ другіе авторы. Книга его представляетъ собою послѣдовательно продуманную систему и читатель-спеціалистъ съ интересомъ слѣдитъ за постепеннымъ ходомъ развитія его мыслей. При этомъ, если не считать нѣсколькихъ туманныхъ мѣстъ (въ особ. въ § 25), сочиненіе

написано чрезвычайно ясно и понятно, что составляетъ большую заслугу именно для теоретика, изучающаго вопросы цѣнности; какъ американскіе экономисты, такъ и новѣйшіе нѣмецкіе (Шумпетеръ, Аммонъ и др.), даже не принадлежащіе къ психологической школѣ, далеко не отличаются ясностью, не говоря уже о математическомъ направленіи, изслѣдованія котораго для большинства экономистовъ нерѣдко совершенно недоступны. Наконецъ, достоинство сочиненія А. Д. Билимовича состоитъ и въ богатой приводимой имъ литературѣ. Если не считать нѣкоторыхъ, преимущественно русскихъ работъ по вопросамъ цѣнности, пропущенныхъ авторомъ (напр. Смирнова—Къ ученію о цѣнности, Дэна—О цѣнности, Л. Буха—Элементы политической экономіи, Будина, Слонимскаго, статей о цѣнности, помѣщавшихся въ „Научномъ обозрѣніи"; изъ иностранныхъ напр. не упоминается второе сочиненіе Stolzmann'a, Der Zweck in der Volkswirtschaft. 1909. Liebknecht. Zur Geschichte der Werttheorie in England, Brentano, Zur Entwicklung der Wertlehre. Kostanecky. Der Wert vom wirtschaftsgesch. Standpunkt),—то онъ использовалъ повидимому всю относящуюся къ этой проблемѣ литературу. При этомъ А. Д. Билимовичъ въ обширныхъ выноскахъ излагаетъ существующія по данному вопросу мнѣнія словами самихъ авторовъ, въ текстѣ же, не останавливаясь на отдѣльныхъ многообразныхъ, нерѣдко лишь въ подробностяхъ отклоняющихся другъ отъ друга, мнѣніяхъ, даетъ общую критику данной точки зрѣнія.

Таковы достоинства сочиненія А. Д. Билимовича. Что же касается недостатковъ его, то они почти всецѣло вытекаютъ изъ того метода, которымъ онъ пользуется, изъ того направленія, къ которому онъ примыкаетъ.

Авторъ считаетъ нужнымъ оправдываться въ томъ, что онъ избралъ именно этотъ методъ, въ особенности неоднократно доказываетъ, что экономистъ въ правѣ заниматься вопросами психологіи, изучать тѣ проблемы психологіи, которыя необходимы для пониманія экономическихъ явленій и на которые психологи не даютъ отвѣта (стр. 34—35). Онъ даже говоритъ о „непрерывныхъ окрикахъ, раздающихся по адресу каждаго изслѣдователя, который хотя на шагъ ушелъ за предѣлы строго ограниченной области", и находитъ, что экономисты при своихъ экскурсахъ въ область психологіи „гораздо болѣе осторожны, нежели философы, психологи, историки и представители другихъ наукъ въ ихъ экскурсахъ въ область экономическихъ явленій" (стр. 256).

Конечно, противъ разсмотрѣнія проблемъ психологіи, разъ они необходимы для выясненія экономическихъ явленій, ничего нельзя возразить. Нельзя согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые отказываются отъ анализа тѣхъ или другихъ вопросовъ, входящихъ въ составъ изучаемыхъ ими проблемъ, ссылаясь на то, что это относится къ другой, смежной области знанія; разъ выясненіе ихъ необходимо, то оно должно быть сдѣлано, независимо отъ того, въ какую рубрику оно входитъ. Авторъ правильно приходитъ (въ экскурсѣ къ гл. I) къ тому заключенію, что оперированіе математическими величинами при анализѣ теоріи цѣнности совершенно излишне; но если бы оказалось, что математическій методъ необходимъ, то всякому экономисту приходилось бы не только изучать высшую математику, но и примѣнять ее при своихъ изслѣдованіяхъ о цѣнности, и онъ не могъ бы оправдываться тѣмъ, что это математика, а не политическая экономія.

Но, конечно, экскурсы въ область психологіи можно дѣлать лишь въ томъ случаѣ, если они необходимы, въ данномъ случаѣ для теоріи цѣнности. Но авторъ этого не доказалъ. Онъ могъ бы отбросить весь отдѣлъ потребностей, могъ бы исключить вопросъ объ измѣримости потребностей и непосредственно исходить изъ субъективной цѣнности, какъ даннаго. Конечно, почему не заняться и вопросомъ о потребностяхъ, для большей ясности и полноты изложенія? Но въ такомъ случаѣ, почему не пойти и дальше? Почему, напр., ограничиваться понятіемъ потребности, скалой ихъ, вопросомъ о соизмѣримости, но не изучать проблемъ о томъ, „что создаетъ потребности, какъ произошли разныя потребности, почему такія, а не иныя, почему онѣ идутъ въ такомъ порядкѣ въ смыслѣ ихъ интенсивности". А между тѣмъ проф. Билимовичъ рѣшительно отказывается отъ всѣхъ этихъ вопросовъ, какъ относящихся къ другимъ наукамъ. Почему разложеніе потребностей на простѣйшіе психическіе элементы, анализъ этихъ элементовъ и отысканіе причинъ потребностей,—почему все это, какъ утверждаетъ авторъ, составляетъ уже предметъ психологіи? (стр. 54). Здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о простой любознательности экономиста—какъ авторъ полагаетъ—а объ уясненіи именно той проблемы потребностей, которую онъ считаетъ столь важной. Углубленіе нашихъ свѣдѣній о потребностяхъ, объ ихъ элементахъ, выясненіе ихъ причинъ и т. д. значительно содѣйствовало бы пониманію потребностей и разрѣшенію цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ проблемой соизмѣримости ихъ, съ вопросомъ о предѣльной полезности и т. д. Разъ—

какъ онъ и самъ признаетъ—другія науки до сихъ поръ не занялись изученіемъ этого, то, очевидно,—по аналогіи съ изложеннымъ выше— и здѣсь экономистъ вынужденъ совершить экскурсъ въ область психологіи и иныхъ отраслей знанія.

А съ другой стороны, разъ мы признаемъ, что изученіе основныхъ свойствъ потребностей, ихъ измѣримости и т. д. — которымъ занимается авторъ — не является безусловно необходимымъ, а есть до извѣстной степени предметъ роскоши для экономиста — если можно такъ выразиться,—то почему экономисту заняться именно этими, относящимися къ психологіи вопросами, а не другими весьма многочисленными проблемами въ ученіи о цѣнности, которыя авторъ отбрасываетъ, но которыя кромѣ экономиста никто другой изучать не станетъ и не можетъ. Таково, напр., вліяніе прежнихъ цѣнъ („законъ косности" въ экономической жизни), вліяніе нехозяйственныхъ мотивовъ на расцѣнку; авторъ признаетъ значеніе этихъ „второстепенныхъ" причинъ, но только считаетъ возможнымъ игнорировать ихъ, пока не законченъ анализъ болѣе важныхъ условій (стр. 16—17, 19—20), пока не имѣется точныхъ свѣдѣній о силѣ и характерѣ ихъ вліяній. Не лучше ли и не цѣлесообразнѣе ли было выяснить вліяніе этихъ факторовъ, чѣмъ заниматься вопросомъ объ основныхъ свойствахъ потребностей? Или почему авторъ отбрасываетъ при самомъ уже анализѣ потребностей вліяніе тѣхъ факторовъ, которые вызываетъ техника рынка—реклама, витрины и т. д., а беретъ скалу потребностей прямо въ ея конечной формѣ? Онъ и тутъ признаетъ, что „всѣ эти факторы, если не полностью, то въ значительной мѣрѣ также подлежатъ экономическому анализу" и задача будущаго—учесть дѣйствіе этихъ факторовъ (стр. 56—57). И все же отказывается отъ анализа ихъ.

Все это авторъ дѣлаетъ просто потому, что такъ поступаетъ направленіе предѣльной полезности, къ которому онъ примыкаетъ. Особенность этого направленія заключается въ томъ, что оно усердно занимается тѣмъ, что относится къ области индивидуальной психологіи, но всячески избѣгаетъ всего того, что требуетъ научнаго анализа окружающихъ насъ соціальныхъ явленій. Писатели этой школы прямо неспособны изучать, напр., вліяніе организаціи торговли и рынка на расцѣнку предметовъ, роль различныхъ факторовъ, которыми руководствуются синдикаты, желѣзнодорожныя компаніи (какъ упоминаетъ А. Д. Билимовичъ) при установленіи цѣнъ и т. д. Но авторъ напрасно слѣдуетъ за ними. Онъ самъ, какъ показываютъ его преды-

дущія сочиненія, прекрасно могъ бы выполнить именно эти задачи, что дало бы новые результаты и имѣло бы, пожалуй, большую цѣнность для науки, чѣмъ разборъ вопроса о соизмѣримости потребностей.

Впрочемъ, надо оговориться. Мы сказали, что направленіе предѣльной полезности интересуется лишь индивидуальной психологіей. На самомъ дѣлѣ даже и это не вполнѣ правильно. Теоретики предѣльной полезности, называющіе свою теорію психологической и постоянно твердящіе о психологіи человѣка, въ сущности знаютъ и изучаютъ психологію весьма мало. И они сами, какъ это ни странно, открыто это признаютъ. Визеръ прямо говоритъ: „Мы желаемъ оставаться независимыми отъ психологическаго обоснованія теоріи воли или ученія о чувствахъ или чего либо другого. Мы ищемъ такого знанія, которое оставалось бы въ силѣ, какія бы основныя психическія явленія ни установила психологія. Если угодно, можно сказать, что мы являемся и желаемъ оставаться профанами въ области психологіи“ (Jahrb. für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. 1911, p. 915). Такимъ образомъ, Визеръ, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей психологическаго направленія, вполнѣ признаетъ то, въ чемъ упрекалъ это направленіе за нѣсколько лѣтъ до того критикъ ученія о цѣнности Бемъ-Баверка. Въ чемъ заключаются—спрашиваетъ онъ — „психологическія основанія“ теоріи цѣнности Бемъ-Баверка? Ни Бемъ-Баверкъ, ни другіе теоретики предѣльной полезности не обнаружили знакомства съ психологіей въ своихъ сочиненіяхъ. Ибо общія фразы о границѣ насыщенія и о субъективномъ благополучіи едва ли можно отнести къ „открытіямъ“ въ области психологіи. Правда, они много повторяли слово „психологія“... но ни самостоятельныхъ изслѣдованій въ наукѣ психологіи, ни пользованія сочиненіями психологовъ-спеціалистовъ въ книгахъ этихъ писателей мы не найдемъ (Liefschitz. Zur Kritik der Böhm-Bawerk'schen Werttheorie. 1908, p. 88—89). „Непонятно — продолжаетъ тотъ же авторъ—какъ вообще могъ возникнуть споръ о томъ, относится ли психологія къ проблемѣ цѣнности. Ни сторонники, ни противники этого взгляда не знали психологіи, и теоретикамъ предѣльной полезности вѣрили на слово, что они занимаются психологіей, чего они вовсе не заслужили“.

Неудивительно при такихъ условіяхъ, что теорія предѣльной полезности такъ мало двигается впередъ; отказываясь отъ изученія психологіи, она—какъ признаетъ и А. Д. Билимовичъ—„вовсе не ставитъ себя въ зависимость отъ различныхъ спорныхъ психологическихъ

или физіологическихъ теорій" (стр. 96) и поэтому, конечно, вынуждена оперировать съ немногими общими положеніями, которыя, быть можетъ, психологія какъ наука вовсе не признаетъ. Когда же эти профаны въ области психологіи — какъ самъ называетъ себя Визеръ — дѣлаютъ попытку пойти дальше, то это „желаніе оставаться независимымъ отъ психологіи" приводитъ къ результатамъ въ родѣ теоріи Бемъ-Баверка о настоящихъ и будущихъ благахъ, выведенной не на почвѣ научныхъ данныхъ психологіи, а на основаніи его собственныхъ размышленій, и, конечно, приводитъ къ результатамъ совершенно произвольнымъ и противорѣчащимъ дѣйствительности.

Какъ оперируютъ съ „психологіей" теоретики предѣльной полезности — объ этомъ сообщаетъ одинъ изъ ихъ представителей. „Что люди—говоритъ онъ—имѣютъ потребности и стараются ихъ удовлетворить, что отдѣльныя потребности выступаютъ въ видѣ конкретныхъ потребностей различной интенсивности, что скалы интенсивности отдѣльныхъ потребностей не однообразны, что по мѣрѣ удовлетворенія потребностей интенсивность дальнѣйшаго желанія убываетъ, что, наконецъ, люди въ такой мѣрѣ придаютъ значеніе вещамъ, признаннымъ ими пригодными для удовлетворенія ихъ потребностей, въ какой отъ обладанія этими вещами зависитъ удовлетвореніе болѣе сильной или слабой потребности—это почти все, что необходимо для выведенія принципа цѣнности. Но это все факты, доступные ежедневному опыту, и наблюдающему ихъ совершенно безразлично, принимаетъ ли ихъ также и психологія за исходный пунктъ своего изслѣдованія или дѣлаетъ ихъ предметомъ своего анализа" (Mayer въ Zeitschr. für Volkswirtschaft, Sozialpol. und Verwalt. 1911). Вотъ весь „психологическій" багажъ теоретиковъ предѣльной полезности, основанной не на изученіи психологіи, а на „повседневномъ опытѣ".

А. Д. Билимовичъ соглашается съ этими взглядами. На возраженіе же Шумпетера (Das Wesen und der Hauptinhalt der theoret. Nationaloekonomie, p. 68—69), что о потребностяхъ мы можемъ заключить лишь на основаніи наблюденія надъ поступками человѣка или на основаніи внутренняго опыта, между тѣмъ первое не даетъ ничего новаго, а второй ненадеженъ,—на это отрицаніе „повседневнаго опыта" авторъ не даетъ никакого объясненія. Авторъ на стр. 35 утверждаетъ въ унисонъ съ писателями австрійской школы, что „отправляясь отъ потребностей, экономистъ часто вовсе не входитъ въ чуждую ему область психологіи и физіологіи", беретъ данныя психологіи въ качествѣ исходныхъ положеній; въ другихъ случаяхъ эко-

номистъ подобнымъ же образомъ отправляется, напр., отъ фактовъ техническихъ.

Но какъ же это вяжется съ приведеннымъ выше утвержденіемъ А. Д. Билимовича, что экономисту приходится дѣлать экскурсъ въ область психологіи? Вѣдь въ отдѣлѣ производства экономистъ, говоря о машинахъ, объ условіяхъ сельско-хозяйственнаго труда и т. д., пользуется тѣмъ, что твердо установлено въ области технологіи, агрономіи и т. д., и самъ не занимается проблемами техники, не предпринимаетъ экскурсовъ въ эти области знанія. Иное дѣло въ отношеніи науки психологіи: экскурсы въ область психологіи, съ одной стороны, и безразличное отношеніе къ проблемамъ, существующимъ въ этой наукѣ—съ другой стороны!

И въ данномъ случаѣ важно не это противорѣчіе въ книгѣ, а тотъ фактъ, что авторъ не замѣтилъ противорѣчія во всемъ направленіи предѣльной полезности, именующаго себя психологическимъ и не желающаго изучать психологіи, и подписался подъ заявленіями сторонниковъ этой теоріи вмѣсто того, чтобы ихъ рѣшительно отвергнуть, признать ихъ полнѣйшую несостоятельность.

Автору приходится оправдываться не только въ томъ, что онъ дѣлаетъ „экскурсъ въ область психологіи", изучая потребности и субъективную цѣнность, но и въ томъ, что онъ посвящаетъ почти всю свою книгу (256 изъ 306 страницъ текста) такому вопросу, какъ выясненіе субъективной цѣнности, которая составляетъ „не соціальное, а индивидуальное явленіе", является расцѣнкой въ изолированномъ хозяйствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представляетъ ли для экономической науки какой либо смыслъ изученіе образованія цѣнности въ изолированномъ хозяйствѣ, т. е. тамъ, гдѣ нѣтъ обмѣна? Авторъ какъ будто и самъ соглашается съ отрицательнымъ отношеніемъ къ изученію цѣнности въ изолированномъ хозяйствѣ, говоря, что „при такомъ пониманіи изолированнаго хозяйства, разсматриваемаго не какъ историческое хозяйство, а какъ искусственно построенный для цѣлей абстрактнаго изслѣдованія простѣйшій теоретическій случай, падаютъ всѣ многочисленные упреки въ оперированіи съ «робинзонадами» и въ «неисторичности» послѣднихъ" (стр. 5). Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ книги авторъ разсматриваетъ этотъ случай не какъ простѣйшій случай расцѣнки, изученіе котораго необходимо для пониманія болѣе сложныхъ явленій въ мѣновомъ хозяйствѣ, а въ качествѣ имѣющаго самостоятельное значеніе и прямо заявляетъ, что „наука о хозяйствѣ не исчерпывается общественнымъ хозяйствомъ

и хозяйственными отношеніями между людьми". Онъ утверждаетъ, что „хозяйство изолированное, а въ хозяйствѣ общественномъ индивидуальныя хозяйственныя дѣйствія—напр. выборъ лицомъ предмета потребленія—также относятся къ хозяйственнымъ явленіямъ", а для нихъ субъективная цѣнность такое же основное понятіе, какъ цѣна и объективная мѣновая цѣнность для явленій общественнаго хозяйства (стр. 253—55). Но противъ этого включенія въ экономическую науку изолированнаго и индивидуальнаго хозяйства необходимо рѣшительно протестовать. Изолированное хозяйство никакого отношенія не можетъ имѣть къ политической экономіи—если его не разсматривать какъ упрощенный случай для пониманія болѣе сложныхъ—по той простой причинѣ, что такого изолированнаго хозяйства нѣтъ и никогда не было. Робинзонъ, очутившійся на необитаемомъ островѣ, остался единственнымъ не только на островѣ, но и въ исторіи вообще, но экономической наукѣ онъ одинъ причинилъ гораздо больше вреда, чѣмъ милліоны другихъ людей. Создалось представленіе, будто бы существуетъ и мыслимо такое изолированное хозяйство; Коморжинскій даже посвятилъ ему спеціальное изслѣдованіе: „Der Wert in der isolierten Wirtschaft".

На самомъ дѣлѣ въ первобытную эпоху люди никогда не жили изолированно, а представляли собою организаціи общинныя, племенныя, родовыя, организаціи первобытнаго коммунизма; они жили группами и работали группами, артелями, а не каждый въ отдѣльности. Позже была правда эпоха замкнутаго домашняго хозяйства, какъ ее назвалъ Бюхеръ, и въ древности и въ средніе вѣка, но, во-первыхъ, нѣкоторый обмѣнъ съ другими хозяйствами и здѣсь встрѣчался, а, во-вторыхъ, если въ замкнутомъ хозяйствѣ возмездныя сдѣлки имѣли мало значенія, то одностороннія сдѣлки—даренія, уплата оброка, виры и т. д.—и здѣсь находимъ, и такое хозяйство опять-таки ничего общаго съ хозяйствомъ Робинзона не имѣло; оно покоилось на трудѣ многихъ.

Но и въ качествѣ упрощенія пользованіе Робинзономъ съ его мѣшками зеренъ (см. Бемъ-Баверкъ) весьма опасно для экономической науки. Вѣдь потребности человѣка возникаютъ не только подъ вліяніемъ голода, необходимости покрыть свое тѣло и т. д. Напротивъ, большая часть потребностей вытекаетъ изъ того, что человѣкъ живетъ въ обществѣ; поэтому онъ ощущаетъ потребность въ нѣсколькихъ различныхъ платьяхъ, поэтому онъ слѣдуетъ за модой, поэтому онъ имѣетъ потребность въ украшеніяхъ и т. д. Все это

потребности, вызываемыя обществомъ, а не индивидуальной нуждой человѣка въ даннаго рода благахъ. Недаромъ нѣкоторые экономисты утверждаютъ, что цѣнность есть соціальное явленіе, желая этимъ сказать, что большая часть благъ пріобрѣтаетъ цѣнность подъ вліяніемъ общественныхъ условій и внѣ общественнаго хозяйства ея бы не могла имѣть. И распространеніе субъективной цѣнности, выведенной для изолированнаго хозяйства, на современное общественное хозяйство сопряжено съ большими опасностями. Подобно тому, какъ общественное хозяйство не есть просто сумма отдѣльныхъ хозяйствъ, и возникающая въ общественномъ хозяйствѣ цѣнность едва ли можетъ быть разсматриваема какъ продуктъ индивидуальныхъ оцѣнокъ отдѣльныхъ хозяйствующихъ субъектовъ; она нѣчто совершенно отличное отъ этихъ индивидуальныхъ оцѣнокъ, настолько же отличное, насколько соціальная психологія, народная психологія отлична отъ психики отдѣльныхъ лицъ.

Потому-то выясненіе явленія цѣнности не только для изолированнаго хозяйства, но и для индивидуальнаго хозяйства въ предѣлахъ общественно-хозяйственнаго организма не можетъ представлять никакого интереса—частное хозяйство не относится къ наукѣ общественной экономіи, политической экономіи, національной экономіи, какою является экономическая наука; отводить же ей служебную роль, какъ мы уже указали, крайне опасно, ибо цѣнность въ общественномъ хозяйствѣ представляетъ собою соціальную категорію качественно отличную отъ индивидуальныхъ оцѣнокъ отдѣльныхъ лицъ. Правъ Ольденбергъ (Festgaben für Ad. Wagner, p. 277), говорящій, что субъективная теорія цѣнности представляетъ собою философію индивидуальнаго хозяйства, vademecum для теоретизирующихъ домашнихъ хозяевъ и домашнихъ хозяекъ, подобно технологіи или ученію о бухгалтеріи.

Въ послѣднее время дѣлаются попытки создать особую науку частной экономіи; для нея очевидно имѣло бы значеніе выясненіе субъективной цѣнности. О такой наукѣ мечтаютъ напр. Вейерманъ и Шеницъ (Weyrmann-Schönitz. Wissenschaftliche Privatwirtschaftslehre. 1912); они хотѣли бы создать изъ нея самостоятельную дисциплину, дополняющую политическую экономію, науку о народномъ хозяйствѣ. Но большинство экономистовъ не присоединилось къ ихъ взглядамъ. И Брентано, и Эренбергъ, и Диль и другіе авторы указываютъ на то, что изученіе частнаго хозяйства происходитъ уже весьма давно, такъ что такое расширеніе экономической науки не представляло бы собою ничего новаго. (См. напр. Diehl. Jahrbücher für Nationaloeko-

nomie. 1913). Но только частное хозяйство всегда разсматривалось не какъ нѣчто самостоятельное, а въ качествѣ составной части общественнаго хозяйства; подъ угломъ зрѣнія общественной экономіи и только съ такой точки зрѣнія анализъ отдѣльнаго предпріятія, фабричнаго, торговаго, сельско-хозяйственнаго и т. д. можетъ представлять интересъ для экономиста. Изученіе же въ качествѣ чего-то самостоятельнаго, изученіе индивидуальныхъ разсчетовъ предпринимателя есть объектъ коммерческихъ дисциплинъ и никакого отношенія къ экономической наукѣ не имѣетъ. Еще менѣе входитъ въ область экономической науки анализъ не конкретнаго отдѣльнаго мѣнового хозяйства, предпріятія, работающаго для рынка, о которомъ говорятъ сторонники науки частнаго хозяйства, а анализъ хозяйственныхъ дѣйствій, не соприкасающихся со сферой обмѣна, напр. „выборъ лицомъ предметовъ потребленія". Въ противоположность утвержденію А. Д. Билимовича (стр. 254, прим.), „понятіе экономіи необходимо суживать до понятія національной экономіи".

До выясненія цѣны въ мѣновомъ хозяйствѣ авторъ не дошелъ, ибо первая часть его сочиненія, къ сожалѣнію, обрывается на понятіи цѣны и объективной мѣновой цѣнности—остается не выясненнымъ, какъ авторъ воспользуется установленной имъ индивидуальной цѣнностью для анализа рыночныхъ цѣнъ. Для его метода, какъ метода школы предѣльной полезности, которой онъ слѣдуетъ, является однако характернымъ то обстоятельство, что въ качествѣ задачи будущей второй части книги онъ ставитъ себѣ расцѣнку благъ не только при условіяхъ конкуренціи, но и при наличности монополіи. На такую широкую постановку проблемы онъ неоднократно указываетъ (стр. 268, 271 и др.). Но въ то же время онъ, къ удивленію читателя, игнорируетъ вліяніе таксъ (стр. 15), заявляя, что намѣренъ разсматривать только цѣну вольную (стр. 268). Это должно вызвать недоумѣніе по той причинѣ, что между таксой, опредѣляемой напр. городомъ, и монопольной цѣной, устанавливаемой синдикатомъ или трестомъ, весьма много общаго. Правда, органы различные и въ одномъ случаѣ (такса) цѣна устанавливается въ качествѣ обязательной для третьихъ лицъ, а въ другомъ случаѣ (цѣна синдикантная) она опредѣляется для лицъ, устанавливающихъ цѣну, участвующихъ въ соглашеніи. Но фактически вліяніе ихъ въ обоихъ случаяхъ однородное; свободное соглашеніе ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не исключается (такса его вовсе не устраняетъ), а устанавливается для него лишь извѣстный предѣлъ—таксой обыкновенно максималь-

ный (хотя въ средніе вѣка бывали и минимальныя таксы, которыя устанавливались цехами для своихъ же членовъ и въ ихъ интересахъ), а синдикатной цѣной — минимальный. Этотъ предѣлъ не можетъ быть нарушенъ, но въ отводимыхъ имъ рамкахъ имѣетъ мѣсто свободное соглашеніе. Интересъ и заключается въ выясненіи того, какое вліяніе на образованіе цѣны оказываетъ наличность такого искусственно установленнаго предѣла.

Авторъ какъ будто беретъ только второй изъ возможныхъ здѣсь случаевъ—установленіе низшаго предѣла, но не высшаго. Однако такъ это кажется лишь на первый взглядъ; въ дѣйствительности онъ и этого не дѣлаетъ. Его и наличность монополій синдикатовъ не интересуетъ, ибо это моментъ усложняющій ту задачу, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ намѣренъ изучать не дѣйствительную жизнь, гдѣ мы находимъ монопольныя цѣны синдикатовъ и трестовъ, а несуществующую и ни для кого не интересную монополію въ видѣ наличности одного продавца при многихъ покупателяхъ или одного продавца и одного покупателя. Эта задача, конечно, столь же мало интересна для экономической науки, какъ изученіе частнаго хозяйства. Но она входитъ въ составъ ученія о цѣнности, согласно методу австрійской школы. Тутъ-то и разъясняется недоумѣніе; вотъ почему авторъ, отказывающійся учитывать какія-бы то ни было привходящія условія, въ данномъ случаѣ беретъ не только конкурентную, но и монопольную цѣну. Послѣдняя является для него базисомъ, исходя изъ котораго онъ уже намѣренъ строить цѣну, получающуюся при наличности многихъ продавцовъ и многихъ покупателей.

Проф. А. Д. Билимовичъ несомнѣнно положилъ много труда въ свое сочиненіе, обнаруживъ въ немъ серьезную эрудицію и недюжинныя способности въ области абстрактнаго мышленія. Но примѣняемый имъ методъ австрійской школы долженъ вызвать много возраженій. Утвержденіе его, что построенная этимъ методомъ теорія будетъ правильна, но только не полна, что въ виду игнорированія ряда условій, она потребуетъ только дополненій (стр. 24)—это утвержденіе имъ не доказано. Быть можетъ, этихъ дополненій придется сдѣлать такъ много, что результатъ совершенно измѣнится; быть можетъ, полученные имъ выводы окажутся лишь результатами перваго дѣйствія задачи, именуемой теоріей цѣнности, результатами, имѣющими весьма мало общаго съ тѣмъ, что должно получиться, когда вся задача будетъ рѣшена.

I. Кулишеръ.

Нѣсколько замѣчаній въ отвѣтъ на рецензію г-на А. Изюмова.

Въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1914 годъ появилась рецензія г-на А. Изюмова на мою книгу *Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей, вып. I.* На ряду съ интересными и цѣнными критическими замѣчаніями отзывъ этотъ по моему неудачно освѣщаетъ два весьма важныхъ вопроса, требующихъ поэтому дополнительнаго обсужденія.

Первый вопросъ касается способа веденія англійской торговли въ Россіи въ XVI-мъ вѣкѣ. Ссылаясь на мой выводъ, что англичане торговали въ Россіи на одинъ общій капиталъ, авторъ отзыва говоритъ: „Московская компанія будто-бы первая построилась по типу Joint Stock Company. Утвержденіе совершенно новое и довольно неожиданное. Къ сожалѣнію данныя, которыя приводитъ авторъ, едва ли вполнѣ подтверждаютъ высказанную мысль". Я не знаю, читалъ ли г-нъ Изюмовъ внимательно цитаты, приводимыя мною на стр. 28, 29 и 30. Когда памятники говорятъ, что „члены общества должны вести торговлю не каждый отдѣльно для себя, но *общую для всѣхъ*", что „ни одинъ англійскій купецъ не можетъ торговать въ Россіи кромѣ Вильяма Гаррета и его компаніи, соединенной съ нимъ *въ одинъ общій капиталъ*" и наконецъ „что компанія состояла изъ 80 человѣкъ, торговавшихъ на *одинъ цѣльный и общій капиталъ* (*in one entire and common stock*)", то, мнѣ кажется, трудно послѣ этого сомнѣваться, что компанія торговала на общій капиталъ. Если г-ну Изюмову эти доводы тѣмъ не менѣе кажутся не убѣдительными, пусть онъ посмотритъ недавно вышедшую книгу профессора *Scott* „The Joint-Stock Companies to 1720", здѣсь въ числѣ компаній общаго капитала (Joint-Stock Companies) уже фигурируетъ на первомъ мѣстѣ „Russia Company". Къ тому же убѣжденію пришелъ и молодой американскій ученый *A. J. Gerson* въ своемъ очеркѣ „The Organization and early History of the Muscovy Company" [1]). Такимъ образомъ фактъ этотъ установленъ почти одновременно тремя историками, работавшими совершенно независимо другъ отъ друга въ трехъ различныхъ странахъ, Англіи, Америкѣ и Россіи, и кромѣ г-на Изюмова врядъ ли возбуждаетъ теперь сомнѣніе въ комъ либо изъ спеціалистовъ. Совершенно вѣрно, что онъ имѣетъ большое значеніе для экономи-

[1]) Смотри *Studies in the History of English Commerce in the Tudor Period* Univ. of Pennsylvania, 1912.

ческой исторіи, такъ какъ отодвигаетъ на полъ-вѣка впередъ моментъ появленія въ Англіи первыхъ акціонерныхъ компаній. Г-нъ Изюмовъ полагаетъ, что въ Москвѣ никогда не смотрѣли на англичанъ, какъ на лицъ, торгующихъ на общій капиталъ. Но отчего же тогда во многихъ русскихъ памятникахъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ [1]), англичанъ прямо называютъ „складчиками"? Это нисколько не мѣшало московскому правительству интересоваться числомъ лицъ, торгующихъ въ Россіи, и ревниво оберегать русскую торговлю отъ чрезмѣрнаго расширенія компаніи путемъ вступленія въ нее новыхъ членовъ.

Ссылаясь въ своей критикѣ на грамоту 1628 года, г-нъ Изюмовъ впадаетъ въ методологическую ошибку, забывая, что книга моя касается лишь XVI-го вѣка; въ данномъ вопросѣ особенно строго слѣдуетъ различать эпохи. Какъ ни странно можетъ это показаться на первый взглядъ, приходится констатировать, что „Русская Компанія", торговавшая на всемъ протяженіи XVI-го вѣка какъ Joint-Stock Company, въ XVII-мъ вѣкѣ, въ царствованіе царя Михаила, рѣшила поправить свои дѣла, обратившись къ болѣе старинному способу торговли въ видѣ Regulated Company. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлая серія неизданныхъ памятниковъ XVII-го вѣка, хранящихся въ Лондонѣ и Москвѣ, которые будутъ напечатаны во II-омъ выпускѣ моей книги. Такъ 30-го мая 1623 года король Іаковъ I извѣщаетъ письменно царя Михаила [2]), что англичане рѣшили торговать въ Россіи новымъ способомъ, не въ видѣ Joint-Stock Company, а каждый въ отдѣльности. Вслѣдъ за тѣмъ 9-го ноября въ Москву пріѣхалъ англичанинъ Христофоръ Коксъ, который просилъ, „чтобы англійскимъ купцамъ торговавшимъ въ Россіи на общій капиталъ (in one joynt stock), было разрѣшено отнынѣ торговать отдѣльно, каждому человѣку за самого себя [3]). Просьба англичанъ возбудила на первыхъ порахъ большія колебанія у осторожнаго московскаго правительства [4]). Однако въ 1628 году (годъ, на который указываетъ г-нъ Изюмовъ) англичане повидимому торгуютъ въ Россіи каждый за себя

---

[1]) См. напр. *Сб. Имп. Русск. Историч. Общ.*, т. 38.

[2]) Оригиналъ этого письма въ Москвѣ въ *Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Англ. Грам.*, № 34; копія—въ Лондонѣ, *Public Record Office, State Papers, Russia II.*

[3]) Отвѣтъ Коксу см. *Publ. Rec. Off., State Pap. Russia* II.

[4]) Оригиналъ письма царя Михаила къ королю Іакову I отъ іюня 1624 года въ *Publ. Rec. Off., Royal Letters* 49.

и, въ виду тѣсноты на одномъ дворѣ при новомъ способѣ торговли, просятъ отвести имъ еще новые дворы [1]).

Все вышеизложенное, думается мнѣ, не оставитъ никакого сомнѣнія у г-на Изюмова въ томъ, что въ XVI-омъ вѣкѣ въ Россіи англійская торговля дѣйствительно велась на общій капиталъ, а этотъ пунктъ весьма важно установить незыблемо разъ на всегда, такъ какъ этимъ путемъ „Russia Company“ пріобрѣтаетъ совершенно исключительное значеніе въ экономической исторіи Англіи, какъ первая компанія Joint-Stock.

Второй вопросъ, поднятый моимъ почтеннымъ критикомъ, касается причинъ паденія англійской торговли и роли голландцевъ въ Московскомъ государствѣ. Отвѣчу попутно и на упрекъ г-на Изюмова, будто я совершенно произвольно ограничиваю свой первый выпускъ хронологически, тогда какъ „конецъ XVI-го вѣка не имѣлъ какого либо рѣшающаго значенія въ исторіи русской торговли“. XVI-ый вѣкъ есть періодъ расцвѣта англійской торговли въ Россіи, тогда какъ XVII-й есть періодъ ея упадка. Пусть упадокъ начался нѣсколько раньше, что было отмѣчено мною и въ моей книгѣ, но установленіе опредѣленной даты въ этомъ случаѣ, разумѣется, невозможно, а царствованія Ѳедора и Бориса во многомъ еще продолжаютъ политику Грознаго въ отношеніи къ англичанамъ. Нельзя также не считаться съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что Смутное Время начинаетъ собою въ Россіи новую эпоху и вызванныя имъ потрясенія не могли не отразиться на дѣятельности англичанъ въ Московскомъ государствѣ. При изученіи памятниковъ „Русской компаніи“ ясно чувствуется въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣка переломъ; члены усиленно стараются ввести новыя реформы, организовать торговлю на новыхъ началахъ; конечнымъ результатомъ этихъ усилій является указанный нами переходъ отъ „Joint-Stock“ въ „Regulated Company“. Самый этотъ фактъ уже говоритъ достаточно ясно о томъ, что англійская торговля въ XVII-омъ вѣкѣ ведется иначе, чѣмъ въ XVI-омъ. Даже самые предметы торговли становятся нѣсколько иными. Въ XVI-мъ вѣкѣ первую роль играли канаты и воскъ; въ XVII-омъ огромное значеніе пріобрѣтаетъ вывозъ зерна изъ Россіи, а также охота на моржей и китовъ въ Гренландіи, упоминается въ памятникахъ табакъ и нѣкоторые другіе новые предметы ввоза.

---

[1]) Письмо царя Михаила къ королю Карлу I, сохранившееся лишь въ англійскомъ переводѣ, *State Pap. Russia II*, *f-os* 175—179.

Перейдемъ теперь къ причинамъ упадка англійской торговли въ Россіи; онѣ, несомнѣнно, сложны и многочисленны; сводить ихъ исключительно къ появленію голландцевъ, какъ это склоненъ дѣлать г-нъ Изюмовъ, по моему невозможно. Прежде всего приходится отмѣтить огромное вліяніе на торговыя сношенія отношеній дипломатическихъ. Самъ Грозный неоднократно указывалъ въ своихъ письмахъ къ королевѣ Елизаветѣ, что неудача, постигшая его проектъ политическаго союза съ Англіей, сильно повліяла на его отношеніе къ англичанамъ. Что касается голландцевъ, то сказать, что англичане потеряли свое первенствующее мѣсто, потому что появились голландцы, недостаточно; необходимо выяснить, почему голландцы могли вытѣснить и вытѣснили англичанъ съ московскихъ рынковъ, а этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь путемъ детальнаго изученія экономическаго роста Голландіи, которое удобнѣе всего пріурочить къ XVII-му вѣку, періоду расцвѣта голландской торговли и колоніальной политики. Характерно, что безпошлинность англійской торговли, создавшая англичанамъ завидное положеніе на московскихъ рынкахъ въ XVI-омъ вѣкѣ, является въ XVII-омъ одной изъ главныхъ причинъ ихъ неудачъ и торжества надъ ними голландцевъ, платившихъ пошлины; это—лишній разъ указываетъ, какъ измѣнились времена.

Въ заключеніи скажу еще, что памятники XVII-го вѣка по вопросу англо-русскихъ отношеній почти всѣ не изданы, и работа по нимъ въ русскихъ, англійскихъ и голландскихъ архивахъ не можетъ не занять много времени, а потому изданіе XVI-го вѣка отдѣльнымъ выпускомъ было вполнѣ естественнымъ; а появленіе очерка Gerson'а подтверждаетъ высказанное мною въ предисловіи этого выпуска мнѣніе о нежелательности откладывать на долгое время опубликованіе полученныхъ результатовъ въ виду того, что вопросъ объ англо-русскихъ отношеніяхъ принялъ характеръ очередного и въ другихъ странахъ. Кстати Gerson, о работѣ котораго нельзя не отозваться съ похвалой, хотя, къ сожалѣнію, онъ, по незнанію языка, игнорировалъ русскій матеріалъ, тоже нашелъ вполнѣ раціональнымъ ограничить свое изслѣдованіе хронологически, посвятивъ его исключительно XVI-му вѣку.

Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію г-на Изюмова, что цѣлостный трудъ по исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ государствами Запада былъ бы весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу, но съ другой стороны не могу не выразить пожеланія, чтобы такая книга появилась возможно позднѣе, лишь какъ конечный результатъ цѣлой серіи отдѣльныхъ изслѣдованій, неизбѣжно ограниченныхъ

въ пространствѣ и времени. Для прекраснаго зданія необходимъ прочный фундаментъ, а отдѣльные камни его еще пока не обтесаны; есть ли при этихъ условіяхъ смыслъ строить его на зыбкомъ пескѣ чужихъ непровѣренныхъ мнѣній и гадательныхъ обобщеній? и не лучше ли нѣсколькимъ отдѣльнымъ работникамъ взять на себя пока кропотливую работу изученія архивнаго матеріала и твердаго установленія спорныхъ фактовъ? Лично я предпочитаю роль одного изъ такихъ скромныхъ работниковъ и буду вполнѣ удовлетворена, если мои выпуски „Исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей" лягутъ въ качествѣ небольшихъ, но прочныхъ камней въ фундаментъ будущей обобщающей работы по исторіи экономическихъ сношеній Россіи съ Западомъ.

Инна Любименко.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ 1916 года.

— *Гуляевъ, А. Д., проф.* Лекціи по исторіи древней философіи. Изданіе второе съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями. Казань 1916. 383 стр. Цѣна 2 р. 75 к.

— *Лебедевъ, Е. Е.* Порховъ и его окрестности. Историческій очеркъ. Новгородъ 1915. 65+13 стр.+5 картъ.

— *Ананьинъ, С. А.* Интересъ по ученію современной психологіи и педагогики. Кіевъ 1915. 500 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Туберовскій, А.* Воскресеніе Христово. (Опытъ мистической идеологіи пасхальнаго догмата). Сергіевъ Посадъ 1916. 340+IV стр. Цѣна 2 р. 75 к.

— Первые мѣсяцы царствованія Михаила Θеодоровича (Столпцы Печатнаго приказа). Подъ редакціей и съ предисловіемъ *Л. М. Сухотина.* Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1915. XXIV+239 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Ламанскій, В. И.* Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. Критическія замѣтки. П. 1915. II+262 стр.

— *Приклонскій, А.* Кирилловскій ѣздъ 7061 г. Правдивое сказаніе о дняхъ запамятныхъ. П. 68 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Витязевъ, Петръ.* Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодской губерніи и его занятія антропологіей. Изданіе Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края. Вологда 1915. 27+2 стр.

— *Лавровъ, П. Л.* Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ

Вологодской губерніи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. А. Золотарева. Изданіе Вологодскаго Общества изученія Сѣвернаго края. Вологда 1915. 13 стр.

— *Алексѣевъ, А. А.* Бюджетное право французскаго парламента. П. 1915. 106 стр.

— *Венгеровъ, С. А., проф.* Источники словаря русскихъ писателей. Т. II. Гогоцкая-Карамзинъ. С.-Пб. 1910. 598 стр. Цѣна 4 р.—Т. III. Карамышевъ-Ломоносовъ. П. 1914. 524 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

— Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1908 годъ. П. 1915. 269+13 стр.—То же за 1909 годъ. П. 1915. 291 стр.

— *Макаровъ, С. О.* Разсужденія по вопросамъ морской тактики. П. 1916. Стр. 1—240. (Библіотека Морского Сборника. № 1).

— *Бухтѣевъ, А. М.* Приливы у Сибирскаго побережья Сѣвернаго Ледовитаго океана по наблюденіямъ русской полярной экспедиціи въ 1900—1903 гг.—II. Приливы у острововъ Анжу или Ново-Сибирскихъ, въ лагунѣ Нерпалахъ на западномъ берегу о—ва Котельнаго. Съ 1 чертежемъ въ текстѣ, 2 картами и 3 діаграммами. П. 1915. 16 стр. Цѣна 60 к. (Научные результаты Русской Полярной Экспедиціи 1900—1903 гг., подъ начальствомъ барона Э. В. Толля. Отдѣлъ В: Географія физическая и математическая. Вып. 5. Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXVI. № 5).

— *Annandale, N.* Description of a freshwater sponge from the North-West of Siberia. With 4 figures. П. 1915. 3 стр. Цѣна 25 к. (Научные результаты экспедиціи братьевъ Кузнецовыхъ на Полярный Уралъ въ 1909 г., подъ начальствомъ О. О. Баклунда. Вып. 9. Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXVIII. № 9).

— *Бялыницкій-Бируля, А.* Aurora borealis. II. Журналъ наблюденій надъ полярными сіяніями во время второй зимовки Русской Полярной Экспедиціи въ 1901—1902 гг. въ губѣ Нерпичьей у западнаго берега о—ва Котельнаго (Ново-Сибирскіе о—ва). Съ 1 картой. П. 1915. 92 стр. Цѣна 1 р. (Научные результаты Русской Полярной Экспедиціи 1900—1903 гг., подъ начальствомъ барона Э. В. Толля. Отдѣлъ В: Географія физическая и математическая. Вып. 6. Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXVI. № 6).

— *Зеленинъ, Я. К.* Великорусскія сказки Вятской губерніи. Съ приложеніемъ текста вотяцкихъ сказокъ. П. 1915. XLIV+640 стр. Цѣна 2 р. 50 к. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи. Томъ XLII).

— Годичный отчетъ о состояніи Императорскаго Казанскаго университета за 1914 годъ. Казань 1915. 216+84+44 стр.

— Смутное время Московскаго государства 1604—1613 гг. Матеріалы, изданные Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Выпускъ 4-й. Арзамасскіе помѣстные акты

1578—1618 гг.). Собралъ и редактировалъ *С. Б. Веселовскій*. XVI+I+736 стр. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1916 года, книга первая).

— *Благовидовъ, Ѳ. В.* Отчеты о состояніи Тифлисскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1913—1914 и 1914—1915 учебные годы. Тифлисъ 1915. 84 стр.

— Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1914 годъ. Съ приложеніемъ списка книгъ, поступившихъ въ библіотеку И. В. Э. Общества. П. 1915. 87+561—580 стр.

— *Бертенсонъ, Левъ.* Необходимъ ли Петрограду медицинскій факультетъ и ощущается ли въ Россіи нужда во врачахъ? П. 1916. 25 стр.

— *Егоровъ, Д. Н.* Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Т. II. Процессъ колонизаціи. М. 1915. 614 стр. Цѣна 5 р.

ПОПРАВКА.

Въ напечатанной въ февральской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* рецензіи на переводъ *De Cive* необходимо вставить (стр. 395, строка 16-я) слѣдующія слова: „Переводчикъ, очевидно, считался съ текстомъ Дѣян. Апост. 9, 6. Но тамъ (въ *русск.* синод. перев.) находимъ слово *идти*, а не «переть». А кромѣ того, онъ произвольно замѣнилъ слово Гоббса *stimulus* (въ *единств.* числѣ) словомъ текста Дѣяній *stimuli* (contra stimulos, — *множ.* число). Нужно было считаться и съ этою замѣною. Вѣдь, у Гоббса и манера цитатъ своеобразна и *умышленно* не точна“!

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ГР. Л. Н. ТОЛСТОЙ, КАКЪ ХУДОЖНИКЪ.

Опытъ эстетической критики [1]).

II.

Другая выдающаяся черта творчества гр. Л. Н. Толстого состоитъ въ томъ, что онъ является несравненнымъ мастеромъ въ изображеніи *широкихъ* историческихъ и бытовыхъ картинъ. Какъ уже не разъ отмѣчалось критикою, въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ не только въ русской, но и въ западной литературѣ. Батальныя картины въ „Войнѣ и мирѣ",—особенно бой подъ Шёнграбеномъ и Бородинское сраженіе,—занятіе французами Москвы, ихъ пребываніе тамъ и пожаръ древней столицы, отступленіе великой арміи, псовая охота въ имѣньи Ростовыхъ, сѣнокосъ и конскія скачки въ „Аннѣ Карениной"—всѣ эти картины нарисованы съ такою силой, что онѣ проносятся въ умѣ читателя съ живостью отчетливыхъ сновидѣній: словно волшебствомъ авторъ переноситъ его въ обстановку изображаемыхъ событій и заставляетъ переживать ихъ. Впечатлѣніе получается неизгладимое, остающееся на всю жизнь.

Въ чемъ же секретъ этого поразительнаго мастерства? Какими пріемами и средствами достигаетъ гр. Толстой удивительной силы и яркости рисунка въ изображеніи широкихъ картинъ?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, приходится вновь обратиться къ общей теоріи искусства и на этотъ разъ напомнить нѣкоторые положенія и выводы одной классической, хотя, къ сожалѣнію, полузабытой книги. Я имѣю въ виду „Лаокоона" Лессинга, между прочимъ,

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1916 годъ.

прекрасно переведеннаго на русскій языкъ [1]). Напередъ извиняюсь передъ читателемъ, если я нѣсколько задержу его на теоретическихъ соображеніяхъ, необходимыхъ, по моему мнѣнію, для рѣшенія поставленной задачи.

Основная идея нѣмецкаго поэта-мыслителя заключается въ томъ, что *природа* матеріала, которымъ пользуются изобразительныя искусства (музыки Лессингъ не касается), опредѣляетъ какъ ихъ *задачи*, такъ, при выступленіи за черту этихъ задачъ,—*особые пріемы* творчества.

Если скульптура и живопись обусловливаются въ своей работѣ матеріаломъ пространственнаго измѣренія, первая—глыбой мрамора или кускомъ глины, а вторая—полотномъ холста и наносимыми на него красками, если тамъ и здѣсь приходится творить въ *пространствѣ* и, стало быть, воспроизводить *данныя совмѣстнаго существованія*, то отсюда слѣдуетъ само собою, что прямыя задачи скульптуры и живописи—изображать стойкія состоянія покоя, *статическія картины*. При выступленіи же за границы этихъ задачъ онѣ должны прибѣгать къ особымъ пріемамъ, вызываемымъ свойствами матеріала, которымъ онѣ располагаютъ. Лессингъ дѣлаетъ попытку опредѣлить эти пріемы, но я не послѣдую за нимъ, такъ какъ не имѣю въ виду говорить ни о скульптурѣ, ни о живописи.

Иначе дѣло стоитъ въ области *поэзіи*, оперирующей при помощи слова. Человѣческая рѣчь течетъ во *времени* и выражается въ чередующейся смѣнѣ идей и образовъ, обозначаемыхъ словами, какъ ихъ условными знаками. Будучи въ основѣ своей движеніемъ, она по самой природѣ своей призвана изображать *движеніе*, воспроизводить преемственные моменты измѣняющихся явленій или *динамическія картины*. А если она ставитъ себѣ цѣлью рисовать состоянія покоя,—она должна слѣдовать *особымъ пріемамъ*, отвѣчающимъ ея средствамъ: какимъ либо образомъ она должна *разлагать* состояніе покоя на моменты движенія.

Поясняя свою мысль, Лессингъ указываетъ на Гомера, который, изображая щитъ Ахиллеса, не просто описываетъ его, а разсказываетъ, какъ работалъ надъ нимъ Гефестъ, послѣдовательно выковывая одну сцену за другой. Поэтъ заставляетъ насъ какъ бы присутствовать при этой работѣ. Въ результатѣ получается настолько живое изобра-

---

[1]) *Лессингъ*. Лаокоонъ, или о границахъ живописи и поэзіи. Пер. Е. Эдельсона. Москва, 1859.

женіе, что по нему западные ученые не безъ успѣха пытались возстановить рисунокъ щита Ахиллеса.

На другомъ примѣрѣ Лессингъ показываетъ, какъ различно обрабатываютъ одну и ту же тему древній живописецъ и древній поэтъ: оба, Зевксисъ и Гомеръ, желаютъ дать представленіе о красотѣ Елены, ради которой возникла Троянская война. Съ этой цѣлью Зевксисъ просто рисуетъ безукоризненно прекрасную женщину, при взглядѣ на которую въ душѣ современнаго ему грека невольно шевелилась мысль: да, изъ-за такой женщины можно было начать войну. Съ тою же самою цѣлью Гомеръ, мудро сторонясь описанія греческой красавицы, вводитъ ее въ собраніе троянскихъ старцевъ и разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое производитъ она на этихъ угасающихъ холодныхъ людей, поддающихся, тѣмъ не менѣе, ея неотразимому очарованію. Оба прекрасно достигаютъ своей цѣли, но каждый идетъ своею дорогой, указываемой средствами его искусства.

Такова основная и, мнѣ кажется, вѣрная мысль Лессинга, которая, однако, въ отношеніи поэзіи требуетъ одной необходимой оговорки. Мысль эта вѣрна, если дѣло идетъ объ изображеніи *сложной* статической картины; разложеніе послѣдней на динамическіе моменты является непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго разрѣшенія задачи, въ чемъ,—надѣюсь,—читатель убѣдится еще болѣе изъ дальнѣйшаго изложенія. Но та же мысль едва ли примѣнима къ такимъ статическимъ картинамъ, которыя характеризуются двумя-тремя чертами. Здѣсь этотъ искусственный пріемъ разложенія, казалось бы, представляется излишнимъ, такъ какъ и простое описаніе можетъ дать вполнѣ законченный художественный образъ.

Независимо отъ сдѣланной оговорки, мысль Лессинга, поскольку она касается поэзіи, нуждается, на мой взглядъ, въ дальнѣйшемъ *углубленіи* въ отношеніи статическихъ картинъ и въ *расширеніи* относительно картинъ динамическихъ.

Она должна быть *углублена* въ томъ смыслѣ, что, рисуя статическую картину, поэтъ вынуждается разлагать ее на динамическіе моменты не только потому, какъ думаетъ Лессингъ, что наша рѣчь течетъ во времени, но главнымъ образомъ еще и потому, что этого требуетъ *одно изъ основныхъ свойствъ* нашего духа, какъ начала динамическаго по преимуществу. Это свойство состоитъ въ томъ, что предметомъ нашего вниманія, а, слѣдовательно,—нашей ясной и отчетливой мысли, въ каждую данную минуту можетъ быть *что либо одно*, ограниченное *тѣсными* рамками; переходя къ другому, мы должны

1*

или совсѣмъ покидать то первое, или оставлять его въ полутьмѣ нашего сознанія. Больше того,—чѣмъ уже кругъ нашей мысли, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе ея работа. Ясность и отчетливость нашихъ умственныхъ операцій находятся въ обратномъ отношеніи къ широтѣ поля нашего духовнаго зрѣнія.

Наше вниманіе,—этотъ въ основѣ своей волевой актъ,—является тѣмъ внутреннимъ фонарикомъ, при свѣтѣ котораго работаетъ наше сознаніе. Чѣмъ ближе придвигаемъ мы свой фонарикъ къ занимающему насъ предмету и, стало быть, чѣмъ больше ограничиваемъ поле нашего зрѣнія, тѣмъ лучше освѣщаемъ данный предметъ и тѣмъ точнѣе отражаются его черты въ нашемъ умѣ. Если мы хотимъ обратиться къ другимъ предметамъ, мы должны послѣдовательно передвигать свой фонарикъ, поочередно освѣщая ихъ его свѣтомъ и оставляя смутнымъ или совсѣмъ темнымъ прежнее содержаніе сознанія. Правда, мы можемъ отодвинуть нашъ фонарикъ на нѣкоторое разстояніе, и освѣщаемое поле раздвинется; но по мѣрѣ отдаленія мы будемъ все болѣе и болѣе проигрывать въ ясности и отчетливости нашихъ умственныхъ процессовъ.

Указанное основное свойство нашего духа присуще всѣмъ проявленіямъ нашего сознанія. Оно характеризуетъ работу и нашей абстрактной мысли, и нашего воображенія. Въ частности мы должны считаться съ нимъ какъ при *воспріятіи*, такъ и при *изображеніи* рѣчью сложныхъ статическихъ картинъ.

Мы входимъ, напр., въ залъ музея и бросаемъ общій взглядъ на большую и сложную картину Рѣпина „Казаки". Если мы видимъ картину въ первый разъ, то въ насъ отложится при этомъ лишь самое смутное представленіе. По необходимости мы вынуждены будемъ останавливать свое вниманіе на отдѣльныхъ фигурахъ и взаимномъ ихъ расположеніи. Не довольствуясь и этимъ, мы не разъ должны будемъ переходить съ мѣста на мѣсто, всматриваясь въ картину то справа, то слѣва, то приближаясь къ ней, то удаляясь отъ нея, чтобы уяснить себѣ отдѣльныя части и ихъ положеніе въ общей композиціи. Лишь окончивъ этотъ длительный и подробный осмотръ картины, мы составимъ о ней представленіе, ясное въ цѣломъ и отчетливое въ подробностяхъ.

При *воспріятіи* сложной картины мы должны, такимъ образомъ, разсматривать ее по частямъ. И если, несмотря на то, въ результатѣ мы получаемъ въ нашемъ умѣ цѣльный образъ, то лишь потому, что онъ закрѣпленъ *объективно*: въ своемъ неподвижномъ состояніи онъ

пребываетъ передъ нами, сцѣпляя отдѣльныя и разновременныя впечатлѣнія въ одно цѣльное представленіе.

Если мы обратимся къ *изображенію* сложной картины при помощи рѣчи, т. е. къ поэзіи, то пріемъ разложенія избранной темы на составныя части является неизбѣжнымъ пріемомъ, который, однако, самъ по себѣ еще не разрѣшаетъ задачи. Рисуя при посредствѣ образныхъ представленій, художникъ долженъ располагать свои краски не въ плоскости, какъ живописецъ, а во времени, въ послѣдовательномъ ихъ чередованіи, т. е. изображать картину посредствомъ описанія ея отдѣльныхъ частей. Но эти описанія, какъ бы жизненны и ярки ни были, не могутъ привести его къ желаемой цѣли. Они представятъ собою обособленные куски или обрывки картины. Только напряженнымъ усиліемъ воли или съ помощью какихъ либо вспомогательныхъ средствъ, напр.—графическихъ иллюстрацій, мы можемъ связать разрозненныя части въ одно цѣлое, какъ это, между прочимъ, имѣетъ мѣсто въ научныхъ описаніяхъ. Но ни тотъ, ни другой путь не отвѣчаетъ требованіямъ поэзіи: тамъ и здѣсь—напряженіе, трудъ, а не художественное воспріятіе, которое должно отлагаться въ насъ само собою, свободно и непринужденно, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны. Въ подтвержденіе того, что простое описаніе частей сложной картины еще не даетъ художественнаго изображенія, можно указать на ландшафтные рисунки И. С. Тургенева, которыхъ у него много. Даже рѣдкое изящество и чарующая прелесть языка не спасаютъ его описаній природы, которыя оставляютъ въ душѣ читателя блѣдный и смутный слѣдъ. Это потому, что между обособленными чертами его рисунковъ нѣтъ объединяющей связи.

Казалось бы, ясно, что для созданія художественнаго образа простого разложенія сложной картины на составныя части еще недостаточно. Для этого нужно разложеніе *особаго вида*, которое воспроизводило бы въ нашемъ воображеніи цѣлое изъ разрозненныхъ отрывковъ, связывая ихъ между собою. А именно такимъ пріемомъ и является разложеніе статической картины на *динамическіе моменты*. Чтобы послѣдовательно воспринимаемое нами во времени при помощи рѣчи отражалось въ нашемъ сознаніи, какъ одновременно пребывающее въ пространствѣ, нужно картину покоя такъ или иначе перевести въ движеніе, отдѣльныя стадіи котораго представляли бы преемственно возсоздаваемыя части этой картины. Устанавливаемая послѣдовательность стадій движенія служитъ при этомъ естественною связью между ними, придающею цѣльность всему изображенію. Такъ точно посту-

паетъ Гомеръ, когда, описывая щитъ Ахиллеса, разсказываетъ, какъ Гефестъ, шагъ за шагомъ, выковывалъ этотъ щитъ. Отдѣльныя сцены, выдѣланныя на немъ и рисуемыя поэтомъ подъ формою разсказа о стадіяхъ работы божественнаго мастера, связываются въ одну картину щита именно этою послѣдовательною работою. Ниже я подробно остановлюсь на вопросѣ о способахъ установленія связи между отдѣльными частями описанія сложной картины; здѣсь же обращусь къ другому само собою возникающему вопросу.

Какъ объяснить, что, воспринимая послѣдовательныя стадіи движенія при разложеніи поэтомъ статической картины на динамическіе моменты, въ результатѣ мы получаемъ въ нашемъ воображеніи статическій образъ? Другими словами, — какимъ образомъ изображаемое движеніе вызываетъ въ нашемъ сознаніи картину покоя?

Это происходитъ само собою, естественно и непроизвольно. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ обсуждаемыхъ случаяхъ мы всегда отправляемся отъ уже имѣющейся въ нашемъ умѣ идеи воспринимаемаго, хотя бы самой общей, но достаточной, чтобы сознавать, что передъ нами отмѣчаются поэтомъ моменты совмѣстнаго существованія, объективно образующіе одно цѣлое,—рисуются части, реально составляющія одну картину. Общая идея является при этомъ схемою, по которой располагаются въ опредѣленномъ порядкѣ послѣдовательно изображаемые отдѣльные рисунки. Читая разсказъ Гомера о работѣ Гефеста, я ни на минуту не забываю, что описываемыя сцены выковываются на щитѣ, общая форма котораго мнѣ извѣстна. Мысль о цѣломъ, какъ неистребимая предпосылка, въ видѣ общей идеи изображаемаго, играетъ въ поэзіи ту же роль, какую въ живописи— объективное закрѣпленіе частей сложной картины на одномъ холстѣ: какъ здѣсь послѣдовательное воспріятіе частей не лишаетъ насъ возможности составить общее представленіе о картинѣ, такъ тамъ послѣдовательное изображеніе отдѣльныхъ стадій движенія не мѣшаетъ воспроизведенію въ нашемъ сознаніи цѣльнаго статическаго образа. Этотъ образъ является непроизвольнымъ и неустранимымъ результатомъ нашихъ послѣдовательныхъ воспріятій.

Я упомянулъ выше, что основная мысль Лессинга требуетъ не только углубленія, но и *расширенія*. Она должна быть расширена въ отношеніи динамическихъ картинъ, составляющихъ исконную вотчину поэзіи.

Прежде всего среди этихъ картинъ нужно различать простыя и сложныя, обработка которыхъ представляетъ неодинаковыя трудности для художника.

Простыми динамическими картинами я называю тѣ, въ которыхъ художнику приходится изображать какое либо одинокое событіе, преемственныя стадіи котораго развертываются болѣе или менѣе обособленно, захватывая одновременно ограниченный кругъ лицъ. Таковы обычныя темы большинства романовъ, повѣстей и разсказовъ. Въ нихъ чаще всѐго излагается личная исторія или отдѣльный эпизодъ жизни героя или героини, или обоихъ ихъ вмѣстѣ. Картины этого рода являются наиболѣе простыми и въ то же время наиболѣе типическими, съ которыми приходится имѣть дѣло поэзіи,—типическими въ томъ смыслѣ, что въ нихъ проявляются въ самой элементарной формѣ пріемы, какими она оперируетъ и какіе подсказываются природою ея средствъ. Эти пріемы состоятъ въ картинномъ изображеніи смѣняющихся стадій разсказываемаго событія при помощи особыхъ красокъ, о которыхъ я скажу нѣсколько словъ ниже.

Сложныя динамическія картины обнимаютъ цѣлый рядъ параллельно совершающихся одинокихъ событій, связанныхъ между собою въ одно сложное событіе, — состоятъ изъ множества отдѣльныхъ ручьевъ, сливающихся въ одинъ общій потокъ. Таковы, напр., батальныя картины. Въ нихъ отдѣльные моменты сложнаго движенія представляютъ своего рода широкія статическія картины, художественное описаніе которыхъ само по себѣ встрѣчаетъ на своемъ пути великія трудности; а тутъ, сверхъ того, приходится изображать цѣлую серію такихъ послѣдовательныхъ моментовъ, что̀ въ высокой степени осложняетъ трудную задачу.

Съ перваго взгляда для рѣшенія этой задачи представляются возможными два пріема. Сложное событіе можно, казалось бы, расчленить или на преемственно слѣдующіе другъ за другомъ моменты, зарисовывая особо каждый изъ нихъ, или на отдѣльныя слагаемыя сложнаго движенія, изображая послѣдовательныя измѣненія каждаго слага́емаго. Въ первомъ случаѣ получился бы, такъ сказать, рядъ горизонтальныхъ кинематографическихъ лентъ, во второмъ — рядъ вертикальныхъ. Поясню свою мысль примѣромъ. Желая нарисовать картину какого либо сраженія, можно, казалось бы, изобразить сперва его начало, потомъ моментъ высшаго его напряженія и наконецъ его исходъ; но можно было бы также прибѣгнуть и къ другому пріему: нарисовать сраженіе по частямъ, слѣдя за ходомъ боя сначала въ центрѣ, потомъ послѣдовательно на правомъ и лѣвомъ крылѣ.

Однако, оба пріема, страдая крупными недостатками, только отчасти и въ малой мѣрѣ достигаютъ цѣли.

Какъ я уже мелькомъ замѣтилъ, изображеніе отдѣльныхъ моментовъ сложнаго движенія само по себѣ представляетъ великія трудности для художественнаго воспроизведенія. Каждый отдѣльный моментъ распадается на множество слагаемыхъ, простое описаніе которыхъ могло бы образно отложиться въ умѣ читателя развѣ при помощи графическихъ иллюстрацій или при помощи крайняго напряженія его собственной мысли, о чемъ я уже упоминалъ выше. Правда, посредствомъ искусственнаго разложенія того или другого сложнаго момента можно до нѣкоторой степени пособить горю. Образчикомъ такого разложенія является, напр., разсказъ гр. Толстого о томъ, что̀ развертывается и что̀ видитъ передъ собою Пьеръ Безуховъ въ началѣ Бородинскаго сраженія съ кургана у деревни Горокъ. Картина завязывающагося боя рисуется здѣсь впечатлѣніями и ощущеніями названнаго лица, сопровождаемыми бѣглыми замѣтками автора. Но пріемъ разложенія, столь отвѣчающій изображенію состояній покоя, имѣетъ весьма узкое примѣненіе къ изображенію сложныхъ динамическихъ моментовъ: каждый изъ нихъ есть прежде всего движеніе, закрѣплять которое можно лишь условно, осторожно и сдержанно, не застаиваясь на мѣстѣ и не рискуя придать своему закрѣпленію неподвижный характеръ, т. е. заморозить картину.

Но допустимъ на минуту, что художникъ удачно изобразилъ серію послѣдовательныхъ моментовъ сложнаго движенія, и все же мы не получимъ о немъ цѣльнаго представленія. Мы будемъ имѣть передъ собою рядъ разорванныхъ полосъ большого полотна, не приложенныхъ другъ къ другу и не дающихъ общей картины.

Такимъ образомъ, изображеніе смѣняющихъ другъ друга моментовъ сложнаго движенія въ лучшемъ случаѣ можетъ имѣть лишь подсобное значеніе при его художественномъ изображеніи.

То же слѣдуетъ сказать и о пріемѣ обособленія отдѣльныхъ составныхъ частей динамической картины и описанія послѣдовательныхъ измѣненій, какія испытываютъ эти части. Такой пріемъ часто употребляется художниками, и ниже мы встрѣтимся со многими его примѣненіями у гр. Толстого. Однако, онъ также не даетъ изображенія цѣльной картины. Художникъ можетъ, конечно, раздѣлить сложное событіе на составныя части и слѣдить за судьбою каждой изъ нихъ отдѣльно, зарисовывая совершающіяся въ ней перемѣны, какъ это дѣлаетъ, напр., Шекспиръ въ своихъ историческихъ хроникахъ, гдѣ этотъ пріемъ, примѣненный къ батальнымъ картинамъ, навязывается драматическою формою изображенія. Но, подобно

Шекспиру, онъ получитъ при этомъ только рядъ рисунковъ, изображающихъ обособленныя теченія, не сливающіяся въ общій потокъ. И этотъ пріемъ, слѣдовательно, можетъ играть только вспомогательную роль при художественной обработкѣ сложныхъ динамическихъ картинъ.

Чтобы дать живой образъ сложнаго событія, художникъ долженъ, очевидно, прибѣгнуть къ *особымъ* пріемамъ. Преслѣдуя свою задачу, онъ долженъ во множествѣ отдѣльныхъ теченій уловить и художественно изобразить тѣ изъ нихъ, которыя являются характерными чертами общаго потока; относительно прочихъ теченій онъ можетъ ограничиться попутными ремарками, дополняющими рисуемую картину. Среди мелькающихъ и толпящихся явленій онъ долженъ отличить главныя и существенныя отъ случайныхъ, побочныхъ и второстепенныхъ, выдвинуть основные рѣшающіе моменты сложнаго дѣйствія, выдѣлить и рельефно очертить направляющія его силы. Иначе говоря, онъ долженъ ввести читателя во внутренній смыслъ совершающагося событія, отмѣтить слагающіе его факторы и обрисовать ихъ руководящую роль въ общемъ ходѣ смѣняющихся положеній. Какъ увидимъ далѣе, гр. Толстой съ исключительнымъ мастерствомъ удовлетворяетъ этимъ притязательнымъ требованіямъ и даетъ широкія картины поразительной силы, въ родѣ, напр., огромной картины Бородинскаго сраженія.

Особые пріемы художника должны, слѣдовательно, состоять въ картинномъ изображеніи наиболѣе выдающихся и важныхъ эпизодовъ сложнаго событія, которые ярко обрисовываютъ ту или другую его сторону. По этимъ отдѣльнымъ рисункамъ, которые въ основѣ своей сводятся къ упомянутымъ выше случаямъ описанія одинокаго событія, въ умѣ читателя само собою, безъ его вѣдома и старанія, возсоздается картина цѣлаго, если, однако, художникомъ соблюдено одно *непремѣнное* условіе: необходимо, чтобы онъ установилъ наглядную для читателя *связь* между своими рисунками; иначе они останутся частичными этюдами задуманной общей картины.

Эта необходимая связь устанавливается обыкновенно *однимъ изъ двухъ способовъ*, главнымъ образомъ—въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли художникъ къ объективному или субъективному направленію въ искусствѣ. Въ первомъ случаѣ и связь носитъ объективный, а во второмъ—субъективный характеръ. Оба вида связи, обусловливаясь пріемами описанія, являются основными и потому чаще всего встрѣчаются въ художественныхъ произведеніяхъ.

Объективная связь обнаруживается непрерывною послѣдовательностью изображаемыхъ стадій сложнаго событія. Она получается въ томъ случаѣ, когда данное событіе изображается подъ формою преемственнаго развертыванія главныхъ его моментовъ, если это позволяетъ самое событіе, т. е. если избранные художникомъ моменты по времени и мѣсту непосредственно слѣдуютъ другъ за другомъ. Картина гибели Тараса Бульбы у Гоголя, приводимая ниже, можетъ служить образчикомъ связи этого рода.

Субъективная связь проявляется непрерывною послѣдовательностью чьихъ либо душевныхъ состояній, при посредствѣ которыхъ рисуется картина. Она возникаетъ въ томъ случаѣ, когда главные моменты сложнаго событія описываются переживаніями того или другого героя или самого автора. Непрерывность переживаній является тутъ связующею нитью. Такъ написаны картины сѣнокоса и Красносельскихъ скачекъ въ „Аннѣ Карениной“, гдѣ связью, объединяющею части въ одно цѣлое, служатъ переживанія Левина и Вронскаго.

Прибавлю для полноты, что оба вида связи нерѣдко переплетаются въ художественномъ разсказѣ, при чемъ, однако, въ мѣстахъ переплетенія всегда непосредственно примыкаютъ другъ къ другу.

Объективная и субъективная связи, подсказываемыя существомъ дѣла, преобладаютъ, какъ я сказалъ, въ художественныхъ произведеніяхъ. Но встрѣчаются и другого рода связи, изобрѣтаемыя художниками. Я не берусь перечислять ихъ, но на одинъ изъ такихъ образчиковъ укажу при анализѣ батальныхъ картинъ гр. Толстого.

Чтобы окончить теоретическія соображенія, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ *краскахъ*, какими пишутъ художники свои картины.

Будетъ ли художникъ рисовать статическую или динамическую картину, простую или сложную, его цѣль — дать живой образъ рисуемаго. А отсюда слѣдуетъ, что отвлеченныя понятія, являющіяся продуктами нашей аналитической мысли,—не краски для художника. Ему нельзя обойтись безъ нихъ, какъ живописцу—безъ масла. Онъ вынуждается пользоваться ими, но только какъ вспомогательнымъ средствомъ, не далѣе. Его настоящія краски—образныя представленія, откуда бы они ни почерпались,—все то, что̀ вызываетъ въ читателѣ картинныя движенія мысли, что̀ пробуждаетъ и заставляетъ работать его воображеніе. Это, такъ сказать, цвѣтные камни мозаики, которые подъ рукою художника превращаются въ картину,—тѣ особыя краски,

которыя требуются существомъ дѣла—задачею искусства рисовать образы.

Въ произведеніяхъ поэзіи наблюдаются двоякаго рода краски и двоякіе пріемы письма. Одни художники пишутъ свои образы объективными красками, тогда какъ другіе отдаютъ предпочтеніе краскамъ субъективнымъ. Разумѣется, установляя это различіе, нужно имѣть въ виду обычную оговорку. Въ чистомъ и исключительномъ видѣ эти краски и пріемы письма рѣдко встрѣчаются въ художественныхъ работахъ. По большей части они чередуются между собою, при чемъ у отдѣльныхъ писателей обыкновенно преобладаетъ та или другая манера письма.

Объективными красками служатъ наши образныя представленія, почерпаемыя изъ *внѣшнихъ* наблюденій и впечатлѣній, предметами которыхъ являются окружающіе насъ люди и безконечно разнообразный міръ живыхъ и мертвыхъ явленій. Пользуясь этими красками, художникъ по необходимости обрисовываетъ своихъ героевъ и изображаетъ событія внѣшними признаками и наружными очертаніями; на этой сторонѣ дѣла сосредоточено его вниманіе. Его герои характеризуются ихъ поведеніемъ, образомъ дѣйствій, манерами, весьма часто—ихъ своеобразной рѣчью и вообще какими либо внѣшними отличіями. Естественно, что бытовыя черты играютъ при этомъ особенно видную роль и приводятъ къ созданію типическихъ образовъ, прикованныхъ къ данному мѣсту и времени. Событія рисуются въ наружныхъ контурахъ, въ какихъ они отражаются въ глазахъ посторонняго наблюдателя. Художникъ обводитъ ихъ линіями и раскрашиваетъ красками, подъ какими объективная дѣйствительность отлагаетъ ихъ въ насъ. За внѣшними проявленіями героевъ вы угадываете ихъ настроенія и мотивы дѣйствій, а за наружными контурами событій—движущія ихъ силы; но непосредственно ни то, ни другое не дается вамъ, а если и дается, то лишь условно, въ словахъ изображаемыхъ дѣятелей или въ слабыхъ намекахъ автора. Словомъ, художникъ предлагаетъ вамъ картину, которая должна говорить сама за себя: по внѣшнимъ обнаруженіямъ дѣйствующихъ лицъ и по контурамъ событій вы сами заключаете, что̀ происходитъ тамъ, внутри, за этими наружными очертаніями. Прибавлять ли, что этотъ пріемъ письма при помощи объективныхъ красокъ свойственъ писателямъ, которыхъ я назвалъ въ своемъ мѣстѣ художниками объективнаго направленія?

Для иллюстраціи и въ подтвержденіе своей мысли позволю себѣ

напомнить читателю прекрасную картину Гоголя, изображающую гибель Тараса Бульбы.

Коронный гетманъ Потоцкій, съ пятью полками, преслѣдуетъ козацкій отрядъ Бульбы, справлявшій въ Польшѣ кровавые поминки по Остапѣ. Шесть дней длится неустанное преслѣдованіе, пока, наконецъ, Потоцкій не настигаетъ козаковъ на берегу Днѣстра, гдѣ они остановились для отдыха въ старой развалившейся крѣпости. Потоцкій окружаетъ козацкій отрядъ, который, однако, кирпичами и каменьями четыре дня отбиваетъ натиски поляковъ. Когда силы обороняющихся и средства обороны истощились, Тарасъ рѣшается пробиться сквозь вражескіе ряды, успѣшно выполняетъ отчаянное рѣшеніе, но въ ту минуту, когда спасеніе, казалось, обезпечено, вдругъ останавливается и кричитъ своимъ товарищамъ: „Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ!" Старый Тарасъ нагнулся, отыскивая въ травѣ свою люльку, а тѣмъ временемъ его окружила, облѣпила и повисла на его рукахъ и ногахъ толпа гайдуковъ. Пробовалъ было Тарасъ сбросить ихъ съ себя, да не взяла сила. „Эхъ, старость, старость!" воскликнулъ онъ и заплакалъ. Поляки, съ разрѣшенія гетмана, присудили сжечь его живымъ тотчасъ же, высоко привязали цѣпями къ сухому дереву, прибили гвоздемъ ему руки, а подъ деревомъ разложили костеръ. „«Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ,—разсказываетъ Гоголь далѣе,—не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его; глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались козаки: ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе,—кричалъ онъ,—горку, что̀ за лѣсомъ: туда не подступятъ они!» Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!» говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: «Къ берегу, къ берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны; всѣ забирайте, чтобы не было погони!» На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны козаками»". Они воспользовались предсмертнымъ совѣтомъ вождя, бросились на своихъ коняхъ съ крутизны въ воду и достигли челновъ. Но самъ Тарасъ горько расплатился за свой совѣтъ: его ударили обухомъ по головѣ, и онъ потерялъ сознаніе. „Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, уже козаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на

нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана. «Прощайте, товарищи!» кричалъ онъ имъ сверху: «вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чертовы ляхи!»—А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву"...

Я значительно сократилъ живописный разсказъ Гоголя, оставивъ только остовъ его; но я не позволилъ себѣ пропустить ни одной подробности, которая могла бы говорить противъ изложенныхъ теоретическихъ утвержденій. Какъ видитъ читатель, эти утвержденія находятъ полное оправданіе въ приведенномъ разсказѣ. Единство и цѣльность картины достигаются въ немъ изображеніемъ послѣдовательныхъ моментовъ развертывающагося событія, а самое событіе и старый Бульба описываются внѣшними чертами, изъ-за которыхъ, однако, ясно выступаютъ настроенія и мотивы дѣйствій участвующихъ лицъ. Полагаю, что болѣе подробный анализъ разсказа Гоголя былъ бы излишенъ, такъ какъ выводы, какіе онъ могъ бы дать, напрашиваются сами собою.

Субъективными красками въ художественныхъ произведеніяхъ являются внутреннія переживанія самого автора или изображаемыхъ имъ героевъ. Главнымъ образомъ этими переживаніями рисуются какъ событія, такъ и участвующія въ нихъ лица. Внѣшніе признаки отмѣчаются лишь настолько, насколько они являются поясняющими или дополняющими чертами рисунка и служатъ направляющими данными описываемыхъ душевныхъ движеній. Авторъ какъ бы вводитъ читателя въ свою душу или душу своихъ героевъ и заставляетъ передумать, перечувствовать, иногда перестрадать то, что вызвало и слагало данный душевный процессъ. Вмѣстѣ съ авторомъ или его дѣйствующими лицами читатель втягивается въ изображаемое событіе, становится какъ бы активнымъ его участникомъ и въ своемъ воображеніи, возбужденномъ разсказомъ, самъ дополняетъ черты, упущенныя и намѣренно недосказанныя писателемъ. Поэтому, рисуемое событіе проносится въ его умѣ съ яркостью, граничащею съ полной иллюзіей. Пріемъ письма трудный, но въ умѣлыхъ рукахъ дающій поразительное впечатлѣніе: изображаемое событіе совершается какъ будто передъ глазами самого читателя.

Этимъ пріемомъ письма въ совершенствѣ владѣетъ гр. Толстой. Какъ тонкій мастеръ своего дѣла, онъ не только умѣетъ вводить читателя во внутренній міръ своихъ героевъ, но порою позволяетъ

себѣ касаться переживаній рисуемыхъ имъ животныхъ. У иного писателя это могло бы отзываться сентиментальнымъ шаржемъ; у него-же— лишь оживляетъ рисунокъ и вноситъ въ него душевную теплоту. Достаточно вспомнить его „Холстомѣра", Фру-Фру въ „Аннѣ Карениной" и Мухортаго въ разсказѣ „Хозяинъ и работникъ". Но, конечно, не въ этихъ рисункахъ второстепеннаго значенія проявляется во всемъ блескѣ его талантъ. Ниже мы увидимъ въ изобиліи образчики другого рода.

Едва ли нужно подробно говорить, что субъективный пріемъ письма предъявляетъ къ художнику трудныя требованія. Онъ долженъ умѣть свободно хозяйничать въ нашей душѣ, разбираться въ безконечно разнообразныхъ переливахъ нашихъ настроеній и въ перемѣнахъ, какія вызываютъ въ нихъ мелькающія явленія изображаемой обстановки, выдѣлить характерныя теченія нашихъ внутреннихъ переживаній и дать имъ внѣшнее картинное выраженіе. Кромѣ того, рисуя событія переживаніями какого либо лица, онъ долженъ поставить себя на его мѣсто, войдти въ строй его мысли и чувства и въ ихъ свѣтѣ рисовать задуманную картину. Вотъ почему, между прочимъ, для него не все равно, какое лицо избираетъ онъ въ качествѣ зеркала, въ которомъ отражается его картина. Зеркало зеркалу рознь. Для вѣрности рисунка избираемое лицо должно отвѣчать возлагаемой на него задачѣ—представлять собою зеркало, дающее правильное отраженіе. Въ этомъ отношеніи даже гр. Толстой не всегда безупреченъ. Какъ увидимъ ниже, его Пьеръ Безуховъ во время Бородинскаго сраженія является прекраснымъ отраженіемъ частностей, но тусклымъ рисункомъ общей картины.

Само собою разумѣется, что субъективные пріемъ и краски письма являются естественными особенностями писателей, названныхъ мною художниками субъективнаго направленія. Въ первой части моего опыта я уже указывалъ, какъ этотъ пріемъ и эти краски примѣняются гр. Толстымъ къ изображенію его героевъ и что̀ въ результатѣ они даютъ. Мнѣ остается показать теперь, какъ они служатъ ему при созданіи широкихъ батальныхъ и бытовыхъ картинъ, къ которымъ и перехожу непосредственно.

Начну съ батальныхъ картинъ гр. Толстого, которыя въ „Войнѣ и мирѣ" онъ часто сопровождаетъ тягучими разсужденіями о силахъ, направляющихъ движенія народныхъ массъ вообще и войска во время боя въ частности. Эти разсужденія, столь досадно перебивающія художественный разсказъ, оцѣнены по достоинству въ талантливомъ

очеркѣ М. Драгомирова: „Война и миръ съ военной точки зрѣнія“. Опрокидывая шагъ за шагомъ утвержденія философствующаго писателя, покойный Драгомировъ въ то же время восторженно отзывается о правдивомъ мастерствѣ изображенія военныхъ событій. Для насъ это удостовѣреніе тонкаго теоретическаго и практическаго знатока военнаго дѣла особенно драгоцѣнно: по его словамъ, боевыя картины гр. Толстого вѣрны дѣйствительности. А ихъ художественное достоинство и удостовѣрять не нужно: о немъ свидѣтельствуетъ неотразимое впечатлѣніе, которое онѣ производятъ на читателя и которое составляетъ ultimam rationem нашихъ сужденій объ этой сторонѣ дѣла.

Вотъ прекрасная картина боя подъ Шёнграбеномъ. Какъ описываетъ ее гр. Толстой?

Останавливаясь на одномъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ войны 1805 года, гр. Толстой рядомъ картинъ даетъ читателю не только понять, но и почувствовать отчаянное положеніе сорокатысячной арміи Кутузова, созданное уничтоженіемъ австрійской арміи генерала Мака и легендарной сдачею французамъ Таборскаго моста въ Вѣнѣ. Изнуренная, голодная, полураздѣтая и полуразутая русская армія напрягаетъ послѣднія силы, чтобы спѣшно, съ артиллеріей и обозами, добраться отъ Кремса до Цнайма и двигаться далѣе на соединеніе съ войсками, идущими изъ Россіи. Ежечасно она рискуетъ быть смятой, уничтоженной или плѣненной грозными французскими силами, спѣшащими ей наперерѣзъ и руководимыми безспорнымъ военнымъ геніемъ. И вотъ, въ столь критическомъ положеніи, Кутузовъ поручаетъ четырехтысячному отряду кн. Багратіона сдѣлать 45-верстный ночной переходъ, по горамъ и безъ дорогъ, стать, предупредивъ французовъ, заслономъ на ихъ пути и задержать движеніе ихъ арміи, чтобы дать возможность спѣшно и безпорядочно отступающимъ русскимъ войскамъ уйти отъ неизбѣжнаго и гибельнаго удара во флангъ. Порученіе, казалось бы, невыполнимое, грозившее гибелью небольшому отряду, который долженъ былъ вступить въ борьбу съ непріятелемъ, вдесятеро сильнѣйшимъ; но и „небываемое бываетъ“. Сдѣлавъ трудный переходъ въ осеннюю бурную и дождливую ночь, отрядъ кн. Багратіона, усталый, промокшій, прозябшій и голодный, на треть ослабленный отсталыми, прибылъ на мѣсто утромъ, ранѣе французовъ, и занялъ позиціи на высотахъ противъ деревни Шёнграбенъ.

Нѣсколькими часами позднѣе показались изъ-за Шёнграбена французы и развернулись на противолежащихъ высотахъ широкимъ фрон-

томъ, охватывавшимъ оба наши крыла. Благодаря оплошности Мюрата, командовавшаго передовыми войсками и принявшаго отрядъ кн. Багратіона за всю армію Кутузова, французы долго не начинали боя, поджидая подкрѣпленій, пока, наконецъ, не получили гнѣвнаго приказанія Наполеона немедленно обрушиться на слабаго противника.

Бой начался тотчасъ же. Но прежде чѣмъ приступить къ его изображенію, гр. Толстой даетъ картину мѣстности и взаимнаго расположенія воюющихъ сторонъ и знакомитъ читателя съ настроеніемъ солдатъ въ русскомъ отрядѣ, т. е. предлагаетъ данныя, которыя должны сыграть крупную роль въ предстоящей неравной борьбѣ. Съ этою цѣлью онъ, однако, не прибѣгаетъ къ простому описанію мѣстности и психологическому анализу душевнаго состоянія солдатъ. Въ четвертомъ часу дня, передъ самымъ началомъ боя, онъ заставляетъ своего любимаго героя, кн. Болхонскаго, заглянуть въ тыловыя части отряда и потомъ проѣхать по всей линіи расположенія нашихъ войскъ.

Этотъ объѣздъ даетъ автору возможность нарисовать рядъ послѣдовательныхъ картинъ, возсоздающихъ въ умѣ читателя широкую панораму. Вотъ сцена въ палаткѣ маркитанта, гдѣ будущій герой дня, маленькій артиллерійскій капитанъ Тушинъ, въ однихъ чулкахъ, сконфуженно и виновато стоитъ передъ вошедшими офицерами, упрекающими его, что онъ не у себя, на батареѣ; вотъ строящіяся земляныя укрѣпленія, на которыхъ, какъ муравьи, копошатся солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ; тамъ далѣе, уже на виду французовъ, картина мирной походной жизни на привалѣ; еще далѣе сопровождаемая поученіями расправа офицера съ солдатомъ, что-то укравшимъ у своего товарища; а вотъ и центръ нашей позиціи, гдѣ русскія и французскія цѣпи сошлись такъ близко, что солдаты той и другой стороны разговариваютъ между собою и разговоръ оканчивается общимъ веселымъ и дружнымъ смѣхомъ.

Кн. Болхонскій объѣхалъ всю линію нашихъ войскъ, съ одного конца до другого, при чемъ, однако, остается неизвѣстнымъ, что онъ нашелъ и видѣлъ на лѣвомъ крылѣ. Послѣ объѣзда онъ возвращается къ самому высокому пункту нашего расположенія, гдѣ стоитъ батарея капитана Тушина и откуда видны всѣ наши войска и большая часть непріятельскихъ. Это позволяетъ автору, подъ удачно избраннымъ угломъ зрѣнія, сдѣлать нѣсколько заключительныхъ и бѣглыхъ ремарокъ относительно общаго очертанія мѣстности и взаимнаго расположенія сторонъ. Его ремарки, подготовленныя предыдущимъ худо-

жественнымъ разсказомъ, наглядно отлагаются въ воображеніи читателя. Онъ дополняетъ и подчеркиваетъ ихъ, излагая соображенія кн. Болхонскаго о вѣроятныхъ возможностяхъ близкаго столкновенія.

Такимъ образомъ, общую и сложную картину передъ боемъ гр. Толстой набрасываетъ рядомъ связанныхъ между собою эпизодовъ, изъ которыхъ само собою слагается общее представленіе: вы словно видите передъ собой и эту мѣстность, и этихъ солдатъ, которые вступятъ сейчасъ въ кровавую схватку.

Бой начинается выстрѣломъ съ французской батареи, — моментъ, когда гнѣвный приказъ Наполеона дошелъ до Мюрата. Рисуя этотъ бой, гр. Толстой разлагаетъ центральное его теченіе, рѣшившее участь сраженія, на серію отдѣльныхъ моментовъ, связывая ихъ въ одну цѣльную динамическую картину присутствіемъ или участіемъ кн. Болхонскаго. Для этого онъ поручаетъ своему герою присоединиться къ маленькой свитѣ кн. Багратіона, вернуться съ нимъ на батарею Тушина, уяснить себѣ общія черты начавшагося столкновенія и затѣмъ медленно подвигаться черезъ различныя войсковыя части къ наиболѣе угрожаемому мѣсту на правомъ крылѣ, чтобы въ критическую минуту стать рядомъ съ отважнымъ вождемъ во главѣ желѣзныхъ батальоновъ егерскаго полка и участвовать въ ихъ стремительной атакѣ, опрокинувшей французовъ и обезпечившей спокойное отступленіе нашего праваго крыла. Избранный пріемъ даетъ автору возможность, посредствомъ отдѣльныхъ сценъ и наблюденій своего героя, картинно представить, что̀ и какъ дѣлаютъ и переживаютъ участники боя въ различныя его стадіи; а съ другой стороны,—нарисовать великолѣпную фигуру кн. Багратіона,—этого закаленнаго воина, который въ сложныхъ перипетіяхъ боя все видитъ и все схватываетъ или угадываетъ, неторопливо отдаетъ рѣдкія, но необходимыя приказанія, сохраняетъ полное спокойствіе и самообладаніе въ самыя трудныя минуты и, наконецъ, воодушевленно и побѣдно бросается въ атаку во главѣ своихъ егерей. Образно проходятъ передъ читателемъ всѣ нарисованныя стадіи боя, сплетаясь въ цѣльное представленіе, полное жизни и движенія.

До сихъ поръ одна законченная картина. Далѣе должны слѣдовать, по мысли автора, два дополнительныхъ полотна о ходѣ дѣлъ на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, на батареѣ капитана Тушина.

Что̀ происходитъ на лѣвомъ крылѣ,—гр. Толстой даетъ въ трехъ эпизодахъ, прекрасно избранныхъ и нарисованныхъ, но, къ сожалѣнію, ничѣмъ не связанныхъ между собою. Не связываетъ ихъ даже

объѣздъ нашихъ позицій кн. Болхонскимъ, наблюденія котораго на лѣвомъ крылѣ остаются неизвѣстными читателю. Разсказанные эпизоды изображаютъ: самолюбивое препирательство командировъ кавалерійскаго и пѣхотнаго полковъ, помѣшавшее имъ дать себѣ отчетъ въ обходномъ движеніи французскихъ стрѣлковъ; отчаянная атака гусаръ съ цѣлью пробиться черезъ ряды французовъ, зашедшихъ имъ въ тылъ, и паническое бѣгство пѣхотнаго полка, безуспѣшно останавливаемаго старымъ командиромъ и неожиданно выручаемаго ротою капитана Тимохина. Всѣ три эпизода нарисованы живо и сильно; но, благодаря отсутствію связи, они не даютъ цѣльнаго изображенія. Они—три яркихъ пятна, которыя, однако, въ смыслѣ общей картины производятъ впечатлѣніе смутное, не поправляемое пояснительными замѣчаніями автора.

Но если изображеніе того, что происходитъ на лѣвомъ крылѣ, представляется смутнымъ, за то ходъ боя на батареѣ Тушина составляетъ, по силѣ изобразительности, лучшій отрывокъ въ описаніи боя подъ Шёнграбеномъ. Художественный разсказъ достигаетъ здѣсь удивительнаго совершенства: сцены, одна за другой, въ живыхъ образахъ встаютъ передъ читателемъ, который какъ будто самъ присутствуетъ на этой забытой батареѣ, прикрывающей отступленіе нашего центра, и наблюдаетъ и ея маленькаго сутуловатаго командира, и его молодецкую команду, духовно составляющую съ нимъ одно цѣлое. Вотъ они, послѣ долгихъ усилій, зажигаютъ, наконецъ, противолежащій Шёнграбенъ, внося замѣшательство въ ряды французовъ, и предаются, какъ дѣти, неудержимому восторгу отъ своей удачи; вотъ они картечью отбиваютъ попытки непріятеля приблизиться къ ихъ позиціи; вотъ вступаютъ въ неравное состязаніе съ выставленной противъ нихъ десятиорудійной батареей, осыпающей ихъ снарядами. Несмотря на потери, на батареѣ Тушина царитъ восторженное настроеніе и кипитъ энергичная работа. Разгоряченный и увлеченный боемъ, маленькій капитанъ, съ трубочкой въ зубахъ, бѣгаетъ отъ орудія къ орудію, всюду поспѣваетъ, отдаетъ приказанія, самъ помогаетъ солдатамъ и вливаетъ въ нихъ свое увлеченіе. Опьяненный удачными дѣйствіями своей батареи, онъ уже не живетъ дѣйствительностью, а витаетъ въ фантастическихъ грёзахъ, въ которыхъ французскія пушки ему представляются трубками невидимаго курильщика, выпускающаго время отъ времени клубы дыма, свои пушки—живыми существами, ружейная перестрѣлка подъ горою, то усиливающаяся, то замирающая,—чьимъ-то дыханіемъ, французы—

крохотными пигмеями, а самъ онъ—великаномъ, швыряющимъ въ нихъ ядрами. Эти грёзы на яву, уносящія Тушина въ своеобразный міръ фантазіи, рѣзко обрываются окрикомъ прискакавшаго адъютанта съ приказомъ объ отступленіи, повтореннымъ подъѣхавшимъ кн. Болхонскимъ. Бой конченъ. Геройская батарея снимается и отступаетъ, уводимая смущеннымъ командиромъ, недоумѣвающимъ, чѣмъ онъ провинился.

Далѣе слѣдуетъ картина ночного бивака нашихъ войскъ послѣ боя, но я не стану останавливаться на ней.

Отрядъ кн. Багратіона сдѣлалъ свое дѣло, заслонивъ собою отступающую русскую армію. Его остатки спокойно присоединились къ ней, такъ какъ на другой день французы не возобновили нападенія.

Анализируя описаніе сраженія подъ Шёнграбеномъ, я дѣлалъ, по ходу изложенія, бѣглыя указанія, оправдывающія мои теоретическія утвержденія. Къ этимъ указаніямъ прибавляю два замѣчанія.

Боевая картина на батареѣ Тушина можетъ показаться съ перваго взгляда оторванной отъ общей картины сраженія, а, между тѣмъ, этой оторванности не чувствуется при чтеніи. Да ея въ дѣйствительности и нѣтъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ авторъ устанавливаетъ особаго вида связь между своими рисунками: въ предшествующихъ картинахъ онъ знакомитъ читателя и съ мѣстомъ, гдѣ стоитъ батарея, и съ положеніемъ ея относительно нашего и французскаго фронтовъ, и съ ея командиромъ и командою и, наконецъ, съ моментомъ вступленія ея въ бой. Благодаря этому, послѣдующій разсказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ батареи самъ собой вдвигается въ общую картину, что̀, къ тому же, облегчается попутными замѣчаніями автора. Какъ видитъ читатель, это новый видъ связи, съ которымъ мы встрѣтимся и далѣе, въ описаніи Бородинскаго сраженія.

Другое замѣчаніе касается пріемовъ и красокъ, какими рисуетъ гр. Толстой бой подъ Шёнграбеномъ. Нельзя, конечно, утверждать, что здѣсь онъ совершенно пренебрегаетъ объективными средствами. Напротивъ, онъ пользуется ими достаточно широко; но все же несомнѣнное преобладаніе остается въ его рисункахъ за субъективными пріемами и красками. Это преобладаніе обнаруживается тѣмъ, что на протяженіи всего разсказа авторомъ постоянно отмѣчаются наблюденія, впечатлѣнія, настроенія и вообще переживанія всѣхъ лицъ, которыхъ ему приходится касаться. Но больше всего преобладаніе это выступаетъ на тѣхъ страницахъ, гдѣ разсказъ его достигаетъ особой картинности изображенія. Таковы описанія: поѣздки

кн. Болконскаго черезъ ряды войскъ на правое крыло и атака егерей, предводимыхъ кн. Багратіономъ, атака гусаръ, паническое бѣгство пѣхотнаго полка и особенно боевая картина на батареѣ Тушина, рисуемая переживаніями маленькаго капитана и его команды. Во всѣхъ этихъ картинахъ явное предпочтеніе отдается гр. Толстымъ субъективнымъ пріемамъ и краскамъ, въ согласіи съ его обычною манерою письма.

Переходя къ описанію Бородинскаго сраженія, замѣчу, что художественное изображеніе его, въ смыслѣ цѣльности и законченности картины, нѣсколько уступаетъ изображенію боя подъ Шёнграбеномъ. И немудрено: авторъ въ данномъ случаѣ обрабатываетъ тему, несравнимо болѣе широкую и сложную, чѣмъ тамъ. Естественно, поэтому, что здѣсь онъ встрѣчаетъ на своемъ пути исключительныя трудности, которыя одолѣваетъ съ поразительнымъ искусствомъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, не могутъ не отражаться на его изображеніи. Другою причиной, мѣшающей цѣльности и законченности общей картины, являются историко-философскія соображенія автора, которыя, принимая подчасъ полемическій тонъ, обильно вторгаются въ его разсказъ и невыгодно давятъ на его художественное впечатлѣніе. Есть, на мой взглядъ, и нѣкоторые другіе недостатки рисунка, на которые укажу ниже. Но, при всемъ томъ, отдѣльныя картины, воспроизводящія сраженіе 26-го августа, избраны и исполнены рукою великаго мастера: нигдѣ, быть можетъ, художественное проникновеніе во внутренній смыслъ и направляющія силы историческаго событія не сказалось у гр. Толстого съ такою глубиною и силою, какъ въ этихъ изумительныхъ картинахъ. Всѣхъ картинъ четыре.

Первая картина изображаетъ бородинскія приключенія Пьера Безухова,—этого Кифы Мокіевича „Войны и мира". Его наблюденіями и переживаніями рисуется общій видъ начала сраженія съ кургана у деревни Горокъ, далѣе бой у моста черезъ рѣку Колочу, еще далѣе—знаменитая оборона курганной батареи Раевскаго, словомъ,—дѣйствія нашего центра. Нельзя не признать, что содержаніе картины задумано искусно. Ея выполненіе, при данныхъ условіяхъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго: Пьеръ Безуховъ, какъ живой, передъ нами. Но рисунки собственно боя получаются слабые, ибо они даются въ своеобразныхъ отраженіяхъ мысли и чувства неподходящаго для того лица. Бой, напримѣръ, у моста черезъ рѣку Колочу мало замѣченъ Пьеромъ и неясенъ ему; такимъ же онъ остается и для читателя; а между тѣмъ, по словамъ самого гр. Толстого, это

одинъ изъ важныхъ эпизодовъ Бородинскаго сраженія. Эпическая оборона курганной батареи, вокругъ которой уложены десятки тысячъ воиновъ, изображена превосходно; но изображеніе замыкается тѣсными рамками самой батареи, ибо только это видитъ и переживаетъ Пьеръ. Что дѣлается впереди, справа и слѣва, ему неясно, какъ неясно и читателю. Въ Бородинскомъ сраженіи Пьеръ—живой образъ, но рисуемыя при его помощи картины ограничиваются узкимъ кругомъ его воспріятій и чувствованій, раздвигаемымъ лишь отчасти сопутствующими замѣчаніями автора и мимолетными набросками отдѣльныхъ сценъ.

Если не считаться съ длинными историко-философскими отступленіями автора, три слѣдующія картины боя безупречны, особенно вторая и третья.

Содержаніе второй картины—Наполеонъ на Шевардинскомъ редутѣ во время сраженія и его объѣздъ къ концу боя поля, на которомъ дрались его войска. Картина исполнена потрясающаго трагизма. Сначала съ высоты редута, а потомъ отъ его подножія императоръ французовъ наблюдаетъ въ теченіе долгихъ часовъ за ходомъ кровавой битвы. Прямо передъ нимъ—флеши Багратіона, въ верстѣ разстоянія, немного лѣвѣе—Семеновское, еще лѣвѣе—батарея Раевскаго,—мѣста, куда направлены были главныя силы французовъ, гдѣ предположено было нанести сокрушающій ударъ русскимъ, гдѣ должна была рѣшиться участь сраженія. За дальностью и дымомъ орудій Наполеонъ не видитъ самаго боя; но по пушечной пальбѣ, по трескотнѣ ружей и доносящимся иногда крикамъ сражающихся онъ чувствуетъ и переживаетъ его. Безпрестанныя донесенія адъютантовъ и ординарцевъ дополняютъ его личныя впечатлѣнія. Онъ уже ввелъ въ дѣло большую часть своей до сихъ поръ всегда побѣдоносной арміи, онъ развилъ страшный огонь своей грозной артиллеріи, послалъ въ бой лучшихъ своихъ маршаловъ и напряженно ждетъ, что вотъ-вотъ его испытанныя войска опрокинутъ и погонятъ передъ собой слабаго противника, прикрытаго слабыми укрѣпленіями. А, вмѣсто того, слабый противникъ, какъ вкопанный, стоитъ на своихъ позиціяхъ, яростно отбивая отчаянныя атаки французовъ, которые порѣдѣвшими, разстроенными и перепуганными толпами бѣгутъ назадъ, за линію огня, вновь строятся и вновь атакуютъ съ тѣмъ же исходомъ; вмѣсто того,—все новыя и новыя донесенія, что противникъ держится несокрушимо стойко, и все новыя и болѣе настойчивыя просьбы о подкрѣпленіяхъ. И такъ въ теченіе нѣсколькихъ

мучительныхъ часовъ! Не выдержала, наконецъ, и дрогнула закаленная душа избалованнаго судьбою воина, отдающаго себѣ ясный отчетъ въ томъ, что творится передъ его глазами; дрогнули и сердца окружающихъ его лицъ, знакомыхъ съ психологіей сраженій. Слѣпо вѣрившему въ свою звѣзду, Наполеону начинаютъ рисоваться теперь тысячи случайностей, которыя могутъ погубить его и армію. А тутъ новое тревожное донесеніе: тамъ, вдали, гдѣ нельзя ничего разобрать, лѣвое крыло французовъ успѣшно атакуется русскими,—случайность, которую онъ предвидѣлъ и которой боялся. По желѣзнымъ нервамъ Наполеона пробѣгаетъ тревога, которая, усиливаясь и разрастаясь, переходитъ въ ужасъ. Онъ теряетъ свое обычное равновѣсіе, онъ весь охваченъ тяжелыми предчувствіями. Мрачный и подавленный, садится онъ на коня, по предложенію Бертье, и ѣдетъ къ Семеновскому. Здѣсь, въ первый разъ въ жизни, онъ пораженъ открывшейся картиной: по всему пути слѣдованія, въ лужахъ крови, лежали раненые и убитые люди и лошади кучами и по одиночкѣ. Такого ужаса, такого неимовѣрнаго количества труповъ и раненыхъ еще никогда не наблюдали ни самъ Наполеонъ, ни его генералы, видавшіе въ своей жизни всякіе виды. Еще мрачнѣе, еще подавленнѣе возвращается онъ назадъ, къ Шевардинскому редуту, распорядившись направить сосредоточенный артиллерійскій огонь по стройнымъ и плотнымъ линіямъ русскихъ войскъ, которыя онъ видѣлъ, въ близкомъ резервѣ, позади Семеновскаго и батареи Раевскаго. При донесеніи адъютанта, что пушечные снаряды вырываютъ русскихъ рядами, а они въ порядкѣ продолжаютъ стоять, Наполеонъ теряется, близокъ къ отчаянію и не знаетъ, что дѣлать далѣе. Онъ чувствуетъ, что страшный размахъ его руки падаетъ „волшебно безсильно". Онъ весь измотанъ, какъ измотаны его войска, этою десятичасовой кровавой, но безрезультатной борьбой. Для него и для всѣхъ ясно, что „сраженіе догораетъ" за полнымъ моральнымъ и физическимъ истощеніемъ противниковъ и что нравственная побѣда остается на сторонѣ русскихъ.

Картина—удивительная по замыслу и выполненію. Собственно боевыхъ сценъ въ ней нѣтъ; но вы нервно чувствуете и невольно воображаете ихъ. По переживаніямъ Наполеона и его свиты вы сами переживаете этотъ легендарный по упорству и свирѣпости бой; потрясены его адскимъ напряженіемъ и охвачены его ужасомъ. Въ общемъ батальная картина написана въ широкомъ масштабѣ и обнимаетъ огромную панораму, открывающуюся зрителю съ высоты Ше-

вардинскаго редута. Съ технической стороны она занимаетъ особое мѣсто въ описаніи Бородинскаго сраженія. Какъ бы набрасывая общій схематическій планъ его, она намѣчаетъ тѣ пункты, гдѣ разыгрываются отдѣльные сцены и эпизоды послѣдующихъ картинъ. Другими словами,—между отдѣльными рисунками она устанавливаетъ тотъ особый видъ связи, на который я указывалъ выше.

Другими, но не меньшими достоинствами обладаетъ третья картина, изображающая престарѣлаго русскаго главнокомандующаго, который, подобно Наполеону, слѣдитъ за ходомъ сраженія съ кургана у деревни Горокъ, противъ центра нашихъ позицій. Картина подготовлена предшествующимъ разсказомъ, котораго, поэтому, я долженъ коснуться въ немногихъ словахъ.

Еще наканунѣ сраженія, утромъ по дорогѣ отъ Можайска къ Бородину, Пьеру Безухову бросилось въ глаза какое-то особое серьезное и строгое выраженіе многихъ встрѣчавшихся ему лицъ. То же выраженіе, съ оттѣнкомъ нѣкоторой торжественности, онъ видѣлъ позднѣе на лицахъ солдатъ и ополченцевъ, которые, слушая молебенъ, сосредоточенно молились и жадно смотрѣли на икону Смоленской Богоматери, обходившей войска. Въ теченіе дня это выраженіе преслѣдовало его, пока, наконецъ, вечеромъ, въ разговорѣ съ кн. Болхонскимъ, оно не уяснилось ему. Онъ понялъ тутъ, что кровавая борьба съ врагомъ, вторгнувшимся въ Россію, приближается къ роковому исходу, достигаетъ предѣльнаго нарастанія, что всѣ русскіе люди, отъ ополченца и солдата до высшихъ начальниковъ арміи, проникнуты одною мыслью и однимъ чувствомъ—сложить головы за свои семейные очаги, за родную землю, за ея величайшую историческую святыню, Москву. Готовясь къ смерти, солдаты отказываются отъ водки, ополченцы надѣваютъ бѣлыя рубахи. Личные вопросы отходятъ на задній планъ; одна душа и одна забота у всѣхъ—отечество въ опасности. Даже у сдержаннаго владѣющаго собою кн. Болхонскаго блестятъ глаза и дрожатъ губы, когда онъ взволнованно говоритъ о томъ, что переживаетъ родина. Словомъ, во всѣхъ сквозитъ скрытая теплота патріотизма, которая каждую минуту готова вспыхнуть яркимъ пламенемъ.

Утромъ, въ день сраженія, Пьеръ Безуховъ различаетъ озабоченное и строгое выраженіе лицъ и на курганѣ, съ котораго Кутузовъ и его штабъ смотрятъ на поле сраженія, и въ рядахъ солдатъ при схваткѣ у моста черезъ рѣку Колочу, и на дорогѣ къ батареѣ Раевскаго и, всего яснѣе, на самой батареѣ, гдѣ кипитъ горячій бой. По мѣрѣ

того какъ бой усиливается, бодрость и оживленіе повышаются среди командировъ и солдатъ. Французскіе пули и снаряды осыпаютъ батарею, она несетъ огромный уронъ, а на ней становится все оживленнѣе и веселѣе. „Какъ изъ надвигающейся грозовой тучи чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе, вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей, какъ бы въ отпоръ совершающемуся, молніи скрытаго разгорающагося огня". Бой достигъ высшаго развитія, „грозовая туча надвинулась, и ярко во всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разрастаніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ".

Вотъ то душевное настроеніе, которое переживали русскіе люди въ тяжкіе часы Бородинскаго сраженія. Въ свѣтѣ этого настроенія картина, изображающая Кутузова на курганѣ близъ деревни Горокъ, получаетъ особую выразительность.

Главнокомандующій, понуря сѣдую голову, сидитъ на скамейкѣ, выслушиваетъ донесенія, изрѣдка отдаетъ приказанія. Онъ—весь сосредоточенное вниманіе. Сливаясь душою со своею арміей и отражая въ себѣ ея переживанія, онъ судитъ о ходѣ боя не столько по содержанію донесеній, сколько по тону рѣчи и выраженію лица доносящихъ. Онъ слѣдитъ за эпизодическою стороною сложной и безпрерывно мѣняющейся картины менѣе, чѣмъ за проявленіемъ той неуловимой силы, которая называется духомъ арміи и которая рѣшаетъ судьбу сраженій, какъ это онъ знаетъ по личному и долгому боевому опыту. И онъ, на комъ сосредоточены теперь надежды и упованія войскъ, старается руководить этою силою, насколько то въ его власти.

Въ 11 часовъ Кутузову доносятъ, что флеши кн. Багратіона отбиты, но что самъ Багратіонъ тяжело раненъ. Роковая вѣсть потрясаетъ стараго вождя, понимающаго, что въ Багратіонѣ онъ лишается правой руки; но онъ быстро оправляется и передаетъ Дохтурову командованіе второй арміей. Донесеніемъ о плѣненіи Мюрата Кутузовъ обрадованъ; онъ сердцемъ угадываетъ, что бой выигранъ, и говоритъ объ этомъ окружающимъ, хотя самому плѣненію невполнѣ довѣряетъ. Тѣмъ не менѣе, онъ посылаетъ объявить по войскамъ о взятіи въ плѣнъ французскаго маршала, зная, какой откликъ найдетъ эта вѣсть въ сердцахъ его воиновъ. Когда Щербининъ прискакиваетъ съ лѣваго фланга съ извѣстіемъ о новомъ занятіи французами флешей и Семеновскаго, Кутузовъ, сообразивъ по выраженію его лица, что привезено тревожное донесеніе, встаетъ, какъ бы желая размять ноги, отводитъ его въ сторону и съ глазу на глазъ выслушиваетъ его.

Въ третьемъ часу атаки французовъ прекратились. На лѣвомъ крылѣ они были отбиты нѣсколько разъ, въ центрѣ не могли продвинуться далѣе Бородина, а на правомъ крылѣ кавалерія Уварова заставила ихъ бѣжать. На лицахъ пріѣзжавшихъ съ поля сраженія и своей свиты Кутузовъ видѣлъ, что патріотическое чувство достигло высшаго выраженія, и многоопытный вождь повеселѣлъ: онъ не сомнѣвался болѣе въ успѣхѣ дня. Но физическія силы стали измѣнять ему. Долгое напряженіе мысли и чувства сломили его волю, подавлявшую до сихъ поръ усталость стараго и слабаго тѣла. Ему подали обѣдать.

Въ это время пріѣзжаетъ Вольцогенъ съ донесеніемъ отъ Барклая де Толли: сраженіе проиграно, всѣ позиціи наши въ рукахъ непріятеля, войска бѣгутъ и нѣтъ возможности остановить ихъ. Донесеніе на минуту ошеломило Кутузова, но онъ тотчасъ же понялъ, что оно невѣрно освѣщаетъ положеніе дѣлъ. Какъ ужаленный, вскакиваетъ старикъ изъ-за стола и, гнѣвно наступая на Вольцогена, кричитъ: „Какъ вы смѣете говорить это *мнѣ*. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня генералу Барклаю, что его свѣдѣнія несправедливы, и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, главнокомандующему, лучше, чѣмъ ему“. Вольцогенъ хотѣлъ возразить что-то, но Кутузовъ перебилъ его: „Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое непремѣнное намѣреніе атаковать непріятеля“, сказалъ Кутузовъ, которому, послѣ минутной вспышки, начали опять измѣнять силы. „Отбиты всюду, за что̀ я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ, и завтра мы погонимъ его изъ священной земли русской“, промолвилъ Кутузовъ, крестясь, и вдругъ всхлипнулъ отъ проступившихъ слезъ. И какъ бы въ подтвержденіе словъ главнокомандующаго, Раевскій, проведшій весь день въ важнѣйшемъ мѣстѣ Бородинскаго сраженія и подъѣхавшій въ эту минуту, доноситъ, что войска твердо стоятъ на позиціяхъ и французы не смѣютъ атаковать болѣе. „Кайсаровъ, — крикнулъ Кутузовъ своего адъютанта, — пиши приказъ на завтрашній день. А ты, — обратился онъ къ другому, — поѣзжай по линіи и объяви, что завтра мы атакуемъ“ [1]).

Какъ электрическая искра, проносится по войскамъ изъ конца въ конецъ приказъ Кутузова, вылившійся изъ его русской души и упав-

[1]) Великолѣпная сцена передается мною съ большими сокращеніями.

шій на благодарную почву: прочь колебанія и сомнѣнія — приказъ главнокомандующаго, который видитъ, какъ стоитъ дѣло! И утомленные боемъ, изстрадавшіеся душевно, ряды войскъ повеселѣли и ободрились.

Четвертая картина является дополнительной къ первой и третьей. Если въ первой картинѣ гр. Толстой изображаетъ бой на курганной батареѣ въ самыя тяжелыя его минуты, а въ третьей—общій ходъ сраженія по переживаніямъ Кутузова, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ главные моменты сложной драмы, то здѣсь, въ четвертой картинѣ, онъ рисуетъ положеніе и нравственное состояніе полка, которымъ командуетъ кн. Болхонскій и который стоитъ неподвижно, въ теченіе многихъ часовъ, подъ градомъ французскихъ снарядовъ. Патріотическое одушевленіе, которымъ горѣли русскіе люди на Бородинскомъ полѣ, находитъ здѣсь наиболѣе сильное и трагическое выраженіе.

Съ самаго утра полкъ кн. Болхонскаго стоитъ позади Семеновскаго, въ резервѣ, подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи и теряетъ болѣе двухсотъ человѣкъ. Во второмъ часу его передвигаютъ впередъ, на потоптанное овсяное поле между Семеновскимъ и курганной батареей, гдѣ уже полегли тысячи народа и куда теперь, по приказанію Наполеона, направленъ сосредоточенный огонь нѣсколькихъ сотъ непріятельскихъ орудій. Подъ этимъ убійственнымъ огнемъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, полкъ остается наготовѣ до конца боя и теряетъ еще треть своего состава и своего командира. Чтобы уменьшить потери, полкъ заставляютъ сѣсть на землю.

Солдаты молчаливы, блѣдны и мрачны, но полны несокрушимой рѣшимости. Рѣдко раздается разговоръ среди нихъ и тотчасъ смолкаетъ, какъ скоро слышится ударъ снаряда и крикъ: „носилки". Если кому-нибудь нужно подняться и выдти изъ рядовъ, — онъ торопливо возвращается назадъ, вновь занимаетъ свое мѣсто и покорно ждетъ своей участи. Безъ дѣла, въ непрестанной тревогѣ за жизнь, солдаты сознаютъ ужасъ своего положенія и невольно ищутъ на чемъ либо отвлечься мыслью отъ страшной дѣйствительности: кто возится съ киверомъ, кто чиститъ штыкъ сухой глиной, кто строитъ домикъ изъ земли или плететъ плетеночки изъ овсяной соломы; каждый развлекается, чѣмъ умѣетъ и что̀ приходитъ ему на умъ. А надъ головами ежеминутно проносятся непріятельскіе снаряды и рвутся среди этихъ обреченныхъ людей. Они стараются не видѣть этого, какъ не хотятъ видѣть всего того, что впереди, въ близкомъ

и ожесточенномъ бою, имъ представляется нашею неудачей. Напротивъ, всякій намекъ на успѣхъ нашъ пробѣгаетъ свѣтлымъ оживленіемъ на ихъ лицахъ и одобрительнымъ говоромъ въ ихъ рядахъ. Но особенное оживленіе вызываютъ совершенно постороннія обстоятельства: одна изъ проѣзжающихъ артиллерійскихъ лошадей переступаетъ постромку, и весь полкъ участливо откликается на маленькое событіе; откуда-то взявшаяся собаченка съ визгомъ уносится въ сторону, перепуганная ударившимся возлѣ нея снарядомъ, и солдаты веселымъ смѣхомъ провожаютъ струсившую бѣглянку.

Но всѣ эти развлеченія мимолетны, а среди жуткихъ условій, въ которыя поставлены люди, время тянется томительно медленно. Они уже болѣе восьми часовъ остаются въ полномъ бездѣйствіи и непрестанномъ ожиданіи близкой смерти. И лица ихъ становятся все блѣднѣе и мрачнѣе, но рѣшимость до конца постоять за родную землю не покидаетъ ихъ. И сама собою напрашивается мысль, что войска съ такимъ настроеніемъ нельзя сломить; его можно только истребить, — то, что̀ почувствовалъ Наполеонъ на Бородинскомъ полѣ и что̀ смутило его суровую душу.

Подводя общій итогъ описанію Бородинскаго сраженія, хочется вновь повторить, что отдѣльныя картины его задуманы и написаны съ исключительнымъ мастерствомъ. Они захватываютъ основные моменты славнаго событія и проникновенно освѣщаютъ факторы, опредѣлившіе его исходъ. Всматриваясь въ эти картинки, затрудняешься, чему отдать предпочтеніе, художественному ли совершенству исполненія, или тому внутреннему свѣту, которымъ онѣ озарены.

Въ техническомъ отношеніи внутри отдѣльныхъ картинъ сцены и эпизоды великой битвы объединяются наблюденіями и переживаніями изображаемыхъ лицъ,—Пьера Безухова, Наполеона, Кутузова. Исключеніе составляетъ четвертая картина, гдѣ внѣшнія проявленія настроенія полка кн. Болхонскаго связываются объективно, преемственною ихъ смѣною.

Что касается объединенія отдѣльныхъ картинъ въ общую картину Бородинскаго сраженія, то оно устанавливается, какъ я уже замѣтилъ, особымъ способомъ. Вторая и третья картины рисуютъ все сраженіе цѣликомъ, по отраженіямъ его въ Наполеонѣ и Кутузовѣ, при чемъ обѣ онѣ оттѣняютъ и выразительно дополняютъ другъ друга, рисуя ходъ боя, какъ онъ издали, въ главныхъ чертахъ, представляется французскому и русскому военачальникамъ. Въ смыслѣ связи обѣ картины набрасываютъ общую канву, по клѣткамъ которой

располагаются эпизоды и сцены двухъ другихъ картинъ. Въ общемъ получается одно огромное полотно, которое обвѣяно тонко и глубоко схваченными и ярко выраженными настроеніями борющихся армій и оживлено картиннымъ изображеніемъ деталей кровавой борьбы. И въ воображеніи читателя роковая битва встаетъ во всемъ своемъ величіи и ужасѣ!

Думаю, что послѣ всего изложеннаго было бы излишне говорить о пріемахъ и краскахъ, какими пользуется гр. Толстой при описаніи Бородинскаго сраженія: они говорятъ сами за себя.

Прежде чѣмъ отойти отъ батальныхъ картинъ „Войны и мира", мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о той части великой поэмы, гдѣ авторъ изображаетъ оставленіе Москвы русскими, вступленіе въ нее непріятельскихъ войскъ, ихъ пребываніе тамъ, пожаръ древней столицы и оставленіе ея французами. Если видѣть здѣсь попытку писателя нарисовать одно гигантское полотно, то нужно признать, что эта попытка не удалась ему. Задуманная картина обнимаетъ чрезвычайное обиліе разнообразныхъ событій, совершавшихся на протяженіи мѣсяца слишкомъ. Естественно, поэтому, что она распадается на множество отдѣльныхъ картинъ, одно перечисленіе которыхъ потребовало бы значительнаго мѣста. Картины написаны со свойственнымъ гр. Толстому искусствомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ потрясаютъ читателя правдивою простотою изображенія ужасныхъ сценъ, напр., кровавой расправы съ Верещагинымъ или разстрѣла предполагаемыхъ поджигателей; другія окружены плѣнительнымъ очарованіемъ, какъ трогательное заступничество Наташи Ростовой за раненыхъ или кроткій образъ Платона Каратаева въ балаганѣ военноплѣнныхъ; третьи подернуты мистической дымкой, вызывающей невольную работу фантазіи, какъ сцена наблюденія пожара Москвы изъ Мытищъ.

Но, отдавая должное силѣ и прелести отдѣльныхъ картинъ, приходится сказать, что общей картины того, что происходило въ Москвѣ въ описываемое время, не получается. Въ этомъ удостовѣряетъ непосредственное впечатлѣніе отъ разсказа, составляющее experimentum crucis всякаго художественнаго произведенія. Въ своемъ разсказѣ гр. Толстой даетъ читателю разорванные куски гигантскаго полотна, превосходно написанные, но не скомпанованные въ одно цѣлое,—законченныя части картины, которой пока еще нѣтъ. Передъ нами отдѣльные эпизоды сложнаго событія, и только. Это объясняется тѣмъ, что рисуемыя художникомъ картины ничѣмъ не связаны между собою. Правда, при чрезвычайной широтѣ захваченнаго поля, устано-

вленіе желательной связи между ними представляетъ величайшія трудности, граничащія съ невозможностью; но это уже другая сторона дѣла.

Въ заключеніе остановлюсь на сложныхъ картинахъ гр. Толстого въ другомъ родѣ, не столь широкихъ, какъ предыдущія, но написанныхъ едва ли не съ большею противъ нихъ силою. Я имѣю въ виду три бытовыхъ картины: псовую охоту въ имѣньи Ростовыхъ въ „Войнѣ и мирѣ“ и Красносельскія скачки и сѣнокосъ въ „Аннѣ Карениной“. Трудно сказать, какая изъ нихъ лучше: такъ всѣ онѣ хороши и жизненны. Останавливаться же на всѣхъ трехъ нѣтъ основанія, такъ какъ во всѣхъ нихъ гр. Толстой пользуется однимъ и тѣмъ же пріемомъ описанія: охоту онъ рисуетъ главнымъ образомъ переживаніями Николая Ростова, скачки—переживаніями Вронскаго и сѣнокосъ—переживаніями Левина. Не безъ большихъ колебаній въ смыслѣ выбора, остановлюсь на минуту на картинѣ скачекъ, исполненной захватывающаго движенія.

Передавать своими словами эту рѣдкую по исполненію картину нѣтъ возможности; ее пришлось бы просто переписать отъ слова и до слова, а это не входитъ въ мою задачу. Мнѣ нужно коснуться ея лишь на столько, чтобы показать, какъ она писана.

Сдѣлавъ бѣглыя замѣтки о скаковомъ кругѣ и устроенныхъ на немъ препятствіяхъ, гр. Толстой коротко описываетъ, какъ пустили лошадей и какое движеніе вызвало это среди многочисленныхъ зрителей. Далѣе онъ сосредоточивается исключительно на Вронскомъ и его лошади. Ихъ переживаніями описываетъ онъ самую скачку. Другихъ участниковъ и другихъ лошадей онъ касается въ той мѣрѣ, въ какой это отражается на его героѣ и его прелестной Фру-Фру, которая только не говоритъ, но прекрасно понимаетъ намѣренія своего сѣдока. Моментъ за моментомъ слѣдитъ гр. Толстой, что испытываютъ Вронскій и его лошадь, и читатель самъ переживаетъ ихъ ощущенія.

Вронскій и лошадь взволнованы. Въ первую минуту онъ не владѣетъ ни собою, ни ею. Она, благодаря волненію, теряетъ нѣсколько мгновеній и даетъ обойти себя другимъ лошадямъ. Но она быстро наверстываетъ потерянное, и впереди нея теперь только Діана Кузовлева и Гладіаторъ Махотина, главный ея соперникъ. Перепрыгивая первое препятствіе, она, какъ кошка, дѣлаетъ усиліе ногами и спиной, чтобы не наступить на упавшую Діану, и несется далѣе. „О, милая“! думаетъ Вронскій. Вслѣдъ за Махотинымъ, проносится онъ

мимо царской бесѣдки и чувствуетъ, что на него обращены тысячи глазъ; но онъ „ничего не видитъ, кромѣ ушей и шеи своей лошади, бѣжавшей ему навстрѣчу земли и крупа и бѣлыхъ ногъ Гладіатора, быстро отбивавшихъ тактъ впереди него".

Гладіаторъ взвился, махнулъ своимъ короткимъ хвостомъ и исчезъ изъ глазъ Вронскаго за барьеромъ. Вслѣдъ за нимъ перелетаетъ барьеръ и Фру-Фру и, словно понявъ мысль сѣдока, пытается обойти Гладіатора сначала со стороны веревки, а потомъ, когда соперникъ не позволилъ ей этого,—съ другой стороны. Посылаемая впередъ, она усиливаетъ свой бѣгъ и обходитъ Гладіатора на косогорѣ; но Вронскій чувствуетъ его за собой и слышитъ мѣрный звукъ его копытъ и свѣжее, отрывистое дыханіе.

Фру-Фру легко переходитъ два слѣдующія препятствія; но стукъ копытъ и дыханіе Гладіатора слышатся ближе. Вронскій вновь посылаетъ лошадь, и опять стукъ копытъ и дыханіе отдаляются. Теперь остается самое трудное препятствіе—ирландская банкетка. При видѣ ея на Вронскаго и его чуткую Фру-Фру находитъ сомнѣніе, онъ видитъ это по ея ушамъ; но сомнѣніе длится лишь одно мгновеніе. Лошадь овладѣваетъ собою, знаетъ, что отъ нея требуется, взвивается надъ землей, отдается силѣ инерціи, которая далеко переноситъ ее за канаву, и въ томъ же самомъ тактѣ продолжаетъ скачку, при одобрительныхъ возгласахъ товарищей Вронскаго. „О, прелесть моя!" мысленно повторяетъ онъ, прислушиваясь къ тому, что творится у него сзади. „Перескочилъ!" заключаетъ онъ, услышавъ удары копытъ Гладіатора.

Но Вронскій уже не сомнѣвается болѣе въ своемъ успѣхѣ. Ему остается взять лишь небольшую канаву, съ которой онъ не считается. Опять посылая лошадь, чтобы придти далеко впереди Махотина, Вронскій чувствуетъ, что Фру-Фру напрягаетъ послѣднія силы, развиваетъ чрезвычайную скорость и, какъ птица, перелетаетъ черезъ канаву. Въ это время, однако, самъ Вронскій дѣлаетъ неловкое движеніе, которымъ ломаетъ спину своей лошади, и видитъ, какъ мимо него мелькаютъ бѣлыя ноги Гладіатора. Прелестная Фру-Фру падаетъ на бокъ и трепещется на землѣ, какъ подстрѣленная птица, глядя на хозяина своимъ выразительнымъ говорящимъ глазомъ.

Читатель, вмѣстѣ съ Вронскимъ, взволнованъ и трепетно переживаетъ перипетіи скачки, какъ будто самъ онъ участвуетъ въ ней. Нарисованная картина отчетливо пробѣгаетъ въ его воображеніи: онъ словно видитъ проносящимися передъ собой и Вронскаго, и его ум-

ницу Фру-Фру, и этого машинообразнаго Гладіатора съ бѣлыми ногами, а размѣренные удары его копытъ и отрывистое дыханіе словно раздаются въ его ушахъ. Получается полная иллюзія, виновникомъ которой является мастерски примѣненный субъективный пріемъ изображенія.

Теперь, оглядываясь назадъ, мнѣ уже не трудно отвѣтить на поставленный выше вопросъ, какими пріемами и средствами достигаетъ гр. Толстой поражающей яркости и силы въ изображеніи широкихъ и сложныхъ картинъ. Отвѣтъ уже данъ на предыдущихъ страницахъ. Но онъ разбросанъ тамъ по частямъ; небезполезно суммировать его и привести въ нѣкоторый порядокъ.

Всякая широкая и сложная картина поэзіи состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ. Отвѣчая на общій вопросъ о пріемахъ и средствахъ художественнаго творчества гр. Толстого, мнѣ предстоитъ отвѣтить на три частныхъ вопроса: какъ изображаются имъ отдѣльные сцены и эпизоды, какіе сцены и эпизоды изъ состава сложнаго событія берутся для отдѣльныхъ рисунковъ и какимъ образомъ эти рисунки связываются въ одно цѣлое широкой картины?

Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, изображеніе отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ всегда сводится къ изображенію одинокаго простого событія, такъ какъ необходимо ограничивается тѣсною рамкою немногихъ дѣйствующихъ лицъ. Сила и яркость такихъ рисунковъ у гр. Толстого находитъ себѣ объясненіе въ преобладающихъ у него субъективныхъ пріемахъ и краскахъ изображенія, которыми онъ владѣетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Въ этомъ отношеніи трудно указать другого близкаго къ нему по времени художника, который могъ бы помѣряться съ нимъ силами. Заимствуя свои краски въ нашихъ внутреннихъ состояніяхъ, въ безконечной ихъ гаммѣ онъ всегда умѣетъ уловить господствующіе и характерные звуки и пробудить ихъ въ душѣ лица, съ которымъ онъ дѣлится своимъ повѣствованіемъ. Обыкновенно не въ силахъ читателя остаться холоднымъ и равнодушнымъ къ разсказу автора, который, какъ сирена, зачаровываетъ его, властно захватываетъ и увлекаетъ за собою. Располагая этимъ волшебнымъ даромъ, заставляющимъ читателя душевно переиспытать и перечувствовать изображаемое, гр. Толстой придаетъ тѣмъ самымъ необыкновенную жизненность и картинность отдѣльнымъ сценамъ и эпизодамъ своихъ широкихъ историческихъ и бытовыхъ картинъ.

Столь же исключительное искусство проявляетъ гр. Толстой въ

самомъ выборѣ этихъ сценъ и эпизодовъ. Лишнихъ и ненужныхъ у него нѣтъ. Каждый частный рисунокъ отмѣчаетъ какую-нибудь важную и глубокую черту общей картины. Охватывая своимъ духовнымъ взоромъ описываемое событіе въ цѣломъ, онъ всегда улавливаетъ внутреннія слагающія его силы и выбираетъ для изображенія сцены и эпизоды, въ которыхъ эти силы обнаруживаются выпукло и наглядно. Этимъ умѣньемъ выбора, подсказываемымъ художественнымъ углубленіемъ въ разумъ совершающагося событія, характеризуются всѣ его картины. Но съ особой видимостью это умѣнье сказывается въ его вдохновенномъ описаніи Бородинскаго сраженія. Разсматриваемое съ этой стороны, описаніе распадается на двѣ главныя части: что̀ и какъ переживаютъ французы и что̀ и какъ переживаютъ русскіе въ судный день, предопредѣлившій конецъ великой войны. Эти переживанія двухъ бьющихся армій рисуются переживаніями ихъ вождей, въ которыхъ, какъ въ фокусахъ, отражаются всѣ значительные моменты боя. Выборъ двухъ центральныхъ картинъ,—Наполеонъ на Шевардинскомъ редутѣ и Кутузовъ въ своей походной ставкѣ,—сдѣланъ съ проникновеннымъ мастерствомъ. Въ остальныхъ картинахъ, дополняющихъ картину Кутузовской ставки, изображаются тѣ же самыя въ основѣ переживанія въ рядахъ русскихъ войскъ, но въ различныхъ обнаруженіяхъ и оттѣнкахъ, въ зависимости отъ условій и рисуемыхъ стадій боя.

Наконецъ, связью между рисунками отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ, объединяющею ихъ въ большія полотна широкихъ и сложныхъ картинъ, является у гр. Толстого по бо̀льшей части послѣдовательность переживаній того или другого лица, т. е. связь субъективная, что̀ непосредственно обусловливается преобладающимъ у него пріемомъ художественнаго творчества. Этого вида связь, наиболѣе гибкая и въ то же время наиболѣе наглядная для читателя, открываетъ автору широкій просторъ останавливаться на тѣхъ моментахъ, которые почему либо привлекаютъ къ себѣ его вниманіе.

Н. Звѣревъ.

ПОСТАНОВКА УЧЕБНАГО ДѢЛА ВЪ ЗЕМСКИХЪ ШКОЛАХЪ [1]).

I.

Вопросъ о правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ земскихъ школахъ является однимъ изъ центральныхъ въ жизни этихъ школъ, на ряду съ разсмотрѣннымъ уже нами вопросомъ о подготовкѣ учи-

[1]) Матеріаломъ для настоящаго очерка намъ послужили преимущественно слѣдующіе источники: „Труды Перваго Общеземскаго Съѣзда по народному образованію 1911 года“: „Доклады“. Т. I. Москва. 1911 г., т. II. Москва 1912 г.; „Анкета учащимъ земскихъ школъ“. Москва 1911 г.; „Сводка свѣдѣній, доставленныхъ губернскими земствами по программѣ, разосланной Бюро Съѣзда“. Москва 1911 г.; „Постановленія Перваго Общеземскаго Съѣзда по народному образованію въ Москвѣ 16—30-го августа 1911 г.“. Москва 1911 г.; „Матеріалы къ Общеземскому Съѣзду по народному образованію. Проектъ народной школы съ шестигодичнымъ курсомъ“. Москва 1911 г.—*А. Н. Куломзинъ*. „Опытный подсчетъ современнаго состоянія нашего народнаго образованія“. С.-Пб. 1912 г.—„Народное образованіе въ земствахъ“. Основы организаціи и практики дѣла. Сборникъ подъ редакціей *Е. А. Звягинцева*, *А. М. Обухова*, *С. О. Сѣрополко* и *Н. В. Чехова*. Москва. 1914 г. — „Краткій обзоръ земско-школьнаго дѣла въ Россіи“. Ярославль. 1906 г. — *Б. Веселовскій*. „Исторія земства за сорокъ лѣтъ“. С.-Пб. Т. I. 1909 г.—*Н. А. Корфъ*. „Русская начальная школа“. С.-Пб. 1870 г.—*Его же*. „Наше школьное дѣло“.—*В. Чарнолускій*. „Земство и народное образованіе“. Часть первая. С.-Пб. 1910 г.—*Фальборкъ* и *Чарнолускій*. „Начальное народное образованіе въ Россіи“. 3 тома. Изд. Имп. Вольно-Экономическаго общества.—„Матеріалы по вопросу объ участіи Псковскаго губернскаго земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія“. Вып. I.—*Проф. В. Ф. Гербуртъ-Гейбовичъ*. „Докладъ о состояніи Александровскаго ремесленнаго училища Харьковской губерніи“. Харьковъ 1910 г.—„Отчетъ Конь-Колодезской низшей сельскохозяйственной школы (Воронежской губерніи) за 1909 г.“—„Труды мѣстныхъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи“. Вып. III. Составилъ *Н. Л. Петерсонъ*. С.-Пб. 1901 г.—„Статистическія свѣдѣнія по начальному народному образованію въ Россійской Имперіи“. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Вып. I—IV. С.-Пб. 1903 г. — „Статистическія свѣдѣнія по начальному народному образова-

тельскаго персонала для нихъ [1]). Поэтому то, что сдѣлано и дѣлается нашими земствами въ этой области, имѣетъ громадное значеніе при обсужденіи стоящихъ на очереди мѣръ дальнѣйшаго развитія народнаго образованія и, главнымъ образомъ, введенія всеобщаго обученія. Оказавъ задерживающее вліяніе на проведеніе въ жизнь этихъ мѣръ, война въ то же время еще ярче выявила ихъ необходимость. Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій онѣ тотчасъ же привлекутъ къ себѣ усиленное вниманіе правительства и общества, и тогда земская школа станетъ вновь предметомъ пристальнаго изученія, какъ естественный фундаментъ предстоящихъ преобразованій въ области народнаго образованія. Цѣль нашего очерка — дать въ сжатой формѣ результаты земской дѣятельности по организаціи учебной части въ народныхъ школахъ и познакомить съ главнѣйшими теченіями земской мысли по вопросу о дальнѣйшихъ путяхъ реформы этихъ школъ. Въ соотвѣтствіи съ означеннымъ ограниченіемъ обсуждаемаго нами предмета, мы временно оставляемъ въ сторонѣ все то, что касается вопросовъ объ управленіи земскими школами, объ отношеніи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ между собою въ области народнаго образованія, о внѣшкольномъ образованіи и о проектахъ введенія всеобщаго обученія. Всѣ эти вопросы — глубоко интересные и важные, но они слишкомъ обширны для того, чтобы ихъ можно было охватить въ предѣлахъ нашего очерка [2]). Ограничивая свой очеркъ обсужденіемъ вопросовъ

нію за 1904 г." (приложеніе къ представленію министр. народн. просвѣщ. о введеніи всеобщаго обученія въ Россійской Имперіи). С.-Пб. 1906 г.—„Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи". Вып. 6. Подъ редакціей *В. И. Фармаковскаго*. Изданіе министерства народнаго просвѣщенія. Одесса. 1907 г.— „Объяснительная записка къ законопроекту министерства народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи изъ средствъ государственнаго казначейства въ распоряженіе министерства новаго дополнительнаго кредита въ 8 милліоновъ рублей на нужды начальнаго народнаго образованія". 18-го ноября 1912 г., № 45826. — „Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1898 годъ". Изд. хозяйств. деп. мин. внутр. дѣлъ. — *А. В. Пѣшехоновъ*. „Краткій обзоръ дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію". Калуга. 1896 г. — *Баронъ А. Н. Роппъ*. „Что сдѣлала Третья Государственная Дума для народнаго образованія?" С.-Пб. 1912 г.—*Ковалевскій*. „Народное образованіе на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году". С.-Пб. 1897 г.—Журналы губерн. и уѣздн. зем. собраній; доклады губерн. и уѣздн. земскихъ управъ и т. д. Остальные источники указаны въ текстѣ очерка.

[1]) См. статью „Земская работа по подготовкѣ народныхъ учителей" В. В. Акимова въ №№ 4—6 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1915 годъ.

[2]) На этомъ же основаніи мы оставляемъ въ сторонѣ и вопросъ о начальномъ обученіи инородцевъ.

о постановкѣ именно учебнаго дѣла въ земскихъ школахъ, мы будемъ въ состояніи тѣмъ полнѣе ихъ разсмотрѣть.

Учебное дѣло въ земскихъ школахъ — душа этихъ школъ, а потому неудивительно, что за все время своего существованія земскимъ учрежденіямъ приходилось посвящать этому дѣлу главнѣйшія свои заботы. При этомъ важно отмѣтить, что съ первыхъ же шаговъ земской дѣятельности въ Россіи попеченіе о начальномъ народномъ образованіи повсемѣстно было отнесено къ предметамъ вѣдомства уѣздныхъ земствъ, тогда какъ губернскія земства оставили за собой среднее образованіе и подготовку учительскаго персонала. Только немногія губернскія земскія собранія съ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія попытались принять непосредственное участіе въ развитіи школьнаго дѣла въ уѣздахъ, но эти попытки носили болѣе или менѣе случайный характеръ, и вскорѣ губернскимъ земствамъ пришлось, отказавшись отъ нихъ, окончательно предоставить народныя школы заботамъ уѣздныхъ земствъ. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ Вятское и Московское губернскія земства, принявшія непосредственное участіе въ насажденіи народнаго просвѣщенія, однако это обстоятельство нисколько не колеблетъ общей важности только что приведеннаго фактическаго положенія вещей въ этомъ дѣлѣ.

Вопросъ о программѣ народной школы является, безъ сомнѣнія, однимъ изъ тѣхъ основныхъ вопросовъ, отъ выясненія котораго въ значительной степени зависитъ правильность сужденія о постановкѣ учебной части въ этой школѣ. Нельзя, однако, не признать, что этотъ вопросъ — одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ ней. Что это—такъ, можно объективно судить хотя бы по трудамъ Перваго Общеземскаго Съѣзда по народному образованію 1911 года, на которомъ земскіе дѣятели и педагоги, близкіе по своей работѣ къ народной школѣ, приходятъ въ своихъ докладахъ довольно единодушно къ выводу, что, въ сущности, программа начальной школы обыкновенно у насъ намѣчается на практикѣ учебниками. Достаточно же перечислить учебники, примѣняемые теперь въ начальныхъ школахъ, чтобы составить себѣ наглядное представленіе о томъ хаосѣ, среди котораго нарождается будущая образцовая народная школа. Авторы учебниковъ— каждый по своему—разрѣшаютъ, въ дѣйствительности, программу и задачи школьнаго образованія. Допуская даже, что всѣ эти „программы“ весьма почтенны, мы, разбираясь въ нихъ, не будемъ все же въ состояніи, въ виду ихъ крайней разнородности, вынести сколько-

нибудь ясное представленіе о постановкѣ въ народныхъ школахъ учебной части. Хотя снабженіе школъ учебниками и учебными пособіями сравнительно скоро сосредоточилось въ рукахъ земства и это обстоятельство позволило земству сдѣлать изъ такого снабженія довольно могущественное орудіе воздѣйствія на самую сущность школьнаго преподаванія, однако земскія школы до сихъ поръ, по признанію самихъ земскихъ дѣятелей, мало удовлетворяютъ въ этомъ отношеніи своему назначенію, что отчасти также зависитъ и отъ краткости курса обученія въ нихъ. Въ теченіе только трехъ — и, притомъ, далеко не полныхъ — лѣтъ обученія въ земскихъ школахъ представляется невозможнымъ сообщить учащимся въ нихъ дѣтямъ весь комплектъ необходимыхъ имъ познаній. Этимъ и объясняется, что наши земства стали увеличивать курсъ ученія въ сельскихъ школахъ, назначая, вмѣсто трехъ лѣтъ ученія, въ однѣхъ школахъ по 4, а въ другихъ — по 5 лѣтъ. Пятилѣтняя продолжительность курса, по мнѣнію многихъ земцевъ, позволяетъ дать школьникамъ достаточное умственное развитіе вообще и необходимыя свѣдѣнія по главнымъ отраслямъ знанія, а потому они признаютъ необходимымъ установить для всѣхъ нашихъ сельскихъ земскихъ школъ пятилѣтній курсъ ученія, какъ минимальный. Однако и въ тѣхъ земскихъ школахъ, гдѣ уже введенъ пятилѣтній курсъ ученія, обыкновенно вводятся и осуществляются программы такъ называемыхъ „двухклассныхъ министерскихъ училищъ", установленныя еще въ 1869 году и не измѣненныя съ тѣхъ поръ до настоящаго времени. Столь продолжительный опытъ съ означенными программами привелъ земство къ единодушному, въ общемъ, выводу, что программы эти не могутъ быть признаны удовлетворяющими желаніямъ и требованіямъ, которыя предъявляются и должны быть предъявлены къ народнымъ школамъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ критику этихъ программъ, но необходимо отмѣтить, что, считая, что въ этихъ программахъ главное мѣсто отведено предметамъ отвлеченнымъ въ ущербъ знаніямъ, которыя дѣйствительно нужны сельскому жителю для примѣненія въ его жизни, земства признаютъ назрѣвшимъ вопросъ о выработкѣ новой программы, болѣе приноровленной къ сообщенію познаній, могущихъ имѣть примѣненіе къ повседневной жизни нашего деревенскаго населенія.

Изложенное показываетъ, что для составленія себѣ болѣе или менѣе яснаго представленія о постановкѣ учебной части въ земскихъ народныхъ школахъ гораздо правильнѣе исходить изъ чисто реальныхъ основаній. Разсмотрѣніе того, на какіе предметы и въ какомъ

объемѣ обращается главное вниманіе въ этихъ школахъ, дастъ намъ гораздо больше цѣннаго матеріала, чѣмъ разсмотрѣніе однѣхъ отвлеченныхъ программъ. По даннымъ анкеты 1910 года, предпринятой бюро перваго общеземскаго съѣзда по народному образованію, число одноклассныхъ земскихъ школъ въ 319 уѣздахъ, давшихъ свѣдѣнія по этому предмету, равнялось 23.909, при чемъ по губерніямъ эти школы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ (см. табл. на стр. 38).

Изъ губерній, отъ которыхъ получены были, при анкетѣ, наиболѣе полныя свѣдѣнія, наибольшее число школъ имѣли губерніи: Пермская (1.425), Вятская (1.412), Тверская (1.209), Полтавская (1.137), Московская (1.069) и Новгородская (1.035); меньше всего школъ было въ губерніяхъ: Олонецкой (371), Псковской (404), Пензенской (446), Ярославской (491) и Калужской (570). Необходимо, однако, замѣтить, что приведенная таблица не полна: въ ней, напр., нѣтъ свѣдѣній о школахъ въ Курской губерніи ко времени анкеты. О степени обезпеченія губерній земскими школами въ отношеніи пространства губерній и количества населенія въ нихъ даетъ представленіе слѣдующая таблица, составленная на основаніи данныхъ по 28 губерніямъ, взятыхъ изъ „Ежегодника Россіи“ за 1908 годъ, изданнаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ (см. табл. на стр. 39).

Въ 28 разсматриваемыхъ губерніяхъ одна земская школа приходилась въ 1908 году въ среднемъ почти на 100 кв. верстъ; другими словами, каждая школа обслуживала собою районъ приблизительно въ 6 верстъ въ радіусѣ. Такое заключеніе можетъ быть принято, конечно, только съ извѣстной оговоркой, ибо нѣкоторыя мѣстности у насъ очень малолюдны, а другія и совсѣмъ почти необитаемы, въ виду чего тамъ потребность въ школѣ сильно понижена. Къ тому же данныя таблицы относятся не къ школѣ вообще, а только къ земской одноклассной. По даннымъ таблицы въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ находится Московская губернія, гдѣ одна школа приходится на 27,3 кв. верстъ, а въ наименѣе благопріятныхъ—Вологодская, гдѣ одна школа обслуживала въ 1908 году пространство въ 509,1 кв. верстъ.

Преобладающимъ типомъ среди одноклассныхъ земскихъ училищъ надо считать 3-годичныя школы, составляющія болѣе ³/₄ всѣхъ школъ (76,4%), и только около ¹/₄ (23,6%) представляютъ собою школы съ 4-годичнымъ обученіемъ, что ясно видно изъ слѣдующей таблицы (см. табл. на стр. 40).

ГУБЕРНІИ.	Число одноклассныхъ земскихъ школъ.		ГУБЕРНІИ.	Число одноклассныхъ земскихъ школъ.	
	Число уѣздовъ, давшихъ свѣдѣнія.	Число школъ.		Число уѣздовъ, давшихъ свѣдѣнія.	Число школъ.
Бессарабская	5	179	Полтавская	15	1.137
Владимірская	13	821	Псковская	8	404
Вологодская	10	694	Рязанская	12	709
Воронежская	12	938	Самарская	7	719
Вятская	11	1.412	Саратовская	10	662
Екатеринославская	8	702	Симбирская	5	285
Казанская	12	770	Смоленская	12	693
Калужская	11	570	Таврическая	8	633
Костромская	12	808	Тамбовская	11	812
Московская	13	1.069	Тверская	12	1.209
Нижегородская	11	886	Тульская	4	326
Новгородская	11	1.035	Уфимская	6	663
Олонецкая	7	371	Херсонская	6	729
Орловская	12	748	Черниговская	15	783
Пензенская	10	446	Ярославская	10	491
Пермская	12	1.425			
Петроградская	8	780	По Россіи	319	23.909

ГУБЕРНІИ.	Число школъ.	Пространство въ кв. верстахъ.	На сколько кв. верстъ приходится 1 школа?	Населеніе къ 1 янв. 1908 года въ тысячахъ.	Какое количество населенія приходится на 1 школу въ тысячахъ?
Владимірская	821	42.831,8	52,1	1.815,9	2,2
Вологодская	694	853.349,4	509,1	1.535,3	2,2
Воронежская	938	57.902,0	61,7	3.126,4	3,3
Вятская	1.412	135.019,7	95,6	3.588,6	2,5
Екатеринославская	702	55.705,6	79,4	2.725,8	3,7
Казанская	770	55.954,8	72,6	2.456,0	3,1
Калужская	570	27.177,9	47,6	1.283,1	2,2
Костромская	808	73.809,1	91,3	1.597,8	1,9
Московская	1.069	29.236,4	27,3	1.675,0	1,5
Нижегородская	886	45.036,7	50,8	1.824,6	2,0
Новгородская	1.035	104.163,4	100,6	1.580,6	1,5
Олонецкая	371	112.322,0	302,7	408,1	1,1
Орловская	748	41.057,7	54,8	2.390,0	3,1
Пензенская	446	34.129,1	76,5	1.682,2	3,7
Пермская	1.425	290.163,7	203,6	3.556,7	2,4
Петроградская	780	39.203,2	63,0	875,4	1,1
Полтавская	1.137	43.844,0	38,5	3.412,3	3,0
Псковская	404	37.955,7	93,9	1.283,7	3,1
Рязанская	709	36.844,7	51,9	2.144,0	3,0
Самарская	719	132.724,5	184,5	3.332,4	4,6
Саратовская	662	74.244,8	112,1	2.834,9	4,2
Смоленская	693	49.212,2	71,0	1.807,4	2,6
Таврическая	633	53.053,8	83,8	1.639,0	2,5
Тверская	1.209	56.837,0	47,0	2.038,5	1,6
Уфимская	663	107.209,7	161,7	2.720,1	4,1
Херсонская	729	62.213,2	85,3	2 665,5	3,6
Черниговская	783	46.042,3	58,8	2.817,5	3,5
Ярославская	491	31.230,7	63,6	1.118,7	2,2
По Россіи	22.307	2.228.480,1	99,9	59.935,5	2,6

ГУБЕРНІИ.	Число давшихъ свѣдѣнія.		Типы земскихъ школъ.			
			Школы съ трехлѣтнимъ курсомъ.		Школы съ четырехлѣтнимъ курсомъ.	
	Уѣздовъ.	Школъ.	Число.	%	Число.	%
Бессарабская	5	179	105	58,7	74	41,3
Владимірская	13	808	707	87,5	101	12,5
Вологодская	10	694	564	81,3	130	18,7
Воронежская	12	938	625	66,6	313	33,4
Вятская	11	1.408	1.261	89,5	147	10,5
Екатеринославская	2	163	136	83,4	27	16,6
Казанская	12	770	251	32,6	519	67,4
Калужская	11	570	—	76,8	132	23,2
Костромская	12	808	715	88,5	93	11,5
Московская	13	1.069	1.032	96,5	37	3,5
Нижегородская	11	796	724	90,9	72	9,1
Новгородская	11	1.035	869	84,0	166	16,0
Олонецкая	7	371	350	94,3	21	5,7
Орловская	12	748	606	81,0	142	19,0
Пензенская	10	446	432	96,9	14	3,1
Пермская	12	1.125	909	80,8	216	19,2
Петроградская	8	780	540	69,2	240	30,8
Полтавская	15	1.137	818	71,9	319	28,1
Псковская	8	404	403	99,8	1	0,2
Рязанская	12	709	508	71,7	201	28,3
Самарская	7	719	408	56,7	311	43,3
Саратовская	5	436	226	51,8	210	48,2
Симбирская	5	285	267	93,7	18	6,3
Смоленская	12	593	354	59,6	239	40,4
Таврическая	8	608	167	27,4	441	72,6
Тамбовская	11	812	688	84,7	124	15,3
Тверская	12	1.013	540	53,3	473	46,7
Тульская	4	326	309	94,8	17	5,2
Уфимская	6	663	583	87,9	80	12,1
Херсонская	2	227	164	72,2	63	27,8
Черниговская	15	725	565	77,9	160	22,1
Ярославская	10	491	450	91,6	41	8,4
По Россіи	304	21.856	16.714	76,4	5.142	23,6

Изъ таблицы видно, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ четырехгодичныя школы даже преобладаютъ, напр. — въ Таврической (72,6%) и Казанской (67,4%); иногда онѣ составляютъ чуть ли не половину всѣхъ школъ: (48,2%) въ Саратовской, (46,7%) въ Тверской, (43,3%) въ Самарской, (41,3%) въ Бессарабской и (40,4%) въ Смоленской. Всего меньше, наоборотъ, школъ съ четырехгодичнымъ курсомъ наблюдается въ губерніяхъ: Псковской (0,2%), Пензенской (3,1%), Московской (3,5%) и Тульской (5,2%). Любопытно, что въ губерніяхъ съ невеликорусскимъ населеніемъ школъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ значительно больше, чѣмъ въ губерніяхъ съ чисто великорусскимъ населеніемъ. Объясняютъ это отчасти тѣмъ, что въ школахъ первой категоріи губерній невозможно пройти всю программу въ теченіе трехъ лѣтъ. Съ другой стороны, необходимо также имѣть въ виду, что выраженіе „четырехгодичныя школы“ далеко не пользуется опредѣленнымъ значеніемъ. Такъ, одни земства считаютъ характернымъ признакомъ этого рода школъ время производства выпускного экзамена (именно — на четвертомъ году) и въ зависимости отъ этого школы съ четырьмя годами обученія, но съ выпускнымъ экзаменомъ въ третьемъ отдѣленіи, считаютъ за трехгодичныя школы, какъ это мы и видимъ, напр., въ Московской губерніи. Напротивъ, другія земства обращаютъ вниманіе исключительно на продолжительность ученія въ школѣ, независимо отъ времени производства экзаменовъ.

На вопросъ о томъ, на какіе предметы обращается наибольшее вниманіе въ земской народной школѣ, даютъ отвѣтъ данныя, полученныя при анкетѣ 1910 года и сгрупированныя въ слѣдующей таблицѣ (см. табл. на стр. 42 и 43).

Изъ таблицы видно не только, сколько учащихъ дали отвѣты по данному вопросу, но и въ сколькихъ случаяхъ отдѣльные предметы выдѣлялись среди остальныхъ. Часть учащихъ удѣляла значительное вниманіе не одному, а двумъ предметамъ, въ виду чего сумма указаній по отдѣльнымъ предметамъ оказывается всегда больше числа отвѣтовъ. Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній той же анкеты видно, что $^4/_5$ всѣхъ учащихъ, давшихъ свѣдѣнія удѣляли наибольшее время грамматикѣ съ правописаніемъ, при чемъ на практическую сторону этого предмета (правописаніе) тратилось нѣсколько больше времени, чѣмъ на теоретическую (изученіе грамматики). Процентное отношеніе здѣсь выражалось числами 77 и 73. Значительно меньшимъ числомъ учащихъ (около $^1/_3$) затрачивалось много времени на объяснительное

ГУБЕРНІИ.	Число всѣхъ отвѣтовъ.	Грамматика и правописаніе.		Грамматика.		Правописаніе.		Объяснительное чтеніе.		Законъ Божій.		Ариѳметика.		Изложеніе устное и письменное.	
		Число указаній.	%	Число указаній.	%	Число указаній.	%	Число указаній.	%	Число указаній.	%	Число указаній.	%	Число указаній.	%
Бессарабская	115	74	64,3	67	58,3	64	55,7	61	53,0	12	10,4	10	8,7	3	2,6
Владимірская	352	327	92,9	307	87,2	318	90,3	87	24,7	19	5,4	32	9,1	6	1,7
Вологодская	388	272	70,1	253	65,2	251	64,7	177	45,6	28	7,2	60	15,5	26	6,7
Воронежская	553	448	81,0	388	70,2	419	75,8	176	31,8	33	7,0	112	20,3	29	5,2
Вятская	762	612	80,3	573	75,2	587	77,0	224	29,4	69	9,1	122	16,0	35	4,6
Екатеринославская	467	374	80,1	337	72,2	351	75,2	149	31,9	62	13,3	66	14,1	31	6,6
Казанская	568	450	79,2	412	72,5	430	75,7	181	31,9	65	11,4	56	9,9	16	2,8
Калужская	342	284	83,0	262	76,6	270	78,9	87	25,4	21	6,1	51	14,9	13	3,8
Костромская	431	357	82,8	329	76,3	344	79,8	122	28,3	46	10,7	86	20,0	20	4,6
Курская	322	278	86,3	247	76,7	258	80,1	82	25,5	18	5,6	21	6,5	8	2,5
Московская	623	542	87,0	492	79,0	518	83,1	179	28,7	30	4,8	89	14,3	47	7,5
Нижегородская	350	254	72,6	221	63,1	243	69,4	124	35,4	27	7,7	61	17,4	38	10,9
Новгородская	415	322	77,6	292	70,4	303	73,0	142	34,2	33	8,0	73	17,6	16	3,9
Олонецкая	143	101	70,6	80	55,9	99	69,2	62	43,4	13	9,1	31	21,7	8	5,6
Орловская	441	343	77,8	306	69,4	330	74,8	82	18,6	38	8,6	64	14,5	11	2,5
Пензенская	356	287	80,6	268	75,3	276	77,5	105	29,5	30	8,4	67	18,8	19	5,3
Пермская	950	768	80,8	662	69,7	733	77,2	285	30,0	80	8,4	173	18,2	51	5,4
Полтавская	613	442	72,1	403	65,7	420	68,5	259	42,3	66	10,8	106	17,3	19	3,1
Петроградская	344	238	69,2	206	59,9	225	65,4	115	33,4	27	7,8	50	14,5	25	7,3
Псковская	203	135	66,5	125	61,6	132	65,0	85	41,9	22	10,8	36	17,7	14	6,9
Рязанская	441	401	90,9	348	78,9	390	38,4	104	23,6	23	5,2	73	16,6	26	5,9
Самарская	348	317	91,1	287	82,5	295	84,8	73	21,0	12	3,4	52	14,9	19	5,5
Саратовская	290	244	84,1	213	73,4	229	79,0	73	25,2	13	4,5	47	16,2	16	5,5
Симбирская	287	236	82,2	221	77,0	229	79,8	75	26,1	17	5,9	60	20,9	8	2,8
Смоленская	393	350	89,1	318	80,9	336	85,5	91	23,2	24	6,1	55	14,0	33	8,4
Таврическая	332	268	80,7	241	72,6	256	77,1	120	36,1	23	6,9	58	17,5	11	3,3
Тамбовская	349	303	86,8	270	77,4	293	84,0	99	28,4	23	6,6	51	14,6	10	2,9
Тверская	374	327	87,4	315	84,2	313	83,7	90	24,1	10	2,7	47	12,6	6	1,6
Тульская	130	102	78,5	96	73,8	100	76,9	31	23,8	18	13,8	12	9,2	3	2,3
Уфимская	354	296	83,6	263	74,3	286	80,8	101	28,5	39	11,0	51	14,4	10	2,8
Харьковская	425	353	83,1	323	76,0	341	80,2	128	30,1	46	10,8	69	16,2	7	1,6
Херсонская	305	239	78,4	214	70,2	226	74,1	108	35,4	20	6,6	55	18,0	15	4,9
Черниговская	483	335	69,4	343	71,0	316	65,4	163	33,7	36	7,5	64	13,3	17	3,5
Ярославская	335	266	79,4	241	71,9	261	77,9	97	29,0	26	7,8	75	22,4	18	5,4
По Россіи	13.584	10.945	80,6	9.923	73,0	10.442	76,9	4.137	30,5	1.069	7,9	2.135	15,7	634	4,7

чтеніе. На остальные же предметы усиленное вниманіе удѣлялось еще меньшимъ числомъ учащихъ (на ариѳметику—16% и на Законъ Божій—8%). Разсматривая тѣ же данныя по губерніямъ, отмѣтимъ, что имѣются губерніи, какъ, напр., Владимірская, Самарская и Рязанская, гдѣ чуть ли не во всѣхъ школахъ (болѣе 9/10 всего количества ихъ) наблюдалось сильное увлеченіе грамматикой съ правописаніемъ. Въ другихъ губерніяхъ, гдѣ эти предметы пользуются меньшимъ почетомъ, процентъ такихъ школъ не опускается ниже 64. Хотя рѣзкой зависимости между характеромъ губерній и затратой на нихъ большого количества времени на грамматику съ правописаніемъ нельзя установить, однако въ этомъ явленіи все же замѣчается нѣкоторая закономѣрность, а именно: губерніи съ населеніемъ не чисто русскимъ даютъ болѣе низкій процентъ сравнительно съ великорусскими губерніями. Такъ, по даннымъ анкеты 1910 года, въ 18 губерніяхъ съ великорусскимъ населеніемъ на грамматику съ правописаніемъ тратится много времени, въ среднемъ, въ 82,2% школъ; соотвѣтствующая же цифра для остальныхъ губерній съ довольно значительнымъ процентомъ инородцевъ составляетъ 78,4, т. е. на 4 приблизительно процента меньше.

На объяснительное чтеніе, въ среднемъ, по Россіи обращается усиленное вниманіе въ 30,5% всѣхъ опрошенныхъ школъ. Слѣдовательно, на эту сторону преподаванія русскаго языка обращается вниманія въ $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ на грамматику, при чемъ здѣсь наблюдается также нѣкоторая зависимость между затратой времени на объяснительное чтеніе, съ одной стороны, и губерніями съ чисто-великорусскимъ населеніемъ и остальными, съ другой, однако распредѣленіе процентовъ здѣсь какъ разъ обратное. Въ великорусскихъ губерніяхъ этотъ процентъ оказывается болѣе низкимъ, чѣмъ въ губерніяхъ съ примѣсью малороссійскаго и инородческаго населенія. Если выдѣлить инородческія губерніи изъ другихъ, то и въ данномъ случаѣ найдемъ только что указанную разницу.

Главныя причины, вліяющія на усиленныя занятія въ школѣ извѣстнымъ предметомъ, сводятся къ слѣдующимъ: трудность усвоенія предмета, требованія экзаменаторовъ, обширность программы, важность предмета и незнаніе учащимися русскаго языка. Остальныя причины носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ. Таковы: искаженіе рѣчи, неразвитость и манкировки учащихся, малая употребительность предмета въ жизни, поступленіе въ другія учебныя заведенія, недостатокъ учебныхъ пособій, раскольничье населеніе и до-

машнія обстоятельства. Изъ этихъ причинъ двѣ подвергаются довольно сильнымъ колебаніямъ: трудность усвоенія и важность предмета. Первая причина (трудность усвоенія) наблюдается въ наибольшемъ числѣ случаевъ при изученіи грамматики съ правописаніемъ (56,2%), постепенно спускается при преподаваніи ариѳметики (44,7%), Закона Божія (37,8%) и доходитъ до минимума для объяснительнаго чтенія (16,0%). Такой же приблизительно размахъ колебанія замѣтенъ и относительно признанія важности предмета, но предметы по отношенію къ этой причинѣ располагаются въ обратномъ порядкѣ. Меньше всего она вліяетъ на затрату времени при изученіи грамматики съ правописаніемъ (15,3%), болѣе ощутительна она въ ариѳметикѣ (31,7%) и Законѣ Божіемъ (33%) и достигаетъ максимума своего вліянія при объяснительномъ чтеніи (58,2%). Слѣдующія двѣ причины—требованія экзаменаторовъ и обширность программы—не подвергаются большимъ колебаніямъ, которыя наблюдаются въ предѣлахъ отъ 10,5 до 26,2% для первой и отъ 12,1 до 32,2% для второй, въ объяснительномъ чтеніи они играютъ значительно меньшую роль, чѣмъ въ остальныхъ трехъ предметахъ. Наконецъ, незнаніе учащимися русскаго языка больше всего сказывается при объяснительномъ чтеніи (13,4%), а въ остальныхъ случаяхъ эта причина оказываетъ лишь ничтожное вліяніе на усиленіе занятій. Въ общемъ, при преподаваніи ариѳметики и Закона Божія всѣ четыре причины (за исключеніемъ незнанія учениками русскаго языка) вліяютъ приблизительно въ одинаковой степени; на усиленныя занятія грамматикой съ правописаніемъ наиболѣе сильно вліяетъ трудность предмета, а на объяснительное чтеніе—важность его.

Переходя къ разсмотрѣнію наиболѣе характерныхъ причинъ для отдѣльныхъ предметовъ, надо, прежде всего, отмѣтить, что, согласно даннымъ анкеты, болѣе чѣмъ въ половинѣ всѣхъ школъ (56,7%) масса времени уходитъ на грамматику съ правописаніемъ вслѣдствіе трудности усвоенія предмета учащимися, въ 25,9% тѣхъ же школъ—отъ требованій экзаменаторовъ и въ томъ же приблизительно числѣ (25,7%)—отъ обширности программы, въ 6,7%—отъ незнанія учащимися русскаго языка и только въ 14,9%—отъ признанія учащимися важности этого предмета. По отзывамъ учащихъ при анкетѣ, „программа“ требуетъ обширныхъ знаній отъ ученика по грамматикѣ съ правописаніемъ, въ виду чего на этотъ предметъ ежедневно приходится тратить много времени. „До сотни правилъ со многими исключеніями“, пишетъ одинъ учитель: „не удержать дѣтской го-

ловѣ; лучше бы это время тратить на изложеніе мыслей". „Грамматика съ правописаніемъ", пишетъ другой: „это—бичи сельскаго учителя и крестьянскихъ дѣтей, такъ какъ преподаваніе ихъ сводится къ какому-то безсмысленному зазубриванію нѣсколькихъ книжекъ, положительно ничего не дающихъ ни уму, ни сердцу дѣтей, а только мучающихъ ихъ память. $^2/_3$ времени пребыванія крестьянскаго ребенка въ школѣ проходитъ въ заучиваньѣ и наизусть и письменно различныхъ, часто рѣзко противорѣчащихъ другъ другу правилъ, которыя, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, сейчасъ же забываются дѣтьми по вступленіи ихъ въ жизнь. Поэтому горячо желательно измѣненіе программы курса, а главное—упрощенія русской азбуки выброской буквъ: И, Ѣ, Ѳ и Ѵ, а за ними упрощенія самаго правописанія". Какъ на причину, вліяющую, между прочимъ, и на усиленіе занятій грамматикой съ правописаніемъ, нѣкоторыми учащими указывается также на занятіе съ тремя отдѣленіями. Такая на первый взглядъ непонятная зависимость объясняется тѣмъ, что, занимаясь съ тремя отдѣленіями, учащій непремѣнно долженъ давать учащимся довольно много самостоятельныхъ работъ, для которыхъ наиболѣе подходящими оказываются письмо, грамматика и отчасти ариѳметика. „Больше всего", пишетъ одинъ учитель: „затрачивается времени на грамматику съ правописаніемъ вслѣдствіе того, что они могутъ быть даваемы дѣтямъ, какъ самостоятельныя упражненія, что особенно важно при наличности трехъ отдѣленій на одного учителя". Если перейти отъ причинъ, заключающихся въ трудности усвоенія грамматики съ правописаніемъ и обширности программы, къ послѣдней крупной причинѣ—требованію экзаменаторовъ, то въ общихъ чертахъ придется сдѣлать то же заключеніе, какъ и выше, изъ отвѣтовъ учащихъ. По отзывамъ послѣднихъ, экзаменаторы, чаще всего мало ознакомленные съ программой народной школы, а можетъ быть, и не находящіе нужнымъ считаться съ ней, требуютъ отъ учащихся такихъ свѣдѣній, которыя они не въ состояніи пріобрѣсти въ начальной школѣ. Между тѣмъ провалъ на экзаменѣ учениковъ отзывается на учащихъ, а потому послѣдніе, по понятнымъ причинамъ, стараются приспособиться къ требованію того или другого экзаменатора, что связано съ ущербомъ для прохожденія необходимыхъ предметовъ. „Вкусы экзаменаторовъ", пишетъ одинъ учитель: „бываютъ самые разнообразные: одинъ требуетъ отъ учениковъ общаго развитія и задаетъ имъ чуть не философскіе вопросы, другой любитъ исторію и, не довольствуясь русской, намекаетъ, что не мѣшало бы

знакомить учениковъ и съ исторіями древнихъ царствъ. Третій любитъ путешествія, четвертый—вино и требуетъ (!) отъ учениковъ знанія не только мѣстъ разведенія винограда, но и сортовъ его и т. д.". Зависимое положеніе заставляетъ учителей, какъ мы выше указали, приспособляться къ требованіямъ на экзаменѣ. „Положеніе народнаго учителя", говорится въ отвѣтѣ одного учителя на анкетный вопросъ: „такъ шатко и такъ необезпечено, что въ большинствѣ случаевъ вся карьера его зависитъ отъ вкусовъ гг. начальствующихъ и, слѣдовательно, народный учитель долженъ сообразоваться со вкусами гг. экзаменаторовъ, хотя бы даже въ ущербъ прямому дѣлу". „Если личность экзаменатора извѣстна учителю", пишетъ другой: „знакомы его пріемы, то можно ручаться за успѣшность экзамена, приготовивъ учениковъ сообразно требованіямъ экзаменатора. Частенько случается, что на экзаменѣ задаютъ для переложенія статью хорошо знакомую и уже изложенную письменно". Нѣкоторые учащіе, въ зависимости отъ требованій экзаменаторовъ, выработали даже своеобразное распредѣленіе занятій по отдѣленіямъ. Такъ, по словамъ одного учителя, „въ первой половинѣ года подгоняешь технику и бѣглость чтенія, а во второй—стараешься выдрессировать познанія учениковъ, чтобы удовлетворить требованіямъ экзаменатора". Таковы результаты необходимости своеобразнаго „приспособленія".

Вторую группу предметовъ по сходству причинъ, вызывающихъ усиленныя занятія, составляютъ объяснительное чтеніе и письменное изложеніе. Главной причиной здѣсь является важность предмета (60,1% для объяснительнаго чтенія и 42,5% для изложенія); на остальныя же причины падаютъ сравнительно близкіе проценты. Подъ „объяснительнымъ чтеніемъ" учащіе обыкновенно понимаютъ не только чтеніе по литературѣ, но и по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Причина этого, по объясненію одной учительницы въ ея отвѣтѣ при анкетѣ, заключается въ томъ, что въ начальной школѣ нѣтъ особыхъ уроковъ, ни по географіи, ни по исторіи, ни по естествовѣдѣнію. Поэтому „со всѣмъ этимъ, хотя поверхностно, приходится знакомить учащихся во время объяснительнаго чтенія". Интересъ къ этому надолго остается среди учащихся. Такимъ образомъ объяснительное чтеніе замѣняетъ собою какъ бы рядъ наукъ и, по свидѣтельству многихъ учащихся, является самымъ сильнымъ воспитательнымъ средствомъ. „Разумная постановка чтенія", справедливо говоритъ одинъ учитель: „заставитъ ребенка полюбить книгу и по выходѣ изъ школы видѣть въ ней отрадное препровожденіе

времени и расширеніе умственнаго кругозора". Ни по своей трудности, ни по обширности программы объяснительное чтеніе не можетъ требовать большихъ затратъ времени. У экзаменаторовъ оно тоже не въ большомъ почетѣ, судя по ничтожному проценту (8,9%). Несмотря на все это, оно все же поглощаетъ, благодаря исключительно почти доброй волѣ учащихъ, значительно больше времени, чѣмъ Законъ Божій и ариѳметика. Необходимо, однако, указать, что одной изъ причинъ, хотя и незначительныхъ, усиленія занятій объяснительнымъ чтеніемъ является незнаніе учащимися русскаго языка. Эта причина любопытна не столько своей незначительной величиной (всего 13,9%), сколько слѣдующимъ сопоставленіемъ. Уже въ предыдущемъ изложеніи нами было обращено вниманіе на то, что въ губерніяхъ съ чисто великорусскимъ населеніемъ на грамматику съ правописаніемъ удѣляется больше времени, чѣмъ въ остальныхъ; относительно же объяснительнаго чтенія наблюдается обратное явленіе, а именно: въ инородческихъ губерніяхъ тратится нѣсколько больше времени, чѣмъ въ великорусскихъ. Объяснить это явленіе и помогаетъ намъ вышеуказанная причина. Дѣло въ томъ, что случаи незнанія учащимися русскаго языка встрѣчаются исключительно въ инородческихъ губерніяхъ. Объяснительное чтеніе въ нихъ, по всей вѣроятности, нужно понимать не въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно примѣняется это выраженіе, а скорѣе въ изученіи значенія отдѣльныхъ словъ и выраженій, непонятныхъ для инородцевъ-учениковъ, что больше всего естественно и практикуется на урокахъ объяснительнаго чтенія. Если признать такое предположеніе правильнымъ, то необходимо будетъ понизить процентъ затраты времени въ инородческихъ губерніяхъ на собственно объяснительное чтеніе и, такимъ образомъ, приблизить его къ проценту по остальнымъ губерніямъ. Иначе говоря, разница въ затратѣ времени въ великорусскихъ и инородческихъ губерніяхъ заключается только въ томъ, что въ первыхъ больше времени на грамматику съ правописаніемъ, а въ послѣднихъ на тѣ же предметы съ присоединеніемъ изученія техники языка. Эти предположенія въ значительной степени подтверждаются и сообщеніями учащихъ.

Что касается ариѳметики, то относительно нея учащими при анкетѣ 1910 года сдѣлано было сравнительно мало замѣчаній, и всѣ они, въ сущности, могутъ быть сведены къ тому, что усиленныя занятія ариѳметикой вызываются, между прочимъ, рѣшеніемъ сложныхъ задачъ для подготовки къ выпускнымъ экаменамъ, на которыхъ та-

кія задачи предлагаются ученикамъ. „Не мало труда“, пишетъ одинъ учитель: „уходитъ на рѣшеніе задачъ (на экзаменахъ частенько предлагаются довольно трудныя). Если въ школѣ не рѣшать задачи ежедневно, да 2—3 дня не задавать на домъ, то не води своихъ учениковъ на экзаменъ самый разопытный учитель. При современной постановкѣ дѣла рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ не развиваетъ учениковъ, какъ принято думать, а притупляетъ, потому что могутъ рѣшать такія задачи, какія предлагаются на экзаменахъ, только способнѣйшіе ученики, а средніе по способностямъ поневолѣ должны списывать у товарищей, часто за какія-нибудь лакомства“. Родители же, хотя и сравнительно рѣдко, требуютъ отъ начальной школы лишь того, чтобы ихъ дѣти бойко считали въ умѣ и на счетахъ и могли свободно примѣнять свои познанія на практикѣ.

Касательно болѣе усиленныхъ занятій съ учениками Закономъ Божіимъ учащіе указываютъ на ненормальную, въ общемъ, постановку преподаванія этого предмета. Законоучители, занятые своими непосредственными обязанностями—выполненіемъ требъ, не въ состояніи бываютъ аккуратно посѣщать школы; если же, въ лучшемъ случаѣ, и посѣщаютъ ихъ, то зачастую ограничиваются въ своихъ занятіяхъ чисто механическимъ преподаваніемъ. „Много лишняго времени“, говоритъ одинъ изъ учителей въ своемъ отвѣтѣ: „уходитъ на Законъ Божій вслѣдствіе неаккуратности посѣщенія законоучителемъ школы, такъ какъ ученики, не зная точно времени его прибытія, вынуждены учить на каждый день“. Попадаются среди этихъ отвѣтовъ и указанія на совершенную непримѣнимость въ начальныхъ школахъ существующихъ учебниковъ по Закону Божію. Про учебникъ Соколова, напримѣръ, очень распространенный въ начальныхъ школахъ, въ этихъ отвѣтахъ говорится, что онъ написанъ такимъ устарѣлымъ языкомъ, съ массой непонятныхъ для ученика терминовъ, что „мозгъ его положительно отказывается понимать что либо, и онъ поневолѣ старается взять этотъ предметъ зубрежкою“.

Любопытно, что, по даннымъ анкеты, учителя въ общемъ больше (31,4%) обращаютъ вниманія на объяснительное чтеніе, чѣмъ учительницы (28,4%). Въ отношеніи же грамматики наблюдается обратное явленіе: учителя тратятъ много времени на грамматику въ 80,4% случаевъ, а учительницы—въ 82,1%. Разница, однако, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, не настолько значительна, чтобы можно было на основаніи ея дѣлать какія либо заключенія. Равнымъ образомъ нельзя усмотрѣть и наличности сколько-нибудь крупной

связи между образованіемъ учащихъ и усиленными занятіями тѣмъ или другимъ предметомъ. Весьма возможно, что всякое различіе учащихъ въ образовательномъ цензѣ и во взглядахъ на относительную важность того или другого предмета, зависитъ, между прочимъ, отъ того, что вообще въ начальной школѣ большая часть времени уходитъ на грамматику съ правописаніемъ.

Переходя къ разсмотрѣнію такъ называемыхъ „дополнительныхъ предметовъ" въ начальныхъ школахъ, можно для удобства раздѣлить эти предметы на четыре группы: 1) общеобразовательные предметы (исторія, географія, естествовѣдѣніе, геометрія); 2) прикладныя знанія (сельское хозяйство, рукодѣліе, ремесло); 3) искусство (пѣніе, рисованіе, черченіе) и 4) гимнастика. Если прибавить сюда еще мѣстные языки, то мы получимъ всѣ предметы, которые преподаются въ начальныхъ школахъ, кромѣ Закона Божія, русскаго языка и ариѳметики. Процентъ школъ, въ которыхъ введены тѣ или другіе дополнительные предметы, различенъ для разныхъ губерній. Напримѣръ, въ Харьковской губерніи это число равняется 42%, въ Псковской—77%, въ Ярославской для трехгодичныхъ школъ—19%, а для четырехгодичныхъ — 30%. Въ данныхъ анкеты чаще всего встрѣчаются указанія на преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ и искусствъ (по 27 губерніямъ) и рѣже—о прикладныхъ знаніяхъ (по 18 губерніямъ).

Относительно общеобразовательныхъ предметовъ наиболѣе часто упоминается о географіи (27 губерній) и исторіи (26 губ.), о естествовѣдѣніи (23 губ.) и геометріи (5 губ.). Преобладаніе двухъ первыхъ предметовъ сохраняется и въ отношеніи отдѣльныхъ губерній: количество уѣздовъ, въ которыхъ упоминаются географія и исторія, больше тѣхъ, гдѣ преподаются естествовѣдѣніе и геометрія. Относительная распространенность четырехъ только что названныхъ предметовъ сохраняется и въ отношеніи числа школъ: процентъ послѣднихъ, въ которыхъ введено преподаваніе того или другого изъ нихъ, въ общемъ, измѣняется параллельно губернскимъ и общероссійскимъ колебаніямъ. Напримѣръ, въ Псковской губерніи исторія и географія преподаются въ 40% общаго числа школъ, естествовѣдѣніе—въ 16% и геометрія—въ $^1/_2$%. Дополнительные предметы относительно чаще встрѣчаются въ четырехгодичной школѣ, чѣмъ въ трехгодичной. Такъ, по даннымъ Владимірской губернской земской управы, исторія, географія и естествовѣдѣніе преподаются въ Вологодской губерніи только въ четырехгодичныхъ школахъ. Въ Воронежской губерніи исторія и географія преподаются въ трехгодичныхъ школахъ въ двухъ

уѣздахъ и въ четырехгодичныхъ—въ четырехъ уѣздахъ, естествовѣдѣніе—только въ четырехгодичной школѣ (въ трехъ уѣздахъ). Въ Олонецкой губерніи эти предметы преподаются въ трех- и четырехгодичныхъ школахъ, но геометрія указывается только для четырехгодичной школы.

Учебные планы и программы разсматриваемыхъ предметовъ въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ. По словамъ, напримѣръ, Орловской губернской земской управы, въ большинствѣ школъ 8 уѣздовъ Орловской губерніи въ 1910 году сообщались краткія свѣдѣнія по исторіи, географіи, естествознанію и въ очень немногихъ—пѣніе, рукодѣліе и гимнастика, при чемъ особыхъ плановъ и программъ не было выработано, и всѣ свѣдѣнія сообщались въ предѣлахъ программы министерства народнаго просвѣщенія. Въ большинствѣ школъ Вятской губерніи учащимся сообщались общія свѣдѣнія по русской исторіи, географіи и естественной исторіи, при чемъ особыхъ программъ также не было выработано относительно преподаванія этихъ предметовъ, а преподаваніе велось въ предѣлахъ общей программы, насколько позволяло время и другія условія. Въ Екатеринославской губерніи, кромѣ обязательныхъ предметовъ, на урокахъ объяснительнаго чтенія въ начальныхъ школахъ преподаются краткая исторія и географія Россіи и сообщаются элементарныя свѣдѣнія по природовѣдѣнію, въ нѣкоторыхъ же школахъ преподаются еще рисованіе и пѣніе, при чемъ, по сообщенію инспекторовъ народныхъ училищъ, преподаваніе ведется по программѣ министерства народнаго просвѣщенія 1897 года. Въ общемъ, слѣдовательно, разсматриваемые предметы пріурочиваются къ урокамъ объяснительнаго чтенія, а потому по нимъ сообщаются самыя элементарныя свѣдѣнія, и только въ рѣдкихъ случаяхъ даются указанія противоположнаго характера. Судя по этимъ отдѣльнымъ указаніямъ, чаще всего преподается отечественная исторія. Изъ искусствъ же наиболѣе часто упоминается пѣніе (въ 26 губерніяхъ), за которымъ слѣдуютъ рисованіе (16 губерній) и черченіе (5 губерній). Такое преобладаніе пѣнія надъ остальными искусствами сохраняется и по отношенію къ отдѣльнымъ губерніямъ. Количество уѣздовъ, въ которыхъ упоминается пѣніе, больше тѣхъ, гдѣ преподаются остальныя искусства.

Эта относительная распространенность трехъ вышеупомянутыхъ искусствъ сохраняется и по отношенію къ числу школъ: процентъ послѣднихъ, въ которыхъ введено преподаваніе того или другого изъ нихъ, измѣняется, въ общемъ, параллельно губернскимъ и общерос-

сійскимъ колебаніямъ. Въ Харьковской губерніи, напримѣръ, процентъ школъ съ преподаваніемъ пѣнія равняется 30 (248 школъ), а съ преподаваніемъ рисованія—меньше единицы (8 школъ). Нѣсколько меньше разнятся школы въ Псковской губерніи, гдѣ пѣніе преподавалось къ 1910 году въ 69 школахъ (17%), а рисованіе—въ 66 (16%). Преобладаніе пѣнія надъ другими искусствами особенно становится замѣтнымъ при разсмотрѣніи имѣющихся земскихъ данныхъ отдѣльно для трех- и четырехгодичныхъ школъ. Что касается плана и программы преподаванія искусствъ, въ частности—пѣнія, то имѣющіяся общія свѣдѣнія о формѣ преподаванія дополнительныхъ предметовъ вообще, когда они касаются искусствъ, носятъ отрицательный характеръ, другими словами—преподаваніе этихъ предметовъ ведется безъ всякаго плана и какой либо программы.

Изъ прикладныхъ знаній чаще всего преподаются въ начальной школѣ, если судить по даннымъ анкеты 1910 года, рукодѣліе (20 губерній), сельское хозяйство (10 губерній) и ремесла (4 губерніи). Поуѣздныя свѣдѣнія свидѣтельствуютъ также о преобладаніи рукодѣлія среди прочихъ прикладныхъ знаній. Относительная распространенность трехъ вышеупомянутыхъ видовъ прикладныхъ знаній подтверждается и величинами процентовъ школъ, гдѣ преподается каждый изъ этихъ предметовъ. Въ Псковской губерніи, напримѣръ, рукодѣліе преподается въ 63 школахъ или 16%, а сельское хозяйство—въ 17 школахъ или 4%. Въ Харьковской губерніи, напримѣръ, рукодѣліе преподается въ 126 школахъ или въ 15,1%, сельское хозяйство—въ 65 или въ 7,9% и ремесла—въ 3 или въ 0,3%. Такой же результатъ вытекаетъ изъ данныхъ, относящихся отдѣльно къ трехгодичнымъ и четырехгодичнымъ школамъ. Прикладныя знанія, повидимому, чаще преподаются въ четырехгодичной школѣ. Касательно конкретнаго содержанія этихъ предметовъ свѣдѣнія весьма скудны. Такъ рукодѣлія всегда имѣются въ виду женскія, безъ дальнѣйшаго перечисленія. По сельскому хозяйству наиболѣе часто указывается на садоводство и огородничество, рѣже—на пчеловодство, и только въ Херсонской губерніи приводится по одной школѣ, гдѣ преподаются лѣсоводство и виноградарство, чаще всего обозначается просто „сельское хозяйство“ безъ болѣе конкретнаго опредѣленія предмета преподаванія. Въ Тамбовской губерніи (Елатомскій уѣздъ) свѣдѣнія по сельскому хозяйству, садоводству и огородничеству практически примѣняются на школьныхъ участкахъ. Что касается, наконецъ, ремеслъ, то относительно нихъ свѣдѣнія еще скуднѣе. Въ Харьковской губерніи

встрѣчается преподаваніе сапожнаго и корзиночнаго ремеслъ, въ Калужской губерніи (Мосальскій уѣздъ) ведутся бесѣды о кустарныхъ промыслахъ и т. д. Чаще всего упоминанія объ обученіи ремесламъ въ начальной школѣ встрѣчаются въ земскихъ данныхъ подъ наименованіемъ „ручной трудъ“ безъ дальнѣйшаго подраздѣленія предмета обученія. Равнымъ образомъ и относительно рукодѣлія, сельскаго хозяйства и ремеслъ какихъ либо программъ и плановъ большею частью не имѣется. Только въ Яренскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи преподаваніе рукодѣлія ведется по программѣ. Преподаваніе гимнастики встрѣчается въ начальныхъ школахъ 17 губерній, при чемъ въ рѣдкихъ случаяхъ преподается спеціально военная гимнастика, но какія либо программы и здѣсь, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, отсутствуютъ.

При разсмотрѣніи важнаго въ земской начальной школѣ вопроса объ учебномъ годѣ, о началѣ и концѣ его, приходится считаться съ крайней разнохарактерностью свѣдѣній, сообщаемыхъ земствами. Въ однѣхъ губерніяхъ даются свѣдѣнія по отдѣльнымъ уѣздамъ, при чемъ сообщаемыя цифры не даютъ возможности вывести губернской средней. Въ другихъ губерніяхъ тѣ же свѣдѣнія облекаются въ иную форму, сообщается, напр., количество или процентъ школъ начинающихъ и кончающихъ учебный годъ въ тотъ или другой срокъ. Наконецъ, по третьимъ губерніямъ приводятся лишь средніе сроки начала и конца учебнаго года для всѣхъ школъ всей губерніи. Различествуютъ и способы указанія момента начала и конца учебнаго года. Такъ, иногда указывается опредѣленное число, иногда—какой либо мѣсяцъ, иногда—его части, но далеко не равноцѣнныя (напр., половина, треть) или даже менѣе опредѣленныя (начало, конецъ, середина). Къ тому же и въ дѣйствительности трудно бываетъ опредѣлить точно начало и конецъ учебнаго года. Неизвѣстно, именно, что считать этими сроками: офиціальное начало и конецъ или моменты: для начала—когда есть хоть нѣсколько учениковъ, а для конца—когда нѣтъ даже нѣсколько учениковъ, или, наконецъ, первый и послѣдній дни, когда школа въ сборѣ. Въ обзорѣ Полтавскаго начальнаго народнаго образованія за 1897 годъ губернская земская управа, со словъ одного учителя, говоритъ, что существуетъ, такъ сказать, три рода сроковъ: офиціально занятія продолжаются съ 15-го сентября по 1-ое мая, въ дѣйствительности—съ 25-го сентября по конецъ апрѣля, а серьёзныя занятія идутъ съ 25-го октября по 1-ое апрѣля. Благодаря такому положенію вещей не только трудно выяс-

нить вопросъ о продолжительности учебнаго времени въ году, но и поставить вопросъ объ этомъ такъ, чтобы онъ исчерпалъ его во всей полнотѣ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, начало учебнаго года указывается въ сентябрѣ, именно—въ его первой половинѣ, при чемъ въ качествѣ крайнихъ предѣловъ колебанія приводятся августъ и ноябрь; конецъ же года указывается въ большинствѣ случаевъ съ мая, именно—въ первой его половинѣ, при чемъ крайнимъ предѣломъ колебанія называются мартъ и іюнь.

Останавливаясь на вопросѣ о зависимости начала и конца учебнаго года отъ различныхъ мѣстныхъ условій, можно замѣтить, что наблюдается извѣстная связь между этимъ обстоятельствомъ и географическимъ положеніемъ губерніи. Такъ въ смежныхъ губерніяхъ (Вологодской, Вятской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Петроградской) для начала учебнаго года не упоминаются сроки болѣе поздніе, чѣмъ первая половина сентября. Наоборотъ, тѣ губерніи, гдѣ сроки конца учебнаго года приходятся на апрѣль и мартъ, не относятся къ числу сѣверныхъ. Такимъ образомъ можно, повидимому, установить, что сѣверныя губерніи отличаются болѣе раннимъ началомъ и болѣе позднимъ концомъ учебнаго года. Съ другой стороны, сравнительно позднее начало занятій и раннее ихъ прекращеніе составляютъ характерную особенность сельской земледѣльческой мѣстности,—въ промышленныхъ городахъ и районахъ сроки эти болѣе нормальны. Болѣе полныя свѣдѣнія имѣются за 1908 годъ по Харьковской губерніи, гдѣ въ городскихъ одноклассныхъ школахъ занятія начинаются у 100% школъ не позже 15-го сентября, въ сельскихъ одноклассныхъ—у 52%. Ученики въ сборѣ не позже 1-го октября—у 88% городскихъ школъ и 19% сельскихъ. Ученье запаздываетъ противъ обычнаго срока въ 14% городскихъ школъ и въ 42% сельскихъ. Занятія въ младшемъ отдѣленіи заканчиваются до 1-го мая въ 18% городскихъ и въ 66% сельскихъ школъ; ученье окончилось преждевременно въ младшемъ отдѣленіи 3% городскихъ и 8% сельскихъ школъ. Кромѣ того, въ той же губерніи уѣзды, гдѣ школьное ученье начинается рано, отличаются промышленнымъ характеромъ; развитіе промышленности вызываетъ также болѣе ранній срокъ момента, когда ученики въ сборѣ и болѣе позднее окончаніе учебнаго года.

Относительно размѣра учебнаго года сохраняютъ свою силу всѣ замѣчанія, сдѣланныя выше, относительно трудности сравненія губернскихъ данныхъ, ибо и здѣсь наблюдаются тѣ же типы сводки

отдѣльныхъ чиселъ и то же разнообразіе приводимыхъ цифръ. Въ общемъ, наиболѣе часты числа въ 150—160 дней, а также въ 140—150 и въ 160—170. Слѣдовательно, въ среднемъ для всей Россіи количество учебныхъ дней менѣе половины общаго ихъ числа. Вышеупоминавшееся вліяніе экономическаго характера мѣстности влечетъ за собою удлиненіе учебнаго года въ промышленныхъ районахъ и укороченіе въ земледѣльческихъ. По даннымъ Вятской губерніи, напр., въ Сарапульскомъ уѣздѣ въ сельскихъ школахъ учебный годъ длится 130—160 дней, а въ городскихъ и заводскихъ—130—190 дней. По Херсонской губерніи въ 1908—9 учебномъ году размѣръ его для сельскихъ одноклассныхъ школъ выражался 146 днями, а для городскихъ—169. Тотъ же выводъ подтверждается и цифрами, относящимися къ распространенности перерывовъ въ ученьѣ, которые имѣли мѣсто въ 14% сельскихъ и 7% городскихъ школъ. Извѣстное вліяніе здѣсь оказываетъ, повидимому, и національный составъ населенія. Подтвержденіемъ могутъ служить данныя по Евпаторійскому уѣзду Таврической губерніи, гдѣ, какъ указываетъ Таврическая губернская земская управа, учебный годъ длиннѣе въ татарскихъ школахъ и короче въ русскихъ. Различія въ размѣрѣ учебнаго года въ трехгодичной и четырехгодичной школахъ почти не усматривается. Во всѣхъ губерніяхъ, правда, за исключеніемъ Херсонской, наблюдается, что цифры для учебнаго года въ четырехгодичной школѣ нѣсколько большія, чѣмъ въ трехгодичной, но разница настолько мала, что её можно въ разсчетъ не принимать.

Въ числѣ причинъ, вызывающихъ уменьшеніе размѣра учебнаго года, наиболѣе распространены причины экономическія. Объ этомъ имѣются свѣдѣнія по 32 губерніямъ. Въ частности, указывается участіе учениковъ въ домашнихъ, полевыхъ и другихъ сельскохозяйственныхъ работахъ, а также въ пастьбѣ скота. Подобныя свѣдѣнія имѣются по 31 губерніи. Далѣе идутъ указанія на различные промыслы—отхожіе и кустарные (10 губерній); сравнительно часто упоминаются бѣдность населенія и частная форма ея проявленія—недостатокъ или отсутствіе одежды и обуви (15 губерній). „Продолженіе учебнаго года“, говоритъ Перемышльская уѣздная земская управа: „зависитъ отъ весны и осени, т. е. отъ времени, когда начинаются работы весною и кончаются осенью. Если весна ранняя, раньше прекращается ученье; погожая осень тоже удерживаетъ учениковъ дома“. Главной же причиной, вліяющей на сокращеніе учебнаго года, является, по словамъ Воронежской губернской земской управы, недо-

статочно твердое сознаніе у населенія безусловной необходимости школьнаго образованія своихъ дѣтей, вслѣдствіе чего дѣтей посылаютъ въ школы тогда, когда они бываютъ свободны отъ домашнихъ и полевыхъ работъ. Какъ на второстепенныя причины, можно указать на отсутствіе теплой одежды и обуви въ ненастное и дождливое время года и на развитіе эпидемическихъ заболѣваній. На послѣднюю причину въ Казанской губерніи указывается шестью уѣздными земствами изъ всѣхъ 12 съ общимъ числомъ школъ 424. Если же принять во вниманіе упорное нежеланіе многихъ родителей подвергать своихъ дѣтей предохранительнымъ прививкамъ, то станутъ понятными такія, далеко не рѣдкія, заявленія учащихъ: „въ селеніи— оспа; школа закрыта“. Слѣдующую группу составляютъ причины бытовыя, указываемыя въ 23 губерніяхъ. Здѣсь чаще всего упоминаются мѣстные праздники, длящіеся по нѣсколько дней, а также ярмарки (20 губерній); указываютъ также на несознательное отношеніе родителей къ образованію ихъ дѣтей (6 губерній) и небрежное отношеніе сельскихъ обществъ къ ихъ обязанностямъ по отношенію къ школьному хозяйству (3 губерніи). Наконецъ, причины сокращенія учебнаго года бываютъ и стихійныя. Сюда относятся, преимущественно, климатическія условія: осенняя распутица, весенніе разливы, зимніе морозы. Указанія на такія причины дѣлаются по девяти губерніямъ.

Харьковское земство въ 1908 году сдѣлало количественную характеристику вліянія отдѣльныхъ причинъ на начало и конецъ учебнаго года, а также на перерывы въ ученьѣ. Оказывается, что полевыя работы вызвали запозданіе начала занятій въ 57% школъ, ремонтъ—въ 24% и прочія причины—въ 19%. Окончаніе ученія въ младшемъ отдѣленіи раньше срока имѣло мѣсто въ 85% вслѣдствіе полевыхъ работъ и въ 15% вслѣдствіе прочихъ причинъ. Перерывы въ занятіяхъ объяснялись въ 40 случаяхъ эпидеміями, въ 9—ремонтомъ школы и въ 8—дурной погодой. По приводимымъ Псковской губернской земской управой показаніямъ касательно причинъ сокращенія учебнаго года видно, что причины экономическія составляютъ 67% общаго числа, болѣзни—6%, бытовыя—21%, школьныя—1% и климатическія—5%.

Касательно принимаемыхъ мѣръ по нормированію сроковъ учебнаго года имѣются свѣдѣнія по 31 губерніи, о достигнутыхъ результатахъ—по 20 губерніямъ. Чаще всего (по 26 губерніямъ) дѣлаются указанія на формальныя распоряженія различныхъ органовъ, завѣдывающихъ начальнымъ образованіемъ, преимущественно училищнымъ

совѣтомъ. Наиболѣе обычная мѣра этого рода — назначеніе точныхъ сроковъ начала и конца учебнаго года (19 губерній), опредѣляемыхъ не столько бытовыми условіями, сколько педагогическими соображеніями, и оповѣщеніе объ этихъ срокахъ населенія при посредствѣ священниковъ, учащихъ и сельскихъ властей. Не довольствуясь назначеніемъ сроковъ, учебная администрація часто подвергаетъ лицъ, которыя не подчинились такимъ распоряженіямъ, извѣстнымъ послѣдствіямъ; напр., иногда опаздывающіе къ началу занятій считаются не принятыми въ училище, прекращающіе посѣщеніе занятій—оставленными на второй годъ или даже выбывшими, съ тѣмъ, чтобы поступать снова въ школу уже на слѣдующій годъ послѣ принятія новичковъ и т. д. Что же касается достигнутыхъ съ помощью такого рода мѣръ результатовъ, то въ большинствѣ случаевъ, по свидѣтельству земствъ, они оказываются ничтожными. Таковы, напр., заявленія Вологодскаго, Воронежскаго, Костромского, Крестецкаго, Ярославскаго и др. земствъ. По словамъ Псковской губернской земской управы, изъ 113 случаевъ принятія подобныхъ мѣръ въ 56 случаяхъ онѣ дали (50%) неблагопріятные результаты, въ 39 случаяхъ (35%)—благопріятные и въ 18—неизвѣстные. Самарская губернская земская управа сообщаетъ, что въ особомъ отчетѣ инспекціи народныхъ училищъ за 1909 годъ по Бузулукскому уѣзду отмѣченъ былъ случай, что рекомендованіе уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, начиная съ 1907 года, учащимъ ограничивать, насколько возможно, срокъ пріема дѣтей привело даже въ 1909—10 учебномъ году къ сокращенію числа учащихся: урожай былъ выдающійся, погода особенно благопріятная для уборки, дѣти были необходимы семьямъ въ помощь для работы и къ назначенному для начала ученья сроку—1-го октября—не могли явиться въ школы. Послѣдовавшее затѣмъ предложеніе продлить срокъ пріема до 15-го октября уже не оказало вліянія, и число учащихся уменьшилось сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ на 740 при общемъ числѣ учащихся въ 9079, т. е. на 8%. Только меньшинство земствъ смотритъ на это дѣло оптимистичнѣе, находя, что формальныя распоряженія училищныхъ совѣтовъ, при моральномъ содѣйствіи населенія, могутъ дать до извѣстной степени благопріятные результаты. Таковы мнѣнія Хотинской, Волоколамской и Саратовской земскихъ управъ. Попытки моральнаго воздѣйствія на населеніе даютъ не лучшіе результаты. Наиболѣе обычной формой такихъ попытокъ является увѣщаніе родителей учащими или членами училищнаго совѣта, иногда священниками и даже земскими начальни-

ками. Псковская губернская земская управа, напр., сообщаетъ, что изъ 44 случаевъ указанныхъ попытокъ увѣщанія населенія въ 29 случаяхъ (66%) полученъ былъ неблагопріятный результатъ, въ 7 (или 16%)—благопріятный и въ 8—неизвѣстный.

Довольно часты (въ 14 губерніяхъ) земскія указанія на мѣры, направленныя къ увеличенію учебнаго времени среди года однимъ изъ слѣдующихъ трехъ способовъ: 1) пропускаются совсѣмъ или сокращаются въ продолжительности мѣстные и общіе праздники (10 губерній); 2) назначаются дополнительныя занятія—воскресныя, праздничныя, вечернія и послѣурочныя (9 губерній) и 3) увеличивается, наконецъ, число уроковъ въ учебномъ днѣ или удлиняется каждый урокъ (8 губерній). Относительно результатовъ этихъ мѣръ мнѣнія расходятся, но, въ общемъ, здѣсь дѣло обстоитъ нѣсколько болѣе успѣшно. Такъ, 4 уѣздныхъ земскихъ управы Московской губерніи говорятъ о вполнѣ удовлетворительномъ результатѣ сокращенія мѣстныхъ престольныхъ праздниковъ. Псковская губернская земская управа сообщаетъ 64 показанія о мѣрахъ этого рода, при чемъ въ 47 изъ нихъ (73%) отмѣченъ благопріятный результатъ, въ 5 (8%)—неблагопріятный и въ 12—неизвѣстный. Владимірская губернская земская управа сообщаетъ, что вечернія занятія приносятъ несомнѣнную пользу и даютъ возможность выполнить программу. Меньшинство земствъ (напр., Казанское, Калужское и Уфимское) указываетъ на то, что увеличеніе учебнаго дня и занятія въ вечерніе часы утомляютъ учащихся.

Встрѣчаются, хотя и рѣдко (есть указанія относительно 8 губерній), мѣры, обращенныя на учащихся, а именно: моральное воздѣйствіе на нихъ (6 губерній) и установленіе какихъ либо взысканій за пропускъ уроковъ (3 губерніи) вплоть до временнаго или полнаго увольненія; промежуточной же мѣрой является требованіе объясненія причинъ пропуска уроковъ. Еще рѣже (въ 1—2 губерніяхъ) упоминаются слѣдующія мѣры: награжденіе окончившихъ три и четыре отдѣленія, установленіе врачебнаго надзора за учениками, устройство при школѣ ночлежнаго пріюта и отпускъ учащимся приварка. Мѣры эти, по земскимъ свѣдѣніямъ, своей цѣли достигаютъ.

Что касается мѣръ, направленныхъ на учащихъ, то онѣ примѣняются рѣдко (5 губерній), сводятся къ установленію смѣнныхъ занятій, назначенію запасныхъ и временныхъ учителей и повышенію жалованья учащимъ, при чемъ о результатахъ примѣненія этихъ мѣръ свѣдѣній не имѣется.

Въ общемъ, приходится признать, такимъ образомъ, что большинство разсмотрѣнныхъ выше мѣръ не достигаетъ своей цѣли. Это, конечно, въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что, если сопоставить причины сокращенія учебнаго года и мѣры его удлиненія, то отчетливо выяснится ихъ неравносильность. Наиболѣе обычныя и значительныя причины коренятся въ условіяхъ народнаго хозяйства, въ состояніи народнаго здравія, въ укладѣ народнаго быта. Связанныя съ разнообразными сторонами государственной и общественной жизни, причины эти почти стихійны и вліяніе ихъ громадно. Между тѣмъ мѣры, направленныя противъ нихъ, принимаются внѣшней по отношенію къ массѣ населенія властью, направлены преимущественно на моральную сторону населенія и рѣдко носятъ санитарный или экономическій характеръ. Во всякомъ случаѣ частичные успѣхи, достигнутые нѣкоторыми земствами въ удлиненіи учебнаго года, показываютъ, что и здѣсь можно найти, примѣняясь къ особенностямъ уклада народной жизни, подходящія и дѣйствительныя мѣропріятія.

II.

При разсмотрѣніи постановки учебной части въ земскихъ народныхъ школахъ нельзя обойти вопроса о числѣ и составѣ учащихся въ этихъ школахъ. При анкетѣ 1910 года свѣдѣнія о числѣ учащихся были получены отъ 311 уѣздовъ по 23.065 школамъ. Эти данныя расположены въ слѣдующей таблицѣ, при чемъ въ ней въ число учащихся включены и выбывшіе въ теченіе учебнаго года (см. табл. на стр. 60).

Какъ видно изъ таблицы, абсолютныя цифры учащихся въ земскихъ одноклассныхъ школахъ для отдѣльныхъ губерній весьма разнообразны, начиная отъ 23.772 въ Псковской губерніи и достигая 106.592 въ Воронежской. Зная число школъ и учащихся въ нихъ, не трудно опредѣлить, сколько учениковъ приходится, въ среднемъ, на школу. По Россіи это среднее число равняется 74 съ значительными колебаніями по отдѣльнымъ губерніямъ, при чемъ наименьшее число учащихся въ школѣ наблюдается въ Олонецкой губерніи (29), и наиболѣе людными оказываются школы въ Воронежской губерніи (114 человѣкъ, въ среднемъ, на школу). По абсолютнымъ цифрамъ представляется, конечно, затруднительнымъ судить о томъ, какія губерніи находятся въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ въ отношеніи облегченія учащимъ преподаванія въ школахъ, такъ какъ въ послѣднихъ бываетъ по 1, 2, 3 и даже 4 преподавателя, что сильно мѣ-

ГУБЕРНІИ.	Число давшихъ свѣдѣнія.		Число учащихся въ нихъ.	Число учащихся на 1 школу.
	Уѣздовъ.	Школъ.		
Бессарабская . .	5	179	11.242	63
Владимірская . .	13	796	49.176	62
Вологодская . . .	10	694	34.151	49
Воронежская . .	12	938	106.592	114
Вятская .	10	1.332	94.735	71
Екатеринославская .	8	702	69.505	99
Казанская . .	12	770	46.503	60
Калужская .	11	550	35.518	65
Костромская . .	12	808	51.708	64
Московская	13	1.069	68.795	64
Нижегородская . .	11	886	50.394	57
Новгородская	11	1.035	44.242	43
Олонецкая . .	6	358	10.310	29
Орловская .	12	748	59.582	80
Пензенская . .	6	257	25.840	101
Пермская	11	1.277	97.700	77
Петроградская .	8	780	33.683	43
Полтавская . .	15	1.125	100.100	89
Псковская .	8	401	23.772	59
Рязанская .	12	709	58.454	82
Самарская .	7	706	72.138	102
Саратовская .	10	640	66.332	104
Симбирская .	5	285	21.421	75
Смоленская . .	12	593	48.901	82
Таврическая .	8	608	55.132	91
Тамбовская	11	812	68.312	84
Тверская . .	12	1.198	77.725	65
Тульская . .	3	201	10.403	52
Уфимская	6	663	38.723	58
Херсонская	6	729	74.623	102
Черниговская	15	725	75.120	104
Ярославская .	10	491	31.007	63
По Россіи . . .	311	23.065	1.711.839	74

няетъ условія преподаванія. Если разсмотрѣть школы съ 3-хъ и 4-годичнымъ курсомъ въ отдѣльности, то получимъ, что число учащихся на школу въ трехлѣтней школѣ равняется 66, а въ четырехлѣтней—92, т. е. почти въ полтора раза больше первой цифры. Объясняется это тѣмъ, что школы съ четырьмя годами обученія обыкновенно бываютъ, по крайней мѣрѣ, двухкомплектными, т. е. съ двумя преподавателями, чего нельзя сказать о школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ. Болѣе удобными для преподаванія, слѣдовательно, являются школы съ четырехгодичнымъ курсомъ, гдѣ на учащаго приходится менѣе 50 учениковъ. Распредѣленіе учащихся по типамъ школъ ко времени анкеты 1910 года видно изъ нижеслѣдующей таблицы (см. табл. на стр. 62).

Школы съ трехъ и четырехгодичнымъ курсомъ въ отношеніи числа отдѣленій, приходящихся на одного учащаго, значительно разнятся другъ отъ друга. Въ большинствѣ школъ съ трехлѣтнимъ курсомъ (63,7%) на одного учителя приходится три отдѣленія, въ остальныхъ же школахъ учащіе занимаются или съ однимъ отдѣленіемъ или съ двумя. Въ школахъ съ четырехгодичнымъ курсомъ только 6,4% такихъ школъ, въ которыхъ учащіе занимаются съ тремя и четырьмя отдѣленіями; въ громадномъ же числѣ школъ (93,6%) на одного учащаго приходится не болѣе двухъ или одного отдѣленія. Отсюда видно, что въ этомъ отношеніи четырехгодичная школа поставлена въ значительно болѣе выгодныя условія, чѣмъ школа съ трехгодичнымъ курсомъ. Вопросъ о томъ, въ какихъ губерніяхъ и какого типа школы заключаютъ въ себѣ бо́льшее число комплектовъ, выясняется слѣдующей таблицей (см. табл. на стр. 63).

Въ отношеніи количества учащихся въ школахъ съ 3- и 4-годичнымъ курсомъ въ отдѣльности по губерніямъ наблюдается, въ общемъ, такая же картина, что и для обоихъ типовъ школъ вмѣстѣ. Надежнымъ показателемъ степени развитія школьнаго дѣла является процентное отношеніе числа учащихся ко всему населенію. Въ нижеслѣдующей таблицѣ дается сопоставленіе губерній въ этомъ отношеніи (см. табл. на стр. 64).

По приведеннымъ въ таблицѣ 24 губерніямъ общій процентъ равенъ 2,7, при чемъ столичныя губерніи и Тверская оказываются стоящими наиболѣе высоко въ отношеніи процента учащихся къ населенію; на самой же низкой ступени стоятъ Уфимская, Казанская и Псковская губерніи.

Обращаясь къ распредѣленію учащихся въ земскихъ школахъ по

ГУБЕРНІИ.	Число уѣздовъ, давшихъ свѣдѣнія.	Трехлѣтнія школы.			Четырехлѣтнія школы.		
		Число школъ, давшихъ свѣдѣнія.	Число учащихся въ нихъ.	Число учащихся на 1 школу.	Число школъ, давшихъ свѣдѣнія.	Число учащихся въ нихъ.	Число учащихся на 1 школу.
Бессарабская	5	105	5.321	51	74	5.921	80
Владимірская	13	696	40.897	59	100	8.279	83
Вологодская	10	564	24.796	44	130	9.355	72
Воронежская	12	625	68.333	109	313	38.259	122
Вятская	9	972	66.483	68	88	6.632	75
Казанская	12	251	13.827	55	519	32.676	63
Калужская	11	425	24.267	57	125	11.251	90
Костромская	9	504	32.998	65	10	929	93
Московская	13	1.032	65.075	63	37	3.720	101
Нижегородская	10	724	37.603	52	72	6.664	93
Новгородская	10	768	27.769	36	155	11.548	75
Олонецкая	6	337	9.090	27	21	1.220	58
Орловская	12	606	46.151	76	142	13.431	95
Пензенская	6	246	24.836	101	11	1.004	91
Пермская	10	909	66.615	73	216	18.541	86
Ярославская	10	450	27.270	61	41	3.737	91
Полтавская	13	640	53.646	84	271	30.357	112
Псковская	8	400	23.689	59	1	83	83
Саратовская	4	158	13.982	88	134	13.795	103
Симбирская	5	267	20.382	76	18	1.039	58
Смоленская	12	354	26.802	76	239	22.099	92
Таврическая	5	51	2.657	52	364	35.949	99
Тамбовская	10	678	48.561	72	62	7.588	122
Тверская	12	725	36.679	51	473	41.046	87
Тульская	3	184	9.633	52	17	770	45
Уфимская	6	583	32.979	57	80	5.744	72
Херсонская	2	164	15.634	95	63	6.826	108
Черниговская	15	565	51.695	91	160	23.425	146
По Россіи	253	13.983	917.670	66	3.936	361.888	92

ГУБЕРНІИ.	Школа съ трехлѣтнимъ курсомъ.						Школа съ четырехлѣтнимъ курсомъ.							
	Число уѣздовъ.	1 отдѣленіе.	2 отдѣленія.	3 отдѣленія.	2 учителя на 3 отдѣленія.	Всего.	Число уѣздовъ.	1 отдѣленіе.	2 отдѣленія.	3 отдѣленія.	4 отдѣленія.	2 учителя на 3 отдѣленія.	3 учителя на 4 отдѣленія.	Всего.
Бессарабская	3	—	—	102	3	105	2	1	21	—	25	—	—	47
Владимірская	13	21	5	460	211	697	8	4	88	—	—	9	—	101
Вологодская	10	8	105	451	—	564	10	7	121	1	1	—	—	130
Воронежская	7	104	207	155	—	466	3	38	87	—	—	—	—	125
Казанская	10	16	54	130	2	202	9	81	300	19	9	3	—	412
Калужская	11	4	2	343	51	400	10	6	110	6	3	—	—	125
Московская	13	84	—	668	280	1.032	—	5	26	—	2	—	4	37
Нижегородская	7	12	54	398	42	506	4	2	56	—	—	—	—	58
Олонецкая	6	7	—	313	51	371	2	—	3	—	1	—	—	4
Орловская	12	8	—	422	176	606	12	2	108	—	31	—	1	142
Пензенская	4	10	68	91	17	186	—	—	—	—	—	—	—	—
Пермская	4	104	187	168	—	459	1	—	13	2	—	—	—	15
Полтавская	9	75	127	328	11	541	6	14	143	—	4	—	10	171
Псковская	8	32	23	232	72	359	—	—	—	—	—	—	—	—
Рязанская	7	32	96	206	7	341	5	25	115	—	—	—	—	140
Саратовская	2	3	16	78	—	97	3	41	107	5	—	3	14	170
Симбирская	5	41	70	136	20	267	2	3	10	2	—	3	—	18
Смоленская	12	20	26	155	125	326	10	2	174	2	12	15	1	206
Таврическая	3	5	45	97	—	147	4	22	125	29	3	—	—	179
Тамбовская	9	49	104	343	89	585	3	4	68	—	—	—	—	72
Тверская	12	7	—	454	79	540	12	5	420	—	22	—	26	473
Тульская	2	2	—	121	35	158	1	—	4	—	—	—	—	4
Херсонская	1	43	40	37	—	120	—	—	—	—	—	—	—	—
Черниговская	15	76	—	273	216	565	—	27	91	—	3	39	—	160
Ярославская	10	17	5	233	140	395	10	—	35	—	1	—	1	37
По Россіи	195	780	1.234	6.394	1.627	10.035	117	289	2.225	66	117	72	57	2.826
Въ процентахъ	—	7,8	12,2	63,7	16,3	100	—	10,2	78,8	2,2	4,1	2,6	2,0	100

ГУБЕРНІИ.	Число учащихся.	Количество населенія въ тысячахъ къ 1-му января 1908 года.	% учащихся къ населенію.
Владимірская	49.176	1.815,9	2,7
Вологодская	34.151	1.535,3	2,2
Воронежская	106.592	3.126,4	3,4
Екатеринославская	69.505	2.725,8	2,5
Казанская	46.503	2.456,0	1,8
Калужская	35.518	1.283,1	2,7
Костромская	51.708	1.597,8	3,2
Московская	68.795	1.675,0	4,1
Нижегородская	50.394	1.824,6	2,7
Новгородская	44.242	1.580,6	2,7
Орловская	59.582	2.390,0	2,4
Петроградская	33.683	875,4	3,8
Полтавская	100.000	3.412,3	2,9
Псковская	23.772	1.283,7	1,8
Рязанская	58.454	2.144,0	2,6
Самарская	72.138	3.332,4	2,1
Саратовская	66.332	2.834,9	2,3
Смоленская	48.901	1.807,4	2,7
Таврическая	55.132	1.639,0	3,3
Тверская	77.725	2.038,5	3,8
Уфимская	38.723	2.720,1	1,4
Херсонская	74.623	2.665,5	2,7
Черниговская	75.120	2.817,5	2,6
Ярославская	31.007	1.118,7	2,7
Всего по Россіи	1.371.876	50.699,9	2,7

полу, можно — на основаніи отвѣтовъ при анкетѣ 1910 года 288 уѣздовъ съ 20.408 школами—установить, что дѣвочки составляютъ, въ среднемъ, нѣсколько болѣе $^1/_4$ всего числа учащихся (27%), остальная же масса обучающихся (73%) состоитъ изъ мальчиковъ. Въ громадномъ большинствѣ губерній (26) колебанія въ распредѣленіи мальчиковъ и дѣвочекъ невелики, отклоняясь отъ средней по Россіи на 6% въ ту или другую сторону. Только въ пяти губерніяхъ (Московская—40% дѣвочекъ, Тверская и Ярославская по 33%, Олонецкая — 34% и Бессарабская — 18%) наблюдаются въ этомъ отношеніи болѣе значительныя отклоненія. Любопытно, что въ великорусскихъ губерніяхъ процентъ учащихся дѣвочекъ выше (29,2%), чѣмъ въ въ остальныхъ (24,8%). Далѣе, въ великорусскихъ губерніяхъ процентъ обучающихся дѣвочекъ выше въ промышленныхъ губерніяхъ (35,7%), чѣмъ въ земледѣльческихъ (25,6%).

Если разсмотрѣть въ отдѣльности школы съ 3- и 4-годичнымъ курсомъ по отдѣленіямъ и по полу учащихся, то окажется, что въ трехгодичныхъ школахъ въ первомъ отдѣленіи числилось въ указанное время около половины всѣхъ учащихся въ школѣ (47%), во второмъ отдѣленіи—нѣсколько болѣе $^1/_3$ (35%) и, наконецъ, въ послѣднемъ, третьемъ, — всего около $^1/_6$ всѣхъ учащихся (18). Такимъ образомъ изъ всѣхъ учащихся, поступившихъ въ первое отдѣленіе и принимаемыхъ за 100, до второго отдѣленія доходитъ около $^3/_4$ (74,6%) и до выпускного отдѣленія — нѣсколько болѣе $^1/_2$ (37,6%). Число учащихся въ первомъ отдѣленіи четырехгодичныхъ школъ составляетъ $^2/_5$ числа всѣхъ обучающихся (40%); второе отдѣленіе заключаетъ въ себѣ 29%, третье—$^1/_5$ всѣхъ учащихся (20%), а четвертое отдѣленіе — нѣсколько больше $^1/_{10}$ (11%). Слѣдовательно, изъ учащихся, поступившихъ въ школу, около $^3/_4$ (72,5%) доходитъ до второго отдѣленія, $^1/_2$—до третьяго и нѣсколько больше $^1/_4$—до выпускного отдѣленія (27,5%). Сопоставляя школы съ трехъ- и четырехлѣтнимъ курсами въ отношеніи количественнаго состава учащихся въ разныхъ отдѣленіяхъ, найдемъ, что второго отдѣленія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ типѣ школъ, учащіеся достигаютъ почти въ одинаковомъ размѣрѣ—74,6% и 72,5%. Третье отдѣленіе, однако, значительно уже разнится въ количественномъ составѣ учащихся (въ трехгодичной школѣ немного больше $^1/_3$ всѣхъ поступившихъ въ первое отдѣленіе или 37,6%, а въ четырехгодичной школѣ—$^1/_2$ или 50%). Отсюда выясняется, что четырехгодичная школа въ отношеніи продолжительности удержанія въ своихъ стѣнахъ поступившихъ въ школу

является болѣе цѣнной, чѣмъ трехгодичная. Но если подойти къ этому же вопросу съ точки зрѣнія значенія школы въ отношеніи доведенія поступившихъ до конца курса, то мы придемъ къ нѣсколько иному выводу. Въ трехгодичной школѣ до выпускного (третьяго) отдѣленія доходитъ больше $^1/_3$ учащихся (37,6%), а въ четырехгодичной школѣ до четвертаго отдѣленія—нѣсколько больше $^1/_4$ (27,5%). Допустивъ, что успѣшность учащихся, дошедшихъ до выпускного отдѣленія, въ обоихъ типахъ школъ одинакова, мы должны будемъ признать, что въ трехгодичной школѣ процентъ оканчивающихъ будетъ больше, чѣмъ въ четырехгодичной, во столько разъ, во сколько 37,6 больше 27,5. Въ среднемъ, на школу кончаетъ 7 — 8 человѣкъ и въ этомъ отношеніи нѣтъ почти никакой разницы между трехъ- и четырехгодичными школами. Что же касается вопроса о томъ, какой процентъ оканчивающіе составляютъ относительно числа всѣхъ учащихся, то въ этомъ отношеніи наблюдается довольно значительное различіе. Въ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ оканчиваютъ 10,5% всѣхъ школьниковъ, а въ четырехгодичныхъ школахъ—только 7,9%. Это станетъ понятнымъ, если принять въ соображеніе, что школы съ четырехгодичнымъ курсомъ обыкновенно бываютъ болѣе людными (92 учащихся на школу), чѣмъ школы трехгодичныя (66 учащихся на школу). Около $^2/_3$ всѣхъ окончившихъ въ трехгодичной школѣ (65%) закончили курсъ черезъ 3 года, остальные пробыли тамъ 4 года (30%) и небольшой процентъ—5 и даже болѣе лѣтъ (5%). Распредѣленіе окончившихъ по числу лѣтъ пребыванія ихъ въ четырехгодичной школѣ выражается слѣдующими процентами: 3 года — 9,8%, 4 года—67,2%, 5 лѣтъ—16,6% и 6 и болѣе лѣтъ—6,4%. Наибольшій процентъ, такимъ образомъ, падаетъ на окончившихъ, пробывшихъ въ школѣ 4 года (нѣсколько болѣе $^2/_3$), $^1/_6$ часть училась 5 лѣтъ и нѣсколько больше 6% пробыло 6 лѣтъ и больше. Сопоставленіе свѣдѣній по обоимъ типамъ школъ показываетъ, что въ четырехгодичныхъ школахъ большій процентъ оканчивающихъ (75% противъ 65% для трехгодичныхъ школъ) проходитъ курсъ безъ задержки въ какомъ либо отдѣленіи, при чемъ увеличеніе здѣсь идетъ, главнымъ образомъ, на счетъ лицъ, остающихся въ какомъ либо одномъ отдѣленіи на второй годъ.

На одну школу съ трехгодичнымъ курсомъ приходится выбывшихъ 11—12 человѣкъ, и неявившихся 7—8 человѣкъ, такъ что, въ общемъ, школа теряетъ ежегодно 18—19 человѣкъ, что составляетъ по отношенію ко всему числу учащихся 28%. Эта потеря распро-

страняется по отдѣленіямъ неравномѣрно: 80°/₀ всѣхъ выбывшихъ изъ школы и неявившихся падаетъ на первое и второе отдѣленія почти поровну, а изъ третьяго отдѣленія выходятъ всего около 20°/₀. Нѣкоторая разница замѣчается между распредѣленіемъ выбывшихъ въ теченіе учебнаго года и неявившихся въ школу съ началомъ занятій, а именно: среди выбывшихъ проценты постепенно понижаются отъ перваго до третьяго отдѣленія, среди же неявившихся наибольшій процентъ (46) замѣчается во второмъ отдѣленіи. Это превышеніе процента, относящагося ко второму отдѣленію, надъ первымъ объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что въ первое отдѣленіе не являются только оставшіеся на второй годъ, тогда какъ во второмъ отдѣленіи зарегистрованы, какъ лица, оставшіяся на второй годъ во второмъ отдѣленіи, такъ и перешедшія изъ перваго отдѣленія во второе. Что же касается школъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ, то въ нихъ выбывшихъ приходится на школу 17—18 человѣкъ, не явившихся 13—14, а всего ушедшихъ изъ школы 30—31 чел., что составляетъ 32,8°/₀ всѣхъ учащихся въ школѣ. Эта потеря падаетъ, главнымъ образомъ, на первыя два отдѣленія (64°/₀), на третье отдѣленіе—25°/₀; остальные 11°/₀ — на выпускное (четвертое) отдѣленіе. Распредѣленіе по отдѣленіямъ ушедшихъ изъ школы почти соотвѣтствуетъ такому же распредѣленію въ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ, а именно: процентъ выбывшихъ постепенно уменьшается по мѣрѣ приближенія къ старшему отдѣленію, среди же неявившихся наибольшій процентъ падаетъ на второе отдѣленіе. Изъ оставившихъ школу съ трехгодичнымъ обученіемъ до окончанія курса чаще всего уходятъ, пробывъ въ ней одинъ годъ (35°/₀), затѣмъ послѣдовательно идутъ пробывшіе два года (33°/₀), три года (20°/₀), четыре года (5°/₀) и пять и болѣе лѣтъ (7°/₀). Въ четырехгодичной школѣ колебанія процентовъ ограничиваются болѣе узкими рамками, начиная отъ 31°/₀ для пробывшихъ въ школѣ одинъ годъ и кончая 7°/₀ для пробывшихъ 5 и болѣе лѣтъ.

Въ среднемъ, на школу съ трехгодичнымъ курсомъ остается на второй годъ 11—12 человѣкъ, въ четырехгодичной—14, что составитъ въ процентахъ: 18°/₀—въ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ и 15°/₀ — въ четырехгодичныхъ школахъ. Нѣкоторое преимущество, такимъ образомъ, оказывается на сторонѣ школы съ болѣе продолжительнымъ курсомъ, гдѣ учащіеся, не обремененные столь большимъ матеріаломъ, могутъ легче усвоить проходимое. Если сравнить процентъ оставшихся на второй годъ въ различныхъ отдѣленіяхъ съ

распредѣленіемъ учащихся по отдѣленіямъ, то окажется, что процентъ для обоихъ типовъ школъ довольно близокъ:

	Трехгодичная школа. I	II	III	Четырехгодичная школа. I	II	III	IV
Распредѣленіе учащихся по отдѣленіямъ въ %%-хъ . .	47	35	18	40	29	20	11
Распредѣленіе оставшихся на второй годъ въ %%-хъ .	45	43	12	41	33	20	6

Только въ выпускныхъ отдѣленіяхъ процентъ оставшихся на второй годъ нѣсколько меньше процента учащихся въ этихъ отдѣленіяхъ, между тѣмъ какъ во вторыхъ отдѣленіяхъ процентъ оставшихся на второй годъ нѣсколько больше соотвѣтствующаго процента учащихся въ нихъ. Въ выпускныхъ отдѣленіяхъ, слѣдовательно, сравнительно рѣже остаются на второй годъ, чѣмъ въ остальныхъ отдѣленіяхъ.

Труднѣе отвѣтить на вопросъ, съ какого возраста дѣти принимаются въ школу, такъ какъ по этому предмету имѣются лишь неполныя свѣдѣнія. Опредѣленно на 7-лѣтній возрастъ указали при анкетѣ 31 уѣздъ, на 8-лѣтній—35; остальные же 93 уѣзда, давшіе свѣдѣнія при анкетѣ 1910 года, устанавливаютъ минимальный возрастъ отъ 7 лѣтъ до 8, 9 и т. д. вплоть до 13 лѣтъ и болѣе. Сравнительно подробнѣе данныя о возрастномъ составѣ учащихся въ разныхъ отдѣленіяхъ школы, и ими можно въ извѣстной мѣрѣ дополнить отвѣтъ на вышеприведенный вопросъ. Преобладающимъ возрастомъ въ школѣ, на основаніи отвѣтовъ по 18 губерніямъ, оказывается 9, 10 и 11-лѣтній, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ типѣ школъ, при чемъ дѣти этого возраста составляютъ для трехгодичной школы 67%, а для четырехгодичной — 64%. Въ первомъ отдѣленіи трехгодичной школы чаще всего встрѣчаются дѣти 9 лѣтъ (34%), довольно много ихъ также 8-лѣтняго возраста (27%), а также 10 лѣтъ (21%). Въ школахъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ дѣти тѣхъ же возрастовъ представляютъ также наиболѣе многочисленныя группы, при чемъ, однако, самой крупной группой оказывается 8-лѣтній и 9-лѣтній возрастъ (32%) и менѣе значительной—10-лѣтній (18%). Во второмъ отдѣленіи преобладаютъ уже дѣти 9—11 лѣтъ, въ третьемъ—10—12 лѣтъ и, наконецъ, въ четвертомъ—11—13 лѣтъ.

Дѣти обычно принимаются въ начальныя земскія школы ежегодно. Однако мѣстами наблюдается и неежегодный пріемъ. Указанія на это имѣются по 24 губерніямъ, что, впрочемъ, еще не говоритъ о ши-

рокомъ распространеніи такой формы пріема. Лишь въ нѣсколькихъ губерніяхъ количество школъ съ неежегоднымъ пріемомъ достигаетъ цифры 25 и больше. Въ Рязанской губерніи, напр., этотъ способъ пріема практикуется въ 25 школахъ, въ Вятской—въ 34, въ Петроградской—въ 79, въ Самарской—въ 110, въ Казанской—въ 380 школахъ. Особенно распространено это явленіе въ Таврической губерніи, гдѣ по двумъ уѣздамъ (Бердянскому и Симферопольскому) неежегодный пріемъ существуетъ во всѣхъ однокомплектныхъ школахъ съ четырехгодичнымъ курсомъ. Напротивъ, въ Калужской губерніи школъ съ неежегоднымъ пріемомъ имѣется всего двѣ. Рѣдкое явленіе этотъ способъ пріема составляетъ также въ земскихъ школахъ Херсонской и Харьковской губерній. Преобладающими формами неежегоднаго пріема являются: пріемъ черезъ годъ и пріемъ три года подъ рядъ съ перерывомъ на четвертый. Въ первомъ случаѣ стремятся къ тому, чтобы учитель занимался съ двумя отдѣленіями, а во второмъ—съ тремя. Что касается другихъ формъ неежегоднаго пріема (черезъ $1^1/_2$ года, черезъ 2), то онѣ, вѣроятно, объясняются какими либо особыми мѣстными условіями и, по своей ничтожной примѣнимости, имѣютъ очень мало значенія. Главной причиной существованія мѣстами въ земскихъ школахъ неежегоднаго пріема надо считать недостаточность учительскихъ комплектовъ при желаніи имѣть школу съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія или,—что, впрочемъ, очень рѣдко,—недостаточное число учащихся для двухъ учителей. Въ первомъ случаѣ, вслѣдствіе полной невозможности поручить одному учителю заниматься съ 4 отдѣленіями, приходилось принимать дѣтей черезъ годъ или прекратить пріемъ черезъ три года на четвертый. На недостаточность учителей указало при анкетѣ 15 земствъ. Слѣдующей причиной является тѣснота школьныхъ помѣщеній, благодаря чему въ нѣкоторыхъ школахъ не могутъ сразу дѣйствовать всѣ четыре отдѣленія. На эту причину сослалось при той же анкетѣ 8 земствъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ причинами являются еще случайное переполненіе школъ (Черниговск. губ.), желаніе исправить неправильность группировки, допущенную прежними учителями (Херсонская губ.) и т. д. Подобныя экстренныя мѣры разрѣшаются каждый разъ училищнымъ совѣтомъ и, такимъ образомъ, носятъ исключительный характеръ. Иногда, наконецъ, въ жизни обнаруживаются совершенно неожиданныя условія, при которыхъ приходится прибѣгать къ неежегодному пріему. По словамъ Калужской губернской земской управы, напр., въ одной школѣ причиной введенія неежегоднаго пріема послужилъ „недостатокъ въ

дѣтяхъ школьнаго возраста“ (?!). Какъ на причину введенія такого пріема, Олонецкое земство указываетъ на незнаніе населеніемъ русской рѣчи и желаніе подвинуть дѣтей въ знаніи предметовъ начальнаго курса. Трудность усвоенія русскаго языка, главнымъ образомъ,— у инородцевъ, заставляетъ и Казанское земство прибѣгнуть къ указанному способу пріема. Отрицательная сторона неежегоднаго пріема заключается, прежде всего, въ томъ, что при недостаточности школъ создается угроза для нѣкоторыхъ дѣтей, не попавшихъ въ пріемный годъ, остаться совершенно безграмотными. Съ другой стороны, при неежегодномъ пріемѣ возникаетъ трудный вопросъ о томъ, какъ поступать съ отстающими дѣтьми. Наиболѣе естественнымъ исходомъ изъ создающагося при этомъ положенія считаютъ выдѣленіе отстающихъ въ отдѣльную группу, что ложится новой тяжестью на учителя, которому приходится заниматься отдѣльно съ этими дѣтьми. Въ Бессарабскомъ земствѣ тотъ же вопросъ разрѣшался переводомъ отстающихъ учениковъ въ другое училище, конечно, въ то же отдѣленіе. Это, однако, возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ данномъ селеніи находится еще другая школа, или если для переводимыхъ дѣтей обезпечиваются жилище и содержаніе.

Центръ тяжести земскихъ данныхъ въ вопросѣ объ экзаменахъ въ народныхъ школахъ лежитъ, конечно, въ выпускныхъ экзаменахъ. Изъ отдѣленія въ отдѣленіе ученики переводятся въ большинствѣ случаевъ самими учащими, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются переводные экзамены. Переводъ учениковъ по экзаменамъ въ 1910 году существовалъ только въ Сумскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, трехъ уѣздахъ Казанской губерніи и нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской губерніи. Объясняется это отчасти тѣмъ, что мѣстной служебной интеллигенціи, входящей по закону въ училищные совѣты, едва хватаетъ для производства экзаменовъ оканчивающимъ народныя школы. Экзаменаціонная комиссія, при выпускныхъ экзаменахъ изъ народной школы, обычно состоитъ изъ предсѣдателя, командированнаго мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ, мѣстнаго законоучителя и мѣстныхъ же учителей. Такой составъ указанъ былъ при анкетѣ по 14 губерніямъ. Участіе попечителя въ испытательной комиссіи въ качествѣ предсѣдателя или члена ея возможно, конечно, только при томъ условіи, если онъ обладаетъ необходимымъ образовательнымъ цензомъ (не ниже уѣзднаго училища). Поэтому хотя такое участіе и упоминается по 18 губерніямъ, но далеко не по всѣмъ уѣздамъ и, при томъ, рѣдко. Реальнымъ препятствіемъ къ такому участію попечителей

является ихъ неподготовленность въ образовательномъ отношеніи. Слабо прививается и мысль о приглашеніи въ экзаменаціонныя комиссіи учителей сосѣднихъ школъ. Объ этомъ при анкетѣ упомянуто лишь по 5 губерніямъ и то по нѣкоторымъ только уѣздамъ. Составъ экзаменаціонной комиссіи Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, отличается нѣсколько отъ вышеуказаннаго шаблона тѣмъ, что тамъ въ помощь предсѣдателю приглашается еще товарищъ предсѣдателя. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ присутствуютъ участники въ содержаніи школы или ихъ представители. Напр., въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, при выпускныхъ испытаніяхъ въ школахъ, содержимыхъ на средства графа Рибопьера, участвуетъ представитель послѣдняго. По даннымъ Псковского губернскаго земства, при выпускныхъ экзаменахъ въ 66 школахъ—въ 39 школахъ спрашивали всѣ члены комиссіи, о 4 школахъ свѣдѣній нѣтъ, а относительно 23 школъ опредѣленно указано, что спрашивалъ одинъ предсѣдатель. Вообще, во многихъ губерніяхъ роль предсѣдателя, какъ активнаго экзаменатора, очень велика, исключая нерѣдко активность не только остальныхъ членовъ комиссіи изъ училищной администраціи, но и учителя. Родители, по земскимъ даннымъ, присутствуютъ на экзаменахъ только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Одни земства (напр., Калужское) причину этого видятъ въ индифферентизмѣ населенія къ школѣ, другія (напр., Вятское)—устанавливаютъ лишь, что присутствіе родителей на экзаменахъ даже привѣтствовалось бы, чтобы избѣгать въ будущемъ какихъ либо нареканій при признаніи неуспѣшности того или другого ученика. Лишь Ефремовское уѣздное земство, Тульской губерніи, при анкетѣ 1910 года, указало на присутствіе на экзаменахъ родителей, добавивъ, что лица, пользующіяся уваженіемъ среди мѣстнаго населенія, даже приглашаются. Вопросъ о времени и мѣстѣ экзаменовъ въ различныхъ земствахъ разрѣшается различно. Въ Полтавской, Харьковской, Бессарабской, Херсонской и Таврической губерніяхъ начало экзаменовъ обыкновенно относится къ серединѣ апрѣля, тогда какъ въ губерніяхъ Вологодской, Олонецкой, Петроградской и Новгородской экзамены начинаются въ концѣ апрѣля. Формально назначеніе экзаменовъ зависитъ отъ училищныхъ совѣтовъ, но, при этомъ, конечно, принимаются во вниманіе мѣстныя условія. Перемышльское земство указываетъ въ этомъ отношеніи на одно мѣропріятіе, заслуживающее полнаго вниманія: въ этомъ уѣздѣ ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ преподаватели сельскихъ школъ сообщаютъ училищному совѣту о тѣхъ

срокахъ, въ которые по мѣстнымъ условіямъ представляется наиболѣе удобнымъ произвести испытаніе оканчивающимъ курсъ ученикамъ.

Весьма разнообразна длительность экзаменаціонныхъ сессій. Продолжаясь, въ среднемъ, мѣсяцъ, сессія иногда затягивается на полтора мѣсяца, почти на два мѣсяца. Послѣднее наблюдается, напр., въ Симбирской губерніи. Повидимому, несомнѣнное вездѣ стремленіе сократить продолжительность экзаменовъ и вернуть поскорѣе деревенскаго мальчика къ сельскимъ работамъ встрѣчаетъ препятствія со стороны недостаточности контингента лицъ, могущихъ быть командированными училищнымъ совѣтомъ для наблюденія. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и то, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ приходится собирать экзаменующихся изъ нѣсколькихъ школъ въ одно центральное помѣщеніе, при чемъ радіусъ района обычно указывается въ 5—7 верстъ, но иногда доходитъ и до 10 (Новгородское земство), даже до 15 верстъ (Херсонскій уѣздъ). „Удобство предсѣдателя", „сбереженіе времени"—вотъ причины этого явленія. По мнѣнію Перемышльскаго земства, такой способъ производства экзаменовъ имѣетъ свою хорошую сторону, такъ какъ даетъ возможность наглядно сравнить успѣхи въ разныхъ школахъ.

Изложенныя данныя о внѣшней сторонѣ производства экзаменовъ одинаково относятся къ земскимъ школамъ, какъ съ трехлѣтнимъ, такъ и съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Обращаясь къ внутренней сторонѣ постановки экзаменовъ для оканчивающихъ народныя школы, необходимо отмѣтить прежде всего, что 16 губернскихъ земствъ, при анкетѣ 1910 года, отвѣтило отрицательно на вопросъ о существованіи какихъ либо правилъ для производства экзаменовъ. Въ прочихъ губерніяхъ имѣются инструкціи, выработанныя училищными совѣтами только для нѣкоторыхъ уѣздовъ. Благодаря этому, при крайней неопредѣленности министерской программы, экзаменаціонныя требованія цѣликомъ зависятъ отъ усмотрѣнія предсѣдателей испытательныхъ комиссій. Любопытно, что, по земскимъ даннымъ, и объемъ такихъ требованій пріобрѣтаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторую своеобразную однородность въ зависимости отъ принадлежности предсѣдателей-экзаменаторовъ къ одному и тому же служебному классу. По замѣчанію, напр., Кирсановскаго уѣзднаго земства, „объемъ экзаменаціонныхъ требованій, предъявляемыхъ земскими начальниками (!), весьма ограниченъ". Такія безсистемность и личное усмотрѣніе въ столь важномъ дѣлѣ, конечно, не могутъ отвѣчать интересамъ на-

родной школы. Имѣющіяся мѣстами инструкціи касательно производства экзаменовъ — офиціальнаго происхожденія. Онѣ выработаны, именно, инспекторами народныхъ училищъ и утверждены или даже изданы самими училищными совѣтами. Лишь Клинское земство отмѣчаетъ, что инструкція была выработана земской управой, а потомъ утверждена училищнымъ совѣтомъ, и что въ составленіи ея принимали участіе попечители и учителя народныхъ школъ. Почти вездѣ въ народныхъ училищахъ, какъ на экзаменахъ, такъ и въ теченіе года, принята система балловъ, при чемъ въ земскихъ матеріалахъ нигдѣ не встрѣчается даже попытки критическаго отношенія къ этой системѣ.

Причины оставленія учащихся на второй годъ въ томъ же отдѣленіи могутъ быть, въ общемъ, разбиты на слѣдующія три основныя группы: 1) причины, коренящіяся въ личности учащагося, наприм.: отсутствіе достаточныхъ умственныхъ способностей, небрежное отношеніе къ учебной работѣ и т. д.; 2) причины, лежащія въ школьной обстановкѣ, напр.: обширность программы начальной школы, необходимость заниматься одному учителю съ нѣсколькими отдѣленіями, и 3) причины, зависящія отъ бытовыхъ условій, напр.: неаккуратное посѣщеніе школы, позднее поступленіе въ нее осенью и раннее оставленіе ея весною. Среди этихъ причинъ первое мѣсто принадлежитъ тѣмъ, которыя зависятъ отъ учащихся, не только въ среднемъ для всей Россіи, но и въ 21 отдѣльныхъ губерніяхъ. Такія указанія даны при анкетѣ 1910 года болѣе, чѣмъ въ 4/5 общаго числа отвѣтовъ или въ 81,2%. Второе мѣсто, въ среднемъ, для всей Россіи и въ 21 отдѣльныхъ губерніяхъ занимаютъ причины, зависящія отъ бытовыхъ условій. Подобныя указанія даются почти въ 68,4% общаго числа отвѣтовъ. Колебанія этой величины по отдѣльнымъ губерніямъ велики, превышая 51%. Наибольшій процентъ имѣютъ губерніи: Казанская, Смоленская, Орловская, Саратовская, Калужская, Тверская, Харьковская, Полтавская, Самарская, Воронежская; наименьшій же процентъ имѣютъ губерніи: Московская, Владимірская, Костромская, Симбирская, Ярославская, Нижегородская, Вятская, Таврическая, Пензенская и Вологодская. Изъ отдѣльныхъ конкретныхъ причинъ, соединенныхъ въ этой группѣ, на первое мѣсто надо поставить неаккуратное посѣщеніе школы учащимися, а на второе—позднее поступленіе въ неё и раннее ея оставленіе. Неаккуратное посѣщеніе объясняется, какъ низкимъ культурнымъ уровнемъ деревенскаго населенія, такъ и необходимостью присутствія дѣтей дома для помощи по хозяй-

ству. Такія указанія встрѣчаются въ 78,6% общаго числа отвѣтовъ учащихъ при анкетѣ. Позднее поступленіе въ школу и раннее прекращеніе ея посѣщенія, объясняемое необходимостью въ дѣтскихъ рабочихъ рукахъ для полевыхъ осеннихъ и весеннихъ работъ, отмѣчается въ 35,9% общаго числа отвѣтовъ. Изъ другихъ болѣе рѣдкихъ формъ вліянія бытовыхъ условій указываются слѣдующія: 1) полевыя и домашнія работы—6,5%; 2) небрежное отношеніе родителей къ ученію—43%; 3) недостатокъ въ теплой одеждѣ и обуви—3,6%; 4) перерывъ занятій среди года (въ значительной степени отъ постоянныхъ эпидемій тифа, дифтерита, оспы и скарлатины) — 1,2%; 5) дальность разстоянія и дурныя дороги — 1,0%; 6) незнаніе инородческимъ населеніемъ русскаго языка—1,7%. Изъ этихъ указаній собственно только второе имѣетъ общій характеръ, а шестое—мѣстный. Остальныя четыре, при всемъ разнообразіи ихъ бытового содержанія, отражаются на учебныхъ занятіяхъ уменьшеніемъ числа учебныхъ дней, о чемъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили, разсматривая вопросъ объ учебномъ годѣ въ земскихъ школахъ. Повторяемъ еще разъ: бытовыя условія вызываютъ сокращеніе учебнаго года до такого размѣра, при которомъ программа не успѣваетъ быть пройденной и усвоенной учащимися, которые вслѣдствіе этого остаются на второй годъ въ томъ же отдѣленіи.

Третье мѣсто, въ среднемъ, для всей Россіи и въ каждой отдѣльной губерніи занимаютъ причины, зависящія отъ школьныхъ условій. Такія указанія даются въ $^1/_4$ общаго числа отвѣтовъ или въ 25,0%. Колебанія этой величины по отдѣльнымъ губерніямъ велики, доходя до 59%. Эти сильныя колебанія захватываютъ лишь $^1/_3$ губерній, изъ которыхъ 5 даютъ цифры выше 30% и 5—ниже 20%; 20 губерній имѣютъ цифры въ предѣлахъ 30—20%%. Наименьшій процентъ имѣютъ губерніи: Ярославская, Вятская, Курская, Казанская, Симбирская, Костромская, Калужская, Тверская, Новгородская и Уфимская, а наибольшій—Екатеринославская, Черниговская, Московская, Херсонская, Таврическая (выше 30%), Казанская, Полтавская, Тамбовская, Владимірская и Вологодская. Изъ отдѣльныхъ конкретныхъ причинъ здѣсь видное мѣсто занимаютъ: однокомплектность начальной школы и обширность ея программы. Первая указывается на первомъ мѣстѣ не только, въ среднемъ, для всей Россіи, но и въ каждой губерніи, встрѣчаясь въ 77,5% общаго числа отвѣтовъ. Колебанія этой величины по отдѣльнымъ губерніямъ не велики: больше половины (17) губерній даютъ величины между 80—70%%. Далѣе

идетъ „обширность програмы“, указываемая въ 26,0% общаго числа отвѣтовъ. Колебанія здѣсь очень значительны и только 1/3 губерній даетъ цифры въ предѣлахъ 30—20%%. Изъ болѣе рѣдкихъ причинъ указываются: 1) переполненіе школы—6,8%; 2) дефекты школьнаго помѣщенія—1,6%; 3) смѣнныя занятія—1% и 4) положеніе и качества учителя (частая смѣна учителей, ихъ болѣзнь, плохая подготовка, лѣность)—1%.

Наибольшаго значенія основныя причины почти никогда не достигаютъ въ одной и той же губерніи; наоборотъ, однѣ губерніи даютъ максимумъ отвѣтовъ бытового характера, другія—чаще всего объясняютъ оставленіе на второй годъ школьными условіями, третьи—больше всего ссылаются на особенности самихъ учащихся. Наиболѣе распространенными причинами оставленія на второй годъ являются въ концѣ концовъ тѣ, которыя лежатъ въ личности ученика, но внѣ его доброй воли,—его умственная одаренность и физическое состояніе.

Въ оставленіи учениками народной школы ранѣе окончанія въ ней курса на первомъ мѣстѣ играютъ роль тѣ же экономическія условія, о которыхъ выше шла рѣчь; второе мѣсто занимаютъ семейныя условія и на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ условія народнаго образованія и личныя особенности учащихся. Экономическія условія проявляются здѣсь, главнымъ образомъ, въ видѣ отсутствія возможности произвести хотя бы ничтожные расходы по обученію своихъ дѣтей. Семейныя условія сводятся къ некультурности родителей, своеобразно и скептически смотрящихъ мѣстами на пользу образованія, что особенно проявляется по отношенію къ дѣвочкамъ. Что касается, затѣмъ, условій школьной жизни, которыя побуждаютъ родителей брать своихъ дѣтей изъ школы до окончанія курса въ ней, то это чаще всего—оставленіе учащихся на второй годъ въ томъ же отдѣленіи: на годъ отсрочивается окончаніе курса, а потому и помощь по хозяйству лишняго работника. Особенно сильно сказывается въ этомъ отношеніи оставленіе на второй годъ на дѣвочкахъ. Указаніе на оставленіе на второй годъ, какъ на причину выхода изъ школы, встрѣчается въ болѣе, чѣмъ 3/4, общаго числа отвѣтовъ, касающихся вліянія школьнаго фактора на разсматриваемое явленіе. Изъ болѣе рѣдкихъ указаній можно отмѣтить недовольство тѣмъ, что школа не даетъ льготъ при отбываніи воинской повинности: отсутствіе ихъ заставляетъ меньше дорожить окончаніемъ курса. Такое указаніе встрѣчается въ 159 отвѣтахъ или 5,2% ихъ. Рѣже дѣлаются указанія на недовольство постановкой дѣла преподаванія

въ начальной школѣ. Относительно же вліянія личныхъ особенностей учащихся, то оно приблизительно то же, что и при оставленіи на второй годъ въ отдѣленіи. Процентныя колебанія здѣсь по губерніямъ заключены въ предѣлахъ 28,6% и 13,0%, при чемъ размахъ колебанія выражается 54%. Интересно, что среди этой группы причинъ всего чаще указывается отсутствіе у дѣтей желанія окончить курсъ. Это обстоятельство отмѣчается, въ среднемъ, для Россіи въ 79,3% или около $^4/_5$ общаго числа отвѣтовъ, указывающихъ на личныя особенности учащихся.

Съ цѣлью принять хоть какія-нибудь мѣры для облегченія дѣтямъ возможности правильнаго посѣщенія школы, земства стали прибѣгать къ устройству интернатовъ и ночлежныхъ пріютовъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ взяло на себя Петроградское земство. По постановленію губернаго земскаго собранія 20-го декабря 1874 года штрафныя суммы, собираемыя по опредѣленію окружнаго суда въ пользу благотворительныхъ заведеній, назначены были для вспомоществованія могущимъ устроиться ночлежнымъ пріютамъ при школахъ для бѣдныхъ дѣтей изъ отдаленныхъ мѣстностей, при чемъ для этой цѣли ассигновано было по 300 рублей на каждый пріютъ, а губернская земская управа уполномочена была выдавать пособія не болѣе, какъ на одинъ пріютъ въ уѣздѣ. Въ 1876 году эта сумма возросла до 2.400 руб., а въ послѣдующіе годы, измѣняясь только въ размѣрѣ, ассигнованіе на ночлежные пріюты не выпадало изъ смѣтъ губернскаго земства. Къ 1911 году въ Петроградской губерніи существовало уже 54 ночлежныхъ пріюта, изъ которыхъ 30 устроены были при школахъ повышеннаго типа. Губернскимъ земствомъ ассигновано было въ видѣ пособій уѣзднымъ на устройство такихъ пріютовъ 12.453 руб. 23 коп., что составляетъ лишь около половины общихъ расходовъ на это дѣло. Вслѣдъ за Петроградскимъ земствомъ начали открывать пріюты и другія земства, при чемъ особенную нужду въ нихъ чувствовали Олонецкая, Вологодская, Пермская и другія сѣверныя губерніи. Изъ слѣдующей таблицы видно число существующихъ нынѣ пріютовъ въ каждой губерніи въ отдѣльности:

Губерніи.	Число уѣздовъ.	Число пріютовъ.	Губерніи.	Число уѣздовъ.	Число пріютовъ.
Пермская . .	6	173	Петроградская . . .	8	54
Олонецкая	7	160	Ярославская.	10	52

Смоленская	12	114	Нижегородская. . .	3	41
Вологодская. . . .	10	99	Владимірская . . .	13	31
Новгородская . . .	11	98	Казанская. .	2	24
Псковская.	8	76	Уфимская	6	23

Въ таблицѣ отсутствуютъ губерніи, не имѣющія въ своихъ предѣлахъ ни одного постояннаго интерната или имѣющія ихъ менѣе 10 въ губерніи и не болѣе двухъ на уѣздъ. Съ увеличеніемъ числа школъ районъ, обслуживаемый одной школой, конечно, съуживается, и потребность въ общежитіяхъ уже не чувствуется такъ остро. Это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что въ періодъ послѣ 1903 года открытіе пріютовъ потеряло ту интенсивность, которая наблюдалась до этого года. Съ проведеніемъ школьныхъ сѣтей, въ основу которыхъ положенъ трехверстный радіусъ, а тѣмъ болѣе съ дальнѣйшимъ сокращеніемъ радіуса, нужда въ ночлежныхъ пріютахъ при народныхъ школахъ ослабнетъ. Въ настоящее же время, когда въ земской Россіи одной школой удовлетворяютъ населеніе, занимающее пространство въ 99,9 кв. верстъ—въ среднемъ, устройство интернатовъ является насущнѣйшей потребностью, въ виду чего какая-нибудь тысяча пріютовъ, обслуживающая только 5,3% всѣхъ школъ,—величина болѣе, чѣмъ скромная. Отсутствіе общежитій отражается не только на пропускѣ уроковъ, но и на совершенномъ прекращеніи посѣщеній школы. По словамъ Вятской губернской земской управы, важное значеніе общежитій для школъ Вятскаго края не подлежитъ никакому сомнѣнію, и высокій процентъ выбывшихъ, особенно дѣвочекъ, стоитъ въ очевидной связи съ отсутствіемъ общежитій для нихъ. По мнѣнію Шуйской земской управы, ночлежные пріюты, кромѣ успѣшности въ ученьѣ, имѣютъ большое значеніе и въ воспитательномъ отношеніи. Въ общемъ, земства всегда подчеркивали ту мысль, что интернаты даютъ большой просторъ для педагогическихъ воздѣйствій учителя. Что касается хозяйственной стороны пріютовъ, то необходимо отмѣтить ихъ матеріальное убожество. По словамъ доклада на съѣздѣ инспекторовъ народныхъ училищъ 1902 года, существующіе пріюты не совсѣмъ удовлетворяютъ своему назначенію: въ нихъ живетъ небольшое количество учениковъ, обстановка—самая бѣдная, пища—крайне скудная, дѣти питаются кое-чѣмъ, и большею частью живутъ на сухоядeніи. Подобное положеніе пріютовъ объясняется, конечно, прежде всего, ничтожностью средствъ, которыя отпускаютъ земства. Пермское земство, напримѣръ, ассигнуетъ на содержаніе 173 пріютовъ 1.300 руб., Казанское—тратитъ на 22 пріюта 250 рублей. Въ дру-

гихъ земствахъ расходы исчисляются на человѣка въ день. Такъ, въ Мещовскомъ уѣздѣ этотъ расходъ выражается $^3/_4$ копейки. Въ остальныхъ—онъ крупнѣе, но, въ общемъ, все-таки не выходитъ за предѣлы 5—6 копеекъ.

Съ разсмотрѣнною мѣрою тѣсно связано устройство школьныхъ завтраковъ. Установленіе школьныхъ завтраковъ въ Московской губерніи, напримѣръ, относится къ началу восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ виду затруднительности для многихъ крестьянъ обезпечить пропитаніе дѣтей своими средствами, на помощь имъ стали приходить болѣе состоятельные слои населенія, по преимуществу—изъ числа попечителей школъ. Частной иниціативы въ этомъ дѣлѣ было, конечно, недостаточно, и возможность воспользоваться этою помощью распространилась лишь на небольшую часть изъ числа нуждавшихся въ ней. Такъ продолжалось это дѣло до тѣхъ поръ, пока за него не взялся докторъ Н. Ф. Михайловъ, который въ 1887 году прочелъ на IX съѣздѣ врачей Московской губерніи докладъ, предложивъ при этомъ съѣзду принять слѣдующія предложенія: 1) устройство горячаго приварка въ зимнее время въ тѣхъ нашихъ сельскихъ школахъ, гдѣ есть не мало дѣтей, приходящихъ изъ окрестныхъ деревень, должно составлять предметъ серьёзныхъ заботъ земства, попечителей школъ, учителей и земскихъ врачей; 2) земскіе врачи, при своихъ изслѣдованіяхъ школъ, должны обращать вниманіе на продовольствіе учащейся молодежи; 3) необходимо опредѣлить и намѣтить, для желательнаго руководства, нѣсколько примѣрныхъ школьныхъ раціоновъ, приварковъ, гдѣ бы при тѣхъ же затратахъ, которыя теперь дѣлаются на приварки, послѣдніе болѣе соотвѣтствовали условіямъ нормальнаго питанія дѣтей. При обсужденіи съѣздомъ этого доклада одержало верхъ мнѣніе, что забота земства о приваркѣ должна ограничиваться популяризаціей идеи школьныхъ завтраковъ, при чемъ, въ случаѣ надобности, земство должно придти на помощь этому начинанію, принявъ на себя организацію приварковъ, матеріальнаго же участія земство принимать не должно. Въ соотвѣтствіи съ этимъ предложенныя Н. Ф. Михайловымъ положенія были значительно измѣнены. Въ послѣдующія 10—15 лѣтъ Московское губернское земство занималось вопросомъ о приваркѣ, но матеріальнаго участія въ нёмъ не принимало. Въ концѣ 90-хъ годовъ приварокъ начинаетъ привлекать вниманіе уѣздныхъ земствъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаютъ ассигнованія на устройство приварка, въ большинствѣ случаевъ, однако, довольно скудныя, не

дающія возможности примѣнить завтраки, какъ общую мѣру въ школахъ. Одновременно и другія общественныя организаціи и группы лицъ занимаются устройствомъ школьнаго приварка, при чемъ дѣятельность въ этихъ случаяхъ ограничивается или какимъ либо опредѣленнымъ райономъ или даже одной школой. Нѣкоторыя уѣздныя земства (напр., Можайское) дѣлали попытки привлечь къ участію въ расходахъ губернское земство, но безуспѣшно. Въ 1902 году на XV съѣздѣ врачей Московской губерніи вопросъ о приваркѣ занимаетъ уже видное мѣсто, при чемъ съѣздомъ поручена была разработка этого вопроса отдѣльной секціи. Важное значеніе имѣло то, что съѣздъ призналъ необходимымъ участіе въ расходахъ на завтраки со стороны уѣзднаго и губернскаго земства, особенно на первое время, для возбужденія мѣстной иниціативы. Какъ мѣру, могущую содѣйствовать распространенію приварка, съѣздъ рекомендовалъ организовать попечительства при школахъ и комиссіи при уѣздныхъ земскихъ управахъ, съ участіемъ въ тѣхъ и другихъ лицъ педагогическаго и медицинскаго персоналовъ. На эти постановленія съѣзда нѣкоторыя уѣздныя земства стали реагировать увеличеніемъ ассигнованій на приварокъ (напр., Клинское земство увеличило ассигнованіе съ 500 до 1.200 руб.), другія же земства впервые ввели въ смѣту расходовъ ассигнованіе на приварокъ. Московское губернское земство, отклоняя по прежнему свое матеріальное участіе въ расходахъ на школьные завтраки, признало необходимымъ помогать уѣзднымъ земствамъ въ вопросахъ организаціоннаго характера и, при посредствѣ совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія, занялось разработкой проекта школьныхъ попечительствъ, которыя могли бы принять на себя, между прочимъ, и заботу о школьныхъ завтракахъ. На XVII съѣздѣ членовъ врачебно-санитарныхъ организацій Московской губерніи въ 1910 году признано было, что приварокъ въ земскихъ школахъ—необходимое условіе правильнаго хода школьнаго дѣла и долженъ всецѣло лечь на обязанности земства. Въ 1910 году въ Московской губерніи изъ 13 уѣздовъ въ 10 устраивался приварокъ въ школахъ, при чемъ лишь въ двухъ уѣздахъ изъ этихъ десяти носилъ совершенно единичный характеръ. Въ пяти уѣздахъ (Богородскомъ, Волоколамскомъ, Московскомъ, Подольскомъ и Серпуховскомъ) земства совершенно не расходовали своихъ средствъ на приварокъ, а въ пяти другихъ уѣздахъ земства участвовали въ расходахъ на приварокъ, но въ различной степени. Въ Верейскомъ уѣздѣ приварокъ устроенъ былъ въ школахъ, гдѣ есть ученики,

приходящіе изъ другихъ болѣе отдаленныхъ деревень; онъ устраивался исключительно на средства земства или попечителей и другихъ частныхъ лицъ — жертвователей, а населеніе къ участію въ расходахъ на приварокъ не привлекалось. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ къ 1910 году приварокъ организованъ былъ въ 41 школѣ изъ 106. Средства на него получались, какъ отъ земства, такъ и (въ большинствѣ школъ) отъ попечителей и родителей учащихся. Участіе мѣстнаго населенія въ расходахъ по устройству приварка въ Дмитровскомъ уѣздѣ не является обязательнымъ условіемъ для отпуска земскихъ средствъ, и земству въ тѣхъ школахъ, гдѣ привлеченіе мѣстныхъ средствъ не представляется возможнымъ, тогда какъ нужда въ приваркѣ неотложна, приходится принимать на свой счетъ полностью расходъ по приварку. Въ Рузскомъ уѣздѣ приварокъ устраивается ежегодно, но въ немногихъ школахъ (въ 16—18 изъ 49); въ однѣхъ школахъ онъ устраивается цѣликомъ на земскія средства, а въ другихъ—на средства попечителя, въ третьихъ, наконецъ, принимаютъ небольшое участіе и родители учениковъ—натурой и деньгами. Участіе населенія здѣсь въ устройствѣ приварка является желательнымъ, но необязательнымъ условіемъ для отпуска земскихъ средствъ. Школьные завтраки въ Клинскомъ уѣздѣ, какъ мѣра общаго для всѣхъ школъ характера, существуютъ уже съ 1900 года. Среди уѣздовъ Московской губерніи эта мѣра достигла наибольшаго развитія именно въ Клинскомъ уѣздѣ. Здѣсь приварокъ организованъ земствомъ во всѣхъ школахъ въ продолженіе Великаго поста, когда питаніе въ деревняхъ значительно ухудшается вслѣдствіе того, что къ этому времени наблюдается истощеніе запасовъ у крестьянъ; постная пища безъ всякой приправы еще болѣе понижаетъ питаніе дѣтей. Значительное участіе въ расходахъ на приварокъ проявляютъ попечители и другія частныя лица, а также само населеніе, давая на приварокъ продукты, а иногда и деньги. Относительно размѣровъ ассигнованій на школьные завтраки имѣются данныя, относящіяся къ 1908 году. Въ этомъ году на школьные завтраки ассигновано было въ:

Бронницкомъ уѣздѣ. .	300 р.	Коломенскомъ уѣздѣ . .	300 р.
Верейскомъ „	250 „	Можайскомъ „ . . .	375 „
Дмитровскомъ „ . .	300 „	Подольскомъ „ . . .	500 „
Клинскомъ „ . .	1.200 „	Рузскомъ „ . . .	300 „

Эта таблица показываетъ, что наибольшее участіе въ устройствѣ школьныхъ завтраковъ земство проявляетъ въ Клинскомъ уѣздѣ, гдѣ

ежегодно въ теченіе болѣе 10 лѣтъ затрачиваетъ на эту мѣру довольно значительную сумму, распространяя её въ то же время на всѣ школы. Чтобы удешевить приварокъ и тѣмъ увеличить періодъ его выдачи, учителя мѣстами дѣлаютъ запасы съ осени, когда овощи— дешевы, заготовляютъ капусту хозяйственнымъ способомъ, а иногда разводятъ даже овощи для приварка на школьномъ участкѣ или арендуютъ земельные участки для этой цѣли. Необходимо отмѣтить, что со стороны попечителей и другихъ лицъ приварокъ пользуется особеннымъ сочувствіемъ, и на приварокъ охотнѣе поступаютъ пожертвованія, чѣмъ на другія нужды. Большое сочувствіе встрѣчаетъ приварокъ также и со стороны населенія, которое охотно даетъ на него не только продукты, но и деньги. Въ первые два года существованія приварка въ школахъ Клинскаго уѣзда процентъ школъ съ приваркомъ былъ сравнительно невысокъ, но съ третьяго года этотъ процентъ поднялся до 85 и ниже этой цифры спустился только въ 1908—1909 году. Въ нѣкоторые же годы (1905—1906, 1909—1910 гг.) приварокъ не устраивался только въ одной школѣ. Въ слѣдующей таблицѣ даются свѣдѣнія о томъ, какой процентъ общаго числа школъ и учащихся пользовался приваркомъ въ Клинскомъ уѣздѣ (см. табл. на стр. 82).

Среди причинъ, препятствовавшихъ устройству приварка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывается закрытіе школъ вслѣдствіе эпидемическихъ заболѣваній, неудобство устройства приварка во временныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ и т. д. Средняя продолжительность завтраковъ за истекшее десятилѣтіе равнялась 38 днямъ; кромѣ завтраковъ, приварокъ устраивался также и на ужинъ, при чемъ ужинами пользовались дѣти, оставшіяся вслѣдствіе различныхъ причинъ на ночлегъ въ школѣ. Расходъ на приварокъ на одного ученика колеблется отъ 66 коп. въ 1902—3 году до 42 коп. въ 1908—9 году, составляя, въ среднемъ, за то же десятилѣтіе 51 копейку въ годъ. Расходъ Клинскаго уѣзднаго земства въ первые годы составлялъ немного менѣе $^3/_4$ общаго расхода, а въ послѣдніе годы онъ не достигалъ даже и половины общаго расхода.

Изъ 18.381 школъ, о которыхъ при анкетѣ 1910 года представлены были свѣдѣнія 29 губерніями отъ 233 уѣздовъ, числилось спеціально женскихъ—399, мужскихъ 604 и 17.378 такихъ, въ которыхъ допущено совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ. Такимъ образомъ принципъ совмѣстнаго обученія обоихъ половъ преобладаетъ въ начальныхъ народныхъ школахъ, что наглядно усматривается изъ слѣдуюшей таблицы (см. табл. на стр. 83).

ГОДЫ.	Общее число.		Приварокъ былъ устроенъ для сколькихъ:		Какой процентъ составляли пользовавшіеся приваркомъ.		Число учениковъ въ концѣ года.
	Школъ.	Учениковъ.	Школъ.	Учениковъ.	Школъ.	Учениковъ.	
1900—1901	52	3.987	21	1.284	40	32	3.500
1901—1902	59	4.488	40	2.716	68	61	3.874
1902—1903	65	4.371	55	3.155	85	72	3.609
1903—1904	66	4.401	64	3.867	97	88	3.824
1904—1905	69	4.424	67	3.841	97	81	3.957
1905—1906	70	4.939	69	4.436	99	92	4.356
1906—1907	76	5.141	71	4.619	93	92	4.576
1907—1908	78	5.249	69	4.475	88	85	4.541
1908—1909	78	5.180	64	3.868	82	75	4.600
1909—1910	78	5.182	77	4.722	99	91	4.568
Всего.	691	47.352	597	36.983	86	78	41.405

Новгородская и Тульская губерніи даже, какъ видно изъ таблицы, совершенно не имѣютъ школъ спеціально для одного какого либо пола. Въ другихъ губерніяхъ также представляютъ довольно рѣдкое явленіе школы, въ которыхъ ведется раздѣльное обученіе. Въ губерніяхъ Петроградской, Таврической и Симбирской раздѣльное обученіе примѣняется въ нѣкоторыхъ городскихъ школахъ, а въ Вятской, Казанской и Калужской—всего только въ нѣсколькихъ школахъ. Къ этому надо добавить, что въ провинціальныхъ училищахъ раздѣльность обученія вызывается, конечно, разнородностью мужскихъ и женскихъ профессій, и что въ Казанской, Таврической и Уфимской губерніяхъ, гдѣ большой процентъ населенія составляютъ инородцы—татары и башкиры, раздѣленіе дѣтей вызывается религіозными побу-

ГУБЕРНІИ.	Число уѣздовъ, давшихъ свѣдѣнія.	Число всѣхъ школъ.	Школы для мальчиковъ.	Школы для дѣвочекъ.	Число школъ для совмѣстнаго обученія.	
					Въ абсолютныхъ числахъ.	Въ процентахъ.
Бессарабская	5	181	2	4	175	96,6
Вологодская	10	696	12	8	676	97,1
Воронежская	12	938	1	5	932	99,3
Вятская	11	1.408	65	46	1.297	92,1
Екатеринославская	1	68	4	—	64	94,1
Казанская	1	94	10	11	73	77,6
Калужская	11	630	71	7	552	87,6
Костромская	2	181	6	7	168	92,8
Московская	13	1.072	12	5	1.055	98,4
Нижегородская	8	734	18	29	687	93,5
Новгородская	11	1.035	—	—	1.035	100
Олонецкая	6	370	15	23	332	87,3
Орловская	12	748	1	2	745	99,5
Пензенская	9	405	2	9	394	97,2
Пермская	12	1.343	72	78	1.193	88,8
Петроградская	8	780	2	2	776	99,4
Полтавская	15	1.154	40	16	1.098	95,1
Псковская	8	396	4	4	388	97,9
Рязанская	12	709	21	19	669	94,3
Самарская	6	641	71	28	542	84,5
Саратовская	5	394	10	2	382	96,9
Симбирская	5	285	18	12	255	89,4
Таврическая	4	370	4	3	363	98,1
Тамбовская	10	746	20	8	718	96,2
Тульская	3	287	—	—	287	100
Уфимская	6	666	64	44	558	83,7
Харьковская	11	839	41	19	779	92,8
Херсонская	6	773	5	1	767	99,2
Ярославская	10	438	13	7	418	95,4
Итого	233	18.381	604	399	17.378	94,5

жденіями. Если все это принять въ соображеніе, то будетъ правильно признать, что, если въ земской Россіи гдѣ и существуютъ школы, въ которыхъ воздерживаются отъ совмѣстнаго обученія, то явленіе это объясняется большею частью какими либо случайными мѣстными условіями. Совмѣстное обученіе сначала вызвано было экономическими соображеніями, такъ какъ содержаніе двухъ школъ въ одномъ пунктѣ или даже по близости другъ отъ друга являлось бы не подъ силу земскимъ средствамъ. Средній возрастъ, до котораго допускается совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, равняется 13—14 годамъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ, однако, возрастъ учащихся переходитъ эти предѣлы. Такъ, въ Уфимской губерніи можно встрѣтить учениковъ 16 и 17 лѣтъ. По Смоленской губерніи имѣются свѣдѣнія о томъ, что ученики задерживаются въ школахъ до 18 (3 показанія) и даже 20 лѣтъ (1 показаніе). Пребываніе учащихся въ школѣ во многихъ уѣздахъ не ограничивается опредѣленнымъ возрастомъ, и дѣтямъ предоставлено право учиться „до окончанія курса". По словамъ Вятскаго земства, присутствіе дѣвочекъ дѣлаетъ мальчиковъ гуманнѣе, скромнѣе, удерживаетъ отъ неприличныхъ поступковъ; присутствіе мальчиковъ отражается благопріятно на повышеніи уровня развитія дѣвочекъ. Калужское земство также удостовѣряетъ, что совмѣстное обученіе пріучаетъ мальчиковъ смотрѣть на женщину, какъ на товарища. Большинство учащихъ Пензенской губерніи свидѣтельствуетъ о вліяніи дѣвочекъ на мальчиковъ „въ смыслѣ укрѣпленія въ послѣднихъ скромности, аккуратности и чистоплотности". Имѣется не мало земскихъ указаній и на то, что совмѣстное обученіе вызываетъ взаимное соревнованіе и идетъ успѣшнѣе. Въ массѣ благопріятныхъ отзывовъ земствъ по этому вопросу тонутъ немногія отрицательныя мнѣнія (напр., Тамбовскаго и Сапожковскаго земствъ).

По даннымъ анкеты 1910 года, къ этому времени въ 33 губерніяхъ имѣлось уже школъ повышеннаго типа: съ пятилѣтнимъ курсомъ—1.483 и съ шестилѣтнимъ курсомъ—321. Эти цифры, однако, несомнѣнно, ниже дѣйствительныхъ, о чемъ можно судить, напр., по слѣдующему сообщенію Новгородскаго земства: „о количествѣ школъ получены далеко не полныя свѣдѣнія: частью получены свѣдѣнія только о министерскихъ школахъ, частью—только о земскихъ". Свѣдѣнія о количествѣ учащихся по отдѣленіямъ имѣются только по 835 школамъ съ пятилѣтнимъ курсомъ и по 235 школамъ съ шестилѣтнимъ курсомъ (см. табл. на стр. 85).

Бросается въ глаза параллельное почти уменьшеніе числа уча-

ШКОЛЫ.	Число школъ.	Число учащихся по отдѣленіямъ.						Всего учащихся.
		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Съ 5-лѣтнимъ курсомъ . .	835	34.868	28.102	19.152	12.829	7.690	—	102.641
„ 6-лѣтнимъ . .	235	9.600	8.250	6.112	3.743	3.847	2.259	33.811

щихся въ обоихъ типахъ школъ, если эти же данныя представить въ процентахъ по отношенію къ общему числу учащихся:

ШКОЛЫ.	Общее число учащихся въ процентахъ.	Процентное отношеніе учащихся къ общему числу ихъ по отдѣленіямъ.					
		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Съ 5-лѣтнимъ курсомъ . . .	100	33,9	27,3	18,6	12,6	7,4	—
„ 6-лѣтнимъ . . .	100	28,4	24,4	18,8	11,0	11,3	6,6

Уходъ учениковъ до окончанія курса наглядно выясняется, если сравнить число оканчивающихъ курсъ съ числомъ всѣхъ учащихся. Изъ 148.475 учащихся въ 949 пятигодичныхъ школахъ окончили курсъ только 11.595 человѣкъ или 7,3%. Столь же незначительный процентъ даютъ и школы съ шестилѣтнимъ курсомъ, гдѣ изъ 29.699 учащихся (въ 220 школахъ съ шестилѣтнимъ курсомъ) окончило только 1.511 или 5%. Такимъ образомъ, повидимому, большая продолжительность курса является одной изъ причинъ того, что ученики въ меньшемъ числѣ оканчиваютъ весь курсъ. Нѣсколько отличны условія въ тѣхъ школахъ повышеннаго типа, которыя представляютъ собою самостоятельныя учебныя учрежденія и куда поступаютъ ученики, уже окончившіе начальную школу. Такими типами школы являются училища по положенію 1872 года. По земскимъ свѣдѣніямъ

количество ихъ равняется 446, но, въ дѣйствительности, по списку учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, изданному въ 1909 году, ихъ числится 545, т. е. почти на 100 школъ больше. Здѣсь наблюдается большая постепенность въ уменьшеніи числа учащихся въ продолженіе всего курса сравнительно со школами съ пятилѣтнимъ и шестилѣтнимъ курсомъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что училища эти помѣщаются въ городахъ и въ нихъ поступаетъ элементъ болѣе или менѣе зажиточный, который не такъ скоро бросаетъ школу на полъ-дорогѣ и легче достигаетъ своей цѣли, что безусловно должно отразиться и въ большемъ процентѣ оканчивающихъ курсъ сравнительно со школами иныхъ типовъ.

Во всѣхъ школахъ повышеннаго типа пріемъ учениковъ производится ежегодный. Только изрѣдка имѣются указанія на неежегодный пріемъ, какъ, напр., въ одной двухклассной школѣ Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи, гдѣ пріемъ учащихся не производится черезъ 4 года на пятый. Рѣдкость указаннаго явленія приводитъ къ заключенію, что въ большинствѣ этихъ школъ число учителей удовлетворяетъ условіямъ ежегоднаго пріема. Нѣкоторыя земства, хотя и немногія, приступили уже практически къ созданію сѣти повышенныхъ школъ. Волчанское земство, напр., имѣетъ въ уѣздѣ 45 двухгодичныхъ школъ съ 6-тигодичнымъ курсомъ, имѣющихъ радіусъ около 4 верстъ; въ нихъ кончаетъ курсъ уже болѣе $^1/_3$ всѣхъ кончающихъ обычную начальную школу. Новоторжскій уѣздъ имѣетъ 25 такихъ земскихъ школъ и 6 министерскихъ, Новоузенскій—65 школъ. Въ общемъ, имѣется уже порядочно уѣздовъ, насчитывающихъ двухклассныя школы десятками. Помимо того, въ послѣдніе годы нѣкоторыя земства (напр., Пермское, Воронежское, Глазовское и др.) начали открывать въ сельскихъ мѣстностяхъ высшія начальныя училища. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что земства подошли вплотную къ вопросу о повышенныхъ школахъ, и имъ, вмѣсто случайнаго открытія школъ такого типа, придется обдумать планомѣрное развитіе этого дѣла путемъ составленія соотвѣтствующихъ сѣтей. При этомъ должно будетъ выясниться не только отношеніе самого земства къ различнымъ типамъ повышенныхъ школъ, но и значеніе того или иного типа школы съ общественной и педагогической точекъ зрѣнія.

Для того, чтобы судить о качествахъ постановки учебной части въ земскихъ школахъ, весьма важнымъ представляются собранныя при анкетѣ 1910 года данныя, сообщенныя учащими, о степени со-

храненія бывшими учениками этихъ школъ знаній по отдѣльнымъ предметамъ послѣ окончанія курса. Необходимо, однако, оговориться, что выводы изъ этихъ данныхъ не могутъ претендовать на абсолютную точность, ибо сколько-нибудь точныя данныя можно было бы получить лишь путемъ производства окончившимъ курсъ спеціальнаго экзамена. Тѣмъ не менѣе эти данныя интересны уже потому, что они были получены, какъ видно изъ сообщеній учащихъ, путемъ опроса лицъ, болѣе сохранившихъ школьныя знанія и болѣе интересующихся чтеніемъ. Провѣрка производилась по спеціальнымъ приглашеніямъ учителей, не имѣла обязательнаго характера, а потому на нее являлись или болѣе знающіе или болѣе смѣлые бывшіе ученики земскихъ школъ. Любопытно, что, судя по этимъ даннымъ, русскій языкъ стоитъ впереди другихъ предметовъ въ отношеніи сохраненія его знанія. У 83,1% окончившихъ школу лицъ, давшихъ отвѣты, навыки школы сохранились, при чемъ у 6,2% наблюдалось даже повышеніе знаній сравнительно съ прежними. Только у небольшого процента лицъ (16,9%) навыки понизились, и полное забвеніе навыковъ наблюдалось лишь въ четырехъ случаяхъ. Что касается, затѣмъ, ариѳметики, то здѣсь навыки сохранились въ 76,1% случаевъ, а въ 23,9% они понизились. На третьемъ мѣстѣ надо поставить Законъ Божій, свѣдѣнія по которому сохранились въ 56,8% случаевъ, т. е. нѣсколько ниже, чѣмъ на половину; остальные же 43,1% относятся къ пониженію знаній. Зато рѣзкую противоположность представляютъ чистописаніе и правописаніе. Сохраненіе навыковъ по чистописанію зарегистрировано въ $^1/_3$ случаевъ (30,3%), а пониженіе—въ 69,7%. Еще хуже обстоитъ дѣло съ правописаніемъ, относительно котораго только 13,3% указаній падаетъ на сохраненіе знаній, а въ остальныхъ 86,7% знанія оказались пониженными, въ 2,2% же они совсѣмъ испарились, сведясь, по выраженію учащихъ, къ нулю. Эти данныя наглядно сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ (см. табл. на стр. 88).

По свѣдѣніямъ изъ того же источника, общія условія мѣстности оказываютъ свое несомнѣнное вліяніе на сохраненіе разсматриваемыхъ навыковъ. Напр., промышленный районъ, стоящій наиболѣе высоко, сравнительно съ земледѣльческимъ, въ отношеніи грамотности и экономическаго положенія, даетъ наиболѣе благопріятные результаты. Изъ земледѣльческихъ же районовъ въ наихудшихъ условіяхъ находится малороссійскій, гдѣ преподаваніе ведется на великорусскомъ языкѣ. Въ отношеніи колебанія по районамъ ариѳметика стоитъ

ПРЕДМЕТЫ.	Общее число отвѣтовъ.	Забыто.		Понизилось.		Сохранилось.		Повысилось.	
		Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
Русскій языкъ (бѣглость, пониманіе, пересказъ).	8.124	4	—	1.372	16,9	6.250	76,9	498	6,2
Ариѳметика . .	8.535	—	—	2.041	23,9	6.402	74,5	92	1,6
Законъ Божій	5.621	7	0,1	2.424	43,1	3.151	56,1	39	0,7
Чистописаніе	7.435	21	0,3	5.158	69,4	2.208	29,7	48	0,6
Правописаніе	8 589	194	2,2	7.254	84,5	1.136	13,3	5	—

приблизительно въ такомъ же отношеніи, какъ и русскій языкъ, но разница между крайними районами менѣе замѣтна. Законъ Божій сохраняется по районамъ въ совершенно обратномъ отношеніи: въ земледѣльческихъ районахъ процентъ сохраненія не меньше 58, а въ промышленномъ 54, при чемъ въ поволжскомъ, гдѣ среди населенія довольно много иновѣрцевъ, процентъ этотъ достигаетъ своего максимума (59,2%). Въ отношеніи правописанія замѣчается полное соотвѣтствіе съ Закономъ Божіимъ: минимумъ оказывается въ центральномъ промышленномъ районѣ (10,9%), далѣе слѣдуютъ земледѣльческіе районы, изъ которыхъ наибольшій процентъ даетъ поволжскій районъ (17,9%). Учащіе объясняютъ такое странное распредѣленіе въ этомъ отношеніи районовъ тѣмъ, что въ наиболѣе грамотномъ промышленномъ районѣ сказывается съ наибольшею силою скептическое, вообще, отношеніе населенія къ значенію правописанія. Наконецъ, касательно чистописанія какой либо правильной послѣдовательности въ разсматриваемомъ отношеніи не замѣчено. Данныя по этому предмету сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ (см. табл. на стр. 89).

Въ связи съ требованіями жизни, при народныхъ школахъ все болѣе часто организуются спеціальные ремесленные классы. Они особенно распространены въ сѣверныхъ и южныхъ губерніяхъ, что совпадаетъ и съ цифровымъ матеріаломъ о положеніи профессіональнаго

РАЙОНЫ.		Русскій языкъ (чтеніе, пониманіе и пересказъ прочитаннаго). Общее число отвѣтовъ.	Понизилось.	Сохранилось.	Повысилось.	Чистописаніе. Общее число отвѣтовъ.	Понизилось.	Сохранилось.
Центральный промышленный	Число	1.460	170	1.164	125	1.301	909	392
	%	100	11,7	79,8	8,5	100	69,9	30,1
Центральный земледѣльческій	Число	1.449	254	1.104	91	1.379	1.001	378
	%	100	17,6	76,2	6,2	100	72,5	27,5
Малороссійскій .	Число	899	207	645	46	816	576	240
	%	100	23,0	71,8	5,1	100	70,6	29,4
Поволжскій . . .	Число	1.385	250	1.059	75	1.276	860	416
	%	100	18,0	76,5	5,5	100	67,3	32,7

РАЙОНЫ.		Правописаніе. Общее число отвѣтовъ.	Забыто.	Понизилось.	Сохранилось.	Рѣшеніе задачъ. Общее число отвѣтовъ.	Понизилось.	Сохранилось.	Законъ Божій. Общее число отвѣтовъ.	Понизилось.	Сохранилось.
Центральный промышленный	Число	1.589	26	1.389	174	1.470	314	1.156	866	398	468
	%	100	1,6	87,5	10,9	100	21,3	78,7	100	45,9	54,1
Центральный земледѣльческій	Число	1.577	45	1.336	196	1.578	366	1.212	1.077	459	618
	%	100	2,8	84,8	12,4	100	23,1	76,9	100	42,7	57,3
Малороссійскій .	Число	914	23	780	111	926	280	646	660	280	379
	%	100	2,5	85,4	12,1	100	30,2	69,8	100	42,5	57,5
Поволжскій . . .	Число	1.426	26	1.145	255	1.499	354	1.145	979	400	579
	%	100	1,8	80,3	17,9	100	23,7	76,3	100	40,8	59,2

образованія въ Россіи вообще. Въ этихъ классахъ преподаются ремесла, въ узкомъ смыслѣ этого слова, ведутся занятія на опытныхъ поляхъ и огородахъ. Обстановка классовъ отличается также крайнимъ разнообразіемъ. Обыкновенно занятія происходятъ во внѣурочное время, вслѣдствіе чего тамъ, гдѣ преподаваніе ведется самимъ народнымъ учителемъ, онъ лишается необходимаго отдыха. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, тамъ, гдѣ ремесла преподаютъ учителя или учительницы общеобразовательныхъ предметовъ, получаются, по земскимъ свѣдѣніямъ, неудовлетворительные результаты, и, напротивъ, успѣхи учениковъ удовлетворительны, гдѣ для преподаванія приглашенъ особый учитель. Къ сожалѣнію, по земскимъ матеріаламъ нельзя установить, во сколькихъ школахъ приглашены особые мастера-спеціалисты, но все же изъ нихъ нельзя не вывести заключенія, что многія земства уже пришли къ мысли о необходимости передать дѣло руководства занятіями въ ремесленныхъ классахъ отдѣльнымъ преподавателямъ. По свидѣтельству Симбирскаго земства, окончившіе курсъ ученики вначалѣ поступаютъ на мѣстные заводы и въ мастерскія, послѣ чего, скопивъ средства на оборудованіе собственныхъ мастерскихъ, устраиваютъ таковыя. Рязанское земство также удостовѣряетъ, что преподаваемые инструкторами промыслы усваиваются въ школѣ въ такой мѣрѣ, что служатъ нѣкоторымъ подспорьемъ для населенія. Подробнѣе по этому предмету мы будемъ говорить въ послѣдней главѣ нашего очерка, въ связи съ намѣчающимся въ земской средѣ общимъ стремленіемъ къ сочетанію интересовъ земской школы съ потребностью населенія въ профессіональномъ образованіи.

Вл. Акимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

*_А. И. Боргманъ._ Повторительный и дополнительный курсъ Русской Исторіи (обзоръ русской культуры). Примѣнительно къ программѣ 13-го іюля 1913 года. Изданіе То-ва А. С. Суворина „Новое Время". Пгр. 1915 г. VIII + 416 стр. Цѣна 2 рубля.

Разбираемая книга является одной изъ первыхъ, составленныхъ примѣнительно къ программѣ 1913 года и излагающихъ повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. Нельзя не отмѣтить, что авторъ въ общемъ вполнѣ успѣшно справился съ своей сложной задачей и составилъ книгу, соотвѣтствующую программѣ. Книга написана съ полнымъ знаніемъ предмета, яснымъ и толковымъ языкомъ. Изложеніе стоитъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Всѣ отдѣлы книги тщательно продуманы г. Боргманомъ и очень хорошо имъ изложены.

Особенно хорошо изложены авторомъ отдѣлы и главы: Экономическое состояніе Кіевской Руси и исторія ея упадка, Литовская Русь, Территоріальный ростъ Имперіи въ XVIII и XIX вѣкахъ и главные успѣхи русскаго просвѣщенія въ XVIII и XIX вѣкахъ, но и другія главы книги заслуживаютъ похвалы.

Однако не свободна книга г. Боргмана и отъ цѣлаго ряда недочетовъ. Правда, они не вліяютъ, въ виду ихъ сравнительной незначительности, на хорошее впечатлѣніе, производимое разбираемымъ трудомъ, и легко могутъ быть устранены въ слѣдующемъ изданіи книги.

Тѣмъ не менѣе, считаю необходимымъ указать ихъ и этимъ, быть можетъ, способствовать въ дальнѣйшихъ изданіяхъ нѣкоторому улучшенію тщательнаго и основательнаго учебника г. Боргмана.

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

Наиболѣе существеннымъ недочетомъ книги г. Боргмана является нѣкоторое увлеченіе гипотезами талантливаго, но пародоксальнаго и малодоказательнаго изслѣдованія г. Приселкова. Это сказалось на 53—55 стр. учебника г. Боргмана, которыя нуждаются поэтому въ нѣкоторомъ пересмотрѣ.

Въ частности указаніе на то, что русскій митрополитъ носилъ первоначально титулъ архіепископа, такъ какъ одинъ изъ первыхъ русскихъ митрополитовъ, Іоаннъ, въ житіи свв. Бориса и Глѣба чаще называется архіепископомъ, совершенно недоказательно: константинопольскій патріархъ, а впослѣдствіи московскіе митрополитъ и патріархъ тоже часто называются архіепископами, таковъ ихъ офиціальный титулъ.

Увлеченіемъ книгой г. Приселкова объясняется и указаніе на то, что нѣкоторые историки называютъ Святополка II „геніально-ловкимъ политикомъ" (стр. 62). Это парадоксъ, которому не мѣсто въ учебномъ руководствѣ.

Довольно существеннымъ пробѣломъ учебника г. Боргмана является и то, что онъ, хорошо и детально изложивъ исторію Литовско-Русскаго и Польскаго государствъ, удѣлилъ очень мало мѣста экономическимъ отношеніямъ, тѣмъ притѣсненіямъ, которыя русскіе крестьяне испытывали отъ пановъ, большою частью поляковъ или ополяченныхъ, и евреевъ-арендаторовъ. Г. Боргманъ ограничился по этому вопросу одной, двумя неяркими фразами на стр. 114. Между тѣмъ экономическія отношенія сыграли немаловажную роль въ малороссійскихъ возстаніяхъ XVII вѣка.

Остальные недочеты книги г. Боргмана касаются частностей и деталей. Такъ изъ факта платежа Новгородомъ дани кіевскимъ князьямъ нельзя заключить съ несомнѣнностью, что покореніе славянскихъ племенъ начато было кіевскими, а не новгородскими князьями. Намъ это предположеніе представляется излишнимъ (стр. 21).

На стр. 32 неудачно выраженіе „князь былъ военнымъ *сторожемъ* земли". То обстоятельство, что выраженіе это взято у Ключевскаго, не дѣлаетъ его болѣе умѣстнымъ въ учебникѣ.

На стр. 49 осторожнѣе было бы не утверждать о крещеніи св. Ольги въ Константинополѣ. Мнѣніе это далеко не безспорно.

На стр. 59, говоря о просвѣщеніи среди русскихъ князей, слѣдовало бы упомянуть княжну Янку Всеволодовну.

На стр. 61 врядъ ли справедливо замѣчаніе, что византійцы боялись русскихъ людей-купцовъ изъ-за славы воинственности Руси.

На стр. 79 спорно замѣчаніе, что взглядъ на вотчину слагался „не безъ татарскаго вліянія".

На стр. 82 слѣдуетъ сказать св. Іона, а не просто Іона.

На стр. 89 переоцѣнено значеніе принятія Ягайломъ католицизма на „исходъ соперничества" Литвы съ Москвой, хотя нельзя не признать, что оно оказало извѣстное вліяніе на судьбы Восточной Руси.

На стр. 120 слѣдовало бы сказать, что княжата „считали себя" и считались „выше нетитулованныхъ бояръ".

На стр. 169 неудачно слово „подмѣнились"; лучше бы сказать „были замѣнены".

На стр. 166 осторожнѣе говорить о классахъ, чѣмъ о сословіяхъ въ Московскомъ государствѣ.

На стр. 178 излишне въ серьезномъ учебникѣ указаніе на длину свитка, на которомъ написано Уложеніе.

На стр. 189 не совсѣмъ точно „подъячій" отожествленъ съ писцомъ.

На стр. 235—236 г. Боргманъ на нашъ взглядъ, не дооцѣнилъ значенія митрополита Макарія въ области русскаго просвѣщенія, а равно и появленія критическаго и прагматическаго элемента въ повѣстяхъ и сказаніяхъ о Смутѣ.

На стр. 246 г. Боргманъ повторяетъ мнѣніе, раздѣляемое въ настоящее время многими авторитетами, по которому внутреннія реформы Петра Великаго „обусловливались именно потребностями войны". Въ это мнѣніе, во многомъ справедливое, слѣдуетъ внести нѣкоторую поправку. Реформы начались до войны, а слѣдовательно и задуманы были до нея. Порядокъ же, ходъ и темпъ реформы, дѣйствительно, зависѣли отъ войны и ея нуждъ.

На стр. 258 неудачно начало послѣдней фразы: „Хотя и на этотъ разъ военныя дѣйствія оказались неуспѣшными"... (спрашивается: чьи?)...

На стр. 281 излишнимъ является напечатаніе полностью титула русскихъ государей; если г. Боргманъ считалъ нужнымъ его привести, то слѣдовало бы напечатать его болѣе мелкимъ шрифтомъ.

На стр. 283 излишними представляются слова „отчасти вслѣдствіе другихъ причинъ".

На стр. 345—346 слѣдовало бы указать объ отмѣнѣ круговой поруки и тѣлесныхъ наказаній въ царствованіе Императора Николая II Александровича.

На стр. 359 излишни цифры, показывающія величину нашей

арміи въ мирное и военное время и число нашихъ кораблей. И то и другое не является величиной постоянной.

Указанные недочеты, въ извѣстной мѣрѣ неизбѣжные въ руководствѣ новаго типа, не умаляютъ несомнѣнныхъ крупныхъ достоинствъ труда г. Боргмана.

Пл. Васенко.

**Миртовъ, А. В.* Русско-нѣмецкое правописаніе академика *Якова Карловича Грота.* Изд. Н. Карбасникова. Петроградъ, 1915 г. 40 стр. Цѣна 30 к.

Г. Миртовъ въ настоящемъ своемъ произведеніи доказываетъ слѣдующія положенія:

„1) правописаніе Грота есть узаконенное произношеніе петроградскихъ нѣмцевъ,

2) Гротъ постоянно противорѣчитъ самъ себѣ,

3) изгоняя общепринятыя выраженія, Гротъ замѣняетъ ихъ своими неуклюжими нововведеніями,

4) въ своихъ нововведеніяхъ Гротъ иногда открыто ссылается на законы нѣмецкаго языка, пренебрегая законами русскаго произношенія".

Матеріалъ, который приводитъ г. Миртовъ для доказательства своихъ мыслей, двоякаго рода: 1) Гротъ выбираетъ изъ существующихъ въ употребленіи двухъ формъ одну и 2) Гротъ предлагаетъ неправильное правописаніе или произношеніе. Замѣчанія перваго типа не могутъ быть признаны особенно существенными, такъ какъ цѣль составителя правописанія ввести, по возможности, однообразное письмо и такъ какъ погрѣшности по отношенію къ полнотѣ матеріала трудно устранимы. Такъ, напр., если Гротъ рекомендуетъ слово „забытьё" (совершенно обычное), то не имѣетъ особеннаго значенія, что въ руководствѣ пропущено слово „забы́тіе", которое г. Миртовъ цитуетъ на стр. 17 изъ повѣсти Полежаева „Сашка", а также изъ акад. словаря. Равнымъ образомъ нѣтъ особаго вреда въ томъ, что дается удареніе въ словѣ мѐжду на *е* и не приводится то же слово съ удареніемъ на у́ (стр. 26). Еще менѣе имѣетъ значеніе отсутствіе въ правописаніи Грота такихъ ударенiй, какъ „на́зло", такъ какъ наше обычное удареніе, приводимое Гротомъ, именно „назло́", и ссылка г. Миртова на „Русское Удареніе" В. Чернышева, конечно, не мѣняетъ дѣла (стр. 86).

Гораздо важнѣе факты второго рода: примѣры невѣрнаго правописанія и произношенія. Однако не всегда возможно согласиться съ

г. Миртовымъ въ его утвержденіяхъ въ этомъ случаѣ. На стр. 7-ой г. Миртовъ утверждаетъ, что мы говоримъ именно „близь", а вовсе не „близъ". Несомнѣнно встрѣчается нерѣдко и произношеніе, соотвѣтствующее написанію „близъ" (съ твердымъ согласнымъ на концѣ).—На стр. 31 утверждается, что произношеніе „плохонькій" съ *о* послѣ *х* противорѣчитъ литературному произношенію. Это невѣрно: мнѣ приходилось весьма часто наблюдать и *х* твердое и гласный звукъ, восходящій къ старому *о* послѣ твердыхъ согласныхъ (между прочимъ въ произношеніи акад. А. И. Соболевскаго).—Въ рядѣ случаевъ г. Миртовъ правильно указываетъ на недостатки русскаго правописанія Грота, но эти неточности и недостатки болѣе основательно были разсмотрѣны многочисленными критиками сочиненія Грота. Въ этомъ отношеніи изъ брошюры г. Миртова мнѣ не пришлось извлечь новыхъ имѣющихъ значеніе фактовъ.

Статья г. Миртова, повидимому, и не имѣетъ въ виду ближайшимъ образомъ поправлять правописаніе Грота. Судя по приведеннымъ выше тезисамъ, г. Миртовъ хочетъ доказать, что недостатки „правописанія Грота" зависятъ отъ нѣмецкаго происхожденія автора, при чемъ авторъ правописанія *пренебрегаетъ* законами русскаго языка въ угоду нѣмецкому. Мнѣ кажется, что доказать подобныя положенія весьма затруднительно. „Правописаніе" Грота не даетъ во всякомъ случаѣ достаточныхъ къ тому фактовъ. Г. Миртовъ при разъясненіи этого вопроса нерѣдко допускаетъ неточности и поспѣшность въ выводахъ.

На стр. 4-ой читаемъ: „правописаніе Грота есть узаконенное произношеніе петроградскихъ нѣмцевъ". *Правописаніе*, несомнѣнно, не есть *произношеніе*. Между тѣмъ г. Миртовъ не всегда отличаетъ вопросы языка отъ вопросовъ орѳографіи. Вопросы о написаніи „ряхнуться" или „рехнуться", „времепрепровожденіе" или „времяпрепровожденіе", „вслѣдствіе" или „въ слѣдствіе", „дошла" или „до шла" и проч. под. относятся къ области правописанія, а не языка: произношеніе современнаго образованнаго русскаго общества допускаетъ здѣсь любое изъ приведенныхъ парныхъ написаній. Весь подобный матеріалъ рѣшительно непригоденъ для сужденія *о языкѣ* автора „Руководства". Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ прямо указываетъ на вліяніе нѣмецкаго языка (и вообще на неправильность языка), это вліяніе усмотрѣть трудно. Правописаніе „итти" съ двумя *т* (стр. 19) есть именно фонетическое правописаніе, согласное съ произношеніемъ образованнаго русскаго общества, а „идти"—этимо-

логическое. Гротъ, конечно, неправильно видѣлъ здѣсь удвоеніе *т* и неправильно приводилъ въ качествѣ параллели удвоеніе въ нѣмецкомъ языкѣ въ своихъ Филологическихъ разысканіяхъ, но въ *Правописаніи* онъ объ этой параллели не упоминаетъ. Эта ошибка во всякомъ случаѣ не можетъ указывать на произношеніе нѣмцевъ.—Г. Миртовъ ошибается, когда говоритъ, руководствуясь, между прочимъ, литературнымъ произношеніемъ (стр. 29), что „Авдотья", „Алёна" слѣдуетъ писать съ начальнымъ *а*. Ошибочность этого взгляда несомнѣнна, такъ какъ въ предударномъ слогѣ въ языкѣ образованнаго русскаго общества *а* и *о* произносятся одинаково, почему подобные вопросы рѣшать ссылкою на произношеніе совершенно невозможно. Авторъ здѣсь ссылается на лекціи акад. А. И. Соболевскаго и пишетъ: „Академикъ Соболевскій, говоря о томъ, что мы въ цѣломъ рядѣ словъ, взятыхъ изъ церковно-славянскаго языка, употребляемъ вмѣсто *о* звукъ *а*, приводитъ, какъ примѣръ, именно слова *Авдотья*, *Алёна*". Г. Миртовъ неправильно прочелъ соотвѣтствующее мѣсто въ лекціяхъ Соболевскаго. На самомъ дѣлѣ фраза: „Мы употребляемъ теперь *а* вм. *о* въ цѣломъ рядѣ словъ, взятыхъ изъ церковно-славянскаго" вовсе не соединяется съ примѣрами: „Авдотья, Алёна". Послѣ приведенной фразы и ряда примѣровъ акад. А. И. Соболевскій пишетъ: „Въ другихъ случаяхъ аканье послужило къ употребленію неправильныхъ, ничѣмъ съ сравнительно-этимологической точки зрѣнія неоправдываемыхъ написаній". Къ такимъ неправильнымъ написаніямъ акад. А. И. Соболевскій и относитъ *Алёна*, *Авдотья*. Слѣдовательно, отношеніе къ этимъ написаніямъ одинаковое и Соболевскаго и Грота.

Самый стиль изложенія не всегда спокойный и объективный въ разсматриваемой книжкѣ. На стр. 23 читаемъ: „но Гротъ требуетъ написанія через *е копейка*, однако беззастѣнчиво добавляя, что слово «сомнительнаго происхожденія и обыкновенно пишется черезъ *ѣ*».

На стр. 17 напечатано: „Курьезнѣе всего то, что у самого Грота есть стихотвореніе (онъ иногда писалъ прескверные стихи) подъ заглавіемъ «Жребіи»".

Въ виду того, что пока у насъ имѣется лишь одна книга, представляющая детально разработанный курсъ орѳографіи, безусловно желательно выпустить въ свѣтъ брошюру, въ которой бы съ точки зрѣнія современной науки и установившагося обычая было вполнѣ объективно разсмотрѣно руководство Я. К. Грота. Такая брошюра была бы весьма полезна въ качествѣ пособія для преподавателей.

Г. Миртовъ подобной задачи въ своей книжкѣ не исполнилъ. Онъ слишкомъ увлекся полемической цѣлью, положенной имъ въ основаніе статьи.

П. Каринскій.

Л. Л. Мищенко. Родная рѣчь. Техника рѣчи, недостатки произношенія и средства къ ихъ исправленію. Практическое руководство для учителей, воспитателей и родителей. Изд. Л. Л. Мищенко. Петроградъ, 1915. 32 стр. Цѣна 30 к.

Матеріаломъ для этой книжки послужили матеріалы и соображенія для доклада въ общемъ собраніи слушателей педагогической академіи 3 ноября 1913 г. на тему: „Техника рѣчи. Недостатки произношенія и способы къ возможному исправленію и ослабленію подобныхъ недостатковъ“, а также рядъ статей, помѣщенныхъ авторомъ въ спеціальномъ журналѣ „Голосъ и Рѣчь“ за 1913—1914 гг. и удостоившихся, какъ заявляетъ авторъ въ предисловіи, весьма лестныхъ отзывовъ въ печати.

Изъ 29 страницъ текста настоящей статьи 12½ страницъ заняты общими разсужденіями съ цитатами изъ Гумбольдта, Овсянико-Куликовскаго, Бодуэна-де-Куртенэ, Будде. Здѣсь авторъ говоритъ о томъ, когда складывается произношеніе, о важности правильно произносить, о необходимости и возможности исправлять произношеніе въ случаѣ дефектовъ, о необходимости учителю правильно произносить звуки родного языка, о важности практическихъ упражненій при исправленіи. Далѣе, во II гл., говорится о значеніи языка, объ отличіи звуковой стороны языка у человѣка отъ животныхъ, о связи *значенія* и *звуковъ* въ языкѣ, о языкѣ устномъ и письменномъ и о значеніи письменнаго языка, о развитіи языка изъ звукоподражаній, рефлекторныхъ восклицаній, о развитіи письменности съ древнѣйшихъ временъ, объ алфавитѣ, объ обученіи грамотѣ, о необходимости изучать не только грамотность, но и орѳоэпію. Какъ видимъ, на 12½ стр. затронуто не мало вопросовъ. Эти страницы являются лишь введеніемъ къ послѣдующей III-ей главѣ, введеніемъ, которое при томъ написано весьма обще, намеками, почти безъ приведенія, конечно, фактическаго матеріала. Впрочемъ, изрѣдка здѣсь приводятся нѣкоторые факты и изъ родного языка, но, къ сожалѣнію, неудачно. На стр. 10-ой, говоря о неразрывной связи, въ которой находятся артикуляція словъ и ихъ грамматическая форма, авторъ приводитъ, какъ онъ выражается, одну изъ наиболѣе частыхъ ошибокъ произношенія среди малограмотнаго населенія Петрограда—«рукамъ», «ногамъ» вм. «руками», «ногами».

Факты эти никоимъ образомъ на ошибочность произношенія *звуковъ* указывать не могутъ,— здѣсь имѣемъ, какъ извѣстно, употребленіе дательнаго падежа вмѣсто творительнаго, употребленіе, широко распространенное на сѣверѣ и отчасти югѣ Великороссіи. На стр. 15 авторъ замѣчаетъ: „Не говоря о пресловутомъ петроградско-чухонскомъ „что"... Никакого отношенія къ финскимъ языкамъ произношеніе «что» не имѣетъ. Здѣсь мы имѣемъ яркое вліяніе письменнаго языка на произношеніе, прошедшее главнымъ образомъ черезъ школу.

На остальныхъ $16^1/_2$ стр. авторъ говоритъ о техникѣ рѣчи (артикуляціяхъ), недостаткахъ произношенія и средствахъ къ ихъ исправленію.

Здѣсь мы находимъ довольно много вѣрныхъ замѣчаній, но не мало и недостатковъ.

1) Авторъ не далъ систематичнаго описанія основныхъ движеній каждаго изъ органовъ произношенія при говореніи, почему и описанія произношенія отдѣльныхъ звуковъ являются не вполнѣ научными.

2) Авторъ разсматриваетъ произношеніе гласныхъ такъ, какъ будто бы они были всегда ударяемыми. Между тѣмъ неударяемые гласные въ нашемъ языкѣ рѣзко отличаются отъ ударяемыхъ, иногда даже съ послѣдними имѣютъ мало сходства.

3) Авторъ не установилъ физіологической классификаціи звуковъ, почему явилось въ описаніяхъ произношеній не мало недостатковъ. Такъ, авторъ не указываетъ дѣленія согласныхъ на звонкіе и глухіе. Это дѣленіе обычно авторомъ подразумѣвается. Однако при описаніи произношенія звука *б* авторъ, приводя отличія артикуляціи этого звука отъ артикуляціи *п*, не говоритъ объ единственномъ яркомъ отличіи, отъ котораго зависятъ и остальныя мелкія (весьма сомнительныя)—о звучности *б*. При описаніи недостатковъ произношенія авторъ это подразумѣваетъ. То же (стр. 27) видимъ при описаніи произношенія *з*. Въ другихъ случаяхъ (при описаніи произношенія *д*, *г*) на звучность указывается, какъ на основную черту.

4) При описаніи произношенія отдѣльныхъ звуковъ не мало недочетовъ. При произношеніи звука *н*, *т*, *л*, по мнѣнію автора, губы обнажаютъ зубы. Это, конечно, не является условіемъ правильнаго произношенія указанныхъ звуковъ. Описаніе звука *г* фрикативнаго длительнаго авторъ не даетъ. Авторъ утверждаетъ, что при произношеніи *л* губы образуютъ довольно широкую щель. *Широкая* щель также не обязательна при правильномъ произношеніи *л*. При произношеніи *н*, по мнѣнію автора, слегка вибрируютъ крылья носа.

5) Авторъ имѣетъ въ виду ближайшимъ образомъ глухонѣмыхъ, которымъ онъ преподаетъ, почему далеко не всѣ замѣчанія пригодны для той цѣли, которую имѣетъ въ виду книга. На стр. 27 читаемъ: „звукъ *x*. Для глухонѣмыхъ это—одинъ изъ трудныхъ звуковъ"... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовало бы о произношеніи отдѣльныхъ звуковъ говорить болѣе, опираясь на практическое знакомство съ языкомъ дѣтей въ періодъ формированія рѣчи.

Н. Каринскій.

**В. Вондракъ.* Древне-церковно-славянскій синтаксисъ. Переводъ *Н. Петровскаго.* Изданіе книжнаго магазина Маркелова и Шаронова. Казань, 1915. Стр. 9 ненум. + 63 стр. + 1 ненум. Цѣна 55 к.

Грамматика проф. Вондрака хорошо извѣстна спеціалистамъ.

Передъ нами переводъ, исполненный проф. Петровскимъ, части грамматики, а именно синтаксиса. Эта часть является, по мысли проф. Петровскаго, дополненіемъ къ переведенной имъ грамматикѣ древне-болгарскаго языка Лескина, содержащей фонетику и морфологію.

Въ русской новой ученой литературѣ до сихъ поръ не было пособія по древне-церковно-славянскому синтаксису, почему переводъ книги Вондрака слѣдуетъ привѣтствовать.

Нѣкоторымъ недостаткомъ труда Вондрака слѣдуетъ признать то, что авторъ не въ достаточной мѣрѣ показалъ въ книгѣ, поскольку данная особенность принадлежитъ живому древне-болгарскому языку, поскольку она является книжною формою, явившеюся въ книгахъ подъ вліяніемъ греческаго языка.

Нужно имѣть въ виду, что древне-церковно-славянскія книги являются переводами съ греческаго, иногда весьма рабски слѣдующими своему оригиналу. Въ виду этого было бы необходимо, изслѣдуя съ синтаксической стороны древне-церковно-славянскіе памятники, ввести критическое сопоставленіе греческаго текста съ славянскимъ въ широкомъ масштабѣ. Авторъ приводитъ иногда греческій текстъ, который то совпадаетъ съ славянскимъ, то отличается отъ него. Дѣлаемыя авторомъ сопоставленія недостаточны. Такъ, напримѣръ, на стр. 3-ей читаемъ: „При собирательномъ въ sg. сказуемое можетъ стоять въ pl.: многъ народъ отъ галилеѩ по нѥмь идоша Зогр. мр. 3—7 (Мар. иде, гр. πολὺ πλῆθος ἠκολούθησαν)". Очевидно одинъ приведенный примѣръ изъ древне-церковно-славянскаго памятника при множ. числѣ въ предполагаемомъ греческомъ оригиналѣ недостаточенъ для

убѣжденія читателя въ соотвѣтствующей древне-церковно-славянской особенности.

Равнымъ образомъ и кругъ славянскихъ памятниковъ, изъ которыхъ проф. Вондракъ выбиралъ матеріалъ, слишкомъ недостаточенъ. Если для фонетики и морфологіи можно лишь съ осторожностью пользоваться русскими списками, то для синтаксиса русскіе списки несомнѣнно дадутъ надежный матеріалъ, который провѣритъ и дополнитъ данныя собственно древне-церковно-славянскихъ текстовъ. Авторъ главнымъ образомъ использовалъ собственно древне-церковно-славянскіе памятники, а изъ русскихъ взялъ очень немного фактовъ (почти исключительно изъ Остромирова Евангелія).

Во всякомъ случаѣ группировка матеріала изъ древне-церковно-славянскихъ памятниковъ, сдѣланная проф. Вондракомъ, заслуживаетъ вниманія, и преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній по предмету русской и славянской филологіи будутъ благодарны проф. Петровскому за тщательный переводъ древне-церковно-славянскаго синтаксиса.

Н. Каринскій.

**Смирновъ, Ѳ. А.* Иллюстрированная русская исторія. Первоначальный курсъ. Съ 185 рисунками. Изд. 6-е, испр. Петроградъ. 1915. Стр. 235+1. Цѣна 60 коп.

6-е изданіе курса русской исторіи, составленнаго г. Смирновымъ, по содержанію своему представляетъ повтореніе предыдущаго, съ прибавленіемъ очерка царствованія Государя Императора Николая Александровича, очерка, доведеннаго до начала настоящей войны.

Сравненіе настоящаго изданія съ предшествовавшимъ показываетъ, что въ немъ повторяются всѣ погрѣшности, отмѣченныя по поводу 5-го изданія книги, напримѣръ: неправильное объясненіе слова „родъ"—большая семья (4); упоминаніе удѣловъ въ XI вѣкѣ (32); не указано мѣстожительство половцевъ (34); не одни нѣмцы были учителями Петра Великаго, какъ полагаетъ г. Смирновъ (123); неточно указаны присоединенія къ Россіи по польскимъ раздѣламъ (164); Барклай-де-Толли не былъ главнокомандующимъ въ войну 1812 года (175); неточно изложены законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ (202), причины войны 1877—78 гг. (213).

Главы о царствованіи Петра Великаго, Екатерины II, Александра I, Александра II не дополнены въ статьяхъ о мѣрахъ для развитія образованности.

Признанные неумѣстными рисунки: „Александръ Невскій умоляетъ

хана пощадить Русскую землю“ (50) и „Наши на Шипкѣ“ (219), помѣщены и въ 6-мъ изданіи книги.

Возбуждаетъ особенно замѣчанія дополненіе въ 6-мъ изданіи главы XXXV: „Государь Императоръ Николай II Александровичъ“. Глава эта ни по содержанію ни по изложенію нѣкоторыхъ мѣстъ ея не соотвѣтствуетъ требованіямъ *первоначальнаго курса русской исторіи*, какъ называетъ г. Смирновъ свой учебникъ. Въ подтвержденіе сказаннаго, приведу слѣдующія выдержки изъ этой главы: „Изъ дѣяній Его Величества, направленныхъ къ этой цѣли (счастье вѣрноподданныхъ), самымъ важнымъ является установленіе въ Россіи представительнаго образа правленія. 17-го октября 1905 г. Государь Императоръ Николай II издалъ свой милостивый манифестъ, возвѣстившій о гражданской свободѣ, какой до этого времени не имѣли россійскіе граждане, а въ 1906 году была учреждена государственная дума съ законодательными правами. Безъ нея ни одинъ законъ въ Россіи не можетъ получить дѣйствія. Представители въ государственную думу избираются гражданами изъ своей среды“ (230).

Не входя въ разсмотрѣніе, насколько правильна приведенная выдержка по содержанію, полагаю, что, даже при условіи правильности, она неумѣстна въ первоначальномъ курсѣ русской исторіи.

Непонятны для учащихся выраженія въ упомянутой главѣ: право выхода изъ общины, пріобрѣтеніе удѣльныхъ угодій съ помощью крестьянскаго банка, ликвидація обязательствъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, мирная международная конференція, третейскій судъ, историческая судьба народовъ.

Помѣщенныя карты Россіи—безъ сѣтки.

Съ своей стороны, я долженъ указать еще на нѣкоторые промахи въ книгѣ г. Смирнова.

1) На стр. 75—76 воспроизводится содержаніе миѳической рѣчи Грознаго на соборѣ 1550 года. Автору слѣдовало бы прочесть по этому поводу статью проф. Платонова, помѣщенную въ первомъ томѣ собранія его сочиненій.

2) На стр. 81—82 совершенно не выяснена причина перемѣны въ отношеніяхъ Іоанна Грознаго къ боярству и появленія опричнины. Послѣ труда С. Ѳ. Платонова „Очерки по исторіи смуты“ и послѣднихъ изданій его лекцій этотъ отдѣлъ слѣдуетъ излагать иначе.

3) Труды Забѣлина и Платонова выяснили, что нижегородское

движеніе возникло подъ вліяніемъ грамоты Гермогена, а не подъ вліяніемъ грамотъ Троице-Сергіевой обители, какъ продолжаетъ утверждать г. Смирновъ (стр. 98).

4) Въ послѣдней главѣ, которую слѣдовало бы опустить, крайне неудачно изложено установленіе въ Россіи представительнаго начала въ законодательствѣ. Авторъ говоритъ, что въ Россіи введенъ былъ представительный образъ правленія. Это не совсѣмъ точно. Затѣмъ, нельзя говорить, что „въ 1906 году была учреждена государственная дума съ законодательными правами. Безъ нея ни одинъ законъ въ Россіи не можетъ получить дѣйствія". Во-первыхъ, учрежденіе думы правильнѣе относить къ 1905 г., во-вторыхъ, можно говорить лишь объ участіи думы въ законодательствѣ и о томъ, что ни одинъ законъ не можетъ воспріять постояннаго дѣйствія безъ одобренія государственной думы и государственнаго совѣта (о которомъ нѣтъ упоминанія въ книгѣ г. Смирнова). Далѣе, необходимо было бы указать, что право утвержденія законовъ принадлежитъ лишь Государю Императору.

В. Федоровъ и Ил. Васенко.

*„Родные писатели", изд. Думнова т. 120. Библіотека для школъ и народа. М. 1915, съ рисунками. Ред. Θ. П. Борисовъ. 1) *А. С. Пушкинъ.* Біографія и мелкія стихотворенія, вып. I, 88 стр. Цѣна 20 коп. 2) *Н. В. Гоголь.* Біографія и смыслъ его произведеній, вып. I, 67 стр. Цѣна 15 коп. 3) *М. Ю. Лермонтовъ.* Біографія поэта и наиболѣе замѣчательныя изъ его мелкихъ стихотвореній. 94+1 нен. стр. Цѣна 20 коп. 4) *И. С. Тургеневъ.* Біографія и отрывки изъ его произведеній. 116 стр. Цѣна 25 коп. 5) *С. Т. Аксаковъ.* Біографія и его произведенія. 108 стр. Цѣна 20 коп.

Всѣ книжки заключаютъ въ себѣ вводныя статьи, подписанныя именемъ Г. Вилліамъ, и выборки изъ произведеній авторовъ. Тексты всѣхъ названныхъ писателей стали доступны широкой массѣ читателей, благодаря многочисленнымъ изданіямъ, какъ въ дешевыхъ полныхъ собраніяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ ихъ произведеній, и на выборкахъ въ данныхъ книжкахъ останавливаться я не буду. Авторъ біографій и оцѣнокъ писателей стоитъ на отжившей уже свое время фельетонной хлестко-развязной почвѣ и достаточно безграмотенъ въ литературномъ смыслѣ. Приведу примѣры. Книжка № 1. „Отцу *Пушкина,* избалованному оторванному отъ народной жизни барину крѣпостная Россія не могла ничего дать... его голова не думала и сердце не болѣло ни о чемъ изъ того, что онъ съ малолѣтства видѣлъ... съ такимъ отношеніемъ къ жизни нельзя было оставаться

даже на военной службѣ“ (стр. 5 и 6). „Закормленный, какъ и всѣ помѣщичьи дѣти, возраставшія среди ужасающей ѣды и спанья, (Пушкинъ), былъ некрасивъ собою.... и любилъ называть себя «потомокъ негровъ безобразный» (9). Муза—богиня не только поэзіи, но и „стихосложенія“ (10). Пѣсни народныя сочинялись легко и вольно: „стоило быть свадьбѣ—и дѣвушка пѣла, кормя коней жениха“ (11). „Французская рѣчь и французскія вирши *отлетѣли* въ сторону“ (12). О наставникахъ Пушкина авторъ говоритъ: „Среди всей этой честной компаніи былъ всего на всего одинъ дѣльный человѣкъ“ (13). „Гувернеры-иностранцы считали своей главной задачей внушить А. С. Пушкину полнѣйшее презрѣніе ко всему русскому. Не мудрено поэтому, что уроки стоили толстяку Сашѣ горькихъ слезъ. Онъ обнаруживалъ чрезвычайную тупость ко всей премудрости, которую ему преподносили“ (стр. 17). Пушкинъ *прочелъ всю* французскую литературу (14), а няня его, кажется, знала *всѣ* русскія пѣсни, поговорки и присловья (11). Таково же изложеніе и дальше до конца, см. стр. 15, 16, 17, 19, 21, 24, 25, 30, 32, 37, 40, 41, 43, 45, 49, 50. „Для Россіи А. С. Пушкинъ, конечно, не умиралъ никогда, да и не умретъ“, говоритъ авторъ, хотя данное сочиненіе является для поэта убійственнымъ.

№ 2. *Гоголь* родился 19-го марта 1809 г., „когда только что тронулись снѣга по степи“ (3). „Отецъ его.... хватилъ горя въ жизни.. вотъ онъ сидитъ среди Голопузой... и угощаетъ ихъ... борщомъ съ голубями“ (4). Гоголь „позналъ впервые тотъ затаенный въ самомъ себѣ юморъ, за которымъ *дрожали* слезы... Мать его хлопотунья хозяйка, пожалуй что ретивая помѣщица, но въ то же время истая малороссіянка“ (6). „Скоро Никола началъ показывать товарищамъ, если не зубы, то свой острый, сильный умъ... отпускать язвительныя шпильки,.. несмотря на это ни профессорамъ, ни товарищамъ и въ голову не приходило угадать въ Николѣ задатки генія“ (7).. Херасковъ—составитель трескучихъ фразъ, виршеплетъ (10). „До насъ дошли слухи объ его сатирѣ“ и пр. (11)—это авторъ выписалъ изъ воспоминаній однокашника Гоголя, но забылъ упомянуть, что это слова не сверстника Гоголя. Гоголь „вдругъ почему-то сознаіъ, что полезенъ родинѣ онъ можетъ быть только... зауряднымъ чиновникомъ“ (13). „Начальство также скоро разсмотрѣло, какого рода служаку послало ему Провидѣніе“ (17). Особенность «Ревизора» чистой комедіи въ томъ, „что она написана безъ примѣси печали, вся исполнена сверкающимъ гоголевскимъ смѣхомъ, который, какъ огненный мечъ,

поражалъ неправду и зло и... такія глубокія раны наносилъ самому автору" (23)—послѣднее замѣчаніе такъ и оставлено неразъясненнымъ. Далѣе шаблонная и нынѣ послѣ статей Брюсова, Матвѣева, Мережковскаго, Венгерова и др. оставленная точка зрѣнія на переписку Гоголя, которую г. Вилліамъ называетъ *ужасной книгой* (стр. 38).

№ 3. Перейдемъ къ *Лермонтову*. Описывая усадьбу бабушки поэта Арсеньевой, авторъ зачѣмъ-то приводитъ выдержку изъ Щедрина, хотя самъ же замѣчаетъ, что Арсеньевы, какъ люди богатые, жили чище (стр. 9—10). „Лермонтовъ родился больнымъ и всю свою жизнь прострадалъ отъ послѣдствій *этой* (?) болѣзни" (стр. 13). Людовикъ XVI казненъ по приговору *народнаго* суда (стр. 19). „Среди студентовъ, кромѣ В. Г. Бѣлинскаго, честнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ русскихъ людей того времени (авторъ забылъ о Станкевичѣ, Грановскомъ, Валуевѣ и др.), стояли такіе люди какъ... Ефремовъ, Виттенгофъ" (стр. 21—22), но два эти имени ничѣмъ не выдѣлялись за это время, кромѣ развѣ того, что, по словамъ г. Вилліама, „Виттенгофа незаслуженно рѣзко *отбрилъ* необщительный поэтъ." (24). Знаменитость „юнкерской молитвы" существуетъ лишь для автора (27). Въ большомъ свѣтѣ всѣ на перебой принялись оправдывать убійцу Пушкина, нѣкоего Дантеса-Геккерена (стр. 30). „Поэтъ съ Ивана Великаго" крайне неудачное двусмысленное выраженіе Бѣлинскаго авторъ повторяетъ дважды (35). „Духъ Лермонтова не умретъ..... Онъ далъ намеки..... но и намеки эти не имѣютъ себѣ подобныхъ въ русской литературѣ" (стр. 41), говоритъ авторъ, и это же сужденіе хочется повторить и о разобранныхъ книжкахъ г. Вилліама.

Но и біографіи *Тургенева* (№ 4) и *С. Т. Аксакова* имъ не уступаютъ. Отецъ Тургенева таскается по Руси кругомъ полупьянымъ ремонтéромъ и, какъ и слѣдуетъ гусарскому офицеру, сильно покучиваетъ и растранжировываетъ свое имѣніе (6—7). Ничтоже сумняся, авторъ повторяетъ вздорный разсказъ нѣмца Пича о томъ, какъ параличная бабка писателя подняла на свое кресло мальчика, безчувственнаго отъ ея удара полѣномъ по головѣ, положила ему на лицо подушку и, сѣвши на окровавленную голову, задушила его (стр. 7). Характеристика отношеній матери къ Тургеневу теперь нѣсколько смягчается, благодаря новымъ матеріаламъ, а авторъ называетъ ее безпощаднымъ судьей и палачемъ своихъ сыновей (9). Ѣзду на долгихъ обозомъ, обычную въ старое время и у насъ, и въ Европѣ, авторъ называетъ показываніемъ барской спеси (15). Герасимъ („Муму") былъ *большой* нѣмой мужикъ

(24) и, судя по рисунку, дома носилъ халатъ (30). Эпитеты автора: барабанная поэзія Хераскова, чопорная Державина, гармонируютъ съ ошибочной оцѣнкой Бенедиктова Бѣлинскимъ и не мѣшаютъ считать уже помѣшаннаго Батюшкова писателемъ 30 годовъ (стр. 18). Время для автора, вообще, не существуетъ, и онъ судитъ и о современномъ русскомъ народѣ по типамъ „*Записокъ Охотника*" и увѣряетъ, что иностранцы, желающіе изучать Россію, принимаются за чтеніе Записокъ Охотника (стр. 56).

Въ біографіи *С. Т. Аксакова*, котораго авторъ считаетъ вождемъ славянофильства, говорится, что „мѣсто задушеннаго патріотизма заняло славянофильство" (4). С. Т. Аксаковъ попалъ въ студенты потому, что начальство въ Петроградѣ „распорядилось открыть Казанскій университетъ". Авторъ не отмѣтилъ, что всѣ тогдашніе университеты немногимъ отличались отъ старшихъ классовъ гимназій—вѣдь дѣло идетъ о 1805 годѣ (17). Народныя массы при появленіи письма Чаадаева (1836) ничего не знали, кромѣ лаптей да плетей (стр. 25), а Чаадаевъ будто заявилъ своимъ письмомъ нѣмой Россіи: „оставь надежду навсегда". На характеристикѣ славянофильства я уже не буду останавливаться. Въ такомъ же родѣ и послѣдняя шестая книжка.

Ѳ. М. Достоевскій — писатель-натуралистъ — истый сынъ большого города. Его отецъ, напуганный жизнью, воспитывалъ дѣтей въ строгости (стр. 5), хотя по праздникамъ дѣтямъ разрѣшалось даже играть въ карты, причемъ маленькій Ѳедоръ Михайловичъ не прочь былъ сплутовать (5). „Учителемъ былъ самъ штабъ-лекарь М. А. Достоевскій", а ученики старшіе сыновья Ѳедоръ и Михаилъ „стояли какъ китайскіе болванчики, покачивая головами въ тактъ спряженію или склоненію премудрыхъ латинскихъ глаголовъ и вокабуловъ" (стр. 11); они жили въ комнатушкахъ (12); „вѣдь время тогда было такое, что опасно было выйти на люди" (12); „мало книгъ знали тогда русскіе люди: строго слѣдила за ними цензура. Но случалось и такъ, что цензора не доглядывали, несмотря на свое стараніе не пропускать живыя мысли въ обывательскія головы" (12); Жоржъ Зандъ „имѣла рѣшающее значеніе на всю жизнь для Ѳ. М. Достоевскаго, надѣливъ его вниманіемъ и любовью къ простому народу" (13); въ инженерномъ училищѣ „какъ и во всѣхъ училищахъ того времени, было царство кулака.. училище къ тому же было вѣдь военное" (14). О причинахъ недоброжелательства Достоевскаго къ Бѣлинскому (изъ-за извѣстной брани Бѣлинскаго на Іисуса Христа за Его „воздайте кесарево кесареви") авторъ вѣроятно не знаетъ

и объясняетъ это по своему (стр. 22—24). Совершенно непонятна фраза „человѣкъ и гражданинъ безвозвратно гибнутъ въ палачѣ" (27). На *грани* жизни пришлось пережить Ѳ. М. Достоевскому радость признанія своихъ заслугъ (42).

Остается только пожалѣть, что цѣлая груда такихъ книжекъ, украшенныхъ именемъ великихъ нашихъ писателей, появилась на книжномъ рынкѣ, и легкомысленныя, необдуманныя, невѣжественныя рѣчи и обобщенія этой макулатуры будутъ распространяться издателями, благодаря дешевизнѣ книжекъ.

И. Шляпкинъ.

**Н. В. Санчурскій.* Латинская хрестоматія. Составлена примѣнительно къ программѣ конкурса на соисканіе преміи Императора Петра I въ 1906 г. Съ 20 иллюстраціями. Ч. II: Курсъ четвертаго класса. Изд. 3-е, пересмотрѣнное. Петроградъ 1915 г. Стр. XIII+60+24+48+9. Цѣна 1 рубль.

Второе изданіе II части извѣстнаго учебника Санчурскаго разошлось въ теченіе одного года.

Въ вышедшемъ нынѣ третьемъ изданіи издатели устранили всѣ отмѣченные рецензентомъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1914 г.) недостатки. Желая однако содѣйствовать *дальнѣйшему* улучшенію хорошаго учебника и не посягая на стройность той системы, которая лежитъ въ основѣ хрестоматіи, предлагаемъ внести нѣкоторыя существенныя на нашъ взглядъ измѣненія.

1) Грамматическій матеріалъ во II части расположенъ слѣдующимъ образомъ. Въ §§ 1—21 данъ матеріалъ для усвоенія и примѣненія формъ сослагательнаго наклоненія (изъявительное усвоено уже въ III классѣ), сначала вспомогательнаго глагола esse, затѣмъ глаголовъ I, II, III и IV спряженій. При этомъ изучается употребленіе conjunctiv'а въ главныхъ предложеніяхъ (conj. imperat., adhort., optat.) и въ придаточныхъ предложеніяхъ (вопросит., при ut и ne finale, ut consecutivum, non dubito quin, cum historicum, cum causale, si cum conj.). Въ §§ 22—26 изучаются обороты accusativus c. infin. и nominativus cum infin., потомъ супины, герундій и герундивъ и описательное спряженіе. Далѣе §§ 37 — 47 посвящены отложительнымъ и полуотложительнымъ глаголамъ, и только съ § 48 ученики ознакомляются съ оборотомъ ablativus absolutus. Столь позднее прохожденіе важнѣйшихъ оборотовъ латинскаго языка, какими, какъ извѣстно, являются accus. c. inf., nom. c. inf. и ablat. absol. [1]), нельзя

[1]) Упражненія въ переводѣ съ латинскаго языка на русскій подготовляютъ, между прочимъ, учениковъ къ чтенію перваго латинскаго писателя; у Цезаря же на

не признать недостаткомъ учебника. Кромѣ того, вслѣдствіе необходимости избѣгать этихъ оборотовъ въ статьи, касающіяся сослагательнаго наклоненія, вносится нѣкоторая монотонность, въ чемъ мы легко убѣдимся, если просмотримъ первыя 12 страницъ. Я предложилъ бы послѣ § 8 вставить одну или двѣ страницы съ матеріаломъ на accusat. c. inf., послѣ § 12—на nominat. c. inf. и послѣ § 17—на ablat. absol. Соотвѣтственно пришлось бы прибавить нѣсколько статей для перевода на латинскій языкъ.

2) Независимо отъ этого, слѣдовало бы вообще увеличить матеріалъ для перевода на латинскій языкъ по всѣмъ отдѣламъ. 24-хъ страницъ слишкомъ мало на цѣлый учебный годъ; къ тому же, за вычетомъ иллюстрацій, ихъ оказывается не болѣе 17—18.

Въ постатейномъ словарѣ на ряду со словами, встрѣчающимися въ данной статьѣ впервые, составитель даетъ и слова, которыя встрѣчались уже раньше одинъ или нѣсколько разъ; мнѣ не удалось установить, какими соображеніями онъ при этомъ руководился и почему, напримѣръ, въ § 1 дается laboriosus, а не дается pius или attentus, почему въ § 2 въ памяти возобновляются слова tabula, firmus, mons, ignotus и не приводятся слова reliquiae, celeber и другія.

Мы предложили бы въ слѣдующемъ изданіи или отмѣтить звѣздочкой всѣ слова, попадавшіяся уже въ одномъ изъ предыдущихъ §§-овъ, или — еще лучше — совсѣмъ выпустить ихъ въ словарѣ, въ текстѣ же рядомъ со словами, которыя могли бы быть забыты ученикомъ, дѣлать ссылку на тотъ § словаря, въ которомъ впервые дано значеніе слова. Этимъ авторъ сберегъ бы довольно много мѣста, которое могло бы быть использовано въ отдѣлѣ съ русскими текстами.

Я думаю, что преподаватели латинскаго языка были бы благодарны редактору книги Н. В. Санчурскаго, если бы онъ пошелъ навстрѣчу изложеннымъ пожеланіямъ.

А. Брокъ.

**А. Зикингеръ* и *Ф. Гансбергъ.* Школа труда. Перев. съ нѣмецк. *Е. М. Пашуканиса.* С.-Пб. 1912 г. Изд. газеты „Школа и жизнь". 79 стр. + 1 нен. Цѣна 50 коп.

Статья А. Зикингера „Организація народныхъ школъ, построенная сообразно природной работоспособности дѣтей" (стр. 1—29), докладъ, прочитанный на I международномъ съѣздѣ по школьной гигіенѣ въ

каждой страницѣ встрѣчаются эти обороты (напр., въ первыхъ десяти главахъ Записокъ о галльской войнѣ мы находимъ около 30 разъ названные обороты).

Нюрнбергѣ въ 1904 г., даетъ краткій и ясный очеркъ такъ назыв. Маннгеймской системы организаціи народныхъ школъ. Эта система создана была впервые въ концѣ XIX столѣтія въ Маннгеймѣ однимъ изъ самыхъ выдающихся педагоговъ—организаторовъ народной школы. Она заключается въ слѣдующемъ. Дѣти, посѣщающія 8-ми-классную народную школу, подраздѣляются сообразно умственнымъ способностямъ на три группы: группы дѣтей нормальныхъ, дѣтей со способностями ниже среднихъ и дѣтей ненормальныхъ. Переходъ изъ I группы во II и изъ II въ III совершается по выясненіи малоуспѣшности въ теченіе перваго и дальнѣйшихъ учебныхъ лѣтъ. Такимъ образомъ получается, кромѣ дѣленія (вертикальнаго) на классы сообразно возрасту учащихся, еще дѣленіе горизонтальное на параллельныя отдѣленія, стоящія рядомъ другъ съ другомъ и предназначенныя для дѣтей одного и того же возраста. Преимущества этой организаціи настолько очевидны, что нельзя не признать, что она является значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Особенно важна система для дѣтей второй, довольно значительной группы, такъ какъ для ненормально-слабыхъ дѣтей уже ранѣе во многихъ городахъ были основаны такъ назыв. вспомогательныя школы. Съ одной стороны, классы I группы освобождаются отъ учениковъ и ученицъ малоспособныхъ, являющихся для нихъ тормозящимъ балластомъ (а такихъ насчитывается до 40%) и съ другой стороны, эти послѣдніе, которые изъ старой школы выпускались до окончанія курса, слѣдовательно, съ незаконченнымъ образованіемъ, заклейменные именемъ неудачниковъ, получаютъ возможность (бо́льшею частью!) заканчивать свое образованіе — и притомъ заканчивать не теряя лишняго года — въ классахъ, въ которыхъ методъ преподаванія считается съ ихъ индивидуальными способностями. Статистика Маннгеймскихъ народныхъ школъ (я заимствую данныя изъ Педагогич. Энциклопедіи Рейна, т. VIII, стр. 329) показываетъ процентъ окончившихъ VII и VIII классы—83,96 и окончившихъ V или VI классы—15,06, т. е. только 1% учащихся выбылъ изъ первыхъ четырехъ классовъ, между тѣмъ какъ число недоучекъ въ школахъ стараго типа достигаетъ 30 и болѣе процентовъ и только ²/₃ или ³/₅ общаго числа успѣшно оканчиваютъ курсъ.

Къ 1911 году уже болѣе 40 городовъ Германіи и другихъ государствъ ввели у себя въ той или иной формѣ Маннгеймскую систему.

Статья Зикингера переведена на русскій языкъ удовлетворительно, насколько можно судить, не имѣя подъ рукой оригинала.

Вторая статья написана не безызвѣстнымъ педагогомъ Ф. Гансбергомъ и озаглавлена „Продуктивная работа“. Она состоитъ изъ 16 маленькихъ главъ (всего 46 страницъ), вырванныхъ изъ сборника статей Гансберга „Produktive Arbeit“, который содержитъ 65 главъ. Гансбергъ—педагогъ съ темпераментомъ и увлекательнымъ порывомъ; ему хочется впустить въ классную комнату струю свѣжаго воздуха, уничтожить средостѣніе, которое отдѣляетъ учителя отъ своихъ учениковъ, и сблизить ихъ между собою; хочется стряхнуть всю ту схоластику, которая—наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ—тяжелымъ гнетомъ ложится на школу и тормозитъ живую природосообразную работу; хочется дать толчокъ учителю и побудить его черпать вдохновеніе изъ богатой индивидуальности учениковъ, исполненныхъ жизненной силой, и сдѣлать педагогическую работу дѣйствительно продуктивною.

Статьи не даютъ намъ цѣльной системы, ихъ скорѣе мы назовемъ эскизами, набросками; онѣ очень неровны какъ по содержанію, такъ и по формѣ, но каждый изъ насъ, педагоговъ, чувствующихъ гнетъ школьной рутины и мертвящаго шаблона, съ удовольствіемъ прочтетъ бо́льшую часть набросковъ и извлечетъ изъ нихъ пользу для своей практической дѣятельности.

Къ сожалѣнію, переводъ очень далекъ отъ совершенства; или г. Пашуканисъ плохо знаетъ языкъ, съ котораго онъ переводилъ, или онъ небрежно исполнялъ свою задачу. На двухъ страничкахъ введенія мы находимъ нѣсколько случаевъ искаженія подлинника. „Realien“ — реалии — переводчикъ отожествляетъ съ естественными науками (стр. 33), „Unnatur der Schule“ переводитъ неточно „ненормальность школы“ (стр. 34), „stark revidierter Religionsunterricht“ передаетъ невѣрно „строго контролируемое религіозное обученіе“ (тамъ же); двумя строчками ниже онъ пишетъ, что „въ будущемъ, можетъ быть весьма недалекомъ, времени вопросы вѣры будутъ выдѣлены изъ организаціи государственной школы“, между тѣмъ какъ авторъ высказываетъ какъ разъ противоположное мнѣніе („in einer vielleicht noch fernen Zeit“). Такія же грубыя ошибки мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. на стр. 57, гдѣ на восьмой строчкѣ снизу мысль автора совершенно извращена, уже не говоря о томъ, что на той же страницѣ онъ написалъ слово „орѳографія“ не орѳографически черезъ „ф“; или на стр. 59, гдѣ переводчикъ говоритъ о „музеяхъ и почтахъ“, между тѣмъ какъ авторъ книги упоминаетъ только почтовый музей (Postmuseum).

А. Брокъ.

**Андрей Городцовъ*. Красно Солнышко, князь стольно-кіевскій. Сцены изъ народныхъ былинъ для сельскихъ театровъ. Четыре дѣйствія. Изд. Пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Пермь. 1915 г. (40 стр. in 8°). Цѣна 30 коп.

Книжка г. Городцова—либретто для сценъ, сопровождаемыхъ все время пѣніемъ, ноты для котораго набраны авторомъ изъ современныхъ композиторовъ и изданы въ пяти выпускахъ (цѣна всѣхъ 2 р. 80 к., см. обертку). Эти ноты и указаны въ данной книжкѣ на стр. 9, 16 и сл. Предисловіе говоритъ о постановкѣ на сценѣ всего представленія простыми деревенскими средствами. Самый текстъ пьесы набранъ изъ былинъ, а мѣстами очень хорошо передѣланъ или добавленъ г. Городцовымъ для драматическихъ цѣлей. Можно упрекнуть пожалуй автора лишь за то, что онъ слишкомъ рѣзко подчеркнулъ трусость богатыря Чурилы Пленковича. Постановка пьесы, по моему мнѣнію, и возможна, и желательна въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; неподдѣльный патріотизмъ пьесы, чисто былинный ея колоритъ, прекрасная музыка (сужу по ремаркамъ) и кое-гдѣ легкіе намеки на современность (стр. 28, 31, 33) дѣлаютъ пьесу достойной вниманія учебныхъ заведеній для постановки ея на ученическихъ спектакляхъ напр. на святкахъ.

И. Шляпкинъ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ 1916 года.

— *Писаревъ, М. Н.* Сибирь. Историко-географическій очеркъ. Изданіе Т-ва „В. В. Думновъ, наслѣдники бр. Салаевыхъ". М. и П. 1915. 169 стр. Цѣна 1 р. 10 к.

— *Каррикъ, Валерій.* Сказки-картинки. Товарищество „Задруга". М. 1916. № 7. Хромая уточка. Третье изданіе. 16 стр.—№ 6. Собака и волкъ. Третье изданіе. 16 стр.—№ 32. Рѣка. Рукавичка. 16 стр.—№ 33. Про лисицу, сову и ворону. 16 стр. Цѣна выпуска 10 к.

— Вопросъ о совмѣстномъ обученіи при свѣтѣ экспериментальной психологіи. Подъ редакціей *А. П. Нечаева.* Съ таблицами и діаграммами. П. 1915. 74 стр. Цѣна 50 к.

— Педагогическія воззрѣнія Платона и Аристотеля. Переводъ С. В. Меликовой и проф. С. А. Жебелева подъ редакціей и со вступительной статьей проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. П. 1916. 102 стр. Приложеніе къ газетѣ „Школа и Жизнь".

— Ежегодникъ газеты Рѣчь на 1915 годъ. П. VI+524 стр.

— *Барицкій, В. А.* Очерки по методикѣ начальнаго курса ариѳметики. Лекціи, читанныя въ г. Херсонѣ на общеобразовательно-педагогическихъ курсахъ Херсонскаго губернскаго земства. Изданіе Херсонской губернской земской управы. Херсонъ 1915. 260+6 табл. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Федоровъ, А. Ф.* О моральномъ воспитаніи юношества. Одесса 1916. 108 стр.

— *Строевъ, В.* Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и высшихъ начальныхъ училищъ. Съ рисунками и картами. Изданіе Т-ва „В. В. Думновъ, наслѣдники бр. Салаевыхъ". П. и М. 1915. V+170+III+5 картъ. Цѣна 60 к.

— *Прѣсняковъ, А. Е.* Русская исторія. (Курсъ младшихъ классовъ). Изданіе Т-ва „В. В. Думновъ, наслѣдники бр. Салаевыхъ". П. и М. 1915. 162 стр. Цѣна 50 к.

— *Котляревскій, С. А.* Власть и право. М. 1915. 417 стр.

— *Черепнинъ, Н. П.* Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. П. 1915. Томъ второй. 670+III стр.— Томъ третій. 754+IV стр.

— *Меликовъ, В. А.* Исторія античной культуры. Для VIII класса мужскихъ гимназій и для самообразованія. Съ 247 рисунками. Харьковъ 1916. VI+216 стр. Цѣна 1 р. 45 к.

— *Дворниковъ, П., Ѳ. Жарковъ, Б. Игнатьевъ и С. Соколовъ.* Въ путь-дорогу. Книга для чтенія въ старшихъ отдѣленіяхъ начальной школы. Въ двухъ частяхъ. Съ оригинальными рисунками и картинами художниковъ: В. А. Ватагина, Н. Е. Кузнецова, Н. Н. Львовой и Л. Ф. Пищалкина и снимками съ картинъ другихъ художниковъ. Часть I. М. 1916. 562+V стр. Цѣна 1 р.

— *Демковъ, М. И.* Учебникъ педагогики для учительскихъ семинарій, женскихъ гимназій и для народныхъ учителей. Часть II. Основы воспитанія и обученія. Училищевѣдѣніе. Изданіе 2-е, исправленное. Изданіе Т-ва „В. В. Думновъ, наслѣдники бр. Салаевыхъ". М. и П. 1916. IV+168 стр. Цѣна 75 к.

— *Досевъ, Христо.* Вблизи Ясной Поляны. (1907—1909 гг.). Изданіе „Посредника" № 1177. 96 стр. Цѣна 75 к.

— *Буланже, П. А.* На землю! Путь къ освобожденію людей. Земля—неисчерпаемая сокровищница. Больше всего разумъ человѣческій нуженъ при работѣ на землѣ. И слабому и хилому работа на землѣ доступна. Работа эта полезна, здорова и неисчерпаемый источникъ радости. М. 1916. 208 стр. Цѣна 1 р. (Ближе къ землѣ. Новая серія книгъ подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ второй).

— *Порѣцкій, С. А.* Растеніе и свѣтъ. О томъ, какъ растеніе приспособляется къ силѣ свѣта и какъ дѣйствуетъ свѣтъ на растенія. Съ 72 рисунками. М. 1916. 112 стр. Цѣна 50 к.

— Въ Рождественскій сочельникъ и другіе разсказы *А. Джонстонъ,*

Бернта Ли и Э. Гибсонъ. Со многими рисунками. М. 1916. 80 стр. Цѣна 55 к. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 326).

— *Златовратская, С.* Катя Лѣсинцева. Повѣсть. Съ рисунками Лисснера. М. 1916. 88 стр. Цѣна 70 к.

— *Люси Фичъ-Перкинсъ.* Маленькіе японцы. Переводъ съ англійскаго Л. и Ж. Караваевыхъ. Со множествомъ рисунковъ автора. М. 1915. 96 стр. Цѣна 85 к. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей. № 325).

— *Буткевичъ, А. С., врачъ.* Человѣкъ и вино. Два общедоступныхъ чтенія. Чтеніе первое. Тайны жизни человѣческаго тѣла. Чтеніе второе. Разстройства, вызываемыя въ человѣкѣ спиртными напитками. Съ 30 рисунками. М. 1915. 63 стр. Цѣна 20 к.

— *Парчевскій, Ѳома.* Храбрость и мужество. Психологическій этюдъ. Гельсингфорсъ 1915. 43 стр. Цѣна 50 к.

— *Голубковъ, В.* Пособіе къ изученію художественныхъ произведеній. Планы и вопросы для разбора произведеній: Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Островскаго, Григоровича, А. Толстого, Достоевскаго, Л. Толстого, Шекспира, Мольера, Шиллера, Байрона и критическихъ статей къ нимъ: Бѣлинскаго, Добролюбова, Дружинина, Гончарова, Достоевскаго, О. Миллера, Венгерова, А. Веселовскаго, Иванова-Разумника, Сиповскаго, Котляревскаго, Овсянико-Куликовскаго и др. Изданіе Бр. Башмаковыхъ. М. 1915. 168 стр. Цѣна 50 к.

— *Фоль, К.* Опыты сравнительнаго изученія картинъ. Переводъ В. Фаворскаго и Б. Розенфельда. Изданіе Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. М. 1916. 207 стр. Цѣна 4 р. 50 к.

— *Фихте, І. Г.* Избранныя сочиненія. Переводъ подъ редакціей кн. Е. Трубецкого. Томъ I. Изданіе „Путь". М. 1916. 521 стр. Цѣна 4 р. (Классики философіи).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗЪ КУРСА МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНІЯ ИСТОРІИ ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ [1]).

I. Противоположеніе исторіи, какъ предмета преподаванія, исторіи, какъ наукѣ.

Въ существующихъ методикахъ исторіи мы нерѣдко встрѣчаемся съ противоположеніемъ исторіи, какъ науки, и исторіи, какъ предмета преподаванія, или какъ учебнаго предмета [2]). Въ большинствѣ случаевъ [3]) на страницахъ, посвященныхъ этому вопросу, повторяются, въ сущности, одни и тѣ же соображенія, сводящіяся къ тому, что исторія, какъ наука, преподается въ университетѣ, въ средней же (и низшей) школѣ она можетъ имѣть значеніе только учебнаго предмета. Между тѣмъ такое противоположеніе далеко не отличается точностью и потому требуетъ большого измѣненія, если только вообще оно нужно по существу дѣла.

Исторія и въ высшей школѣ является такъ же, какъ и въ средней или низшей, предметомъ преподаванія (разъ она и тамъ преподается) или, что то же, однимъ изъ учебныхъ предметовъ. Противо-

[1]) Авторъ въ 1915—1916 г. читалъ такой курсъ въ Петроградскомъ университетѣ, предполагаетъ его повторить, а затѣмъ намѣренъ и издать его цѣликомъ.

[2]) *Я. Гуревичъ*, Опытъ методики исторіи и *его же* тезисы къ реферату „Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія" („Историческое Обозрѣніе", т. I, ч. 2, стр. 35—36).—*А. Кролюницкій*, стр. 1—5 и 5—7 (отрывокъ изъ методики Гуревича).—*К. А. Ивановъ*, стр. 6—15.—*С. С. Никольскій*, стр. 5—6.—*Д. А. Марковъ*, стр. 13—14. — *Я. С. Кулжинскій*, стр. 4—8. — *Л. П. Кругликовъ-Гречаный*, стр. 10—22.—*В. Я. Улановъ*, первыя двѣ главы.

[3]) Исключеніе представляетъ собою среди указанныхъ книгъ „Опытъ" *Я. С. Кулжинскаго*.

полагать можно не преподаваніе наукѣ, а преподаваніе школьное университетскому, да и то разумѣя подъ школою лишь среднюю и низшую школу. Поскольку и университетъ есть также школа, и такое противоположеніе требуетъ, значитъ, оговорки. Исторія остается предметомъ преподаванія на всѣхъ его ступеняхъ, разъ кто либо исторіи, съ одной стороны, учитъ, а съ другой, ей учится, и въ этомъ смыслѣ исторія въ университетѣ есть такъ же предметъ преподаванія, какъ, наприм., въ гимназіи. Противополагать можно преподаваніе исторіи, т. е. исторической науки, лишь разработкѣ этой науки, или изслѣдовательской, въ широкомъ смыслѣ, работѣ въ области исторической науки: одно дѣло—добывать научныя истины, открывать новыя, критиковать старыя и вообще строить зданіе науки, другое—передавать добытое и упорядоченное научное знаніе учащимся въ той или другой школѣ, не исключая и высшей. Первое во всѣхъ отросляхъ знанія происходитъ въ ученыхъ кабинетахъ, въ архивахъ, въ библіотекахъ, въ музеяхъ, въ лабораторіяхъ, въ обсерваторіяхъ, въ академіяхъ и т. п., второе—въ классахъ или аудиторіяхъ. Конечно, одна и та же наука будетъ преподаваться различно въ высшей, средней и низшей школѣ въ зависимости отъ возраста, общаго уровня развитія и степени подготовленности учащихся, но, повторяю, учебнымъ предметомъ она будетъ и на высшей ступени, разъ все дѣло заключается въ сообщеніи учащимся извѣстнаго запаса знаній. Съ этой точки зрѣнія университетскій курсъ исторіи есть не что иное, какъ расширеніе и углубленіе того, что преподается въ средней школѣ.

Но преподаваніе заключается не только въ сообщеніи знаній и сопровождающемъ его развиваніи, но и въ передачѣ умѣній и въ упражненіи въ нихъ. Когда я обучаю таблицѣ умноженія, я сообщаю знаніе того, что $2 \times 2 = 4$, а $7 \times 8 = 56$ и т. п., но когда я научаю самому ариѳметическому дѣйствію умноженія, я прививаю ученику извѣстное умѣніе и, задавая ему задачи на умноженіе, упражняю его въ этомъ умѣніи. Обученіе чтенію и письму, черченію и рисованію, разсужденію и писанію сочиненій и т. п. относится къ этой же категоріи обученія умѣніямъ, къ числу каковыхъ въ высшей школѣ принадлежатъ дѣланіе опытовъ, производство наблюденій, рѣшеніе задачъ и всякія иныя практическія упражненія, не исключая, разумѣется, и той работы, которая происходитъ въ историческихъ семинаріяхъ, гдѣ подъ руководствомъ профессора студенты учатся искусству историческаго изслѣдованія и историческому мышленію, критикѣ и интерпретаціи источниковъ, анализу и синтезу, оріентировкѣ въ спорныхъ вопросахъ.

науки и т. п. Чѣмъ выше ступень преподаванія, тѣмъ все больше и больше къ догматическому преподаванію, неизбѣжно господствующему на первыхъ порахъ, присоединяется чисто критическихъ элементовъ, но на всѣхъ ступеняхъ преподаваніе любой науки преслѣдуетъ не одно сообщеніе знаній, но и передачу умѣній.

Первыя мы называемъ реальными, вторыя формальными элементами преподаванія, при чемъ и преподаваемыя науки различаются между собою по преобладанію въ нихъ той или другой стороны (наприм., математика и исторія). Конечно, тѣ историческія умѣнія, которыя можно получить только въ высшей школѣ, отдавшись данной спеціальности, слушая профессорскія лекціи или участвуя въ практическихъ занятіяхъ по предметамъ, входящимъ въ составъ этой спеціальности, не могутъ быть предметомъ преподаванія въ средней школѣ и по ея задачамъ, и по возрасту учащихся, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы такъ-таки и на этой ступени преподаванія исторіи не могло быть достигаемо кое-что и въ смыслѣ умѣнія исторически мыслить.

Однимъ словомъ, исторія въ университетѣ не есть наука, а въ гимназіи—предметъ преподаванія, но и тамъ и здѣсь она научный предметъ преподаванія, т. е. въ одно и то же время и наука, и предметъ преподаванія, только на разныхъ ступеняхъ. И реальныя знанія, и формальныя умѣнія, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ представляютъ собою цѣлую градацію отъ самаго простого, элементарнаго, общедоступнаго до крайне сложнаго, очень спеціальнаго и вполнѣ понятнаго только очень немногимъ, и весь вопросъ для преподаванія исторіи въ средней школѣ можетъ заключаться только въ томъ, на какой ступени историческое преподаваніе не то что перестаетъ служить цѣлямъ общаго образованія, а начинаетъ превращаться въ одну изъ научныхъ спеціальностей, принципіально же различать въ исторіи науку и предметъ преподаванія, еще разъ повторяю, давно пора перестать [1]).

Вопросъ о томъ, что дѣлаетъ исторію наукою, не входитъ въ область методики преподаванія исторіи: это — вопросъ той гносеоло-

[1]) Вопросъ этотъ четверть вѣка тому назадъ дебатировался въ Историческомъ обществѣ при Петроградскомъ университетѣ, въ чемъ, между прочимъ, и пишущій эти строки принималъ участіе. См. „Историческое Обозрѣніе", т. I, ч. 2, стр. 39—41, т. II, ч. 2, стр. 7, т. III, ч. 2, стр. 35 и слѣд. Изъ методистовъ этимъ воспользовался только одинъ *Я. С. Кулжинскій*, но и онъ, указывая на разницу между исторіей въ университетѣ и средней школѣ, высказываетъ одно мнѣніе (стр. 8), съ которымъ нельзя согласиться.

гической и методологической части общей теоріи исторіи, которую можно спеціально называть теоріей историческаго знанія, или историкой [1]), и поэтому разсмотрѣніе его въ курсѣ методики я считаю излишнимъ. Но далеко не лишнимъ я нахожу здѣсь напомнить, что еще въ началѣ и даже въ первой половинѣ XIX вѣка исторія причислялась не къ наукамъ, а къ изобразительнымъ искусствамъ и въ этомъ отношеніи ставилась рядомъ съ другимъ тоже словеснымъ изобразительнымъ искусствомъ, съ поэзіей, какъ съ наиболѣе родственнымъ исторіи [2]). Если исторію, какъ науку, и можно противопоставлять чему, то именно исторіи, какъ искусству и, слѣдовательно, противополагать научную исторію исторіи художественной. И та, и другая даютъ намъ знаніе прошлаго, но одна—*воспроизводя* его передъ нами въ конкретныхъ образахъ, въ картинахъ, другая—сообщая намъ *его пониманіе* въ его отвлеченно воспринимаемыхъ процессахъ. Развитіе исторической литературы шло отъ художественности къ научности, отъ эпоса, отъ историческихъ поэмъ, замѣнившихся позднѣе историческими романами, къ соціологіи, отъ исторической пластики къ исторической анатоміи и физіологіи. Чисто научный, теоретическій интересъ исторіи и въ жизни цѣлыхъ обществъ, и въ индивидуальномъ существованіи появляется и развивается лишь на извѣстной ступени умственнаго развитія; предшествуетъ ему интересъ эмоціональный въ его эстетическомъ и патріотическомъ проявленіяхъ, интересъ, удовлетворяющійся не отвлеченными, разсудочными формулами науки, а конкретными образами, говорящими воображенію и дѣйствующими на сердце. Очень часто указывалось на то, что исторія не можетъ, по сложности своихъ процессовъ, научно преподаваться въ средней школѣ вообще, въ особенности же въ младшихъ ея классахъ, а, слѣдовательно, также и въ низшей школѣ, и со многими аргументами, приводимыми въ пользу такого мнѣнія, нельзя не согласиться, но я думаю, что напрасно, когда говорятъ объ исторіи, какъ учебномъ предметѣ въ средней и особенно въ низшей школѣ, имѣютъ въ виду исключительно исторію-науку, а не исторію-искусство.

Историческая наука, работающая аналитически, анатомически до изслѣдованія микроскопическихъ элементовъ, а въ своихъ синтезахъ дающая въ результатѣ отвлеченныя формулировки открываемымъ ею жизненнымъ процессамъ, никогда не устранитъ исторической литера-

[1]) См. въ первой части моихъ „Лекцій по общей теоріи исторіи“ главу „Теорія историческаго знанія“.

[2]) Тамъ же, стр. 55—56.

туры, не столь точной въ своихъ элементахъ и не столь глубоко проникающей внутрь жизни, но дающей болѣе наглядное, болѣе конкретное ея воспроизведеніе, больше поэтому доступное и занимательное для рядового любителя историческаго чтенія. Конечно, было бы очень печально, если бы историческое образованіе не пріучало искать за образами и картинами прошлаго, воспринимаемыми воображеніемъ учащихся, нѣчто еще иное, нѣчто умопостигаемое, какъ нѣкоторыя общественныя состоянія и историческіе процессы, но нельзя не принимать въ расчетъ, что къ этому невидимому мы должны идти отъ видимаго, къ абстрактному отъ конкретнаго, къ научному отъ художественнаго. Задаваться претвореніемъ исторіи-науки въ учебный предметъ для низшей школы или младшихъ классовъ школы средней было бы большой ошибкой, какъ было бы, однако, также ошибкой не внѣдрять постепенно научный элементъ въ преподаваніе исторіи и держать послѣднюю на уровнѣ сказки, миѳа, легенды, анекдота и исторической беллетристики.

Различая между исторіей-наукой и исторіей-художествомъ, какъ однимъ изъ видовъ литературы, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, я бы сказалъ, что исторія, какъ предметъ преподаванія въ средней и въ низшей школѣ, входитъ не только въ область даваемаго въ нихъ научнаго, но и литературнаго образованія, поскольку историческіе факты могутъ быть предметами не только научнаго изслѣдованія, но и литературнаго, въ частности поэтическаго воспроизведенія. На низшихъ своихъ ступеняхъ исторія, какъ учебный предметъ, не можетъ еще быть чѣмъ-то строго дифференцированнымъ, быть только „наукою" и не быть также „литературою", сродни со сказкою, миѳомъ, легендою, но, допуская въ преподаваніе такой элементъ, я вовсе не думаю, что совершаю какую либо измѣну наукѣ или вступаю съ чѣмъ-нибудь въ компромиссъ [1]). Нельзя мѣриломъ того, въ чемъ должна заключаться научность преподаванія исторіи, дѣлать способъ ея препода-

---

[1]) Авторъ одной изъ лучшихъ методикъ исторіи въ начальной школѣ, *В. Я. Улановъ*, очень высоко ставящій поэтическій элементъ въ самомъ раннемъ преподаваніи исторіи, говоритъ по этому вопросу: „благодаря сочетанію историческаго содержанія съ художественной и образной формой, конечно, пострадаетъ научность предмета, требующая и научной формы своего выраженія; но во имя свойствъ возраста компромиссъ позволителенъ, тѣмъ болѣе, что формы изложенія исторіи въ средней школѣ являются уже отступленіемъ отъ тѣхъ формъ изложенія исторіи, какъ науки, въ которыя послѣдняя облекается въ университетѣ", Опытъ методики исторіи въ начальной школѣ, стр. 42—43. О компромиссѣ съ исторической правдой см. еще на стр. 45.

ванія въ университетѣ, и забывать, что каждая наука, становясь предметомъ преподаванія, должна приспособляться къ возрасту учащихся. „Литературная" исторія представляетъ собою сочетаніе правды и вымысла, и если эта „Dichtung" даже не дастъ ничего для научнаго пониманія прошлаго, то и не причинитъ ему никакого вреда, польза же несомнѣнная будетъ—для литературнаго, эстетическаго образованія. Другими словами, я защищаю тотъ тезисъ, что не только научно-историческій, но и художественно-историческій матеріалъ можетъ и долженъ играть роль въ преподаваніи исторіи, особенно дѣтямъ младшаго возраста, если и не для того, чтобы они могли точно познать прошлое, то во всякомъ случаѣ, чтобы могли составить себѣ о немъ приблизительное представленіе, а главное — чтобы имъ заинтерсовывались [1]).

Дѣти, подростки и юноши школьнаго возраста лишь постепенно могутъ быть подготовлены къ научному пониманію прошлаго, которое на первыхъ порахъ должно быть только болѣе или менѣе художественнымъ его воспроизведеніемъ въ конкретныхъ представленіяхъ. Цѣль историческаго преподаванія нельзя мыслить, какъ нѣкоторое отдаленное мѣсто, послѣдовательные этапы на пути къ которому не имѣютъ ровно никакого сколько-нибудь самостоятельнаго значенія. Конечною цѣлью историческаго образованія, болѣе или менѣе достижимаго (да и то съ грѣхомъ пополамъ) въ высшей школѣ, можетъ быть только усвоеніе всего наиболѣе существеннаго, важнаго, основного изъ всего уже добытаго въ данную минуту историческою наукою,— что было бы равносильно достиженію если не полноты, то высоты современнаго историческаго знанія,—но нельзя смотрѣть на низшія ступени историческаго образованія, лишь какъ на этапы, ведущіе къ этой цѣли. На каждой ступени у этого образованія есть своя цѣль—въ сообщеніи учащемуся того матеріала, который можетъ удовлетворять его духовнымъ потребностямъ на данной ступени его развитія и не превышать его способности воспринимать, понимать и усваивать преподаваемое. Въ ученикѣ мы не должны видѣть только будущаго взрослаго человѣка, но въ очень значительной мѣрѣ и теперешняго ребенка, подростка, юношу, такъ что по отношенію къ каждому возрасту, къ каждому переходу отъ одного возраста къ другому должна быть своя

[1]) *Г. Уланов* правильно рекомендуетъ для младшаго возраста поступиться научной формой и точностью содержанія изложенія и воплощать историческія понятія и опредѣленія въ живыхъ лицахъ и сценахъ, въ драматическихъ изображеніяхъ (стр. 43 и 44).

задача историческаго преподаванія. Разсуждая на тему „исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія", многіе методисты ищутъ въ опредѣленіи цѣли исторіи, какъ науки, изучаемой-де въ университетѣ, указаній на цѣль ея, и какъ учебнаго предмета. Одни изъ нихъ, исходя изъ противопоставленія науки учебному предмету, скорѣе склонны искать въ немъ указанія на то, чѣмъ исторія не можетъ быть въ средней и низшей школѣ, другіе готовы, наоборотъ, изъ конечной цѣли исторической науки выводить и основную задачу школьнаго преподаванія этого предмета.

Опредѣленнѣе всего вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ рѣшается въ книгѣ В. Я. Уланова „Опытъ методики исторіи въ начальной школѣ". По опредѣленію автора, исторія есть „наука, которая стремится изучать жизнь человѣчества и отдѣльныхъ народовъ въ процессѣ ихъ постепеннаго развитія, въ связи съ причинами и условіями, дающими то или иное направленіе этому развитію" [1]), основную же цѣль преподаванія исторіи во всѣхъ типахъ школы, начиная съ высшей и кончая начальною, онъ видитъ въ „уясненіи эволюціи жизни отдѣльныхъ народовъ и человѣчества въ связи съ подготовкой пониманія современности" [2]). Общею обоимъ опредѣленіямъ частью является познаніе (изученіе или уясненіе) развитія (процесса постепеннаго развитія, эволюціи) жизни народовъ и человѣчества, и вся разница касается только того, въ связи съ чѣмъ познаётся это развитіе [3]).

Особенно я обращаю вниманіе на то, что цѣль преподаванія исторіи мыслится почтеннымъ авторомъ,—методику котораго я считаю одною изъ лучшихъ,—какъ тожественная на разныхъ ступеняхъ школы. Правда, онъ оговаривается на счетъ разницы, которая должна быть въ содержаніи и методахъ преподаванія на столь неодинаковыхъ ступеняхъ школьной лѣстницы, равно какъ въ спеціальныхъ задачахъ, какія могутъ сопровождать „общую цѣль", но эта общая цѣль остается у него неизмѣнною какъ въ высшей школѣ, такъ и въ сред-

---

[1]) *В. Я. Улановъ*, стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 31.

[3]) Чтобы не отвлекаться отъ главнаго предмета, выношу въ подстрочное примѣчаніе указаніе на эту разницу. Въ опредѣленіи „науки" изученіе эволюціи ставится въ связь „съ причинами и условіями, дающими то или другое направленіе этому процессу", въ опредѣленіи же „предмета преподаванія"—въ связь „съ подготовкою пониманія современности". Невольно возникаетъ вопросъ: неужели „наука" также не подготовляетъ пониманія современности, а „предметъ преподаванія" уясняетъ процессъ внѣ всякой связи съ причинами и условіями, дававшими ему то или другое направленіе? Едва ли авторъ хотѣлъ сказать это.

ней [1]), и это онъ считаетъ не подлежащимъ спору [2]). Тожество цѣли преподаванія исторіи въ начальной школѣ съ цѣлью того же въ школахъ высшей и средней ему самому кажется не подлежащимъ столь категорическому разрѣшенію [3]), но, признавая за начальнымъ обученіемъ исторіи тоже свои особыя задачи или „прикладныя цѣли", какъ онъ выражается [4]), авторъ спасаетъ свой тезисъ, доказывая, что „вполнѣ возможно возбудить у дѣтей возраста начальной школы представленія о процессѣ историческаго развитія, объ эволюціи, т. е. показать имъ, что жизнь не стоитъ, а движется" [5]),—и что потому „преподаваніе исторіи и достиженіе поставленныхъ этому преподаванію общихъ цѣлей возможно и въ начальной школѣ, несмотря на возрастъ учащихся, требующій значительнаго ограниченія въ выборѣ матеріала и изложенія этого матеріала въ формахъ, наиболѣе отвѣчающихъ развитію дѣтей этого возраста" [6]).

Разницу изученія исторіи на отдѣльныхъ ступеняхъ школы, принимая единую основную или общую цѣль ея преподаванія, г. Улановъ видитъ не только „въ объемѣ изучаемаго матеріала" и „въ формахъ, способахъ и средствахъ изученія", но и въ его „задачахъ" [7]), повидимому, являющихся у него тѣми „спеціальными цѣлями" и „прикладными цѣлями", о которыхъ онъ говоритъ, разсматривая особенности и высшаго, и средняго, и начальнаго преподаванія исторіи [8]). То, что связываетъ въ одномъ понятіи преподаваніе исторіи на всѣхъ его ступеняхъ, заключается не въ тожествѣ цѣли этого преподаванія, какъ полагаетъ г. Улановъ, а въ томъ, что предметомъ этого преподаванія является одно и то же, т. е. прошлое всего ли человѣчества и нѣкоторыхъ только народовъ или одного народа, но цѣли этого преподаванія, или задачи, которыя оно себѣ ставитъ на разныхъ ступеняхъ, далеко не тожественны. Дѣло какъ разъ въ тѣхъ задачахъ, которыя г. Уланову кажутся, такъ сказать, дополнительными, при чемъ не только на разныхъ ступеняхъ онѣ будутъ разными, но даже могутъ быть разными и на одной и той же высшей

[1]) Тамъ же, стр. 32.
[2]) Тамъ же, стр. 33.
[3]) Та же страница.
[4]) Тамъ же, стр. 37.
[5]) Тамъ же, стр. 46.
[6]) Тамъ же, стр. 48.
[7]) Тамъ же, стр. 31.
[8]) Тамъ же, стр. 31, 33 и 37.

ступени, на одномъ и томъ же историко-филологическомъ факультетѣ для спеціалистовъ-историковъ и для словесниковъ [1]). Единая на всѣхъ ступеняхъ преподаванія цѣль исторіи, какъ учебнаго предмета, выводимая изъ задачи, какую ставитъ себѣ исторія, какъ наука, есть, въ сущности, нѣчто призрачное.

Въ какія бы отношенія между собою ни ставились въ методикахъ исторіи исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія или, говоря точнѣе, высшее и среднее съ начальнымъ преподаваніе исторіи, въ большинствѣ случаевъ наука понимается такъ, что, дѣйствительно, исторія въ средней школѣ не подойдетъ подъ понятіе науки. „Исторія, какъ наука,—писалъ въ свое время покойный Я. Г. Гуревичъ, первый, сколько я знаю, поднявшій вопросъ,—исторія, какъ наука, имѣетъ цѣлью изслѣдовать законы, по которымъ совершаются явленія общественной, политической и умственной жизни народовъ. Исторія же, какъ предметъ преподаванія, не можетъ задаваться такими широкими цѣлями“ [2]). Итакъ, исторія, какъ учебный предметъ средней школы, не можетъ ставить себѣ ту же цѣль, что и историческая наука, при чемъ названный авторъ прибавлялъ, что наука эта „имѣетъ постоянно одну цѣль, вытекающую изъ сущности предмета“ [3]),— изслѣдованіе законовъ исторической жизни. Покойный педагогъ-историкъ былъ правъ, съ своей точки зрѣнія противополагая исторію, преподаваемую въ средней школѣ, наукѣ, изучающей законы культурной эволюціи, но, какъ теперь никто въ этомъ сомнѣваться не будетъ, такая номологическая, или номотетическая задача и не есть задача исторіи, науки феноменологической, или идіографической [4]). Изслѣдованіе „законовъ общественной, политической и умственной жизни народовъ“ есть дѣло не исторіи, а соціологіи, въ частности той ея части, которая называется соціальной динамикой и можетъ быть названа теоріей историческаго процесса, отвлеченно взятаго, или исторіологіей [5]).

Исторія есть наука идіографическая, и этотъ свой характеръ она

---

[1]) Исторія для словесника не столько уясняетъ общее движеніе жизни и ея конечный моментъ (современность), сколько мѣсто въ этомъ движеніи его спеціальнаго предмета. Спеціалистъ историкъ... преслѣдуетъ... спеціальныя задачи, главнымъ образомъ, методологическаго характера и т. д. (стр. 31).

[2]) Цитирую по *Кролюницкому*, стр. 5.

[3]) У *Кролюницкаго*, стр. 6.

[4]) Теорія историческаго знанія, стр. 63—65.

[5]) Изъ лекцій къ пр., ч. II: Исторіологія, гл. I.

сохраняетъ на всѣхъ ступеняхъ преподаванія. И въ университетѣ, и въ старшихъ или младшихъ классахъ средней школы учащимся преподается идіографическій матеріалъ, факты, и вездѣ они какъ во всей своей конкретности, такъ и въ обобщенномъ видѣ представляютъ собою то, что составляетъ содержаніе преподаваемой науки. В. Я. Улановъ ошибается, когда утверждаетъ, что „общіе курсы исторіи того или другого народа уясняютъ для студента-спеціалиста общіе процессы жизни народовъ и человѣчества", придавая фактамъ лишь „служебное значеніе извѣстныхъ уже примѣровъ и иллюстрацій" [1]. Выходитъ, значитъ такъ, будто исторія, напримѣръ, Россіи изучается въ университетѣ не для познанія прошлаго самой Россіи въ его индивидуальной конкретности, а для познанія „общихъ процессовъ жизни народовъ" въ видѣ „отвлеченныхъ формулъ" [2], имѣющихъ универсальное значеніе, но только иллюстрируемыхъ фактическимъ матеріаломъ любой конкретной исторіи—русской, французской, греческой, китайской. Здѣсь опять университетское преподаваніе представляется въ номотетическомъ аспектѣ, тогда какъ факты и тутъ на самомъ дѣлѣ являются не безразличными „примѣрами и иллюстраціями", а идіографическимъ матеріаломъ, изучаемымъ въ своей нигдѣ не повторявшейся конкретной комбинаціи и обобщаемымъ не для полученія абстрактныхъ формулъ „общихъ процессовъ жизни народовъ", а для подведенія итоговъ, суммирующихъ жизненныя явленія въ прошломъ только даннаго народа. Я отнюдь не отрицаю возможности и такого построенія общихъ курсовъ въ высшей школѣ, цѣлью которыхъ являются нѣкоторые общіе процессы, но тогда нужна „исторія не того или другого народа", а исторія нѣсколькихъ народовъ, въ прошломъ которыхъ наблюдаются извѣстные общіе процессы, иллюстрируемые фактами изъ прошлаго отдѣльныхъ народовъ. Ссылаюсь хотя бы на свои „Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта", читавшіеся мною въ Петроградскомъ Политехническомъ институтѣ и изданные въ видѣ пяти отдѣльныхъ томиковъ, но въ высшемъ преподаваніи исторіи такіе курсы представляютъ собою не общее правило, а исключеніе, да и самъ я сильно затруднился бы признать за фактическимъ матеріаломъ этихъ курсовъ одно лишь иллюстраціонное значеніе простыхъ примѣровъ извѣстныхъ общихъ правилъ или, если угодно, законовъ [3].

---

[1]) *В. Я. Улановъ*, стр. 31—32.

[2]) Слова въ ковычкахъ принадлежатъ г. Уланову (стр. 32).

[3]) Теорія историческаго знанія, гл. 198 и слѣд. См. также мою статью „Все-

Конечно, высшая школа сообщаетъ учащимся фактическій матеріалъ и въ большемъ количествѣ, и съ бо́льшими подробностями, подвергаетъ его болѣе глубокому анализу и болѣе широкимъ обобщеніямъ, кладетъ его въ основу болѣе отвлеченнаго синтеза, но качественно это тотъ же фактическій матеріалъ, прагматическій и культурный, матеріалъ былевыхъ и бытовыхъ фактовъ [1]), который въ меньшемъ только количествѣ и съ меньшими подробностями, меньше анализируемый и обобщаемый, рѣже сводимый къ абстрактнымъ формуламъ, составляетъ предметъ преподаванія и въ средней школѣ.

Въ средней школѣ, говоритъ еще г. Улановъ, „процессъ историческаго развитія раскрывается не въ отвлеченныхъ формулахъ, а въ фактахъ: изученіе ихъ и составитъ тотъ конкретный матеріалъ, который дастъ возможность иллюстрировать идею послѣдовательнаго развитія жизни народовъ и человѣчества“ [2]). Отвлеченныя формулы, собственно говоря, неизбѣжны при всякомъ научномъ преподаваніи исторіи, но еще вопросъ, гдѣ, т. е. въ университетѣ или въ средней школѣ онѣ даются съ бо́льшимъ количествомъ конкретнаго фактическаго матеріала. Было бы очень прискорбно, если бы отвлеченныя формулы университетскаго преподаванія довольствовались только „извѣстными уже (откуда? изъ средней школы?) примѣрами и иллюстраціями“, а не опирались на болѣе обильный и болѣе детальный фактическій матеріалъ, нежели тотъ, который сообщается въ средней школѣ. Если въ высшей школѣ дается больше обобщеній, эта количественная разница, придающая университетскому преподаванію болѣе отвлеченный характеръ, компенсируется тѣмъ, что здѣсь эти обобщенія даются не въ готовомъ видѣ, какъ конечные итоги, суммирующіе цѣлые ряды фактовъ, а въ сопровожденіи самого фактическаго матеріала, который подвергся обобщенію. Возьмемъ для примѣра такъ называемое превращеніе Рима изъ республики въ имперію и спросимъ, кому больше долженъ представляться процессъ этого превращенія въ видѣ отвлеченной, главнымъ образомъ, формулы и кому въ его конкретной фактичности. Я думаю, что отвѣтъ получится въ данномъ случаѣ въ пользу болѣе фактической обоснованности представленія, даваемаго университетскимъ курсомъ, и болѣе отвлеченной (обобщен-

---

міроисторическая и типологическая точка зрѣнія въ изученіи исторіи“ (въ „Извѣстіяхъ С.-Пб. Политехническаго Института“ за 1905 г. и отдѣльно), а также и во вступительныхъ главахъ упомянутыхъ „Типологическихъ курсовъ“.

[1]) Теорія историческаго знанія, стр. 140 и слѣд.

[2]) *В. Я. Улановъ*, стр. 32.

ной) формулировки того же самаго въ курсѣ школы средней. Притомъ, роль конкретныхъ фактовъ, въ преподаваніи исторіи какъ въ университетѣ, такъ и въ средней школѣ, не въ иллюстрированіи какихъ либо отвлеченныхъ формулъ или тезисовъ, „идей", какъ того хочетъ В. Я. Улановъ [1]), а въ томъ, что они, факты, служатъ матеріаломъ для обобщеній, т. е. что они ложатся въ самое основаніе отвлеченныхъ построеній.

„Общіе процессы жизни народовъ и человѣчества", какъ содержаніе университетскаго историческаго преподаванія у В. Я. Уланова, не особенно далеко ушли отъ „законовъ общественной, политической и умственной жизни народовъ", какъ содержанія университетской исторической науки, по опредѣленію Гуревича. Оба автора представляютъ себѣ то, что дѣлается въ университетѣ, не вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, придавая университетской исторіи номотетическій характеръ, котораго она не имѣетъ, и противополагая ей исторію въ средней школѣ, какъ чисто „фактическую" дисциплину, имѣющую, слѣдовательно, идіографическій характеръ (присущій ей, собственно, на всѣхъ ступеняхъ преподаванія). Поскольку рѣчь не касается обученія въ университетѣ пріемамъ историческаго изслѣдованія, а идетъ только о сообщеніи историческихъ знаній, нельзя говорить, что въ высшей школѣ исторія сводится къ общимъ законамъ исторической жизни или къ общимъ формуламъ исторической эволюціи, а въ средней—къ фактамъ.

Принимается ли „научность", сводимая къ познаванію законовъ или общихъ процессовъ, недоступною или доступною средней школѣ, характерно въ такомъ пониманіи научности то, что факты здѣсь разсматриваются, именно, лишь какъ примѣры и иллюстраціи, имѣющіе служебное только значеніе, т. е. какъ нѣчто, самостоятельнаго значенія не имѣющее. Довольно близко къ постановкѣ даже школьному преподаванію исторіи номотетической задачи стоитъ въ своемъ „Опытѣ методики систематическаго курса исторіи" Я. С. Кулжинскій, изъ всѣхъ методистовъ, кажется, наиболѣе изучившій литературу своего предмета. Подобно тому, какъ есть соціологи, видящіе единственный путь къ открытію общихъ истинъ о развитіи общества въ примѣненіи сравнительнаго метода [2]), и названный только что авторъ кладетъ въ основу своей методики школьной исторіи тезисъ о необходимости

[1]) Въ средней школѣ факты *г. Улановъ* называетъ конкретнымъ матеріаломъ, дающимъ возможность иллюстрировать идею эволюціи. Ср. выше, стр. 11.

[2]) См. мое „Введеніе въ изученіе соціологіи".

внесенія въ преподаваніе исторіи сравнительной точки зрѣнія [1]). Это требованіе вытекаетъ у него изъ особаго пониманія цѣли преподаванія исторіи, которое онъ рекомендуетъ въ своей книгѣ.

Различая въ историческомъ преподаваніи три стороны: реальную (пріобрѣтеніе учениками нѣкоторыхъ познаній), формальную (развитіе умственныхъ способностей у учащихся) и моральную (воздѣйствіе на ихъ душу), Я. С. Кулжинскій находитъ возможнымъ „считать теперь оставленнымъ въ педагогической литературѣ" тотъ взглядъ, по которому „главною цѣлью изученія исторіи въ средней школѣ ставилось знаніе прошлаго народовъ" [2]). Тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ еще, „мысль, будто знаніе прошлаго можетъ служить цѣлью преподаванія въ средней школѣ, настолько распространена въ широкихъ педагогическихъ кругахъ", что онъ считаетъ нужнымъ подвергнуть ее разсмотрѣнію. По его мнѣнію, „накопленіе знаній, заучиваніе фактовъ можетъ быть только средствомъ и, ни въ коемъ случаѣ, не цѣлью преподаванія исторіи" [3]). Изъ разныхъ пониманій этой цѣли наиболѣе симпатичнымъ ему кажется то, по которому „исторія должна уяснить ученику идею эволюціонизма и познакомить его съ главнѣйшими этапами въ развитіи человѣчества" съ „уясненіемъ того положенія, что развитіе каждаго государства, какъ отдѣльнаго организма, идетъ по общимъ всѣмъ государствамъ этапамъ", и съ „подготовкою (поэтому) ученика къ пониманію дѣйствительности" [4]). Говоря иначе, цѣль преподаванія исторіи въ средней школѣ почтенный авторъ полагаетъ не въ знаніи прошлаго народовъ, не въ фактахъ, а въ уясненіи идеи эволюціи, или въ совокупности отвлеченныхъ формулъ, т. е. самую науку исторіи понимаетъ не идіографически, а номотетически, какъ соціологію. „Общепринятое теперь положеніе, что цѣлью преподаванія исторіи должно быть ознакомленіе учащихся съ историческимъ процессомъ" съ всемірно-исторической точки зрѣнія [5]), онъ рѣшительно отвергаетъ и указанную точку зрѣнія предлагаетъ „замѣнить сравнительно-историческою" [6]).

При данномъ пониманіи исторіи нашъ авторъ никакъ не согласенъ съ такой постановкой преподаванія, при которой „въ исторіи

---

1) *Я. С. Кулжинскій*, стр. 76—91.
2) Тамъ же, стр. 9.
3) Тамъ же, стр. 10.
4) Тамъ же, стр. 14—15.
5) Тамъ же, стр. 76.
6) Тамъ же, стр. 78.

каждаго народа выдвигается на первый планъ то, чѣмъ данная исторія отличается отъ другихъ, что дѣлаетъ ее оригинальной". Коллективныя индивидуальности народовъ съ такой точки зрѣнія являются не чѣмъ-то самодовлѣющимъ въ наукѣ и ея преподаваніи, а только матеріаломъ для сравненій, ведущихъ къ познанію „общихъ процессовъ", какъ выразился бы В. Я. Улановъ, или законовъ, какъ сказалъ бы покойный Гуревичъ. Авторъ рекомендуетъ „обратить въ средней школѣ самое серьёзное вниманіе" на то, чтобы внушить ученикамъ „сознаніе закономѣрности историческаго процесса" [1]. „Необходимо, поясняетъ онъ свою мысль, систематически указывать и даже подчеркивать факты и явленія, какъ бы они ни были незначительны сами по себѣ, если только въ дальнѣйшемъ они могутъ дать матеріалъ для аналогій и выводовъ, если они даютъ возможность указать учащимся, что одинаковые факторы всегда и вездѣ вызываютъ одинаковыя послѣдствія и, наоборотъ, одинаковыя явленія суть результаты одинаковыхъ причинъ" [2]. Центръ тяжести преподаванія исторіи переносится, такимъ образомъ, съ усвоенія историческихъ фактовъ на познаваніе соціологическихъ обобщеній, получаемыхъ примѣненіемъ къ фактамъ сравнительнаго метода. Значительность историческаго факта самого по себѣ отступаетъ на задній планъ передъ пригодностью его для аналогій и выводовъ,—характерная особенность номологическаго познанія, отличающая его отъ познанія идіографическаго, или, какъ сказалъ бы Контъ, абстрактную науку, соціологію, отъ конкретной науки, исторіи. Я. С. Кулжинскій съ педагогической точки зрѣнія совершенно правильно возстаетъ противъ сообщенія учащимся готовыхъ сравненій, которыя имъ остается только выучить, и потому слѣдуетъ признать вполнѣ педагогичнымъ его требованіе, чтобы учащіеся сами дѣлали сравненія на основаніи даннаго имъ матеріала [3]. Это—одно изъ полезныхъ упражненій ума учащихся, если при этомъ соблюдаются элементарныя требованія сравнительнаго метода. Съ педагогической точки зрѣнія правильно и другое указаніе автора, предлагающее „давать учащимся для сравненія не тѣ или другія обобщенія изъ исторіи разныхъ народовъ, не схемы историческихъ процессовъ, а элементы, такъ сказать, историческаго процесса" [4]. Сравненіе процессовъ, конечно,—дѣло, болѣе сложное, нежели

[1]) Тамъ же, стр. 77.
[2]) Тамъ же, стр. 78.
[3]) Тамъ же, стр. 82.
[4]) Тамъ же, стр. 84.

сравненіе отдѣльныхъ явленій. Но спрашивается, во что бы обратилась исторія, если фактическій матеріалъ въ ней имѣлъ бы не самодовлѣющее значеніе, а только значеніе матеріала для сравненій, аналогій, общихъ формулъ?

Съ номологической точки зрѣнія отдѣльные факты, равно какъ и исторіи отдѣльныхъ странъ, имѣютъ большее или меньшее значеніе не сами по себѣ, а смотря по количеству доставляемаго ими матеріала для общихъ формулъ о томъ, что всегда и вездѣ бываетъ при одинаковыхъ условіяхъ, причинахъ, ступеняхъ развитія. Разъ насъ интересуетъ та или другая частная исторія—Россіи, Франціи, Англіи и т. д. — ради нея самой, не ради того общаго, что можно найти во всякой исторіи, а ради того, что было дано только въ ней, не того, что бываетъ вездѣ и всегда при извѣстной наличности условій, а того, что было въ данной комбинаціи только въ данномъ мѣстѣ и въ данный промежутокъ времени, нашъ интересъ къ прошлому той или другой страны имѣетъ чисто идіографическій характеръ.

Въ сущности, и Я. С. Кулжинскій, въ концѣ концовъ, возвращается къ такому пониманію исторіи. Сравнительно-историческая точка зрѣнія вносится имъ въ преподаваніе не ради полученія какой либо общей историологической схемы и какихъ либо подобныхъ отвлеченныхъ формулъ, а ради лучшаго, по его мнѣнію, уразумѣнія нашей отечественной исторіи путемъ постоянныхъ сравненій разныхъ ея явленій съ однородными явленіями въ исторіи другихъ странъ. Въ такомъ пониманіи сравнительно-историческая точка зрѣнія весьма пріемлема въ качествѣ одного изъ полезныхъ пріемовъ преподаванія, но можетъ ли она быть положена въ основу систематизаціи всего матеріала, это—другой вопросъ, могущій быть разсмотрѣннымъ только въ другомъ мѣстѣ. Однако, если уважаемый авторъ ставитъ въ центрѣ систематическаго курса исторіи изученіе отечественнаго прошлаго въ связи и въ сравненіи съ прошлымъ другихъ народовъ, неужели можно сказать, что цѣлью изученія исторіи въ средней школѣ отнюдь не является прошлое народовъ, а что-то другое [1])? Автору кажется, что

[1]) Напоминаю слова *Я. С. Кулжинскаго*: „главною цѣлью изученія исторіи въ средней школѣ ставилось знаніе прошлаго народовъ. Въ педагогической литературѣ такое направленіе можно, кажется, считать теперь оставленнымъ“ (стр. 9). Но „мысль, будто знаніе прошлаго можетъ служить цѣлью преподаванія въ средней школѣ, (еще) распространена въ широкихъ педагогическихъ кругахъ“ (стр. 10). Поэтому авторъ и называетъ эту мысль „противникомъ, правда еще живымъ, но уже опрокинутымъ“ (стр. 12),—понятно, живымъ въ широкихъ педагогическихъ кругахъ и опрокинутымъ въ педагогической литературѣ.

въ признаніи исторіи наукою о прошломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наукою, выясняющею процессъ созданія культуры, есть противорѣчіе, т. е. какъ будто признаніе второго заключаетъ въ себѣ отрицаніе перваго. Онъ приводитъ слѣдующія слова проф. В. М. Хвостова: „если исторія есть наука о минувшихъ событіяхъ въ культурной дѣятельности человѣчества, то она и должна быть представлена въ этомъ видѣ, и учащіеся должны знать важнѣйшія событія исторіи, имѣющія положительное или отрицательное культурное значеніе",—и затѣмъ продолжаетъ: „это даетъ, повидимому, право видѣть въ проф. Хвостовѣ сторонника только что указаннаго взгляда [1]), но начало слѣдующаго тезиса: если задача исторіи заключается въ томъ, чтобы «выяснить намъ процессъ созданія культуры»,—побуждаетъ отказаться отъ этой мысли" [2]), т. е. отъ того, что проф. Хвостовъ раздѣляетъ отвергаемый авторомъ взглядъ. На самомъ дѣлѣ, одно положеніе нисколько не противорѣчитъ другому. Исторія, несомнѣнно, есть знаніе прошлаго, а не настоящаго и будущаго, и притомъ прошлаго не кого и не чего иного, какъ народовъ и событій въ ихъ жизни и дѣятельности, имѣющихъ отношеніе къ культурѣ, процессъ созданія которой и выясняется этой наукой. Вотъ, въ сущности, что хотѣлъ сказать проф. Хвостовъ, никакъ не подозрѣвая, что, признавая задачу исторіи выяснить процессъ созданія культуры, онъ тѣмъ самымъ пересталъ быть сторонникомъ взгляда, ставящаго цѣлью изученія исторіи въ средней школѣ знаніе прошлаго народовъ въ смыслѣ,—какъ поясняетъ самъ проф. Хвостовъ,—важнѣйшихъ событій минувшей ихъ дѣятельности, имѣющихъ отношеніе къ культурѣ.

Покойный Гуревичъ, который первый поставилъ для разсмотрѣнія вопросъ о исторіи, какъ наукѣ и какъ учебномъ предметѣ, отожествляя науку съ ея преподаваніемъ въ высшей школѣ, кромѣ разсмотрѣннаго выше пункта, указывалъ и на иные пункты несходства между обѣими исторіями, на которыя обыкновенно и указываютъ другіе методисты, иногда дословно повторяя мысль Гуревича. Если уже нужно указывать на разницу между преподаваніемъ въ высшей и средней школѣ, то скорѣе въ обратную сторону, т. е. въ смыслѣ выясненія, чѣмъ должна быть исторія въ высшей школѣ въ отличіе отъ исторіи въ средней школѣ, что и небезполезно бываетъ напоминать начинающимъ студентамъ. И въ университетѣ, и въ средней школѣ,

[1]) Т. е. что цѣль изученія исторіи въ средней школѣ заключается въ знаніи прошлаго народовъ.

[2]) *Я. С. Кулжинскій*, стр. 9—10.

мы видѣли, преподаваніе исторіи есть преподаваніе науки, какъ напримѣръ, и преподаваніе математики,—преподаваніе, въ одномъ случаѣ, дающее болѣе широкое и глубокое, болѣе критическое и философское знаніе и вводящее до извѣстной степени въ самую лабораторію научной работы, во второмъ—знакомящее съ элементами науки, съ ея азбукой въ видѣ готовыхъ ея результатовъ, болѣе или менѣе безспорныхъ, прочно установленныхъ истинъ. Разъ исторія есть наука идіографическая, научность ея заключается не въ томъ, чтобы мыслить ее по типу наукъ номологическихъ и превращать ее въ изученіе законовъ эволюціи обществъ, а въ томъ, чтобы все въ ней основывалось только на томъ, что фактически истинно, и на томъ, что логически вѣрно. И единичный фактъ, не только общій законъ можетъ быть предметомъ науки, лишь бы онъ былъ фактъ, а не миѳъ, не выдумка, не легенда, и разъ какой либо фактъ установленъ, онъ долженъ оставаться достояніемъ науки, пріятно ли намъ это или непріятно, выгодно или невыгодно. Научность преподаванія исторіи въ средней школѣ, какъ и въ высшей или низшей, должна заключаться въ строгомъ соотвѣтствіи съ фактической истиной. Учащіеся въ средней школѣ, понятное дѣло, не призваны углубляться въ источниковѣдѣніе, въ историческую критику, въ констатированіе фактовъ, въ построеніе теорій и гипотезъ; они приходятъ, такъ сказать, на готовое, но вмѣстѣ и на приспособленное къ ихъ возрасту, къ степени ихъ развитія, къ извѣстному уровню знаній, пониманія жизни и жизненнаго опыта, на нѣчто, слѣдовательно, упрощенное, но продолжающее оставаться научнымъ по своему соотвѣтствію съ фактической истиной, если только преподаванію, дѣйствительно, ставится цѣль сообщать то, что было, какъ оно было. Другое требованіе научности: чтобы фактическій матеріалъ не былъ простою грудою сырыхъ фактическихъ данныхъ, но чтобы эти данныя преподносились извѣстнымъ образомъ между собою связанными и въ нѣкоторой общей системѣ, при чемъ и связываніе между собою отдѣльныхъ фактовъ, и общая ихъ систематизація соотвѣтствовали бы требованіямъ логики, которая строго слѣдила бы за малѣйшими нарушеніями ея законовъ и устраняла вліяніе какихъ бы то ни было фантазій, пристрастій, предубѣжденій и предразсудковъ, готовыхъ игнорировать то, что властно диктуется фактами и логикой. И не включая въ себя всѣ отдѣлы, стороны и ступени исторической науки, преподаваніе ея первыхъ словъ, ея начатковъ можетъ быть проникнуто научнымъ духомъ и воспитывать мышленіе учащихся въ духѣ научности.

II. Цѣль преподаванія исторіи.

Все предыдущее, надѣюсь, достаточно выяснило, что если что чему противополагать, то не исторію, какъ науку, исторіи, какъ предмету преподаванія, а одну—другой въ качествѣ научной специальности, съ одной стороны, и предмета общаго образованія, съ другой. При разсмотрѣніи исторіи, какъ учебнаго предмета въ средней и низшей школѣ, нужно исходить не изъ понятія науки и тѣхъ задачъ, какія таковая себѣ ставитъ, а изъ понятія общаго образованія, ради распространенія котораго существуетъ школа, но которое распространяется и иными путями, кромѣ школьнаго обученія. Одно—ученый историкъ, другое—исторически образованный человѣкъ, и было бы очень грустно, если бы историческое образованіе интеллигентныхъ людей кончалось на школьной ступени. И до поступленія въ школу, и во время пребыванія въ ней, и по окончаніи школьнаго курса разными путями люди пріобрѣтаютъ историческія знанія, хотя бы и не пріобщаясь при этомъ къ исторической наукѣ. Оставляя въ сторонѣ дошкольный и школьный возрасты, не пополняемъ ли мы, не расширяемъ ли, не углубляемъ ли наши историческія знанія? Часто просто въ разговорахъ съ другими людьми или читая газеты, журнальныя статьи и книги историческаго содержанія, посѣщая публичныя лекціи и музеи, путешествуя и лично переживая историческія событія, мы вообще дополняемъ, расширяемъ и углубляемъ свое историческое образованіе, особенно когда сознательно къ этому стремимся и дѣлаемъ это болѣе или менѣе систематично, что и принято называть самообразованіемъ, могущимъ начинаться еще въ школьномъ возрастѣ и продолжаться потомъ всю жизнь. Исторія, какъ научная спеціальность, пестра, сложна, многогранна и, можно сказать, безпредѣльна, и вся она въ своемъ цѣломъ не по силамъ одному человѣку, но и историческое образованіе не можетъ быть вложено въ опредѣленныя рамки и быть сведено къ чему-то законченному, единому, цѣльному и простому въ своемъ составѣ. Для того, однако, чтобы человѣкъ изъ своего общенія съ окружающей его средою и изъ чтенія текущей прессы или популярной литературы могъ почерпать историческія знанія и даже просто, какъ слѣдуетъ, понимать то, что слышитъ, прочитываетъ, а также самъ переживаетъ, нужна извѣстная подготовка, притомъ не только общая, но и особая, по содержанію своему историческая, по формѣ болѣе или менѣе систематическая. Этотъ фундаментъ историческаго образованія заклады-

вается школьнымъ курсомъ исторіи, посредствомъ котораго учащіеся пріобщаются не къ исторической наукѣ, что можетъ быть начато только въ высшей школѣ, а къ историческому образованію, которое должно продолжаться и въ высшей школѣ. Но и при этомъ не слѣдуетъ подчинять школьное преподаваніе исторіи тому, что окажется полезнымъ для учащихся по окончаніи ими школьнаго курса, какъ нѣкоторой, только въ будущемъ лежащей цѣли преподаванія имъ исторіи, т. е. полагать цѣль изученія этого предмета не въ переживаемомъ самими учащимися для нихъ самихъ настоящемъ, а въ томъ времени, когда школа будетъ уже за ихъ спиной и передъ ними раскроются широкіе горизонты жизни. Историческое образованіе не есть какое либо особое состояніе, въ которое человѣкъ вступаетъ, какъ это бываетъ, напримѣръ, при опредѣленіи на какую либо должность или при полученіи какихъ либо особыхъ правъ. Историческая образованность, какъ нѣкоторый признакъ, пріобрѣтаемый человѣкомъ и отличающій его отъ исторически необразованныхъ людей, есть состояніе, достигаемое не въ тотъ или другой опредѣленный моментъ времени,—положимъ, по окончаніи курса къ средней школѣ, — а состояніе, имѣющее степени, доступныя разнымъ возрастамъ. Извѣстную степень исторической образованности, хотя бы и очень еще низкую, мы имѣемъ поэтому передъ собою и въ дѣтяхъ, уже кое-что знающихъ изъ прошлаго родной страны или другихъ народовъ, и въ подросткахъ, знающихъ и понимающихъ уже больше, и въ юношахъ, кончающихъ или кончившихъ курсъ средней школы. Знаніе школьнаго курса исторіи не есть еще законченное общее историческое образованіе, а только одна изъ ступеней его, сама въ себѣ носящая свою цѣль,—цѣль имманентную, а не трансцендентную, выражаясь философскими терминами,—какъ и самъ учащійся въ своемъ настоящемъ долженъ уже быть образованнымъ, въ предѣлахъ возможности, а не играть роль матеріала, изъ котораго для будущаго приготовляется образованный человѣкъ.

Съ этой точки зрѣнія моя мысль рѣшительно отказывается пріурочивать цѣль даваемаго школою историческаго образованія къ какому-нибудь моменту во времени и къ какимъ либо опредѣленнымъ потребностямъ жизни, имѣющимъ сказаться въ будущемъ, будетъ ли этимъ моментомъ, напримѣръ, окончаніе курса средней школы, вступленіе въ практическую жизнь и т. п., или будетъ эта цѣль пониматься въ смыслѣ изученія въ высшей школѣ такихъ наукъ, которыя требуютъ исторической подготовки, или же въ смыслѣ необходи-

мости извѣстныхъ историческихъ знаній для общественной дѣятельности и т. д. Цѣль образованія не внѣ учащагося, а въ немъ самомъ, взятомъ при томъ не въ его будущемъ состояніи взрослаго человѣка, къ чему либо подготовленнаго, а въ его настоящемъ, какъ развивающейся личности, въ самомъ развитіи которой, въ смыслѣ обогащенія знаніями, уясненія пониманія, совершенствованія умѣній, и лежитъ цѣль даваемаго ему образованія. Тѣ достиженія, какія получаются путемъ школьнаго образованія, не должны почитаться его цѣлями, а разсматриваться только какъ желательные его результаты, къ которымъ слѣдуетъ стремиться, но не какъ къ цѣлямъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, требующимъ, чтобы въ настоящемъ все было только средствомъ.

Плохо, напримѣръ, то преподаваніе исторіи, которое имѣетъ въ виду только приготовленіе къ экзамену, выдержаніе котораго и составляетъ цѣль всего ученія. Не даромъ такое ученіе называется натаскиваніемъ,—терминъ, заимствованный у дрессировщиковъ щенятъ. Всякое обученіе, въ которомъ цѣль отдѣляется отъ процесса и полагается внѣ его, какъ нѣчто для него постороннее, имѣетъ нѣчто отъ природы такого натаскиванія, дрессировки, а не воспитанія, не школенія (въ значеніи, обыкновенно соединяемомъ съ этимъ словомъ, а въ значеніи нѣмецкаго „Schulung“). Сообщайте ученикамъ научныя знанія, содѣйствуйте ихъ умственному развитію, не заботясь о томъ, какъ нужно понимать цѣли всего этого въ будущемъ этихъ учениковъ, въ особенности же внѣ ихъ самихъ вообще, а все желательное отъ образованія въ будущемъ какъ для самихъ образуемыхъ, такъ и для общества, членами котораго они будутъ, явится, какъ совокупность результатовъ правильно въ педагогическомъ и научномъ отношеніи поставленнаго дѣла. „Ищите царствія Божія, и вся остальная приложится вамъ“, ибо „царствіе Божіе—внутри васъ“.

Обучать исторіи людей на второмъ десяткѣ лѣтъ ихъ жизни нужно не потому, что это потомъ когда-нибудь имъ пригодится и должно принести общественную пользу, а потому, что нельзя оставлять дѣтей въ этомъ возрастѣ безъ всякаго историческаго образованія, держать ихъ въ историческомъ невѣжествѣ, т. е. для нихъ же самихъ въ переживаемые ими моменты ихъ собственной жизни. И ребенокъ можетъ быть по своему,—въ доступномъ его возрасту объемѣ знаній и въ доступной ему степени пониманія,—достаточно образованнымъ или круглымъ невѣждою во всѣхъ вещахъ, которыя уже составляютъ предметы дѣтской любознательности. Изъ того, что

астрономія—очень трудная наука, требующая большой подготовки изъ математики, физики, химіи и потому преподающаяся лишь въ высшей школѣ, а въ средней только какъ часть космографіи въ старшемъ классѣ, отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы образованныя дѣти оставались въ полномъ невѣдѣніи того, что земля не плоска, а шарообразна, что она—одна изъ планетъ нашей солнечной системы, что она вращается вокругъ своей оси и вокругъ солнца, что солнце во столько-то разъ больше земли и находится на такомъ-то отъ него разстояніи, что луна меньше земли, является ея спутникомъ, какіе имѣются и у нѣкоторыхъ другихъ планетъ, и заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, и что видимыя нами звѣзды—тоже солнца, только дальше отъ насъ отстоящія и могущія часто быть гораздо бо̀льшими нашего солнца. Все это я зналъ уже семи-восьми лѣтъ изъ объясненій отца и при помощи чертежей, глобуса и нѣкоторыхъ приспособленій, замѣняемыхъ въ современныхъ школахъ особымъ нагляднымъ пособіемъ, и въ общемъ отчетливо представлялъ себѣ смѣну дня и ночи, временъ года и фазъ луны. Это знаніе цѣнно было мнѣ самому непосредственно, и столь же цѣннымъ само по себѣ было для меня, помню, и то, что Русскому государству предстояло праздновать свое тысячелѣтіе, что русскіе сдѣлались христіанами при Владимірѣ Святомъ, что когда-то нами владѣли татары, что Петербургъ былъ основанъ Петромъ Великимъ, что въ 1812 году Москва была сожжена Наполеономъ и т. п. Вотъ на этой любознательности дѣтей, превращающейся потомъ въ юношескую жажду знанія, и слѣдуетъ основывать общее образованіе, удовлетворяя ихъ и въ то же время содѣйствуя ихъ развитію, возбуждая интересъ къ знанію, пріучая видѣть въ немъ самомъ большую духовную цѣнность, безъ всякихъ корыстныхъ соображеній о томъ, что оно для чего-нибудь практически нужно. Не ту или другую утилитарную цѣль нужно ставить и всему образованію, взятому въ цѣломъ, и отдѣльнымъ его элементамъ, но такая цѣль всегда ставится, если имѣется въ виду, прежде всего, не самъ учащійся, какимъ онъ является въ данный моментъ.

Я, разумѣется, далекъ отъ отрицанія того, что изъ дѣла образованія и воспитанія нельзя устранить элементы заботы о будущемъ, подготовленія къ чему либо, имѣющему быть впереди, и принудительнаго усвоенія, подчиненія извѣстному порядку, внѣшней дисциплинѣ. Таблица умноженія нерѣдко орошается дѣтскими слезами, злосчастная буква *ять* сплошь и рядомъ проклинается не умѣющими справиться съ нею учениками, и это — вездѣ, гдѣ приходится брать на-

мятью, заучивать, „отзубривать“, употребляя терминъ школьнаго жаргона. Заучиваніе представляетъ собою въ школьномъ дѣлѣ элементъ усилія, элементъ преодолѣнія, вообще труда, какъ противоположности игры, удовольствія, но плохо это дѣло, когда знаніе играетъ роль крѣпости, осаждаемой одними усиліями памяти. Въ старыя времена исторія какъ разъ считалась такимъ предметомъ, который только—дѣло памяти, когда, именно, на первомъ планѣ стояли имена и перечни именъ, имена государей, полководцевъ и т. п., названія мѣстъ сраженій, даты царствованій, войнъ, битвъ, мирныхъ договоровъ, однимъ словомъ, хронологія безъ конца, или же еще родословія и въ русской исторіи вся удѣльная путаница, и все это нерѣдко въ формѣ таблицъ и схемъ. „Исторія—дѣло памяти“, думало въ тѣ времена учебное начальство и, появляясь на экзаменахъ исторіи, производило пробы реакціи на память, предлагая вопросы, кто былъ, чей былъ сынъ, отъ котораго до котораго года царствовалъ, гдѣ и когда было, въ какомъ порядкѣ шли царствованія, войны, битвы. „Исторія—дѣло памяти“, къ сожалѣнію, говорили и нѣкоторые учителя, сами видѣвшіе въ своемъ предметѣ одно изъ средствъ упражненія молодой памяти. „Исторія—дѣло памяти“, повторяли часто и родители, приглашая учителей давать уроки математики или грамматики, гдѣ нужны объясненія, ненужныя-де въ исторіи, разъ она — только дѣло памяти. И учащіеся пріучались смотрѣть на этотъ предметъ, какъ на голую зубристику, если для чего-то и нужную, то скучную и надоѣдливую. Не одного подростка это непедагогическое, въ сущности, сведеніе обученія исторіи къ мнемоническимъ упражненіямъ отвращало отъ предмета и тушило въ немъ искорку дѣтской любознательности, не давая ей разгорѣться въ освѣщающій и согрѣвающій огонекъ. Впрочемъ, это случалось и не съ одной исторіей. Пишущій эти строки бо́льшую часть дѣтства провелъ въ деревнѣ, въ постоянномъ общеніи съ природою, пробуждавшемъ интересъ къ ея явленіямъ и процессамъ, а въ гимназіи почувствовалъ только отвращеніе къ зоологіи, учебникъ которой, весь сводившійся къ систематикѣ, номенклатурѣ и описанію внѣшняго облика разныхъ животныхъ отъ звѣрей до инфузорій включительно, нужно было брать на зубокъ.

Обо всемъ этомъ я, пожалуй, не сталъ бы говорить, какъ о дѣлѣ прошломъ,—мало ли что бывало въ старыя времена,—если бы и теперь одно изъ преимуществъ обученія исторіи въ школьномъ возрастѣ многими не усматривалось въ томъ, что оно способствуетъ раз-

витію памяти. Способствуютъ этому и другіе учебные предметы, въ которыхъ учащимся приходится нѣчто запоминать, не исключая отсюда и школьную математику съ ея таблицей умноженія и формулами алгебры, геометріи и тригонометріи, съ ея пріемами производства разныхъ „дѣйствій", способами доказыванія теоремъ, съ ея, наконецъ, терминологіей, но было бы довольно смѣшно, перечисляя благодѣянія, оказываемыя школьной математикой, напирать на то, что она содѣйствуетъ и развитію памяти. Памяти въ умственной жизни принадлежитъ не такое мѣсто, чтобы особенно хвалить учебный предметъ за однѣ его мнемоническія добродѣтели. Память нужна во всякой наукѣ, и изученіе каждой изъ нихъ способствуетъ развитію памяти.

Методики исторіи уже давно стали возставать противъ злоупотребленія памятью при преподаваніи исторіи [1]), борясь противъ дѣйствительнаго зла, расцвѣтавшаго въ былыя времена на этой почвѣ. По старой памяти, однако, до сихъ поръ пресловутый аргументъ становится на очень видное мѣсто, когда заходитъ рѣчь о значеніи преподаванія исторіи. Въ „Методикѣ исторіи" Л. П. Кругликова-Гречанаго приводится цѣлыхъ четырнадцать, такъ сказать, доказательствъ полезности обученія исторіи, при чемъ на первомъ планѣ стоитъ „обогащеніе важными свѣдѣніями", которыя цѣнны вообще, и „въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни бываютъ особенно полезны" [2]), а на второмъ и, слѣдовательно, раньше всего дальнѣйшаго, значится „развитіе памяти". Свой второй изъ четырнадцати тезисовъ авторъ начинаетъ съ указанія на то, что „изученіе исторіи, какъ учебнаго предмета, способствуетъ развитію памяти". Правда, Л. П. Кругликовъ-Гречаный

---

[1]) Отрывокъ подъ такимъ заглавіемъ изъ методики *Дистервега* у *Кролюницкаго*, стр. 63—66.

[2]) „Приходится ли, говоритъ здѣсь авторъ, читать беллетристическія или научныя произведенія, случается ли просматривать ту или другую историческую статью или вести бесѣду въ обществѣ, наступаетъ ли годовщина значительнаго историческаго событія или во время путешествія встрѣтится какой-нибудь памятникъ старины, во всѣхъ такихъ случаяхъ нерѣдко является необходимость разобраться въ тѣхъ или иныхъ историческихъ терминахъ, понятіяхъ, вызвать въ своемъ воображеніи какое либо событіе былыхъ временъ или сослаться въ подтвержденіе своего мнѣнія на какой-нибудь историческій примѣръ. А для этого, разумѣется, надо имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество историческихъ свѣдѣній". *Л. П. Кругликовъ-Гречаный*. Методика исторіи, стр. 12. Нельзя не замѣтить, что результаты обогащенія важными историческими свѣдѣніями рисуются здѣсь слишкомъ въ смыслѣ легкаго наведенія справокъ по случайнымъ поводамъ.

не раздѣляетъ прежняго предразсудка, ибо „при нормальныхъ условіяхъ исторія въ настоящее время является уже гораздо болѣе предметомъ пониманія, чѣмъ памяти", но все-таки вторымъ соображеніемъ въ пользу преподаванія исторіи онъ ставитъ то, что „при изученіи исторіи память развивается очень хорошо", такъ какъ „учащемуся приходится постоянно запоминать цѣлый рядъ отдѣльныхъ фактовъ, именъ, хронологическихъ датъ, образующихъ подчасъ весьма сложныя комбинаціи" [1]). Почему же при указаніи на пользу изученія иностранныхъ языковъ, говоря о желательныхъ его результатахъ, каковыми являются умѣнія читать, говорить, писать на этихъ языкахъ, не прибавляютъ еще, что оно развиваетъ очень хорошо память, заставляя запоминать цѣлый рядъ словъ, грамматическихъ формъ и правилъ и своеобразныхъ оборотовъ рѣчи?

Поэтому съ данной стороны очень отрадное впечатлѣніе производятъ тѣ новѣйшія методики, которыя не заносятъ въ активъ историческаго преподаванія это традиціонное „развитіе памяти" [2]), и наоборотъ, нельзя отнестись иначе, какъ съ крайнимъ неодобреніемъ, къ тѣмъ руководствамъ, въ которыхъ даже рекомендуются разные искусственные пріемы въ помощь памяти, какъ мы это видимъ въ одной методикѣ, упоминаемой по этому поводу въ книгѣ В. Я. Уланова, язвительно замѣчающаго, что если бы пріемы автора разбираемыхъ совѣтовъ „рекомендовались для упражненія въ ариѳметикѣ гг. составителей подобныхъ методикъ", то онъ, критикъ, „очень рекомендовалъ бы эти хронологическія задачи имъ самимъ", отнюдь только не учащимся [3]).

Другой, аналогичный пережитокъ старыхъ взглядовъ на преподаваніе исторіи заключается въ постановкѣ его цѣлью пріученія учащихся къ гладкому изложенію выученныхъ разсказовъ. Въ перечнѣ достоинствъ исторіи, какъ учебнаго предмета, у названнаго выше методиста, который ихъ насчитываетъ около полутора десятка, подъ нумеромъ четырнадцатымъ и послѣднимъ стоитъ указаніе на то, что изученіе исторіи развиваетъ у учащихся „способность повторить связно, точно и ясно, пріучаетъ ихъ свободно выражать свои мысли". Я не уловилъ, почему эти четырнадцать пунктовъ слѣдуютъ одинъ за дру-

---

[1]) Та же страница.

[2]) Книги К. А. Иванова, Я. С. Кулжинскаго, В. Я. Уланова, Н. П. Покотило и др.

[3]) *В. Я. Улановъ*, стр. 82—83. Имени автора методики я не называю, но очень желалъ бы, чтобы онъ исключилъ изъ своей книги подобные мнемоническіе совѣты, если настоящія строки до него дойдутъ. *Л. П. Кругликовъ-Гречаный*, стр. 22.

тимъ въ данномъ, а не иномъ порядкѣ, но, собственно говоря, послѣднему пункту надлежало бы занять мѣсто непосредственно вслѣдъ за тезисомъ о памяти. Еще недавно одинъ изъ извѣстныхъ историковъ-методистовъ напомнилъ, что формальная сторона преподаванія исторіи „долгое время сводилась чуть ли не единственно къ развитію памяти и способности плавно выражать свои мысли" [1]). Хорошій ученикъ, сильный въ исторіи, дѣйствительно долженъ былъ преимущественно изощрять свою память на собственныя имена историческихъ лицъ, на названія мѣстъ событій, на хронологическія цифры и свою способность гладко говорить, хотя бы слегка лишь передѣланными фразами учебника. Но все же, думали многіе объ изученіи исторіи въ школѣ, одно запоминаніе фактовъ, вѣдь нужно умѣть еще и разсказать усвоенное связно и гладко, и это прямо казалось другою пользою отъ изученія исторіи въ школѣ. Да, получалась видимость знанія предмета, но это, именно, было то „знаніе безъ пониманія", которое теоретически разсматривается въ современной психологіи, а практически „нерѣдко наблюдается даже на университетскихъ экзаменахъ" [2]). При счастливой памяти и, что называется, хорошо подвѣшенномъ языкѣ, очень легко ограничиться однимъ запоминаніемъ сужденій, изъ которыхъ состоитъ содержаніе урока, съ ассоціированіемъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, такъ что ученикъ будетъ въ состояніи воспроизводить усвоенныя памятью сужденія и даже высказывать ихъ своими собственными словами гладко, плавно, „съ чувствомъ, толкомъ, остановкой", и это можетъ произвести впечатлѣніе хорошо усвоеннаго знанія, въ которомъ, однако, не окажется пониманія. Дѣло не въ томъ, чтобы ученикъ хорошо помнилъ и умѣлъ разсказывать, но и въ томъ, чтобы онъ еще и понималъ, хотя бы память ему кое въ чемъ измѣняла и хотя бы онъ не сразу находилъ нужныя слова.

Умѣніе связно и ясно излагать свои мысли должно вырабатываться при изученіи всѣхъ предметовъ школьнаго курса, т. е. и въ математикѣ при доказываніи теоремъ и рѣшеніи задачъ, и на урокахъ родного языка и словесности при изложеніи своими словами, напр., басни Крылова или пересказѣ содержанія какого либо произведенія нашей литературы, и въ географическихъ описаніяхъ, и при объясненіи разныхъ явленій въ физикѣ, такъ что нарочитая привилегія, признаваемая за исторіей,—учить хорошему изложенію, когда

[1]) *Я. С. Кулжинскій,* стр. 9.

[2]) *А. И. Введенскій,* Психологія безъ всякой метафизики (1915; изд. 2), стр. 213 и слѣд.

это другимъ наукамъ въ особую заслугу не вмѣняется, только и находитъ объясненіе въ старомъ заблужденіи относительно спеціальной задачи историческаго преподаванія развивать память и умѣніе хорошо излагать свою мысль.

При такомъ нагроможденіи пунктовъ о приносимой исторіей пользѣ можно было бы прибавить и пятнадцатый такого примѣрно содержанія: „такъ какъ при изученіи исторіи въ школѣ учащіеся излагаютъ свои отвѣты письменно, а также составляютъ письменные рефераты и пишутъ сочиненія на историческія темы, то это развиваетъ въ нихъ способность излагать свои знанія не только письменно, но и на бумагѣ". Только къ чему бы это было?

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему въ развитіи намѣченной темы, отмѣчу только, что въ той методикѣ, въ которой насчитано такъ много особыхъ пользъ, происходящихъ отъ исторіи, наша наука вообще представляется какой-то панацеей: она „дѣйствуетъ развивающе на воображеніе", „благотворно дѣйствуетъ на разсудочную способность", „оказываетъ въ высшей степени благотворное вліяніе на развитіе лучшихъ сторонъ нравственной природы человѣка", „оказываетъ громадное вліяніе на развитіе здороваго, сильнаго патріотическаго чувства", „не проходитъ безслѣдно и для развитія нашего эстетическаго чувства", „прививаетъ любовь къ знанію", „пробуждаетъ уваженіе къ памятникамъ старины", является „прекрасной школой для изученія духовной природы человѣка", „развиваетъ въ ученикѣ индивидуальное, національное и общечеловѣческое самосознаніе", „даетъ возможность болѣе или менѣе свободно разбираться въ различныхъ явленіяхъ современной жизни" и „можетъ избавлять отъ многихъ, подчасъ роковыхъ, ошибокъ" [1]). По словамъ автора, „за разрѣшеніе нелегкой задачи" „вызова и полнаго использованія" „громадныхъ, въ высшей степени цѣнныхъ воспитательныхъ и образовательныхъ силъ", „кроющихся въ исторіи—учебномъ предметѣ", дабы „онѣ произвели возможно бóльшую работу, дали возможно бóльшій воспитательный и образовательный эффектъ", какъ разъ „и берется та дисциплина, которая носитъ названіе методики исторіи" [2]).

Я боюсь, что если преподаватели исторіи будутъ ставить для своей школьной дѣятельности всѣ эти многочисленныя и разнообразныя цѣли, то отъ этого только пострадаетъ настоящая задача историче-

---

[1]) *Л. П. Кругликовъ-Гречаный*, стр. 12—22.

[2]) Тамъ же, стр. 22.

скаго преподаванія, вытекающая изъ самаго существа этого предмета. Нѣкоторые желательные „эффекты" обученія исторіи въ приведенномъ ихъ перечисленіи могутъ быть результатами преподаванія и другихъ предметовъ, и иногда даже въ бо́льшей степени (напримѣръ, изученія литературы по отношенію къ эстетическому воспитанію), или вообще даваемаго школою образованія (напримѣръ, прививанія любви къ знанію или развиванія воображенія, болѣе или менѣе всюду необходимаго), и потому спеціально по поводу историческаго преподаванія о нихъ можно было бы и не говорить. Съ другой стороны, если и существуютъ нѣкоторые воспитательные и образовательные эффекты, которыхъ, напримѣръ, не можетъ дать математика, а исторія дать, наоборотъ, можетъ, то и тутъ необходима большая осторожность какъ въ выборѣ этихъ эффектовъ, такъ и въ способѣ ихъ достиженія, дабы не превратить историческое знаніе, цѣнное само по себѣ, въ нѣчто служебное: scribitur historia ad narrandum, non ad probandum. „Изученіе исторіи — говоритъ еще тотъ же авторъ въ развитіе своего пятаго тезиса о «вліяніи на нравственную природу человѣка»,—изученіе исторіи вселяетъ убѣжденіе, что зло и неправда никогда не могутъ долго служить основаніемъ, на которомъ развивается жизнь народовъ, и что рано или поздно побѣда останется всюду за добромъ и правдой" [1]). Внѣ всякаго сомнѣнія, зло и неправда никогда *не должны* служить основаніемъ ни для чего, и мы всегда *должны* желать побѣды добра и правды, но чтобы въ дѣйствительности зло и неправда *не могли* служить основаніемъ, на которомъ создавалось бы нѣчто довольно долговременное, и чтобы добро и правда всегда, хоть и съ запозданіемъ, побѣждали на самомъ дѣлѣ, вѣдь этому же исторія противорѣчитъ на каждомъ шагу, и поэтому притягивать исторію къ доказыванію тезиса, что порокъ всегда, въ концѣ концовъ, бываетъ наказанъ, а добродѣтель вознаграждена, значитъ прямо учить въ разрѣзъ съ исторической правдой, въ смыслѣ правды-истины, а не правды-справедливости: оптимистическій выводъ о всегдашней непрочности зла и неправды, о постоянной побѣдѣ добра и правды не вытекаетъ изъ изученія исторіи. Внѣдреніе въ молодежь любви къ добру и правдѣ должно пользоваться другими средствами, вѣрнѣе ведущими къ цѣли и не вносящими искаженія въ знаніе того, что есть или было, какъ оно есть и было. Въ концѣ концовъ, морализированіе по формулѣ „haec fabula docet" должно

---

[1]) Тамъ же, стр. 17.

быть безусловно удалено изъ историческаго преподаванія, разъ, особенно, это морализированіе соединено съ фактическою неправдою.

Я вовсе не ставлю своею задачею критиковать все, что говорится еще въ методикѣ Л. П. Кругликова-Гречанаго о вліяніи историческаго преподаванія вообще на нравственную природу человѣка, и укажу только, что авторъ, слишкомъ все вообще преувеличивая, возлагаетъ на преподаваніе исторіи и совершенно непосильныя ему задачи. „Если, говоритъ онъ, напримѣръ, въ нашемъ образованномъ обществѣ такъ сравнительно рѣдко еще встрѣчаются люди долга и чести, люди благородные, безупречные, то это объясняется, смѣло можно сказать, отчасти и тѣмъ, что такое могучее орудіе нравственнаго воздѣйствія, какъ исторія, еще не научились приводить въ дѣйствіе, не научились пользоваться имъ“ [1]). Да, сказано это, дѣйствительно, „смѣло“, и хорошо еще, что вина возлагается не всецѣло, а только отчасти на преподаваніе исторіи, да и, какъ мы видимъ изъ слѣдующей прибавки, не на самый предметъ. „На справедливый упрекъ, прибавляетъ авторъ,—упрекъ, посылаемый исторіи въ этомъ отношеніи, должна отвѣчать не сама исторія, а тѣ, отъ кого такъ или иначе зависитъ ея постановка въ нашей школѣ“. Блаженъ, кто вѣруетъ! Стремленіе автора содѣйствовать развитію въ учащихся добра, правды, долга и чести достойно всякаго уваженія, но это можетъ быть отнесено только къ личному вліянію учителя, который самъ не долженъ говорить той неправды, будто порокъ всегда наказывается, а добродѣтель всегда торжествуетъ.

Я еще вернусь въ другой разъ къ воспитательному значенію исторіи въ школѣ и тогда, кромѣ этической стороны воспитанія, буду говорить и о сторонѣ общественной (о развитіи патріотизма), здѣсь же пока остановлюсь еще на одной задачѣ, которую нѣкоторые методисты также ставятъ преподаванію исторіи.

Ко всему, что есть или было, какъ оно есть или было, нашъ интересъ можетъ быть либо теоретическимъ, либо эмоціональнымъ, либо утилитарнымъ [2]). Теоретическій интересъ, безстрастный и безкорыстный, интересъ чистаго знанія, лежитъ въ основѣ науки, и поскольку исторія вводитъ насъ въ познаніе того, что было, какъ оно было, она является именно чистымъ знаніемъ, цѣннымъ само по себѣ, каковымъ оно можетъ быть и для взрослаго человѣка, инте-

---

[1]) Тамъ же, стр. 17—18.

[2]) А въ дѣлахъ человѣческихъ еще и этическимъ.

ресующагося исторіей, и для любознательныхъ школьниковъ. Область чистой науки есть знаніе ради него самого, а не ради той или другой пригодности его для жизни, какъ это бываетъ во всѣхъ прикладныхъ наукахъ. Нѣкоторые методисты, проводя параллель между исторіей, какъ наукой и какъ предметомъ преподаванія, неосторожно, по моему мнѣнію, примѣняютъ ко второму терминъ прикладного знанія, яко бы его, историческое преподаваніе, долженствующаго отличать отъ чистаго знанія, присущаго исторической наукѣ.

Яснѣе всего высказываетъ эту мысль Я. С. Кулжинскій. „Въ высшей школѣ, говоритъ онъ, исторія служитъ благу человѣка черезъ раскрытіе истины, въ средней—черезъ приложеніе раскрытой истины къ жизни. Въ университетѣ должна преподаваться чистая наука, исторія, такъ сказать, отвлеченная... Въ школѣ надо проходить исторію прикладную. Ученики, будущіе медики, юристы, инженеры и т. п., должны запастись историческими навыками, необходимыми для общественной дѣятельности“ [1]). Примѣнивъ къ данному случаю различеніе между интересомъ теоретическимъ и утилитарнымъ, мы могли бы комментировать приведенныя слова въ томъ смыслѣ, что цѣль университетскаго изученія исторіи въ познаніи того, что было, какъ оно было, цѣль въ средней школѣ—въ приложеніи историческихъ знаній и навыковъ къ жизни.

Мы уже видѣли, что знаніе прошлаго названный авторъ не считаетъ цѣлью преподаванія исторіи [2]). Знаніе прошлаго у него ни въ коемъ случаѣ не цѣль, а только средство, но средство, спрашивается, къ чему? Въ данномъ случаѣ онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что знаніе нужно для „достиженія посильнаго пониманія государственныхъ и общественныхъ явленій современной жизни“ [3]). Онъ даже думаетъ, что признаваемыя имъ, какъ цѣли преподаванія, уясненіе идеи эволюціонизма, ознакомленіе съ главнѣйшими этапами въ развитіи человѣчества и проведеніе въ сознаніе учащихся той мысли, что развитіе каждаго государства идетъ по нѣкоторымъ для всѣхъ общимъ этапамъ [4]) (т. е. сообщеніе нѣкотораго чистаго знанія), въ концѣ концовъ, имѣютъ въ виду задачу „подготовить ученика къ пониманію дѣйствительности“: эта задача и разсматривается имъ,

---

[1]) *Я. С. Кулжинскій*, стр. 8.

[2]) См. выше, стр. 13.

[3]) *Я. С. Кулжинскій*, стр. 13. Эта формулировка, собственно, принадлежитъ Я. Г. Гуревичу.

[4]) Ср. выше, стр. 13.

какъ цѣль, ради которой, въ качествѣ средствъ, имъ и признаются, во-первыхъ, уясненіе эволюціонизма и, во-вторыхъ, нѣкоторой планомѣрности развитія [1]).

Итакъ, по Я. С. Кулжинскому, въ школѣ должна проходиться прикладная исторія, необходимая ученикамъ въ будущемъ, въ ихъ общественной дѣятельности, требующей пониманія дѣйствительности. Съ тѣмъ, что для общественной дѣятельности нужно пониманіе дѣйствительности, и что къ нему подготовляетъ историческое образованіе, это—истина, противъ которой спорить невозможно, но весьма и весьма сомнительно,—дабы не сказать рѣзче,—чтобы школьная исторія могла дать „будущимъ медикамъ, юристамъ, инженерамъ" „необходимый для общественной дѣятельности" „запасъ историческихъ знаній и навыковъ". Дѣйствительное „пониманіе государственныхъ и общественныхъ явленій современной жизни" такимъ только путемъ „достигнуто" быть не можетъ: слишкомъ сложна жизнь, и слишкомъ скудными передъ ея сложностью будутъ „историческіе знанія и навыки", сообщаемые средней школой. А главное—въ такой постановкѣ дѣла каждый учащійся опять разсматривается, не какъ живая человѣческая личность, могущая уже въ настоящемъ имѣть теоретическій и эмоціональный (художественный или патріотическій) интересъ къ прошлому или быть объектомъ внушенія такого интереса, а какъ „будущій медикъ, юристъ, инженеръ", которому нужно запастись тѣмъ-то и тѣмъ-то, необходимымъ ему въ предстоящей общественной дѣятельности.

Вѣроятно, и В. Я. Улановъ, признавая въ исторіи науку, изучающую нѣкоторый процессъ „въ связи съ причинами и условіями, дающими ему то или другое направленіе", въ опредѣленіи исторіи, какъ предмета преподаванія, опускаетъ эти „причины и условія", замѣняя связь съ ними „связью съ подготовкою пониманія современности", какъ о томъ было уже упомянуто выше [2]). Указанная „подготовка пониманія (или „къ пониманію") современности" въ соображеніяхъ автора играетъ очень видную роль [3]), но онъ только ставитъ эту подготовку въ связь съ главнымъ, а не принимаетъ за это главное.

Л. П. Кругликовъ-Гречаный, говоря объ облегченіи исторіей пониманія современности, указываетъ на то, что, во-первыхъ, настоя-

---

[1]) *Я. С. Кулжинскій*, стр. 15.

[2]) См. стр. 7.

[3]) *В. Я. Улановъ*, стр. 31, 32, 33, 38 и т. д.

щее „развивается изъ прошлаго и имъ почти всецѣло объясняется“, что, во-вторыхъ, „исторія сообщаетъ намъ такую широту взгляда, которая совершенно недостижима въ узкомъ кругу житейскихъ отношеній“, и что, въ-третьихъ, „благодаря изученію исторіи у насъ создается привычка и умѣніе быстро схватывать всю совокупность отношеній и правильно оцѣнивать вліяніе ихъ на общественную жизнь“, откуда и практическое значеніе—„избавленіе насъ отъ многихъ, подчасъ роковыхъ, ошибокъ“ [1]). Какъ и въ другихъ случаяхъ, Л. П. Кругликовъ-Гречаный преувеличиваетъ значеніе школьнаго курса исторіи въ смыслѣ доставленія „возможности болѣе или менѣе свободно разбираться въ различныхъ явленіяхъ современности“. Конечно, настоящее объясняется изъ прошлаго, но чтобы понимать современность, не только нужно ее самоё знать, но изъ исторіи знать неизмѣримо больше, чѣмъ можетъ дать средняя школа. Далѣе, приписывать школьному изученію исторіи сообщеніе такой широты взгляда, которая дала бы возможность „легко понимать настоящее въ самой его сущности“, какъ выражается авторъ, тоже—страшное преувеличеніе. Наконецъ, преувеличеніемъ же является будто бы прививаемое преподаваніемъ исторіи умѣніе правильно оріентироваться въ окружающей насъ жизни. Дѣло, однако, не въ этихъ преувеличеніяхъ.

Когда въ методикахъ исторіи заходитъ рѣчь о подготовкѣ учащихся посредствомъ преподаванія этого предмета къ пониманію жизни, дѣйствительности, современности, ея явленій, отношеній, вопросовъ, обыкновенно мыслится, что все это понадобится, когда ученики сами войдутъ въ жизнь и начнутъ свою общественную дѣятельность: вѣдь это только подготовка къ чему-то, что должно и можетъ быть достигнуто лишь въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что ближайшее прошлое, изъ котораго непосредственно вышло настоящее, узнаётся только въ самомъ концѣ курса. Между тѣмъ у учащихся уже въ настоящемъ есть и нѣкоторое знаніе современности съ извѣстнымъ его пониманіемъ, сообщаемымъ семьей, знакомыми, товарищеской средой, нѣкоторымъ чтеніемъ. Для подростковъ настоящее является не совершенно незнакомой имъ страной, въ которой они собираются путешествовать и къ путешествію въ которой подготовляются, узнавая о ней то или другое, а есть сама эта страна, въ которой они живутъ, съ которой давно постепенно начали знакомиться, понимать происходящее въ которой ихъ учатъ разговоры старшихъ, товарищескія бесѣды, попа-

---

[1]) Тамъ же, стр. 20—21.

дающія въ ихъ руки газеты, книги и пр. Разумѣется, школа должна готовить къ правильному пониманію, но учащіеся-то не хотятъ ждать, а хотятъ понимать теперь же то, что ихъ въ современности такъ или иначе заинтересовало, т. е. хотятъ не готовиться къ пониманію, а уже понимать, и тутъ уже сама окружающая среда, вся обстановка дѣлается школой жизни.

Да и что значитъ „понимать" въ примѣненіи къ дѣйствительности, къ современности, къ окружающимъ явленіямъ государственной жизни? Сводится ли это къ одному теоретическому выясненію себѣ, изъ какого прошлаго и какъ вышло наше настоящее, и какъ вся совокупность отношеній вліяетъ на общественную жизнь, а можетъ быть, даже и къ объективному прогнозу будущаго [1]), или же это пониманіе является не только или не столько теоретическимъ, но и эмоціональнымъ и практическимъ (утилитарнымъ), заключающимъ въ себѣ элементы положительной или отрицательной оцѣнки со стороны чувства и воли. Пониманіе современности, пока она остается современностью, т. е. не сдѣлалась еще прошлымъ, для насъ уже болѣе индифферентнымъ, всегда будетъ субъективнымъ и, поскольку оно оказываетъ вліяніе на общественную дѣятельность, партійнымъ. „Въ узкомъ кругу житейскихъ отношеній", изъ котораго на ребенка, на подростка, на юношу идутъ вліянія, опредѣляющія пониманіе „будущими медиками, юристами и инженерами" „государственныхъ и общественныхъ явленій современной жизни", дѣйствуютъ гораздо болѣе могущественные факторы, чѣмъ наилучшіе учебныя пособія и методы преподаванія, и цѣлью всей школы, а не одного преподаванія исторіи должно быть обогащеніе знаніями, навыками и умѣніями, необходимыми для того, чтобы не быть простыми резонаторами среды, поскольку послѣдняя менѣе всего считается съ правдою-истиною и съ правдою-справедливостью. Болѣе же всего было бы опасно дѣлать историческое преподаваніе орудіемъ подготовки къ пониманію современности, уже внося въ самое это преподаваніе то или другое ея догматическое пониманіе.

Наконецъ, если бы весь смыслъ обученія исторіи въ средней школѣ, какъ „прикладной науки", заключался въ пониманіи современности, даже будь оно исключительно теоретическимъ, объективнымъ, чисто объяснительнымъ, безоцѣночнымъ, и тогда пришлось бы

---

[1]) *Я. С. Кулжинскій* (стр. 13) даже „вполнѣ раздѣляетъ увѣренность нѣкоторыхъ нѣмецкихъ педагоговъ, что изученіе исторіи въ лучшемъ, конечно, случаѣ, можетъ дать своимъ адептамъ какъ бы предчувствіе будущаго".

устранить изъ числа несомнѣнныхъ элементовъ общаго образованія многое такое, что цѣнно само по себѣ, но не заключаетъ въ себѣ ничего для объясненія того или другого изъ даннаго намъ въ современности. Прошлое, само прошлое, взятое и внѣ его связи съ настоящимъ, можетъ быть предметомъ преподаванія, какъ можетъ быть и дѣйствительно бываетъ и предметомъ научнаго изслѣдованія. Не забудемъ, что изученіе исторіи въ средней школѣ кончается въ исходѣ второго десятилѣтія жизни, и что въ этомъ возрастѣ общее историческое образованіе, могущее продолжаться и дальше путемъ соотвѣтственнаго чтенія, не можетъ считаться сколько-нибудь законченнымъ, особенно во всемъ касающемся общественныхъ и государственныхъ явленій современной жизни.

Всѣмъ сказаннымъ я вовсе не имѣлъ намѣренія отрѣзать школьную исторію отъ дѣйствительной жизни. Напротивъ того, учащіеся всѣмъ ходомъ преподаванія должны убѣждаться въ томъ, что настоящее есть только продолженіе прошлаго, что для пониманія настоящаго важно знаніе прошлаго, что все это знаніе не можетъ быть дано однимъ школьнымъ преподаваніемъ, что большее знаніе и лучшее пониманіе пріобрѣтается только серьезнымъ чтеніемъ, что послѣднее можетъ и должно продолжаться и послѣ окончанія курса, и что, прежде всего, важно знать, а остальное все „приложится".

Свою „прикладную", съ оріентаціей въ сторону настоящаго, точку зрѣнія Я. С. Кулжинскій противопоставилъ другой, въ которой на первомъ планѣ стоитъ знаніе прошлаго самого по себѣ. Исходнымъ пунктомъ его разсужденія является положеніе, выработанное лѣтъ двадцать пять тому назадъ кружкомъ московскихъ преподавателей исторіи и не разъ приводившееся мною, какъ такое, съ которымъ слѣдуетъ считаться въ положительномъ смыслѣ [1]). Вотъ что гласитъ этотъ тезисъ: „цѣль преподаванія исторіи въ средней школѣ—развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни, которое должно выразиться въ пониманіи процесса историческаго развитія и значенія важнѣйшихъ его моментовъ и результатовъ, при чемъ не должны быть упускаемы изъ виду характеристики эпохъ, отдѣльныхъ національ-

[1]) Я говорю о педагогической секціи Московскаго общества распространенія техническихъ знаній, выработавшей нѣсколько общихъ тезисовъ о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Самые тезисы я приводилъ 1) въ замѣткѣ объ этомъ кружкѣ въ „Историческомъ Обозрѣніи" (1890 г., т. I, отд. I, стр. 269), 2) въ „Письмахъ къ учащейся молодежи о самообразованіи" (1894), 3) въ „Замѣткахъ о преподаваніи исторіи" и, можетъ быть, и еще гдѣ-нибудь.

ностей и личностей". Не касаясь пока „историческаго отношенія къ жизни", о которомъ рѣчь можетъ идти особо, останавливаюсь на понятіи „процесса историческаго развитія", или просто „историческаго процесса". Понимать этотъ терминъ можно въ двоякомъ смыслѣ: или въ смыслѣ „историческаго процесса, отвлеченно взятаго", какъ онъ вообще, т. е. вездѣ и всегда совершается [1]), или въ смыслѣ того конкретнаго историческаго процесса, который совершился въ дѣйствительности и привелъ къ современному состоянію человѣчества. Первое пониманіе будетъ номологическимъ, второе—идіографическимъ. Мы видѣли, что нѣкоторые методисты говорятъ объ изученіи историческаго процесса въ этомъ общемъ смыслѣ [2]), и, повидимому, тотъ же смыслъ готовы вкладывать въ тезисъ кружка московскихъ историковъ иные его критики. „Вѣдь пониманіе процесса историческаго развитія можно достигнуть и изученіемъ исторіи Ванскаго царства", говоритъ Я. С. Кулжинскій [3]) и тутъ же ссылается на Н. М. Коваленскаго, высказавшаго такую мысль: „надо показать историческіе процессы, а они есть во всякомъ отдѣлѣ исторіи; можно было бы показать ихъ на исторіи Мексики или Китая" [4]). Но въ такомъ ли отвлеченномъ смыслѣ употребили московскіе педагоги интересующій насъ терминъ?

Я полагаю, что нѣтъ, и во всякомъ случаѣ, цитируя приведенный тезисъ, лично я понималъ терминъ не въ абстрактномъ смыслѣ историческаго процесса вообще, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, а въ конкретномъ смыслѣ дѣйствительно протекшей въ прошломъ исторіи. На это указываетъ упоминаніе объ отдѣльныхъ эпохахъ, національностяхъ, личностяхъ. Эпохи могутъ быть различаемы только въ дѣйствительно протекшемъ процессѣ, и въ этомъ же значеніи, конечно, могло быть употреблено выраженіе „моменты", которое здѣсь вовсе не равносильно стадіямъ эволюціи, отвлеченно взятой. Еще болѣе о томъ же свидѣтельствуетъ ссылка на національности, характеристикамъ которыхъ, какъ и эпохъ, придается важное значеніе: отвлеченно взятый историческій процессъ совершается и въ средѣ, отвлеченно взятой, т. е. въ отвлеченно взятомъ обществѣ, а тутъ идетъ

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ я беру его, напримѣръ, въ своей книгѣ „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи".

[2]) См. выше, стр. 9—15.

[3]) *Я. С. Кулжинскій*, стр. 13.

[4]) *М. Н. Коваленскій*. О методахъ преподаванія исторіи въ средней школѣ („Труды курсовъ для учителей средней школы", 1907), стр. 165.

рѣчь о характеристикѣ отдѣльныхъ національностей, которыя участвовали въ конкретномъ, не номологически, а идіографически изучаемомъ процессѣ. Тотъ же смыслъ имѣетъ рекомендація давать характеристики и историческихъ личностей, отдѣльныхъ, значитъ, индивидуумовъ съ собственнымъ именемъ у каждаго, дѣйствовавшихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ опредѣленныя времена, тогда какъ въ историческомъ процессѣ, отвлеченно взятомъ, о личностяхъ можно говорить только въ общемъ, такъ сказать, алгебраическомъ значеніи. Разъ, слѣдовательно, историческій процессъ берется здѣсь съ его эпохами, съ участвовавшими въ немъ народами, съ отдѣльными личностями, заслуживающими быть включенными въ курсъ исторіи, то и выраженіе „важнѣйшіе его (т. е. реальнаго историческаго процесса) моменты и результаты“ нужно брать не въ отвлеченномъ смыслѣ общихъ этаповъ развитія, которые можно было бы прослѣдить на исторіи любой страны, а въ конкретномъ значеніи пережитыхъ и того, что онѣ дали, что отъ нихъ осталось. „Пониманіе значенія важнѣйшихъ моментовъ и результатовъ историческаго процесса, говоритъ Я. С. Кулжинскій, можно получить и получается въ школахъ нѣмецкихъ и французскихъ безъ знакомства съ исторіей Россіи“ [1]). Но я думаю, что и для нѣмца, и для француза не только во всемірной, но и въ ихъ отечественной исторіи есть такіе моменты, когда приходится вспоминать и о Россіи, о ея образованіи, о ея вступленіи въ число европейскихъ государствъ, объ участіи ея въ международныхъ событіяхъ европейскихъ и міровыхъ, въ частности, напримѣръ, о ея роли въ борьбѣ съ Наполеономъ I, объ участіи въ священномъ союзѣ, въ міровой войнѣ начала XX вѣка. Все это и многое другое въ томъ же родѣ относится къ важнѣйшимъ моментамъ историческаго процесса, какъ онъ до сихъ поръ совершался, но и по отношенію къ его результатамъ историческое знаніе нѣмецкаго или французскаго ученика было бы очень недостаточнымъ, если бы ему такъ-таки ничего не было сообщено о пріобщеніи Россіи къ европейской цивилизаціи и о ея культурной роли въ Азіи, о содѣйствіи, оказанномъ ею освобожденію балканскихъ христіанскихъ народовъ отъ турецкаго ига, о главнѣйшихъ внутреннихъ ея преобразованіяхъ въ новѣйшее время въ родѣ освобожденія крестьянъ или введенія представительнаго строя.

Что составители тезиса, критикуемаго почтеннымъ авторомъ, имѣли

---

[1]) *Я. С. Кулжинскій*, стр. 14.

въ виду конкретный, а не абстрактный историческій процессъ, доказывается еще тѣмъ, что указанная ими цѣль преподаванія исторіи, по ихъ мнѣнію, „дѣлаетъ единственно возможною всемірно-историческую точку зрѣнія при выборѣ и распредѣленіи матеріала“ [1]). Что это значитъ? Это значитъ, что историческій процессъ, историческое развитіе въ критикуемомъ Я. С. Кулжинскимъ тезисѣ берется въ смыслѣ, именно, всемірной (универсальной) исторіи съ ея эпохами и результатами, съ ея отдѣльными народами. Къ понятію всемірно-исторической точки зрѣнія я еще вернусь въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь ограничусь указаніемъ на то, что если бы московскіе педагоги и понимали въ критикуемомъ тезисѣ процессъ историческаго развитія отвлеченно, то они выдвинули бы не всемірно-историческую точку зрѣнія, а, быть можетъ, какъ разъ ту самую сравнительно-историческую, которую рекомендуетъ, какъ мы видѣли, нашъ критикъ [2]). Рекомендуетъ, прибавлю, но не выдерживаетъ, когда рядомъ съ матеріаломъ изъ всеобщей исторіи для сравненія съ явленіями исторіи русской беретъ не для сравненія, а для указанія тѣхъ вліяній и воздѣйствій, которымъ извнѣ подвергалась русская исторія, такіе факты, какъ торговля Европы съ Азіей, византійско-арабскія отношенія, дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія, новое направленіе торговли въ періодъ крестовыхъ походовъ, Ганзейскій союзъ, утвержденіе монашеско-рыцарскихъ орденовъ на балтійскомъ побережьѣ, паденіе Византіи, польско-шведскія отношенія, католическая реакція и т. п. [3]). Для составителей критикуемаго тезиса русская исторія есть только нѣкоторая часть всемірно-историческаго процесса, конкретно даннаго въ прошломъ, а критикъ представилъ себѣ дѣло такъ, какъ будто въ тезисѣ рѣчь идетъ объ историческомъ процессѣ, отвлеченно взятомъ, по отношенію къ которому русская исторіи будетъ лишь однимъ частнымъ случаемъ изъ великаго множества другихъ.

Разъ формулировка тезиса кружка московскихъ историковъ дала поводъ для такого недоразумѣнія, ее нельзя назвать удачной, хотя бы мысль, содержащаяся въ тезисѣ, и нужно было признать правильной. „Процессъ историческаго развитія“ есть понятіе отвлеченное, тогда какъ въ тезисѣ имѣлся въ виду не историческій процессъ вообще въ его отвлеченной сущности, а тотъ конкретный процессъ, который по старой традиціи принято называть всемірно-историческимъ. Въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 14.

[2]) См. выше, стр. 13—14.

[3]) *Я. С. Кулжинскій*, стр. 85—87

этомъ направленіи во избѣжаніе недоразумѣній я и передѣлалъ бы тезисъ, замѣнивъ „процессъ историческаго развитія“ „всемірно-историческимъ процессомъ“ [1]).

Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что разбираемый тезисъ занимаетъ въ коллективной формулировкѣ общаго взгляда на преподаваніе исторіи въ средней школѣ не первое мѣсто. Ему предшествуетъ другой тезисъ, гласящій слѣдующее: „Курсъ исторіи въ средней школѣ, при сохраненіи необходимой для достиженія общаго образованія связи съ другими предметами, предполагается, какъ нѣчто цѣльное, въ себѣ самомъ заключающее опредѣленныя задачи, помимо примѣненія сообщаемаго матеріала къ дальнѣйшимъ спеціальнымъ занятіямъ“. Отмѣчаю здѣсь вполнѣ съ моей точки зрѣнія пріемлемое указаніе на то, что школьный курсъ исторіи долженъ заключать въ самомъ себѣ свою цѣль, отнюдь не въ будущихъ научныхъ занятіяхъ учащихся, но за то въ тѣсной связи съ другими учебными предметами, сообщающими родственныя знанія (географіей и исторіей литературы, равно какъ съ исторіей церкви). На этомъ пока я и остановлюсь.

Н. Карѣевъ.

---

[1]) Что мое толкованіе вѣрно, это подтверждается тезисомъ 6 (и послѣднимъ), въ которомъ рекомендуется, въ интересахъ сообщенія учащимся пониманія процесса историческаго развитія, „признать наилучшей канвой для группировки матеріала внѣшне-политическую исторію“, а все остальное связывать „съ выдающимися моментами внѣшней жизни и судьбой замѣчательныхъ личностей“.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ШВАРЦЪ [1]).

Разсмотрѣвъ жизнь и дѣятельность А. Н—ча, я постараюсь описать его какъ человѣка, педагога и ученаго. Не знаю, на сколько я могу быть объективнымъ въ этомъ случаѣ. Я зналъ А. Н—ча въ теченіе 32 лѣтъ: впервые я узналъ его въ 1882 г., когда я былъ студентомъ 1-го курса, а А. Н. профессоромъ. Уже съ первыхъ лекцій онъ произвелъ на меня самое глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи я узналъ его ближе и, наконецъ, мы стали друзьями. Я не осмѣлился бы назвать А. Н—ча своимъ другомъ, если бы онъ самъ много разъ не называлъ меня этимъ именемъ [2]). Не знаю, на чемъ основана была его дружба ко мнѣ; но моя дружба къ нему основана была прежде всего на его высокихъ нравственныхъ достоинствахъ [3]). Скажу ко-

---

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1916 г.

[2]) Впервые, кажется, онъ назвалъ меня такъ въ надписи на своей докторской диссертаціи: даря мнѣ экземпляръ этой книги 20-го іюня 1891 г., онъ написалъ на заглавномъ листѣ: „Дорогому ученику, товарищу и другу отъ искренно любящаго автора". Въ рѣчи своей на латинскомъ языкѣ, написанной имъ для произнесенія на моемъ докторскомъ диспутѣ 13-го февраля 1892 г., онъ пожелалъ объ этомъ упомянуть публично въ такихъ словахъ: Inter nos autem spero, fore, ut ea amicitia et studiorum communio, qua per multos iam annos coniuncti sumus, in posterum quoque conservetur.

[3]) А. Н. очень любилъ Аристотеля. Такъ, если подвести нашу дружбу подъ классификацію дружбы, сдѣланную Аристотелемъ въ „Никомаховой Этикѣ", всего ближе будетъ ее опредѣлить какъ φιλία καθ' ὑπεροχήν между οἱ ἀγαθοί: не могу, конечно, причислить себя къ οἱ ἀγαθοί, но А. Н. въ моихъ глазахъ былъ ἀνὴρ ἀγαθός, и его ἀρετή привлекала меня; думаю, что и онъ считалъ меня такимъ. По Аристотелю, ἡ τοιαύτη φιλία μόνιμος εὐλόγως ἐστίν: нашу 32-лѣтнюю дружбу тоже можно назвать μόνιμος. Въ такой дружбѣ, по мнѣнію Аристотеля, οὐκ ἔστιν ἐγκλήματα οὐδὲ μάχαι: и наша дружба за весь этотъ длинный періодъ не омрачилась ни одной ссо-

ротко: за всѣ 32 года я не могъ никогда замѣтить въ А. Н. ни одной дурной черты, ни одного низкаго поступка. Его личность, нѣсколько суровая снаружи, производила своимъ благородствомъ какое-то обаяніе на людей, близко его знавшихъ [1]). Я уже не говорю о себѣ: на меня, студента 1-го курса, онъ произвелъ, какъ я сказалъ, самое глубокое впечатлѣніе. О томъ же свидѣтельствуетъ и другой ученикъ А. Н—ча, авторъ его некролога въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1915 г. № 5, С. К., гдѣ онъ говоритъ, что его „могучая фигура, ясная и опредѣленная, однимъ внушала не только любовь, но, можно сказать, обожаніе, другимъ же, заклейменнымъ его холоднымъ пренебреженіемъ чистаго человѣка къ сомнительнымъ «дѣльцамъ»,—яростную ненависть“.

Я укажу на нѣкоторыя черты его характера и факты, быть можетъ, мало извѣстные большой публикѣ. Скажу о его отношеніи къ ученикамъ. Онъ былъ строгъ къ своимъ ученикамъ, да и вообще къ своимъ подчиненнымъ, т. е. требовалъ отъ нихъ исполненія долга [2]). Но посмотримъ, каковы были чувства къ ученикамъ и подчиненнымъ у этого строгаго педагога и начальника. Въ 1900 г., когда онъ оставилъ профессорскую дѣятельность въ Москвѣ и былъ назначенъ попечителемъ въ Ригу, пять студентовъ классическаго отдѣленія, бывшихъ его учениковъ, послали ему привѣтственную телеграмму. По поводу этого А. Н. написалъ мнѣ 2-го марта 1900 г. изъ Петербурга, гдѣ онъ тогда временно находился, слѣдующее письмо: „Я получилъ сегодня — — — телеграмму, содержащую привѣтствія отъ бывшихъ членовъ моего греческаго семинарія. Я не знаю, куда адресовать отвѣтъ на нее, и прошу Васъ поэтому пере-

---

рой, ни одной размолвкой. Это потому, что она не была дружбой διὰ τὸ χρήσιμον, которая, по словамъ Аристотеля, ἐγκληματική. Ἐπ' ὠφελείᾳ γὰρ χρώμενοι ἀλλήλοις ἀεὶ τοῦ πλείονος δέονται, καὶ ἔλαττον ἔχειν οἴονται τοῦ προσήκοντος καὶ μέμφονται ὅτι οὐχ ὅσων δέονται τυγχάνουσιν ἄξιοι ὄντες· οἱ δ' εὖ ποιοῦντες οὐ δύνανται ἐπαρκεῖν τοσαῦτα ὅσων οἱ πάσχοντες δέονται (Aristot. Eth. Nic. Θ, 1162 b 16 sq.).

[1]) Укажу на одинъ мелочной, но характерный фактъ: одинъ изъ учениковъ Московской 5-й гимназіи, графъ ***, во время директорства тамъ А. Н—ча, старался усвоить себѣ его манеру писать, хотя почеркъ А. Н—ча былъ далеко не красивъ.

[2]) Кстати сказать, въ старинныхъ формулярныхъ спискахъ есть графа съ такимъ вопросомъ (я выписываю этотъ вопросъ изъ формулярнаго списка отца А. Н—ча, составленнаго въ 1848 г.): „не былъ ли замѣченъ слабымъ въ отправленіи обязанностей службы и по званію начальника, или, вопреки должной взыскательности по службѣ, не допустилъ ли между подчиненными какихъ либо безпорядковъ или неисправностей?“ На этотъ вопросъ данъ такой отвѣтъ: „слабымъ въ

дать имъ отъ моего имени, что я до слезъ тронутъ ихъ вниманіемъ и ихъ добрымъ ко мнѣ отношеніемъ. Для каждаго преподавателя такое отношеніе къ нему его ученика дорого, но если бы они знали меня ближе, какъ человѣка, они повѣрили бы мнѣ, что никакая награда, никакое отличіе никогда не были для меня дороже, никогда не могутъ быть даже поставлены на ряду съ сочувствіемъ молодыхъ людей, для которыхъ я по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ работалъ. Я знаю, конечно, что уже въ силу нашихъ университетскихъ порядковъ я не могъ приносить имъ большой пользы, но за то, что они оцѣнили добрыя мои намѣренія, я несказанно благодаренъ имъ. Искренно и глубоко благодарю ихъ. Давно уже ничто не радовало меня такъ, какъ ихъ добрая телеграмма".

Всѣмъ знавшимъ поближе А. Н-ча было хорошо извѣстно, что онъ всегда готовъ помочь и дѣломъ и словомъ своимъ бывшимъ ученикамъ (конечно, тѣмъ, которыхъ онъ цѣнилъ), всегда готовъ пристроить ихъ на преподавательское мѣсто и что на его обѣщаніе всегда можно положиться: онъ никогда не давалъ обѣщанія ради того лишь, чтобы отдѣлаться отъ докучливаго человѣка въ данную минуту. Даже совсѣмъ постороннимъ ему лицамъ онъ часто оказывалъ поддержку: объ этомъ свидѣтельствуютъ благодарственныя письма, хранящіяся у семьи А. Н-ча [1]). Не могу умолчать также о постоянномъ необыкновенно добромъ (можно сказать, нѣжномъ) чувствѣ А. Н-ча ко мнѣ лично, своему ученику. Когда я перечитываю теперь его письма ко мнѣ, я прямо поражаюсь, какъ много любви и мягкости было у него ко мнѣ, совершенно постороннему для него человѣку! Очень обычный фактъ, что между бывшимъ учителемъ и ученикомъ являются натянутыя и иногда прямо враждебныя отношенія. Между мною и А. Н-чемъ было какъ разъ наоборотъ: кажется, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ теплѣе становилась наша дружба, испытанная годами. Онъ съ полной благожелательностью направлялъ мои первые шаги, когда я вступалъ на ученое поприще, оказывалъ мнѣ поддержку въ служебной моей карьерѣ, радовался моимъ успѣхамъ, поощрялъ мои научные труды. Въ письмахъ его ко мнѣ безпрестанно попадаются фразы на эту

отправленіи обязанностей службы замѣченъ не былъ, и неисправностей между подчиненными не допускалъ". Таковъ идеалъ начальника. Эта характеристика вполнѣ приложима къ А. Н—чу.

[1]) Наконецъ „сердечная любовь" А. Н-ча къ П. А. Столыпину, о которой я упоминалъ выше, представляетъ, надо думать, такое рѣдкое явленіе среди министровъ, что уже и эта черта рисуетъ его какъ человѣка необыкновеннаго.

тему. Я не сталъ бы и упоминать о такихъ фразахъ, если бы онѣ исходили отъ кого нибудь другого: ихъ можно было бы счесть за ничего не стоящій комплиментъ. Но А. Н., какъ человѣкъ сильный духомъ, никогда не лгалъ [1]). Я приведу изъ многихъ мѣстъ на эту тему лишь одно изъ письма отъ 22 декабря 1910 г.: „Я всегда съ отмѣннымъ удовольствіемъ и радостью встрѣчаю Ваши работы и, говоря словами Пушкина, ...какъ нянька старая, горжусь—Вами".

Выше я привелъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ А. Н-ча съ отзывомъ его о недостаточной подготовкѣ преподавателей Рижскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и любитъ ихъ. Вотъ что, напр., онъ говоритъ въ письмѣ изъ Риги отъ 30 марта 1901 г.: „Болѣе всего тревожитъ меня нерасположеніе не только общества, но и правительства къ педагогамъ. Кто только ихъ не ругаетъ! А вѣдь имъ же придется проводить въ жизнь затѣи новыхъ реформаторовъ. Пожалуй по теперешнимъ обстоятельствамъ, никто и не пойдетъ на эти должности. Народные учителя бѣгутъ въ цѣловальники, а учителя средней школы разбѣгутся по канцеляріямъ, на частную службу и т. д. Кто же учить будетъ?" Будучи министромъ, А. Н. провелъ законъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и старался обезпечить учителей частныхъ учебныхъ заведеній отъ недобросовѣстности содержателей этихъ заведеній. По этому поводу интересно вспомнить слова А. Н-ча въ его рѣчи, сказанной имъ въ государственной думѣ 10-го іюня 1908 г.: „А вотъ, господа, когда приходится попечителю,—а я былъ въ такомъ положеніи—переживать ужасъ, видя преподавателей въ какомъ-нибудь маленькомъ городишкѣ оставленныхъ безъ копѣйки этими содержателями, тогда говорятъ министерству:

---

[1]) Я знаю правдивость и прямоту А. Н-ча и по собственному долголѣтнему знакомству съ А. Н.; объ этомъ же говоритъ онъ и самъ въ письмѣ отъ 14-го іюня 1911 г.: „Вы знаете, какъ мнѣ противны словеса лукавствія". Не любилъ онъ поэтому и пышныхъ фразъ: такъ, по поводу статьи одного изъ профессоровъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" онъ говоритъ въ письмѣ отъ 1 апрѣля 1906 г.: „И какъ это не стыдно людямъ писать такія широковѣщательныя, но бѣдныя смысломъ фразы". За свою правдивость А. Н-чу нерѣдко приходилось переносить разныя непріятности, а во время своего попечительства въ Ригѣ и Варшавѣ онъ подвергался опасности быть уволеннымъ за свое несогласіе во мнѣніяхъ съ министромъ. Я уже приводилъ выдержки изъ его писемъ на эту тему; приведу и еще слѣдующее (изъ письма отъ 25 дек. 1901 г.): „Вообще В-ій со мною очень хорошъ, но споримъ мы съ нимъ не на животъ, а на смерть и расходимся мы съ нимъ рѣшительно по всѣмъ пунктамъ".

что же вы думали, когда разрѣшали это учебное заведеніе и почему вы не позаботились объ этихъ преподавателяхъ и заранѣе не обезпечили ихъ хотя бы на годъ, когда они найдутъ себѣ какое-нибудь другое занятіе?"

А. Н. вообще былъ педагогомъ по призванію и до конца дней своихъ интересовался школьными вопросами, и притомъ интересовался не изъ холоднаго любопытства, а онъ волновался о школѣ, съ болью въ сердцѣ переживалъ ея нестроенія. О томъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на занятіе педагога, свидѣтельствуетъ напр. тотъ фактъ, что онъ къ урокамъ гимназіи всегда готовился. „Вы можете повѣрить мнѣ", говорилъ онъ однажды мнѣ, бывши директоромъ Московской 5-й гимназіи, „что я и экспромптомъ переведу Цезаря; но я считаю своимъ долгомъ всегда просмотрѣть заранѣе заданный урокъ,—уже для того, чтобы сообразить, что надо объяснить ученикамъ и чего не надо, въ какой именно формѣ объяснить и т. д.". Объ этомъ же говоритъ и С. К. въ некрологѣ А. Н-ча въ „Моск. Вѣд.".

Будучи отличнымъ педагогомъ-практикомъ, А. Н. прекрасно зналъ и педагогическія теоріи. По этому поводу я помню такой случай. Однажды, въ бытность его профессоромъ, въ 90-хъ годахъ, проф. Н. В. Бугаевъ началъ передъ нимъ развивать какой-то составленный имъ проектъ устройства школьнаго преподаванія и предлагалъ попробовать его на практикѣ. Въ отвѣтъ на это, А. Н., нисколько не задумываясь, сказалъ: „Зачѣмъ же пробовать это на практикѣ? Приблизительно такой типъ школы имѣется въ Испаніи и даетъ очень плохіе результаты". Я думаю, не многіе изъ педагоговъ могутъ безъ справокъ сказать, какой типъ школы въ Испаніи. Но тѣмъ не менѣе къ теоретической педагогикѣ онъ относился довольно равнодушно. „Учитель долженъ хорошо знать свой предметъ", не разъ говорилъ онъ мнѣ, „а тогда онъ съумѣетъ и хорошо преподать его". Это равнодушное, если не сказать—отрицательное, отношеніе къ педагогикѣ выражается и въ слѣдующихъ словахъ его рѣчи, произнесенной въ госуд. думѣ: „Одинъ англійскій ученый сказалъ, что если бы на одну чашку вѣсовъ положили весь тотъ вздоръ, который говорился по какой бы то ни было наукѣ, а на другую только тотъ вздоръ, который въ разныя времена былъ наговоренъ по части педагогіи, то вторая чашка вѣсовъ такъ сильно перевѣсила бы первую, что первая немедленно повысилась бы такъ высоко, какъ только можно".

Какъ горячо принималъ къ сердцу А. Н. школьное дѣло, видно

изъ его собственныхъ словъ. Въ письмѣ отъ 14 іюня 1901 г., разсказывая мнѣ о комиссіи по вопросамъ средней школы, собранной въ министерство П. С. Ванновскаго, онъ пишетъ: „Классиковъ [1]) намъ теперь не только не нужно, но еще съ августа 1901 г. приказано выгнать изъ каждой гимназіи по одному, такъ какъ уже въ нынѣшнемъ году 23 урока древнихъ языковъ выбрасываются, а съ августа 1902 г. совсѣмъ уничтожается греческій языкъ. Какъ я ни ратовалъ, какихъ аргументовъ ни приводилъ въ предупрежденіе такой жестокой мѣры, меня не послушали и, кромѣ меня и Никитина [2]), всѣ просили генерала торопиться. Классицизму нанесенъ опять ударъ и, кажется, похуже, чѣмъ имп. Николаемъ I-мъ въ 52 году. Разница только въ томъ, что тогда профессора Моск. университета (это видно изъ прекрасной статьи Грановскаго) смотрѣли на эту мѣру, какъ на торжество обскурантизма, а теперь профессоръ и деканъ — — — университета [3]) былъ главнымъ пособникомъ обскурантизма, долгавшись до увѣренія, будто онъ самъ при 16 часахъ латинскаго, выучился свободно читать Горація и Тацита, и эта ложь была встрѣчена съ сочувствіемъ. Впрочемъ, что онъ ни говорилъ, все была ложь. При всемъ моемъ спокойствіи я, конечно, не вытерпѣлъ и, къ сожалѣнію, говорилъ рѣзче, чѣмъ хотѣлъ. Говорю: къ сожалѣнію, ибо знаю, что первый признакъ образованнаго человѣка—это пониманіе, съ кѣмъ имѣешь дѣло. А дѣло приходилось имѣть по большей части съ — — —. Теперь, сидя въ Ригѣ, я, само собою разумѣется, посмѣиваюсь надъ своимъ азартомъ, но въ данную минуту, долженъ откровенно сказать, волновался до того, что не могъ ѣсть, не могъ спать, и успокоился, только подавъ рѣзкую записку на 4 большихъ страницахъ моего убористаго письма. Сначала меня за нее, вѣроятно, думали просто на просто согнать (генералъ шутить не любитъ, не смотря на видъ ягненка), но не рѣшились, кажется, сочтя это неловкимъ при самомъ началѣ правленія, провозгласившаго пекторально-мармеладное отношеніе къ служащимъ. Въ общемъ дѣло скверно. Въ искалѣченныхъ реальныхъ училищахъ, въ которыя превратятъ всѣ среднія школы, будетъ только латинскій въ количествѣ 16 часовъ (на греческій, допускаемый факультативно, часовъ не дано); въ 5 искалѣченныхъ „классическихъ" гимназіяхъ лат. будутъ учить 30 часовъ, греч. 20 (по 5 ч., начиная съ IV кл.). Вамъ теперь бу-

[1]) Т. е. преподавателей древнихъ языковъ.

[2]) Разумѣется академикъ П. В. Никитинъ.

[3]) Разумѣется нынѣ уже покойный профессоръ.

детъ легко такъ же, какъ нѣкогда Пѣховскому: надо будетъ начинать съ обученія чтенію. Но это не важно. Важно то, что при многопредметности въ школѣ уровень образованія понизится опять до колоссальныхъ размѣровъ. Программы кадетскихъ корпусовъ куда лучше, особенно новыя. Но общество ржетъ отъ радости и оно, кажется, теперь будетъ довольно. Учиться будутъ мало, гимнастикой и военной дрессировкой будутъ заниматься много, будетъ ручной трудъ (въ какихъ только помѣщеніяхъ?) и „экскурсіи" еженедѣльно (куда только ходить напр. изъ Вязьмы или города Бѣлаго, кругомъ окруженнаго болотами?). О томъ, откуда взять учителей для всѣхъ этихъ предметовъ, говорили около 3 часовъ, но только говорили. Не договорились ни до чего, кромѣ того, что Россія, молъ, велика: захочетъ, все будетъ. Нашлись же судьи! Вообще говорить о коммиссіи собственно нельзя. Все было предрѣшено, и нагнанные статисты должны были только поддакивать и все одобрять. Мой голосъ всякій разъ покрывался самыми энергическими прославленіями отечествовѣдѣнія, законовѣдѣнія, біологіи, и удивлялись только узости филолога, не понимающаго такихъ хорошихъ вещей. Каковы программы, можете судить по слѣдующему образчику: — — —. Легкомысліе, безтолочь, безуміе такое, что я до сихъ поръ прійти въ себя не могу. Однимъ словомъ, все рѣшили въ 8 засѣданій". Въ письмѣ отъ 31 августа 1901 г. онъ говоритъ: „лѣтомъ не особенно доволенъ: читалъ мало и даже не кончилъ отчета о пребываніи въ Парижѣ [1]). Да и то сказать, очень ужъ о дорогомъ мнѣ дѣлѣ пишу и очень много сдѣлалъ по немъ наблюденій. Даже несмотря на обычную мою сжатость, расписался". Въ письмѣ отъ 7 декабря 1906 г. А. Н., уже не бывшій тогда на службѣ министерства народнаго просвѣщенія, говоря о нестроеніяхъ школы высшей и средней, между прочимъ пишетъ: „Иногда нервничаю я, котораго все, что касается судьбы нашей молодежи, по прежнему волнуетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Сознаю глупость этого, но подѣлать съ собой ничего не могу". Въ письмѣ отъ 17-го февраля 1907 г. онъ повторяетъ эту же мысль: „Не могу Вамъ передать, какъ болитъ мое сердце по университетамъ и гимназіямъ, въ которыхъ, собственно говоря, то же дѣлается, по крайней мѣрѣ въ здѣшнихъ. Какъ ни какъ, а правъ былъ Ломоносовъ, предчувствовавшій, что «не благословилъ Богъ Россію быть цивилизованной»"...

[1]) Разумѣется командировка А. Н-ча на Парижскую выставку въ 1901 г.

Московскій университетъ оставался дорогъ А. Н-чу до конца его жизни. Онъ часто въ своихъ письмахъ прямо называетъ его „дорогой университетъ". Такъ въ письмѣ изъ Варшавы отъ 8-го ноября 1902 г. онъ спрашиваетъ меня: „Что творится въ дорогомъ университетѣ?" Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 24-го ноября 1902 г. онъ говоритъ: „Отъ всей души благодаренъ Вамъ за то, что отозвались: мнѣ такъ пріятно получить вѣсточку изъ Москвы и именно изъ университета". Въ письмѣ изъ Варшавы отъ 25-го іюня 1903 г. онъ говоритъ: „А когда предполагается юбилей университета [1])? Я бы охотно пріѣхалъ на него. Любовь у меня къ университету остается прежняя и время, проведенное въ университетѣ, я все-таки считаю однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни". Въ письмѣ отъ 23-го февраля 1908 г. онъ, будучи уже министромъ, вспоминаетъ „былые, счастливые годы моего профессорства".

Да и вообще, А. Н., какъ истинный педагогъ, преподавательскую дѣятельность свою цѣнилъ гораздо выше административной. Такъ, въ письмѣ изъ Варшавы отъ 18-го іюля 1902 года онъ говоритъ: „Если я промѣнялъ должность по учебной части на административную, то сдѣлалъ это для лучшаго устройства своихъ, а лучше гдѣ же будутъ они устроены?" Въ письмѣ изъ Варшавы отъ 26-го декабря 1902 г. онъ говоритъ: „Вы совершенно вѣрно замѣчаете, что я тоскую по Москвѣ или, что еще вѣрнѣе, по прежней, обычной дѣятельности, какъ университетской, такъ и гимназической. Большой грѣхъ (относительно меня, конечно) совершилъ Боголѣповъ, вынудивъ меня уйти изъ 5 гимназіи. 1887—1897 годы были самымъ счастливымъ временемъ моей жизни, и только въ нихъ я находилъ для себя полное нравственное удовлетвореніе. Сверху дѣлать можно очень мало; чтобы видѣть успѣхъ, надо стоять у самого дѣла, а быть учителемъ мнѣ придется развѣ при концѣ моей жизни, когда, пожалуй, и силъ не будетъ". Въ письмѣ изъ Варшавы отъ 17-го августа 1905 г., которое я приводилъ уже выше, А. Н., говоря о своемъ предстоящемъ переходѣ въ попечители Московскаго округа, между прочимъ говоритъ: „я человѣкъ небогатый, стремленій къ почестямъ никогда не имѣлъ и, если бы не семья, никогда и не думалъ бы смѣнять профессорскую должность на что бы то ни было". Въ письмѣ отъ 11-го августа 1913 г., говоря объ одномъ изъ своихъ зложелателей, А. Н. пишетъ: „Я его никогда не видѣлъ — — — и, кажется, ни-

[1]) А. Н. разумѣетъ 150-лѣтній юбилей Московскаго университета.

когда ему зла не дѣлалъ. Вотъ она, скверная сторона власти: не даромъ я ее всегда ненавидѣлъ и всегда былъ счастливъ отдѣлываться отъ нея. Bene qui latuit bene vixit... Мнѣ этого не дозволяла необходимость содержать большую семью. Это не мѣшаетъ мнѣ преклоняться передъ авторитетомъ Эпикура".

Каковъ былъ педагогическій идеалъ А. Н-ча? Какъ мы уже видѣли выше изъ его объяснительной записки къ проекту университетскаго устава, въ воспитательную роль университета онъ не вѣрилъ. Въ дополненіе къ этому приведу слѣдующую выдержку изъ письма А. Н-ча изъ Риги отъ 25-го декабря 1901 г.: „Можетъ быть, *** и правъ, говоря, что профессора могутъ быть руководителями (хотя и это надо понимать cum grano salis), но туторами и воспитателями или просто педелями они никогда не будутъ. Я въ воспитательную роль преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній не очень-то вѣрю. Само обученіе можетъ и должно быть воспитательнымъ, но на роль помощника классныхъ наставниковъ не всякій годится. Въ Межевомъ институтѣ насмотрѣлся я на этихъ присяжныхъ воспитателей: изъ 10 одинъ еще кое-что дѣлаетъ; остальные—только портятъ... Это мнѣніе, однако, теперь считается еретическимъ, и мои заключенія по поводу отзывовъ Юрьевскаго университета, Рижскаго политехническаго института и Юрьевскаго ветеринарнаго института считаются чисто революціонными, такъ какъ я признаю высшія учебныя заведенія только разсадниками научнаго образованія, а не добрыхъ нравовъ".

Что касается древнихъ языковъ, то А. Н. былъ горячимъ поклонникомъ ихъ. „Сами творенія древнихъ", говоритъ онъ въ письмѣ отъ 25-го марта 1907 г., „sind herrlich wie am ersten Tag, и ихъ никогда не перестанутъ изучать, даже, чего добраго, и русскіе". Классической филологіей занимался онъ, какъ мы видѣли, во всѣ періоды своей жизни: эти занятія служили ему отдыхомъ отъ его служебныхъ обязанностей. Само собой разумѣется, что идеаломъ средней школы для него была школа классическая. Въ своемъ докладѣ, напечатанномъ въ „Трудахъ Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ", С.-Пб. 1900, Вып. VI, стр. 210 и сл., онъ прямо высказываетъ это мнѣніе: „Подобно моему дорогому другу Ѳ. Е. Коршу и я принадлежу къ убѣжденнымъ приверженцамъ строгой классической школы". Однако онъ былъ настолько объективенъ, что не переносилъ своихъ личныхъ чувствъ на общественное дѣло и „не отрицалъ возможности

построить среднюю образовательную школу и на иныхъ основаніяхъ" (слова его въ томъ же докладѣ). „Противъ возможности добропорядочной общеобразовательной школы", продолжаетъ онъ, „въ которой, наряду съ математикой, роль первой скрипки, говоря словами Т. Моммсена, игралъ бы языкъ французскій, а второе мѣсто занималъ языкъ нѣмецкій или англійскій,—я принципіально возражать бы не рѣшился, и наблюденія, которыя я имѣлъ возможность сдѣлать надъ 9-классной нѣмецкой oberrealschule и надъ enseignement moderne французскихъ лицеевъ, убѣдили меня, что абитуріенты этихъ школъ по части общаго развитія, поскольку это общее развитіе сказывается въ сочиненіяхъ на родномъ языкѣ—т. е. въ зрѣлости мыслей, толковости изложенія и умѣньѣ выводить умозаключенія изъ правильно поставленныхъ посылокъ—мало чѣмъ уступаютъ абитуріентамъ нѣмецкихъ гимназій. И вотъ почему, сказать къ слову, въ краткомъ отвѣтѣ, данномъ мной на одинъ изъ вопросовъ, предложенныхъ г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа профессорамъ университета [1]), я по доброй совѣсти высказался за допущеніе учениковъ такой новоязычной школы (лучше ее назвать я не умѣю) и на всѣ факультеты университета, конечно, съ указанными въ моемъ отвѣтѣ условіями".

Эту „новоязычную" школу А. Н., будучи министромъ, какъ мы видѣли, включилъ въ свой проектъ средней школы, на ряду со школой классической. Необходимымъ условіемъ для нея онъ ставилъ основательное изученіе новыхъ языковъ. Но за то онъ до конца своей жизни оставался непримиримымъ врагомъ такъ называемой „единой" (а также „бифуркаціонной") школы и много ратовалъ противъ нея въ бытность свою попечителемъ Рижскаго и Варшавскаго округовъ, когда министерство проводило ее. „Я знаю", говоритъ онъ въ томъ же докладѣ, „и изъ рѣчей, произнесенныхъ здѣсь, имѣлъ еще разъ случай убѣдиться,—что именно за этотъ промежуточный типъ подается наиболѣе голосовъ, что значительное большинство лицъ нашего общества склонно думать, что, взявши изъ одной школы одинъ древній языкъ, а изъ другой новые, мы достигнемъ какъ бы объединенія выгодъ, представляемыхъ типами обоего рода. Въ сущности такой школой, основанной на компромиссѣ, была уже наша школа 92 года, надъ которой здѣсь такъ зло глумятся; такую школу

[1]) Разумѣется отвѣтъ А. Н—ча, напечатанный въ „Приложеніяхъ къ циркулярамъ по Московскому учебному округу", Москва, 1899 г., подъ заглавіемъ „Совѣщанія, происходившія въ 1899 г. въ Московскомъ учебномъ округѣ по вопросамъ о средней школѣ", вып. 6. Отвѣтъ А. Н—ча напечатанъ тамъ на стр. 38 и сл.

защищалъ и почтенный представитель вѣдомства Императрицы Маріи, такую школу восхвалялъ и профессоръ Кирпичниковъ, наконецъ, къ такой „единой“ школѣ склоняются и другіе реформаторы нашей quasi-классической школы, которые, то уступая по 3, по 5 и болѣе часовъ преподаванія древнихъ языковъ, то отодвигая изученіе этихъ языковъ до 3, 4 или 5 класса, думаютъ, что они такимъ образомъ спасаютъ дѣло классицизма. Вотъ это направленіе, по своей безличности и неискренности, мнѣ представляется особенно опаснымъ. Школу нашу и такъ винятъ въ многопредметности, а школа, въ которой на одинаковую доску ставится изученіе одного древняго и двухъ новыхъ языковъ, является непремѣнно школой многопредметной. Вѣдь не надо забывать, что большинство словъ, которыя выучиваютъ мальчики на иностранныхъ языкахъ, есть своего рода культурно-историческіе факты, объясненіе которыхъ дается и въ другихъ гуманитарныхъ дисциплинахъ, преподаваемыхъ въ школѣ, что каждое такое слово связано съ извѣстнымъ представленіемъ, живость котораго всецѣло зависитъ отъ того, насколько она поддерживается другими родственными предметами. Изученіе въ одной и той же школѣ культуръ античной и новой съ одинаковой энергіей, настойчивостью и основательностью вызываетъ непремѣнно переутомленіе, котораго мы желаемъ избѣжать; изученіе поверхностное даетъ такой результатъ, который охарактеризованъ геніальнымъ питомцемъ одной такой школы „ученьемъ чему-нибудь и какъ-нибудь“. „На бифуркаціонной системѣ, которая тоже рекомендуется здѣсь, я, послѣ сказаннаго, могу остановиться еще кратче. Опытъ съ ней не разъ производился, и опытъ, къ которому мы, классики, по странной случайности, относимся съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ говорившіе доселѣ представители реальнаго знанія,—опытъ, говорю я, рѣшительно призналъ всѣ эти школы неудачными. И понятно, почему. По принципу своему это есть школа съ новыми языками, которая только въ одной своей вѣтви даетъ мѣсто изученію языковъ древнихъ. Ученики этой послѣдней, будто бы классической вѣтви, которымъ однако дается главнымъ образомъ право поступленія на всѣ факультеты, по нашему мнѣнію, будутъ поставлены въ особенно неблагопріятное положеніе, ибо до 4-го или 5-го класса они будутъ слѣдовать, вмѣстѣ съ другими, курсу школы новоязычной, а затѣмъ, въ то время пока ихъ сверстники будутъ продолжать гармонически развиваться на новыхъ языкахъ и математикѣ, они вынуждены будутъ начать свой новый курсъ въ возрастѣ, когда языки уже усваиваются молодежью съ го-

раздо большимъ трудомъ и при количествѣ часовъ, въ которое классному предмету основательно научиться нѣтъ возможности. Къ такимъ знаніямъ по древнимъ языкамъ никто съ довѣріемъ не относится и багажъ этихъ знаній, съ которымъ войдутъ въ университетъ питомцы бифуркаціонной школы—будетъ ли то не безъ грѣха произнесенныхъ два стиха изъ Энеиды или съ ошибкой сказанная латинская цитата,—окажется, конечно, ничуть не цѣннѣе того багажа, который вынесъ изъ трехъ посѣщавшихся имъ въ свое время классическихъ школъ почтенный представитель судостроительнаго отдѣла морскаго министерства. Впрочемъ это уже дѣло государства рѣшить, какой типъ школы особенно соотвѣтствуетъ его видамъ въ настоящее время. Намъ, практическимъ педагогамъ, призваннымъ на это совѣщаніе, надлежитъ, не кривя душой, утверждать одно: въ настоящее время опытъ свидѣтельствуетъ только въ пользу двухъ обособленныхъ типовъ серьезной общеобразовательной средней школы: школы классической и новоязычной (математика и естественныя науки необходимы для обѣихъ); школы эти будутъ не вполнѣ равноцѣнны, ибо методическое преподаваніе новыхъ языковъ, изученіе которыхъ всегда будетъ стремиться къ утилитарнымъ цѣлямъ, представляетъ значительныя затрудненія, но обѣ онѣ могутъ давать абитуріентовъ съ извѣстною умственною зрѣлостью; школа „легонькая" будетъ давать и абитуріентовъ съ легкимъ умственнымъ багажемъ, которые, за всегда возможными исключеніями, ни къ какому серіозному умственному труду и въ послѣдующей жизни способны быть не могутъ". Въ дополненіе къ этому офиціально высказанному мнѣнію А. Н—ча я приведу нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ того времени (и болѣе поздняго). Въ письмѣ изъ Риги отъ 14-го мая 1901 г. А. Н., сѣтуя на плохую подготовку преподавателей древнихъ языковъ, продолжаетъ: „Думаю поэтому, что отмѣна классическихъ языковъ вообще въ гимназіяхъ никакого ущерба не принесетъ и что реальныя училища дадутъ у насъ, какъ и за границей, достаточно подготовленныхъ для нашихъ лекцій слушателей. Я боюсь одного: единой школы, которая не дастъ ни классиковъ, ни реалистовъ, а именно такая школа и соблазняетъ нашего генерала". Опасенія А. Н—ча сбылись: школа, основанная на компромиссѣ, была принята въ министерство Ванновскаго. Въ письмѣ отъ 14-го іюня 1901 г. А. Н. говоритъ по этому поводу: „Еще съ августа 1901 г. приказано выгнать изъ каждой гимназіи по одному (классику), такъ какъ уже въ

нынѣшнемъ году 23 урока древнихъ языковъ выбрасываются, а съ августа 1902 г. совсѣмъ уничтожается греческій языкъ. Какъ я ни ратовалъ, какихъ аргументовъ ни приводилъ въ предупрежденіе такой жестокой мѣры, меня не послушали и, кромѣ меня и Никитина, всѣ просили генерала торопиться. Классицизму нанесенъ опять ударъ". Въ письмѣ изъ Зегевольда отъ 13-го августа 1901 г. онъ говоритъ: „Мой отпускъ кончается 20-го августа, и я ѣду реформировать гимназіи. Не могу сказать, чтобы это занятіе очень меня радовало. Мнѣ противна школа Ванновскаго, но не потому, что она выбросила за бортъ древніе языки: это рано или поздно случится вездѣ, и я допускаю, какъ Вы знаете, возможность и хорошей новоязычной школы. Она претитъ мнѣ, потому что выставляетъ своимъ знаменемъ культъ національности, замѣняетъ общее образованіе обрывками какихъ-то знаній и тѣлодвиженіями, потакаетъ самымъ грубымъ инстинктамъ толпы и, думая этимъ успокоить ее, только еще болѣе взволнуетъ. И добро бы не было у насъ опыта съ такой школой! Но вѣдь мы знаемъ, что такое была Николаевская гимназія 1849 года. Теперь намъ дали нѣчто еще более несуразное. Но общество ржетъ отъ восторга"... Въ письмѣ изъ Риги отъ 24-го октября 1901 г. онъ говоритъ: „Педагогическіе совѣты [1]) по большей части высказались противъ единой школы и сильно раскритиковали конспектъ программъ—поистинѣ безсмысленный, но, конечно, все это друзьями новой школы толкуется, какъ желаніе угодить попечителю-классику. Мой классицизмъ,—хотя я очень умѣренный классикъ,—тоже истолковывается въ смыслѣ сочувствія нѣмецкимъ идеаламъ и, конечно, сводится къ моему нѣмецкому происхожденію. Вотъ тутъ и подите! Меня, конечно, всѣ эти толки мало смущаютъ, и я дѣлаю свое дѣло, откровенно, по обычаю, выражая свое посильное мнѣніе, но министерство, несомнѣнно, дуется на меня, — — — ". Въ письмѣ изъ Риги отъ 26-го мая 1902 г. А. Н. говоритъ: „То, что Вы пишете о классицизмѣ, совершенно вѣрно, и я поэтому былъ и буду противникомъ единой классической школы для всѣхъ. Пусть пока оставятъ по одной въ округѣ, но чтобы это была настоящая классическая школа, а не тѣ ублюдки, въ которые вѣрятъ примирители; остальныя дѣти пусть учатся въ школахъ съ новыми языками, лишь бы только и новые языки преподавались, какъ слѣдуетъ. Тогда и увидятъ, что они и труднѣе, и менѣе полезны, чѣмъ древніе, безъ кото-

[1]) Разумѣется, въ Рижскомъ учебномъ округѣ.

рыхъ, увы, все-таки не прожить человѣку, ищущему дѣйствительно высшаго образованія" [1]).

Значительно позднѣе, въ 1910 г., А. Н., будучи министромъ, воплотилъ въ своемъ проектѣ гимназій эти идеи. Надо замѣтить, что проектируемая имъ школа съ однимъ латинскимъ языкомъ совершенно не похожа на „единую" школу, противъ которой онъ ратовалъ: въ то время, какъ въ единой школѣ ген. Ванновскаго латинскому языку отводилось только 16 часовъ (т. е. онъ долженъ былъ преподаваться въ 4 классахъ по 4 часа), по проекту А. Н—ча ему отводилось 32 часа (т. е. онъ долженъ былъ преподаваться въ 8 классахъ по 4 часа). Въ школѣ А. Н—ча нѣтъ и той многопредметности, которая предполагалась въ единой школѣ Ванновскаго.

Что касается университетскаго вопроса, то А. Н. въ своихъ письмахъ высказываетъ о немъ тѣ же мысли, которыя впослѣдствіи онъ положилъ въ основаніе своего проекта университетскаго устава. Онъ стоитъ за автономію университета. Въ письмѣ отъ 24-го октября 1901 г. онъ говоритъ: „Пишу [т. е. министру Ванновскому] откровенно и рѣзко, такъ что, вѣроятно, и по университетскому вопросу рѣзко тоже разойдусь съ министромъ. Впрочемъ я вообще рѣдко въ комъ встрѣчаю сочувствіе своимъ взглядамъ на университетъ. Я на него смотрю, какъ на научное учрежденіе и, желая полной свободы для преподаванія, желалъ бы и полной свободы слушанія. Въ воспитательныя задачи университета я не вѣрю. Всѣ эти общежитія для водворенія добрыхъ нравовъ, заботы о какихъ бы то ни было студенческихъ организаціяхъ, инспекція etc. — все это мнѣ претитъ. Все это дѣло общей полиціи. Въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ никогда не было инспекціи, не было обязательныхъ экзаменовъ (здѣсь студентъ является на экзаменъ по предмету тогда, когда чувствуетъ

[1]) Приведу также мнѣніе А. Н—ча объ естественныхъ наукахъ, высказанное имъ въ его предисловіи къ переводу брошюры Оскара Іегера „Гуманистическая гимназія", стр. 7: „Лично я получилъ образованіе въ средней школѣ, гдѣ элементарный, хотя не краткій курсъ естественной исторіи занималъ то же мѣсто, которое въ гуманистической гимназіи занимаютъ древніе языки, и смѣю увѣрить критиковъ этой послѣдней, что прилежныхъ, но малоспособныхъ учениковъ подробности ботанической номенклатуры или кристаллографіи затрудняли не менѣе, чѣмъ греческіе и латинскіе вокабулы. Отъ бестолковаго зазубриванія подробностей какой либо системы Жюссье или Декандоля уходили на историко-филологическіе факультеты, какъ теперь уходятъ подчасъ на естественные факультеты отъ усерднаго долбленія Эллендта-Зейфферта".

себя къ нему готовымъ), нѣтъ даже дѣленія на курсы, и тѣмъ не менѣе дѣло идетъ прекрасно по части обученія, и профессора, пріѣзжающіе на государственные экзамены представителями министерства, только похваливаютъ насъ. Правда, есть здѣсь студенты, живущіе въ Политехн. по 10—15 лѣтъ, но кому это можетъ мѣшать? Не выучился, и сиди[1]). Зато неуспѣвшаго профессоръ можетъ прогонять съ экзамена хоть по 20 разъ, ибо отъ этого студентъ нисколько не лишается своихъ правъ сидѣть еще годъ или хоть 20 лѣтъ, если къ тому есть у него охота и—деньги. Организаціи студенческія здѣсь весьма легко разрѣшаются: для этого требуется только согласіе директора, но за политической ихъ благонадежностью должна слѣдить полиція и, если онѣ попадаются въ чемъ либо, какъ напр. — — — корпорація Anatolica, она закрывается по распоряженію жандармскаго управленія и — баста! Слѣдить за благонадежностью такихъ организацій университетъ никогда не будетъ въ состояніи, да и не захочетъ. Къ чему же браться за это? Въ наше время мы были подчинены общей полиціи подобно всѣмъ россійскимъ гражданамъ. Развѣ было это хуже? А всѣ эти проректоры или inspectores morum въ университетѣ—рѣшительная аномалія и анахронизмъ. Какъ видите, я довольно радикаленъ, но, право, я много думалъ объ этомъ вопросѣ и разумнаго ничего придумать не могъ по части «воспитанія» студентовъ"... Вполнѣ естественно поэтому, что А. Н. при своихъ отрицательныхъ взглядахъ на воспитательную роль профессоровъ не могъ одобрить и проекта студенческихъ организацій, выработаннаго при П. С. Ванновскомъ. Въ письмѣ отъ 25-го декабря 1901 г. онъ говоритъ: „Проектъ студенческихъ организацій, нынѣ уже одобренный особымъ совѣщаніемъ министровъ, *** мнѣ показывалъ. Они съ Ванновскимъ считаютъ его панацеей всякихъ студенческихъ безпорядковъ и, кажется, очень удивлены были, услышавъ отъ меня противоположное мнѣніе. Повидимому, они полагаютъ, что я рѣшился во всемъ прекословить имъ, по высшей школѣ такъ же, какъ и по средней. Но я говорилъ совершенно по совѣсти. Введеніе этихъ правилъ ознаменуетъ не организацію, а дезорганизацію высшихъ учебныхъ заведеній: въ этомъ я вполнѣ согласенъ съ Самоквасовымъ[2]), при-

---

[1]) Однако въ проектѣ университетскаго устава А. Н. ограничилъ время пребыванія въ университетѣ 6-ю годами, такъ какъ, очевидно, онъ нашелъ, что такіе „сидящіе" могутъ кому нибудь мѣшать.

[2]) Разумѣется Д. Я. Самоквасовъ, нынѣ покойный, бывшій профессоръ Моск. университета.

славшимъ мнѣ свои записки. Можетъ быть, В—въ[1]) и правъ, говоря, что профессора могутъ быть руководителями (хотя и это надо понимать cum grano salis), но туторами, воспитателями или просто пе-делями они не будутъ".

Предметную систему А. Н. въ общемъ одобрялъ, но считалъ недостаткомъ чрезмѣрную спеціализацію при ней. Поэтому въ своемъ проектѣ университетскаго устава онъ, сохраняя ее, принимаетъ мѣры къ исправленію этой дурной стороны ея. Въ письмѣ отъ 31-го августа 1906 г. онъ говоритъ: „Предметную систему наблюдалъ за границей и у насъ въ Ригѣ и Юрьевѣ. Она хороша главнымъ образомъ тѣмъ, что при этой системѣ профессору возможно поставить извѣстныя требованія, ибо разъ Ваша отмѣтка не вліяетъ на судьбу студента и не заставляетъ его изъ-за одного предмета сидѣть 2, 3 года на курсѣ, то, само собою разумѣется, Вы получаете возможность прогонять съ экзамена молодого человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ на самомъ дѣлѣ не выучитъ то, что ему полагается знать. Боюсь только, что наши витійствующіе «зиждители свободы» и при предметной системѣ будутъ потворствовать лѣни студентовъ такъ же, какъ потворствовали ей и безъ нея, при системѣ курсовой: Plus ça change, говорятъ французы, plus c'est la même chose"…. Въ письмѣ отъ 21-го октября 1906 г. онъ говоритъ: „Съ большимъ интересомъ, между прочимъ, читалъ я присланные Вами учебные планы. Какая однако масса у Васъ приватъ-доцентовъ! Какъ много среди нихъ совсѣмъ новыхъ для меня именъ и какъ чуждо было бы мнѣ теперь на факультетѣ! Немного неясна мнѣ и группировка предметовъ и, что главное, дробность группъ и крайняя спеціализація. Съ руки ли это намъ? И какъ поправлять недостатки общаго образованія? Очевидно, объ этомъ позаботятся министерства учрежденіемъ государственныхъ экзаменовъ тоже новаго типа. Но пока министерства примутся за дѣло, можетъ быть сдѣлано не мало выпусковъ такихъ крайнихъ спеціалистовъ, а на какой они намъ чертъ?! Да и силъ у насъ, даже въ Московскомъ университетѣ, несмотря на какихъ-то Поповыхъ и Тихомировыхъ, для образованія спеціалистовъ еще мало, по мнѣ… Впрочемъ я, можетъ быть, еще не вникъ въ дѣло".

Какъ мы видѣли выше, А. Н. своимъ циркуляромъ отъ 1-го сентября 1908 г. разрѣшилъ университетамъ принимать въ студенты

---

[1]) Разумѣется Павелъ Гавриловичъ Виноградовъ, бывшій профессоръ Моск. университета.

лицъ, не знающихъ греческаго языка, съ обязательствомъ въ теченіе первыхъ 2 семестровъ выдержать соотвѣтствующее испытаніе по этому предмету. Какъ смотрѣлъ на это самъ А. Н., въ какомъ видѣ представлялъ онъ себѣ преподаваніе въ университетѣ греческаго языка при этомъ условіи, видно изъ его письма отъ 22-го октября 1909 г.: „Что касается до студентовъ, не знающихъ по гречески, то я просилъ бы Васъ [1]) исполнять циркуляръ такъ, какъ Вы его начали исполнять. Вѣдь все равно Вы не знающихъ по гречески пускали въ университетъ вольнослушателями, но только создавали для нихъ какое-то исключительное положеніе. Я же считалъ возможнымъ поставить ихъ въ такое же положеніе, въ которомъ стоятъ и всегда стояли ну хотя бы изучающіе санскритскій языкъ. Развѣ преподаваніе этого языка не было элементарнымъ? Да и какъ же быть, когда теперь цѣлый рядъ гимназій не обучаетъ греческому языку? — — — Къ тому же, если требовать греческій языкъ, надо или низвести требованія до нуля, или закрыть цѣлый рядъ филологическихъ факультетовъ. И то и другое — неудобно. А надо просто свыкнуться съ мыслью, что филологи не знаютъ по гречески, и учить ихъ. Ничего другого не выдумаешь". Такимъ образомъ, А. Н. предполагалъ университетскій курсъ греческаго языка при новыхъ условіяхъ весьма элементарнымъ. Это видно также и изъ болѣе ранняго письма его отъ 31-го августа 1906 г., гдѣ онъ говоритъ: „Студенты, поступающіе въ университетъ безъ греческаго языка — а они всегда будутъ теперь поступать безъ знанія его, что Вы тамъ ни дѣлайте — въ университетѣ греческому не научатся за крайне рѣдкими, конечно, исключеніями, но во всякомъ случаѣ, если выучатся, то тѣ, которымъ Вы дадите элементарный курсъ, а не тѣ, которыхъ Вы станете душить «исторической» грамматикой. Греческій языкъ становится теперь на одну доску съ санскритомъ, еврейскимъ и т. п. языками. Такой же надо выработать и курсъ, т. е. небольшую грамматику и небольшую книгу для чтенія. И все! Бо́льшаго не надо, ибо бо́льшее будетъ кормомъ не въ коня... Профессорамъ, впрочемъ, это не легко, составить такой курсикъ и не увлекаться въ сторону; но, если они хотятъ дѣйствительной пользы студентамъ, они должны отказаться отъ увлеченій". А. Н. еще за нѣсколько лѣтъ вѣрно предугадалъ это положеніе греческаго языка въ университетѣ: „Настанутъ времена", пишетъ онъ

[1]) Подъ словомъ „Вы" разумѣюсь, конечно, не я лично, а весь историко-филологическій факультетъ Моск. университета.

изъ Варшавы 30-го іюля 1903 г., „когда я учился и когда въ лучшемъ случаѣ, студенты могли только кое-какъ разбирать Ксенофонта, да и то, кажется, не могли. Греческій языкъ, должно быть, вообще займетъ роль санскрита, да и не у насъ однихъ"....

Лекціонную систему въ университетѣ А. Н. считалъ анахронизмомъ. „Кажется, пора признать", писалъ онъ мнѣ 29-го августа 1907 г., „что лекціонная система все болѣе и болѣе становится средствомъ негоднымъ для наученія чему нибудь. Практическія занятія и библіотеки — вотъ что теперь, какъ впрочемъ и давно уже, настоятельно необходимо. Но университеты упорствуютъ въ своемъ требованіи лекцій,—и студенты мстятъ имъ, пренебрегая чтеніями и посвящая себя политикѣ". Въ письмѣ отъ 24-го марта 1912 г. онъ повторяетъ ту же мысль: „Научать человѣка можно только въ постоянномъ общеніи съ нимъ, твердо зная, чего ему недостаетъ, а при лекціонномъ способѣ преподаванія этого-то и не знаешь (это я сообразилъ, еще будучи студентомъ)". Несмотря на свое личное несочувствіе къ лекціонной системѣ, онъ тѣмъ не менѣе въ своемъ проектѣ университетскаго устава ее сохраняетъ.

А. Н., какъ я сказалъ, былъ очень образованнымъ человѣкомъ. Но и какъ ученый спеціалистъ онъ стоитъ высоко.

Въ біографіи А. Н—ча, помѣщенной въ „Филологическомъ Обозрѣніи" 1900 г. т. XIX, кн. 2, дается такая характеристика его научной дѣятельности: „Ученыя работы А. Н. — — — обнимаютъ самыя разнообразныя области греческой филологіи, при чемъ авторъ обнаруживаетъ широкую эрудицію по греческому языкознанію, исторіи, литературѣ, древностямъ, археологіи, являясь яркимъ представителемъ той *πολυμαθία*, которая еще въ древности считалась однимъ изъ главныхъ и благороднѣйшихъ свойствъ филолога. Что эта многосторонность не привела, однако, къ поверхностности, объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать любая мелкая статья, любая рецензія, вышедшая изъ-подъ пера А. Н.: всюду виденъ спеціалистъ, не только въ совершенствѣ владѣющій научной техникой, но и располагающій широкимъ научнымъ матеріаломъ, собрать который удается лишь тому, для кого наука является органически-необходимой стихіей".

Правда, А. Н., прочтя эту характеристику его, какъ ученаго, сдѣлалъ одно возраженіе противъ нея. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1903 г. онъ говоритъ: „Похвала моей *πολυμαθία* невѣрна. — — — Всѣ мои работы наоборотъ, къ сожалѣнію, очень узкаго свойства и всѣ безъ исключенія посвящены

1) только греческому міру и 2) только экзегезѣ разныхъ произведеній. Есть ли въ этой экзегезѣ толкъ, не мнѣ судить, но во всякомъ случаѣ, кромѣ полнаго по возможности пониманія того или другаго памятника, я никогда ничего въ своихъ писаніяхъ не преслѣдовалъ. И дѣятельность филолога, какъ таковаго, я всегда понималъ въ этомъ смыслѣ. Именно поэтому я не грамматикъ, не метрикъ, не историкъ, а именно былъ и есмь филологъ въ томъ смыслѣ, какъ указалъ въ предисловіи къ своей докторской диссертаціи [1]). Полагаю впрочемъ, что Вы въ этомъ наилучшій судья". Это самоопредѣленіе А. Н—ча, какъ ученаго, конечно, совершенно правильно. Но я все-таки рѣшился бы утверждать, что и терминъ πολυμαθία къ нему вполнѣ приложимъ: если А. Н. не былъ ни грамматикомъ, ни метрикомъ, ни историкомъ въ отдѣльности, то именно потому, что онъ зналъ всѣ эти науки. Правда, за предѣлы греческой филологіи А. Н. никогда не заходилъ ни въ печатныхъ своихъ работахъ, ни въ лекціяхъ [2]), но это говоритъ только въ его пользу: греческая филологія столь обширна, что дальнѣйшее расширеніе знаній уже невозможно безъ ущерба глубинѣ ихъ; въ этой области у А. Н—ча была, дѣйствительно, „громадная и глубокая эрудиція".

Вотъ списокъ трудовъ А. Н—ча:

I. Статьи, изслѣдованія и изданія:

1) Олинѳійскія рѣчи Демосѳена. Съ приложеніемъ введенія и примѣчаній. XI+105 стр. М. 1873 г.

2) О композиціи скульптурныхъ украшеній Парѳенона (Годичный отчетъ гимн. Креймана за 1873—74 уч. годъ, стр. 17—61).

3) Рѣчь Гиперида за Евксениппа. VIII+170 стр. М. 1875.

4) О представленіи „Эдипа въ Колонѣ" на греческомъ языкѣ (Годичный отчетъ гимн. Креймана за 1874—75 уч. годъ).

5) Новѣйшія изслѣдованія въ области древне-греческой исторіи (Критическое Обозр. 1880 г., №№ 6, 7 и 8).

6) Къ вопросу объ истолкованіи одного неизданнаго античнаго бюста изъ собранія гр. А. С. Уварова (Труды Моск. Археол. Общ., т. XII, вып. 1, стр. 17—30, 1888 г.).

7) О нѣкоторыхъ греческихъ расписныхъ вазахъ, принадлежа-

---

[1]) Въ предисловіи къ докторской диссертаціи А. Н. относительно понятія τοῦ φιλολογεῖν дѣлаетъ ссылку на сочиненіе H. Usener, Philologie und Geschichtswissenschaft, Bonn, 1882, S. 27.

[2]) Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что онъ не зналъ напр. латинской филологіи, а лишь то, что онъ не работалъ въ этой области какъ спеціалистъ.

щихъ университетскому минцъ-кабинету (Тамъ же, т. XIV, стр. 1—28, 1890 г.).

8) Краткое описаніе древне-греческихъ глиняныхъ сосудовъ, принадлежащихъ Имп. Моск. университету. 43 стр. М. 1890.

9) О такъ называемыхъ Панаѳенейскихъ скифосахъ. 26 стр. М. 1890 г.

10) [Ξενοφῶντος] Ἀθηναίων πολιτεία. О государствѣ Аѳинскомъ, сочиненіе неизвѣстнаго автора V вѣка до Р. Х. Критическое изслѣдованіе. 180 стр. М. 1891.

11) Новые отрывки рѣчей Гиперида (Филологич. Обозр. III, 1, стр. 3—39, 1892 г.).

12) Добавленіе къ статьѣ о новыхъ отрывкахъ рѣчей Гиперида (Ф. О. III, 2, стр. 109—111, 1892 г.).

13) Къ Гипериду (С. Athenag. col. X 20) (Ф. О. IV, 1, стр. 22, 1893 г.).

14) Къ вопросу объ irrealis futuri (Ф. О. IV, 2, стр. 167—169, 1893 г.).

15) Замѣтки объ орнаментаціи саркофага, найденнаго около Анапы. 24 стр. (Уч. Зап. Моск. Унив.) М. 1893.

16) Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала (Арх. Изв. и Зам., 1893 г., №№ 3 и 4, стр. 102—111).

17) XXII рѣчь Лисія и ея новое толкованіе (Ф. О. VI, 1, стр. 48—58, 1894 г.).

18) По поводу одной керченской вазы (Арх. Изв. и Зам., 1894 г., №№ 3 и 4, стр. 81—87).

19) Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ на золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ южной Россіи (Труды Моск. Арх. Общ., т. XV, вып. 1, стр. 17—34, 1894 г.).

20) По поводу вазы съ рельефными изображеніями, найденной въ с. Парутинѣ (Тамъ же, т. XV, вып. 2, стр. 14—27, 1894 г.).

21) Къ вопросу о времени написанія Политики Аристотеля (Ф. О. VIII, 2, стр. 144—148, 1895 г.).

22) О школьномъ чтеніи и школьныхъ изданіяхъ Демосѳена (Ф. О. VIII, 2, стр. 202—228, 1895 г.).

23) Изъ наблюденій надъ Политикой Аристотеля (Χαριστήρια. Сборникъ статей въ честь Ѳ. Е. Корша, стр. 403—418, М. 1896 г.).

24) Тріумфъ Пейѳетера въ „Птицахъ“ Аристофана (Ф. О. XX, 1, стр. 3—16, 1901 г.).

25) Aristot. Polit. III, 8, 7 (1284 в 25) (Сборникъ въ честь Э. Р.

фонъ-Штерна=Записки Императорскаго Одесскаго Общ. Ист. и Древн., т. XXX, 10 стр. Одесса, 1912 г.).

26) Аристотель и Θукидидъ (Изъ наблюденій надъ „Политикой" Аристотеля) (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1913 г., январь, стр. 57—77).

II. Рецензіи на книги:

27) Foucart. Mémoires sur les colonies athéniennes au cinquième et au quatrième siècle (Критич. Обозр. 1879 г., № 1, стр. 15—16).

28) Дьячанъ. Геродотъ и его музы (Кр. Об. 1879 г., № 3, стр. 37—38).

29) Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ (Кр. Об. 1879 г., № 5, стр. 33—34).

30) Kuhn. Ueber die Entstehung der Städte der Alten (Кр. Об. 1879 г., № 16, стр. 1—8).

31) Sobolewski. De praepositionum usu Aristophaneo (Фил. Об. I, 1, стр. 19—24, 1891 г.).

32) Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры (Фил. Об. I, 2, стр. 145—150, 1891 г.).

33) Mahaffy. Problems in greek history (Фил. Об. III, 1, стр. 3—7, 1892 г.).

34) Percy Gardner. New chapters in greek history (Фил. Об. III, 1, стр. 3—7, 1892 г.).

35) Murray. Handbook of greek archaeology (Фил. Об. III, 2, стр. 91—101, 1893 г.).

36) Sobolewski. Syntaxis Aristophaneae capita selecta (Фил. Об. IV, 1, стр. 3—13, 1893 г.).

37) Brunn. Griechische Kunstgeschichte (Фил. Об. V, 1, стр. 9—16, 1893 г.).

38) Скворцовъ. Политика Аристотеля (Фил. Об. VI, 1, стр. 22—41, 1894 г.).

39) Фонъ-Штернъ. Алабастръ Псіакса и Гилина (Арх. Изв. и Зам. 1894 г., № 5, стр. 170—173).

40) Monuments grecs publiés par l'Association pour l'encouragement des études grecques en France (Фил. Об. VIII, 1, стр. 29—38, 1895 г.).

41) Жебелевъ. Политика Аристотеля (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1911 г., сентябрь, стр. 136—151).

42) Süss. Aristophanes und die Nachwelt (= Das Erbe der Alten..., Heft II — III) (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1911 г., октябрь, стр. 341 — 351).

43) Ludwig Hatvany. Die Wissenschaft des nicht Wissenswerten (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1912 г., августъ, стр. 262—276).

III. Статьи педагогическія и др.:

44) Текстъ къ альбому геліогравюръ съ картинъ русскихъ художниковъ, изд. Кано и Ангереромъ. 1885—86.

45) С. А. Усовъ, какъ историкъ христіанскаго искусства (въ рѣчахъ, читанныхъ на засѣд. Моск. Арх. Общ. 15-го ноября 1886 г.). М. 1887.

46) Переводъ книги О. Iегера: Гуманистическая гимназія, съ предисловіемъ А. Ш. М. 1890.

47) Образцы ученическихъ работъ по древнимъ языкамъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Германіи (Приложеніе къ циркулярамъ по Моск. учебному округу за 1894 г., 28 стр.).

48) Отвѣтъ орд. проф. А. Н. Шварца (Совѣщанія, происходившія въ 1899 г. въ Моск. учебномъ округѣ по вопросамъ о средней школѣ. Выпускъ 6. Отвѣты профессоровъ Имп. Моск. унив. и т. д. М. 1899 г., стр. 38—44).

49) Докладъ ординарнаго профессора Моск. унив. А. Н. Шварца (Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Выпускъ VI. Приложенія къ журналамъ комиссіи. С.-Пб. 1900 г., стр. 210—214).

50) Отчетъ о командировкѣ на всемірную выставку въ маѣ и іюнѣ 1900 г. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900 г., ноябрь, Соврем. лѣтопись, стр. 1—36).

51) Рѣчь въ Государственной Думѣ 10-го іюня 1908 г. (въ Стенографич. отчетахъ Гос. Думы, стр. 2738) [1].

52) In memoriam. Нѣсколько словъ о В. Р. Завадскомъ, какъ попечителѣ Константиновскаго Межевого Института (Журн. Мин. Юстиціи 1911 г., ноябрь, 16 стр.).

Труды А. Н—ча посвящены главнымъ образомъ греческой филологіи. Они раздѣляются на 2 отдѣла—по филологіи въ тѣсномъ смыслѣ и по исторіи искусства. Но даже и въ большинствѣ трудовъ по искусству онъ остается филологомъ въ указанномъ выше смыслѣ: онъ „ведетъ археологическое изслѣдованіе въ духѣ направленія, установленнаго школой Отто Яна, сосредоточивая свое вниманіе главнымъ образомъ на истолкованіи содержанія даннаго памятника путемъ со-

[1]) Кромѣ этой рѣчи, А. Н—чемъ были произнесены еще двѣ рѣчи въ Гос. Думѣ, но я не могъ ихъ найти въ Стенографическихъ отчетахъ.

поставленія съ литературными текстами" (слова проф. Б. В. Варнеке). По числу—ихъ всего 15—они оставляютъ около $^1/_3$ всего числа научныхъ трудовъ А. Н—ча (№№ по моему списку: 2. 6. 7. 8. 9. 15. 16. 18. 19. 20. 32. 35. 37. 39. 40); искусства же, хотя и не греческаго касаются №№ 44. 45.

Занятія А. Н—ча исторіей греческаго искусства начались съ ранней его молодости и продолжались до послѣднихъ годовъ его жизни, идя параллельно съ занятіями собственно филологическими [1]): его первый филологическій трудъ „Олинѳійскія рѣчи Демосѳена" помѣченъ 1873 годомъ, а первый трудъ по искусству „О композиціи скульптурныхъ украшеній Парѳенона" помѣченъ 1875 годомъ. Послѣдняя печатная работа его по археологіи (рецензія на изданіе Monuments grecs publiés pár l'Association pour l'encouragement des études grecques en France въ „Филологическомъ Обозрѣніи") относится, правда, къ 1895 г., но въ письмѣ отъ 1-го апрѣля 1906 г. онъ говоритъ: „Весной думаю начать осмотръ новостей Эрмитажа по части антиковъ. Можетъ быть, кое-что позволятъ и издать". Однако въ письмѣ отъ 18-го января 1907 г. онъ говоритъ: „уже врядъ ли займусь археологіей".

Изъ трудовъ собственно филологическихъ А. Н—ча (ихъ всего 26) 7—посвящено греческимъ ораторамъ (№№ 1. 3. 11. 12. 13. 17. 22), 6—„Политикѣ" Аристотеля (№№ 21. 23. 25. 26. 38. 41), 5—Аристофану (№№ 14. 24. 31. 36. 42), 1—Псевдо-Ксенофонту (№ 10), 1—Геродоту (№ 28), 6—греческой исторіи и древностямъ (№№ 5. 27. 29. 30. 33. 34).

Особую группу представляетъ № 43—рецензія на книгу Hatvany: значительная часть этой статьи посвящена экзегезѣ Новаго Завѣта и критикѣ перевода К. П. Побѣдоносцева. По поводу этой стороны научной дѣятельности А. Н—ча надо замѣтить, что онъ уже давно началъ интересоваться экзегезой и критикой Новаго Завѣта. Первое упоминаніе объ этихъ занятіяхъ я имѣю въ письмѣ его изъ Варшавы отъ 24-го декабря 1903 г.: „Утѣшаютъ въ значительной степени Греки, коихъ читаю усердно. Съ большимъ увлеченіемъ, между

[1]) Не вполнѣ правильно предположеніе проф. Б. В. Варнеке, высказанное имъ въ статьѣ „Памяти А. Н. Шварца", стр. 5: „Занятія древне-греческимъ искусствомъ у А. Н. Шварца, повидимому, стояли въ тѣсной связи съ завѣдываніемъ минцъ-кабинетомъ Московскаго Университета": нѣтъ, самое это завѣдываніе и чтеніе лекцій по исторіи искусства было ему поручено, какъ я выше сказалъ, вслѣдствіе того, что онъ уже задолго до этого пользовался репутаціей знатока греческаго искусства.

прочимъ, занимаюсь евангельской критикой, которая меня до нельзя интересуетъ. И какъ много по этой части сдѣлали англичане, и какія прекрасныя у нихъ пособія! А вотъ Бласса труды по части евангелій большая дрянь: осѣдлалъ онъ свои ритмы и возлюбилъ нѣкоторые пріемы критики и суетъ ихъ всюду безъ всякаго толка". Это увлеченіе евангельской экзегезой и критикой видно еще и въ письмѣ отъ 16-го ноября 1912 г., гдѣ онъ совѣтуется со мной относительно пониманія словъ Ап. Павла въ Посланіи къ Филипп. 2, 6 οὐχ ἁρπαγμὸν ἡγήσατο τὸ ἴσα εἶναι θεῷ и въ концѣ письма прибавляетъ: „Отвѣтъ Вашъ буду ждать съ нетерпѣніемъ". Въ письмѣ отъ 26-го мая 1914 г. онъ говоритъ: „Эту зиму я много читалъ по Новому Завѣту и изумлялся успѣхамъ филологіи по этой части. Особенно интересовали меня работы Wellhausen'a, Шварца Эд. и Вендланда. Любопытно, продолжаете ли Вы свои работы въ этомъ направленіи, по части κοινῆς, или опять вернулись къ классической эпохѣ? Кстати, стоитъ ли пріобрѣтать новое изданіе Новаго Завѣта проф. Содена? Увѣряютъ, что очень поучительно; англичане однако (я читаю только Classical Review) ничего что-то о немъ не говорятъ. Поэтому спрашиваю Васъ". Въ письмѣ отъ 31-го августа 1912 года А. Н. сообщилъ мнѣ даже и ближайшій поводъ, послужившій къ написанію статьи № 43: „Когда пріѣдете въ Москву, Вы найдете у себя на столѣ послѣднюю мою статейку, въ которой я рѣшился, наконецъ, сказать слова два о неприличномъ переводѣ Новаго Завѣта К. П. Побѣдоносцева. Долго я не рѣшался этого дѣлать, ибо, по пословицѣ, считалъ, что de mortuis и т. д.; но когда въ одной меморіи госуд. совѣта архіеп. Николай сослался на этотъ переводъ какъ на авторитетъ, когда я узналъ, что онъ выходитъ чуть ли не въ 3 изд. и что не мало вѣрующихъ, полагаясь на имя об. прок. сvнода, только по немъ знакомятся съ Новымъ Завѣтомъ, я счелъ себя въ правѣ затронуть его. То, что я говорю о книжкѣ Hatvany, есть только рамка, оправа, на что такъ и посмотрите" [1]).

Труды А. Н—ча—это труды истиннаго филолога: филологическая „акрибія" проявляется въ нихъ въ полной степени. Всего виднѣе это въ его большихъ работахъ, въ обѣихъ диссертаціяхъ; но и въ небольшихъ статьяхъ мы видимъ тѣ же свойства. Объ обязанности филолога не пренебрегать и мелочами онъ говоритъ такъ въ ре-

[1]) Я слышалъ, что А. Н—чемъ былъ написанъ большой трудъ по Новому Завѣту, касавшійся Евангелія отъ Іоанна, но, повидимому, онъ его уничтожилъ впослѣдствіи, какъ и многое другое.

цензіи на книгу Hatvany (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1912 г., авг., стр. 265): „Наше дѣло прежде всего должно заключаться въ правильномъ чтеніи (ἀνάγνωσις древнихъ) и полномъ, безъ неясностей, пониманіи толкуемаго текста, а въ стремленіи добросовѣстно выполнить эту задачу намъ нельзя пренебрегать никакой мелочью и никакой подробностью, какъ бы ничтожна она ни была". Къ какимъ важнымъ ошибкамъ ведетъ такое пренебреженіе къ мелочамъ, А. Н. прекрасно и наглядно показываетъ на переводахъ Новаго Завѣта гр. Л. Н. Толстого и К. П. Побѣдоносцева. „Это небольшіе штрихи", говоритъ онъ на стр. 275 той же статьи, „но каждому ясно, какъ помогаетъ въ такихъ случаяхъ мелочное изученіе текста пониманію и эстетической стороны дѣла". Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ такого прекраснаго филолога, взгляды его всегда хорошо обоснованы. Взгляды эти нерѣдко оригинальны: укажу въ этомъ отношеніи особенно на его докторскую диссертацію, гдѣ онъ старается объяснить непримиримыя противорѣчія въ сочиненіи Ἀθηναίων πολιτεία очень остроумнымъ образомъ: хотя новѣйшій издатель этого трактата Kalinka и не принялъ соображеній А. Н—ча, но, на мой взглядъ, объясненія А. Н—ча и до сихъ поръ остаются наиболѣе правдоподобными. Какъ показываютъ обѣ диссертаціи А. Н—ча, онъ любилъ браться за темы трудныя, мало разработанныя: и рѣчи Гиперида, и Ἀθηναίων πολιτεία какъ разъ принадлежатъ къ числу такихъ темъ. То же надо сказать и о статьяхъ его: прекрасно и остроумно рѣшается вопросъ о „Птицахъ" Аристофана въ статьѣ № 24 „Тріумфъ Пейсетера въ Птицахъ Аристофана" или объ отношеніи Аристотеля къ Өукидиду въ статьѣ № 26 „Аристотель и Өукидидъ". Во всѣхъ его трудахъ видна его громадная эрудиція, обширное знаніе литературы предмета; притомъ, что мнѣ по крайней мѣрѣ особенно нравится, очень часто онъ сопровождаетъ указанія на эту литературу краткими критическими отзывами или замѣчаніями: я разумѣю такого рода напр. замѣтки: „... надо читать въ высшей степени остроумную и во многихъ отношеніяхъ стоящую подъ вліяніемъ древнихъ техниковъ, хотя и не большую по размѣрамъ, книгу извѣстнаго оратора Гамильтона" (Рѣчь Гиперида за Евксениппа, стр. 146); или: „лучшая характеристика Исократа изъ всѣхъ, которыя намъ удавалось читать, принадлежащая перу извѣстнаго парижскаго профессора Гаве"... (тамъ же, стр. 143). Рецензіи его по большей части представляютъ собою скорѣе статьи по поводу разсматриваемыхъ книгъ, чѣмъ простые отзывы о нихъ: въ нихъ онъ старается говорить о данномъ вопросѣ

вообще, а не только лишь о томъ, какъ онъ рѣшается въ разбираемой книгѣ. Эту манеру писать мы находимъ уже въ первыхъ рецензіяхъ А. Н—ча на книги Foucart'a и Kuhn'a въ „Критич. Об." (№№ 27 и 30); но особенно проявляется эта манера въ послѣднихъ его рецензіяхъ (№№ 41, 42, 43), которыя по своему легкому и пріятному слогу скорѣе напоминаютъ просто бесѣду опытнаго ученаго.

Вообще, во всѣхъ сочиненіяхъ А. Н—ча видна и огромная ученость, и стремленіе къ точному знанію. Мнѣ кажется, къ нему приложимъ афоризмъ, высказанный объ Исаакѣ Казавбонѣ его біографомъ Pattison'омъ (2-е изд., стр. 435): Rare as genius is, it may be doubted if consummate learning be not rarer: вотъ это consummate learning и было у А. Н—ча.

Жаль только, что онъ мало писалъ. Правда, напечатано имъ болѣе 1000 страницъ: это нѐ мало, но это все-таки гораздо меньше того, что онъ могъ бы написать. Происходило это не отъ лѣности, а просто потому, что онъ не любилъ писать и не видѣлъ цѣли для этого. Онъ самъ вполнѣ сознавалъ это: такъ, въ письмѣ изъ Риги отъ 24-го апрѣля 1901 г. онъ говоритъ: „писать однако совсѣмъ охоты нѣтъ въ виду полнаго отсутствія у насъ читателей. Вы себѣ даже вообразить не можете, до какой степени чужды въ провинціи учителя умственныхъ интересовъ. А при теперешнемъ гоненіи на классиковъ—и не у насъ однихъ—наступитъ, вѣроятно, время, подобное 17 и 18 вѣку, когда для филологическихъ книгъ совсѣмъ читателей не находилось. Если, значитъ, приходится выступать, то съ трудами чисто научными, а не со статьями, писать которыя безцѣльно". Въ письмѣ отъ 30-го іюля 1903 г. онъ говоритъ: „Я дѣйствительно сильно старѣю, хотя къ чтенію имѣю и сейчасъ сильное пристрастіе и за литературой слѣжу усердно. Писать же я никогда не любилъ, а теперь нѣтъ и побудительныхъ причинъ писать. Cui bono?" Почти то же говоритъ онъ въ письмѣ отъ 3-го марта 1906 г.: „Вѣроятно, какая либо разновидность Зевса (τὸ θεῖον, извѣстно, φθονερόν) мѣшаетъ и моимъ литературнымъ трудамъ. Какъ для Васъ взяться за письмо, такъ для меня взяться за писаніе какого бы то ни было литературнаго труда одинаково трудно. Я всегда писалъ по внѣшнему только побужденію [1]), и когда начинаю писать, работа

[1]) Кстати сказать, такимъ побужденіемъ какъ для А. Н—ча, такъ и для многихъ нашихъ филологовъ, былъ журналъ „Филологическое Обозрѣніе". Его редак-

можетъ огадиться мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ скоро я начинаю сомнѣваться въ ея пригодности. Комментарій напр. къ „Птицамъ" я сжегъ, истолковавъ tant bien que mal уже около 1000 стиховъ, работу по характеристикѣ Аристофана бросилъ, написавъ только характеристику древней аттической комедіи вообще и т. д. Всѣ писанія какъ-то не клеятся". Какъ видно уже отсюда (я говорилъ объ этомъ и выше), А. Н. уничтожилъ нѣсколько своихъ цѣнныхъ трудовъ. Особенно жаль упомянутыхъ сейчасъ работъ, такъ какъ А. Н. былъ прекраснымъ знатокомъ и большимъ любителемъ Аристофана [1]).

Другой стороной ученой дѣятельности А. Н—ча была его дѣятельность профессорская. Эта дѣятельность прекрасно охарактеризована въ біографіи, помѣщенной въ „Фил. Об.", стр. 153, такъ что мнѣ остается только привести здѣсь эту характеристику:

„Какъ профессоръ, А. Н. былъ, несомнѣнно, однимъ изъ лучшихъ украшеній Московскаго историко-филологическаго факультета. Въ профессорской дѣятельности А. Н. еще болѣе, нежели въ литературной, проявлялась его обширная эрудиція, соединенная съ исключительнымъ по своей разносторонности образованіемъ. Курсы и практическія занятія со студентами имѣли своимъ предметомъ какъ чтеніе текстовъ, такъ и изложеніе реальныхъ дисциплинъ: исторіи греческой литературы, греческихъ древностей и исторіи античнаго искусства. Тексты, избиравшіеся А. Н. для чтенія, очень разнообразны: Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ, фрагменты лириковъ, Ѳеокритъ, Ѳукидидъ, Полибій, Демосѳенъ, Лисій, Платонъ, Аристотель

торъ, покойный А. В. Адольфъ прямо заставлялъ насъ писать статьи, и это дало русской филологической литературѣ не мало цѣннаго матеріала. Въ „Фил. Об." А. Н. помѣстилъ 16 своихъ научныхъ статей изъ всего числа 43, т. е. болѣе $^1/_3$ этого числа. Мысль объ изданіи подобнаго филологическаго журнала была и у А. Н.: въ письмѣ отъ 8-го августа 1906 г. онъ говоритъ: „Жаль, что закрылось „Фил. Об."... Будь у меня какія либо средства, я непремѣнно предпринялъ бы изданіе чего-нибудь въ родѣ „Пропилей", дабы не утрачивались въ обществѣ интересы научные въ этомъ направленіи, но ихъ нѣтъ, а слѣдовательно и говорить нечего. Авось, сдѣлаетъ это кто либо другой".

[1]) Его мнѣніе объ Аристофанѣ очень хорошо выражено въ рецензіи на книгу Süss'a Aristophanes und die Nachwelt (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1911 г., окт. стр. 351): „чтобы испытать на себѣ чарующее дѣйствіе Аристофана, чтобы почувствовать изумительную звучность его стиховъ, понять мастерство его обращенія съ языкомъ, свѣжесть, блескъ и остроуміе его поэтическихъ образовъ, его надо много и внимательно читать и, какъ поэта, конечно, въ подлинникѣ".

(Политія и Политика), аттическія надписи. Многосторонность А. Н., выразившаяся въ выборѣ текстовъ, въ еще большей степени проявлялась въ комментаріяхъ къ нимъ: тщательная и тонкая эксегеза текста опиралась не только на языковой анализъ его (хотя этой сторонѣ дѣла А. Н. придавалъ всегда громадное значеніе), но и на отчетливое разсмотрѣніе реальныхъ подробностей: такъ, комментируя рѣчи ораторовъ, А. Н. знакомилъ слушателей съ различными деталями аттическаго права и съ общими его тенденціями; читая аттическія надписи,—входилъ въ подробности государственнаго хозяйства Аттики и т. д. На ряду съ эксегезой текста А. Н. давалъ всегда глубоко продуманный критическій комментарій. Наконецъ, всѣмъ курсамъ, посвященнымъ толкованію текстовъ, А. Н. предпосылалъ обширныя введенія, въ которыхъ не только сообщалъ все необходимое для общаго пониманія того или другого памятника письменности, но давалъ нерѣдко также и цѣнныя указанія относительно главнѣйшихъ пріемовъ филологической работы, вводя такимъ образомъ своихъ слушателей въ научную лабораторію. Что касается внѣшней стороны изложенія, то она всегда отличалась блескомъ, изяществомъ и живостью, о которыхъ имѣютъ представленіе лишь тѣ, кому приходилось слышать А. Н. съ каѳедры или въ научныхъ бесѣдахъ, что необходимо отмѣтить въ виду того, что большинство печатныхъ трудовъ А. Н., какъ это часто бываетъ у блестящихъ ораторовъ, написаны нѣсколько сухимъ языкомъ, преслѣдующимъ преимущественно точность и ясность" [1]).

Съ этой прекрасной характеристикой А. Н—ча какъ профессора находится въ полномъ согласіи и отзывъ профессора Б. В. Варнеке. Это же подтверждаетъ г. Керовъ въ статьѣ „Памяти проф. А. Н. Шварца" (Педагогическій Вѣстникъ Московскаго Учебнаго Округа, 1915 г., № 3, стр. 93). Я добавлю къ этимъ характеристикамъ отъ себя

[1]) Послѣднее замѣчаніе объ языкѣ печатныхъ трудовъ А. Н—ча касается, конечно, болѣе раннихъ его работъ, такъ какъ и самая біографія написана въ 1900 г. Въ статьяхъ его послѣдняго періода слогъ легкій, какъ я уже говорилъ. Даже въ письмахъ его ко мнѣ (огромное большинство которыхъ относится ко времени съ 1900 г.) прекрасный слогъ: повидимому, внѣшняя форма изложенія давалась ему въ этотъ періодъ уже легко. Что касается раннихъ печатныхъ работъ, особенно его магистерской диссертаціи, тамъ, дѣйствительно, замѣчается сухость и тяжеловатость изложенія; то же самое было и въ его болѣе раннихъ лекціяхъ, которыя я слушалъ. Составитель этой біографіи А. А. Грушка слушалъ лекціи А. Н—ча значительно позднѣе меня, и, надо думать, въ его время изложеніе лекцій А. Н—ча уже измѣнилось.

еще нѣсколько чертъ. А. Н. не былъ „популярнымъ“ профессоромъ, да и не могъ быть имъ по своей природѣ: какъ въ жизни вообще онъ не могъ и не хотѣлъ приспособляться къ вкусамъ толпы, такъ и въ своихъ лекціяхъ онъ имѣлъ въ виду не плохихъ и даже не среднихъ студентовъ, а студентовъ очень хорошо подготовленныхъ; для студентовъ же хорошихъ его лекціи были въ высшей степени полезны. Когда я былъ студентомъ (1882—1886 г.), моими учителями по древнимъ языкамъ были: Г. А. Ивановъ, Ѳ. Е. Коршъ, В. Г. Зубковъ, И. В. Цвѣтаевъ и А. Н. Шварцъ. Всѣ они были любимы мною, всѣмъ имъ я обязанъ извѣстной долей своего знанія; но ни одному изъ нихъ я не обязанъ въ такой степени, какъ А. Н—чу: ни аккуратный Г. А. Ивановъ, ни остроумный Ѳ. Е. Коршъ не вводили такъ въ лабораторію филологической экзегезы и критики, какъ А. Н.: ихъ лекціи отличались болѣе элементарнымъ характеромъ; лекціи же А. Н—ча были прямо научными сочиненіями и показывали, какъ надо производить ученую работу. А. Н. читалъ во время моего студенчества II книгу Ѳукидида, аттическія надписи, Политику Аристотеля, рѣчи Лисія: во всѣхъ этихъ курсахъ есть цѣлые трактаты по экзегезѣ и критикѣ отдѣльныхъ мѣстъ съ приведеніемъ мнѣній разныхъ ученыхъ; особенно обработанъ изъ нихъ, пожалуй, курсъ аттическихъ надписей. У всѣхъ моихъ учителей я занимался съ пользой и переводами съ русскаго языка на древніе; но опять-таки только у А. Н—ча я научился методу перевода. Мнѣ случилось уже гораздо позже моего студенчества читать курсъ лекцій А. Н—ча по исторіи греческой литературы: я читалъ его съ величайшимъ интересомъ, какъ научное изслѣдованіе, но для студентовъ такой курсъ не годится. Поэтому-то лекціи А. Н—ча были гораздо менѣе доступны для плохого и средняго студента, чѣмъ лекціи остальныхъ моихъ учителей. Этотъ высокій уровень научности лекцій А. Н—ча можно, пожалуй, назвать его недостаткомъ: для большинства его слушателей онѣ пропадали даромъ; но за то для меньшинства онѣ были своего рода откровеніемъ. Во всякомъ случаѣ, я лично и мои товарищи по классическому отдѣленію во время нашего студенчества относились къ А. Н—чу съ величайшимъ уваженіемъ и дорожили каждой его лекціей. Надо сказать, что А. Н. всѣ свои лекціи писалъ; но, къ сожалѣнію, повидимому, почти всѣ записки свои уничтожилъ: у меня сохранилось значительное количество литографированныхъ его курсовъ, изданныхъ студентами; но многіе изъ нихъ записаны съ большими ошибками; нѣкоторые впрочемъ списаны прямо съ его ориги-

нала: таковъ напр. курсъ аттическихъ надписей, который я издавалъ въ бытность свою студентомъ (А. Н. давалъ мнѣ свои записки); таковъ же, повидимому, курсъ по исторіи греческой литературы, сейчасъ упомянутый мною. Мнѣ вспоминаются всегда по поводу лекцій А. Н—ча слова одной древней эпиграммы о Өукидидѣ: εἰμὶ γὰρ οὐ πάντεσσι βατός· παῦροι δ' ἀγάσαντο Θουκυδίδην: А. Н. въ своихъ лекціяхъ былъ также οὐ πάντεσσι βατός...

Если мѣриломъ учености русскаго профессора можетъ служить приглашеніе его въ профессора иностраннаго университета (прежде это у насъ считалось величайшей честью; не знаю, какъ будетъ теперь), то надо упомянуть о томъ, что А. Н—ча „звали къ себѣ каѳедры Сорбонны и Оксфорда". Я не знаю объ этомъ фактѣ отъ самого А. Н—ча; но объ этомъ говоритъ ученикъ его С. К. въ „Моск. Вѣд.", слышавшій это отъ него лично; повидимому, это было въ Варшавскій періодъ дѣятельности А. Н—ча; самъ А. Н. не писалъ мнѣ объ этомъ прямо; но, вѣроятно, намекъ на это содержится въ письмѣ его ко мнѣ изъ Варшавы отъ 11-го іюля 1904 г., гдѣ онъ говоритъ: „Россія находится въ тяжеломъ положеніи. Я, конечно, надѣюсь, что она выпутается изъ него, и эмигрантомъ, — — — не сдѣлаюсь (мнѣ однако это предлагали: при случаѣ разскажу)".

Какъ истинный ученый, А. Н. отличался большой скромностью. Когда еще въ 1892 г. я, желая ознакомить западную науку съ результатами докторской диссертаціи А. Н—ча, перевелъ часть ея на латинскій языкъ и помѣстилъ этотъ переводъ въ голландскомъ журналѣ Mnemosyne, А. Н. отвѣтилъ мнѣ на это въ письмѣ отъ 20-го іюля 1892 г.: „Что до Вашей статьи, то она преисполняетъ меня только стыда за то, что изъ-за меня Вы подъяли столько труда. Стоитъ ли этого моя книжка? Право, она писана была вовсе не изъ желанія «возвеличенія», употребляя Ваше выраженіе. Неужели и Вы настолько мало меня знаете, чтобы не знать, что я никогда не искалъ и не ищу величія? Вся моя гордость заключается въ томъ, чтобы воспитать хотя бы въ немногихъ ученикахъ любовь къ классической древности, и если нѣкоторые изъ нихъ со временемъ помянутъ меня добрымъ словомъ, я буду считать это величайшей своей заслугой". Когда А. Н. въ 1900 г. покидалъ Москву, его почитатели, въ числѣ которыхъ былъ и я, рѣшили устроить чествованіе его съ поднесеніемъ ему адресовъ отъ разныхъ группъ и сборника статей. Я сообщилъ ему о нашемъ намѣреніи. Въ отвѣтъ на это А. Н. написалъ мнѣ 3-го апрѣля 1900 г. слѣдующее: „Сильно Вы

меня испугали извѣстіемъ, что хотите меня чествовать даже адресами, если это не описка вмѣсто слова: адресомъ. Отъ кого могутъ они быть и по какому поводу? Бога ради, дорогой С. И., придержитесь Вашего обѣщанія сдѣлать задуманный Вами праздникъ возможно скромнѣе и тише. Я отъ этого буду не менѣе благодаренъ Вамъ за Вашу доброту и Ваше расположеніе ко мнѣ, въ которыхъ никогда не сомнѣвался". Въ письмѣ отъ 17-го авг. 1905 г. А. Н. также говоритъ, что „стремленій къ почестямъ никогда не имѣлъ и, если бы не семья, никогда и не думалъ бы смѣнять профессорскую должность на что бы то ни было". А въ письмѣ отъ 11-го авг. 1913 г. А. Н. прямо говоритъ: „Вотъ она скверная сторона власти: не даромъ я ее всегда ненавидѣлъ и всегда былъ счастливъ отдѣлываться отъ нея. Bene qui latuit bene vixit. Мнѣ этого не дозволяла необходимость содержать большую семью. Это не мѣшаетъ мнѣ преклоняться передъ авторитетомъ Эпикура".

А. Н. былъ большимъ патріотомъ. Любя Россію и науку, онъ, какъ я уже сказалъ, скорбѣлъ о нестроеніяхъ русскаго просвѣщенія, объ университетскихъ безпорядкахъ, о забастовкахъ студентовъ и т. п., и особенно глубоко переживалъ эту скорбь, видя, что русское общество, подъ вліяніемъ прессы, идетъ по ложному пути. Онъ часто говоритъ въ письмахъ своихъ ко мнѣ на эту тему: правда, у него иногда вырываются жесткія слова и саркастическія замѣчанія о необразованіи Россіи, но въ нихъ видна глубокая печаль человѣка, искренно и горячо любящаго свою родину. Такъ, въ письмѣ изъ Риги отъ 30-го марта 1901 г. онъ по поводу реформы гимназій говоритъ: „Просто уши вянутъ, слушая всѣ газетные толки, а вѣдь люди въ родѣ Ванновскаго откуда же знаютъ наши школы, какъ не изъ газетъ? Плохо дѣло, Серг. Ив.! А, главное, скверно настроеніе, хотя давно уже подмѣчено нѣмцами, что уныніе—гибель для педагогическаго дѣла: Muth verloren, alles verloren... И грустно мнѣ, что я даже утѣшить ничѣмъ не могу своихъ сотрудниковъ. Поживемъ, однако, увидимъ. Пока меня только забавляютъ восторги «прессы» по поводу новаго назначенія. Такъ и вспоминается, помните, разговоръ въ Ἱππῆς Аристофана, гдѣ οἰκέται А и В такъ радуются новому, отысканному ими «премьеру», и гдѣ они на его слова: Ἀλλ' ὦγάθ' οὐδὲ μουσικὴν ἐπίσταμαι πλὴν γραμμάτων, καὶ ταῦτα μέντοι κακὰ κακῶς такъ въ pendant къ нашимъ газетамъ замѣчаютъ: τουτὶ μόνον σ' ἔβλαψεν, ὅτι καὶ κακὰ κακῶς. Имъ бы просто унтера изъ безграмотныхъ, чтобы еще меньше заставлялъ учиться. Да, впрочемъ, зачѣмъ

Россіи такая роскошь, какъ образованіе? У насъ, начиная съ Петра, всегда учились изъ-подъ палки. И если теперь все-таки говорятъ объ ученіи, то право лицемѣрятъ и оттого-то такъ и радуются старъ и младъ забастовкамъ. Вѣдь и до такой формы протеста додумались только русскіе". Въ письмѣ изъ Риги отъ 14-го мая 1901 г. онъ, сказавъ о недостаткахъ „единой" школы, продолжаетъ: „А варварства и дикости чего же намъ бояться: мы изъ этого состоянія еще не выходили. Что же касается истинно-образованныхъ кружковъ, то для своихъ дѣтей они сохранятъ частныя гимназіи, а для приготовленія «государственныхъ младенцевъ», по выраженію Щедрина, у насъ все-таки остаются привилегированныя заведенія, въ родѣ лицеевъ, училища правовѣдѣнія и пажескаго корпуса, остается и Михайловскій театръ въ С.-Пб., а въ Москвѣ Омонъ для высшей дрессировки. Чего же въ самомъ дѣлѣ еще желать?" Въ письмѣ изъ Варшавы отъ 26-го декабря 1902 г. онъ говоритъ: „А учиться мы тѣмъ временемъ разучимся уже совершенно, ma tanto meglio: по крайней мѣрѣ удовлетворимъ хотя «великаго писателя земли русской» (ср. Graf Leo Tolstoi, Ueber Erziehung und Bildung, deutsch von Syrkin: по русски достать этой прелести нельзя)". Въ письмѣ отъ 5-го іюня 1906 г. А. Н. говоритъ: „Мы безвозвратно осуждены на невѣжество, и не университеты русскіе избавятъ насъ отъ него. — — — Вѣдь доказывалъ же Бѣлявскій [1]) на Боголѣповскомъ съѣздѣ, что съ увеличеніемъ числа классическихъ гимназій, „добрыхъ" людей стало меньше на Руси, точь въ точь, какъ покойникъ Иванъ Яковлевичъ Руссо, взявшій эпиграфомъ одного изъ своихъ сочиненій изреченіе „Postquam docti prodierunt, boni desunt"...

А. Н. любилъ изреченія и эпиграфы, особенно изъ древнихъ авторовъ: напр., въ началѣ его изслѣдованія „О такъ называемыхъ Панаѳенейскихъ скифосахъ" приведено 2 эпиграфа и 1 цитата — на стр. 5, 6, 7; въ „Замѣткахъ объ орнаментаціи саркофага, найденнаго около Анапы", каждая изъ 4 главъ этой статьи снабжена особымъ эпиграфомъ. Даже въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ очень часто приводитъ разныя изреченія. Почту же и я его память тремя греческими цитатами:

Πάτροκλος· τοῦ δ' οὐκ ἐπιλήσομαι, ὄφρ' ἂν ἐγώ γε
ζωοῖσιν μετέω καί μοι φίλα γούνατ' ὀρώρῃ·

[1]) Разумѣется Егоръ Васильевичъ Бѣлявскій, нынѣ покойный, бывшій директоръ Рижской Александровской гимназіи.

εἰ δὲ θανόντων περ καταλήθοντ' εἰν 'Αίδαο,
αὐτὰρ ἐγὼ καὶ κεῖθι φίλου μεμνήσομ' ἑταίρου [1]).

Hom. Il. XXII, 387—390.

Αἰεὶ ζητήσω σε· σὺ δ' εἰ θέμις ἐν φθιμένοισι
τοῦ Λήθης ἐπ' ἐμοὶ μή τι πίῃς ὕδατος [2]).

Anthol. Pal. VII, 346.

'Αλλά σε γουνοῦμαι, γᾶ πάντροφε, τὸν πανόδυρτον
ἠρέμα σοῖς κόλποις, μᾶτερ, ἐναγκάλισαι [3]).

По Anthol. Pal. VII, 476.

Сергѣй Соболевскій.

---

1) Другъ мой Патроклъ! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Хоть забываютъ легко всѣ люди умершихъ въ Аидѣ,
Я буду помнить и тамъ моего благороднаго друга!

2) Вѣкъ тебя буду искать я; а ты въ царствѣ мертвыхъ, коль можно,
Воду изъ Леты не пей, чтобъ не забыть обо мнѣ!

3) Но умоляю тебя, земля, человѣковъ всѣхъ матерь,
Тихо въ объятья свои друга прими моего!

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

Великая европейская война вызвала довольно сильный застой въ научной жизни Италіи, хотя и далеко не въ такой чувствительной формѣ, какъ въ другихъ странахъ. Италія ведетъ войну исключительно на непріятельской территоріи; ей не угрожаетъ вторженіе врага, а потому ей приходится думать лишь о продолженіи нормальныхъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся на территоріи военныхъ дѣйствій, гдѣ очень часто школьныя зданія реквизируются подъ военный постой или лазареты. Впрочемъ, при итальянскомъ климатѣ и неприхотливости всей школьной обстановки, удается выйти изъ затрудненія; этой осенью въ Виченцѣ оказалось возможнымъ провести всѣ экзамены на открытомъ дворѣ. Вдали отъ района военныхъ дѣйствій нарушенія школьной жизни вовсе не замѣтно, несмотря на то, что изъ педагогическаго состава многіе призваны къ служенію въ дѣйствующей арміи или къ ношенію милиціонныхъ обязанностей. Итальянскіе университеты дали уже много лучшихъ силъ своихъ на дѣло освобожденія Европы отъ германской гегемоніи. Впослѣдствіи мы поговоримъ о томъ, какъ европейская война отразилась на духѣ самой итальянской науки, до самаго недавняго времени насквозь пропитанной германизмомъ и научнаго и учебнаго характера; теперь отмѣтимъ лишь, что итальянская университетская семья потеряла на полѣ брани многихъ младшихъ своихъ сочленовъ-студентовъ и кое-кого изъ профессоровъ; такъ, погибъ геройской смертью Джакомо Венеціанъ, профессоръ гражданскаго права въ Болоньѣ, тріестинецъ и горячій патріотъ, пожелавшій стать въ первую линію окоповъ, не взирая на сравнительно почтенный возрастъ. Итальянское студенчество дало также много примѣровъ самаго беззавѣтнаго героизма; оно дало множество „сверхкомплектныхъ“ офицеровъ, быстро подготовившихся къ боевому искусу на ускоренныхъ офицерскихъ курсахъ Модены и Турина и отдавшихъ на благо родины много моло-

дыхъ и драгоцѣнныхъ жизней. Трудно читать безъ глубокаго волненія письма нѣкоторыхъ сочленовъ этой университетской молодежи къ ихъ семьямъ. Они „запрещаютъ плакать" своимъ матерямъ; они вспоминаютъ подвиги отцовъ и дѣдовъ, сражавшихся за объединеніе Италіи, и не допускаютъ мысли о томъ, чтобы чѣмъ либо оказаться хуже или ниже ихъ. Иногда они совершенно добровольно и обдуманно приносятъ себя въ жертву, чтобы достичь какого либо важнаго съ военной точки зрѣнія результата; память одного изъ такихъ храбрецовъ была почтена королемъ военной золотой медалью, соотвѣтствующей русскому Георгію первой солдатской степени. Всѣ университеты Италіи съ гордостью чествовали на открытіи академическаго года, соотвѣтствующемъ русскимъ университетскимъ актамъ, память своихъ почившихъ питомцевъ, число которыхъ къ концу войны выразится въ самой почетной для патріотизма итальянскаго студенчества цифрѣ.

Несмотря на то, что въ университетахъ остались лишь барышни и восемнадцатилѣтніе молодые люди, занятія продолжаются насколько возможно нормально. Призванные на военную службу освобождены отъ обязанности посѣщать лекціи и считаются записанными на текущій учебный годъ, пользуясь всѣми правами и преимуществами (какъ то стипендіями, освобожденіемъ отъ платы и пр. для тѣхъ, кто на это имѣлъ ранѣе право). Для оканчивающихъ курсъ и состоящихъ нынѣ въ дѣйствующей арміи отмѣнена обязательность представленія докторской диссертаціи, которую докторанты вольны замѣнить устнымъ коллоквіумомъ на выбранную кандидатомъ изъ трехъ предложенныхъ ему комиссіей экзаменаторовъ темъ. Мѣра эта вызвала въ свое время оживленную полемику, такъ какъ многіе авторитетные представители академическаго персонала находили, что подготовка къ устному экзамену мало чѣмъ легче составленія диссертаціи и для серьезнаго студента окажется столь же отвѣтственной и длительной, а для несерьезныхъ молодыхъ людей крайне несправедливо создавать привилегіи и санкціонировать официальный asylum ignorantiae. Впрочемъ, повидимому, изъ самихъ студентовъ мало кто захочетъ воспользоваться пріобрѣтеннымъ правомъ, такъ какъ laurea di guerra пользуется довольно неважной репутаціей и обладателю ея будущая карьера плохо гарантирована. Большинство, не взирая на войну, представляетъ письменную работу, обыкновенно довольно хорошую, по крайней мѣрѣ на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ студентовъ мало и профессора знаютъ всѣхъ и каждаго, и гдѣ поэтому

трудно пройти „контрабандой", тѣмъ болѣе что экзаменаціонная комиссія состоитъ изъ одиннадцати человѣкъ (въ томъ числѣ подкомиссія изъ трехъ докладчиковъ).

Продолжаютъ выходить научные труды и печатаются довольно регулярно ученые труды, хотя, конечно, при дороговизнѣ бумаги и недостаткѣ наборщиковъ, застой въ научной продуктивности неминуемъ.

Не взирая на войну, продолжаютъ выходить въ свѣтъ выпуски грандіознаго новаго изданія Scriptorum rerum Italicarum Муратори, дающаго, какъ извѣстно, критически пересмотрѣнный, совершенно обновленный текстъ источниковъ, обнародованныхъ великимъ итальянскимъ историкомъ, и обильный комментарій къ нимъ. За это время вышелъ четвертый и послѣдній выпускъ хроники Маттео Пальмьери, издаваемой Скарамеллой, и поэма Raynerii de Grancis De proeliis Tusciae, изданная Ч. Меликони. Продолжается и печатаніе превосходной коллекціи Scrittori d'Italia, выходящей въ Бари, у Латерцы: 1915 годомъ помѣченъ въ этомъ изданіи сборникъ стихотвореній Т. Кампанеллы, изданный Дж. Джентиле. Продолжали выходить въ свѣтъ и томики болѣе скромнаго по замыслу, но все же полезнаго собранія итальянскихъ классиковъ, издаваемаго въ Ланчано у Караббы. За 1915 годъ отмѣтимъ маккароническія стихотворенія magistri Stoppini („M. Stoppini poetae ponzanensis Capriccia maccaronica"). Незадолго до войны въ Мессинѣ начала выходить совершенно новая коллекція итальянскихъ писателей, задуманная и издаваемая проф. Чезарео. Отмѣтимъ дантовскую Vita nuova съ примѣчаніями самого Чезарео (1914); избранныя комедіи Гольдони (1916) и особенно полное собраніе стихотвореній Леопарди (1816 — 1837), изданное Манфредомъ Пореной (1916). Продолжалось изданіе монументальнаго собранія сочиненій Джузеппе Мадзини, выходящаго на счетъ министерства народнаго просвѣщенія (въ 1915 г. выпущенъ двадцать первый томъ) (четвертый томъ литературнаго отдѣла: Imola, Galeati, 1915). Венеціанская R. Deputazione di Storia Patria осуществила наконецъ мечту изслѣдователей итальянскаго Возрожденія и выпустила въ свѣтъ первый томъ полнаго собранія переписки Гуарино Веронскаго, давно подготовленнаго къ печати Ремиджьо Саббадини, но все почему-то не находившаго издателя. Вскорѣ за этимъ первымъ томомъ послѣдуютъ второй и третій. То же общество выпустило въ свѣтъ (R. Dep. Ven. di Storia Patria, serie II, Cronache e Diari, vol. IV) анонимную веронскую хронику—доселѣ неизданную—подготовленную

къ печати Дж. Соранцо. Изъ обильнаго количества изданій источниковъ или литературныхъ памятниковъ отмѣтимъ за 1915 годъ прежде всего фототипическое воспроизведеніе знаменитаго боккачьевскаго Zibaldone, опубликованное трудами маститаго префекта Лаврентіанской библіотеки, Гвидо Бьаджи (Firenze, Olschi, 1915). Почти одновременно появился во Флоренціи, у Бемпорада, первый томъ критическаго изданія комментарія Якова Алигьери къ божественной „Комедіи“ Аду; къ сожалѣнію, всего въ 75 экземплярахъ, съ критическимъ предисловіемъ Дж. Пиччини (извѣстнаго въ журналистикѣ подъ псевдонимомъ Ярро). Данте вообще посчастливилось въ истекшемъ году. Михаилъ Барби издалъ наконецъ лѣтомъ 1915 года свои Studi sul Canzoniere di Dante (Firenze, Società dantesca Italiana, 1915), классическій, монументальный трудъ, составляющій эпоху въ исторіографіи дантовской лирики. Одновременно одинъ изъ лучшихъ дантологовъ Италіи, Пьетробоно, издалъ очень почтенную „попытку комментарія“ къ Комедіи (Il Poema Sacro. Saggio di un' interpretazione. Bologna Zanichelli, 1915).

Переходя отъ начала новаго времени къ античности, отмѣтимъ выходъ въ свѣтъ перваго тома Studi della scuola papirologica della R. Accademia Scientifico-Letteraria di Milano (1915), гдѣ находимъ нѣсколько впервые изданныхъ папирусныхъ текстовъ (Гиппократъ, Афоризмы, изд. А. Кальдерини; отрывокъ письма, изд. имъ же; отрывки, относящіеся къ раздѣлу наслѣдства, изд. М. Мондини; счетъ зерна, изд. П. Козаттини, отрывокъ доклада нѣкоему comes, изд. П. Де Франчиши и У. Песталоцца; кромѣ того, тамъ же рядъ критическихъ монографій и замѣтокъ). Усиленно продолжается выходъ въ свѣтъ школьныхъ изданій греческихъ и латинскихъ классиковъ, иногда принимающихъ обликъ настоящихъ оригинальныхъ критическихъ возстановленій текста и снабженныхъ нерѣдко превосходными комментаріями. Тутъ-то намъ и придется потолковать вкратцѣ о германизмѣ въ итальянской школѣ. Осенью этого года въ ежедневной политической печати Италіи, обыкновенно очень живо отзывающейся на запросы культурной и умственной жизни страны, шелъ горячій споръ о томѣ, учиться ли молодежи или нѣтъ по тейбнеровскимъ изданіямъ и по нѣмецкимъ переводеннымъ не всегда грамотно на итальянскій языкъ учебникамъ. Надо сказать, что борьба съ германскимъ культуртрегерствомъ на школьной почвѣ Италіи очень трудна. До послѣдняго времени даже правительственныя программы предписывали, какъ норму экзаменаціонныхъ требованій, „столько-то страницъ тейбнеровскаго стереотипнаго изданія“; а о профессорахъ гимназій, ли-

цеевъ и университетовъ нечего было и говорить; они почему-то воображали Италію органически неспособной давать хорошія изданія классиковъ и выпускали свои труды съ большой скромностью и съ малыми надеждами. Тогда какъ нѣмецкій учебный товаръ распространялся по Италіи ловкими и дѣловитыми издателями-спеціалистами, а германскіе филологи тщательно замалчивали труды итальянскихъ коллегъ, даже когда пользовались ими (имѣю въ виду отношеніе проф. Диля къ Donatus auctus, изданному Саббадини, и отношеніе Шпенгеля младшаго къ великолѣпному изданію Варрона, вышедшему въ Венеціи трудами П. Каналя). Теперь, повидимому, дѣло измѣнится. Невзирая на благородныя тирады о „международномъ характерѣ“ науки, лившіяся довольно долго изъ устъ германофильствующаго меньшинства, большинство педагоговъ и само министерство стало горой на защиту отечественныхъ издателей и итальянской науки. Здѣсь позволю себѣ разсказать очень милый случай, отмѣченный однимъ изъ участниковъ вышеупомянутаго спора объ „умственномъ совершеннолѣтіи“ Италіи. Еще недавно въ итальянскихъ школахъ была въ ходу нѣмецкая карта Италіи, гдѣ указанія второстепенныхъ городковъ и мѣстностей почти отсутствовали, но рачительный издатель не позабылъ отмѣтить... Кустоцу. Какъ бы тамъ ни было, стоитъ принять во вниманіе, что несмотря на безпощадную конкурренцію Тейбнера со товарищи, итальянскіе издатели выпустили въ 1915 году (беру данныя съ мая по октябрь, за первое полугодіе войны) слѣдующія изданія классиковъ: Флоренція,—коллекція (очень хорошая) проф. Роморино: Катуллъ, Тибуллъ и Проперцій, Вергилій, Горацій, Метаморфозы Овидія; Болонья,—коллекція Дзаникелли, десятая книга Квинтиліана, со вступленіемъ, комментаріемъ и указателями изд. А. Бельтрами (впрочемъ 1914; но отмѣчаю это изданіе какъ очень полезное); Читта ди Кастелло,—Лапи (издатель новыхъ Rerum Italicarum Scriptores) латинская серія, Ливій, вторая книга, съ комментаріемъ Палотты, избранныя мѣста третьей декады, съ комментаріемъ Дж. Кастеллани, XXV книга, съ комментаріемъ Э. Казолати; Миланъ,—миланскій отдѣлъ общества Atene e Roma выпускъ шестой: Тиртей, текстъ и переводъ (анонимный); Ливорно,—Джусти, десятая книга Иліады, съ комментаріемъ С. Росси; Лукка,—избранныя эпиграммы Марціала, изд. Бьанки; Туринъ,—коллекція греч. класс. Ксенофонтъ, Anab. VII, ed S. Sciuto и т. д. (не претендую на полноту, да она и не имѣла бы важности). Замѣтимъ еще, что за текущій годъ итальянская классическая филологія дала монографію Леншантена де Губер-

натиса объ Энніи (Torino, Bocca, 1915), очень важный трудъ Сильвіо Ферри о Сивиллѣ (La Sibilla; saggio sulla religione popolare greca; Pisa, Nistri, 1915), первый выпускъ дополненій къ Corpus римскихъ христіанскихъ надписей Де Росси (ed. Josephus Gatti, Romae, 1915) и переводъ Лангобардской исторіи Павла Діакона (trad. Ub. Sansevero, Milano, 1915), не говоря о болѣе мелкихъ, хотя часто цѣнныхъ монографіяхъ, особенно о послѣднемъ томѣ Studi It. di Filologia Classica.—Въ области исторіи искусства нельзя обойти молчаніемъ Словаря итальянскихъ живописцевъ, составленнаго Антоніеттой Маріей Бессоне Аврели и вышедшаго съ предисловіемъ Коррадо Риччи (Città di Castello, Lapi, 1915). Эта же усердная работница выпустила у Бемпорада, во Флоренціи, біографію Джуліо Кловіо Вазари (Collezione diretta da P. L. Occhini ed E. Cozzani: Vita 157, vol. XXVII). Въ этой же области надо отмѣтить описаніе обновленной ватиканской пинакотеки, составленное ея хранителемъ Д'Акьарди (La nuova pinacoteca vaticana, Bergamo, Ist. It. di Arti Grafiche, 1915). Несчастіе, постигшее въ началѣ истекающаго года Абруццы, вызвало художественно-историческія монографіи Паплини и Муньоса, посвященныя памятникамъ, спасшимся отъ землетрясенія этого года. Упомянемъ описаніе художественныхъ сокровищъ Сіены (L. Dami, Siena e le sue opere d'arte, Toscana Illustrata, VI, San Casciano, Pesa, 1915). Интересенъ новый путеводитель П. Ланино по центральной Италіи (томъ I, Римъ—Гроссето—Сіена—Орвіето—Витербо—Римъ; Guida itineraria storico-artistica dell' Italia centrale; Bologna 1914). Отмѣчу еще G. Crocioni, Le Marche: letteratura, arte, storia; Città di Castello, Lapi, 1914. Позволю себѣ предложить очеркъ литературы по наиболѣе близко знакомой мнѣ области—итальянскому Возрожденію:

Lide Bertoli, La fortuna del Petrarca in Francia nella prima metà del sec. XIX, Livorno, Giusti, 1916. F. Lo Parco, Fr. Petrarca allo studio di Montpellier, Rend. Lincei, 1915. Igine Bracci-Combini, Francesco da Buti ed i suoi tempi, Prato Giachetti, 1915; R. Sabbadini, Sul testo delle lettere autografe del Boccaccio (Pavia, Tusi, 1915). F. Torraca, C. Boccaccio a Napoli, Pierro, 1915; G. Zonta, Fr. Zabarella, Padova, tip. Seminario, 1915; Francesco D'Ovidio, Benvenuto da Imola e la leggenda vergiliana (Atti dell' Acc. di Archeologia ecc. Napoli, 1915); F. Ercole, C. Salutati ed il supplizio dantesco di Bruto e Cassio. Boll. Soc. L. E. Alberti, Ecatonfilo ed. Giuseppe Talamo Atenolfi (Roma 1915); D. Pastine, Ant. Loschi, umanista vicentino (Rivista d'Italia, Roma, 1915); G. B. Picotti, Di un ms. bolognese dei Commen-

tari di Pio II (Bologna, Archiginnasio, 1915); Giov. Fesenti, Le poesie greche di A. A. Poliziano (Mem. R. Ist. Lombardo, 1915); G. Vollaro, Giano Anisio umanista dell' Accademia pontaniana, Napoli, Casella, 1914; Gothein-Persice, Rinanscimento nell' Italia meridionale, Biblioteca storica del Rinascimento, diretta da F. P. Luiso, Firenze, Sansoni, 1915; vol. VI этой чрезвычайно важной коллекціи (итальянскій переводъ Готгейна снабженъ примѣчаніями и указателемъ переводчика); A. Roviglio, L'umanesimo e la scoperta dell' America (Udine, 1915); Egidio Canisio da Viterbo, Lettere inedite, pubblicate a cura di G. Pazzaglia, Roma, 1915; G. B. Picotti, Sulla data dell' Orfeo e delle Stanze del Poliziano (Rend. Lincei, 1915); G. B. Picottitra, La donna ed il lauro (A. Poliziano), Giorn. St. Lett. It. 1915; Gius. Della Sante, Callimaco Esperiente (замѣтка въ Nuovo Arch. Veneto 1915); о Каллимахѣ въ настоящее время печатается прекрасная монографія Луиджи Кальвелли (Misc. Storica della Val d'Elsa, 1915) и готовится спеціальная работа о „Rady Kallimachowe" и политическихъ убѣжденіяхъ этого итало-польскаго дѣятеля Маріи Антоніетты Кульчицкой; Maria Besanti Villa; Ercole Strozzi, la Venatio nell' autografo milanese (Mem. R. Ist. Lombardo, 1915); A. Sainati, Jacopo Sannazaro e Gioacchino Du Bellay, Pisa, Spoerri, 1915; G. Pesenti, Poesie latine di P. Bembo (Giorn. Stor. della Lett. It. 1915); F. Cavicchi, G. da Casio (parte I) Giorn. Stor. Lett. It. 1915, тамъ же G. Bertoni, Note su M. Equicolo bibliofilo e cortigiano; Anna Benedetti, l'Orlando Furioso nella vita intellettuale del popolo inglese. Firenze, Bemporad, 1914; Biringuccio Vannoccio, De la pirotechnia (1540) ed. critica a cura di Aldo Mieli, Bari, 1914; W. Pasini, I tipi estetici della donna italiana ecc. Rocca S. Cassiano, Cappelli, 1914.

Война вызвала цѣлую литературу, особенно относящуюся къ Балканскому полуострову, Россіи и Польшѣ. Отмѣтимъ вскользь предсмертный трудъ маститаго Д'Анконы о Джузеппе Пьаттоли и его дѣятельности въ эпоху раздѣловъ Польши (Firenze, Barbera, 1915); непосредственно къ исторіи русско-итальянскихъ отношеній слѣдуетъ отнести статью венеціанскаго архивиста Р. Чесси „Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770" (Atti R. Ist. Veneto, 1915); отчасти къ Россіи относится и работа E. Petrazzone, Cagliostro nella storia e nella leggenda, Palermo, Sandron, 1915.

В. Забугинъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ.

Въ февральской книжкѣ *Журнала Мин. Нар. Просв.* за нынѣшній годъ напечатано продолженіе статьи проф. С. И. Соболевскаго, озаглавленной „Александръ Николаевичъ Шварцъ". На стр. 106-ой приводятся изъ письма отъ 24-го ноября 1902 г. слѣдующія слова А. Н. Шварца, состоявшаго тогда попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа:

„Довольно затруднительно мое положеніе именно здѣсь [*т. е. въ Варшавѣ*] собственно благодаря тому, что генералъ-губернаторъ на ножахъ сейчасъ съ нашимъ министромъ, но, авось, и это уляжется, потому что, какъ всегда, замѣшано здѣсь пустое самолюбіе, и если не ***—а, человѣка до крайности нервнаго, то Ч—а, стараго, разумнаго россіянина, кажется, можно будетъ отклонить отъ совѣмъ ненужной борьбы".

Такое изложеніе представляетъ все дѣло въ невѣрномъ освѣщеніи. Разномысліе министерства съ генералъ-губернаторомъ было обусловлено важными принципіальными и практическими соображеніями. Оно касалось вопроса о языкѣ преподаванія католическаго Закона Божія въ нѣкоторыхъ изъ учебныхъ заведеній округа. Въ одной изъ гимназій его произошли безпорядки на почвѣ протеста учащихся противъ обязательнаго употребленія государственнаго языка на урокахъ ксендза-законоучителя. Послѣдовали строгія репрессивныя мѣры, вызвавшія въ свою очередь агитацію въ пользу школьной забастовки. Движеніе все сильнѣе разросталось [1]), и когда я въ апрѣлѣ 1902 г.

---

[1]) А. Н. Шварцъ и самъ признается (стран. 105) въ письмѣ отъ 26-го мая 1902 г., что "въ Царствѣ Польскомъ дѣла [*учебныя*] пошли скверно (за послѣднее время даже и совсѣмъ плохо)". Только онъ напрасно прибавляетъ, что я за него "ухва-

вступилъ въ управленіе министерствомъ, то долженъ былъ обратить на него серьезное вниманіе. Но высказанныя мною предположенія не встрѣтили сочувствія со стороны генералъ-губернатора М. И. Черткова, и переписка затянулась на цѣлый годъ. Ясно, что ни та, ни другая сторона, при одинаковой убѣжденности обѣихъ въ правотѣ своего взгляда и при острой актуальности вопроса, не могла признать борьбу въ данномъ случаѣ "совсѣмъ ненужной": соглашенія достигнуть не удалось, и дѣло было перенесено въ комитетъ министровъ. Окончательное свое рѣшеніе оно получило въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 25-го мая 1903 г. на имя министра народнаго просвѣщенія (*Правит. Вѣстн.* № 116 за 1903 г.).

На той же стран. 106-ой я нахожу еще такую цитату изъ письма попечителя Шварца отъ 2-го ноября 1903 г.:

„Что напр. уже сейчасъ выпускаютъ провинціальные университеты и особенно здѣшній Варшавскій, это уму непостижимо. Вѣрьте, не вѣрьте, но смѣю увѣрить Васъ честнымъ словомъ, что иногда стыдно сидѣть на урокѣ: до такой степени врутъ учителя латинскаго и русскаго языковъ. Особенно добръ былъ, кажется, ***, благо слушатели его "обожали", къ чему онъ, говорятъ, былъ очень чувствителенъ. Ну, и надѣлалъ преподавателей".

Поражаетъ и тутъ низменный взглядъ на причину свидѣтельствуемаго подъ честнымъ словомъ явленія: виновата во всемъ, какъ оказывается, невзыскательность профессоровъ; особенно велико было, будто бы, благодушіе одного изъ нихъ, объясняемое тѣмъ, что оно доставляло ему "обожаніе" слушателей. Фамилія этого профессора въ статьѣ г. Соболевскаго опущена; вслѣдствіе того неясно, говорится ли о представителѣ каѳедры русской словесности или же о профессорѣ римской словесности. Но если принять во вниманіе, что разумѣемое лицо въ ноябрѣ 1903 г. болѣе не служило въ Варшавскомъ университетѣ (это видно изъ прошедшаго времени, неоднократно употребленнаго въ двухъ послѣднихъ фразахъ цитаты), то неизбѣжно приходишь къ заключенію, что рѣчь шла либо о покойномъ нынѣ А. И. Смирновѣ либо обо мнѣ. Ежели былъ названъ А. И. Смирновъ, то я не могу не протестовать противъ инсинуаціи, будто онъ понижалъ свои требованія на выпускныхъ испытаніяхъ, гоняясь за популярностью: А. И. Смирновъ былъ человѣкъ въ высокой степени скромный и добросовѣстный, которому демагогическія замашки оставались всю жизнь совершенно чужды. Если же упоминалось въ данномъ письмѣ обо мнѣ, то я огра-

---

тился": напротивъ, онъ выражалъ мнѣ письменно свои сѣтованія по поводу того, что находится очень долго въ неизвѣстности, будетъ ли назначенъ въ Варшаву.

ничусь констатированіемъ, что отмѣтки по латинскому языку выставлялись на окончательныхъ испытаніяхъ не иначе, какъ по соглашенію обоихъ представителей каѳедры [1]), и что бывали случаи, когда студенты IV-аго курса классич. отдѣленія оставлялись факультетомъ, въ виду результатовъ испытанія, на второй годъ на томъ же курсѣ. Помимо того, едва ли можно было сказать обо мнѣ, что я "надѣлалъ" будь ли то хорошихъ или плохихъ учителей латинскаго языка въ Варшавскомъ округѣ: поляковъ въ этомъ округѣ не назначали послѣ 1884 года преподавателями древнихъ языковъ, а русскіе студенты Варш. у—та поступали весьма неохотно на классическое отдѣленіе истор.-филол. факультета, такъ что за время отъ 1887-ого до 1899-аго г., т. е. за тѣ тринадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ я имѣлъ отношеніе къ каѳедрѣ римской словесности въ Варшавѣ, всего четверо русскихъ окончили здѣсь курсъ по классич. отдѣленію и стали учителями въ гимназіяхъ округа. Не шли же русскіе на классич. отдѣленіе какъ разъ потому, что семинаристы, которые составляли тогда главный процентъ русскихъ слушателей и.-ф. факультета, не чувствовали себя достаточно подготовленными для успѣшнаго прохожденія курса по соотвѣтственному рязряду наукъ: иными словами, на снисходительность экзаменаторовъ они отнюдь не разсчитывали.

Крайне рѣзкій отзывъ попечителя Шварца объ учителяхъ латинскаго языка, выпускавшихся Варшавскимъ университетомъ, представляется вообще загадочнымъ. Въ 1903 г. состояли учителями древнихъ языковъ въ Варшавскомъ округѣ (считая директоровъ-классиковъ) 82 человѣка. Изъ нихъ 48 получили образованіе не въ Варшавѣ [2]). Прочіе 34 распредѣлялись такимъ образомъ: 4 воспитанника б. Варш. Главной Школы, назначенные въ 1866—71 гг., и 30 воспитанниковъ Варш. у—та, изъ коихъ 26 были назначены въ періодъ отъ 1872-ого до 1887-ого г., а 4—между 1892-ымъ и 1898-ымъ гг. Неопытными могли тутъ, пожалуй, казаться два преподавателя, назначенные въ 1898-омъ г. Но изъ нихъ одинъ состоялъ одно время стипендіатомъ, оставленнымъ при университетѣ для подготовленія къ профессурѣ: поэтому, еслибъ это онъ "вралъ" на своемъ урокѣ въ

---

[1]) То же самое должно, конечно, замѣтить и о протоколахъ испытаній по русской словесности.

[2]) Притомъ, 9 воспитывались въ Имп. и.-ф. институтѣ, 12 въ Нѣжинскомъ и—тѣ, 3 въ Лейпцигской и.-ф. семинаріи, 5 въ Петерб. ун., 5 въ Московск. ун., 5 въ ун. св. Владим., 3 въ Новоросс. ун., 1 въ Харьковск. ун., 1 въ римско-катол. дух. ак., 2 въ Львовск. ун., 1 въ Вѣнск. ун., 1 въ Копенгаг. ун.

присутствіи попечителя, послѣдній не преминулъ бы подчеркнуть въ своемъ письмѣ, что бывшій кандидатъ-стипендіатъ Варш. у—та впадалъ въ грубыя ошибки. Другой же не имѣлъ кандидатской степени, т. е. не характеризовался университетомъ, какъ слушатель, вполнѣ удовлетворительно окончившій курсъ. Если, слѣдовательно, попечитель остался недоволенъ именно его урокомъ (чего я ничуть не утверждаю), то справедливо ли было примѣнить тутъ Вергиліево *ab uno disce omnes?* [1])

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что не болѣе благопріятно А. Н. Шварцъ отзывается въ рядѣ писемъ 1900 года о преподававшихъ тогда въ *Рижскомъ* округѣ воспитанникахъ обоихъ ист.-филол. институтовъ (стран. 100 и 101). Осуждаетъ онъ и ихъ огульно, безъ разбора, предпочитая имъ даже своихъ "оборышей". Такая систематическая предвзятость сужденія лишаетъ, очевидно, эти аттестаціи всякой убѣдительности, особенно въ виду того, что, говоря о нѣкоторыхъ весьма неудачныхъ ученикахъ классич. отдѣленія Московскаго университета, А. Н. Шварцъ поступаетъ совершенно наоборотъ, т. е., естественно, воздерживается отъ обидныхъ для своего университета обобщеній и не упрекаетъ себя самого въ предосудительной снисходительности къ невѣжественнымъ слушателямъ [2]).

Характерный образчикъ ненадежности показаній о чужой дѣятельности представляютъ на стран. 107-ой слѣдующія строки изъ письма отъ 6-го апрѣля 1903 г.:

„по дѣламъ здѣшнихъ начальныхъ школъ, совсѣмъ заброшенныхъ прежними попечителями, собиралъ... съѣздъ начальниковъ учебныхъ дирекцій" *и т. д.*

Я, конечно, не стану говорить о себѣ, но считаю своимъ долгомъ заявить, что по отношенію къ моимъ предшественникамъ въ

---

[1]) Я не могу сказать съ точностью, на чьихъ урокахъ попечитель Шварцъ былъ до 2-го ноября 1903 г. въ Варш. округѣ, но помню его устные доклады: когда я разспрашивалъ его о вынесенныхъ изъ посѣщенія гимназій впечатлѣніяхъ, то уничижительнаго отзыва, подобнаго разбираемому, отъ него не слыхалъ.

[2]) См. стран. 102: "думаю взять Ж—па, который, помнится, хоть элементы грамматики не совсѣмъ еще забылъ. С—чъ ихъ никогда не зналъ". Это приводится изъ письма отъ 14-го мая 1901 г., и проф. С. И. Соболевскій поясняетъ: „Разумѣются два ученика А. Н—ча и мои, студенты классическаго отдѣленія Московскаго университета". Далѣе рѣчь идетъ о другомъ воспитанникѣ того же у—та, который преподавалъ въ старшихъ классахъ одной изъ гимназій Рижскаго округа, но за 10 лѣтъ преподаванія, какъ и въ у—тѣ, "прочесть Горація не удосужился". Спрашивается, какъ могли, сравнительно съ такими учителями, считаться негодными *всѣ* выпущенные и выпускавшіеся институтами или Варшавскимъ университетомъ классики?

Варшавѣ заключается вопіющая неправда въ словахъ „совсѣмъ заброшенныхъ". Кто же, какъ не "прежніе попечители", создалъ начальную школу въ округѣ, кто же организовалъ для нея учительскія семинаріи, добился возведенія зданій для начальныхъ училищъ, хлопоталъ о казенныхъ средствахъ для вспомоществованія гминамъ и сельскимъ обществамъ, настоялъ на увеличеніи окладовъ учителей, устроилъ школьныя библіотеки, преобразовалъ варшавскій помологическій садъ, снабжавшій весь округъ сѣменами и плодовыми деревьями, наладилъ дѣятельность начальниковъ дирекцій, ввелъ инспекцію, направлялъ разработку программъ и методики преподаванія, ограждалъ неустанно начальную школу отъ разнообразныхъ посягательствъ на нее, словомъ сказать, кто, какъ не предмѣстники попечителя Шварца, насадилъ эту школу, взростилъ ее и руководилъ ею при посредствѣ испытанныхъ помощниковъ и сотрудниковъ? Умалять заслуги Ѳ. Ѳ. Витте, А. Л. Апухтина и В. Н. Лигина въ данномъ отношеніи не подобало поистинѣ тому, на чью долю благодаря именно ихъ неоспоримому подвигу выпала тутъ задача, потребовавшая несравненно менѣе энергіи, нежели сколько ея было затрачено каждымъ изъ нихъ на дѣло народнаго образованія въ краѣ. Лица эти, правда, не вполнѣ сходились въ своемъ *направленіи* (чтò находилось въ связи съ колебаніями русской политики въ Царствѣ), но постоянныя ихъ заботы о начальной школѣ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Еще коснусь направленнаго противъ меня мѣста изъ письма отъ 25-го іюня 1903 г. (стран. 108):

Что хотятъ сдѣлать изъ нашей средней школы, что сдѣлаютъ изъ университетовъ, никто не знаетъ, и ***, повидимому, менѣе другихъ. — — даже признака дѣла не вижу. Лучшіе департаментскіе чиновники совершенно отчаялись и бѣгутъ изъ департамента цѣлой гурьбой. Даже стòрожа махаютъ рукой и жалуются на "каторжную" жизнь.

Оставляю въ сторонѣ явный вздоръ во второй части цитаты: никто при мнѣ изъ состава департамента не выбывалъ, и такимъ образомъ выраженіе "*лучшіе*... чиновники... бѣгутъ... цѣлой *гурьбой*" даже не гипербола, не обычная въ слогѣ А. Н. Шварца δείνωσις, а голая импровизація расходившагося любителя, разсчитанная на непоколебимую довѣрчивость корреспондента [1]).

[1]) Другой адресатъ, естественно, удивился бы, что чиновники бѣгутъ гурьбой изъ департамента, пришедши оттого въ отчаяніе, что у нихъ слишкомъ мало въ немъ дѣла. Не знаю, называли ли также А. Н. Шварцу сторожа свою жизнь вслѣд-

Что же касается первой части даннаго отрывка, то я въ правѣ привести въ опроверженіе ея лишь нѣкоторые факты. Высочайшія указанія о средней школѣ были преподаны министерству 15-го марта 1903 года. Тотчасъ послѣдовало ихъ обнародованіе, и весь вопросъ я передалъ, согласно закону, для предварительной разработки въ Ученый Комитетъ. А. Н. Шварцъ не могъ не знать этого въ іюнѣ 1903 года. Какой же смыслъ имѣло его утвержденіе: "Что хотятъ сдѣлать изъ нашей средней школы,... никто не знаетъ"? Обращаюсь къ словамъ: "что сдѣлаютъ изъ университетовъ, никто не знаетъ, и ***, повидимому, менѣе другихъ". По моему всеподданнѣйшему докладу послѣдовало уже въ маѣ 1902 г. Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при министерствѣ особой коммиссіи для обсужденія вопросовъ о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній. Засѣданія коммиссіи открылись 30-го сентября того-же года, причемъ во вступительной рѣчи своей я пояснилъ, что министерство проситъ коммиссію высказаться по тѣмъ основнымъ вопросамъ, та или другая постановка которыхъ естественно и должна опредѣлить редакцію подлежащихъ затѣмъ проектированію уставовъ. Занятія коммиссіи окончились 17-го декабря того же года: она пришла, между прочимъ, къ заключенію, что принципомъ наилучшаго устройства является автономія высшихъ учебныхъ заведеній, и предсѣдательствовавшій товарищъ министра, закрывая коммиссію отъ имени министерства, выразилъ надежду, что въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ постановленія коммиссіи будутъ приняты во вниманіе. Труды коммиссіи, составившіе пять томовъ, издавались какъ разъ въ 1903 году, такъ какъ должны были лечь въ основаніе проектовъ министерства. Все это не составляло тоже секрета. Справедливо ли въ такомъ случаѣ А. Н. Шварцъ винитъ меня? Позволю себѣ прибавить, что установленный при мнѣ, въ видѣ временной мѣры, учебный порядокъ продержался въ средней школѣ болѣе десяти лѣтъ, и что единственное, что̀ удалось сдѣлать въ тотъ же періодъ для университетовъ, состояло въ исполненіи даннаго имъ въ 1902 г. обѣщанія автономіи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи.

Г. Зенгеръ.

ствіе того "каторжной", что у нихъ мало работы, но я охотно допускаю, что сторожа только "махають рукой", когда пріѣзжій попечитель передъ своимъ докладомъ министру пытается злословить въ компаніи съ ними этого самаго министра.

СПИСКИ

павшихъ въ бояхъ съ непріятелемъ и отличившихся на полѣ брани воспитанниковъ и бывшихъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Убиты или скончались отъ ранъ:

Гимназій: Пензенской учрежденной С. А. Пономаревымъ—Алексѣй *Фуксъ,* Новгородской Императора Александра I — Владимиръ *Космоненко,* Казанской второй — Петръ *Садовниковъ* и Борисъ *Соловьевъ* Глазовской Николаевской — Георгій *Поповъ.*

Реальныхъ училищъ: Тифлисскаго, имени намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ графа И. И. Воронцова-Дашкова — Владимиръ *Кулебакинъ,* Гатчинскаго имени Императора Александра III — Евгеній *Масино,* Павелъ *Квятковскій,* Федоръ *Угрюмовъ,* Павелъ *Бѣлавинъ* и Александръ *Васильевъ.*

Удостоились наградъ и отличій:

Гимназій: Глазовской Николаевской — Георгій *Поповъ,* Велико-Устюгской — Алексѣй *Кудряшевъ,* Новгородской Императора Александра I — Владимиръ *Космоненко,* Пензенской учрежденной С. А. Пономаревымъ — Сергѣй *Громанъ,* Павелъ *Кособрюховъ* и Георгій *Гильдебрандъ,* Виленской частной еврейской П. И. Кагана—Самуилъ *Бекеръ.*

Реальныхъ училищъ: Тифлисскаго, имени намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ графа И. И. Воронцова-Дашкова— Сампсонъ *Матиковъ,* Гатчинскаго имени Императора Александра III— Федоръ *Угрюмовъ.*

Омской учительской семинаріи — Михаилъ *Корниловъ.*

Начальныхъ училищъ: Верхне-Курмоярскаго—Михаилъ *Самсоновъ,* Ново-Николаевскаго — Георгій *Тутутбалинъ.*

ВОЕННО-САНИТАРНОЕ ДѢЛО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

I.

Между тѣмъ какъ военно-санитарная организація римской арміи въ главныхъ чертахъ извѣстна намъ довольно хорошо, хотя и нуждается въ новой обработкѣ на основаніи всего существующаго матеріала, постановка военно-санитарнаго дѣла въ древней Греціи и участіе въ немъ широкихъ слоевъ населенія освѣщены весьма недостаточно, да и матеріалъ, которымъ мы для этого располагаемъ, надо сознаться, весьма и весьма скуденъ, такъ что о многомъ нужно догадываться, за неимѣніемъ ни документальныхъ, ни литературныхъ свидѣтельствъ,—догадываться на основаніи большей или меньшей вѣроятности, исходя изъ общихъ соображеній.

Постановка военно-санитарнаго дѣла стоитъ вообще въ тѣсной связи какъ со способами и пріемами веденія войнъ, такъ и съ общей организаціей арміи. Съ другой стороны стремленіе облегчить участь жертвъ войны является лишь по достиженіи извѣстнаго культурнаго уровня, когда идеи гуманности начинаютъ уже ясно сознаваться обществомъ и государствомъ.

Помощь раненымъ воинамъ можетъ оказываться двояко—на полѣ битвы и въ лагерѣ, въ тылу арміи. Сообразно съ этимъ подача помощи выражается въ устройствѣ подачи первой помощи на самомъ полѣ битвы летучими санитарными отрядами и перевязочными пунктами, слѣдующими непосредственно за вступившимъ въ битву войскомъ, и въ организаціи лазаретовъ въ тылу, на второй боевой линіи. Послѣдніе по своему характеру распадаются на подвижные и постоянные. Подвижные лазареты передвигаются вслѣдъ за своей арміей или ея частью и принимаютъ такихъ раненыхъ, которые не могутъ, по оказаніи первой помощи на перевязочномъ пунктѣ, вер-

нуться въ строй и нуждаются въ болѣе продолжительномъ лѣченіи. При значительныхъ военныхъ операціяхъ, соединенныхъ съ крупными потерями и съ передвиженіемъ войскъ на далекія разстоянія, подвижные лазареты тыла лишены возможности тащить за собою громоздкіе транспорты раненыхъ, количество которыхъ притомъ должно постепенно возрастать по мѣрѣ развитія операцій. Сама собою является необходимость въ эвакуаціи ихъ и въ устройствѣ сборныхъ эвакуаціонныхъ пунктовъ и постоянныхъ госпиталей вдали отъ театра дѣйствій, откуда раненые препровождаются далѣе и разсѣиваются по госпиталямъ внутреннихъ частей государства. Здѣсь уже открывается широкое поле дѣятельности для частной иниціативы и общественной помощи, помимо спеціальной военно-санитарной организаціи.

Уже изъ этихъ соображеній видно, насколько сложной должна представляться военно-санитарная организація въ томъ видѣ, какъ она только что изображена и какою она въ общихъ чертахъ является въ современныхъ арміяхъ культурныхъ государствъ. Конечно, такой степени развитія она достигла не сразу, а путемъ медленной эволюціи. Съ другой стороны, сложность ея зависитъ отъ размѣровъ нынѣшнихъ армій и обширности современныхъ государствъ. Уже a priori можно сказать, что въ древности было иначе. Въ высшей степени поэтому интересно прослѣдить, насколько возможно, развитіе военно-санитарнаго дѣла въ той странѣ, изъ которой ведетъ свое начало вся современная медицина и которая первая, какъ мы увидимъ ниже, въ весьма еще отдаленныя времена на помощь государству мобилизовала общественныя силы для облегченія страданій потерпѣвшихъ на полѣ брани воиновъ.

II.

На первыхъ ступеняхъ соціальнаго развитія, когда война ведется еще примитивнымъ способомъ и сраженіе между двумя воюющими сторонами носитъ характеръ случайныхъ поединковъ между отдѣльными воинами, гдѣ не искусство полководца и не планомѣрность движеній войска, какъ стройнаго дисциплинированнаго цѣлаго, а личныя качества отдѣльныхъ участниковъ боя рѣшаютъ его исходъ, и медицинская помощь носитъ иррегулярный, случайный характеръ: воины сами себѣ или другъ другу оказываютъ помощь, врачи появляются на болѣе высокой ступени культурнаго развитія.

Въ тѣ отдаленныя времена доисторической жизни Греціи, которыя описываетъ Ѳукидидъ въ началѣ своей исторіи, мы видимъ, что „вся

Эллада носила оружіе вслѣдствіе беззащитности жилищъ и небезопасности путей сообщенія другъ съ другомъ; и подобно варварамъ, (греки) составили себѣ привычку не покидать оружія: доказательствомъ того, что подобный образъ жизни былъ обычнымъ для всѣхъ, служатъ еще до сихъ поръ живущія такимъ образомъ области Эллады" (Thucyd. I, 6). Въ это время не было правильныхъ войнъ между племенами, а существовали только хищническіе набѣги, по свидѣтельству того же Θукидида (I, 5), и, какъ ихъ слѣдствіе, отвѣтные набѣги, о которыхъ неоднократно упоминается у Гомера (Il. I, 152 слл. XI, 670 слл. Od. XXI, 18). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ лилась кровь и наносились обоюдныя раны. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, какъ можно думать, хирургическая помощь оказывалась ближайшими друзьями соратниками, уносившими раненыхъ съ поля битвы и доставлявшими ихъ домой на попеченіе женщинъ, въ числѣ добродѣтелей которыхъ прославлялось и знаніе „свойства всѣхъ травъ, что растутъ на землѣ необъятной" (Il. XI, 741, пер. Минскаго). Болѣе легкія раны перевязывались самими ранеными, какъ это сплошь да рядомъ дѣлается и теперь и какъ это мы видимъ еще въ Иліадѣ, гдѣ Діомедъ самъ себѣ вынимаетъ стрѣлу изъ ступни. Поэтъ такъ разсказываетъ объ этомъ:

Не напрасно стрѣла изъ руки Пріамида помчалась:
Въ правую ногу попала въ подъемъ и, насквозь пролетѣвши,
Въ землю воткнулась стрѣла (Иліада XI, 376 слл., пер. Минскаго).
....И тогда Одиссей копьеносецъ, приблизясь,
Сталъ впереди, а за нимъ сынъ Тидея, присѣвъ, изъ подошвы
Быструю вынулъ стрѣлу—его тѣло пронзило страданье.
На колесницу вскочивъ, онъ соратнику далъ повелѣнье
Гнать къ углубленнымъ судамъ, ибо сердцемъ отъ мукъ обезсилѣлъ.
(Ibid. 396 слл.).

Въ другомъ случаѣ Патроклъ оказываетъ помощь Эврипилу, сыну Эвемона (Il. XI, 810 слл., 842 слл., пер. Минскаго):

Шелъ онъ изъ битвы, хромая, стрѣлою въ бедро пораженный:
Потъ съ головы Эврипила и съ плечъ его лился ручьями,
Черная брызгала кровь изъ зіяющей раны ужасной.
Но не взирая на это, владѣлъ онъ сознаніемъ твердо.
Видя его сынъ Менойтія храбрый почувствовалъ жалость...
....и, пастыря войска обнявши подъ грудью, уводитъ
Въ ставку его, гдѣ служитель постлалъ ему шкуры воловьи.
Тамъ онъ героя кладетъ и мечемъ [1]) изъ бедра вырѣзаетъ

[1]) Лучше, можетъ быть, было бы перевести: ножемъ, такъ какъ μάχαιρα означаетъ не только „мечъ" но и хирургическій инструментъ (скальпель или ланцетъ).

Острую жгучую мѣдь, омываетъ водой тепловатой
Черную кровь, и, въ рукахъ растеревъ, корешкомъ обсыпаетъ
Горькимъ, смягчающимъ боли, и всѣ вдругъ утихли страданья.
Вскорѣ и рана обсохла, и кровь перестала сочиться.

То же мы видимъ и на сторонѣ троянцевъ, гдѣ Политъ оказываетъ помощь Деифобу въ томъ смыслѣ, что увозитъ его съ поля битвы (Ил. XIII, 533—540), какъ это было и съ Гекторомъ (XIV, 428—439), или Агеноръ дѣлаетъ перевязку Гелену (XIII, 598 сл.):

Мѣдь изъ руки Пріамида извлекъ Агеноръ благородный,
Руку жъ пращей обвязалъ, крѣпко сшитой изъ шерсти овечьей.

Припомнимъ, что и теперь въ десмургіи употребляется для различныхъ перевязокъ бинтъ, по своему виду называемый пращей.

Однако врачебная помощь подавалась не только соратниками, которыхъ случай или опытъ научилъ простѣйшимъ средствамъ и пріемамъ хирургической техники и которые сообщали другъ другу извѣстныя имъ средства, какъ Ахиллъ Патроклу (XI, 831 сл.): были при войскѣ ахеянъ и настоящіе врачи, на попеченіе которыхъ поступали серьезно раненые. Такъ Идоменей (XIII, 211 слл.):

Возвращался отъ друга, что битву недавно покинулъ,
Раненный ниже колѣна копья заостренною мѣдью.
Вынесенъ былъ онъ дружиной. Его-то врачамъ поручивши,
Идоменей возвращался въ шатеръ.

Въ XVI пѣсни Иліады Патроклъ говоритъ Ахиллу (23—29):

...Всѣ воины наши, дотолѣ храбрѣйшіе въ битвѣ,
Нынѣ лежатъ на судахъ, кто стрѣлой, кто копьемъ пораженный.
Раненъ Тидея воинственный сынъ, Діомедъ непреклонный,
Раненъ метатель копья Одиссей и Атридъ Агамемнонъ,
Раненъ стрѣлою въ бедро Эврипилъ, славный сынъ Эвемона.
Всѣхъ ихъ врачи окружаютъ, снабженные множествомъ зелій,
Лѣчатъ ихъ раны...

По сообщенію схолій (Schol. Vict. XIII, 213) это были, такъ сказать, „полковые“ врачи, „ибо они распредѣлялись по полкамъ“ (κατὰ ἔθνη γὰρ ἦσαν, cf. Aristarch. ad Il. XIII, 241 слл.).

Въ исторіи военнаго искусства Иліада Гомера обрисовываетъ намъ военныя отношенія въ высшей степени простыми. Однако, какъ въ боевомъ, такъ и въ военно-санитарномъ отношеніи греки этой эпохи вышли уже изъ состоянія примитивности и первобытной дикости [1]).

[1]) Ср. Geschichte des Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhos. Nach den Quellen bearbeitet v. *W. Rüstow* u. *H. Köchly*, Aarau 1852, 8. *A. Bauer*, D. Kriegsaltertümer въ Handb. *Ив. Мюллера* IV, 232.

Правда, еще нѣтъ полнаго раздѣленія между врачебной и военной дѣятельностью, да это и не могло быть иначе, пока ношеніе оружія и воинское званіе разсматривалось какъ прирожденная обязанность всякаго свободнаго мужчины. Поэтому врачи героическаго времени не только подаютъ помощь въ тылу, въ лагерѣ, но и лично еще участвуютъ въ битвѣ, являясь столько же знаменитыми воинами и предводителями, сколько и славными и искусными цѣлителями, оказывающими помощь въ разгарѣ боя, на самомъ полѣ сраженія. Такими воинами-врачами были Подалирій и Махаонъ, которыхъ поэтъ обрисовываетъ въ слѣдующихъ чертахъ (Il. II, 729 слл.):

Далѣе шли, кто родился въ гористой Иѳомѣ и Триккѣ,
Кто населялъ Эхалію, Эврита Эхальскаго городъ.
Были у нихъ полководцами двое дѣтей Эскулапа,
Славные оба врачи, Подалирій и также Махаонъ;
Тридцать глубокихъ судовъ вслѣдъ за ними приплыло рядами.

Когда во время сраженія былъ раненъ Менелай, Агамемнонъ говоритъ Талѳибію (IV, 193 слл.):

„Ты призови чѣмъ скорѣй, о Талѳибій, сюда Махаона,
Мужа-бойца, Эскулапа, врача безпорочнаго, сына.
Пусть онъ осмотритъ вождя Менелая, любимца Арея"...
Такъ онъ промолвилъ и, внявши, его не ослушался вѣстникъ.
Онъ торопливо пошелъ чрезъ толпу мѣднобронныхъ Ахейцевъ,
Мужа ища Махаона. Его онъ увидѣлъ стоящимъ,
И окружали героя ряды щитоносцевъ могучихъ...
Ставши вблизи отъ него, онъ промолвилъ крылатое слово:
„Сынъ Эскулапа, идемъ! Зоветъ тебя царь Агамемнонъ,
Чтобъ осмотрѣлъ ты вождя Менелая, любимца Арея"...
Такъ онъ промолвилъ и сердце въ груди Махаона встревожилъ.
Оба, идя чрезъ толпу, по широкому войску Ахейцевъ,
Къ мѣсту пришли, гдѣ стрѣлой былъ сраженъ Менелай русокудрый...
Тотчасъ извлекъ Махаонъ стрѣлу, что вонзилася въ поясъ,
И, вынимая ее, изломалъ всѣ зазубрины мѣди...
Рану затѣмъ осмотрѣлъ, гдѣ стрѣла заостренная пала,
Высосалъ кровь и, цѣля, облегчающимъ зельемъ посыпалъ,
Тѣмъ, что когда-то Хиронъ далъ отцу его въ память о дружбѣ.

Вскорѣ, однако, и самъ Махаонъ выбываетъ изъ строя, раненный стрѣлою Париса. Эта случайность даетъ поводъ Идоменею (XI, 514 сл.) замѣтить, что

Многихъ воителей стоитъ одинъ врачеватель искусный,
Тотъ, кто и стрѣлы извлечь и лѣкарствомъ посыпать умѣетъ.

Рана въ плечо оказалась, повидимому, серьезной, такъ какъ врачу-

воину пришлось лечь въ постель. Это мы узнаемъ изъ словъ Эврипила, обращенныхъ къ Патроклу съ просьбой вынуть стрѣлу, вонзившуюся ему въ бедро.

„Что же до нашихъ врачей, Подалирія и Махаона.—

говоритъ Эврипилъ (XI, 833)—

То опасаюсь, что этотъ въ палаткѣ лежитъ, пораженный,
Самъ въ безпорочномъ теперь врачевателѣ нужду имѣя,
Тотъ же находится въ полѣ въ кровавой съ троянцами битвѣ".

Евстаѳій (859) и Таунлеевскія схоліи (ad XI, 514 слл.) называютъ Махаона первымъ хирургомъ, а Подалирія первымъ терапевтомъ и психіатромъ, констатировавшимъ сумасшествіе Аянта. Это преданіе восходитъ къ Ἰλίου πέρσις Арктина, поэта VIII в. [1]). По свидѣтельству Прокла, въ Малой Иліадѣ Лесха (VII в.) разсказывалось, что Махаонъ исцѣлилъ Филоктета, привезеннаго съ Лемноса Діомедомъ подъ Трою [2]). Найденный и опубликованный Вельманомъ перечень медицинскихъ писателей, такъ называемый Canon medicorum Laurentianus (*Hermes*, 1900, 367 sqq.) называетъ Подалирія среди медицинскихъ писателей. Махаонъ, какъ говоритъ преданіе, погибъ при взятіи Трои, не оставивъ потомства; Подалирій же умеръ на Родосѣ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей. Найденная Германомъ Шёне біографія Гиппократа (*Rhein. Mus.* 1903, 56 сл.) повѣствуетъ: Yppocrates fuit genere Cous a Eraclide filius ex Finerata (=Phaenareta) ortus ab Asclepia stirpe. Asclepio enim ex Epiona Herculis filia duo sunt creati successus, Podalirius et Macaon. quorum Macaon, ut plurimi tradunt, Troiae excidio vitam finiuit nulla subole derelicta, Podalirius uero Sime (=Sirnae, sc. Syrni?) consistens Rodi defecit, ut Antimachus memorat in Thenito, filistactus (=filios nactus?) duos, Rodonem et Ippolochon, ex Ifiana sauca flegontis (=Ifianassa Ucalegontis) filia. Ippolocho creatur Appollonius, Sostratus; huic Dardanus et Cimno (=Κυννώ?); Dardano Ablauias et Crisamis; Crisamidi adagibuas (=Cleomyttadas et Hippias?), qui uenerunt drieam (=Triccam?). Одинаково это разсказывается у Ѳеопомпа (fragm. 101 ed. Oxon.) и Цецы (см. Schöne, l. c. 63). Впрочемъ позднѣйшіе писатели вносятъ много противорѣчій въ жизнеописанія обоихъ врачей-героевъ.

---

[1]) См. *Wilamowitz-Möllendorff*, Isyllos v. Epid.=*Philol. Untersuch.* IX. Berl 1886, 45 слл.

[2]) Epicor. Graec. fragm. coll. *G. Kinkel*. Lips. 1877, I, 36.

III.

Нашествіе дорянъ повлекло за собою реорганизацію военнаго строя героической эпохи во всѣхъ государствахъ Эллады. Древняя колесница совершенно исчезаетъ со сцены. Въ то время, какъ пѣшіе бойцы героической эпохи являются лишь вспомогательной силой, и центръ тяжести боя лежалъ въ поединкѣ царей, потомковъ Зевса, съ этого времени настоящимъ бойцомъ является тяжеловооруженный воинъ, гоплитъ, при которомъ прочіе роды оружія играютъ только вспомогательную роль. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ съ театра войны характерное для героической эпохи единоборство, и бой начинаетъ рѣшаться дѣйствіями сомкнутой массы, фаланги, главнымъ образомъ потому, что всюду въ Греціи на мѣсто суверенныхъ правителей выступаетъ суверенный народъ [1]).

Реорганизація боевого строя завершается въ главной представительницѣ новаго порядка и новыхъ отношеній въ военномъ дѣлѣ— Спартѣ къ концу IX в., благодаря Ликургу. „Теперь я разскажу, говоритъ Ксенофонтъ (De rep. Lac. 13, 1), какую силу и значеніе придалъ войску Ликургъ,"—и излагаетъ военную администрацію Спарты. Сообразно съ воинственнымъ характеромъ дорянъ является естественно забота о томъ, чтобы возможно скорѣе снова поставить подъ оружіе воиновъ, получившихъ поврежденія въ битвѣ. Само собою разумѣется, что эта цѣль легче всего могла быть достигнута при раціональномъ уходѣ и лѣченіи раненыхъ спеціалистами-хирургами. И дѣйствительно мы видимъ при спартанскомъ войскѣ этого времени постоянныхъ военныхъ врачей, притомъ пользующихся особымъ вниманіемъ и почетомъ со стороны государства: они не только принадлежатъ къ господствующему сословію (ὅμοιοι), но и причислены къ штабу царя (Xen. De rep. Lac. 13, 7) [2]). Раненые, повидимому, послѣ перевязки отправлялись въ обозъ, съ которымъ или слѣдовали за войскомъ, когда военныя дѣйствія происходили вдали отъ Спарты, или оставались въ мѣстностяхъ второй линіи, занятыхъ спартанскимъ войскомъ, откуда, при случаѣ, эвакуировались на родину. Указаній на это мы, правда, не имѣемъ, но такое предположеніе является весьма вѣроятнымъ.

Какъ было поставлено военно-санитарное дѣло въ другихъ государствахъ Греціи въ эту отдаленную эпоху, мы также не знаемъ по-

---

[1]) *Rüstow-Köchly*, l. c. 30 сл. *A. Bauer*, l. c. 241. 242.

[2]) Ср. *Gilbert*, Handb. d. griech. Staatsalterthümer, Leipzig 1893, I, 84 Anm. 1.

ложительно и можемъ строить только болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Судя по тому, что еще въ ту эпоху, которую описываетъ Одиссея, врачи причисляются къ „деміургамъ"—„общественнымъ дѣятелямъ", можно было бы полагать, что они состояли уже на городской службѣ, такъ какъ и позже сохраняютъ то же названіе [1]). Гомеръ такъ повѣствуетъ объ этомъ [2]):

Приглашаетъ ли кто человѣка чужого
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто общинѣ служитъ:
Или гадателей, или врачей, иль искусниковъ зодчихъ...

Однако городскіе врачи назывались δημοσιεύοντες. Кто въ качествѣ деміурга, т. е. практикующаго врача, хотѣлъ сдѣлаться δημοσιεύων, долженъ былъ удовлетворять извѣстнымъ условіямъ и подвергнуться голосованію [3]). Какъ бы то ни было, уже въ VII в., повидимому, въ городахъ Великой Греціи существовали городскіе врачи, на обязанности которыхъ лежало безплатное лѣченіе прежде всего, конечно, бѣдныхъ гражданъ. Если Діодоръ (XII, 13, 4) и не приписываетъ прямо Харонду закона, обезпечивавшаго безплатную врачебную помощь гражданамъ, какъ это думали Веркутръ [4]) и Цибартъ [5]), то, во всякомъ случаѣ, онъ вполнѣ опредѣленно свидѣтельствуетъ, что подобные законы существовали уже до Харонда [6]). Въ слѣдующемъ столѣтіи мы встрѣчаемъ уже общественныя больницы и городскихъ врачей не только въ Великой Греціи, но и на о-вѣ Эгинѣ, въ Аѳи-

[1]) Ср. Plat. Gorg. VII, 452 A: "Ότι σοι αὐτίκ' ἂν παρασταῖεν οἱ δημιουργοί... ἰατρός τε καὶ παιδοτρίβης καὶ χρηματιστής. X, 455 B: ὅταν περὶ ἰατρῶν αἱρέσεως ᾖ τῇ πόλει σύλλογος, ἢ περὶ ναυπηγῶν, ἢ περὶ ἄλλου τινὸς δημιουργικοῦ ἔθνους... XI, 457 B: οὐδέν τι μᾶλλον τούτου ἕνεκα δεῖ οὔτε τοὺς ἰατροὺς τὴν δόξαν ἀφαιρεῖσθαι... οὔτε τοὺς ἄλλους δημιουργούς и др.; см. *Welcker*, Kleine Schriften, Bonn 1850, III, 231 сл. *Pohl*, De Graecorum medicis publicis, Berol. 1905, 10.

[2]) Od. XVII, 382 слл. У Жуковскаго ст. 383 переведенъ такъ: „Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ на дѣло", однако въ текстѣ стоитъ: τίς γὰρ δὴ ξεῖνον καλεῖ ἄλλοθεν αὐτὸς ἐπελθὼν | ἄλλον γ' εἰ μὴ τῶν, οἳ δημιοεργοὶ ἔασιν. Поэтому я рискнулъ нѣсколько измѣнить переводъ этого стиха въ цѣляхъ достиженія большей точности.

[3]) Plat. Gorg. X, 455 B, см. выше, прим. 1.

[4]) *Vercoutre*, La médecine publique dans l'antiquité grecque въ *Rev. Archéol.* 1880, XXXIX, 104 сл.

[5]) *Ziebart*, Das griech. Vereinswesen, Leipzig 1896, 17, A. 1. Противъ этого возражалъ еще Дешамбръ (*A. Dechambre*, Correspondance въ *Rev. Arch.* 1881, XLI, 52) и теперь *Pohl*, De Graec. med. publicis, 9. Однако ср. *Herzog*, Koische Forschungen u. Funde, Leipzig 1899, 204 слл., A. 3.

[6]) Diod. 1. c.: καὶ τοσοῦτον ὑπερεβάλετο τοὺς πρότερον νομοθετήσαντας δημοσίῳ μισθῷ τοὺς νοσοῦντας τῶν ἰδιωτῶν ὑπὸ ἰατρῶν θεραπεύεσθαι.

нахъ и на Самосѣ. Изъ разсказа Геродота (III, 121) о Демокедѣ мы знаемъ, что въ 526—525 г. послѣдній явился на Эгину и заявилъ себя настолько знающимъ и опытнымъ врачемъ, что ему было назначено неслыханное жалованье въ размѣрѣ цѣлаго таланта. Черезъ годъ аѳиняне переманили Демокеда къ себѣ, назначивъ ему 100 минъ жалованья, а въ слѣдующемъ году онъ получаетъ уже у Поликрата Самосскаго два таланта въ годъ. Большія познанія Демокеда, обнаруженныя имъ на Эгинѣ, заставляютъ предполагать, что уже въ Кротонѣ онъ практиковалъ значительное время, подъ руководствомъ своего отца, можетъ быть, завѣдывавшаго здѣсь городской больницей [1]). Но если въ мирное уже время имѣются въ городскихъ общинахъ состоящіе у нихъ на службѣ врачи, то нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы въ военное время эти отношенія прекращали свое существованіе. Скорѣе нужно ожидать, что война, требующая большого напряженія всѣхъ силъ государства въ видахъ наибольшей ея успѣшности, и въ этой области заставляла повысить дѣятельность учрежденій, считаемыхъ полезными даже въ мирное время и положительно необходимыхъ въ военное время. Такого рода городскихъ врачей и городскія больницы мы находимъ въ цѣломъ рядѣ городовъ, какъ это засвидѣтельствовано и оффиціальными документами, и литературными свидѣтельствами. Городскіе врачи и городскія больницы существовали не только въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Аѳины, Дельфы, Косъ, или большіе города Великой Греціи [2]) и другія колоніи [3]), но даже въ такихъ незначительныхъ общинахъ, какъ о-ва Эгина или Теносъ, Амфисса, Гиѳій или Брикунтъ на о-вѣ Карпаѳѣ [4]) и т. п. Въ извѣстной бронзовой билингвѣ изъ Идалія на Кипрѣ, восходящей къ V в., сообщается о наградѣ, назначенной врачу Онасилу и его помощникамъ за безплатное лѣченіе раненыхъ въ сраженіяхъ. Эта надпись показываетъ, что городскіе врачи, получавшіе опредѣленное вознагражденіе въ мирное время за безплатное лѣченіе больныхъ, въ особо важныхъ случаяхъ, какими являлись войны и эпидеміи, получали, повидимому, особое добавочное вознагражденіе. Косвенное указаніе, правда, позднее и не вполнѣ на-

---

[1]) Однако ср. *Pohl*, l. c. 8 сл.

[2]) *Vercoutre*, l. c. 314.

[3]) Напр. Массалія. Страбонъ IV, 5, 181 разсказываетъ: σοφιστὰς γοῦν ὑποδέχονται τοὺς μὲν ἰδίᾳ, τοὺς δὲ πόλεις κοινῇ μισθούμεναι, καθάπερ καὶ ἰατρούς. См. *Büchsenschütz*, Besitz u. Erwerb im griech. Alterthume, Halle 1869, 576, Anm. 3.

[4]) *Vercoutre*, l. c. 317. *Pohl*, 19 слл.

дежное, на увеличеніе обычнаго жалованья или на расширеніе штата врачей во время эпидемій можно было бы видѣть у Ливанія, который утверждаетъ, „что городъ больше боится больничнаго сбора, чѣмъ чумы“ [1]). Такъ какъ мы знаемъ, что ἰατρικόν или „больничный сборъ“ не являлся чрезвычайнымъ налогомъ, взимавшимся въ исключительныхъ случаяхъ [2]), но платился, повидимому, постоянно, то не

[1]) Κοινὸς τόπος κατὰ ἰατροῦ φαρμακέως (ed. *Reiske*, Altenburgi 1797, v. IV, 914 сл.): ἐνδεεῖς ἰατροὶ τῆς τέχνης ἀπιστουμένης· εἰς ταῦτα ὁ χρηστὸς οὗτος κατέστησε τὴν πόλιν. πόλις μᾶλλον ἰατρικὴν δέδοικεν, ἢ πυρετόν. πόλις μᾶλλον ἰατρικὸν ἢ λοιμόν. Къ этому мѣсту Рейске дѣлаетъ примѣчаніе f. ἰατρόν, какъ понималъ уже *Морель* (Prael. oratt., Paris 1606, in fol., I, 56 D), переводившій: „urbs medicum magis quam pestem (perhorrescit)“. Согласенъ съ этимъ толкованіемъ и *Веркутръ* (l. c. 341 n. 4): Dans Libanius (op. et ed. cit.) ἰατρικὸν semble désigner le médecin. Однако для такого толкованія необходимо или допустить, что ἰατρικόν испорчено изъ ἰατρόν, что палеографически возможно, или доказать, что ἰατρικός=ἰατρός, т. е. употреблено подобно прилаг. τεχνικός, γυμναστικός, πολιτικός и пр. Допустимо и то, и другое. Въ первомъ случаѣ аббревіатура ον была принята за (ι)κ(ον); относительно второго нужно замѣтить, что въ классическое время ἰατρικός, означая человѣка, опытнаго въ чемъ-нибудь, обычно требуетъ дополненія περί τι, какъ, напр., Plat. Protag. 313 E: ἐὰν μή τις τύχῃ περὶ τὴν ψυχὴν αὖ ἰατρικὸς ὤν, однако встрѣчается и безъ этого дополненія въ болѣе узкомъ смыслѣ человѣка, опытнаго во врачебномъ искусствѣ, cf. Plat. Sympos. 186 CD: καὶ ὁ διαγιγνώσκων ἐν τούτοις τὸν καλόν τε καὶ τὸν αἰσχρὸν ἔρωτα, οὗτός ἐστιν ὁ ἰατρικώτατος. Слѣдовательно съ этой стороны препятствій къ такому толкованію мѣста не встрѣчается; но возникаетъ вопросъ, есть ли необходимость въ такомъ пониманіи текста? Какое представленіе прежде всего должно было быть вызвано въ умѣ слушателя словомъ ἰατρικόν? Конечно, то, которое съ этимъ словомъ, какъ опредѣленнымъ звуковымъ комплексомъ, чаще всего и обычнѣе всего ассоціировалось. Но при такой ассоціаціи легче всего, кажется, могло явиться пониманіе этого слова въ смыслѣ τὸ ἰατρικόν, за которымъ умъ слушателя безъ всякаго напряженія утверждалъ свойственное этому термину значеніе больничнаго сбора. По правиламъ филологической критики слѣдовало бы прежде всего доказать, что такое пониманіе здѣсь неумѣстно. Однако ходъ мыслей не исключаетъ этого пониманія: безопаснѣе оставаться безъ лѣченія, чѣмъ ввѣрять свою жизнь людямъ, которые отравляютъ больныхъ, а не излѣчиваютъ. Поэтому городъ больше боится врачебнаго искусства, чѣмъ горячки; больше опасается больничнаго сбора (для найма врачей или предоставленія жителямъ болѣе легкаго обращенія къ городскимъ врачамъ), чѣмъ самой чумы. Граждане предпочитаютъ обходиться вообще безъ медицинской помощи, чѣмъ имѣть дѣло съ врачами, къ которымъ придется обращаться, разъ дѣло дошло до установленія больничнаго сбора въ виду эпидеміи. Такимъ образомъ и при обычномъ пониманіи слово ἰατρικόν въ смыслѣ τὸ ἰατρικόν, какъ мнѣ кажется, не нуждается ни въ исправленіи, ни въ изысканномъ объясненіи. Ср. также *Pohl*, l. c. 48 сл., 53.

[2]) *Бюксеншютцъ* (Besitz u. Erwerb im griech. Alterthume, 333 Anm. 2) считалъ ἰατρικόν за „wohl eine Abgabe für die Berechtigung zur Ausübung der Arzneikunst.“ На значеніе ἰατρικόν, какъ „vectigal ex quo civitas medico publico merce-

было бы особенной причины его бояться во время чумы болѣе, чѣмъ въ иное время, если бы авторъ не имѣлъ въ виду увеличенія этого фиксированнаго сбора или назначенія, другими словами, дополнительнаго налога по случаю эпидеміи. Повидимому, то же увеличеніе больничнаго сбора угрожало гражданамъ и въ случаѣ войны: иначе не зачѣмъ было бы подчеркивать безплатность услугъ Онасила раненымъ воинамъ, если бы онѣ были обусловлены получаемымъ имъ обычно вознагражденіемъ. Очевидно, за помощь раненымъ полагалась особая приплата; производиться же она могла проще всего, такъ сказать, „изъ фонда попеченія о раненыхъ“, т. е. изъ тѣхъ суммъ, которыя образовывались благодаря учрежденію дополнительнаго больничнаго сбора по случаю войны. Фиктивный декретъ, упоминающій подобныя же заслуги, мы находимъ у Діодора [1]; однако онъ составленъ въ томъ духѣ, въ какомъ обыкновенно дѣлались почетныя постановленія. Нужно полагать, что заслуга Онасила являла собою не единственный примѣръ безплатнаго лѣченія раненыхъ. Въ Египтѣ, какъ мы знаемъ изъ Діодора (I, 82), врачи во время похода получали довольствіе изъ общественныхъ суммъ за безплатное лѣченіе больныхъ и раненыхъ, но весьма легко можетъ быть, что здѣсь описывается учрежденіе, перешедшее въ Птолемеевскій Египетъ изъ Греціи [2].

IV.

Существовали ли до окончанія Греко-Персидскихъ войнъ спеціальные военные врачи въ аѳинскомъ войскѣ, мы не знаемъ; однако въ

---

dem persolvebat“ правильно указалъ *Диттенбергеръ* (ad Syll. IG.[2] 466) и еще ранѣе *Э. Курціусъ* (*Gött. Gel. Anz.* 1869, 1227) и *Веркутръ* (l. c. 341 слл.), затѣмъ *Герцогъ* (Koische Forsch. 204). Къ этому мнѣнію изъ русскихъ эпиграфистовъ примыкалъ сначала и *А. В. Никитскій* (Дельфійскіе эпиграфическіе этюды, Одесса 1894—1895, 201 сл.), позже выразившій готовность скорѣе склониться на сторону Бюксеншютца (см. *Никитскій*, Изслѣдованія въ области греческихъ надписей, Юрьевъ 1901, 28). Однако папирусы и на этотъ вопросъ пролили новый свѣтъ. См. *K. Sudhoff*, Ärztliches aus griech. Pap.-Urk. въ *Studien zur Gesch. der Medizin*, V—VI Heft, Leipzig 1909, 267 слл. *Pohl*, l. c. 72 сл.

[1]) Ср. IV, 71: κατὰ δὲ τὸν πόλεμον μεγάλας χρείας αὐτοὺς παρασχέσθαι τοῖς Ἕλλησιν, θεραπεύοντας ἐμπειρότατα τοὺς τιτρωσκομένους, καὶ διὰ τὰς εὐεργεσίας ταύτας ὑπὸ τῶν Ἑλλήνων μεγάλης τυχεῖν δόξης. Конечно, при θεραπεύοντας само собою подразумѣвается προῖκα.

[2]) Я не имѣлъ подъ рукой книги *P. Marestaing*, Les écritures égyptiennes et antiquité classique, Paris 1913, и не могъ справиться, какъ смотритъ на это со

виду того, что весь военный строй греческихъ не-дорійскихъ государствъ былъ въ общемъ заимствованъ у дорянъ [1]), нужно предполагать, что перенятъ былъ у нихъ и институтъ военныхъ врачей, тѣмъ болѣе, что за четыре столѣтія, протекшія отъ завершенія дорійской колонизаціи до окончанія Греко-Персидскихъ войнъ, и медицинское знаніе достигло высокой степени развитія. Немало способствовали этому, вѣроятно, именно войны, такъ какъ успѣхи медицинской науки въ этомъ періодѣ особенно ощутительны въ области хирургической техники, достигшей значительнаго совершенства ко времени составленія нѣкоторыхъ статей Гиппократовскаго сборника. А эта высокая степень развитія хирургіи предполагаетъ долгіе годы кропотливаго труда и медленнаго накопленія матеріала путемъ наблюденія надъ хирургическими болѣзнями и сопоставленія достигнутыхъ тѣмъ или инымъ лѣченіемъ результатовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ тѣ первые періоды греческаго военнаго искусства, которые заканчиваются битвой при Платеяхъ въ 479 г. и для которыхъ характерными являются лишь оборонительныя войны или военныя экспедиціи, не захватывающія обширной place d'armes, медицинская помощь раненымъ оказывалась, прежде всего, на полѣ битвы, откуда, повидимому, тяжело раненые отправлялись на родину или слѣдовали за войскомъ въ обозѣ. Прибывшіе въ родной городъ раненые или лѣчились дома, или поступали въ городскія больницы за счетъ государства. Возникаетъ и спеціальная военно-медицинская литература. Въ сочиненіи Гиппократовскаго сборника περὶ ἰητροῦ—„Врачъ", относящемся къ началу или серединѣ V вѣка до Р. Хр. [2]), 14-я глава имѣетъ въ виду не только военныхъ врачей, но и подачу помощи въ больницахъ, такъ какъ, по словамъ самого автора, стоитъ въ связи съ предыдущими главами, предназначаемыми вообще для хирурговъ. „Въ связи съ изложеннымъ, говоритъ авторъ [3]), стоитъ хирургическое лѣченіе раненій, происходящихъ въ походѣ, въ смыслѣ извлеченія острыхъ тѣлъ"; предыдущія же главы содержатъ деонтологію: выступленія врача, устройство операціонной, правила врачебнаго вмѣшательства, ученіе о перевязкахъ,

---

временная египтологія, но къ этому мнѣнію, повидимому, склоняется *Зудгофъ* (l. c. 266).

[1]) *Rüstow-Köchly*, l. c. 42 § 9; 53 сл. § 12.

[2]) *Fuchs*, Gesch. d. griech. Heilkunde въ Handbuch'ѣ *Пушманна*, I, 224.

[3]) Περὶ ἰητροῦ 14 (ed. L. IX, 218): Ἐχόμενον δὲ τούτων ἐστὶ κατὰ στρατιὴν γινομένων τρωμάτων χειρουργίη περὶ τὴν ἐξαίρεσιν τῶν βελέων.

способы оперированія, перечень нужныхъ инструментовъ, примѣненіе банокъ, кровопусканія и нѣкоторыхъ инструментовъ, лѣченіе абсцессовъ и нарывовъ, ученіе о припаркахъ.

Къ серединѣ V вѣка слагаются также опредѣленныя требованія, какія предъявляются къ оборудованію госпиталей и лѣчебницъ, существовавшихъ и раньше [1]), но неизвѣстно въ какомъ видѣ. Съ успѣхами хирургіи домашняя обстановка перестала удовлетворять врачей. „Иногда, говоритъ Галенъ въ комментаріи на сочиненіе «О лѣчебницѣ» изъ того же Гиппократовскаго сборника, ничего подобнаго не существуетъ въ жилищѣ оперируемаго“ [2]). Трудныя операціи производились сперва, можетъ быть, подъ открытымъ небомъ, когда это было возможно, или въ подходящихъ общественныхъ зданіяхъ, напр., при храмахъ Асклепія, затѣмъ въ особыхъ лучше приспособленныхъ для этого и снабженныхъ необходимымъ инвентаремъ помѣщеніяхъ, пріемныхъ покояхъ, во главѣ которыхъ становился по выбору врачъ, наиболѣе искусный изъ имѣющихся кандидатовъ [3]). Изъ древнихъ авторовъ многіе писали объ устройствѣ больничныхъ и операціонныхъ помѣщеній. Извѣстно, что Діоклъ въ IV в., Филотимъ въ III в. и Мантій въ концѣ II в. до Р. Хр. выпустили сочиненія подъ одинаковымъ заглавіемъ „О лѣчебницѣ“—κατ' ἰητρεῖον [4]). Дошло до насъ и отъ Гиппократа, или его сына Θессала, однородное сочиненіе подъ тѣмъ же заглавіемъ. Говорится о внутреннемъ устройствѣ лѣчебницы и въ упомянутомъ уже сочиненіи „О врачѣ“ (с. 2, 9), Къ первому трактату Галенъ въ свою очередь написалъ обширный комментарій. Изъ сопоставленія различныхъ мѣстъ обоихъ послѣднихъ авторовъ мы можемъ нарисовать слѣдующую картину хорошо оборудованной лѣчебницы [5]) въ родѣ той, которая принадлежала Ари-

[1]) Cf. Herod. III, 131: ὑπερεβάλετο τοὺς ἄλλους ἰατροὺς (Δημοκήδης), ἀσκευής περ ἐὼν καὶ ἔχων οὐδὲν τῶν ὅσα περὶ τὴν τέχνην ἐστὶ ἐργαλήια. Ср. *Pohl*, l. c. 58.

[2]) Gal. in Hippocr. de medici offic. I, 11 (ed. K. XVIII B, 683): ἀλλ' ἐνίοτε μὲν οὐδέν ἐστι τοιοῦτον ἐν τῇ τοῦ χειριζομένου καταγωγῇ.

[3]) Телетъ въ концѣ III в. до Р. Хр. говорилъ (Io. Stob., Flor. 40, 8. ed. Meineke, Lips. 1855, II, 67): οὐ σόν γε, ἀλλὰ τῶν τούτους χειροτονούντων καὶ ψηφοφορούντων· ὥσπερ εἰ τὸν ἄριστον ἰατρὸν ἀφέντες, φαρμακοπώλην εἵλοντο καὶ τούτῳ τὸ δημόσιον ἔργον ἐνεχείρισαν [τὸ δημόσιον ἐνεχείρισαν alii], πότερ' ἂν τοῦ ἰατροῦ εἶπας ἂν ὄνειδος καὶ ἀκλήρημα τοῦτο ἢ τῶν ἑλομένων; cp. Plat. Gorg. 10, 455 B: ὅταν περὶ ἰατρῶν αἱρέσεως ᾖ τῇ πόλει σύλλογος... δῆλον γάρ, ὅτι ἐν ἑκάστῃ αἱρέσει τὸν τεχνικώτατον δεῖ αἱρεῖσθαι. Xen. Cyrop. I, 6, 15: καὶ πόλεις αἱ χρῄζουσαι ὑγιαίνειν ἰατροὺς αἱροῦνται. Mem. IV, 2, 5.

[4]) Gal. in Hippocr. de med. off. I Praef. и 5 (ed. K. XVIII B 629 и 666); Cels. VIII, 20.

[5]) *Vercoutre*, l. c. 333 сл.

стотелю [1]). Зданіе подъ лѣчебницу отводилось большое, съ высокими дверьми, свѣтлое. Въ этомъ зданіи находились квартира врача, квартира его помощниковъ и учениковъ съ необходимыми службами, пріемная, въ которой ожидали очереди амбулаторные больные, кабинетъ врача, въ которомъ давались консультаціи больнымъ. Далѣе шелъ операціонный залъ, снабженный различными механическими приспособленіями для вытягиванія и растягиванія суставовъ конечностей или позвоночника, вправленія вывиховъ, лѣстницами, особыми скамьями или столами въ родѣ, напримѣръ, извѣстной скамьи Гиппократа, вплоть до XIX в. составлявшей необходимую принадлежность кабинета всякаго хирурга; всѣ эти приспособленія въ послѣдніе годы послужили предметами особыхъ изслѣдованій западныхъ ученыхъ Кюлевейна [1]), Шриккера [3]), Фауста [4]) и др. Затѣмъ должны были здѣсь помѣщаться въ особыхъ шкафахъ многочисленные хирургическіе инструменты изъ желтой мѣди, бронзы, желѣза, стали и серебра [5]). Богатыя коллекціи инструментовъ хранятся въ Британскомъ и Неаполитанскомъ музеяхъ и Гёттингенскомъ университетѣ. Здѣсь мы имѣемъ различнаго вида ножи, брюшистые и остроконечные скальпели, бистуріи, ланцеты, шпатели, трепаны или фрезеры, острыя ложечки для выскабливаній, анатомическіе, хирургическіе и циліарные пинцеты,

---

[1]) Polyb. XII, 8, 1: Πολλὰ ἱστορεῖ ψευδῆ ὁ Τιμαῖος... 9, 4: καὶ τὸ πολυτίμητον ἰατρεῖον ἀρτίως ἀποκεκλεικότα... Cf. Euseb. Praepar. evang. XV, 2, 2 (791 b): πῶς ἄν τις ἀποδέξαιτο Τιμαίου τοῦ Ταυρομενείτου λέγοντος ἐν ταῖς ἱστορίαις, ἀδόξου θύρας αὐτὸν ἰατρείου καὶ τὰς τυχούσας ὀψὲ τῆς ἡλικίας κλεῖσαι. Повидимому, Евсевій имѣетъ въ виду то же мѣсто Тимея, какъ и Поливій. Поэтому вмѣсто ἀδόξου нужно, должно быть, читать εὐδόξου: въ палеографіи смѣшеніе α съ ευ встрѣчается достаточно часто.

[2]) См. Die chirurg. Schriften des Hippocr. въ *Jahresbericht der Klosterschule zu Ilfeld*, 1898, 8 сл.

[3]) Die hippokratischen Geräte zur Einrichtung von Frakturen u. Luxationen, Jena 1911.

[4]) De machinamentis ab antiquis medicis ad repositionem articulorum luxatorum adhibitis, Gryphiae 1912.

[5]) *L. A. Neugebauer*, O narzędziach starożytnych chirurgicznych i gynijatvycznych etc. (*Pamiętnik Towarzystwa Sakarskiego Warszawskiego*, Warsz. 78. 1882, 441 сл. 675 сл.). *Л. А. Нейгебауэръ*, О древнихъ хирургическихъ и гиніатрическихъ инструментахъ, найденныхъ въ развалинахъ римскихъ городовъ Помпеи и Геркуланума, Варшава 1884 (= *Варшавскія Университ. Извѣстія*, 1884, № 1, 3. 4. 5), гдѣ приведена предшествующая литература. *John Stewart Milne*, Surgical instruments in greek and roman times, Oxford 1907, 10 сл. *Meyer-Steineg*, Chirurgische Instrumente des Altertums, Jena 1912, 8—12.

термокаутеры, пилы и пилки различной величины и формы, миртовидные и пуговчатые зонды, итинераріи, простыя и полыя иглы, проводники для фонтанелей, шприцы, ножницы, острые и тупые крючки для раздвиганія краевъ раны, распаторіи, литотомы и литотрипторы для раздробленія камней, долота, катетеры изъ мѣди, клизматическія трубки, троакары, вѣкодержатели, различные инструменты, употребляемые въ глазной практикѣ, зубоврачебные инструменты, акушерскіе щипцы и зеркала, краніокласты, различный перевязочный матеріалъ и проч. Это помѣщеніе ярко освѣщалось какъ дневнымъ, такъ и искусственнымъ свѣтомъ. Къ этому залу примыкала аптека, гдѣ происходили отпускъ и продажа лѣкарствъ [1]), и лабораторія, гдѣ они хранились и приготовлялись [2]). Аптека была заставлена шкафами и ящиками, такъ какъ число лѣкарственныхъ средствъ уже во время Гиппократа было довольно велико (до 450 сортовъ травъ, минераловъ и прочихъ медикаментовъ) [3]). Нерѣдко содержались здѣсь также пауки и змѣи для врачебныхъ цѣлей [4]), не говоря уже о піявкахъ [5]). Кромѣ указанныхъ помѣщеній, имѣлась, повидимому, при образцовой больницѣ и палата,

---

1) Plat. De legibus I, 646 C: Τί οὖν; τοὺς εἰς τὰ ἰατρεῖα αὐτοὺς βαδίζοντας ἐπὶ φαρμακοποσίᾳ ἀγνοεῖν, οἰόμεθα ὅτι μετ' ὀλίγον ὕστερον καὶ ἐπὶ πολλὰς ἡμέρας ἕξουσι τοιοῦτον τὸ σῶμα, οἷον εἰ διὰ τέλους ἔχειν μέλλοιεν, ζῆν οὐκ ἂν δέξαιντο; Hippocr. Epid. A. 1 (ed. *Kühlew.* I, 181; L. II, 604): τὰ δ' ἄλλα (ἐν Θάσῳ) ὅσα κατ' ἰητρεῖον ἀνόσως διῆγον, т. е. не приходили ни лѣчиться, ни покупать лѣкарствъ. Впрочемъ эта лѣчебница могла быть и частной (ср. *Herzog*, Koische Forsch. 206 Anm. 3), что въ данномъ случаѣ для насъ, однако, не составляетъ разницы.

2) Cf. Macrob. Sat. VII, 16, 23: medici in remediis concoquendis magis de sarmentis quam ex alio ligno ignem requirunt. Hipp., Π. εὐσχημοσύνης, 10 (ed. L. IX, 238; Erm. III, 344): Προκατασκευάσθω δέ σοι καὶ μαλαγμάτων γένεα πρὸς τὰς ἑκάστων χρήσιας, ποτήματα τέμνειν δυνάμενα ἐξ ἀναγραφῆς ἐσκευασμένα πρὸς τὰ γένεα. Προητοιμάσθω δὲ καὶ τὰ πρὸς φαρμακίην [ἐς τὰς καθάρσιας], εἰλημμένα ἀπὸ τόπων τῶν καθηκόντων, ἐσκευασμένα εἰς ὃν δεῖ τρόπον, πρὸς τὰ γένεα καὶ τὰ μεγέθεα ἐς παλαίωσιν μεμελετημένα, τὰ δὲ πρόσφατα ὑπὸ τὸν καιρὸν, καὶ τἆλλα κατὰ λόγον.

3) *Dierbach*, Die Arzneimittel des Hippokrates, Heidelberg 1824, Index. Количество это все болѣе и болѣе возрастало. Ко времени Діоскорида однихъ лѣкарственныхъ растеній извѣстно было болѣе 650 видовъ. См. *Fraas*, Synopsis plantarum florae classicae, München 1845, Index.

4) Aristot. Hist. anim. VIII, 4. 594, 52 (ed. *Aubert* u. *Wimmer*, II, 138): δύναται δὲ ἄσιτα καὶ τὰ φαλάγγια καὶ οἱ ὄφεις πολὺν χρόνον ζῆν· ἔστι δὲ τοῦτο θεωρῆσαι ἐκ τῶν παρὰ τοῖς φαρμακοπώλαις τρεφομέμων. IX, 39. 622 b. 156 (ib. II, 278): τὰ δ' ἄλλα πάντα, ὅσα παρατίθενται οἱ φαρμακοπῶλαι (τῶν φαλαγγίων γένη), τὰ μὲν οὐδεμίαν, τὰ δ' ἀσθενῆ ποιεῖ τὴν δῆξιν.

5) Gal. De hirud. 1 (ed. K. XI, 317): θηρῶντές τινες τὰς βδέλλας κατακλείουσι καὶ ἐπὶ πολλοῖς αὐταῖς χρῶνται.

въ которой лежали тяжело больные, особенно, подвергшіеся мучительной операціи и требовавшіе неусыпнаго надзора и ухода. Это помѣщеніе, говоритъ Веркутръ, было, можетъ быть, самымъ обширнымъ [1]). Настоящія клиники такого рода были открыты раскопками при храмахъ Асклепія въ Аѳинахъ и Эпидаврѣ [2]). Галенъ говоритъ, что въ этомъ видѣ городскія больницы оставались въ большинствѣ городовъ вплоть до его времени (II в. послѣ Р. Хр.) [3]). Военные лазареты и госпитали первой и второй боевой линіи, конечно, по самымъ условіямъ ихъ дѣятельности не могли быть такъ богато обставлены и снабжены необходимыми аппаратами, описываемыми Оривасіемъ въ 49-ой книгѣ его Свода (Oeuvres, ed. Daremberg, v. IV). Рисунки Лавренціанской рукописи Аполлонія Китійскаго, написавшаго комментарій къ сочиненію Гиппократовскаго сборника „О вывихахъ“, наглядно показываютъ намъ, какъ вмѣсто дорого стоющихъ и неудобныхъ для перевозки въ обозѣ специальныхъ аппаратовъ можно было въ случаѣ необходимости обойтись домашними средствами или импровизировать подобныя приспособленія, пользуясь тѣмъ, что̀ имѣется подъ руками, потолочными балками, лѣстницами, койками или носилками и проч. [4]), какъ это описываетъ также пневматикъ Геліодоръ во II в. послѣ Р. Хр. „Существуетъ три общихъ и какъ бы всеобъемлющихъ способовъ вправленій“, говоритъ онъ [5]),—„одни называются *борческими*,

[1]) *Vercoutre*, l. c. 335.

[2]) А. П. Αραβαντινου ιατρου, Ασκληπιος και Ασκληπιεια, Λειψιᾳ 1907, 29 и 49. Каввадія (Π. Καββαδια, Το ιερον του Ασκληπιου εν Επιδαυρῳ και η θεραπεια των ασθενων, Αθηνησιν 1900, 125) считаетъ продолговатое зданіе клиники за аватъ, предназначенный для инкубаціи.

[3]) Gal. In Hipp. de med. offic. I, 8 (ed. K. XVIII, B, 678): οἷοι καὶ νῦν κατὰ πολλὰς τῶν πόλεων δίδονται τοῖς ἰατροῖς, οὓς παρωνύμως αὐτῶν ἰατρεῖα προςαγορεύουσι.

[4]) Apollonius von Kitium. Illustrierter Kommentar zu der hippokrat. Schrift περὶ ἄρθρων. Herausgeg. v. *Herm. Schöne*, Leipz. 1896. Cp. ibid. p. 18: ἐπεὶ δὲ ἤτοι πάντα ἢ πλεῖστα τῶν ἄρθρων χωρὶς ὀργανικῆς μηχανοποιΐας καταρτίζειν παρακελευσάμενος καινὸν ὀργάνου τρόπον ἐν τοῖς ἐφεξῆς ἐπινοήσας ἐκτέθειται (Ἱπποκράτης), ἀναγκαῖον ἂν εἴη καὶ τὴν τούτοο κατασκευὴν δι' ὑποδείγματος κατὰ τὸν οἰκεῖον τρόπον [τόπον corr. Brinkmann] ἐν τούτοις ὑπογράψαι...

[5]) Orib. Synag. XLIX, 1 (ed. *Dar.* IV, 333 cлл.): Τρεῖς εἰσιν αἱ γενικαὶ καὶ ὡσανεὶ ὁλοσχερεῖς διαφοραὶ τῶν καταρτισμῶν· οἱ μὲν γὰρ αὐτῶν λέγονται παλαιστρικοὶ τρόποι, τὸ πλεῖστον διὰ ψιλῶν χειρῶν τελειούμενοι... οἱ δὲ μεθοδικοὶ καταρτισμοί, διὰ τῶν κοινῶν τοῦ βίου ἐργαλείων συντελούμενοι, τῶν παλαιστρικῶν τρόπων εἰσὶν ἰσχυρότεροι... Οἱ δὲ ὀργανικοὶ καταρτισμοὶ τούτων εἰσὶ πρακτικώτεροι... Τῶν ἰατρικῶν ὀργάνων διαφοραί εἰσιν ὁλοσχερεῖς καὶ ὡσανεὶ γενικαί... τρεῖς εἴπερ τὰ μὲν αὐτῶν ἐστι τόνια, ἃ δὲ στάσιμα, ἄλλα δὲ μηχανήματα... Τόνια μὲν οὖν ἐστιν ὅσα μικρὰ καὶ εὐσταλῆ ὄντα ταῖς κατασκευαῖς, τάσιν μόνον ἐπαγγέλλεται, δεῖται δέ τινων ἐπεισάκτων ἵνα ἐνεργήσῃ ὡς βάθρου, κλίνης, κλίμακος, κατὰ

производимые большей частью голыми руками... *посредственныя* вправленія, производимыя при помощи обычной житейской утвари болѣе дѣйствительны, чѣмъ борческіе способы... Еще болѣе дѣйствительны, чѣмъ эти, *механическіе* (способы) вправленія".—„Врачебныхъ приспособленій существуетъ (также) три всеобъемлющихъ и какъ бы общихъ вида... одни изъ нихъ тянущія, другія—стоячія, третьи—механическія... Тянущія, какъ незначительныя по размѣрамъ и легко приводимыя въ дѣйствіе по своему снаряженію, имѣютъ въ виду только тягу, но для того, чтобы быть пущенными въ ходъ, требуютъ нѣкоторыхъ добавочныхъ (предметовъ), какъ напримѣръ, скамейки, постели, лѣстницы, сами по себѣ не будучи въ состояніи быть приведенными въ дѣйствіе... Когда мы производимъ вправленіе въ полѣ или какомъ-либо пустынномъ мѣстѣ и не имѣемъ подъ рукой ни скамьи, ни постели, ни лѣстницы, то прикрѣпляемъ (наше сооруженіе) къ землѣ и къ нему прилагаемъ тягу". При перевязкахъ на передовыхъ позиціяхъ врачу приходилось, вѣроятно, довольствоваться еще меньшимъ и ограничиваться лишь употребленіемъ карманнаго набора инструментовъ въ родѣ того, котораго изображеніе мы имѣемъ на аѳинской мраморной базѣ и другихъ памятникахъ [1]), а вещественные остатки изданы Мейеромъ-Штейнегомъ и другими изслѣдователями античнаго инструментарія [2]).

V.

Около середины V в. до Р. Хр. (465 г.) военный строй лакедемонянъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ томъ смыслѣ, что войско, прежде состоявшее только изъ гражданъ, теперь стало набираться также изъ періэковъ и илотовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ введенъ новый принципъ его дѣленія, не совпадавшій болѣе съ гражданскимъ раздѣленіемъ на филы и обы, изъ которыхъ прежде составлялся лохъ въ качествѣ кадровой боевой единицы независимо отъ его численной величины. Армія обособляется въ самостоятельное учрежденіе. Теперь въ основу было положено дѣленіе арміи на 6 моръ

αὐτὰ ἐνεργῆσαι μὴ δυνάμενα... Ὅταν ἐν ἀγρῷ ἢ ἐρήμῳ τινι τόπῳ καταρτίζωμεν, καὶ μήτε βάθρον ἔχωμεν, μήτε κλίνην, μήτε κλίμακα, ἐπὶ τοῦ ἐδάφους καταπήξαντες, πρὸς αὐτὸ ἀσφαλιζόμεθα τὸ τόνιον. Cf. Synag. XLIX, 8 (ibid. p. 361).

1) *Кумaнудисъ*, въ Ἀθήναιον, VII, 87 и *Аравантиносъ*, Ἀσκληπιός, рис. 6; *Holländer*, Plastik u. Medizin, Stuttgart 1912, 448 слл.

2) *Deneffe*, Étude sur la trousse d'un chirurgien gallo-romain du III siècle, Anvers 1893. *Milne*, Surgic. instr., tab. IV. *Meyer-Steineg*, Chir. Instr., tab. VIII.

опредѣленной численности, каждой моры на 4 лоха, каждаго лоха на болѣе мелкія боевыя части—пентекостіи или пентеконтады и эномотіи. Кадровой единицей такимъ образомъ является мора въ 600 ч., независимо отъ того, входили ли въ ея составъ одни только спартіаты, или также періэки, ранѣе составлявшіе иррегулярное войско [1]. Былъ сдѣланъ такимъ образомъ, съ одной стороны, шагъ къ демократизаціи арміи, съ другой стороны—къ установленію новаго принципа—численнаго соотношенія частей, вносившаго въ дѣйствующія силы бо́льшую стройность.

Что касается Аѳинъ, то здѣсь нововведеніе заключается въ созданіи впервые кавалерійскихъ частей и въ назначеніи имъ въ военное время жалованья, точнѣе—суточнаго содержанія, и экипировочныхъ (κατάστασις [2]). Мобилизовавшіяся другими государствами Греціи войска въ это время теряютъ свое самостоятельное значеніе все болѣе и болѣе съ переходомъ первенствующей политической роли въ руки Аѳинъ и Спарты и пріобрѣтаютъ значеніе лишь запаса и резерва, на чьей бы сторонѣ они ни стояли [3]). Въ то же время эти государства начинаютъ съ середины Пелопоннесской войны поставлять воюющимъ наемниковъ, сперва въ видѣ иррегулярныхъ войскъ—легковооруженныхъ, стрѣлковъ, конницы, а съ конца V в. и въ видѣ регулярнаго войска—гоплитовъ, каковыхъ мы находимъ въ походѣ 10,000. Съ точки зрѣнія стратегической этотъ періодъ характеризуется переходомъ отъ оборонительной войны къ войнамъ наступательнымъ, и притомъ на отдаленныхъ театрахъ, благодаря чему пріобрѣтаетъ большое значеніе новая боевая сила—флотъ.

Конечно, и въ постановкѣ военно-санитарнаго дѣла должны были произойти соотвѣтствующія измѣненія. Кромѣ помощи на передовыхъ позиціяхъ и на второй линіи въ тылу, воины, потерявшіе совершенно или на долгое время свою боеспособность, должны теперь эвакуироваться изъ полевыхъ лазаретовъ на родину въ городскіе госпитали. Извѣстно, что еще со временъ Солона или Писистрата въ Аѳинахъ существовалъ законъ, повелѣвавшій принимать на счетъ города содержаніе инвалидовъ [4]). Поэтому безплатное лѣченіе въ городскихъ больницахъ раненыхъ не должно казаться маловѣроятнымъ, хотя мы въ этотъ періодъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ не

[1]) *Rüstow-Köchly*, l. c. 90 § 1. *Bauer*, l. c. 247 сл.

[2]) *Bauer*, 273.

[3]) *Rüstow-Köchly*, l. c. 99 § 10.

[4]) Plut. Sol. 31, 4.

имѣемъ. Можно только указать, что, кромѣ „полковыхъ" врачей, появляются теперь и врачи флота, хотя источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ это свѣдѣніе, довольно мутный[1]).

Вторая половина V в. — время расцвѣта всѣхъ умственныхъ и духовныхъ силъ греческаго народа. Поэтому насъ не должно удивлять, что идеи, ранѣе составлявшія достояніе чистой науки, теперь начинаютъ распространяться въ массѣ и находятъ себѣ выраженіе въ литературѣ, предназначенной для широкихъ слоевъ населенія. Можно съ увѣренностью сказать, что какъ научныя данныя, такъ и печальныя наблюденія, сдѣланныя аѳинянами во время моровой язвы въ Аѳинахъ, заставили греческое общество обратить вниманіе на значеніе санитарнаго состоянія арміи, на значеніе военно-санитарной гигіены особенно въ виду того, что войны и, главное, осады съ этого времени принимаютъ затяжной характеръ.

Мысли, высказываемыя Гиппократомъ и другими врачами въ чисто медицинскихъ сочиненіяхъ, мы находимъ выраженными и въ беллетристикѣ этого времени. Такъ Ксенофонтъ въ Киропедіи (I, 6, 14, пер. Г. Янчевецкаго) говоритъ: „Нѣтъ никакой пользы въ тактикѣ безъ съѣстныхъ припасовъ, какъ и безъ здоровья... (§ 15). Что касается здоровья, то... для этой цѣли какъ города, такъ и полководцы избираютъ врачей". Нѣсколько далѣе (§ 16) устами Дарія обращающагося къ Киру онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Ты долженъ думать о томъ, чтобы въ войскѣ вовсе не было болѣзней... Если ты долженъ будешь нѣкоторое время простоять на одномъ мѣстѣ, ты прежде всего не можешь не позаботиться о здоровомъ лагерѣ. Жители постоянно говорятъ о мѣстности здоровой и нездоровой, а, кромѣ того, у тебя будутъ очевидные свидѣтели того и другого — ихъ организмъ и цвѣтъ лица. Наконецъ, требуется не только обращать вниманіе на мѣстность, но помнить и то, чѣмъ ты самъ стараешься предохранить себя, чтобы быть здоровымъ... (§ 17) не переполнять своего желудка... Затѣмъ... переработать то, что поступило въ желудокъ.., Точно также... нужно смотрѣть и за другими". Любопытно сравнить этотъ пассажъ съ тѣмъ, что̀ говорятъ нѣсколько пространнѣе спеціалисты того времени. Въ трактатѣ „О воздухѣ, водѣ, мѣстности" (περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων[2]) Гиппократъ высказывается слѣдующимъ образомъ: § 1. „Всякому, кто хочетъ правильно изучить

[1]) Hippocr. Epist. de legat. (ed. L. IX, 422).
[2]) Ed. *Kühlew.*, I, 33 сл.; L. II, 12 сл.

врачебную науку, нужно дѣлать слѣдующее: во-первыхъ, обсудить время года, какое каждое можетъ имѣть вліяніе, такъ какъ они вовсе не похожи другъ на друга, но весьма различаются и сами по себѣ, и въ своихъ переходахъ; во-вторыхъ, — вѣтры теплые и холодные, главнымъ образомъ, общіе всѣмъ людямъ, а затѣмъ свойственные каждой (отдѣльной) странѣ. Слѣдуетъ обсудить и свойства водъ. Какъ онѣ различаются въ устьѣ и плёсѣ, такъ и вліяніе ихъ весьма различно, такъ что, если кто-нибудь пріѣзжаетъ въ городъ, котораго не знаетъ, ему слѣдуетъ позаботиться о его мѣстоположеніи, какъ онъ лежитъ и въ отношеніи вѣтровъ, и въ отношеніи восхода солнца. Не одинаковое вліяніе оказываетъ расположеніе къ сѣверу или къ югу, къ востоку или къ западу. Это нужно обсудить какъ можно тщательнѣе, и какъ обстоитъ дѣло въ отношеніи воды, пользуются ли (жители) болотной и мягкой, или жесткой и изъ высокихъ и каменистыхъ (мѣстъ), или изобилующей солями и жесткой, и (въ отношеніи) земли, голая ли она и безводная, или покрытая растительностью и орошаемая, низменная ли и жаркая, или возвышенная и холодная... И если (врачъ) это разсмотритъ тщательно, лучше всего все, въ противномъ случаѣ большинство (изъ этого) отъ него не скроются, вѣроятно, когда онъ пріѣдетъ въ городъ, котораго не знаетъ, ни мѣстныя болѣзни, ни какова природа наиболѣе распространенныхъ (заболѣваній). Такимъ образомъ онъ не будетъ затрудняться въ лѣченіи болѣзней, ни ошибаться... Такимъ образомъ, зная заранѣе всѣ условія, онъ будетъ отлично освѣдомленъ относительно каждаго (изъ нихъ) и достигнетъ наибольшихъ (результатовъ въ смыслѣ) здоровья“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на военныхъ врачей возлагались не только наукой, но и начальствомъ новыя требованія — путемъ профилактики предотвращать столь обычныя въ мѣстахъ долговременнаго скопленія войскъ эпидемическія заболѣванія. Мало того. Кажется, въ это время впервые былъ высказанъ здравый взглядъ на происхожденіе инфекціонныхъ болѣзней и возникновеніе эпидемій. Весьма знаменательное мѣсто въ этомъ смыслѣ мы находимъ у Варрона [1]): „Слѣдуетъ также строиться, говоритъ онъ, въ противоположной сторонѣ, если мѣстность болотистая, и по выше приведен-

[1]) Varr. R. R. I, 12, 2 (ed. *G. Goetz*, Lips. 1912): a<d>vertendum etiam, siqua erunt loca palustria, et propter easdem causas, et quod [arescunt; *del. Zahlfeldt*] crescunt animalia quaedam minuta, quae non possunt oculi consequi, et per aera intus in corpus per os ac nares perveniunt atque efficiunt difficilis morbos.

нымъ причинамъ (вліянія вѣтровъ), и потому, что (въ болотахъ) вырастаютъ нѣкіе крошечные живые организмы, за которыми глаза не въ состояніи услѣдить, проникаютъ внутрь, въ тѣло изъ воздуха черезъ ротъ и ноздри и производятъ тяжелыя заболѣванія". У кого бы изъ древнихъ натуръ-философовъ V в. эта мысль о паразитарномъ или бациллярномъ происхожденіи инфекціонныхъ болѣзней ни была заимствована — Анаксагора, Діогена изъ Аполлоніи, Демокрита или кого-либо другого [1])—она вполнѣ достойна быть высказанной въ эту пору греческаго просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ хирургія обогащается многочисленными наблюденіями надъ цѣлесообразнымъ лѣченіемъ въ соотвѣтствующей обстановкѣ колотыхъ, рубленыхъ и рѣзаныхъ ранъ. Въ сборникѣ Гиппократа мы находимъ цѣлый трактатъ, посвященный лѣченію однихъ только ранъ въ голову (περὶ τῶν ἐν κεφαλῇ τρωμάτων). Съ другой стороны, въ сочиненіи „О врачѣ" онъ замѣчаетъ: „Во время пребыванія въ городахъ мало случаевъ извлекать стрѣлы, ибо во всякомъ случаѣ рѣдко происходятъ гражданскія войны и вражескія нашествія, но весьма часто и непрерывно это случается во время внѣшнихъ войнъ. Такимъ образомъ кто желаетъ оперировать подобные случаи, долженъ отправиться въ походъ и присоединиться къ выступившимъ заграницу войскамъ" [2]).

VI.

По мѣрѣ того, какъ военныя операціи начинаютъ переноситься въ чужія области, на непріятельскую территорію, внѣ Эллады, усложняется дѣло эвакуаціи раненыхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда война ведется вдали отъ морского берега. Везти за собою обширные транспорты раненыхъ также не представлялось желательнымъ или возможнымъ. Необходимо, однако, было найти какой-нибудь выходъ изъ положенія, и этотъ выходъ былъ найденъ, такъ какъ онъ являлся совершенно естественнымъ, былъ подсказанъ самою жизнью. Были созданы эвакуаціонные пункты въ районахъ третьей линіи, которые теперь мы называемъ внутренними. Такъ во время похода

---

[1]) См. экскурсъ въ концѣ.

[2]) П. ἰητροῦ 14 (ed. L. IX, 218 сл., ed. Erm. III, 335): Ἐν τῇσι κατὰ πτόλιν διατριβῇσι βραχεῖά τίς ἐστι τουτέων ἡ χρῆσις· ὀλιγάκις γὰρ ἐν παντὶ τῷ χρόνῳ γίνονται πολιτικαὶ στρατιαὶ καὶ πολεμικαί· ξυμβαίνει δὲ τὰ τοιαῦτα πλειστάκις καί ξυνεχέστατα περὶ τὰς ξενικὰς στρατιὰς γίνεσθαι. Τὸν μὲν οὖν μέλλοντα χειρουργεῖν στρατεύεσθαι δεῖ καὶ παρηκολουθηκέναι στρατεύμασι ξενικοῖς.

10.000 войско греческое оставляло и даже насильно помѣщало въ лежащихъ по пути греческихъ городахъ всѣхъ выбывшихъ изъ строя своихъ больныхъ и раненыхъ. Правильной и планомѣрной эвакуаціи раненыхъ во внутренніе районы въ этомъ походѣ, конечно, не могло быть по условіямъ самаго похода. Однако роль внутреннихъ эвакуаціонныхъ пунктовъ и постоянныхъ госпиталей играли такіе города, какъ колонія Синопа Котіоры (Anab. V, 5, 4 и 20) и Кизикъ (Anab. VII, 2, 6), гдѣ, очевидно, за недостаткомъ мѣста въ городской больницѣ больные и раненые принудительнымъ путемъ размѣщались въ частныхъ домахъ. Ксенофонтъ говоритъ объ этомъ въ такомъ тонѣ, что можно считать такое размѣщеніе раненыхъ за вещь весьма обычную въ его время. Поэтому едва ли мы удалимся отъ истины, если предположимъ, что въ эту эпоху большіе транспорты раненыхъ отъ времени до времени при движеніи арміи впередъ оставлялись въ прочно занятыхъ тыловыхъ пунктахъ, откуда нуждающіеся въ долговременномъ лѣченіи эвакуировались или на свои средства выѣзжали при первой возможности въ болѣе спокойныя и отдаленныя отъ театра войны области или на родину. Болѣе легко раненые могли также по выздоровленіи догнать свою часть и снова вступить въ ряды сражающихся. Косвенное указаніе на необходимость такой эвакуаціи мы можемъ видѣть въ томъ же походѣ 10.000, когда при большомъ количествѣ раненыхъ санитарный транспортъ, слѣдовавшій за войскомъ, настолько стѣснялъ движеніе, что иногда заставлялъ даже всю армію останавливаться на нѣсколько дней ради подачи раненымъ болѣе серьезной помощи, чѣмъ первоначальная (ср. Xen. Anab. III, 4, 30 сл.). Понятно, какъ должна бы была стѣсняться свобода передвиженія войскъ при отсутствіи эвакуаціи во внутренніе районы, если бы эти транспорты должны были слѣдовать за войскомъ во все время похода. Конечно, въ иныхъ случаяхъ безъ нихъ нельзя было обойтись, какъ нельзя было иногда, можетъ быть, подъ натискомъ непріятеля не бросить ихъ вмѣстѣ съ остальнымъ обозомъ, но такія случайности, неизбѣжныя во всякой войнѣ, не могли, разумѣется, входить въ планы главнокомандующаго и являлись только, какъ и теперь нерѣдко, отдѣльными печальными эпизодами.

Остается сказать нѣсколько словъ. Съ образованіемъ внутреннихъ эвакуаціонныхъ районовъ и постоянныхъ и временныхъ госпиталей заканчивается развитіе военно-санитарнаго дѣла въ древней Греціи. Монархіи Александра Великаго оставалось только использовать съ наибольшей выгодой то, что уже было создано до него въ цѣляхъ

облегченія какъ самой арміи, такъ и ея пострадавшихъ воиновъ. Однако для этого времени какъ разъ наши источники не даютъ ничего опредѣленнаго, кромѣ только общихъ указаній, что и въ войскахъ Александра существовали военные врачи. Количество ихъ еще въ походѣ 10.000 исчислялось приблизительнымъ отношеніемъ · 1 : 1000, т. е. почти тѣмъ же отношеніемъ, какое мы видимъ и въ нашихъ арміяхъ настоящаго времени (Xen. Anab. III, 4, 31). Оставалось ли въ арміи Александра Великаго количество врачей въ той же пропорціи къ дѣйствующимъ силамъ, или было увеличено, объ этомъ наши источники умалчиваютъ, хотя присутствіе ихъ въ войскѣ засвидѣтельствовано положительно (Arrian. Anab. 2, 4, 8; 6, 11, 1).

VII.

Въ настоящее время, при современномъ состояніи культуры, мы видимъ, что не только государство въ лицѣ военныхъ начальниковъ армій заботится о потерпѣвшихъ на войнѣ, но и общество, не участвующее въ военныхъ дѣйствіяхъ, оказываетъ посильную помощь дѣлу милосердія, помимо тѣхъ обязательныхъ чрезвычайныхъ повинностей, которыя на него налагаются военнымъ временемъ. Невольно возникаетъ вопросъ, не является ли эта отзывчивость общества къ страданіямъ ближнихъ специфической чертой новаго времени и признакомъ нашей высшей культуры, смягченной заповѣдями христіанскаго милосердія?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо разсмотрѣть, какое участіе принимало античное общество въ дѣлѣ оказанія помощи и призрѣнія больныхъ и раненыхъ воиновъ. Пока войско состояло изъ однихъ гражданъ, трудно разграничить дѣятельность государства въ этомъ направленіи отъ дѣятельности общества, состоящаго изъ тѣхъ же гражданъ. Всѣ мѣропріятія общественнаго характера, вѣроятнѣе всего, проводились черезъ народное собраніе и такимъ путемъ претворялись въ распоряженія правительственныя, но санкціонированныя всѣмъ народомъ.

Объ отзывчивости общества въ это время можно говорить лишь постольку, поскольку она проявляется въ иниціативѣ отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Источники—надо сказать, весьма скудные въ этомъ отношеніи—показываютъ, что уже рано сознается нравственная обязанность подачи помощи и призрѣнія больнымъ и увѣчнымъ воинамъ. Уже почти за 600 лѣтъ до Р. Хр. Солонъ издаетъ законъ, возлагающій на государство этотъ долгъ, причемъ мы должны предполагать и участіе

всего правомочнаго населенія въ той денежной повинности, съ которой было связано это призрѣніе. Но это—мѣра принудительнаго характера, и частной инициативы общества мы здѣсь не усматриваемъ, хотя, вѣроятно, сознаніе моральной обязанности населенія передъ пострадавшими за него согражданами раздѣлялось большинствомъ: иначе существованіе самаго закона едва ли могло бы быть объяснено. Писистратъ, по увѣренію нѣкоторыхъ древнихъ историковъ, подтвердилъ этотъ законъ (Plut. Sol. 31, 4), и упоминаніе о немъ мы вновь встрѣчаемъ въ одной изъ рѣчей ритора II в. послѣ Р. Хр., Элія Аристида (ed. Dindorf, Lips. 1829, Panathen. I, 310). Къ этому нужно прибавить, что уже рано государство аѳинское пришло на помощь семьямъ тѣхъ, кто пожертвовалъ жизнью за родину, взявъ на свой счетъ воспитаніе ихъ дѣтей вплоть до совершеннолѣтія [1]). Это мѣропріятіе одними приписывается Солону (Diog. Laërt. I, 55), другими болѣе позднему времени (Aristot. Polit. II, 5, 4).

Выше уже мы видѣли, что въ городскихъ госпиталяхъ или больницахъ, безплатно принимавшихъ на излѣченіе гражданъ, находили помощь и раненые воины, но за особое вознагражденіе, съ какою цѣлью былъ установленъ, повидимому, даже особый сборъ—ἰατρικόν. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся въ нашихъ источникахъ съ указаніемъ, какъ выражалась помощь раненымъ со стороны частной инициативы. Легче всего эта помощь могла идти оттуда, гдѣ въ силу самыхъ обстоятельствъ раненые приходили въ соприкосновеніе съ отдѣльными представителями общества. Таковымъ являлся медицинскій персоналъ городскихъ лѣчебницъ. Дѣйствительно, въ упоминавшейся уже двуязычной идалійской надписи V в. врачъ Онасилъ получаетъ отъ города награду (деньгами и землей) за то, что во время войны Идалія съ персами и китійцами безплатно лѣчилъ раненыхъ воиновъ. Существуютъ и другіе декреты, вознаграждающіе врачей за безплатную подачу помощи оказаніемъ имъ особыхъ почестей.

Вслѣдъ за городскими больницами должны быть упомянуты санаторіи въ родѣ лежащаго на берегу моря Пэонія [2]), упоминаемаго поэтомъ Кратетомъ (449—424 до Р. Хр.), и лѣчебницы при храмахъ, главнымъ образомъ, конечно, при храмахъ бога здравія—Асклепія.

[1]) Ср. Thuc. II. 46; Plat. Menex. 248 сл.; Isocr. De pace 82; Aeschin. C. Ctes. 154; Hyperid. у Стобея Floril. 124, 36; Anaxim. Rhetor. II, 8; Lesbonax Protr. 18; Schol. Demosth. C. Timocr. 445. Ael. Arist. Panath. 176, 310.

[2]) Athen. VI, 268 A. Theognost. 124, 15. Phot. 370, 22. Ср. Soph. Trach. 1210. Philoct. 1345. Galen. II. συνθέσ. φαρμ. I, 2, 600 (ed. K. XIII, 242).

Здѣсь мнѣ нѣтъ необходимости останавливаться на организаціи этихъ лѣчебницъ: вопросъ о религіозномъ врачеваніи достаточно выясненъ и въ русской литературѣ С. А. Жебелевымъ въ его работѣ „Религіозное врачеваніе въ древней Греціи“ [1]), и въ западной изслѣдованіями Герлиха [2]), Кавваділ [3]), Дейбнера [4]), Аравантиноса [5]), Вейнрейха [6]). Эпидаврскія надписи не разъ говорятъ объ исцѣленіи раненыхъ. Лѣченіе было безплатное, но добровольныя пожертвованія принимались охотно, какъ это видно изъ тѣхъ же надписей. Надо думать, однако, что не всѣ больные были въ силахъ платить за себя, да и жрецы храмовъ, можно полагать, не всегда были столь корыстолюбивы, какъ въ римское время, отъ котораго дошло до насъ больше всего свѣдѣній. Мы можемъ предполагать, что въ иныхъ случаяхъ дальновидные жрецы охотно оказывали и вполнѣ безплатную помощь, имѣя въ виду повысить репутацію своего храма, увеличить популярность божества, расширить сферу своего вліянія. Подобные случаи легче всего могли представиться, конечно, во время такого бѣдствія, какъ война, но предположеніе это остается только предположеніемъ, такъ какъ никакихъ указаній на это въ литературѣ мы не имѣемъ, кромѣ только свидѣтельствъ о томъ, какими различными мѣрами жрецы старались поднять и возвысить славу своего святилища [7]).

Наиболѣе рельефно, однако, выражалась общественная помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда граждане, за недостаткомъ мѣстъ въ городскихъ больницахъ, широко и гостепріимно раскрывали двери своихъ собственныхъ домовъ для размѣщенія и пользованія раненыхъ въ частныхъ квартирахъ. Веркутръ и Фуксъ говорятъ [8]), что при этомъ принимались на излѣченіе даже непріятели. При этомъ имѣется въ виду то мѣсто „Анабазиса“ Ксенофонта, гдѣ послѣдній разсказываетъ о прибытіи въ Котіоры и размѣщеніи больныхъ и раненыхъ въ домахъ жителей города. Однако изъ дальнѣйшаго изложенія Ксенофонта мы узнаемъ, что это размѣщеніе было принудительнымъ, такъ какъ греки разставили даже караулы, чтобы обезпечить положеніе

[1]) *Записки И. Р. А. О.*, нов. сер., VI, 1893, 369—429.
[2]) *Herrlich*, Epidauros, Berlin 1898.
[3]) См. выше, 106, прим. 2.
[4]) *L. Deubner*, De incubatione capita quattuor, Lipsiae 1900.
[5]) См. выше, 106, прим. 2.
[6]) *Weinreich*, Antike Heilungswunder, Giessen 1909.
[7]) *R. Herzog*, Koische Forschungen, 173 сл.
[8]) *Rev. Archéol.* XXXIX (1880), 349. Handbuch *Пушманна* I, 183.

своихъ раненыхъ отъ вмѣшательства начальника мѣстнаго гарнизона. Ясно, что это вмѣшательство не могло быть особенно дружелюбнымъ. Таково же, повидимому, было и настроеніе жителей [1]), только покорявшихся печальной необходимости принять на свое попеченіе раненыхъ воиновъ въ виду угрожающей военной силы. Въ другомъ мѣстѣ того же произведенія разсказывается о размѣщеніи раненыхъ въ частныхъ домахъ въ городѣ Кизикѣ, но и это было сдѣлано не по почину жителей, а принудительно; было ли при этомъ размѣщеніе безплатнымъ, или граждане Кизика получали за свои труды, хлопоты и безпокойство извѣстное вознагражденіе, неизвѣстно (Anab. VII, 2, 6). Въ Котіорахъ, во всякомъ случаѣ, греки за всѣ услуги платили, какъ это самъ Ксенофонтъ подчеркиваетъ (Anab. V, 5, 20). Указаніе на несомнѣнно безплатную и добровольную помощь раненымъ, широко организованную по побужденіямъ безкорыстнаго милосердія и патріотизма, мы встрѣчаемъ, однако, у Юстина (XXVIII, 4, 5) въ разсказѣ о войнѣ между Клеоменомъ, царемъ спартанскимъ, и царемъ Македоніи Антигономъ Гонатомъ въ началѣ III в. до Р. Хр. Спартанцы, послѣ упорнаго сопротивленія, были разбиты и понесли большія потери убитыми и ранеными. Несмотря на пораженіе, населеніе города мужественно перенесло ударъ и самоотверженно поспѣшило оказать помощь. Patentibus omnes domibus saucios excipiebant, vulnera curabant, lassos reficiebant... magisque omnes publicam quam privatam fortunam lugebant, говоритъ Юстинъ. „Раскрывъ настежъ дома, всѣ принимали раненыхъ, лѣчили поврежденія, ухаживали за пострадавшими... и болѣе оплакивали народное, чѣмъ личное бѣдствіе“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что общественная помощь больнымъ и раненымъ въ бояхъ воинамъ могла выражаться, да, повидимому, и выражалась въ древней Греціи въ трехъ направленіяхъ: 1) въ безплатной подачѣ помощи врачебнымъ персоналомъ городскихъ, а также, вѣроятно, иногда и частныхъ лѣчебницъ; 2) въ безплатной помощи раненымъ со стороны религіозныхъ учрежденій и организованныхъ при нихъ лѣчебницъ, клиникъ и санаторій; 3) въ привлеченіи широкихъ слоевъ населенія къ оказанію посильнаго содѣйствія государственной власти въ облегченіи участи раненыхъ во внутреннихъ районахъ. Это содѣйствіе, какъ и теперь, выразилось, главнымъ образомъ, въ томъ, что населеніе радушно открывало двери своихъ жилищъ и

---

[1]) Xen. Anab. V, 5, 6: οὐ γὰρ παρεῖχον ἀγοράν, οὐδ' εἰς τὸ τεῖχος τοὺς ἀσθενοῦντας ἐδέχοντο; ср. ibid. 19: οὐ γὰρ ὡς φίλοι προσεφέροντο ἡμῖν (οἱ Κοτυωρῖται) и др.

брало раненыхъ, по всей видимости, на полное свое иждивеніе. Въ связи съ послѣднимъ, конечно, находилась заготовка перевязочнаго матеріала и снабженіе раненыхъ всѣмъ необходимымъ. Равнымъ образомъ населеніе принимало участіе и въ оказаніи прямой врачебной помощи, въ перевязкѣ и лѣченіи раненыхъ.

Такимъ образомъ и въ дѣлѣ оказанія помощи больнымъ и раненымъ воинамъ мы видимъ, что проявленіе истинной человѣчности и милосердія къ ближнимъ не является привилегіей новаго времени, обвѣяннаго идеями христіанства, но, проистекая изъ лучшихъ побужденій человѣческаго духа, существовавшихъ отъ вѣка и нераздѣльно ему присущихъ, завѣщано намъ впервые великой классической стариной, какъ и многія другія пріобрѣтенія въ области матеріальной и духовной культуры, о которыхъ обыкновенно мы и не подозрѣваемъ.

Экскурсъ къ Varr, R. R. I, 12, 2 (ed. G. Goetz, Lipsiae 1912).

a<d>vertendum etiam, siqua erunt loca palustria, et propter easdem causas, et quod [arescunt] crescunt animalia quaedam minuta, quae non possunt oculi consequi, et per aera intus in corpus per os ac nares perveniunt atque efficiunt difficilis morbos.

Приведенное мѣсто Варрона уже издавна привлекало къ себѣ вниманіе комментаторовъ и издателей сочиненія De re rustica въ различныхъ отношеніяхъ. Equidem laudo conatus virorum doctorum; sed plura et graviora hic subesse ulcera puto, говоритъ Іо. Готлибъ Шнейдеръ [1]) и предлагаетъ все мѣсто читать съ нѣкоторыми добавленіями и перестановками слѣдующимъ образомъ: advertendum etiam si qua erunt loca palustria, et propter easdem causas, et quod cum arescunt, efficiunt difficilis morbos, atque crescunt ibi animalia quaedam minuta, quae non possunt oculi consequi, et per aera intus in corpus per os ac nares perveniunt. Такую передѣлку текста Шнейдеръ считаетъ необходимой на основаніи словъ Колумеллы въ R. R. I, 5, 6: nec paludem quidem vicinam esse oportet aedificiis, nec iunctam militarem viam, quod illa caloribus noxium virus eructat et infestis aculeis armata gignit animalia, quae in nos densissimis agminibus involant. Это сближеніе было сдѣлано еще Урсиномъ въ 1587 г., однако безъ достаточныхъ основаній. Между мыслью, высказанной Варрономъ, и тѣмъ,

[1]) Scriptorum rei rusticae veterum latinorum tomus primus M. Porcium Catonem et M. Terent. Varronem tenens illustr. *Io. Gottlob Schneider*, Lips. 1794, comment. in Varr. p. 286.

что̀ говорится Колумеллой, значительная разница. Правда, Шнейдеръ восклицаетъ: Quid enim credamne, Varroni culices istos minutos morbos efficere difficiles? Hoc nemo medicorum veterum aut recentiorum (sic!) affirmavit unquam. At vero loca palustria cum arescunt caloribus, noxium virus aëris eructant, ut recte monet Columella l. c. et morbos difficiles pariunt. Однако и то, и другое ошибочно. Точный смыслъ словъ Колумеллы показываетъ дальнѣйшій пассажъ: tum etiam natricum serpentiumque pestes, hiberna destitutas uligine, caeno et fermentata colluvie venenatas, emittit, ex quibus saepe contrahuntur caeci morbi, quorum causas ne medici quidem perspicere queunt. По его мнѣнію, выходитъ такимъ образомъ, что ядовитость насѣкомыхъ и змѣй возрастаетъ въ зависимости отъ ядовитости болотныхъ испареній. Быть можетъ, даже нужно сдѣлать небольшую поправку въ его словахъ, вмѣсто infestis aculeis armata читая infectis aculeis armata. Во всякомъ случаѣ, зависимость заразныхъ болѣзней отъ ихъ распространителей—насѣкомыхъ или пресмыкающихся признается и Колумеллой. Съ другой стороны то, что̀ во времена Шнейдера казалось невѣроятнымъ и никѣмъ изъ его современниковъ не высказывалось, въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію [1]). Насѣкомыя являются весьма частымъ посредникомъ въ распространеніи эпидемій: такъ трипаносомы, вызывающія сонную болѣзнь бери-бери (Trypanosoma gambiense и ugandense), разносятся различными москитами (Glossina palpalis), другія — мухой цеце (Glossina morsitans), мухами изъ рода Stomoxys и Tabanus и пр., а малярійный микробъ, такъ называемая Haematamoeba Laverani (плазмодій маляріи) спеціально комаромъ изъ рода Anopheles, не говоря уже о бубонной чумѣ, переносимой паразитами зараженныхъ животныхъ, или сыпномъ тифѣ, распространяемомъ паразитами человѣка и т. п. Истина, неизвѣстная современникамъ Шнейдера, была такимъ образомъ вѣрно подмѣчена древними естествоиспытателями, хотя не могла быть экспериментально ни провѣрена, ни доказана ими и высказывалась лишь въ видѣ апріорнаго вывода изъ подмѣченной связи между двумя явленіями въ силу сужденія post hoc, ergo propter hoc. Поэтому приводимый пассажъ не нуждается въ другихъ исправленіяхъ, кромѣ тѣхъ, какія были приняты Кейлемъ [2]) и Гётцемъ представившими текстъ въ томъ

---

[1]) Ср. *Д. И. Нагуевскій*, „Ничто не ново подъ луной" въ *Рижск. Вѣстн.* 1908. 31. X № 250 въ отдѣлѣ: Разныя извѣстія. Его замѣтки въ *Казанск. Телегр.* 1908, № 4706 я не читалъ.

[2]) M. Porci Catonis de agri cultura liber. M. Terenti Varronis rerum rustica-

видѣ, какъ онъ сообщенъ нами выше. Но въ такомъ случаѣ между Колумеллой и Варрономъ существуетъ принципіальная разница: у Колумеллы насѣкомыя и змѣи являются посредниками, такъ называемыми промежуточными хозяевами болѣзнетворныхъ началъ; Варронъ указываетъ, что эти minuta animalia, — настоящіе „микроорганизмы", могутъ вызывать болѣзни непосредственно, проникая внутрь черезъ дыхательные пути и пищеводъ. Нѣсколько большее, но чисто внѣшнее сходство съ Колумеллой обнаруживаетъ у Варрона слѣдующій пассажъ: R. R. I, 12, 3: praeterea quod ab sole toto die inlustratur (sc. villa), salubrior, quod et bestiolae, siquae prope nascuntur et inferuntur, aut efflantur aut aritudine cito pereunt. Однако изъ предыдущаго ясно, что и здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ же minuta animalia, будемъ ли мы понимать подъ ними бактерій въ собственномъ смыслѣ, т. е. микрофитовъ, или одноклѣточныхъ животныхъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, для насъ безразлично: древній ученый, впервые высказавшій эту мысль, конечно, не имѣлъ понятія ни о микрофитахъ, ни о Microzoa; для него все это были только „крошечные организмы, за которыми глаза не могутъ услѣдить", и ничего больше.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ, откуда это свѣдѣніе о микроорганизмахъ, какъ болѣзнетворныхъ началахъ, было Варрономъ почерпнуто, такъ какъ едва ли высказанная мысль принадлежитъ ему самому: внѣшнее сходство въ отдѣльныхъ выраженіяхъ между Колумеллой и Варрономъ, несмотря на различіе содержанія, по всей вѣроятности, не случайное; оно можетъ быть объяснено только или пользованіемъ однимъ источникомъ, или тѣмъ обстоятельствомъ, что Колумелла имѣлъ передъ собою текстъ Варрона, но не вполнѣ его понялъ и истолковалъ по своему.

Въ настоящее время мы въ достаточной мѣрѣ знакомы съ вопросомъ объ источникахъ, какими пользовался Варронъ въ своемъ сочиненіи „О сельскомъ хозяйствѣ". Какъ разъ предыдущій пассажъ Varr. R. R. I, 12, 1, какъ это было извѣстно еще Джентилли [1]), заимствованъ изъ Ps.-Aristot. Oecon. I, 6, 7 (1345 a 31). Гемпель [2]) полагаетъ, что всѣ подобнаго рода цитаты и заимствованія изъ Ари-

---

rum libri tres ex rec. *Henr. Keilii.* Vol. I, Lips. 1884, 145; vol. II, fasc. II, 1894, 44.

[1]) *G. Gentilli*, De Varronis in libris rerum rusticarum auctoribus въ *Studi italiani di filologia classica*, XI, 1903, 104.

[2]) *O. Hempel*, De Varronis rerum rusticarum auctoribus quaestiones selectae, Lipsiae 1908, 36.

стотеля и Θеофраста приведены Варрономъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ черезъ посредство Кассія Діонисія или, точнѣе, его эпитоматора Діофана. Однако недавно Велеръ [1]) доказалъ, что, по крайней мѣрѣ, тѣ мѣста, гдѣ Аристотель и Θеофрастъ называются у Варрона по имени, послѣдній провѣрялъ по оригиналамъ. Слѣдовательно есть основаніе думать, что пассажъ Varr. R. R. I, 12, 1 заимствованъ изъ Аристотеля, или свѣренъ съ нимъ и, такъ или иначе, но принадлежитъ ему. Въ нашемъ случаѣ мы не знаемъ, у кого заимствованъ пассажъ Varr. R. R. I, 12, 2, но мѣсто это приходится между двумя заимствованіями: R. R. I, 12, 1 взято, какъ указано, изъ Псевдо-Аристотелевской „Экономики"; Varr. R. R. I, 12, 3 отчасти взято изъ Θеофраста (De caus. plant. II, 3, 3), какъ указалъ Джентилли [2]). То, чтò находится между этими заимствованіями, какъ и оба эти заимствованія, вѣроятно, взято Варрономъ изъ Діофана, Діофаномъ изъ Кассія Діонисія, а послѣднимъ было почерпнуто или изъ болѣе древнихъ источниковъ черезъ посредство Аристотеля или Θеофраста [3]), или изъ писателей, жившихъ между временемъ Аристотеля и Θеофраста и Кассіемъ Діонисіемъ [4]). Дѣйствительно, еще Вейсъ [5]) указалъ, что мѣста, общія для Варрона, Колумеллы и геопониковъ, должны восходить къ одному общему греческому источнику, каковымъ долженъ былъ быть Діофанъ. Для нашего мѣста Varr. R. R. I, 12, 2 геопоники не представляютъ значенія. Слѣдовательно, остается одинъ Колумелла, у котораго, какъ мы видѣли выше, можетъ идти рѣчь о томъ же, о чемъ идетъ и у Варрона, но съ искаженіемъ точнаго смысла источника. Въ такомъ случаѣ возникаетъ вышеуказанный вопросъ, впервые поставленный Штадлеромъ [6]), не обязано ли это сходство между Варрономъ и Колумеллой тому, что оба они отдѣльно другъ отъ друга и каждый самостоятельно обрабатывали приводимые ими греческіе источники, такъ что совпаденія между ними являются случайными. На это приходится отвѣтить отрицательно, такъ какъ

---

[1]) *M. Waehler*, De Varronis rerum rusticarum fontibus quaestiones selectae, Jenae 1912, 68 сл., 71—76.

[2]) L. c. 123.

[3]) *E. Weiss*, De Columella et Varrone rerum rusticarum scriptoribus, Vratislaviae 1911, 13.

[4]) Ср. вообще замѣчанія *Бюхелера* по этому поводу (Coniectanea XII въ *Rhein. Mus.* XXXIX (1884), 291 сл.).

[5]) *Weiss*, De Columella et Varrone etc., 6.

[6]) *H. Stadler*, Die Quellen des Plinius im 19. Bch. der Nat. Hist., München 1891, 17.

Вейсъ [1]) и другіе доказываютъ, что сходными мѣстами оба автора обязаны одному источнику—Діофану, т. е. Кассію Діонисію, жившему около 200 г. до Р. Хр., къ услугамъ котораго была такимъ образомъ вся александрійская ученость III в. Слѣдовательно, нѣтъ ничего невозможнаго, что у Діофана и Кассія Діонисія приводились выше указанныя соображенія о происхожденіи заразныхъ болѣзней и черезъ посредство микроорганизмовъ (minuta animalia) прямо, и черезъ посредство видимыхъ распространителей, промежуточныхъ хозяевъ, по современнымъ представленіямъ. Варронъ остановился на первомъ, Колумолла же, не видя принципіальной разницы между тѣми и другими, выбралъ болѣе наглядные и доказательные, по его мнѣнію, примѣры возникновенія эпидемій—изъ міра видимыхъ существъ.

Остается рѣшить вопросъ, возникла ли бациллярная или паразитарная теорія инфекціонныхъ заболѣваній до Аристотеля, или послѣ него. Здѣсь намъ приходится руководиться общими соображеніями, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ.

Въ мірѣ идей существуетъ та же преемственность, какъ и въ мірѣ физическихъ явленій: какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, такъ нѣтъ и мысли, которая не вытекала бы логически изъ того, что было сказано ранѣе, не была бы связана такъ или иначе съ тѣмъ кругомъ идей, который свойственъ данной эпохѣ, не представляла бы такимъ образомъ дитя своего времени и не раздѣляла бы вмѣстѣ со своимъ временемъ его сильныхъ и слабыхъ сторонъ, не была бы запечатлѣна печатью своего вѣка. Ни одна идея, какъ бы она ни была геніальна и парадоксальна, никогда не являлась вдругъ, какъ deus ex machina, оторванною и упавшею съ неба. Она была подготовлена всѣмъ, что говорилось и мыслилось вокругъ, была порождена сказаннымъ ранѣе, была предопредѣлена въ своей сущности предсуществовавшимъ и сосуществующимъ кругомъ идей и такимъ образомъ должна соотвѣтствовать своей эпохѣ, имѣть ея характерныя черты, отличающія культурный уровень общества ея времени. Съ этой точки зрѣнія намъ и предстоитъ взглянуть на характеръ, отличающій два періода въ исторіи греческой науки: время до Аристотеля и такъ называемую александрійскую эпоху.

На зарѣ своей исторіи греческая наука обнаруживаетъ неисчерпаемую вѣру въ силу человѣческаго ума и въ проницательность человѣческаго мышленія. Съ молодымъ задоромъ, свойственнымъ юно-

---

[1]) *E. Weiss*, De Columella etc., 8.

шескому возрасту, она пытается единственнымъ усиліемъ мысли безъ достаточнаго опытнаго знакомства съ реальнымъ міромъ проникнуть въ сущность вещей и, ослѣпленная успѣхомъ первыхъ попытокъ, самостоятельно стать на ноги, полагаетъ, что одно размышленіе можетъ дать въ руки ключъ къ разгадкѣ мірового строя.

„Послѣ періода быстраго развитія, во время котораго греческая наука сразу выработала нѣсколько цѣнныхъ основныхъ понятій о природѣ, въ половинѣ V вѣка замѣчается какъ будто обратное теченіе. Склонность къ метафизическому мышленію ослабѣла; гипотезъ было уже довольно; наступила потребность разсматривать и доказывать ихъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ отраслямъ знанія“ [1]). И тутъ, послѣ примиряющихъ попытокъ эклектизма и частныхъ изслѣдованій, наступаетъ періодъ разочарованія: ни одна изъ теорій не даетъ полнаго объясненія міровыхъ явленій; всѣ онѣ грѣшатъ но тѣмъ, такъ инымъ, не въ одномъ, такъ въ другомъ противорѣчатъ сами себѣ, и всѣ оказываются одинаково несостоятельными. Міромъ овладѣваетъ раздумье: никакое знаніе не возможно; ничего не существуетъ въ дѣйствительности; все видимое—одинъ миражъ и самообманъ. Горько звучатъ отголоски этой общей разочарованности въ словахъ Гиппократа: Ὁ βίος βραχὺς, ἡ δὲ τέχνη μακρὴ, ὁ δὲ καιρὸς ὀξὺς, ἡ δὲ πεῖρα σφαλερή... „Жизнь коротка, искусство велико, случай неуловимъ, опытъ обманчивъ“... Но сильный духомъ человѣкъ не хочетъ примириться съ этой полной безнадежностью, и только что высказанныя слова пробуждаютъ въ немъ искорку надежды: ἡ δὲ κρίσις χαλεπή—заключаетъ онъ свой первый афоризмъ—„сужденіе трудно“, но не невозможно. Много препятствій нужно одолѣть прежде, чѣмъ придти къ дѣйствительному знанію. Человѣческой жизни на это не хватитъ. Но если мало одной жизни, то преемственный рядъ человѣческихъ существъ, накопляющихъ знаніе и передающихъ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, быть можетъ, когда-нибудь и достигнетъ подлиннаго знанія, настоящей истины, только не слѣдуетъ ничего принимать на вѣру: все нужно подвергать изслѣдованію, такъ какъ все происходящее въ мірѣ закономѣрно. „Двѣ разныя вещи—наука и вѣра; первая изъ нихъ приводитъ къ знанію, вторая — къ незнанію“ — δύο γὰρ ἐπιστήμη τε καὶ δόξα, ὧν τὸ μὲν ἐπίστασθαι ποιεῖ, τὸ δὲ ἀγνοεῖν [2]). Законъ же надъ всѣмъ господствуетъ: νόμος μὲν πάντα κρα-

[1]) *Виндельбандъ*, Исторія древней философіи, С.-Пб. 1893, 86.

[2]) Hipp., Νόμος 4 (ed. L. IV, 642).

τόνει [1]). Поэтому и болѣзнь, какъ таковая, есть не что-либо сверхъестественное, а нѣчто физическое, матеріальное, происходящее отъ естественныхъ причинъ, отъ болѣзненнаго *вещества*, претерпѣвающаго извѣстныя измѣненія до выдѣленія или отложенія его при помощи цѣлительной силы природы. Такимъ образомъ всякій болѣзненный процессъ есть собственно исторія вещества, типически развивающаяся въ опредѣленные періоды. Отсюда тотъ интересъ, который мы находимъ у Гиппократа, къ изученію *исторіи болѣзни* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Чтобы изучить болѣзнь, нужно изучить ея симптомы, а для этого необходимо собрать возможно больше отдѣльныхъ и сходныхъ случаевъ, чтобы изъ частнаго сдѣлать общій выводъ. Что Сократъ сдѣлалъ въ области этики, Гиппократъ сталъ дѣлать въ области медицины. Но, какъ и Сократомъ, имъ былъ только указанъ путь, которымъ возможно достигнуть знанія. И вотъ начинается сознательное накопленіе матеріала, которому самъ Гиппократъ положилъ начало описаніемъ длиннаго ряда исторій болѣзни. Какъ идеи Сократа были восприняты Платономъ, такъ идеи Гиппократа были унаслѣдованы Аристотелемъ.

Но то, что̀ у Гиппократа звучитъ еще, какъ проблескъ отдаленной надежды, у Аристотеля складывается уже въ твердое убѣжденіе, воплощается въ основу его ученія: знаніе не только возможно, но основная дѣятельность человѣческаго ума есть познаніе: ὁ ἄρα καλούμενος τῆς ψυχῆς νοῦς λέγω δὲ νοῦν, ᾧ διανοεῖται καὶ ὑπολαμβάνει ἡ ψυχή· οὐδέν ἐστιν ἐνεργείᾳ τῶν ὄντων πρὶν νοεῖν [2]). И всякая наука, всякое знаніе слагается изъ предыдущаго знанія: πᾶσα διδασκαλία, καὶ πᾶσα μάθησις διανοητικὴ ἐκ προυπαρχούσης γίνεται γνώσεως [3]). Такимъ образомъ имъ былъ расширенъ, углубленъ, возведенъ въ принципъ и, открыто провозглашенный, можно сказать, заново созданъ методъ научнаго изслѣдованія во всѣхъ направленіяхъ реальнаго знанія, впервые примѣненный Гиппократомъ въ узкой области медицинскихъ ученій, притомъ среди небольшого круга послѣдователей: „священныя вещи открываются только посвященнымъ лицамъ; непосвященнымъ (ихъ открывать) нельзя, пока они не причастятся таинствъ науки“ — τὰ δὲ ἱερὰ ἐόντα πρήγματα ἱεροῖσιν ἀνθρώποισι δείκνυται· βεβήλοισι δέ, οὐ θέμις, πρὶν ἢ τελεσθῶσιν ὀργίοισιν ἐπιστήμης [4]). Въ то время какъ Гиппократъ усма-

[1]) Hipp. Περὶ γονῆς 1 (ed. L. VII, 470).
[2]) De anima III, 4, 4.
[3]) Analyt. post. I, 1.
[4]) Hipp. Νόμος, 5 (ed. L. 642).

тривалъ процессъ развитія въ ограниченной сферѣ ученія о болѣзняхъ, Аристотель провозгласилъ идею единства законовъ развитія во всей органической природѣ. Какъ ни многочисленны ошибки и заблужденія Аристотеля въ области естественныхъ наукъ, не слѣдуетъ забывать, что до него наука, какъ цѣлое, еще не существовала и только отъ него она ведетъ свое начало. Въ числѣ многочисленныхъ заблужденій раздѣлялось Аристотелемъ и свойственное его времени мнѣніе о возможности самопроизвольнаго зарожденія живыхъ организмовъ изъ гніющихъ веществъ въ присутствіи воды (напр. De gener. anim. III, 109, 112 и др.; ср. Hist. an. V, 61 сл. VI, 88 и др.)[1]. Было бы несправедливо умалять значеніе сочиненій Аристотеля, предъявляя къ нимъ требованія современныхъ методовъ изслѣдованія и современной науки. Всѣ эти ошибки и неточности теряются въ огромной массѣ болѣе или менѣе вѣрныхъ наблюденій. Точное знаніе и въ современной наукѣ достигается путемъ постепеннаго освобожденія отъ предшествующихъ заблужденій и общепринятыхъ нерѣдко и весьма распространенныхъ невѣрныхъ представленій. Какъ сынъ своего вѣка, Аристотель естественно раздѣлялъ и многіе изъ тѣхъ ошибочныхъ взглядовъ на самыя обыденныя, на глазахъ у всѣхъ ежедневно происходящія вещи, которыя вслѣдствіе этого, казалось, должны быть хорошо извѣстны, многократно провѣрены и потому не должны возбуждать сомнѣній въ точности сдѣланныхъ наблюденій. Во многихъ случаяхъ источниками Аристотеля, какъ онъ самъ это указываетъ, являлись свидѣтельства разныхъ спеціалистовъ, въ родѣ охотниковъ, мясниковъ, рыбаковъ, содержателей звѣринцевъ и проч. Какъ это и теперь бываетъ, въ ихъ разсказахъ правда и вымыселъ сплетались нерѣдко такъ тѣсно, что не всегда являлась возможность не только различить ихъ, но и просто замѣтить. Припомнимъ, что и теперь еще въ изданіи, старающемся стоять на уровнѣ современнаго знанія—я подразумѣваю „Иллюстрированную жизнь животныхъ“ Брэма—встрѣчается много такихъ мѣстъ, которыя выдаются за правду, но на самомъ дѣлѣ представляютъ собою только ходячую сказку. Кромѣ разсказовъ очевидцевъ, многое Аристотель почерпалъ и изъ существовавшей въ то время литературы—медицинской, естественно-исторической, историко-географической и пр. Перечень пособій у Аристотеля не великъ, какихъ-

---

[1]) См. *Sundevall*, D. Thierarten des Aristoteles, Stockholm 1863, 20. Aristoteles Werke. Griech. u. deutsch mit sacherklär. Anmerk. III Bd. von der Zeugung und Entwickelung der Thiere übers. u. erläut. v. *H. Aubert* u. *Fr. Wimmer*, Leipz. 1860, Enleit. 1.

нибудь полтора десятка именъ, если считать въ томъ числѣ поэмы Гомера, сочиненія Гесіода, Стесихора, Алкмана и другихъ поэтовъ; если же исключить послѣднихъ, то мы получимъ слѣдующій списокъ: Алкмеонъ (h. a. I, 4—5; VII, 1; gen. an. III, 33), Анаксагоръ (gen. an. I, 44; III, 66; IV, 2), Демокритъ (h. a. IX, 162; gen. an. II, 64. 67. 86. 125. 126. IV, 4. 6. 10. 14. 51; V, 96. 101), Геродоръ изъ Гераклеи (h. a. VI, 35; IX, 74; gen. an. III, 68), Геродотъ (h. a. III, 109), Ктесій (h. a. II, 28; III, 109; VIII, 158; gen. an. II, 31), Леофанъ (gen. an. IV, 17), ученики Гиппократа Полибъ (h. a. III, 26) и Свеннесій Кипрскій (h. an. III, 21) [1]). Весьма вѣроятно при этомъ, что многія заимствованія, восходящія къ этимъ и, можетъ быть, также другимъ авторамъ, Аристотелемъ сдѣланы безъ указанія на соотвѣтствующій источникъ. Къ числу такихъ заимствованій нужно отнести, повидимому, и теорію самопроизвольнаго зарожденія, представляющую отголоски старинныхъ вѣрованій космогоническаго характера. Какъ извѣстно, народы, стоящіе на младенческой ступени культуры, представляютъ себѣ весь міръ или существовавшимъ отъ вѣка въ томъ или другомъ видѣ, или созданнымъ посредствомъ творческаго акта изъ ничего. Эти миѳографическія попытки объясненія видимаго міра являются первобытной наукой. Позже, когда опытъ и накопившіяся наблюденія разрушатъ старыя сказки, кругъ суживается и generatio aequivoca призывается на помощь только тамъ, гдѣ возникновеніе живыхъ организмовъ не поддается естественному объясненію за отсутствіемъ видимыхъ данныхъ. Если допустимъ творческій актъ въ отдаленномъ прошломъ и въ грандіозномъ масштабѣ при созданіи всего видимаго міра, то нѣтъ резонныхъ основаній, почему бы онъ прекратилъ свою дѣятельность и не могъ повторяться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ только въ этомъ встрѣтится необходимость или создастся наличность достаточныхъ для его проявленія условій, притомъ гораздо менѣе сложныхъ, чѣмъ при сотвореніи первозданнаго міра.

Человѣческая мысль вообще плохо мирится съ твореніемъ ex nihilo. Поэтому при возникновеніи міра всѣми греческими философами мыслится существующей такая наличность условій, при которой это твореніе становится возможнымъ. Другой вопросъ, каковы эти условія и какъ твореніе совершается. На это различные мыслители давали

---

[1]) *K. Schöne*, Bruchstücke einer neuen Hippokratesvita въ *Rhein. Mus.* 1903 (LVIII), 57, 17.

различный отвѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти условія допускались и ихъ допущеніемъ прикрывался чувствительный пробѣлъ въ ходѣ разсужденія. И Аристотель, какъ мы видимъ, старается избѣгнуть этого скачка мысли, когда утверждаетъ, что „всѣ организмы, кажется, возникаютъ этимъ (т. е. самопроизвольнымъ) способомъ и на землѣ и въ водѣ, съ помощью гніенія и примѣси дождевой воды“ [1]), и немедленно даетъ посильное, хотя и недостаточное на нашъ взглядъ, но его удовлетворявшее метафизическое объясненіе: „ибо при отдѣленіи сладкаго для образованія начала (остающійся) избытокъ принимаетъ эту форму, ибо ничто не образуется черезъ гніеніе, но черезъ свареніе, гніеніе же и гніющее есть избытокъ отъ переваренннаго. Вѣдь ничто не возникаетъ изъ всего, какъ (этого) не (бываетъ) и въ приготовляемомъ искусственно, такъ какъ (иначе) не нужно было бы творить. А тутъ одно отдѣляетъ отъ безполезнаго искусство, другое—природа. Зарождаются же въ землѣ и влагѣ животныя и растенія вслѣдствіе присутствія въ землѣ воды, въ водѣ—воздуха и во всемъ этомъ жизненной теплоты, такъ что какимъ-то образомъ все является полнымъ жизни. Вслѣдствіе этого вскорѣ образуется (тѣло), какъ только (оно) будетъ ограничено (въ пространствѣ), отграничивается же и образуется, при нагрѣваніи тѣлесной жидкости, какъ бы пѣнообразный пузырекъ“ [2]). Эмпирически это объясненіе провѣрено быть не могло, но это не мѣшало его принять, какъ допустимую гипотезу.

Связь между болотистостью мѣстностей и распространенностью въ нихъ инфекціонныхъ болѣзней, главнымъ образомъ, вѣроятно, маляріи, должна была быть рано подмѣчена греками. Гиппократъ въ своемъ трактатѣ „О воздухѣ, водѣ и мѣстности“ говоритъ: „Вода болотная, стоячая и прудовая лѣтомъ, понятно, не будучи прозрачной, стано-

---

[1]) Π. ζώων γενέσεως III, 111 (ed. *Aubert* u. *Wimmer*): πάντα δὲ τὰ συνιστάμενα τὸν τρόπον τοῦτον καὶ ἐν γῇ καὶ ἐν ὕδατι φαίνεται γινόμενα μετὰ σήψεως καὶ μιγνυμένου τοῦ ὀμβρίου ὕδατος.

[2]) Ibid. III, 111 сл.: ἀποκρινομένου γὰρ τοῦ γλυκέος εἰς τὴν συνισταμένην ἀρχὴν τὸ περιττεῦον τοιαύτην λαμβάνει μορφήν. γίνεται δ' οὐθὲν σηπόμενον, ἀλλὰ πεττόμενον. ἡ δὲ σῆψις καὶ τὸ σηπτὸν περίττωμα τοῦ πεφθέντος ἐστίν. οὐθὲν γὰρ ἐκ παντὸς γίνεται, καθάπερ οὐδ' ἐν τοῖς ὑπὸ τῆς τέχνης δημιουργουμένοις· οὐθὲν γὰρ ἂν ἔδει ποιεῖν. νῦν δὲ τὸ μὲν ἡ τέχνη τῶν ἀχρήστων ἀφαιρεῖ, τὸ δ' ἡ φύσις. γίνεται δ' ἐν γῇ καὶ ἐν ὑγρῷ τὰ ζῷα καὶ τὰ φυτὰ διὰ τὸ ἐν γῇ μὲν ὕδωρ ὑπάρχειν, ἐν δ' ὕδατι πνεῦμα, ἐν δὲ τούτῳ παντὶ θερμότητα ψυχικήν, ὥστε τρόπον τινὰ πάντα ψυχῆς εἶναι πλήρη. διὸ συνίσταται ταχέως ὁπόταν ἐμπεριληφθῇ. ἐμπεριλαμβάνεται δὲ καὶ γίνεται θερμαινομένων τῶν σωματικῶν ὑγρῶν οἷον ἀφρώδης πομφόλυξ.

вится теплой, густой, съ запахомъ, а такъ какъ къ ней постоянно прибавляется новая дождевая вода на припекѣ солнца, она становится безцвѣтной, нездоровой и увеличивающей количество желчи... у пьющихъ ее селезенка всегда увеличена и уплотнена, животъ жесткій, впалый и горячій, плечи, ключичная область и лицо исхудалы... это болѣзненное состояніе длится у нихъ и лѣтомъ и зимой" [1]). Нельзя не узнать въ этомъ краткомъ описаніи признаковъ маляріи, тѣмъ болѣе, что самъ Гиппократъ немного далѣе прибавляетъ: „Лѣтомъ попадаются многочисленные (случаи) дисентеріи, діарреи и долговременныя четвертичныя лихорадки. Эти болѣзни, затянувшись, превращаютъ въ людяхъ подобныя состоянія въ водянку и убиваютъ" [2]). Вѣдь и теперь еще малярія называется febris quartana. Нужно думать, что малярія и ея зависимость отъ присутствія болотъ давно до Гиппократа была извѣстна грекамъ. Вѣдь и онъ не самъ открылъ эту связь, а излагаетъ по большей части то, что до него открыто и отчасти высказано даже въ предшествовавшей ему литературѣ. Не будетъ большой натяжкой, если мы укажемъ и тотъ источникъ, въ которомъ, можетъ быть, впервые появился для публики записаннымъ давно уже извѣстный всѣмъ фактъ, что появленіе маляріи зависитъ отъ присутствія болотъ. У одного изъ философовъ-натуралистовъ, особенно усердно занимавшагося естествовѣдѣніемъ и медициной и сдѣлавшаго не мало цѣнныхъ наблюденій въ этихъ областяхъ,—я имѣю въ виду „мудрѣйшаго изъ смертныхъ", какъ его назвало позднѣйшее преданіе [3]), Демокрита,—существововало отдѣльное сочиненіе, посвященное вопросу о заразныхъ болѣзняхъ въ трехъ книгахъ, носившее названіе περὶ λοιμῶν ἢ λοιμικῶν παθῶν α', β', γ' [4]). Дѣйствительно, ученіе о зарожденіи въ водѣ вредныхъ микроорганизмовъ, распространяющихъ заразныя болѣзни, вполнѣ подходило бы и къ общему ученію Демо-

[1]) Περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων 7 (ed. *Kühl*. I, 40 сл.; ed. L. II, 26 сл.): ὁκόσα μὲν οὖν (ὕδατά) ἐστιν ἑλώδεα καὶ στάσιμα καὶ λιμναῖα, ταῦτα ἀνάγκη τοῦ μὲν θέρεος εἶναι θερμὰ καὶ παχέα καὶ ὀδμὴν ἔχοντα, ἅτε οὐκ ἀπόρρυτα ἐόντα· ἀλλὰ τοῦ τε ὀμβρίου ὕδατος ἐπιφερομένου αἰεὶ νέου τοῦ τε ἡλίου καίοντος ἀνάγκη ἄχροά τε εἶναι καὶ πονηρὰ καὶ χολώδεα... τοῖσι δὲ πίνουσι σπλῆνας μὲν αἰεὶ μεγάλους εἶναι καὶ μεμυωμένους καὶ τὰς γαστέρας σκληράς τε καὶ λεπτὰς καὶ θερμάς, τοὺς δὲ ὤμους καὶ τὰς κληῖδας καὶ τὸ πρόσωπον καταλελεπτύσθαι... τοῦτο μὲν τὸ νόσημα αὐτοῖσι σύντροφόν ἐστι καὶ θέρεος καὶ χειμῶνος.

[2]) Ibid., ed. K. I, 41; ed. L. II, 28: τοῦ γὰρ θέρεος δυσεντερίαι τε πολλαὶ ἐμπίπτουσι καὶ διάρροιαι καὶ πυρετοὶ τεταρταῖοι πολυχρόνιοι. ταῦτα δὲ τὰ νοσεύματα μηκυνθέντα τὰς τοιαύτας φύσιας ἐς ὕδρωπας καθίστησι καὶ ἀποκτείνει.

[3]) Suid., s. v. Δημόκριτος.

[4]) Diog. IX, 47. Gell. N. A. IV, 13.

крита о происхожденіи органическаго міра, съ которымъ оно могло стоять въ самой тѣсной связи. Припомнимъ, что уже Анаксимандръ и Эмпедоклъ признавали возникновеніе органической жизни изъ земли и воды въ присутствіи тепла [1]). Точно также и Демокритъ, какъ и многіе другіе изъ его предшественниковъ, производилъ человѣка и животныхъ изъ ила и воды [2]). Но творческій актъ, возможный одинъ разъ, само собою могъ быть повторенъ и дважды, и трижды,—однимъ словомъ, всякій разъ, какъ оказывалась наличность благопріятныхъ къ тому условій. Это само собою напрашивается. Въ частности для такого пытливаго ума, какимъ былъ Демокритъ, естественно было спросить, почему же стоячая вода лѣтомъ дѣйствуетъ губительно на здоровье, порождая лихорадки и другія заразныя болѣзни? Отвѣтъ вытокаетъ самъ собой изъ вопроса: не просто вода въ этомъ виновата, а то обстоятельство, что она гнилая. Но вѣдь гніеніе, какъ утверждаетъ и Аристотель, можетъ быть, на основаніи того же Демокрита, котораго онъ чаще всего цитируетъ въ своихъ естественно-историческихъ сочиненіяхъ, причина порожденія живыхъ существъ. Слѣдовательно, необходимо допустить, что при загниваніи воды создаются какъ разъ такія условія, когда появляются живыя существа, производящія болотную лихорадку и другія заразныя болѣзни. Однако эмпирически ихъ существованіе доказано быть не можетъ, значитъ, они такъ малы, что глазъ не можетъ ихъ различить.

Вотъ тѣ общія соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, позволяютъ намъ искать появленіе микропаразитарной теоріи инфекціонныхъ болѣзней уже въ это время и притомъ, вѣроятнѣе всего, у Демокрита. Далѣе этихъ общихъ соображеній, конечно, идти мы не можемъ. Быть можетъ, будущія находки и открытія въ области папирологіи и на эти вопросы прольютъ неожиданный свѣтъ.

Остается прибавить, что, съ другой стороны, время между Аристотелемъ и Діонисіемъ, характеризуемое трезвымъ направленіемъ въ наукѣ, несклоннымъ къ построенію хотя бы рабочихъ гипотезъ, время крайняго реализма и эмпиризма въ лабораторныхъ изслѣдованіяхъ въ духѣ Герофила и Эрасистрата, представляется настолько же мало подходящимъ для возникновенія подобнаго ученія о микроорганизмахъ—носителяхъ заразы, насколько время до Аристотеля, и именно

---

[1]) Censorin. De die nat. 4, 7.

[2]) Censorin. ibid. 4, 9; cf. *Zeller*, D. Philosophie der Griechen[6], I 2, Leipzig 1892, 900.

VI—V вв., время Гиппократа и Демокрита, кажется наиболѣе благопріятнымъ для появленія полуэкспериментальной, полуспекулятивной теоріи, когда яснѣе всего стала сознаваться впервые высказанная истина, что ничего не бываетъ безъ причины: νόμος μὲν πάντα κρατύνει [1]) или, говоря словами Левкиппа [2]), οὐδὲν χρῆμα μάτην γίγνεται, ἀλλὰ πάντα ἐκ λόγου τε καὶ ὑπ' ἀνάγκης, что раздѣлялось и Демокритомъ [3]).

Если мы предположимъ, что высказанная нами гипотеза справедлива, то спрашивается, откуда почерпнулъ ее Діонисій? Мы видѣли выше, что мѣсто Варрона RR. I, 12, 2 стоитъ между двумя заимствованіями: изъ Аристотеля и изъ Θеофраста. Въ случаѣ пріемлемости нашего предположенія, мнѣ кажется, изъ этихъ двухъ источниковъ Діонисія въ данномъ случаѣ перевѣсъ склонялся бы въ сторону послѣдняго, т. е. Θеофраста. Вѣдь у него какъ разъ существовало и особое сочиненіе περὶ τῶν αὐτομάτων ζώων [4]), до насъ не дошедшее, гдѣ изложеніе подобной теоріи самопроизвольнаго зарожденія микроорганизмовъ въ стоячей водѣ было бы вполнѣ умѣстно. Уже Іоахимъ въ своей диссертаціи [5]) указывалъ, что въ этомъ сочиненіи Θеофрастъ разсматривалъ, между прочимъ, измѣненіе оперенія птицъ по временамъ года, сравнивая эти измѣненія съ самопроизвольнымъ зарожденіемъ. Можетъ быть, и все это сочиненіе было распланировано по временамъ года, причемъ сначала говорилось о животныхъ, свойственныхъ каждому времени года или зарождающихся въ опредѣленное время, а затѣмъ и о тѣхъ измѣненіяхъ въ окраскѣ, опереніи и т. п., какія живое существо въ каждый сезонъ испытываетъ. Весьма легко въ подобномъ сочиненіи могло бы найти себѣ мѣсто въ отдѣлѣ лѣтнихъ животныхъ и изложеніе бациллярно-паразитарной теоріи возникновенія микроорганизмовъ, зарождающихся лѣтомъ въ гніющихъ стоячихъ водахъ. Діонисій могъ, конечно, и непосредственно пользоваться Демокритомъ, такъ какъ сочиненія послѣдняго существовали еще въ концѣ II в. послѣ Р. Хр. [6]), но смежность цитаты Varr. R. R.

---

[1]) Hipp. π. γονῆς 1. (ed. L. VII, 470).

[2]) Stob. Ecl. I, 160.

[3]) Aristot. π. ζῴων γεν. (ed. *Auber* u. *Wimmer*) V, 101; 789b: Δημόκριτος δὲ τὸ οὗ ἕνεκα ἀφεὶς λέγειν πάντα ἀνάγει εἰς ἀνάγκην, οἷς χρῆται ἡ φύσις и др.; см. *Zeller*, D. Phil. d. Gr. 870, A. 4.

[4]) Diog. L. V, 46. *Usener*, Analecta Theophrastea, Lips. 1858, 15.

[5]) *H. Ioachim*, De Theophrasti libris περὶ ζῴων, Bonnae 1892, 48 сл.

[6]) Ими пользовался еще Секстъ Эмпирикъ. *Zeller*, D. Philos. d. Griechen, I 2, 846. A.

I, 12, 2 съ заимствованіемъ изъ Ѳеофраста это предположеніе дѣлаетъ маловѣроятнымъ. Если теорія микроорганизмовъ Діонисіемъ взята у Демокрита дѣйствительно, то скорѣе все-таки это произошло черезъ посредство Ѳеофраста, а не непосредственно. Однако, какъ бы тамъ ни было, adhuc sub iudice lis est.

А. Бекштремъ.